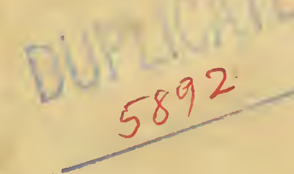

3 1761 08106729 0

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1897.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Августъ № 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1897.

Съ 1-го августа контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 8 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1897 г.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ НАСТУПАЮЩАГО ГОДА

СЪ ДОСТ. **11 р.** ВЪ СПБ. — без изменения объема и сост. книж. **ПОНИЖЕНА** 1 м. безъ дост.—**90** к., 1 м. съ дост.—**1** р. — СЪ ПЕРЕС. **12 р.** ВЪ РОССІИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к
Въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (безъ доставки) . .	11 » 50 »	— » — »	— » — »	— » — »
Для городскихъ (съ доставкой).	11 » — »	5 » 50 »	2 » 75 »	— » — »
» » безъ доставки въ Главной Конторѣ . . .	— » — »	— » — »	— » — »	— » 90 »
Для заграничныхъ	14 » — »	7 » — »	4 » — »	— » — »

Подписка принимается **въ Главн. Конторѣ**, *Спб., Б. Московская, 11.*
Въ Моск. отдѣл.: Петровская лин., **конт. Печковской**, и во вс. книжн. магаз.

Вышла и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“ новая книга:

ПЛОСКОГОРЬЕ.

Романъ **Л. Я. Гуревичъ.**

Содержаніе: Прологъ.—Ч. I. Мечты.—Ч. II. Одиночество.—Ч. III. Свѣтлыя ночи.—Ч. IV. Близкіе и далекіе.—Ч. V. На берегу.

Цѣна 1 р. 25 к.

Выписывающіе изъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» (наложеннымъ платежомъ) за пересылку не платятъ.
Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

К. ЛЬДОВА.

Съ послѣсловіемъ **Ц. 1 р.**

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Августъ № 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8
1897.

Съ 1-го августа контора и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ переведены на Б. Московскую, д. № 11.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 8 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за третью четверть (Іюль—Сентябрь).

Озорникъ.

Очеркъ.

По большой, свѣтлой комнатѣ редакціи «N-ской Газеты» нервно бѣгалъ взволнованный, гнѣвный редакторъ и, тиская въ рукахъ свѣжій номеръ изданія, отрывисто кричалъ и ругался. Это была маленькая фигурка съ острымъ, худымъ лицомъ, украшеннымъ бородкой и золотыми очками. Громко топая тонкими ножками въ сѣрыхъ брюкахъ, онъ такъ и кружился подлѣ длиннаго стола, стоявшаго среди комнаты и заваленнаго скомканными газетами, корректурными гранками и клочьями рукописей. У стола, облокотясь на него одной рукой, а другой потирая лобъ, стоялъ издатель—высокій, полный блондинъ среднихъ лѣтъ и, съ тонкой усмѣшкой на бѣломъ сытомъ лицѣ, слѣдилъ за редакторомъ веселыми, свѣтлыми глазами. Метранпажъ, угловатый человѣкъ съ желтымъ лицомъ и впалой грудью, въ коричневомъ сюртукѣ, очень грязномъ и не по росту длинномъ, робко жался къ стѣнѣ. Онъ поднималъ брови кверху и таращилъ глаза въ потолокъ, какъ-бы что-то вспоминая или обдумывая, а черезъ минуту разочарованно потягивалъ носомъ и уныло опускалъ голову на грудь. Въ дверяхъ торчала фигура редакціоннаго разсыльнаго; то и дѣло отталкивая его, входили и снова исчезали какіе-то люди съ озабоченными и недовольными лицами. Голосъ редактора, злой, раздраженный и звонкій, иногда поднимался до взвизгиваній и заставлялъ издателя морщиться, а метранпажа—испуганно вздрагивать.

— Нѣтъ... это такая подлость! Я уголовное преслѣдованіе возбужу противъ этого мерзавца... Корректоръ пришолъ? Чортъ возьми,—я спрашиваю—пришолъ корректоръ? Собрать сюда всѣхъ наборщиковъ! Сказали? Нѣтъ вы только вообразите, что теперь будетъ! Всѣ газеты подхватятъ... Ср-рамъ! На всю Россію... Я не спущу этому мерзавцу!

И поднявъ руки съ газетой къ головѣ, редакторъ замеръ на мѣстѣ, какъ-бы желая обернуть газетой голову и тѣмъ защитить ее отъ ожидаемаго срама.

— Вы прежде найдите его...—сухо усмѣхаясь, посовѣтовалъ издатель.

— Н-найду-съ! Н-найду!—сверкнулъ глазами редакторъ, снова пускаясь въ бѣгъ и, прижавъ газету къ груди, началъ ожесточенно теребить ее.—Найду и упеку... Да что-же этотъ корректоръ?.. Ага... Вотъ... Ну-съ, прошу пожаловать, милостивые государи! Гм!.. Смиренные командиры свинцовыхъ армій... ха-ха! Проходите-съ... вотъ такъ.

Одинъ за другимъ въ залу входили наборщики. Они уже знали, въ чемъ дѣло, и каждый изъ нихъ приготовился къ роли обвиняемаго, въ виду чего они единодушно изображали на своихъ чумазыхъ лицахъ, пропитанныхъ свинцовою пылью, полную неподвижность и какое-то деревянное спокойствіе. Они столпились въ углу залы въ тѣсную кучу. Редакторъ остановился передъ ними, закинувъ руки съ газетой за спину. Онъ былъ ниже ихъ ростомъ и ему пришлось поднять голову кверху, чтобы взглянуть имъ въ лица. Онъ сдѣлалъ это движеніе слишкомъ быстро, и очки вдругъ вскочили ему на лобъ; думая, что они падаютъ, онъ взмахнулъ въ воздухѣ рукой, ловя ихъ, но въ этотъ моментъ они снова упали на переносье.

— Чортъ васъ...—скрипнулъ онъ зубами.

На чумазыхъ рожахъ наборщиковъ засіяли счастливыя улыбки. Кто-то подавленно засмѣялся.

— Я васъ призвалъ сюда не затѣмъ, чтобы вы зубы ваши показывали мнѣ!—озлобленно крикнулъ редакторъ, блѣднѣя.—Кажется, достаточно оскандалили газету... Если среди васъ есть честный человѣкъ, который понимаетъ, что такое газета, пресса... онъ скажетъ, кто это устроилъ... Въ передовой статьѣ...—Редакторъ сталъ нервно развертывать газету.

— Да въ чемъ дѣло-то?—раздался голосъ, въ которомъ не слышно было ничего, кромѣ простого любопытства.

— А! Вы не знаете? Ну вотъ извольте... вотъ... «Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго обсужденія... т. е. говоренія глупой ерунды и чепухи!..» Вотъ! вы довольны? Не угодно ли будетъ тому, кто добавилъ эти «говоренія»...—и главное—говоренія! какъ это грамотно и остроумно! . — ну-съ, кто-же изъ васъ авторъ этой «глупой ерунды и чепухи»...

— Статья то чья? Ваша? Ну, вы и авторъ всего, что въ ней нагорожено,—раздался тотъ-же спокойный голосъ, который и раньше спрашивалъ редактора.

Это было дерзостью, и всѣ невольно предположили, что виновникъ событія найденъ. Въ залѣ произошло движеніе; издатель подошелъ ближе

къ группѣ, редакторъ поднялся на цыпочки, желая взглянуть черезъ головы наборщиковъ въ лицо говорившему. Наборщики раздвинулись. Предъ редакторомъ стоялъ коренастый малый въ синей блузѣ съ рябымъ лицомъ и вьющемися кверху вихрами на лѣвомъ вискѣ. Онъ стоялъ, глубоко засунувъ руки въ карманы штановъ, и, равнодушно уставивъ на редактора сѣрые, злые глаза, чуть чуть улыбался изъ курчавой русой бороды. Всѣ смотрѣли на него,—издатель сурово нахмуривъ брови, редакторъ съ изумленіемъ и гнѣвомъ, ментранпажъ сдержанно улыбаясь. Лица наборщиковъ изображали и плохо скрытое удовольствіе, и испугъ, и любопытство...

— Это... вы и есть! — спросилъ, наконецъ, редакторъ, указывая пальцемъ на рябого наборщика, и многообѣщающе сжалъ губы.

— Я. .—отвѣтилъ тотъ, усмѣхнувшись какъ-то особенно просто и обидно.

— А-а... весьма пріятно! Такъ это вы? Зачѣмъ-же вы вставили, позвольте узнать...

— Да я развѣ сказалъ, что вставилъ?—И наборщикъ посмотрѣлъ на своихъ товарищей.

— Это онъ, навѣрное, Митрій Павловичъ,—обратился къ редактору метранпажъ...

— Ну, я такъ я,—не безъ нѣкотораго добродушія согласился наборщикъ и, махнувъ рукой, снова улыбнулся.

Опять всѣ замолчали. Никто не ожидалъ такого скoраго и спокойнаго признанія, и оно подѣйствовало на всѣхъ, какъ неожиданность. Даже гнѣвъ редактора смѣнился на минуту изумленіемъ. Пространство вокругъ рябого стало шире, метранпажъ быстро отошелъ къ столу, наборщики разступились...

— Ты вѣдь это нарочно, съ намѣреніемъ?—спросилъ издатель, улыбаясь и оглядывая рябого круглыми глазами.

— Извольте отвѣчать!—крикнулъ редакторъ, взмахивая смятой газетой.

— Не кричите... не боюсь. Многіе на меня кричали, да безъ толку все!..—И въ глазахъ наборщика сверкнулъ ухорскій наглый огонекъ.—Точно...—продолжалъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу и обращаясь уже къ издателю,—я это съ намѣреніемъ подставилъ слова...

— Слышите?—обратился редакторъ къ публикѣ.

— Да что же ты такое въ самомъ дѣлѣ, чертова ты кукла!—взбѣсился вдругъ издатель.—Понимаешь-ли ты, сколько ты вреда мнѣ сдѣлалъ?

— Вамъ то ничего... еще, чай, розничную продажу увеличилъ. А вотъ господину редактору—дѣйствительно... не особенно по губѣ этакая штучка.

Редакторъ точно окаменѣлъ отъ негодованія; онъ стоялъ передъ этимъ спокойнымъ и злымъ человѣкомъ и молча сверкалъ глазами, не находя словъ для выраженія волновавшихъ его чувствъ.

— А вѣдь тебѣ за это, братъ, худо будетъ!..—злорадно протянулъ издатель и вдругъ, смягчившись, ударилъ себя рукой по колѣну.

Въ сущности онъ былъ доволенъ и происшествіемъ, и дерзкимъ отвѣтомъ рабочаго: редакторъ относился къ нему всегда нѣсколько высокомѣрно, не стараясь скрывать сознаніе своего умственнаго превосходства, и вотъ теперь онъ, этотъ самолюбивый и самоувѣренный человѣкъ, поверженъ во прахъ...—и кѣмъ?

— За эту твою дерзость мы тебѣ, душа, воздадимъ!..—добавилъ онъ.

— Да вѣдь ужъ навѣрно такъ не спустите,—согласился наборщикъ.

Этотъ тонъ и эти слова опять произвели впечатлѣніе. Наборщики переглянулись другъ съ другомъ, метранпажъ поднялъ брови и какъ-то съежился, редакторъ отступилъ къ столу и опершись на него руками, болѣе растерянный и обиженный. чѣмъ гнѣвный, пристально смотрѣлъ на своего врага.

— Зовутъ тебя какъ? — спросилъ издатель, вынувъ изъ кармана записную книжку.

— Николка Гвоздевъ, Василій Ивановичъ...—быстро объявилъ метранпажъ.

— А ты, лакей Іуды Предателя, молчи, когда тебя не спрашиваютъ,—сурово взглянувъ на метранпажа, сказалъ наборщикъ.—У меня свой языкъ есть, я самъ за себя отвѣчу... Зовутъ меня Николай Семеновичъ Гвоздевъ. Жительство...

— Найдемъ!—пообѣщалъ издатель.—А теперь убирайся къ черту! Всѣ идите!..

Громко топая, наборщики молча пошли вонъ. Гвоздевъ шелъ сзади всѣхъ.

— Постой... позволь...—сказалъ редакторъ тихо, но ясно, и протянулъ руку вслѣдъ Гвоздеву.

Гвоздевъ обернулся къ нему, лѣнивымъ движеніемъ прислонился къ косяку двери и, покручивая бородку, уставился въ лицо редактора своими дерзкими глазами.

— Я тебя вотъ о чемъ спрошу,—началъ редакторъ. Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, но это не удавалось ему, и голосъ его срывался и переходилъ въ крикъ:—Ты сознался... что дѣлая этотъ скандалъ... имѣлъ въ виду меня. Да? Значитъ это что-же?—месть мнѣ? Я тебя спрашиваю—за что? Ты понимаешь это? Можешь ты мнѣ отвѣтить?

Гвоздевъ передернулъ плечами, скривилъ губы и, опустивъ голову, помолчалъ съ минуту. Издатель нетерпѣливо притопывалъ ногой, метранпажъ вытянулъ впередъ шею, а редакторъ кусалъ губы и нервно хрустѣлъ пальцами. Всѣ ждали.

— Я, пожалуй, скажу... Только, какъ я необразованный человѣкъ, то пожалуй непонятно будетъ... Ну, ужъ извиняйте тогда!.. Вотъ, стало быть, въ чемъ дѣло. Вы пишите разныя статьи, человѣколюбіе всѣмъ совѣтуете и прочее такое... Не умѣю я сказать вамъ все это подробно—грамоту плохо знаю... Вы чай сами знаете, про что рѣчи ведете каждый день... Ну, вотъ, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочаго толкуете... а я все читаю... И противно мнѣ читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова безстыжія, Митрій Павлычъ... Потому что вы пишите—не грабь, а въ типографіи-то у васъ что? Кирьяковъ на прошлой недѣлѣ работалъ три съ половиной дня, выработалъ три восемь гривенъ и захворалъ. Жена приходитъ въ контору за деньгами, а управляющій ей говоритъ, что не ей дать, а съ нея нужно рубль двадцать получить—штрафу. Вотъ-те и не грабь! Вы что-же про эти порядки не пишете? И какъ управляющій лается и мальчишекъ дуетъ за всякую малость?.. Вамъ этого нельзя писать, потому что вы и сами-то этой-же политики держитесь... Пишете, что людямъ плохо жить на свѣтѣ—и потому вы, я вамъ скажу, все это пишете, что ничего больше дѣлать не умѣете. Вотъ и все... И потому подъ носомъ у себя вы никакихъ звѣрствъ не видите, а про турецкія звѣрства очень хорошо разсказываете. Развѣ это не пустяки статьи-то ваши? Давно ужъ мнѣ хотѣлось, стыда вашего ради, истинныя слова въ ваши статьи вклеить. И не такъ-бы еще надо!

Гвоздевъ чувствовалъ себя героемъ; онъ гордо выпятилъ грудь, высоко поднялъ голову и, не скрывая своего торжества, въ упоръ смотрѣлъ на редактора. А редакторъ плотно прижался къ столу, вцѣпившись въ него руками, откинулся назадъ, и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и все улыбался презрительно и смущенно, зло и болѣзненно. Широко открытые глаза его часто моргали.

— Соціалистъ?—съ боязнью и интересомъ спросилъ издатель, въ полголоса обращаясь къ редактору. Тотъ болѣзненно улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ и склонилъ голову.

Метранпажъ ушелъ къ окну, гдѣ стояла кадка съ громаднымъ филодендрономъ, бросавшая на полъ комнаты тѣневой узоръ, всталъ за кадку и смотрѣлъ оттуда на всѣхъ маленькими черными и подвижными, какъ у мыши, глазами. Въ нихъ было какое-то нетерпѣливое ожиданіе и порой вспыхивалъ радостный огонекъ. Издатель смотрѣлъ на редактора. Тотъ почувствовалъ это, поднялъ голову и съ безпокойнымъ блескомъ въ глазахъ, съ нервной дрожью въ лицѣ крикнулъ вслѣдъ уходившему Гвоздеву:

— Позвольте... постойте! Вы оскорбили меня. Но вы не въ правѣ... я надѣюсь вы это чувствуете? Я благодаренъ вамъ за... в-вашу... прямоту, съ которой вы высказались, но, повторяю...

Онъ хотѣлъ говорить съ ироніей, но вмѣсто ироніи въ словахъ его звучало что-то блѣдное и фальшивое, и онъ сдѣлалъ паузу, желая настроить себя къ отпору, достойному и его, и этого судьи, о правѣ котораго судить его, редактора, онъ никогда еще не думалъ.

— Извѣстно!—качнулъ головой Гвоздевъ.—Тотъ только и правъ, кто много сказать можетъ.

И, стоя въ дверяхъ, онъ оглянулся вокругъ себя съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое ясно показывало его нетерпѣливое желаніе уйти отсюда.

— Нѣтъ, позвольте!—повышая тонъ и поднимая руку кверху, заявилъ редакторъ.—Вы выдвинули противъ меня обвиненіе, а раньше этого самовольно наказали меня за мою яко-бы вину предъ вами... Я имѣю право защищаться и я прошу васъ слушать...

— Да вамъ какое до меня дѣло? Вы передъ издателемъ защищайтесь, коли нужно. А со мной-то о чемъ говорить? Обидѣлъ я васъ, такъ къ мировому тащите. А то—защищаться! Прощайте!—онъ круто поворотился и, заложивъ руки за спину, пошолъ изъ залы.

На ногахъ у него были тяжелые сапоги съ большими каблуками, онъ громко стучалъ ими, и шаги его гулко раздавались въ большой сараеобразной комнатѣ редакціи.

— Вотъ такъ исторія съ географіей!—воскликнулъ издатель, когда Гвоздевъ захлопнулъ за собою дверь.

— Василій Ивановичъ, я тутъ не причемъ, въ этомъ дѣлѣ...—заговорилъ метранпажъ, виновато разводя руками, и осторожными коротенькими шагами подошелъ къ издателю.—Я верстаю наборъ и никакъ не могу знать, чего мнѣ туда дежурный сунетъ. Я-съ цѣлую ночь на ногахъ... нахожусь здѣсь, а дома у меня жена хвораетъ, дѣти безъ присмотра... трое... Я, можно сказать, кровью истекаю за тридцать рублей въ мѣсяцъ-то... А Ѳедору Павловичу, когда они нанимали Гвоздева, я говорилъ: «Ѳедоръ Павловичъ, говорю, я Николу съ мальчишекъ знаю и долженъ вамъ сказать, что Николка озорникъ и воръ, безъ совѣсти человѣкъ. Его ужъ у мирового судили, говорю, сидѣлъ въ тюрьмѣ даже...

— За что сидѣлъ?—задумчиво спросилъ редакторъ, не глядя на разсказчика.

— За голубей-съ... т. е. не за голубей, а за взломы замковъ. Въ семи голубятняхъ сломалъ замки въ одну ночь-съ!.. и всѣ охоты выпустилъ на волю—всю птицу разогналъ-съ! И у меня тоже—пара смурыхъ, одинъ турманъ съ игрой, да скобарь—такъ и пропали. Очень цѣнныя птицы.

— Укралъ?—любопытно освѣдомился издатель.

— Нѣтъ, этимъ не балуется. Судился и за воровство, да оправдали. Такъ онъ—озорникъ... Распустилъ птицу и радъ, и насмѣхается надъ нами, охотниками... Били ужъ его не однажды. Разъ послѣ битья въ больницѣ даже лежалъ... А вышелъ—у кумы моей въ печи чертей развелъ.

— Чертей?—изумился издатель.

— Чушь какая!—пожалъ плечами редакторъ, наморщивъ лобъ, и, снова кусая губы, задумался.

— Это совершенная истина, только сказалъ не такъ,—сконфузился метранпажъ.—Онъ видите, печникъ, Николка-то. Онъ на всѣ руки: по литографской части смекаетъ, граверъ, водопроводчикомъ былъ тоже... Такъ вотъ кума—у нея свой домъ, она изъ духовнаго званія—и наняла его печь переложить. Ну, онъ переложилъ, все какъ слѣдуетъ; но только, подлый человѣкъ, въ стѣнку-то печи вмазалъ бутылку со ртутью и съ иголками... и еще чего-то кладется тамъ. Отъ этого происходитъ звукъ особый этакій, знаете, какъ-бы стонъ, и вздохъ, и тогда говорятъ — черти въ домѣ завелись. Печь-то вытопятъ, ртуть въ бутылкѣ нагрѣется и пойдетъ тамъ бродить. А иголки по стеклу скребутъ, точно зубомъ кто скрипитъ. Кромѣ иголокъ еще разныя желѣзины въ ртуть кладутъ, и отъ нихъ тоже разные звуки — иголка посвоему, гвоздь по-своему, и выходитъ этакая чертовская музыка... Кума даже продать хотѣла домъ, да никто не покупаетъ, кому понравится съ чертями-съ? Три молебна съ водосвятіемъ служила—не помогаетъ. Реветъ женщина, дочь у нея невѣста, куръ головъ до ста, двѣ коровы, хорошее хозяйство... и вдругъ черти! Билась, билась, смотрѣть жалко. Николка-же ее и спасъ, можно сказать. Давай, говоритъ, пятьдесятъ цѣлковыхъ—выгоню чертей! Она ему сначала четвертную дала, а потомъ какъ онъ вытащилъ бутылку да дознались въ чемъ дѣло—ну и прощай! Очень сообразительная женщина, въ судъ хотѣла подать, но ей отсовѣтовали... И еще за нимъ многія художества водятся.

— И за одно изъ этихъ милыхъ «художествъ» съ завтрашняго дня я буду расплачиваться. Я?!—нервозно воскликнулъ редакторъ и, сорвавшись съ мѣста, снова началъ метаться по комнатѣ.—О, Боже мой! Какъ глупо, грубо, пошло все это...

— Ну-у, очень ужъ вы!—успокоительно сказалъ издатель.—Сдѣлаете поправку, объясните почему это вышло... Малый-то больно интересный, прахъ его возьми. Чертей въ печку насажалъ, ха-ха! Нѣтъ, ей Богу! Проучить мы его проучимъ, но мерзавецъ съ умомъ и возбуждаетъ къ себѣ что-то этакое... знаете!—издатель щелкнулъ надъ головой пальцами и кинулъ взглядъ въ потолокъ.

— Васъ это занимаетъ, да?—рѣзко крикнулъ редакторъ.

— Ну такъ что? Развѣ не смѣшно? И васъ онъ довольно осно-

вательно расписалъ. Съ умомъ, бестія!—отплатилъ издатель редактору за окрикъ.—По какой статьѣ вы съ нимъ считаться то намѣрены?

Редакторъ быстро подбѣжалъ вплоть къ издателю.

— Считаться я съ нимъ не буду-съ! Не могу-съ, Василій Ивановичъ, потому что этотъ фабрикантъ чертей правъ! У васъ въ типографіи чортъ знаетъ что творится, вы слышали? А мы... а я играю дурака по вашей милости. Онъ тысячу разъ правъ!

— И въ томъ добавленіи, которое внесъ въ вашу статейку?—ѣдко спросилъ издатель и иронически поджалъ губы.

— Ну такъ что-жъ? И въ этомъ, да! Вы поймите, Василій Ивановичъ, мы вѣдь либеральная газета...

— Печатаемая въ двухъ тысячахъ экземпляровъ, считая безплатные и обмѣнные,—сухо вставилъ издатель.—А нашъ конкурентъ въ девяти тысячахъ расходится!

— Н-ну-съ?

— Больше ничего!

Редакторъ безнадежно махнулъ рукой и снова съ потускнѣвшими глазами сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ.

— Прелестное положеніе!—бормоталъ онъ, пожимая плечами.—Какая-то универсальная травля! Всѣ собаки на одну, и эта въ намордникѣ. Ха-ха! И этотъ честный р-рабочій! О, Боже мой!

— Да плюньте, батенька, не волнуйтесь!—посовѣтовалъ вдругъ Василій Ивановичъ, добродушно усмѣхаясь, какъ-бы утомившись волненіями и пререканіями.—Придетъ и пройдетъ, и честь свою вновь возстановите. Дѣло гораздо больше смѣшное, чѣмъ драматическое.

Онъ миролюбиво протянулъ редактору свою пухлую руку и пошелъ, было, изъ залы въ контору.

Вдругъ дверь въ контору растворилась и на порогѣ явился Гвоздевъ. Онъ былъ въ картузѣ и не безъ нѣкоторой любезности улыбался.

— Я пришелъ сказать вамъ, господинъ редакторъ, что ежели вы хотите со мной судиться, то скажите,—потому я отсюдова уѣду, ну а по этапу возвращаться не охота.

— Убирайся вонъ! — чуть не рыдая отъ бѣшенства, взвылъ редакторъ и бросился въ глубину комнаты.

— Значитъ квитъ,—сказалъ Гвоздевъ, поправилъ на головѣ картузъ и, спокойно обернувшись на порогѣ, исчезъ.

— О-о, бестія!—съ восхищеніемъ выдохнулъ изъ себя Василій Ивановичъ вслѣдъ Гвоздеву и, блаженно улыбаясь, не спѣша сталъ надѣвать пальто.

Дня черезъ два послѣ описаннаго, Гвоздевъ въ синей блузѣ, подпоясанной ремнемъ, въ брюкахъ на выпускъ, въ ярко начищенныхъ

ботинкахъ, въ бѣломъ картузѣ, надѣтомъ на бекрень и на затылокъ, и съ суковатой палкою въ рукѣ, степенно гулялъ по «Горѣ».

Гора представляла собою пологій спускъ къ рѣкѣ. Въ давнія времена на спускѣ этомъ стояла густая роща. Теперь почти вся она была вырублена и лишь кое-гдѣ могучіе, корявые дубы и вязы, поломанные грозами, вздымали къ небу свои старые дуплистые стволы, широко раскинувъ узловатые сучья. У корней ихъ вилась молодая поросль, кустарники льнули къ стволамъ, и всюду среди зелени гуляющая публика протоптала извилистыя тропы, сползавшія внизъ къ рѣкѣ, облитой сіяніемъ солнца. Горизонтально пересѣкая «Гору», шла широкая аллея— заброшенный почтовый трактъ, и по ней-то главнымъ образомъ гуляла публика, расхаживая въ два ряда, одинъ на встрѣчу другому.

Гвоздеву всегда очень нравилось бродить взадъ и впередъ по этой аллеѣ вмѣстѣ съ публикой и чувствовать себя такимъ-же, какъ и всѣ, такъ-же свободно вдыхать воздухъ, напитанный запахомъ листвы, такъ-же свободно и лѣниво двигаться; быть частью чего-то большого и чувствовать себя равнымъ со всѣми.

Въ этотъ день онъ былъ чуть-чуть навеселѣ, и его рѣшительное рябое лицо смотрѣло добродушно и общительно. Съ лѣваго виска его вились кверху русые вихры. Красиво оттѣняя ухо, они лежали на околышѣ фуражки, придавая Гвоздеву ухарскій видъ молодчины мастероваго, который доволенъ собой, хоть сейчасъ готовъ спѣть, поплясать и подраться, и во всякую минуту не прочь выпить. Этими характерными вихрами сама природа точно желала рекомендовать всѣмъ Николая Гвоздева, какъ малаго съ огонькомъ и знающаго себѣ цѣну. Одобрительно поглядывая вокругъ себя прищуренными сѣрыми глазами, Гвоздевъ вполнѣ миролюбиво толкалъ публику, безъ претензіи сносилъ ея толчки, наступая дамамъ на шлейфы вѣжливо извинялся, глоталъ вмѣстѣ со всѣми густую пыль и чувствовалъ себя прекрасно.

Сквозь листву деревьевъ видно было, какъ за рѣкой въ лугахъ садилось солнце. Небо было тамъ пурпурное, теплое и ласковое, манившее туда, гдѣ оно касалось краемъ темной зелени луговъ. Подъ ноги гуляющимъ ложились узорныя тѣни, и толпа людей наступала на нихъ, не замѣчая ихъ красоты. Франтовато засунувъ въ лѣвый уголъ губъ папиросу и лѣниво выпуская изъ праваго струйки дыма, Гвоздевъ присматривался къ публикѣ, ощущая въ себѣ настоятельное желаніе потолковать съ кѣмъ-нибудь за парой пива въ ресторанѣ, внизу «Горы». Знакомыхъ никого не встрѣчалось, а свести новое знакомство не было подходящаго случая; публика, несмотря на праздникъ и ясный весенній день, была почему-то хмурая и не отвѣчала на его общительное настроеніе, хотя онъ уже не разъ заглядывалъ въ лица людей, шедшихъ рядомъ съ нимъ, съ добродушной улыбкой и съ выраженіемъ

полной готовности вступить въ бесѣду. Вдругъ предъ его глазами, въ массѣ затылковъ, мелькнулъ хорошо знакомый гладко остриженный и плоскій, точно стесанный, затылокъ редактора — Дмитрія Павловича Истомина. Гвоздевъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ онъ отдѣлалъ этого человѣка, и съ удовольствіемъ сталъ смотрѣть на сѣрую низенькую шляпу Дмитрія Павловича, возвышавшуюся надъ толстымъ плечомъ какого-то купчины въ картузѣ. Иногда шляпа редактора скрывалась за другими шляпами, и это почему-то безпокоило Гвоздева; онъ приподнимался на носки, высматривая ее, находилъ и снова улыбался.

Такъ, слѣдя за редакторомъ, онъ шелъ и вспоминалъ о томъ времени, когда онъ, Гвоздевъ, былъ Николкой слесаревымъ, а редакторъ Митькой дьяконицынымъ. У нихъ былъ еще товарищъ Мишка, прозванный ими Сахарницей. Былъ еще Васька Жуковъ, чиновниковъ сынъ, изъ крайняго въ улицѣ дома. Хорошій домъ былъ—старый, весь поросшій мхомъ, весь облѣпленный пристройками. У Васькина отца была прекрасная голубиная охота. На дворѣ дома ловко было играть въ прятки, потому что Васькинъ отецъ скупой былъ и берегъ на дворѣ всякій хламъ—какія-то изломанныя кареты, бочки, ящики. Теперь Васька врачемъ въ уѣздѣ, а на мѣстѣ стараго дома стоятъ желѣзнодорожные пакгаузы... Были и еще товарищи, все мальчишки лѣтъ по восьми, десяти. Всѣ они обитали тогда на окраинѣ города, въ Задней Мокрой улицѣ, жили дружно между собой и въ постоянной враждѣ съ мальчишками изъ другихъ улицъ. Опустошали сады и огороды, играли въ бабки, въ шаръ-мазло и другія игры, учились въ приходскомъ училищѣ... Съ той поры прошло лѣтъ двадцать пять...

Было время и прошло, были мальчишки—такіе-же озорные и чумазые, какъ и Николка слесаревъ, а стали теперь важными людьми. А Николка слесаревъ застрялъ въ Задней Мокрой. Они, кончивъ приходское училище, въ гимназію попали,—онъ не попалъ... А что если заговорить съ редакторомъ? Поздороваться и начать разговоръ? Начать съ того, что извиниться за скандалъ, и потомъ поговорить—такъ, вообще, про жизнь...

Шляпа редактора все мелькала передъ глазами Гвоздева, какъ-бы подманивая его къ себѣ, и Гвоздевъ рѣшился. Какъ разъ въ это время редакторъ шелъ одинъ въ свободномъ пространствѣ, образовавшемся среди публики. Онъ шагалъ своими тонкими ногами въ свѣтлыхъ брюкахъ, голова то и дѣло повертывалась изъ стороны въ сторону, близорукіе глаза щурились, разсматривая публику. Гвоздевъ почти поровнялся съ нимъ и сбоку любезно заглядывалъ ему въ лицо, ожидая удобнаго момента, чтобы поздороваться, и въ то-же время ощущая острое желаніе знать, какъ отнесется къ нему редакторъ.

— Здравствуйте, Митрій Павловичъ!

Редакторъ обернулся къ нему, одной рукой приподнялъ шляпу, другой поправилъ очки на носу, разглядѣлъ Гвоздева и нахмурился.

Но это не обезкуражило Николая Гвоздева,—напротивъ, онъ пріятнѣйшимъ манеромъ нагнулся къ редактору и, обдавъ его запахомъ водки, спросилъ:

— Прогуливаетесь?

Редакторъ на секунду остановился; губы и ноздри его брезгливо дрогнули, и онъ сухо кинулъ Гвоздеву:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ? Ничего! Такъ я это... хорошо сегодня! И очень желательно мнѣ поговорить съ вами насчетъ этого происшествія.

— Я не желаю съ вами ни о чемъ говорить! — заявилъ редакторъ, ускоряя шагъ.

Гвоздевъ сдѣлалъ то-же.

— Не желаете? Понимаю... Вы въ вашемъ правѣ, я это очень хорошо понимаю... Какъ я васъ сконфузилъ, то, конечно, вы должны имѣть противъ меня зубъ...

— Вы, просто... вы пьяны...—снова остановился редакторъ.—И если вы не оставите меня въ покоѣ, я полицію приглашу.

Гвоздевъ ласково засмѣялся:

— Ну, зачѣмъ-же?

Редакторъ искоса посмотрѣлъ на него тоскливымъ взглядомъ человѣка, попавшаго въ непріятное положеніе и не знающаго, какъ изъ него выйти. Публика уже смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ. Нѣсколько физіономій насторожилось, чуя загорающійся скандалъ. Истоминъ безсильно оглядывался вокругъ.

Гвоздевъ замѣтилъ это.

— Давайте свернемъ въ сторонку,—сказалъ онъ,—и, не дожидаясь согласія, ловко оттеръ Истомина плечомъ въ сторону съ широкой аллеи на узкую тропу, спускавшуюся между кустарникомъ внизъ по горѣ.

Редакторъ не выразилъ протеста противъ этого маневра,—можетъ быть потому, что не успѣлъ, а можетъ потому, что внѣ публики, одинъ на одинъ, надѣялся скорѣе и проще избавиться отъ своего собесѣдника. Онъ тихонько, осторожно упираясь палкой въ землю, шелъ внизъ по тропинкѣ, а Гвоздевъ слѣдовалъ за нимъ и дышалъ ему на шляпу.

— Вотъ тутъ близко есть одно дерево упавшее, мы и сядемъ... Вы, Митрій Павловичъ, не сердитесь на меня за этотъ мой поступокъ. Извините! Я вѣдь это со зла... Нашего брата иногда такое зло разбираетъ, что и виномъ не зальешь... Ну, въ такую вотъ пору и съозорничаешь надъ кѣмъ-нибудь; прохожему въ рыло дашь или что другое... Я не каюсь — что сдѣлано, то сдѣлано, но можетъ я даже очень хорошо понимаю, что сдѣлалъ-то несовсѣмъ въ мѣру... Перехватилъ.

Тронуло-ли редактора это искреннее объясненіе и личность Гвоздева возбудила въ немъ любопытство, или онъ понялъ, что ему не отдѣлаться отъ этого человѣка,—но онъ спросилъ Гвоздева:

— О чемъ-же вы хотите говорить?

— А такъ... обо всемъ! Скорбитъ душа у меня, потому что обиду я чувствую себѣ... Вотъ тутъ сядемте.

— Мнѣ некогда...

— Знаю я... газета! Уѣстъ она вамъ половину жизни, все здоровье на нее просадите. Я вѣдь понимаю! Онъ, издатель-то, что? У него въ газетѣ деньги, а у васъ—кровь! Глаза-то вы ужъ прописали себѣ... Садитесь!

Предъ ними вдоль тропы лежалъ большой пень, полусгнившій остатокъ когда-то могучаго дуба. Вѣтви орѣшника наклонялись надъ деревомъ, образуя зеленый навѣсъ; сквозь вѣтви просвѣчивало небо, уже облеченное въ краски заката; пряный запахъ свѣжей листвы наполнялъ воздухъ. Гвоздевъ сѣлъ и, обращаясь къ редактору, который все еще стоялъ, нерѣшительно оглядываясь,—опять заговорилъ:

— Выпилъ я сегодня немного... Скучно мнѣ жить, Митрій Павловичъ. Отъ своихъ товарищей рабочихъ отсталъ я какъ-то, совсѣмъ у меня другое направленіе мысли. Увидалъ я сегодня васъ и вспомнилъ, что вѣдь и вы товарищемъ мнѣ были... ха, ха!

Онъ засмѣялся, потому что редакторъ смотрѣлъ на него съ такой быстрой смѣной выраженій на лицѣ, которая дѣлала его дѣйствительно смѣшнымъ.

— Товарищемъ? Когда?

— А давно ужъ, Митрій Павловичъ... Тогда мы еще въ Задней Мокрой существовали... помните? Черезъ дворъ другъ отъ друга. А противъ насъ Мишка Сахарница—по нынѣшнимъ временамъ Михаилъ Ефимовичъ Хрулевъ, слѣдователь судебный — изволили имѣть мѣсто жительства при своемъ строгомъ батюшкѣ... Помните Ефимыча? Часто онъ насъ съ вами за вихры трясъ... Да вы сядьте!

Редакторъ утвердительно кивнулъ головой и сѣлъ рядомъ съ Гвоздевымъ. Онъ смотрѣлъ на него напряженнымъ взглядомъ человѣка, вспоминающаго нѣчто давно и прочно забытое, и теръ себѣ лобъ.

А Гвоздевъ увлекался воспоминаніями.

— Житье было у насъ тогда! И почему только человѣкъ на всю жизнь ребенкомъ не остается? Ростетъ... зачѣмъ? Потомъ вростаетъ въ землю. Несетъ всю свою жизнь несчастія разныя... озлится, озвѣрѣетъ... чепуха! Живетъ, живетъ и въ концѣ всей жизни одни пустяки... Гробъ и больше ничего... А тогда мы, бывало, жили безъ всякой темной мысли, весело,—птички и все тутъ! Порхали черезъ заборы по чужіе плоды трудовъ... Помните, я вамъ однажды въ огородѣ у Петровны на воров-

скомъ дѣлѣ въ носъ огурцомъ закатилъ? Вы крикъ подняли, а я—драла... Вы съ мамашей къ моему отцу приходили съ жалобой, и отецъ меня выпоролъ какъ слѣдуетъ быть... А Мишка, Михаилъ Ефимовичъ...

Редакторъ слушалъ и помимо воли улыбался. Ему хотѣлось бы сохранить серьезность и достоинство предъ этимъ человѣкомъ, проявлявшимъ наклонность къ фамильярничанью. Но въ этихъ разсказахъ о ясныхъ дняхъ дѣтства было что-то трогательное и въ тонѣ Гвоздева пока еще не особенно рѣзко звучали ноты, угрожавшія самолюбію Дмитрія Павловича. Да и кругомъ было хорошо. Гдѣ-то вверху шаркали ноги гуляющей публики по песку дорожки, чуть доносились голоса, иногда звучалъ смѣхъ; но вздыхалъ вѣтеръ, и всѣ эти слабые звуки тонули въ меланхоличномъ шорохѣ листвы. А когда шорохъ замиралъ, были моменты полной тишины, точно все кругомъ чутко прислушивалось къ словамъ Николая Гвоздева, сбивчиво разсказывавшаго повѣсть о юности...

— Помните Варьку, маляра Колокольцова дочь? Теперь она замужемъ за типографщикомъ Шапошниковымъ. Такая барыня—мимо идти страшно... Тогда она дѣвчурочка хворая была... Помните, пропала она однажды, и всѣ мы—мальчишки со всей улицы—по полю да по оврагамъ искали ее! Въ лагеряхъ нашли и вели ее полемъ домой... Шуму было—страсть! Колокольцовъ пряниками угостилъ, а Варька, увидавши мать свою, сказала: «а я была у барыни офицеровой, и она меня въ дочки къ себѣ зоветъ!» Хе, хе! Въ дочки!.. Славная дѣвчушка была...

Съ рѣки доносились какіе-то звуки, словно тихо охала чья-то могучая, тоскующая грудь. Пароходъ шелъ, и въ воздухѣ плылъ шумъ воды, разбиваемой его колесами. Небо было розовое, а вокругъ Гвоздева съ редакторомъ сгущался сумракъ. Медленно наступала весенняя ночь. Тишина становилась полной, глубокой, и какъ бы подчиняясь ей, Гвоздевъ понизилъ голосъ... Редакторъ молча слушалъ его, вызывая въ своей памяти смутныя картины давно минувшаго. Все это было... И все это было лучше того, что есть теперь. Только въ дѣтствѣ возможна душа свободная, не замѣчающая тяжести тѣхъ цѣпей, которыя зовутъ условіями жизни. Дѣтству не извѣстны острыя воспаленія совѣсти, неизвѣстна и ложь иная, кромѣ безобидной дѣтской лжи. Какъ много неизвѣстно въ дни дѣтства и какъ хороша эта неизвѣстность! Живешь—и постепенно раздвигается пониманіе жизни... Зачѣмъ оно раздвигается, если и умираешь, ничего не понявъ?

— Такъ вотъ, Митрій Павловичъ, значитъ оно и выходитъ, что я одного съ вами гнѣзда птица... Да! А полеты у насъ разные... И какъ вспомню я, что вѣдь вся разница между мной и моими товарищами бывшими только въ томъ, что не сидѣлъ я въ гимназіи за книгами,—горько мнѣ и тошно бываетъ... Развѣ въ этомъ человѣкъ? Въ душѣ онъ, въ чувствахъ къ ближнему своему, какъ сказано... Ну вотъ—вы мой ближній, а какую я цѣну имѣю для васъ? Никакой—вѣрно?

Редакторъ, увлеченный своими мыслями, не разслышалъ, должно быть, вопроса своего собесѣдника.

— Вѣрно!—сказалъ онъ тономъ искреннимъ и разсѣяннымъ.

Но Гвоздевъ разсмѣялся, и онъ спохватился:

— Т.-е. позвольте? Что, собственно, вѣрно?

— Вѣрно, что я для васъ—пустое мѣсто... Есть я или нѣтъ меня, вамъ все равно—наплевать. Зачѣмъ вамъ душа моя? Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ меня знающимъ очень надоѣлъ. Потому—у меня характеръ злой, и очень я люблю разные фокусы выкидывать. Однако, у меня чувства вѣдь тоже есть и умъ есть... Я чувствую обиду въ моемъ положеніи. Чѣмъ я хуже васъ? Только моимъ занятіемъ...

— Д-да... это печально!—сказалъ редакторъ, наморщивъ лобъ, сдѣлалъ паузу и продолжалъ какимъ-то успокаивающимъ тономъ:—Но видите-ли, тутъ нужно примѣнить другую точку зрѣнія...

— Митрій Павловичъ! Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца! Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливость жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки забраковать? А я забракованъ въ жизни: нѣтъ мнѣ въ ней хода... Почему-съ? Потому что не ученъ? Такъ вѣдь ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе—должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь вверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или—съ точки зрѣнія—не должны?

Гвоздевъ прищурилъ глазъ и торжествуя посмотрѣлъ въ лицо своего собесѣдника. Онъ чувствовалъ себя въ ударѣ и выпускалъ изъ себя всю свою философію, придуманную въ долгіе годы своей трудовой, безалаберной и безплодной жизни. Редакторъ былъ смущенъ натискомъ своего собесѣдника и старался одновременно опредѣлить, что это за человѣкъ и что ему возразить на его рѣчи. А Гвоздевъ въ упоеніи самимъ собою продолжалъ:

— Вы люди умные, сто отвѣтовъ мнѣ дадите, и все будетъ—нѣтъ, не должны! А я говорю—должны! Почему? Потому что я и вы люди изъ одной улицы и одного происхожденія... Вы не настоящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату взятки гладки. Тѣ скажутъ: «пшолъ къ черту!»—и пойдешь. Потому—они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы—свой братъ, и я могу требовать съ васъ указанія пути моей жизни. Я мѣщанинъ, и Хрулевъ тоже, и вы—дьяконовъ сынъ...

— Но, позвольте...—просительно сказалъ редакторъ,—развѣ я отрицаю ваше право требовать?..

Но Гвоздеву совсѣмъ не интересно было знать, что отрицаетъ и что признаетъ редакторъ: ему нужно было высказаться, и онъ чувствовалъ себя въ этотъ моментъ способнымъ сказать все, что когда-либо волновало его.

— Нѣтъ, вы позвольте!—уже какимъ-то таинственнымъ шепотомъ говорилъ онъ, близко склоняясь къ редактору и блестя возбужденными глазами. — Какъ вы думаете, легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей. которымъ я въ старину носы расквашивалъ? Легко мнѣ съ господина судебнаго слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ ватеръ-клозетъ установлялъ,—сорокъ копѣекъ на чай получить? Вѣдь онъ человѣкъ одного со мной ранга... И было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчасъ, какъ тогда были...

Къ горлу его подкатило что-то тяжелое, удушающее; онъ замолчалъ на моментъ и разразился ругательствомъ—такимъ громкимъ и отвратительно циничнымъ, что редакторъ вздрогнулъ и отодвинулся отъ него. Выругавшись, Гвоздевъ вдругъ какъ-то ослабѣлъ, точно огонь въ немъ погасъ. Онъ прислушался самъ къ себѣ и уже не ощущалъ болѣе внутри себя ничего такого, что ему хотѣлось-бы сказать.

— Вотъ и все!—произнесъ онъ глухо.

Въ немъ вдругъ стало пусто, и ощущеніе этой пустоты вызывало у него раздраженіе.

Редакторъ задумчиво смотрѣлъ на него сбоку и молча соображалъ— что-же сказать этому парню? Нужно сказать что-нибудь хорошее, правдивое и искреннее. Но у Дмитрія Павловича Истомина ничего нужнаго въ данный моментъ не нашлось ни въ головѣ, ни въ сердцѣ. Давно уже всякіе идейные и выспренніе разговоры по «вопросамъ» вызывали въ немъ чувство скуки и утомленія. Онъ вышелъ сегодня отдохнуть, нарочно избѣгалъ встрѣчъ со знакомыми —и вдругъ этотъ человѣкъ со своими рѣчами. Конечно, въ его рѣчахъ, какъ и во всемъ, что говорятъ люди, есть нѣкоторая доля правды. Они любопытны и могли-бы послужить очень интересной темой для фельетона... Но, за всѣмъ тѣмъ. нужно-же что-нибудь сказать ему!

— Все, что вы сказали,—не ново, знаете,—началъ онъ.—О несправедливости отношеній человѣка къ человѣку давно идетъ рѣчь... Но, пожалуй, эти ваши рѣчи являются новостью—въ томъ смыслѣ, что раньше ихъ говорили люди иного сорта... Вы нѣсколько односторонне и невѣрно формулируете ваши думы... но...

— Опять ваша точка зрѣнія!—вяло усмѣхнулся Гвоздевъ.—Эх-ма, господа, господа! Умомъ то вы награждены, а сердце-то видно... Вы мнѣ скажите что-нибудь такое, чтобы сразу по недугу мнѣ пришлось... вотъ!

Онъ сказалъ это и, опустивъ голову, ждалъ отвѣта. Его охватывала тоска.

Истоминъ снова посмотрѣлъ на него, наморщивъ лобъ и ощущая сильное желаніе уйти. Ему казалось, что Гвоздевъ пьянѣетъ и оттого такъ раскисъ послѣ своихъ возбужденныхъ рѣчей. Онъ смотрѣлъ на бѣлую фуражку, съѣхавшую на затылокъ, на рябую щеку и задорный вихоръ

Гвоздева, смѣрилъ взглядомъ всю его сильную, жилистую фигуру и подумалъ про него, что это очень типичный рабочій и если-бъ...

— Такъ что-же?—спросилъ Гвоздевъ.

— Да что-же я могу вамъ сказать? Откровенно говоря, я не совсѣмъ ясно представляю себѣ, что именно хотѣли-бы вы слышать.

— То-то вотъ и есть!.. Ничего вы мнѣ не можете отвѣтить—усмѣхнулся Гвоздевъ.

Редакторъ облегченно вздохнулъ, справедливо предполагая, что разговоръ оконченъ и Гвоздевъ уже не будетъ больше къ нему приставать съ вопросами... И вдругъ онъ подумалъ:

— А что какъ онъ побьетъ меня? Онъ такой злой.

Ему вспомнилось выраженіе лица Гвоздева тамъ, въ редакціи, во время этой глупой сцены. И онъ подозрительно покосился на него.

Было уже темно Тишина прерывалась звуками пѣсни, долетавшей издалека съ рѣки. Пѣли хоромъ, и теноровые голоса слышались совсѣмъ ясно. Большіе жуки, металлически звеня, носились въ воздухѣ. Сквозь листву деревьевъ видны были звѣзды... Иногда та или другая вѣтка надъ головами отчего-то вздрагивала, и слышалось тихое трепетаніе листьевъ.

— А вѣдь роса будетъ...—сказалъ редакторъ съ осторожностью.

Гвоздевъ вздрогнулъ и поворотился къ нему.

— Что вы сказали?

— Роса будетъ, говорю, вредно это...

— А-а!

Помолчали. На рѣкѣ раздался крикъ:

— Эй-й! На-а баржѣ-ѣ!..

— Я думаю идти. До свиданья!..

— А не распить-ли намъ пару пива?—предложилъ вдругъ Гвоздевъ и, усмѣхаясь, добавилъ:—Окажите честь!

— Нѣтъ, извините, я въ это время не могу. И потомъ пора мнѣ, знаете...

Гвоздевъ всталъ съ дерева и угрюмо посмотрѣлъ на редактора.

Тотъ протягивалъ ему руку, тоже вставъ.

— Не желаете значитъ пить пива со мной? Ну и чортъ съ вами!—отрубилъ Гвоздевъ, нахлобучивая свою фуражку рѣзкимъ жестомъ.—Аристократія! На грошъ пара! Я и одинъ напьюсь...

Редакторъ храбро повернулся спиной къ своему собесѣднику и пошелъ вверхъ по тропинкѣ, не говоря ни слова. Проходя мимо Гроздева, онъ странно втянулъ голову въ плечи, точно боялся задѣть ею за что нибудь. Гвоздевъ крупными шагами пошелъ внизъ по горѣ.

Съ рѣки доносился надрывавшійся голосъ:

— На баржѣ-ѣ! Черти-и! Да-а-вай лодку-у-у!

И среди деревьевъ разносилось тихое эхо—Оу-у-у...

М. Горькій.

Сенкевичъ, какъ романистъ-психологъ.

I.

Заслуги всякаго литературнаго дѣятеля, а въ особенности романиста, опредѣляются, во-первыхъ, суммой внесеннаго имъ новаго матеріала, новыхъ элементовъ, какъ содержанія, такъ и формы, а во-вторыхъ, тѣмъ, насколько это новое является шагомъ впередъ въ смыслѣ прогресса идей и новыхъ точекъ зрѣнія, способствующихъ болѣе здравому и успѣшному пониманію окружающаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что указанные элементы должны быть составной частью всякой творческой художественной дѣятельности, въ особенности-же литературной. Чтобы оцѣнить значеніе Сенкевича въ исторіи романа вообще и польскаго въ частности, посмотримъ, въ какомъ отношеніи онъ находится къ своимъ предшественникамъ и направленіямъ западно-европейскаго романа. Понятно, что мы будемъ имѣть въ виду не имена, а идеи. Царемъ польскаго романа во время появленія первыхъ произведеній Сенкевича былъ Крашевскій. Феноменальная по объему производительность этого романиста почти забыта въ наше время. Польское общество находилось въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ подъ вліяніемъ этого романиста, наиболѣе важной заслугой котораго, независимо, конечно, отъ внутренняго содержанія, является то, что онъ заставилъ польскую публику позабыть о французскомъ романѣ, которому она поклонялась, расширилъ интересы ея, постепенно вводя новое содержаніе въ свои произведенія, и, превосходно понимая общественныя движенія своего времени, отвѣчалъ на назрѣвшіе вопросы или подсказывалъ отвѣты. Онъ одинъ изъ первыхъ романистовъ изъ сферы исключительно шляхетской перешагнулъ въ крестьянскую и впервые позаботился о возбужденіи симпатій къ этому сословію. Заслуги Крашевскаго громадны, но я не намѣренъ представлять ихъ характеристики, которая была-бы и неумѣстна. Достаточно сказать,

что онъ всегда былъ вѣрнымъ показателемъ настроенія и вкусовъ своего общества. Въ сферѣ убѣжденій Крашевскаго упрекаютъ, не безъ основанія, въ эклектизмѣ и въ стремленіи сглаживать существенныя противорѣчія жизни.

Само собою разумѣется, что, кромѣ Крашевскаго, можно указать нѣсколько первостепенныхъ писателей и много второстепенныхъ, оказавшихъ на свое общество болѣе или менѣе значительное вліяніе. Но роль Крашевскаго является все-же преобладающей, и потому съ его вліяніемъ слѣдуетъ особенно считаться.

Крашевскій былъ виртуозомъ формы; самыя разнообразныя, подчасъ исключающія другъ друга литературныя вліянія находили въ немъ отраженіе; но при всемъ томъ онъ никогда не былъ *объективнымъ* писателемъ. Область вполнѣ объективнаго творчества была для него недосягаемой, такъ же, какъ и для его менѣе извѣстныхъ современниковъ. Въ изображеніе дѣйствительности вторгалось его «я», въ смыслѣ безпрестаннаго участія несдерживаемыхъ порывовъ, стремящихся выразить тѣ впечатлѣнія. которыя зарождались въ душѣ автора при видѣ тѣхъ или другихъ поступковъ и рѣчей героя или героини.

Дидактическій элементъ, вторженіе нравоученій въ разсказъ—все это было какъ-бы необходимымъ условіемъ большинства романовъ Крашевскаго и его школы. Рядомъ съ этимъ направленіемъ, сначала робко, а потомъ и болѣе увѣренно, стали высказываться молодые романисты, исходящіе изъ идей Бальзака и Золя. Въ ряду ихъ находился первое время Сенкевичъ, вскорѣ выдвинувшійся и занявшій опредѣленное и вполнѣ самостоятельное положеніе.

Если и вѣрно, что нѣтъ писателя, не принадлежащаго къ извѣстной школѣ или направленію, то всетаки Сенкевичъ болѣе всякаго другого успѣлъ сбросить иго извѣстной условности. Самъ онъ въ одномъ мѣстѣ протестуетъ противъ стремленій навязать ему литературную компанію. Пусть ѣздятъ по конкѣ тѣ, у кого нѣтъ собственныхъ лошадей, замѣчаетъ онъ,—но имѣющіе своихъ пегасовъ могутъ доставить себѣ удовольствіе совершать прогулки безъ общества и туда, куда заблагоразсудится. Пріятное заблужденіе! Какъ ни оригиналенъ, ни самостоятеленъ Сенкевичъ, тѣмъ не менѣе онъ находится въ духовной зависимости не только отъ нѣкоторыхъ писателей—своихъ соотечественниковъ,—но и отъ тѣхъ литературныхъ направленій, которыя могутъ быть отмѣчены на Западѣ. Если-бы меня спросили, къ кому, по основному направленію, ближе всего подходитъ Сенкевичъ—я не задумываясь отвѣтилъ-бы—*къ Бальзаку*, имѣя въ виду не философскую, а художественную сторону его произведеній. Объективный характеръ творчества польскаго романиста сближаетъ его съ авторомъ Человѣческой комедіи (Comedie humaine). Подобно Бальзаку, Сенкевичъ забываетъ о своемъ «я» въ искусственно создан-

номъ имъ мірѣ. Любимыя дѣтища его фантазіи живутъ вполнѣ самостоятельно; они не оглядываются на своего создателя, который молча любуется ими, но не читаетъ имъ ни поученій, ни наставленій, не занимается сравненіями съ собою, не восторгается, не порицаетъ ихъ и менѣе всего говоритъ ихъ устами. Подобно Бальзаку, авторъ «Безъ Догмата», «Семьи Поланецкихъ», «Quo Vadis»—обладаетъ необыкновенной пластикой воображенія, тайна котораго и заключается въ объективизмѣ писателя.

Сближая Сенкевича съ Бальзакомъ, слѣдуетъ помнить, что оба они являются въ высокой степени оригинальными писателями, и сходство ихъ сводится къ общей исходной точкѣ зрѣнія въ наблюденіи.

Желая предложить вниманію читателей характеристику Сенкевича, какъ психолога, я прошу вспомнить главнѣйшіе очерки и романы этого писателя. Я обращаю вниманіе не на фабулу, не на интригу, а на тѣхъ людей, съ которыми знакомитъ насъ Сенкевичъ.

Необыкновенно обширная галлерея созданныхъ Сенкевичемъ литературныхъ типовъ и фигуръ при ближайшемъ осмотрѣ легко поддается извѣстной классификаціи. Само собою разумѣется, что послѣдняя зависитъ отъ основной точки зрѣнія. Можно, напр., имѣть въ виду содержаніе сюжетовъ въ ихъ генетическомъ родствѣ или разсматривать литературные типы въ связи съ общественными движеніями даннаго времени, насколько поэзія отразила дѣйствительность. Возможно, наконецъ, попытаться установить тѣсное отношеніе произведенія къ автору, а также сравнительное достоинство перваго въ ряду аналогическихъ родовъ и видовъ. Безусловное примѣненіе того или другого пріема по необходимости приведетъ къ болѣе или менѣе одностороннему выводу. Съ другой стороны, сложность сюжета препятствуетъ всестороннему его разсмотрѣнію. Въ вопросѣ объ оцѣнкѣ произведеній Сенкевича, какъ психологически-художественныхъ, мы коснемся преимущественно двухъ сторонъ: насколько, во-первыхъ, въ томъ или другомъ произведеніи выразился ростъ общественнаго и авторскаго самосознанія и насколько проявились художественныя оригинальность и самостоятельность автора въ его произведеніяхъ.

Быть можетъ многіе изъ моихъ читателей согласятся со мною, что художнику такъ-же трудно изображеніе самыхъ простыхъ, до элементарности простыхъ сюжетовъ, какъ и самыхъ сложныхъ. Въ самомъ дѣлѣ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ художнику необходима истинная интуиція, чтобы въ одномъ случаѣ передать характерное разнообразіе, въ другомъ—такое-же однообразіе. Описать соборъ въ Кельнѣ или Страсбургѣ такъ-же трудно, какъ и египетскую пирамиду; изобразить бурю на морѣ такъ-же трудно, какъ однообразіе пустыни въ полдневный зной. Движенія сложной души подавляютъ наблюдателя неожиданностью ком-

бинацій; движенія простой приводятъ насъ въ недоумѣніе, такъ какъ за этой простотой мы склонны предполагать болѣе сложное содержаніе. Сенкевичу судьба дала талантъ объективнаго художника, забывающаго о самомъ себѣ и рисующаго явленія безотносительно къ тому или другому моменту собственной, индивидуальной жизни. Впечатлѣніе, воспринимаемое имъ путемъ сложнаго психическаго процесса, въ основѣ котораго лежитъ художественное обобщеніе, является у него въ формѣ, вполнѣ соотвѣтствующей дѣйствительности, но не имѣющей съ ней ничего общаго. Умѣніе соблюсти должную мѣру въ художественномъ исполненіи—вотъ одно изъ основныхъ его качествъ. Этимъ умѣніемъ Сенкевичъ обладаетъ въ высокой степени. Достаточно вспомнить его мелкіе очерки, чтобы убѣдиться, сколько въ нихъ правды и тонкаго чутья. Возьмемъ нѣкоторые изъ народной жизни. Вспомните разсказъ «Идиллія»—прелестную крестьянскую пастораль. Дѣвушка прощается съ своимъ отцомъ, уходя въ лѣсъ за зельемъ. Отецъ полушутливо, полунѣжно пугаетъ ее. Старикъ глядитъ вслѣдъ своей дочери. Можно сказать съ увѣренностью, что изъ десяти девять интеллигентныхъ писателей заставили бы старика погрузиться въ размышленія о дочери, указали бы, какъ любитъ ее отецъ и пр. Что-же дѣлаетъ у Сенкевича старикъ? Онъ садится у порога и начинаетъ починять сѣть. «Беретъ иглу и старается продѣть нитку; прижмурилъ одинъ глазъ и пробовалъ продѣть. Не попалъ направо, не попалъ налѣво, плюнулъ и, наконецъ, прицѣлившись хорошо, вдѣлъ нитку и сталъ плести сѣть». Вотъ и все. Тутъ можетъ быть и нѣкоторое волненіе, но художникъ одной чертой отмѣтилъ полное отсутствіе экспансивности у людей, трудящихся для насущнаго хлѣба. Старикъ любитъ свою дочь, но ему некогда размышлять о ней; его ожидаетъ сѣть, безъ которой онъ не проживетъ и дня.

Подобное этому вѣрное пониманіе народной психологіи мы видимъ у Сенкевича и въ другихъ произведеніяхъ изъ народной жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ проникнуты глубокимъ драматизмомъ. Вы помните, конечно, того бѣднаго крестьянскаго мальчика, недосягаемой мечтой котораго была скрипка—не та, которую онъ самъ сдѣлалъ и которая издавала тоненькіе, едва слышные звуки, а настоящая, на которой играли въ корчмѣ евреи-музыканты, игралъ лакей и немногіе другіе счастливцы. Этотъ «божьей милостью» музыкантъ, которому природа открыла свои звуковыя тайны, гибнетъ жертвой своего любопытства; его влекло къ скрипкѣ въ господскомъ домѣ, онъ ея коснулся, лакей принялъ мальчика за вора, избилъ его, и бѣдный музыкантъ послѣ непродолжительныхъ мученій ушелъ въ лучшій міръ, гдѣ надѣялся получить скрипку. Одинъ мотивъ, обработанный несравненно, наводитъ цѣлый рядъ мыслей на читателя, обращаетъ его вниманіе на бѣднаго загнаннаго меньшаго брата и трогаетъ до слезъ. А между тѣмъ авторъ ни прямо, ни

косвенно не высказываетъ своего взгляда на характеръ печальной драмы; онъ не ужасается безсердечію людей, не плачетъ надъ судьбой Янка,— но это полное безучастіе является въ сущности глубоко продуманнымъ эффектомъ.

Судьба молодой крестьянки, преслѣдуемой ловеласомъ писаремъ, жертвующей собою для спасенія мужа отъ мнимой опасности, изображена Сенкевичемъ въ яркихъ чертахъ. Читатель чувствуетъ горькую иронію судьбы, преслѣдующей обездоленныхъ и угнетенныхъ, видитъ торжество пошлости въ лицѣ писаря, онъ ужасается благодаря самому простому, безъискуственному, проникнутому безобиднымъ юморомъ повѣствованію. Несложныя движенія простой души возстаютъ передъ нами съ полной рельефностью.

Подобное-же мастерство въ изображеніи простыхъ типовъ, сюжетовъ изъ народной жизни мы видимъ и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ разсказовъ. Я не намѣренъ знакомить читателей съ содержаніемъ многочисленныхъ прелестныхъ новеллъ Сенкевича. Достаточно вспомнить, что онѣ затрогиваютъ самыя глубокія задушевныя струны, касаются самыхъ разнообразныхъ индивидуальностей, чувствъ высокихъ и низменныхъ, положеній трагическихъ и комическихъ. Вспомните Бартка-побѣдителя, этого ограниченнаго «гражданина» свободной нѣмецкой имперіи, сражающагося въ рядахъ нѣмцевъ противъ французовъ съ яростью, приводящей въ изумленіе цѣлый полкъ! За что онъ дерется— Бартекъ не знаетъ; французы представляются ему тѣми-же нѣмцами, только похуже... Вернувшись во-свояси, онъ принимаетъ нелѣпое участіе въ выборахъ въ парламентъ и гибнетъ жертвой собственнаго недомыслія. Вспомните бѣднаго пономаря, покинутаго всѣми, художника въ душѣ, медленно умирающаго, которому въ моментъ смерти является чудное видѣніе—давно умершая любимая жена, пришедшая за нимъ. Вспомните прелестный романъ въ американскихъ степяхъ, бѣдную Лиліанъ, преждевременно похищенную смертью. Разсказъ о морскомъ сторожѣ, зачитавшемся вдали отъ родины поэмой великаго поэта и забывшемъ во время зажечь огонь на маякѣ, по глубинѣ лирическаго чувства можетъ лишь соперничать съ записками домашняго учителя, обреченнаго на созерцаніе медленной агоніи сына любимой имъ женщины, мальчика, не выдержавшаго непосильнаго труда. Новеллы Сенкевича общеизвѣстны, и ихъ художественное значеніе вполнѣ отчетливо, безъ сомнѣнія, чувствуется всякимъ читателемъ. Всякому понятны ихъ задушевность, мягкость, кроткій ласкающій свѣтъ, льющійся оттуда. Онѣ возбуждаютъ не гнѣвъ, не негодованіе, а въ большинствѣ случаевъ скорбь, ровную, но глубокую. Но, быть можетъ, не всѣ задавались вопросомъ, каково настроеніе этихъ новеллъ, мотивъ, на которомъ построены эти прелестныя вещицы, которыя можно сравнить съ музыкальными прелюдіями.

Для меня существуетъ лишь одинъ отвѣтъ: новеллы Сенкевича, за немногими исключеніями, проникнуты безотраднымъ пессимизмомъ.

Это положеніе можетъ привести въ недоумѣніе! Какъ, эти прелестные разсказы, полные юмора, ощущеній красоты, примиренія съ жизнью— проникнуты пессимизмомъ? Возможно-ли это? Едва-ли можно оспаривать, что основной чертой пессимизма является тягостное сознаніе ничтожества нашихъ личныхъ усилій въ дѣлѣ преуспѣянія общаго, отсутствіе вѣры въ улучшеніе существующихъ отношеній, т. е. вѣры въ прогрессъ, сознаніе неумолимой логики событій, логики, не совпадающей съ нашей, и тягостное ощущеніе нашего рабства, въ смыслѣ зависимости отъ внѣшнихъ, подчасъ лишь механическихъ условій. Мы увидимъ ниже, что Сенкевичъ перейдетъ къ другому міросозерцанію, къ настроенію умѣреннаго оптимизма, но я утверждаю, что большинство новеллъ проникнуто безотраднымъ пессимизмомъ. Романтики, особенно польскіе, и ихъ эпигоны тенденціозно старались поддерживать бодрость въ себѣ и другихъ. Печальныя событія, описываемыя въ повѣсти, скрашивались счастливымъ окончаніемъ, внезапно открывающеюся перспективой лучшаго будущаго. Сенкевичъ такого утѣшенія не имѣетъ и не сообщаетъ. Добродѣтель попрана безжалостной силой, и мы должны безучастно смотрѣть на ея торжество! Вотъ что мы видѣли въ новеллахъ Сенкевича. Морской сторожъ зачитался поэмой, навѣявшей ему шумъ родныхъ лѣсовъ, забылъ зажечь огонь и вынужденъ начать снова скитанія, полныя жестокой нужды. Бѣдная жертва происковъ писаря, отдавшая все для спасенія горячо любимаго мужа, гибнетъ подъ его топоромъ, самъ онъ идетъ въ каторгу, а причина всего этого — капризъ наглаго подъячаго. Мужественный капитанъ теряетъ любимую жену, кроткую Лиліянъ, не пощаженную тяжелой болѣзнью. Крестьянская сирота бредетъ по снѣгу въ морозную ночь, думая объ ангелѣ-спасителѣ и засыпаетъ безпробуднымъ сномъ, спасшимъ ее отъ пасти волка. Упомянутый мною мальчикъ-музыкантъ безвременно и безъ вины гибнетъ отъ своей благородной страсти къ музыкѣ! Юный гимназистъ теряетъ здоровье, слишкомъ усердно предаваясь непосильному труду! Бартекъ-побѣдитель трагикомически проливаетъ кровь за тѣхъ, кого ненавидитъ, и дѣйствуетъ противъ тѣхъ, кого любитъ! Только изрѣдка мы видимъ черту примиренія съ жизнью, но эта черта блеснетъ лишь подобно молніи въ темную ночь, чтобы погрузить насъ еще въ большій мракъ. Для меня болѣе чѣмъ убѣдительно, что въ основаніи разсказовъ Сенкевича лежитъ безотрадный пессимизмъ. То, что поражало его воображеніе, было въ высшей степени безотрадно; это были «жертвы» весьма сложныхъ причинъ. Даже юморъ Сенкевича въ новеллахъ, если вы вдумаетесь въ него, не исходитъ изъ источника оптимизма. Онъ какъ-бы привлеченъ извнѣ, его можно выдѣлить, какъ несущественный элементъ,

и въ основѣ его лежитъ тонкая иронія. По моему мнѣнію, такимъ настроеніемъ проникнуты и раннія произведенія Сенкевича, сравнительно слабыя, напримѣръ — «Никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ», гдѣ изображаются неудачныя попытки молодого помѣщика стать въ раціональныя отношенія къ крестьянамъ и воздѣйствовать благотворнымъ образомъ на свою братію. Гарбовецкій гибнетъ, оскорбленный и униженный, не успѣвъ ничего сдѣлать. Такое-же настроеніе въ повѣсти изъ студенческой жизни «Namarne», гдѣ торжествуетъ заурядность, погибаютъ талантъ и сердце. Такова новелла «У источника», прекрасная идиллія на тему счастья молодыхъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ слоямъ общества:—счастье достигается ими лишь въ тифозномъ бреду.

Чѣмъ дальше развивался талантъ Сенкевича, тѣмъ безотраднѣе становилось его настроеніе. Кульминаціонными точками являются драма «На одну карту» и романъ «Безъ догмата».

II.

Какъ драматическое произведеніе «На одну карту»—слабо. Лирико-эпическій характеръ таланта Сенкевича обладаетъ такими яркими особенностями, что исключаетъ присутствіе всякаго драматическаго элемента. Но не интрига пьесы насъ интересуетъ; все наше вниманіе поглощается главнымъ героемъ ея—Іозвовичемъ. Докторъ Іозвовичъ — демократъ новѣйшаго западно-европейскаго склада. Духъ критики и отрицанія является у него преобладающимъ. Но докторъ не довольствуется теоретическимъ обоснованіемъ своихъ идеаловъ и требованій—онъ предполагаетъ перестройку обветшалаго, по его мнѣнію, соціальнаго зданія и почерпаетъ вѣру въ правоту своего дѣла въ сознаніи своего призванія. Докторъ думаетъ, что его задача—произвести судебное слѣдствіе надъ современнымъ обществомъ и осудить его за грѣхи прошлаго. Его девизъ: «смерть—слабымъ, побѣда сильнымъ». Детерминизмъ внушилъ ему сознаніе неумолимой логики событій; исторія указала ему язвы общества, юриспруденція научила его дѣйствовать въ области существующихъ узаконеній, медицина—смотрѣть на избытокъ чувствъ, какъ на патологическое явленіе, а жизнь убѣдила его, что успѣхъ—все. Прибавьте, что этотъ человѣкъ обладаетъ умомъ, недюжинной волей, неразборчивостью въ выборѣ средствъ—и станетъ понятно, что онъ побѣдитъ всюду, а не только въ столкновеніи съ средой, въ которую онъ попалъ случайно,—родовитой знати, не предпріимчивой и обезсиленной бездѣйствіемъ. Люди этой среды часто способны пассивно, хотя мужественно, выдерживать бури; люди, подобные Іозвовичу, сумѣютъ направлять вѣтеръ, куда имъ угодно.

Само собою разумѣется, что отсутствіе этическихъ идеаловъ отразилось на практической сторонѣ дѣятельности доктора. Онъ не избѣжалъ

опасности смѣшенія личныхъ и общественныхъ интересовъ. Его честолюбіе, обоснованное логическими построеніями, заставляло его двигаться наклонно впередъ, повергая ницъ всѣ препятствія. Эта дорога привела его къ преступленію. У доктора нѣтъ «догмата», т. е. тѣхъ не требующихъ доказательствъ положеній въ сферѣ практической морали, которыя соотвѣтствуютъ аксіомамъ въ математикѣ. Конечно, немногіе искренно преданные своему дѣлу демократы своевременно узнали тайныя цѣли доктора и презрительно отвернулись отъ него,—но толпа продолжала считать его апостоломъ. Докторъ побѣдилъ, его карьера была обезпечена, но съ побѣдой соединялись потеря личнаго счастія и сознаніе совершеннаго, хотя негласнаго преступленія.

Студентъ и докторъ задуманы или вѣрнѣе восприняты Сенкевичемъ по противоположности этихъ характеровъ съ его собственнымъ. Юноша-студентъ является на короткое время въ произведеніи и быстро исчезаетъ. Мы становимся свидѣтелями жизненной борьбы доктора, облеченной, соотвѣтственно сюжету, въ драматическую форму. Критика и анализъ у этихъ людей касались научныхъ, соціальныхъ и общественныхъ вопросовъ, не затрогивая ихъ собственнаго «я».

Въ романѣ «Безъ Догмата» анализъ и отрицаніе идутъ дальше и глубже, проникаютъ личность, лишаютъ ее воли и страстей. Въ этомъ романѣ, задуманномъ не по контрасту, а скорѣе по сходству, мы имѣемъ дѣло съ исповѣдью сына своего вѣка—Плошовскаго. Мы знакомимся съ законченнымъ, знаменательнымъ періодомъ жизни человѣка. Въ этомъ періодѣ душа Плошовскаго совершаетъ цѣлый циклъ развитія. Несмотря на отрывочную форму романа-дневника, въ немъ могутъ быть указаны двѣ вполнѣ самостоятельныя части.

Въ первой мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ вполнѣ законченнымъ и выработаннымъ. Представьте себѣ безучастнаго зрителя, сидящаго въ бархатной ложѣ и небрежно поглядывающаго на сцену. Онъ знаетъ, что значитъ театральный эффектъ; ему нѣтъ дѣла до актеровъ, до ихъ усилій, до ихъ личности,—онъ старается насладиться художественнымъ исполненіемъ и опредѣлить его достоинство—все остальное его не интересуетъ. Въ такомъ положеніи находится Плошовскій въ первой части романа. Онъ смотритъ, наблюдаетъ. Для пониманія этого характера необходимо познакомиться съ его воспитаніемъ, образованіемъ, средой.

Не касаясь наслѣдственности, упомянемъ, что Плошовскій явился на свѣтъ съ характеромъ слабымъ и непредпріимчивымъ. Воспитаніе или тяжелая житейская школа могли бы развить въ немъ слабые задатки воли и инипіативы. Но это былъ человѣкъ, принадлежавшій къ знати, богатый и независимый. Его воспитаніе получило вполнѣ космополитическій характеръ подъ руководствомъ тонкаго знатока искусства—отца и такого-же знатока—итальянскаго патера-воспитателя. Дѣтство его прошло

въ космополитической столицѣ древняго и новаго міра—Римѣ. Конечно, всѣ желанія ребенка, юноши, молодого человѣка были всегда предусмотрѣны, всѣ потребности удовлетворены. Рано стали развивать въ немъ артистическій вкусъ, связанный со способностью тонко анализировать и критиковать. Ничего нѣтъ удивительнаго, что молодой человѣкъ сталъ смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія эстетики и предъявлять ей слишкомъ высокія требованія. Ни разу не приходилось ему сильно *желать* чего-либо, ни разу не пришлось дѣйствовать на какомъ-либо общественномъ поприщѣ. Его тонкій умъ во всякомъ дѣлѣ видѣлъ обратную сторону медали, въ немъ не было живого интереса къ чему либо. Къ тому-же роль сословія, къ которому принадлежалъ Плошовскій, въ виду политическихъ условій его націи, была сыграна навсегда. Его жизнь сводилась къ наслажденіямъ утонченнаго эпикурейца. Всѣ эти данныя сдѣлали Плошовскаго порядочнымъ эгоистомъ. Его собственная личность у него всегда на первомъ планѣ. Лучше всего онъ анализируетъ самого себя. Онъ охотнѣе наблюдаетъ за собою, чѣмъ за другими, не потому, чтобы у него не хватило ума или умѣнія,—но какое ему дѣло до другихъ? Въ сущности интересныхъ личностей онъ не знаетъ и не признаетъ, такъ какъ всѣ встрѣчающіяся ему легко разгадываются имъ.

Итакъ, въ первой части романа мы видѣли скептика, все понимающаго, но ничего не чувствующаго. Плошовскій знаетъ много, знакомъ со всѣми существующими направленіями, но не можетъ отдаться чему-либо исключительно. Лучше всего отражается его міросозерцаніе въ слѣдующей тирадѣ: «Я—существо необыкновенно хорошо знающее самого себя. Часто мое *я* посылаетъ къ черту другое *я*, изслѣдующее и критикующее первое, не позволяетъ ему отдаться никакому впечатлѣнію, ни дѣлу, ни чувству, никакому вожделѣнію, никакой страсти. Быть можетъ, самопознаніе — признаки высокаго умственнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно страшно дѣйствуетъ на чувство. Носить въ себѣ непрерывную критику самого себя—значитъ отрѣшить отъ цѣлаго потребную на такое дѣйствіе часть духа и жить и чувствовать не всѣмъ своимъ существомъ, а только оставшеюся его частью».

Говоря о современномъ положеніи религіи и философіи, Плошовскій замѣчаетъ: «мнѣ легко будетъ обрисовать мое умственное состояніе. Вотъ оно: не знаю, не знаю, не знаю!» И здѣсь-то, въ этой сознательной немощи человѣческаго разума заключается трагедія, не говоря уже о томъ, что наша духовная природа громко требуетъ отвѣта на предъявляемые вопросы, ибо въ этихъ вопросахъ заключается огромное реальное значеніе для человѣка. Если на той сторонѣ есть что-то и что-то вѣчное, то несчастія и утраты на этой сторонѣ уменьшаются до нуля. Можно было-бы къ этому примѣнить слова Гамлета: «Такъ пусть-же сатана ходитъ въ траурѣ. Я-же надѣну соболью мантію». «Я согласенъ

на смерть, говоритъ Ренанъ, но пусть мнѣ скажутъ, на что она мнѣ пригодится». Вотъ отношеніе нашего героя къ основнымъ вопросамъ религіи и философіи. Посмотримъ на его общественные идеалы. Говоря о демократіи и аристократіи, Плошовскій замѣчаетъ: «Демократіи не выносятъ мои нервы, т. е. не людей низкаго происхожденія, а тѣхъ, которые почитаютъ себя за патентованныхъ демократовъ. Объ аристократіи я думаю, что если дѣйствительно раціональность ея существованія основывается на историческихъ заслугахъ предковъ, то большинство этихъ заслугъ у насъ такого сорта, что потомки должны надѣть на себя власяницу и посыпать голову пепломъ. Наконецъ, въ дѣйствительности, эти лагери сами въ себя не вѣрятъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ индивидуумовъ, да и то глупыхъ».

По отношенію къ людямъ Плошовскій таковъ-же, какъ и по отношенію къ самому себѣ. Онъ ихъ анализируетъ, но участія, теплоты нѣтъ въ его сердцѣ. Ихъ страданіямъ онъ не вѣритъ, такъ какъ участіе постоянной работы мысли умалило его собственныя, которыя впрочемъ, до встрѣчи съ Анелькой, не были особенно сильны. Всѣ эти черты не способны внушить симпатію къ герою; это человѣкъ порядочный по привычкамъ, но самолюбивый эгоистъ, безъ малѣйшаго преблеска чувствъ. Даже отца и тетку онъ любитъ, *разсуждая* объ ихъ добродѣтеляхъ, и наслаждаясь перлами собственнаго анализа. Конечно, изолированное, замкнутое воспитаніе не является исключительной причиной такого положенія дѣла. Я думаю, что альтруистическія чувства не приносятся извнѣ, а являются такими-же спеціальными дарованіями, какъ, напр., талантъ къ музыкѣ или живописи. Ихъ можно развивать, но создать ихъ нельзя. Когда идетъ рѣчь о Плошовскомъ, невольно вспоминаешь его любимца Гамлета. Гамлетъ увѣренъ, что «время вышло изъ своихъ суставовъ» и считаетъ себя призваннымъ къ великой, много превосходящей его силы задачѣ. И Плошовскій сознаетъ то-же самое, но увѣренъ, что ни къ какой задачѣ онъ не призванъ и только отмѣчаетъ наличность факта.

Все сказанное относится къ Плошовскому до несчастнаго замужества героини романа, Анельки. Послѣ этого событія мы видимъ его въ новомъ періодѣ жизни. Что такое эта женщина, съумѣвшая заинтересовать, привлечь любовь безучастнаго скептика, привыкшаго относиться довольно поверхностно къ прекрасному полу? Послѣ французскихъ и итальянскихъ красавицъ, опытныхъ въ своемъ спортѣ, но вынужденныхъ сложить оружіе передъ красивымъ пессимистомъ, мы вправѣ были бы ожидать женщины въ высшей степени умной и выдающейся. А между тѣмъ Анелька особеннымъ умомъ не отличалась. Болѣе того, она не возвышается надъ уровнемъ своей среды и господствующихъ въ ней понятій. Выдающейся она окажется лишь послѣ очень близкаго знаком-

ства съ нею. Даже ея физическая красота одна изъ тѣхъ, которая теряетъ въ перспективѣ и выигрываетъ при приближеніи.

Печальная исторія Плошовскаго и Анельки, вѣроятно, всѣмъ извѣстна. Напомнимъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Плошовскій заинтересовался Анелькой, которую его тетка хотѣла ему просватать. Въ началѣ его поразило главнымъ образомъ то, что анализъ, примѣненный къ этой дѣвушкѣ, не давалъ никакихъ результатовъ. Она своею простотою разрушала всѣ затѣйливыя комбинаціи. Ея своеобразная красота, ея добродѣтель произвели на Плошовскаго большое впечатлѣніе. Къ несчастью, болѣзнь отца заставила его уѣхать въ Римъ. Смерть старика Плошовскаго, которая болѣе потрясла его, чѣмъ огорчила, задержала его на болѣе продолжительное время въ этомъ городѣ. Образъ Анельки сталъ тускнѣть, и въ то-же время Плошовскій познакомился съ красавицею Лаурой, увлекся ея красотой, блестящимъ, хотя холоднымъ умомъ. Замѣтимъ, что этотъ романъ представляетъ собой одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ книги. Онъ задуманъ и исполненъ совершенно въ духѣ возрожденія. Роскошь южной природы, лазуревое небо, безпредѣльное море, музыка и пѣніе—представляютъ фонъ картины, а на этомъ фонѣ красавица венеціанка, какъ-бы спустившаяся съ картины Тиціана, рядомъ съ красивымъ блѣднымъ скептикомъ, сыномъ далекаго сѣвера, гибкимъ и воспріимчивымъ. Лаура вполнѣ закончена. Культъ собственной красоты заполняетъ все ея существованіе. Совершенно правъ Плошовскій, замѣчая, что она даетъ милостыню, зная, что ей это къ лицу, но если-бы она знала, что ей столь-же къ лицу выколоть глаза этому нищему—она, не задумываясь, сдѣлала-бы это.

Упиваясь чарами Лауры, Плошовскій, не забывая Анельки, значительно охладѣлъ къ ней. Онъ даже не могъ найти для нея ласковаго слова въ письмѣ. Онъ привыкъ обращать вниманіе лишь на собственныя ощущенія, и ему было мало дѣла до того, что дѣлается въ душѣ бѣдной дѣвушки. Вдругъ пришло извѣстіе, что за Анельку сватается довольно темная личность—Кромицкій. Мы сталкиваемся съ заурядной исторіей. Родные дѣвушки предупреждаютъ объ опасности, грозящей заинтересованному лицу, но на людей болѣзненно самолюбивыхъ такого рода угрозы производятъ обратное дѣйствіе. Имъ кажется обиднымъ соперничать съ человѣкомъ, котораго они не взяли-бы къ себѣ и въ лакеи, любимая дѣвушка падаетъ въ ихъ глазахъ, и они предпочитаютъ видѣть ея гибель, чѣмъ поступиться собою. Такъ отнесся къ предостереженію и Плошовскій. Съ другой стороны Анелька, обманутая въ своихъ тайныхъ ожиданіяхъ, побуждаемая состраданіемъ къ матери, видѣвшей въ бракѣ съ Кромицкимъ якорь спасенія отъ матеріальнаго раззоренія, спѣшитъ въ порывѣ отчаянія отдать руку нелюбимому человѣку, можетъ быть, полагая, что найдетъ временное спокойствіе. И когда Пло-

шовскій, пожелавшій ей счастья съ Кромицкимъ, пытается заставить отсрочить свадьбу—Анелька наотрѣзъ отказывается. Въ ней заговорило сознаніе собственнаго достоинства, чувство женщины, любовь которой пренебрежена. оскорбленное самолюбіе и, вѣроятно, временное разочарованіе.

Въ первый періодъ жизни Плошовскаго, до замужества Анельки съ Кромицкимъ, она играла сравнительно незначительную роль въ жизни Плошовскаго. Она занимала немного мѣста въ его сердцѣ и давала пищу размышленіямъ наравнѣ съ красавицей Лаурой. артисткой Кларой, Святыньской и др. Во второмъ періодѣ она становится центромъ всего жизненнаго существованія Плошовскаго, наполняетъ его сердце, волнуетъ кровь, раздражаетъ нервы и поглощаетъ умственную дѣятельность. Само собою разумѣется, что все это подготовляется у Плошовскаго медленно и исподволь. Процессъ развитія значительно ослабляется работой мысли нашего героя. Анелька, которая ему только нравилась, внушаетъ ему теперь сильную любовь. Мысль и рефлексія отодвигается на задній планъ, чувство получаетъ преобладаніе. Холодный скептикъ превращается въ воркующаго влюбленнаго.

Плошовскій, чувство котораго къ Анелькѣ первоначально было лишено, такъ сказать, *положительной* стороны (онъ не столько желалъ имѣть ее, сколько боялся потерять), употребляетъ всѣ усилія, чтобы овладѣть ею. Изъ резонера онъ становится обыкновеннымъ влюбленнымъ, которому трудно отдать себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Всѣ силы этого безъ сомнѣнія блестящаго ума направлены къ тому, чтобы покорить сердце этой женщины. Перспектива союза съ любимой женщиной сначала кажется Плошовскому легко осуществимой. Но всѣ его разсчеты оказались построенными на пескѣ.

Дѣло въ томъ, что Анелька была сильнѣе, чѣмъ казалось. А сильна она была не своимъ умомъ, находчивостью или твердостью характера, а катихизической, по выраженію Плошовскаго, простотой души своей. Воспитаніе, вліянія, простыя и благотворныя, выработали въ ней извѣстный кодексъ нравственныхъ вѣрованій, отъ которыхъ она никогда не отступала. «Теперь я понимаю, говоритъ Плошовскій, обо что разбился. Объ то, отсутствіе чего разнуздало и освободило мои мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, привило мнѣ зачатки смертельной болѣзни и стало моей трагедіей—о катехизическую простоту ея души». «Мнѣ все равно, сознательный-ли это у нея взглядъ или инстинктивный, выработала-ли она его своимъ умомъ, или получила извнѣ, достаточно, что онъ составляетъ неразрывную часть ея существа». «Доказать, говорила Анелька, все можно (когда шла рѣчь о разводѣ), но когда поступаешь нехорошо, совѣсть всегда скажетъ: нехорошо, дурно!—и ни чѣмъ не даетъ себя убѣдить». «У Анельки, говоритъ Плошовскій. нѣтъ никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній. Ея

душа такъ чисто отдѣляетъ плевелы отъ сѣмянъ, что сбить ее на словахъ нѣтъ силъ. Она не трудится надъ разработкой собственныхъ нормъ, беретъ ихъ готовыми изъ религіи и общихъ моральныхъ понятій, но проникается ими такъ сильно, что онѣ становятся ея собственными, входятъ въ ея плоть и кровь». Такая натура, проникнутая при томъ сознаніемъ собственнаго достоинства, устоитъ на пути добродѣтели. И когда силы ей измѣняютъ, она обращается съ мольбой о пощадѣ, и ея глаза, глаза запуганной газели, обезоруживаютъ Плошовскаго и долго его преслѣдуютъ. Мы становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ: неужели романистъ желалъ убѣдить насъ, что въ Анелькѣ «догматъ» жизни? Догматъ для Плошовскаго не въ Анелькѣ, какъ личности,а въ тѣхъ началахъ, носительницей которыхъ она является. Плошовскій работаетъ головою, которая у него на первомъ планѣ,—Анелька руководствуется непосредственною впечатлительностью, которая, благодаря добродѣтельности этой натуры, никогда не обманываетъ ее.

Плошовскій долго не можетъ понять Анельку потому, что ее надо не понимать, а чувствовать, какъ, напр., доброту или красоту. Чувство кончается, гдѣ начинается работа мысли. Догматъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Сенкевичъ, является общимъ руководящимъ нравственнымъ правиломъ, не требующимъ доказательствъ, и замѣтимъ, не могущимъ выдержать ихъ. Постичь его можно не умомъ, а чувствомъ. Нельзя доказать, что нехорошо вредить ближнему—тому, кто на этомъ основываетъ свою карьеру. Нельзя доказать, что ложь вредна сама по себѣ—тому, кто благодаря ей достигаетъ значительныхъ успѣховъ и лишенъ внутренняго сознанія этой истины. Наконецъ, нельзя ничего доказать человѣку, для котораго нѣтъ въ мірѣ безотносительнаго, который на все смотритъ скептически. Догматъ, какъ мы его понимаемъ, основывается на непосредственномъ чувствѣ. Послѣднее, въ свою очередь, является единственнымъ условіемъ акта воли. Правда, вліяніе мысли можетъ регулировать наши поступки, но не она служитъ главнымъ рычагомъ и импульсомъ дѣятельности. До встрѣчи съ Анелькой Плошовскій не зналъ чувства. Поэтому и воля у него отсутствовала. Полюбивъ Анельку, Плошовскій узналъ цѣлую вереницу впечатлѣній, раньше ему недоступныхъ. У него появились благородные порывы и участіе къ людямъ, правда, основанные на желаніи угодить любимому существу. Во всякомъ случаѣ, жизнь его была полна. Совмѣстивъ все въ Анелькѣ, Плошовскій безъ нея не могъ найти смысла въ существованіи. Его послѣднее прощаніе съ жизнью не должно удивить насъ. Но это голосъ не изжившагося скептика, а крикъ глубокочувствующаго, убитаго реальнымъ горемъ человѣка. Вотъ его послѣднее прощаніе: «Я могъ быть твоимъ счастьемъ и сталъ твоимъ несчастьемъ. Это я причина твоей смерти, потому что, если-бы я былъ другимъ человѣкомъ, еслибы у меня не было недо-

статка въ жизненныхъ основахъ, на тебя не обрушились бы тѣ потрясенія, которыя убили тебя. Это я понялъ во время послѣднихъ минутъ твоей жизни—понялъ и поклялся идти за тобой. Я обручился съ тобой на твоемъ смертномъ одрѣ и теперь первая моя обязанность быть при тебѣ. Твоей матери я оставлю мое состояніе, теткѣ—Христа, въ любви къ Которому она найдетъ утѣшеніе своихъ послѣднихъ дней, а самъ иду за тобой, потому что долженъ идти. А ты думаешь я не боюсь смерти? Боюсь, потому что не знаю, что тамъ, вижу только одинъ мракъ безъ границъ и дрожу передъ нимъ. Не знаю, ничто ли тамъ, или какая-нибудь жизнь безъ пространства и времени; можетъ быть какой-нибудь междупланетный вихрь носитъ тамъ духовныя монады со звѣзды на звѣзду и вселяетъ въ новое существо; не знаю, царитъ ли тамъ безмолвная тревога или покой,—покой безмѣрный и такой совершенный, какой могутъ дать только Всемогущество и Всеблагость. Но если ты умерла вслѣдствіе моего «не знаю», то какъ-же я могу остаться здѣсь и жить? Чѣмъ больше я боюсь, чѣмъ больше не знаю, тѣмъ болѣе не могу отпустить тебя одну, не могу, Анелька моя, и иду!»

Быть можетъ, покажется страннымъ, что когда я думаю о Плошовскомъ, передъ моими глазами становится рядомъ съ нимъ Раскольниковъ. Въ міросозерцаніи и судьбѣ этихъ двухъ людей я нахожу много общаго. У Раскольникова тоже нѣтъ «догмата», онъ, подобно Плошовскому, не идетъ по испытанной дорогѣ, а смущается умственными сомнѣніями. Воля Раскольникова такъ-же слаба, какъ и у Плошовскаго, съ тою только разницей, что у перваго отсутствіе ея ведетъ къ активному преступленію, у второго—къ пассивному. Въ самомъ дѣлѣ, не совершилъ-ли Плошовскій преступленія, не подавъ Анелькѣ во время руку, обрекши эту прелестную женщину на гибель? Не совершилъ-ли онъ преступленія, преслѣдуя своею любовью эту добродѣтельную жену, для которой ложный шагъ равнялся-бы смерти? Мнѣ кажется, что герои Достоевскаго и Сенкевича больны одною и тою-же болѣзнью. Раскольникову предстоитъ искупить свое преступленіе. Силою страданій Плошовскій возродился къ новой жизни и выросъ въ герои. Этимъ онъ былъ обязанъ Анелькѣ, какъ Раскольниковъ Сонѣ. И если мы сравнимъ роскошный цвѣтокъ аристократическаго салона съ бѣдной дѣвушкою, доведенный до такъ-называемаго паденія,—насъ поразитъ ихъ трогательное сходство.

Обѣ онѣ чистыя, какъ зеркальная поверхность воды, существа, какъ бы созданныя для того, чтобы отражать милый образъ. Обѣ онѣ—чутки и впечатлительны, любятъ глубоко, безпредѣльно, способны на всякія жертвы—кромѣ личнаго достоинства, но у Сони есть одно существенное преимущество передъ своей сестрой: ея любовь имѣетъ активный характеръ. Она не только любитъ Раскольникова, но и сознаетъ отчетливо, что необходимо для его счастія, она руководитъ имъ на тяжеломъ пути

искупленія. У Анельки нѣтъ возможности для такой дѣятельности, любимый ею человѣкъ не совершилъ зауряднаго преступленія, его недугъ—скептицизмъ и анализъ—такого рода, что излеченіе его является весьма труднымъ и неблагодарнымъ, какъ среди физическихъ болѣзней острое малокровіе и худосочіе.

Въ концѣ XVIII в. появился романъ, популярность котораго равняется той, какую имѣетъ въ настоящее время «Безъ догмата». Я говорю о «Страданіяхъ молодого Вертера». Романовъ этихъ нельзя сравнивать, ихъ можно только сопоставлять. Весьма знаменательно, что оба они явились на рубежѣ двухъ столѣтій, оба имѣютъ дѣло съ сюжетами первостепенной важности, возсоздали типъ настоящихъ героевъ своего времени, раскрыли, такъ сказать, нервъ общества. Вертеръ—протестъ чувства противъ обыденной филистерской морали. Герой страдаетъ избыткомъ впечатлительности; его пылкая любовь, сталкиваясь съ весьма заурядной личностью и темпераментомъ, ведетъ его къ гибели. Плошовскій мало чувствовалъ—Вертеръ слишкомъ много. Но герой Гёте окажется ребенкомъ сравнительно съ зрѣлостью Плошовскаго. Въ сравненіи съ Анелькой, Лотта окажется примитивной натурой. Вертеръ вызвалъ цѣлое движеніе въ молодомъ поколѣніи. Но несомнѣнно, что, какъ типъ, онъ погибъ въ жизни раньше, чѣмъ появился въ поэзіи. Законъ Шиллера, гласящій, что для жизни въ поэзіи необходимо умереть въ жизни,—вполнѣ доказанная истина. И Плошовскій, мы увѣрены, уже сходилъ съ житейской арены, когда Сенкевичъ возсоздалъ его въ своемъ романѣ.

III.

Мы не касаемся въ этой статьѣ историческихъ романовъ Сенкевича,—замѣтимъ только, что романистъ нашелъ въ прошедшемъ своей страны элементы примиренія съ жизнью. Какъ ни прискорбна исторія Польши въ тѣ періоды, которые воспроизвелъ Сенкевичъ, въ глазахъ *историка*, въ глазахъ художника-романиста они имѣютъ много привлекательнаго. Дѣло въ томъ, что всякое смутное время выдвигаетъ и лучшія, и худшія силы общества, знакомитъ насъ съ такими проявленіями общественнаго самосознанія, которыя въ обыкновенное время остаются подъ спудомъ. Болѣе чѣмъ гдѣ либо такіе элементы были на лицо въ Польшѣ XVI и XVII в., такъ какъ вслѣдствіе особенностей шляхетскаго строя одно, сравнительно немноголюдное сословіе несло всѣ тягости войны и усобицъ, проявляя въ отдѣльныхъ индивидуумахъ и замѣчательныя доблести и не менѣе замѣчательные пороки. Безусловная, неограниченная свобода, которой пользовалось шляхетское сословіе, какъ нельзя болѣе способствовала появленію въ высокой степени оригиналь-

ныхъ индивидуумовъ, типичныхъ и благодарныхъ, какъ матеріалъ для художника-романиста.

Изучая такого рода индивидуальныя и типичныя явленія прошлаго, Сенкевичъ долженъ былъ проникнуться сознаніемъ ихъ цѣльности, безусловной прямоты и безграничнаго оптимизма, безъ котораго была-бы немыслима ихъ исторія. Романистъ, создавшій пессимистическое «Безъ догмата», видѣлъ и другую сторону жизни, и подарилъ намъ «Семью Поланецкихъ», романъ, въ которомъ высказалась и художественная зрѣлость автора и его уравновѣшенное міросозерцаніе и, особенно, его примиреніе съ жизнью. «Семья Поланецкихъ» является притомъ вполнѣ объективнымъ произведеніемъ, изображеніемъ жизни, до иллюзіи ее напоминающимъ. Талантъ Сенкевича достигъ въ ней своей высоты.

«Безъ Догмата» повѣсть безъ опредѣленной фабулы, но все-же содержаніе ея представляетъ нѣчто цѣльное въ сравненіи съ «Семьей Поланецкихъ». Того, что называется «интригой», вы здѣсь не найдете. Не найдете также и сколько-нибудь цѣльнаго повѣствованія, не найдете и того, что называется «героемъ» и «героиней». Но вмѣстѣ съ тѣмъ «Семья Поланецкихъ» вовсе не собраніе новеллистическихъ мотивовъ. Нѣтъ. Это цѣльное произведеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ цѣльной представляется намъ жизнь, если мы постараемся взглянуть на нее безъ предразсудковъ. Для надлежащаго пониманія «Семьи Поланецкихъ» необходимо разъ навсегда проститься съ такимъ взглядомъ на художественныя произведенія, который задается особыми цѣлями при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, и не только объясняетъ, но и осуждаетъ дѣйствующихъ лицъ. Если мы, напр., посмотримъ на героевъ «Семьи Поланецкихъ» съ точки зрѣнія цѣлесообразности ихъ дѣйствій, пользы обществу ими приносимой мы, пожалуй, осудимъ многихъ изъ нихъ. Они почти всѣ стоятъ, напр., внѣ общественной дѣятельности, не участвуютъ въ какихъ-либо обществахъ, погружены исключительно въ сферу личныхъ интересовъ. Конечно, нельзя видѣть въ этомъ ничего поучительнаго, но нельзя отказывать романисту въ правѣ такъ или иначе поставить вопросъ, вывести такихъ, а не иныхъ дѣятелей. Необходимо только, чтобы писатель убѣдилъ насъ, что онъ вѣрно изобразилъ жизнь и въ этой дѣйствительности подчеркнулъ новую философскую идею.

«Семья Поланецкихъ»—романъ бытовой, тѣсно связанный съ той почвой, которую изображаетъ, и современный въ полномъ значеніи этого слова. Авторъ рисуетъ въ немъ состояніе польскаго интеллигентнаго общества нашего времени, знакомитъ насъ съ умственнымъ броженіемъ, въ немъ происходящимъ. Картина по замыслу автора не можетъ претендовать на полноту: въ ней есть и крупные пробѣлы; укажу хотя-бы на отсутствіе представителей такихъ элементовъ, какъ напр., польскій студентъ и священникъ. Но все это desiderata, до которыхъ автору въ сущности нѣтъ никакого дѣла.

Плошовскій былъ человѣкъ безъ догмата, безъ аппетита къ жизни, погибшій жертвой анализа. И Поланецкій не лишенъ этой слабости, но лишь до извѣстной степени. Это продуктъ новый, переходнаго времени, звено между шляхетствомъ и трудолюбивой буржуазіей. Не унаслѣдовавъ ничего, онъ постарался пріобрѣсти техническія знанія, пристроился при торговой конторѣ, а потомъ сдѣлался компаніономъ честнаго и трудолюбиваго ополяченнаго нѣмца Бигеля. Поланецкому далеко до цѣльности и непосредственности послѣдняго, и онъ производитъ на читателя въ первое время не совсѣмъ опредѣленное впечатлѣніе; однако это впечатлѣніе вовсе не зависитъ отъ неудачнаго исполненія Сенкевичемъ своей задачи, а отъ той простой причины, что Поланецкій выведенъ авторомъ въ самые разнообразные моменты своей жизни. Дерзкій и сварливый у Плавицкаго, онъ является нѣжнымъ и кроткимъ у постели больной Литки, суровымъ дѣльцомъ съ Машко, торжествующимъ мужемъ Мариши, увѣреннымъ въ своей добродѣтели съ Основской и измѣняющимъ женѣ съ г-жей Машко, хорошимъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ—и во множествѣ другихъ, самыхъ разнообразныхъ положеній. И искусство романиста сказалось именно въ томъ, что характеръ Поланецкаго не подчиненъ преобладанію одной общей черты, а поступки его зависятъ главнымъ образомъ отъ темперамента, идей, среди которыхъ онъ воспитался, и совѣтовъ разсудка. Этотъ по преимуществу мужской характеръ, съ задатками добраго стараго времени, но уже истерзанный сомнѣніями, знакомится съ прелестной дѣвушкой, вся сила которой была въ честности, добротѣ и любви. Если-бы Поланецкій былъ Плошовскимъ, Мариня не оказала бы на него никакого вліянія,—но Поланецкій оптимистъ по темпераменту, и ему не трудно будетъ стряхнуть язвы пессимизма. Оптимистическое настроеніе ведетъ къ вѣрѣ, въ широкомъ значеніи этого слова, которая при извѣстной спеціальной ея формѣ должна привести къ извѣстному обязательному ритуалу, къ «Службѣ Божьей», какъ называетъ это Мариня. Если бы Сенкевичъ приковалъ наше исключительное вниманіе къ Поланецкому, онъ достигъ бы весьма скромнаго результата. Онъ показалъ бы намъ, какъ жизнерадостный, цвѣтущій, счастливый человѣкъ переживаетъ свои сомнѣнія, достигаетъ въ союзѣ съ прелестной женщиной полнаго счастья, падаетъ и поднимается и, вслѣдствіе жизненности своей натуры, остается побѣдителемъ надъ всѣми сомнѣніями и горечью, растлѣвающими наше существованіе. Поланецкій, горизонтъ котораго не шире средняго, не могъ доставить матеріала для цѣлой книги. Романистъ заполнилъ свой романъ рядомъ живыхъ, въ высшей степени рельефныхъ лицъ, типичныхъ въ большинствѣ случаевъ. Болѣе 20 облеченныхъ въ плоть и кровь фигуръ—это цѣлая художественная галлерея. Притомъ особенность техники романиста такова, что съ перваго же ихъ появленія читатель видитъ ста-

рыхъ знакомыхъ, что-то очень близкое и родное. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Ловкій адвокатъ Машко, таинственнаго происхожденія, изображающій изъ себя англійскаго лорда, беззастѣнчивый авантюристъ, нарисованъ во весь ростъ, и вы легко можете его себѣ представить, съ его моноклемъ, баккенбардами и красными пятнами на лицѣ. Машко поднимается и падаетъ, ищетъ денегъ и успѣха и все же въ рѣшительныя минуты является съ чертами неумѣстнаго въ его положеніи романтизма. Въ концѣ концовъ онъ бѣжитъ отъ кредиторовъ, съ грустью покидая жену, въ которую успѣлъ влюбиться—что не входило въ его планы.

Завиловскій — типъ поэта - мечтателя, человѣкъ чистой и простой души, труженикъ, отвергающій подачки богатыхъ родныхъ, влюбляется сначала въ Марину Поланецкую, потомъ увлекается Нитечкой Кастелли и, принужденный уступить мѣсто куклѣ—Коповскому, пытается покончить самоубійствомъ. Съ трудомъ спасенный отъ смерти, онъ всю жизнь будетъ влачить за собою крыло, какъ подстрѣленная птица.

Тоже художникъ, живописецъ Свирскій—здоровый аскетъ, знающій прекрасно свое дѣло, одаренный необыкновеннымъ чутьемъ прекраснаго, недовольный женщинами, которыхъ въ сущности онъ любитъ, подкупаетъ васъ цѣльностью и жизненностью истинно художественной натуры. Тесть Поланецкаго, отецъ Марины, Плавицкій, комедіантъ не столько вредный, сколько смѣшной, вѣчно молодящійся, считающій себя донъ-Жуаномъ, эгоистичный, себялюбивый—представляетъ собой одинъ изъ типовъ стараго поколѣнія. Старикъ Завиловскій, богатый баринъ, надменный и кичливый, нетерпящій противорѣчій, но въ сущности добрый и честный человѣкъ, радующійся успѣхамъ молодого поколѣнія, и вѣрующій въ будущее, представляетъ противовѣсъ Плавицкому.

Старый профессоръ Васковскій, вѣчно мечтающій о прааріяхъ, мистикъ съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, вѣрующій въ предопредѣленіе націй, человѣкъ «не отъ міра сего», святой въ жизни, собирающій, подобно современному филантропу, бѣдныхъ и дѣтей и, подобно св. Франциску, птицъ, является превосходнымъ типомъ добрѣйшаго фанатика науки.

Добродушный, прямой и честный компаніонъ Поланецкаго Бигель, полунѣмецъ, полуславянинъ, представляетъ собой средній положительный типъ коммерсанта, дорожащаго не только дѣломъ, но и честью, человѣкъ столь счастливый въ своей жизни, что никакія сомнѣнія не могутъ придти ему въ голову.

Вѣчно влюбленный въ свою жену, увлекающуюся прекраснымъ, какъ Аполлонъ, и глупымъ, какъ парикмахеръ, Коповскимъ, Основскій, подкупаетъ васъ искренностью, доброжелательностью и простотой.

Запальчивый шляхтичъ Гонтовскій, вѣчно ссорящійся съ крестьянами въ своемъ Ялбжиковѣ (помѣщикъ ѣздитъ на бѣлой лошади, лупитъ на дѣвокъ глаза и стрѣляетъ изъ пистолета), вмѣстѣ съ прекрас-

нымъ огрономомъ-теоретикомъ Ямишемъ и идіотомъ Коповскимъ, любимымъ за красоту и глупость женщинами, дополняютъ галлерею мужскихъ типовъ въ «Семьѣ Поланецкихъ». Истиннымъ pièce d'attraction романа слѣдуетъ считать Букацкаго. Калѣка и шутъ, онъ обладаетъ громаднымъ и трезвымъ умомъ, большимъ вкусомъ и безграничнымъ скептицизмомъ. Исключительная болѣзненность, дѣлающая его не только безполезнымъ, но и безправнымъ членомъ общества, заставляетъ его быть вѣчнымъ зрителемъ, насмѣшливо глядящимъ на усилія людей, стремящихся къ чему-то для него безполезному и ему недоступному. Какъ большинство искалѣченныхъ людей, Букацкій въ сущности обладаетъ добрымъ сердцемъ, способностью къ благороднымъ порывамъ, но, при неустойчивости и измѣнчивости настроенія, а главное, при скептицизмѣ, эти минутныя движенія не получаютъ у него надлежащей формулировки.

Галлерея женскихъ фигуръ «Семьи Поланецкихъ» представляетъ не менѣе разнообразія, хотя, по внутреннему содержанію, она гораздо менѣе интересна, чѣмъ галлерея мужскихъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Сенкевича, къ которому слѣдуетъ, на мой взглядъ, присоединиться (мнѣнію, высказанному въ «Безъ догмата»), женщина несправедливо была возведена романистами въ роль какого-то сфинкса. Нынѣшній строй европейскаго общества возлагаетъ на женщину гораздо менѣе бремени, чѣмъ на мужчину. Кругъ ея интересовъ гораздо ограниченнѣе и вслѣдствіе этого ея характеръ вырабатывается подъ менѣе разнообразными вліяніями. Сенкевичъ присоединяется къ мнѣнію матери, которая на вопросъ, что больше ее заботитъ—будущее-ли дочерей или сыновей—отвѣтила: «Я исключительно тревожусь о будущности моихъ сыновей, потому что дочери мои, въ худшемъ случаѣ, могутъ быть только несчастливы. Сыновья-же воспитываются въ школѣ и въ свѣтѣ—и то и другое можетъ сдѣлать изъ нихъ негодяевъ».

Сообразно съ этими взглядами, Сенкевичъ рисуетъ женщину такъ, какъ онъ видитъ и понимаетъ ее, притомъ не ставитъ себѣ никакихъ особенныхъ проблеммъ. Мариня Поланецкая—милая, добрая женщина, съ прочными устоями, подчиняющаяся чувство долгу, слѣдующая влеченію сердца, заботливо соблюдающая то, что она называетъ «Службой Божьей», т. е. кругъ обязанностей, освѣщенныхъ ритуаломъ, влюбленная въ своего Стаха, которому готова все простить и въ интересы котораго она всецѣло погружена. Чистая и дѣвственная натура, подкрѣпленная сознаніемъ обязательности того, что она считаетъ долгомъ, Мариня является превосходнымъ женскимъ характеромъ, внушающимъ полное довѣріе.

Другой положительный, хотя совершенно отличный отъ предыдущаго типъ—Эмилія Хвастовская. Чуждая нетолько всего низменнаго, но даже земного, кроткая, ласковая, тихая Хвастовская всю свою привязанность къ міру, весь источникъ своей любви совмѣстила въ бѣдной больной

Литкѣ. Когда ея не стало, Хвастовская перестала жить; все ея существованіе потеряло смыслъ; она стала томиться по той безвѣстной странѣ, куда переселилась ея Литка и, сокращая жизнь въ усиленныхъ трудахъ на пользу страждущихъ, терзалась тоской по вѣчной родинѣ...

Прелестная больная Литка едва-ли не привлекательнѣе всѣхъ созданныхъ Сенкевичемъ фигуръ. Преждевременно созрѣвшая, какъ всѣ болѣзненныя дѣти, Литка соединяетъ дѣтскую кротость, простоту, задушевность съ чудной женственностью. Въ ея маленькомъ сердцѣ происходятъ большія драмы: Литка ревнуетъ Поланецкаго къ Маринѣ, доходитъ путемъ вѣрнаго женскаго инстинкта до сознанія, что счастье Поланецкаго немыслимо безъ Марини, и приноситъ мысленно себя въ жертву соперницѣ для счастья любимаго человѣка. Это ея послѣдняя и первая великая жертва, послѣ которой она, къ прискорбію всѣхъ, умираетъ.

Рядомъ съ этими идеальными типами вы встрѣтитесь въ романѣ съ женщинами другого рода, болѣе или менѣе отчетливо обрисованными. Основская—красавица съ «фіалковыми» глазами, съ громадной дозой кокетства, ухаживающая за Коповскимъ, испорченная влюбленнымъ въ нее мужемъ, котораго она чуть не губитъ своимъ легкомысліемъ. Дѣвица Завиловская, всецѣло погруженная въ свою любовь къ покойному Плошовскому, ухаживаетъ за своимъ бѣднымъ родственникомъ—поэтомъ съ самоотверженіемъ, возбуждающимъ удивленіе. Бигиелва—хорошая мать, жена и хозяйка, женщина спокойная, уровновѣшенная и невозмутимая, сама счастлива и желаетъ всѣхъ видѣть счастливыми. Креславскія—мать и дочь, холодныя свѣтскія барыни, въ рѣшительныя минуты оказываются лучше, чѣмъ кажутся. Тетка Броничева, хвастающая своимъ мужемъ, нагрѣвшимъ руки управляющимъ, «послѣднимъ изъ Рюриковичей», наконецъ прелестной племянницей Нитечкой Кастелли—написана съ юморомъ и даже со злобой. Героиня романа Завиловскаго прелестная Кастелли, полу-полька, полу-итальянка, не лишенная художественнаго чутья, но съ инстинктами горничной, подъ идеальной оболочкой, въ концѣ-концовъ обнаруживаетъ много искренности и правдивости.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главныя лица романа и отношенія ихъ другъ къ другу. Въ концѣ романа мы видимъ рядъ катастрофъ: Завиловскій покушается на самоубійство и тяжело ранитъ себя, Машко бѣжитъ отъ кредиторовъ за границу, Основскій долженъ стрѣляться съ предполагаемымъ любовникомъ жены и тяжело заболѣваетъ, Хвастовская угасаетъ, Букацкій умираетъ съ иронической улыбкой на устахъ, Поланецкій и многіе другіе переживаютъ тяжелыя испытанія. При всемъ этомъ мы прощаемся съ книгой съ сердцемъ легкимъ и почти радостнымъ. Почему? Вѣдь почти тоже, mutatis mutandis, мы видимъ въ романѣ Бурже «Космополисъ»,—только тамъ случайно встрѣтившееся общество распадается также быстро, какъ оно сблизилось; что-то порвалось

среди этихъ лицъ, «время вышло изъ суставовъ» по образному выраженію Гамлета, у Сенкевича же все осталось попрежнему, несмотря на страшную пустоту, произведенную событіями, и даже въ перспективѣ виднѣется заря возрожденія! Отчего такое основное различіе этихъ двухъ романовъ?

Если вы сопоставите то, что мы называемъ въ общежитіи «духомъ» извѣстнаго произведенія, и постараетесь въ одномъ словѣ выразить ту основную мысль, которая можетъ быть указана въ обоихъ романахъ, то относительно «Космополиса» мы должны будемъ признать, что въ немъ имѣется *идея возмездія*, въ «Семьѣ Поланецкихъ» *идея снисхожденія*. Въ «Космополисѣ» и люди и событія относятся другъ къ другу съ неуклонной логикой, неумолимо мстятъ за ошибки, за ненормальности. Въ «Семьѣ Поланецкихъ» общество обладаетъ какой-то изумительной способностью залѣчивать раны, возрождаться къ новой жизни. Легкомысліе-ли это или поверхностность? Ни то, ни другое. Источники права на жизнь въ «Семьѣ Поланецкихъ»—оптимизмъ и связанная съ нимъ проповѣдь снисхожденія. Число произвольныхъ и невольныхъ проступковъ каждаго человѣка столь велико, что простой актъ справедливости являлся бы полнымъ его осужденіемъ. Иллюстраціей этого положенія можетъ служить процессъ, переживаемый Поланецкимъ до и послѣ его паденія. Какъ честный человѣкъ, Поланецкій понимаетъ, что поступилъ гнусно, и не прибѣгаетъ къ хитростямъ, чтобы оправдать себя. Онъ знаетъ, что роковое послѣдствіе зла — «пустота, выражаясь словами Данта, которую справедливость должна наполнить». И Поланецкій переживаетъ мучительную борьбу: ему представляется, что случится съ его женой, если она узнаетъ о его обманѣ; ему кажется, что она можетъ умереть съ горя. Но вотъ всѣ его муки разрѣшаются простыми словами Марини. Поланецкій, говоря о другихъ замѣчаетъ: «Зло, словно волна, отбитая отъ берега, непремѣнно возвращается».—«Правда, Стахъ, зло непремѣнно возвращается, но оно можетъ вернуться въ видѣ раскаянія и сожалѣнія, и тогда Господь Богъ видитъ это и перестаетъ карать». По моему мнѣнію, въ этихъ словахъ вся философія автора и его книги.

Эту основную мысль произведенія Сенкевича нельзя считать тенденціей. Къ ней авторъ пришелъ путемъ индукціи. Такова философія того общества, которое выводитъ Сенкевичъ. Легкомысленное и придирчивое, это общество въ сущности гуманно. Въ основѣ взаимныхъ отношеній лежитъ оттѣнокъ большаго добродушія, сочувствія къ истинному горю и снисхожденія. Если бы меня спросили, находимъ-ли мы подобныя черты въ западномъ романѣ—я отвѣтилъ-бы отрицательно. Не имѣю возможности пояснить это обильными примѣрами. Укажу на романъ Рида «Обреченная въ жертву», сходный съ «Преступленіемъ и наказаніемъ», гдѣ герой, преступникъ противъ своей только совѣсти, обреченъ на рядъ тяжелыхъ жертвъ. Обращаю вниманіе на указанный выше романъ Бурже «Космополисъ» и на его «Ученика», гдѣ все совершается подъ прямымъ

угломъ, безъ вторженія чувствъ гуманности и человѣчности. Съ точки зрѣнія ригоризма—проповѣдь снисхожденія къ людямъ, выстрадавшимъ и очищеннымъ раскаяніемъ,—немыслима; но за нее говорятъ запросы сердца, вѣра въ возможность духовнаго возрожденія человѣка. Я думаю, никто не станетъ, на основаніи вышеизложеннаго, считать Сенкевича тенденціознымъ писателемъ. Напротивъ, «Семья Поланецкихъ» убѣждаетъ насъ въ полномъ отсутствіи какой-либо предвзятой мысли въ его произведеніяхъ. Къ проповѣди снисхожденія авторъ пришелъ, быть можетъ, независимо отъ своего желанія. И эту проповѣдь нельзя понимать односторонне: вѣдь всѣ проступки лицъ, выведенныхъ въ романѣ, такъ или иначе наказуются. Только тамъ, гдѣ раскаяніе было глубоко и искренне, гдѣ интересы другихъ лицъ нарушены лишь косвенно и есть возможность возстановить ихъ въ законныхъ правахъ, только тамъ, по мысли Сенкевича, можетъ быть рѣчь о полномъ возрожденіи; въ другихъ случаяхъ это возрожденіе немыслимо.

Для историка литературы, какъ и для зауряднаго читателя, большой интересъ представляютъ теоретическіе взгляды всякаго выдающагося писателя на задачи того отдѣла творчества, который особенно излюбленъ этимъ лицомъ. Такія обобщенія, вродѣ теоріи романа Шпильгагена, обыкновенно слѣдуютъ за продолжительными опытами и всегда представляютъ много интереснаго. Съ этой точки зрѣнія мы съ большимъ любопытствомъ читаемъ такого рода «послѣсловія». Не имѣя возможности, за недостаткомъ времени, слѣдить за разсѣянными во многихъ мѣстахъ замѣчаніями Сенкевича о методѣ и задачахъ художника вообще и романиста въ частности, мы обращаемъ вниманіе на статью Сенкевича «Письма о Золя», написанную по поводу «Доктора Паскаля». Сенкевичъ отмѣчаетъ, что въ послѣднее время появилось въ печати множество романовъ, проникнутыхъ такимъ легкомысліемъ и дерзостью, что приходится развести руками. Авторы умышлено погружаютъ себя и читателей въ грязь, стараясь перещеголять другъ друга. Наглядным примѣромъ этого, по Сенкевичу, служитъ романъ Золя «La Terre». Что такое деревня?—спрашиваетъ Сенкевичъ: — собраніе хатъ, деревьевъ, полей, полевыхъ цвѣтовъ, людей, скота, свѣта, лазури, пѣсней, мелкихъ интересовъ и труда. Во всемъ этомъ навозъ играетъ не малую роль, но есть еще кое-что за нимъ и рядомъ съ нимъ. Но у Золя деревня кажется составленной изъ навоза и преступленія». Подобнымъ же образомъ, если-бы по французскимъ романамъ судить о количествѣ павшихъ женщинъ—ихъ оказалось бы 95 процентовъ. Сенкевичъ указываетъ, что общество не удовлетворяется такого рода произведеніями; оно ищетъ выхода; ищетъ правды—и попытки въ этомъ родѣ весьма многочисленны. Попытки эти, къ сожалѣнію, неудачны; чтобы выйти изъ этого лабиринта необходимы великая идея и талантъ; у нихъ-же нѣтъ ни того, ни другого. Въ погонѣ за оригинальной формой писатель впадаетъ въ шаржъ и преувеличеніе. Указы-

вая на односторонность Золя, Сенкевичъ замѣчаетъ, что книга является воспитательнымъ средствомъ, и въ этомъ отношеніи она не можетъ быть сравниваема съ колекціей натуралиста. Подвергнувъ очень остроумному и послѣдовательному анализу «Доктора Паскаля», Сенкевичъ приходитъ къ заключенію о вредѣ и гибельности всѣхъ такихъ романовъ, которые написаны подъ вліяніемъ односторонняго пессимизма. Онъ указываетъ на то, что больное и страждущее человѣчество ищетъ покоя и утѣшенія, что оно пойдетъ за тѣмъ, кто скажетъ ему, какъ воскресшему Лазарю: «Tolle grabatum tuum et ambula!»

Эти, въ значительной степени критическія замѣчанія лучше всякихъ другихъ объясняютъ и положительные взгляды автора; они совпадаютъ съ тѣмъ поворотомъ, который можетъ быть отмѣченъ послѣ «Безъ догмата» и который особенно рельефно проявился и въ «Семьѣ Поланецкихъ». Глубже вдумавшись, прочувствовавъ интересы своей среды, Сенкевичъ вывелъ утѣшительное заключеніе, что въ ней есть нѣчто гарантирующее ее въ будущемъ отъ разложенія: нравственное чутье и снисходительность доброй души, при громадной дозѣ оптимизма.

Я думаю, этой уравновѣшенностью міросозерцанія объясняются въ значительной степени и тѣ черты таланта Сенкевича, которыя поражаютъ всякаго читателя. Пластичность произведеній Сенкевича зависитъ, конечно, отъ особенности его творческаго процесса—но внутренняя гармонія находится въ зависимости отъ философіи автора, отъ его «вѣрую».

Нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями я заканчиваю свое изложеніе. По моему мнѣнію, Сенкевичъ является славянскимъ по преимуществу талантомъ. Проповѣдь снисхожденія и раскаянія приближаетъ его къ цѣлому сонму русскихъ романистовъ. Не тоже-ли проповѣдуетъ Достоевскій въ «Преступленіи и Наказаніи», «Братьяхъ Карамазовыхъ»? Не то-же-ли найдемъ мы у Тургенева, Толстого и многихъ второстепенныхъ писателей?

Я подчеркну еще одну черту, сближающую Сенкевича съ нашими романистами. Выше я упомянулъ о разсказѣ «Идилія»—небольшая сцена въ лѣсу: любовная бесѣда парня и дѣвушки. Чего бы ни написалъ французскій романистъ! А Сенкевичъ ограничивается передачей чистыхъ дѣтскихъ впечатлѣній этихъ двухъ душъ, не успѣвшихъ окунуться въ водоворотъ чувственности. Съ точки зрѣнія реализма никто не станетъ упрекать романиста въ неправильной постановкѣ темы. Очевидно душевныя впечатлѣнія у него на первомъ планѣ и въ этомъ отношеніи онъ неизмѣримо далекъ отъ большинства французскихъ романистовъ, удѣляющихъ, такъ или иначе, много мѣста физіологическимъ процессамъ. Съ точки зрѣнія наблюдателя чистыя отношенія двухъ юныхъ существъ столь же реальны, какъ и вакханалія развратниковъ.

Съ серіей историческихъ романовъ Сенкевича намъ придется познакомиться въ другой разъ.

Л. Шепелевичъ.

Тишина.

I.

Тихо по̀ небу звѣзда катилась.
Тихо съ озеромъ шептался лѣсъ.
Дума тихая въ тебѣ свѣтилась,
Какъ звѣзда безмолвная небесъ.

Тишина неслась съ земли недужной,
Тишина струилась съ вышины.
Было словъ тоскѣ нѣмой не нужно
Въ этомъ царствѣ томной тишины.

Молчаливо ты со мной простилась,
Тѣнью тихой образъ твой исчезъ...
...Тихо съ озеромъ шептался лѣсъ...
Тихо по̀ небу звѣзда катилась...

II.

Сонная тишь.
Тихая даль.
Дремлетъ камышъ.
Дремлетъ печаль.

Дремлетъ камышъ,
Въ воду поникъ,
Видитъ въ водѣ
Тотъ же камышъ.
Смотритъ печаль
Въ темную даль,
Видитъ въ быломъ
Ту-же печаль.

Сонная тишь,
Тихая даль.
Дремлетъ камышъ,
Дремлетъ печаль.

С. Аргунинъ.

Урегулированіе переселеній.

СТАТЬЯ I.

Съ открытіемъ постройки сибирской желѣзной дороги и высочайше учрежденнаго при ней Комитета, переселенческій вопросъ вступилъ въ новую фазу своего развитія. Теперь на него было обращено особенно серьезное вниманіе и твердо рѣшено такъ или иначе его урегулировать. Разрѣшеніе этой трудной задачи правительство возложило, кромѣ спеціально вѣдающихъ переселенческое дѣло учрежденій, на вышеназванный Комитетъ сибирской желѣзной дороги и дало ему для этой цѣли соотвѣтствующія широкія полномочія и матеріальныя средства. Получивъ то и другое, Комитетъ сибирской желѣзной дороги тотчасъ-же приступилъ къ выполненію своей нелегкой миссіи. Прежде всего онъ установилъ свой принципіальный взглядъ на переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Послѣднія онъ нашелъ вполнѣ цѣлесообразными, желательными и заслуживающими всяческаго содѣйствія. Свой настоящій взглядъ на переселенія въ Сибирь Комитетъ основывалъ на желаніи, во-первыхъ, заселить лежащія на значительномъ разстояніи вдоль линіи сибирской желѣзной дороги пустующія пространства; во-вторыхъ—создать въ Сибири новые производительные центры и, наконецъ, противопоставить въ Сибири русскую расу всѣмъ остальнымъ и черезъ это парализовать ихъ вліяніе.

Установивъ на переселенія въ Сибирь эту точку зрѣнія, Комитетъ сибирской желѣзной дороги тотчасъ-же приступилъ къ цѣлому ряду практическихъ мѣропріятій. Онъ началъ съ выясненія количества свободныхъ и годныхъ для заселенія и отвода переселенцамъ земель въ Сибири. Для этого при министерствѣ государственныхъ имуществъ были организованы спеціальные межевые отряды и тотчасъ-же командированы въ Сибирь. Отводъ участковъ для переселенцевъ начался въ Тобольской и Томской губерніяхъ, при этомъ главнымъ образомъ въ районѣ линіи сибирской желѣзной дороги, а и затѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ: въ

Акмолинской, Семирѣченской и Семипалатинской областяхъ, въ Енисейской и Иркутской губерніи и, наконецъ, въ Пріамурскомъ и Уссурійскомъ краѣ. Позднѣе, въ виду недостатка въ другихъ раіонахъ Сибири удобныхъ земель, Комитетъ приступилъ къ культивированію Барабинской и Ишимской степей и нѣкоторой части «тайги» Томской губерніи. Всего съ 1893 года по послѣднее время Комитетомъ сибирской желѣзной дороги было найдено до $3^1/_4$ милл. десят. свободной земли. Послѣдняя по мѣрѣ своего отысканія и межеванія раздавалась прибывавшимъ переселенцамъ. При отводѣ надѣловъ стремились къ тому, чтобы послѣдніе удовлетворяли всѣмъ необходимымъ хозяйственнымъ нуждамъ, т. е. чтобы было болѣе или менѣе достаточно удобной земли, луговъ, покосовъ, выгоновъ, лѣса и питьевой воды. Тамъ, гдѣ не было здоровой питьевой воды, устраивалось искусственное водоснабженіе. Кромѣ того, на каждыя 2,000 десятинъ земли отводилось обыкновенно по 120 дес. для церкви и школы. Чтобы оградить переселенцевъ отъ вліянія ссыльно-уголовныхъ поселенцевъ, было рѣшено не допускать ихъ водворенія въ районѣ линіи сибирской желѣзной дороги.

Первые удачные шаги Комитета сибирской желѣзной дороги въ урегулированіи переселенческаго дѣла—съ одной стороны, осложненіе послѣдняго—съ другой побудили правительство возложить на него еще болѣе сложныя задачи общаго характера, для разрѣшенія которыхъ при Комитетѣ въ 1895 году была учреждена по высочайшему повелѣнію особая подготовительная коммиссія. На обязанности этой коммиссіи лежало разработать въ теченіе слѣдующаго 1896 года вопросъ о допущеніи нѣкоторыхъ изъятій изъ дѣйствующаго общаго переселенческаго закона для выходцевъ изъ Европейской Россіи, направляющихся въ Сибирь. Подготовительная коммиссія также, какъ и Комитетъ сибирской желѣзной дороги, прежде всего опредѣлила свой взглядъ на переселенческій вопросъ и свое отношеніе къ нему. Она признала за нимъ «наиболѣе важное государственное значеніе». Затѣмъ, коммиссія обратилась къ выясненію причинъ, вызывающихъ переселеніе. Изученіе даннаго вопроса привело ее къ выводу, «что стремленіе народа къ переходу на новыя мѣста вытекаетъ преимущественно изъ хозяйственныхъ разсчетовъ выходцевъ и имѣетъ своею цѣлью улучшеніе экономическаго положенія переселенцевъ». Далѣе, комиссія перешла къ изслѣдованію причинъ самовольнаго движенія за Уралъ. Послѣднія, по ея заключенію, оказались лежащими въ недостаткахъ существовавшаго порядка выдачи разрѣшеній на переселенія. Съ цѣлью устраненія этихъ недостатковъ и упрощенія порядка выдачи разрѣшеній на переселеніе, коммиссія признала желательнымъ поручить общее руководительство переселеніемъ въ Сибирь министру внутреннихъ дѣлъ, введя въ дѣло выдачи разрѣшеній начало децентрализаціи, т. е. возложивъ это дѣло на губернскіе

органы крестьянскаго управленія. Кромѣ того, въ виду желанія сократить дорожныя матеріальныя затраты крестьянъ при переселеніи, коммиссіи признала полезнымъ установить законодательнымъ путемъ перевозку переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ по особому удешевленному тарифу. Что-же касается самовольныхъ переселенцевъ, то коммиссія признала необходимымъ лишить ихъ льготъ, какъ по удешевленному проѣзду, такъ и по отбыванію воинской повинности и сложенію недоимокъ по старымъ обществамъ. Водвореніе самовольныхъ выходцевъ въ районъ сибирской желѣзной дороги можетъ быть разрѣшаемо лишь въ случаѣ наличности свободныхъ участковъ. Затѣмъ, для приданія переселенческому движенію большей сознательности, коммиссія нашла цѣлесообразнымъ представить сельскимъ обывателямъ, получившимъ разрѣшенія на переселеніе, предварительно отправлять для осмотра мѣстъ, пригодныхъ къ поселенію, и для зачисленія ихъ за собою,—особыхъ ходоковъ. Таковы въ общемъ, предположенія выработанныя подготовительной комиссіей. Эти предположенія вскорѣ были предоставлены въ государственный совѣтъ, гдѣ и получили свое утвержденіе и законодательный характеръ.

Къ этимъ вновь изданнымъ узаконеніямъ относительно переселеній Комитетъ сибирской желѣзной дороги со своей стороны сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія. Во-первыхъ, къ вышеизложеннымъ правиламъ о ссудахъ имъ были сдѣланы дополненія въ видѣ постановленій о выдачѣ ссудъ частями, о ссудахъ предметами, объ отпускѣ въ распоряженіе крестьянскихъ чиновниковъ особыхъ авансовъ для своевременной выдачи пособій, объ установленіи правительственной нормировки ссудъ для направленія переселенцевъ въ мѣстности, заселеніе которыхъ особенно желательно [1]). Также Комитетомъ сибирской желѣзной дороги были сдѣланы нѣкоторыя дополненія къ вышеизложеннымъ началамъ возможнаго упрощенія дѣла выдачи разрѣшеній на переселеніе и для приданія последнему большей сознательности, а именно: была допущена отправка ходоковъ изъ состава отдѣльныхъ семей, желающихъ переселиться въ Сибирь, для выбора и зачисленія за ними на два года подлежащаго количества свободныхъ душевыхъ земельныхъ долей изъ имѣющихся переселенческихъ участковъ. Этимъ ходокамъ рѣшено выдавать безпрепят-

[1]) Въ 1896 году было отпущено правительствомъ на выдачу ссудъ, подлежащихъ возврату, около 2.000,000 рублей. Размѣры ссудъ. выдававшихся переселенцамъ на домоустройство. были различны и колебались, въ зависимости отъ той или другой мѣстности. Такъ, напр.. въ Тобольской губерніи средній размѣръ ссудъ получался въ 57,39 руб., въ Томской—59,33 руб., въ Енисейской—65.47 руб., въ Акмолинской области—46,75 руб. Но и въ предѣлахъ перечисленныхъ губерній,—по словамъ «Прав. Вѣстн.»—ссуды выдавались не одинаково. Наибольшая разность замѣчалась въ Тобольской губеріи, гдѣ въ первомъ участкѣ Тарской округи въ среднемъ на переселенческую семью отпускалось 32,92 руб.. а въ первомъ участкѣ Ишимской округи—72,83 руб.

ственно особыя свидѣтельства на льготный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ оба конца, на полученіе путевыхъ ссудъ и на зачисленіе за пославшими ихъ семьями потребнаго количества душевыхъ земельныхъ долей. По выборѣ ходокомъ мѣста для поселенія, эти свидѣтельства обмѣниваются подписавшими ихъ должностными лицами на проходныя, но лишь только въ томъ случаѣ, если намѣревающіеся перечислиться не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ и если остающіеся въ прежнихъ обществахъ малолѣтніе и неспособные къ труду члены переселенческой семьи обезпечены въ своемъ содержаніи. Наконецъ, Комитетъ сибирской желѣзной дороги, желая придать переселенческому движенію больше сознательности, призналъ полезнымъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ «неотложно измѣнять всѣ зависящія мѣры къ доставленію желающимъ переселиться въ Сибирь сельскимъ обывателямъ возможно подробныхъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ условіяхъ и сущности переселеній». Кромѣ дополненій къ выработаннымъ подготовительной комиссій и утвержденнымъ государственнымъ совѣтомъ узаконеній по переселенческому дѣлу, Комитетъ сибирской желѣзной дороги въ 1896 году разрѣшилъ цѣлый рядъ неотложныхъ вопросовъ болѣе частнаго характера. Во-первыхъ, былъ установленъ порядокъ устройства въ поземельномъ отношеніи переселенцевъ, уже осѣвшихъ въ прежніе годы въ Алтайскомъ горномъ округѣ и проживавшихъ въ мѣстныхъ старожильческихъ селеніяхъ безъ пріемныхъ приговоровъ и нерѣдко безъ всякихъ видовъ на жительство. Число такихъ переселенцевъ на Алтаѣ въ 1896 г. простиралось до 100.000 человѣкъ. Само собою разумѣется, насколько было важно и неотложно ихъ устройство на «новыхъ мѣстахъ». Кромѣ того, Комитетъ выработалъ новыя правила о переселеніи въ Алтай на будущее время. Затѣмъ, Комитетомъ были одобрены предположенія подготовительной комиссіи относительно водворенія въ районѣ Сибирской желѣзной дороги нижнихъ воинскихъ чиновъ. Эти предположенія заключаются въ слѣдующемъ: извѣстные категоріи отставныхъ и раненыхъ чиновъ, служившихъ въ воинскихъ частяхъ Европейской Россіи, пользуются преимуществомъ при полученіи разрѣшенія на переселеніе, а отбывшіе воинскую повинность въ Сибири уроженцы внутреннихъ губерній Имперіи пользуются правомъ ходатайствовать, по окончаніи военной службы, вмѣсто возвращенія на родину, о поселеніи ихъ съ семействами въ районѣ сибирской желѣзной дороги примѣнительно къ условіямъ водворенія вообще переселенцевъ.

Наконецъ, кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ правительственныхъ узаконеній и практическихъ мѣропріятій по переселенческому дѣлу, 12-го апрѣля 1897 года, положеніемъ Комитета сибирской желѣзной дороги было постановлено: въ дополненіе правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли (св. зак. т. IX,

особ. прил. 1, общ. пол. ст. 33 [прим. 2], прил. 1, по прод. 1890 г.) и другихъ подлежащихъ узаконеній, въ видѣ временной мѣры, относительно переселенія сельскихъ обывателей и мѣщанъ въ губерніи Тобольскую и Томскую (кромѣ алтайскаго горнаго округа) и генералъ-губернаторства Степное и Иркутское постановить:

I. Переселенцы, самовольно оставившіе, послѣ ихъ причисленія, отведенныя имъ земли, не имѣютъ права на надѣленіе другими свободными казенными землями. Исключеніе изъ сего можетъ быть допущено въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

II. Надѣлы переселенцевъ, самовольно покинувшихъ мѣста водворенія, считаются свободными для водворенія новыхъ переселенцевъ по истеченіи трехлѣтняго срока со времени оставленія ихъ лицами, которымъ они были предоставлены; надѣлы-же переселенцевъ, перешедшихъ на другое мѣсто съ надлежащаго разрѣшенія (ст. 1 сего полож.), а равно перечислившихся въ установленномъ порядкѣ въ крестьянскія или мѣщанскія общества, поступаютъ вновь въ распоряженіе правительства немедленно за состоявшимся перечисленіемъ переселенцевъ.

III. Въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія самовольно ушедшихъ лицъ, взысканіе съ обществъ недоимокъ въ казенныхъ и земскихъ сборахъ за временные надѣлы временно пріостанавливается, по истеченіи-же трехлѣтняго срока (ст. II сего положенія) числящіяся на сихъ надѣлахъ недоимки слагаются со счетовъ; и

IV. Взысканіе ссудъ съ переселенцевъ, проживающихъ внѣ мѣстъ причисленія, производится по мѣсту дѣйствительнаго пребыванія недоимщиковъ.

Независимо отъ всѣхъ вышеизложенныхъ мѣропріятій законодательнаго характера по переселенческому дѣлу, Комитетъ въ 1896 году, какъ видно изъ его всеподданѣйшаго отчета за истекшій годъ, попрежнему стремился не оставлять своимъ попеченіемъ и насущныхъ нуждъ переселяющихся. Его попеченіе выразилось въ слѣдующихъ мѣропріятіяхъ. Во-первыхъ, въ Сибири, начиная отъ Челябинска, была расширена сѣть врачебно-продовольственныхъ пунктовъ. Затѣмъ, въ Тюмени, Омскѣ, Ачинскѣ, для скорѣйшаго передвиженія переселенцевъ къ мѣстамъ ихъ водворенія, были заготовлены перевозочныя средства (телѣги и лошади) для продажи ихъ выходцамъ по заготовительной цѣнѣ, а для эвакуаціи переселяющихся изъ Тюмени, Омска и Кривощекова были зафрахтованы пароходы и баржи. Во-вторыхъ, чтобы облегчить для новоселовъ пріобрѣтеніе въ Сибири болѣе современныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ хорошаго качества и строительныхъ матеріаловъ, Комитетъ отпустилъ необходимыя средства и устроилъ на нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особые склады этихъ предметовъ. Наконецъ, въ третьихъ, Коми-

тетъ также принималъ особыя мѣры къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ новоселовъ—устраивалъ для нихъ церкви, школы, почтовыя учрежденія. На ряду со всѣми этими мѣрами, подъ руководствомъ Комитета, попрежнему продолжались гидротехническія работы, какъ для снабженія уже отведенныхъ переселенческихъ участковъ водою, такъ и для обращенія въ колонизаціонную площадь заболоченныхъ пространствъ. Также въ 1896 году, какъ и въ предыдущіе, производились работы по заготовленію переселенческихъ участковъ. Эти работы были распространены на Акмолинскій уѣздъ, Акмолинской области, и Минусинскій округъ, Енисейской губерніи. Кромѣ того, въ остальной части Акмолинской, а также въ Семипалатинской области было предпринято естественно-историческое и хозяйственно-статистическое изслѣдованіе съ цѣлью примиренія интересовъ мѣстнаго кочевого населенія и правительства, заинтересованнаго въ заселеніи данныхъ районовъ осѣдлымъ элементомъ. Въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ, Комитетъ также намѣтилъ разработку предположеній о спеціальныхъ мѣрахъ, которыя способствовали-бы переходу кочевниковъ-киргизовъ въ осѣдлое состояніе. Затѣмъ, имѣя въ виду дальнѣйшее расширеніе заботъ по заготовленію переселенческихъ участковъ, Комитетъ организовалъ изслѣдованіе таежныхъ пространствъ для выдѣленія изъ нихъ пригодныхъ въ естественномъ состояніи подъ заселеніе площадей и увеличивъ на 1897 г. наличный составъ поземельно-устроительныхъ и межевыхъ партій. Наконецъ, въ видахъ заселенія района вдоль линіи сибирской желѣзной дороги осѣдлымъ русскимъ населеніемъ, Комитетъ отпускалъ кредиты какъ на заселеніе вдоль уссурійской линіи забайкальскихъ казаковъ, такъ и на производство землемѣрныхъ работъ, на проведеніе дорогъ въ южно-уссурійскомъ краѣ и на его изслѣдованіе, а также и Амурской области. Что-же касается вопроса объ изобиліи или недостаткѣ земель въ Сибири, могущихъ служить для водворенія переселенцевъ, то на него въ 1896 году было обращено Комитетомъ особенно серьезное вниманіе и принято много мѣръ для его изученія и правильнаго разрѣшенія. Изслѣдованіемъ этого кореннаго первостепенной важности во всемъ переселенческомъ дѣлѣ вопроса, кромѣ поземельно-устроительныхъ и межевыхъ партій, занялся управляющій дѣлами Комитета сибирской желѣзной дороги, статъ-секретарь А. Н. Куломзинъ, который съ этой цѣлью,—а также, чтобы «вникнуть въ причины, вызывающія уходъ переселенцевъ съ родины, и условія, которыми онъ обставленъ, выяснить нужды этихъ выходцевъ въ пути слѣдованія, ознакомиться съ разнообразными сторонами первоначальнаго устройства и жизни ихъ на новой родинѣ, съ характеромъ земель, на которыхъ въ настоящее время новоселамъ приходится созидать свое хозяйство, а равно и съ мѣстностями, могущими служить будущимъ колонизаціоннымъ фондомъ», обслѣдовавъ въ разнообразныхъ

направленіяхъ весь тотъ районъ Сибири, куда до послѣдняго времени шли и идутъ переселенцы и куда они направятся въ ближайшее время. По окончаніи своей поѣздки въ Сибирь г. Куломзинъ далъ о ней своей «Всеподданнѣйшій отчетъ». Въ этомъ отчетѣ, обстоятельно изложенномъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» [1]), приводятся слѣдующія данныя о емкости Сибири и соотвѣтствующіе ему выводы, имѣющіе громаднѣйшій общегосударственный интересъ и значеніе.

Въ Тобольской губерніи, изъ пользованія коренного населенія уже выдѣлены всѣ тѣ находящіяся ранѣе въ его владѣніи земли, которыя можно было изъять безъ опасности причиненія ему серьезнаго ущерба; главный интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи представляютъ поэтому огромныя «казенныя пустопорожнія пространства», или урманы, занимающіе въ одномъ только Терскомъ округѣ болѣе 4½ милл. десятинъ. Посѣтивъ лично ближайшіе къ населенной части этого округа урманы, расположенные по р.р. Шишу и Тую, г. Куломзинъ нашелъ здѣсь, хотя и не сплошныя, но обширныя пространства, вполнѣ пригодныя для сельско-хозяйственной культуры. Не говоря уже о возможности медленнаго и постепеннаго заселенія, которая также не отрицается и приверженцами пессимистическаго взгляда на будущность сибирскаго переселенія,—въ бассейнѣ названныхъ рѣкъ до 300 тысячъ десятинъ пригодны для немедленнаго обращенія въ пашню, а слѣдовательно—и для немедленнаго водворенія переселенцевъ. Что же касается пригодности этого района для колонизаціи, то она доказывается какъ качествомъ почвы, такъ и, особенно, примѣромъ сосѣдней Сѣдельниковской волости, еще не такъ давно являвшейся такимъ-же урманомъ, а нынѣ превратившейся во вторую родину нѣсколькихъ тысячъ переселенцевъ. Вдоль всего 200-верстнаго протяженія Иртыша отъ западной границы Терскаго округа и по системахъ лѣвыхъ притоковъ Иртыша, гдѣ по краямъ пустопорожнихъ пространствъ и внутри ихъ—разбросаны сходныя, пригодныя для заселенія пространства, немало заимокъ и небольшихъ самовольныхъ поселковъ. Затѣмъ, осушка и обращеніе въ культурное состояніе Васюганской тундры также представляется болѣе, чѣмъ вѣроятной. Наконецъ, изслѣдованіе незанятыхъ нынѣ пространствъ южной части Тобольскаго округа тоже откроетъ, по мнѣнію г. Куломзина, не мало пригодныхъ для сельско-хозяйственной культуры мѣстъ. Что-же касается трехъ округовъ Томской губерніи, находящихся въ завѣдываніи министерства земледѣлія, и сторожильскихъ дачъ, то тамъ свободныя земли почти исчерпаны. Исключеніе составляетъ лишь сѣверо-восточная часть Каинскаго округа и западная лѣсистая часть Томскаго, гдѣ, по разсчету г-на Куломзина для образованія переселенческихъ участковъ, прибли-

---

[1]) «Русс. Вѣд.» №№ 76, 90, 99.

зительно имѣется еще до 130.000 десятинъ. Но затѣмъ остаются громадныя площади, занятыя Барабинскою степью, Васюганскимъ болотомъ и Томско-Чулымскою и Маріинскою тайгами. Въ Барабинской степи, гдѣ до сихъ поръ интенсивная колонизація задерживалась ея болотистостью и вообще избыткомъ воды, съ 1895 года начаты осушительныя работы. Послѣднія ведутся вполнѣ цѣлесообразно и успѣшно, и это обстоятельство даетъ основаніе г-ну Куломзину надѣяться, что осушка можетъ завоевать для культуры въ Барабѣ до четырехъ милліоновъ десятинъ, донынѣ служащихъ только очагомъ сибирской язвы и болотныхъ лихорадокъ. Далѣе, собранныя г. Куломзинымъ путемъ осмотровъ и распросныхъ данныхъ свѣдѣнія о таежныхъ пространствахъ Томско-Чулымскаго и Маріинско-Чулымскаго районовъ вызываютъ у него сомнѣніе въ справедливости господствующаго взгляда о безусловномъ и чрезвычайно вредномъ вліяніи тайги на земледѣльческую культуру: только низкія таежныя и подтаежныя пространства страдаютъ отъ вымоканія, каковыя явленія рѣдко наблюдаются на высокихъ пространствахъ, даже лежащихъ въ глубинѣ тайги. А такъ какъ въ той или другой тайгѣ такихъ высокихъ пространствъ очень много и они имѣютъ характеръ «еланей», по почвеннымъ условіямъ вполнѣ пригодныхъ для культуры, то они, слѣдовательно, также могутъ быть отведены подъ переселенческіе участки. Г. Куломзинъ не ставитъ крестъ даже надъ гористой южной Маріинской тайгой, до сихъ поръ закрытой для заселенія и исключительно предназначенной для золото-промышленности, такъ какъ, по его мнѣнію, западная часть ея, ближайшая къ желѣзной дорогѣ, повидимому, представляетъ немало удобныхъ для поселенія мѣстъ. Мало утѣшительнаго представляетъ собою и Енисейская губернія. Тамъ въ двухъ уѣздахъ—Красноярскомъ и Ачинскомъ—крестьянскія волостныя дачи тоже можно считать уже исчерпанными. Впрочемъ, въ будущемъ, при поземельномъ устройствѣ, изъ пользованія старожиловъ представляется возможность еще выдѣлить, приблизительно, до 350 тыс. десятинъ. Въ Минусинскомъ округѣ также можно выдѣлить въ участки еще нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, въ Канскомъ-же округѣ, по словамъ г. Куломзина, пространство излишнихъ земель, доступныхъ въ ближайшемъ будущемъ къ изъятію изъ пользованія старожиловъ, исчисляется сотнями тысячъ десятинъ. Всѣ эти осмотрѣнные г. Куломзинымъ участки обильно орошены и достаточно обезпечены хорошими пахотными и сѣнокосными мѣстами, а также и лѣсомъ. О пустующихъ пространствахъ Красноярскаго и Ачинскаго округовъ г. Куломзинъ не смогъ получить благопріятныхъ свѣдѣній. Производившіяся въ таежныхъ мѣстностяхъ Минусинскаго округа рекогносцировки до сихъ поръ также дали незначительные результаты. Правда, въ одномъ районѣ удалось найти довольно обширную хорошо орошенную площадь, покрытую, глав-

нымъ образомъ, лиственнымъ лѣсомъ, перемежающимся съ болѣе или менѣе значительными травянистыми «еланями», вполнѣ пригодными для культуры; но въ другихъ мѣстностяхъ рекогносцировка осталась почти безрезультатною — она дала только не болѣе 20 тыс. десятинъ, удобныхъ для заселенія. Южную часть Канскаго округа, отъ тракта къ югу до Саянскихъ горъ и между рр. Бирюсею и Каномъ, г. Куломзинъ нашелъ вполнѣ благопріятною для заселенія. Напротивъ, сѣверная часть Канскаго округа, почти сплошь состоящая изъ лѣсистыхъ и болотистыхъ площадей, съ колонизаціонной точки зрѣнія, по его мнѣнію, не представляетъ ничего привлекательнаго. Затѣмъ, въ Иркутской губерніи, гдѣ заготовленіе участковъ началось только съ 1896 года, въ крестьянскихъ волостныхъ дачахъ заготовлено полтораста тысячъ десятинъ и можно будетъ выдѣлить не свыше того-же количества, причемъ даже *значительная часть образованныхъ участковъ страдаетъ чрезмѣрною лѣсистостью и не представляетъ особыхъ удобствъ для водворенія.* Далѣе, въ четырехъ округахъ Иркутской губерніи имѣется 22 милліона десятинъ пустующихъ земель. Эти обширныя пространства, преимущественно гористыя, почему нельзя разсчитывать на то, что они дадутъ значительное количество земель, годныхъ для культуры, а тѣмъ болѣе для непосредственнаго обращенія въ сельскохозяйственныя угодья. Однако, и здѣсь, по мнѣнію г. Куломзина, вѣроятно, будутъ отыскиваться пригодныя для колонизаціи площади. Въ этомъ убѣждаетъ его бѣглое знакомство съ Нижнеудинскою тайгой, гдѣ мѣстами имѣется въ наличности довольно обширныхъ пространствъ, вполнѣ пригодныхъ для обращенія въ переселенческіе участки, хорошо орошенныхъ и изобилующихъ пашенными мѣстами. Наконецъ, г. Куломзинъ переходитъ къ характеристикѣ Акмолинской области. На эту область онъ возлагаетъ въ колонизаціонномъ отношеніи большія надежды. Сопоставленіе цифры пространства области съ цифрою киргизскаго населенія убѣждаетъ изслѣдователя въ томъ, что область эта заключаетъ достаточно простора какъ для водворенія въ ней массы переселенцевъ, такъ и для дальнѣйшаго развитія скотоводства. Но правильно поставленная русская колонизація Акмолинской области, по мнѣнію г. Куломзина, прежде всего не должна идти въ ущербъ интересамъ казеннаго киргизскаго населенія; послѣдніе-же могутъ ограждаться лишь путемъ тщательнаго спеціальнаго изслѣдованія, каковое нынѣ уже и предпринято по иниціативѣ сибирскаго Комитета, какъ это видѣли выше наши читатели. Недостатокъ пригодный для питья воды въ Акмолинской области также можетъ представить значительныя препятствія успѣшному водворенію тамъ переселенцевъ. Употребленіе-же горько-соленой воды влечетъ за собою широкое развитіе цынги, что и наблюдалось уже въ нѣкоторыхъ изъ заселенныхъ новоселами участковъ. Такимъ образомъ, къ заселенію тамъ

участковъ можно приступить лишь при полной увѣренности въ ихъ достаточномъ водоснабженіи. Но такая увѣренность не обезпечивается даже расположеніемъ участковъ при прѣсныхъ озерахъ, нерѣдко, какъ приходилось наблюдать, часто и неожиданно высыхающихъ. Кромѣ того, предпринятыя въ Акмолинской области съ 1895 года обширныя гидротехническія работы, во многихъ мѣстахъ дали воду лишь на очень большой глубинѣ, а на нѣкоторыхъ участкахъ хорошей воды и вовсе не получили.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ о емкости Сибири, г. Куломзинъ дѣлаетъ рядъ соотвѣтствующихъ выводовъ. «Я не осмѣливаюсь,—говоритъ онъ, во-первыхъ,—съ положительностью утверждать, что въ Сибири мѣстъ, непосредственно пригодныхъ для обращенія въ культурное состоянія, много, но главнымъ образомъ никакъ не рѣшусь сказать, что такихъ мѣстъ мало. Первые шаги въ невѣдомую тайгу, предпринятые для выдѣленія цѣнныхъ лѣсныхъ насажденій и для предоставленія остальныхъ пространствъ подъ вольное заселеніе, обнаружили площади, годныя для сплошного заселенія. Почему-же не предполагать, что это—только начало «открытій»? Какія основанія думать, что дальнѣйшіе поиски въ этомъ отношеніи будутъ безрезультатны?» Не видя такихъ основаній, г. Куломзинъ думаетъ, что таежная природа не будетъ злымъ врагомъ новоселовъ. По его мнѣнію, неохотное занимaніе новоселами таежныхъ и подтаежныхъ участковъ и оставленіе ихъ, а также и неблагопріятныя условія для хозяйства тамъ, — вовсе не служатъ доказательствомъ невозможности ихъ заселенія, а лишь свидѣтельствуютъ о необходимости направлять въ тайгу изъ среды переселенцевъ наиболѣе подходящіе элементы. Затѣмъ, независимо отъ тайги, въ будущемъ,—по мѣрѣ поземельнаго устройства и окончательнаго введенія въ норму землевладѣнія крестьянъ и инородцевъ Сибири и по завершеніи изслѣдованія и выясненіи истинныхъ земельныхъ нуждъ киргизъ, населяющихъ степныя области,—должны открыться для заселенія значительныя земельныя площади.

Но все это,—кстати оговаривается г. Куломзинъ,—дѣло будущаго; *на ближайшее-же время вполнѣ опредѣлившійся земельный фондъ выражается 129,067 душевыми долями, въ предѣлахъ которыхъ только и могутъ быть построены всѣ разсчеты по направленію и водворенію въ 1897 году и ближайшихъ годахъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Сибири.* При этомъ самыя условія водворенія въ настоящее время стали гораздо хуже, нежели были прежде: «прежде переселенческіе участки заключали въ себѣ много пространствъ, уже бывшихъ въ культурѣ; распашки ихъ были вполнѣ подъ силу переселенцамъ. *Теперь въ подобныхъ условіяхъ участковъ почти нѣтъ.* Вездѣ преобладаютъ либо площади лѣсного характера, которыя надо разрабатывать подъ пашню, или-же, хотя и открытыя, но никогда не пахавшіяся цѣлины, для поднятія которыхъ нужны 2—3 хорошихъ лошади или 5—6 паръ воловъ; въ противополож-

ность прежнимъ, «нынѣшніе участки значительно удалены отъ старожильскихъ селеній, а слѣдовательно—и отъ какихъ-либо заработковъ», наконецъ, «по мѣрѣ удаленія отъ запада къ востоку хлѣбныя цѣны возростаютъ и соотвѣтственно этому повышаются цѣны на лошадей, коровъ и прочіе необходимые предметы крестьянскаго хозяйства». *Въ окончательномъ результатѣ—«недостатокъ наличнаго запаса земель для удовлетворенія въ 1897 и ближайшихъ годахъ всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ представляется очевиднымъ;* съ другой стороны, естественныя условія новыхъ участковъ дѣлаютъ занятіе и разработку ихъ дѣломъ не легкимъ, требующимъ не малой затраты труда и капитала и доступнымъ не всякому». Всѣ эти обстоятельства, заставляя стремиться къ сокращенію переселенческаго движенія, требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію г. Куломзина, тщательнаго подбора переселенцевъ и допущенія къ переселенію только семействъ сильныхъ по рабочему составу и обладающихъ достаточными дли первоначальнаго обзаведенія и упроченія своего хозяйства капиталомъ.

Таковы собранныя г. Куломзинымъ данныя о емкости Сибири и сдѣланные изъ нихъ выводы. Тѣ и другіе представляютъ собою мало утѣшительнаго, также какъ и наблюденія г. Куломзина надъ житьемъ-бытьемъ въ Сибири новоселовъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ непривлекательныхъ краскахъ онъ рисуетъ послѣднее. «Во время совершенной мною лѣтомъ 1896 года,—разсказываетъ г. Куломзинъ,—поѣздки по Сибири, *я на каждомъ шагу* имѣлъ случай наблюдать, какъ часто, отъ безъисходной нужды и по совершенному невѣдѣнію всѣхъ трудностей устройства на новыхъ мѣстахъ, въ Сибирь заходятъ люди маломощные, не имѣющіе никакихъ матеріальныхъ средствъ. *Каждый день воочію я видѣлъ, сколько горя, страданій и всяческихъ лишеній выпадаетъ на долю этихъ тружениковъ и ихъ семействъ.* Вотъ пришла въ тюкалинскій округъ семья харьковцевъ—мужъ, жена съ тремя малолѣтними дѣтьми. Бодро принялись переселенцы за дѣло, но не выдержало здоровье дѣтей, и они умерли на горе родителямъ; мать не перенесла испытанія, вскорѣ лишилась разсудка и была помѣщена въ больницу умалишенныхъ. Припоминаю чуть не ежедневно въ каждомъ почти поселкѣ видѣнныя мною тяжелыя картины безотраднаго положенія овдовѣвшихъ семейныхъ переселенокъ. Нѣтъ хлѣба, въ иныхъ случаяхъ нѣтъ и семейныхъ надѣловъ, и нѣтъ даже надежды на возможность какъ-нибудь устроиться, подняться. А пожары, неурожаи, непрекращающіяся въ Сибири эпидеміи сибирской язвы, уносящія тысячи головъ, главное богатство переселенцевъ,—я видѣлъ, какимъ тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ ложатся эти бѣдствія на молодое, бѣдное средствами хозяйство новоселовъ; я убѣдился, какъ нужна въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ быстрая помощь».

Усилившееся за послѣдніе годы переселенческое движеніе въ Сибирь и обратно, хаотическое состояніе его и вообще всего переселенческаго

дѣла; бѣдственное и ненормальное положеніе выходцевъ въ пути и на мѣстахъ ихъ водворенія; сокращеніе земельныхъ запасовъ, приготовленныхъ для отвода переселенцамъ въ Сибири и Степномъ генералъ-губернаторствѣ; наконецъ, возникновеніе существенныхъ затрудненій въ устройствѣ прибывшихъ въ эти мѣстности переселенцевъ—вынудили правительство обратить на переселенія въ Сибирь еще болѣе серьезное вниманіе и принять для его скорѣйшаго и раціональнѣйшаго упорядоченія новыя мѣры. Прежде всего правительство признало необходимымъ для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ учредить центральное управленіе въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на правахъ его особаго департамента. На обязанности вновь организованнаго департамента по переселенческимъ дѣламъ было возложено слѣдующее: а) руководство дѣломъ выдачи разрѣшеній на переселеніе и, въ случаѣ нужды, и самая выдача послѣднихъ; б) принятіе мѣръ къ упорядоченію переселеній; в) попеченіе о первоначальномъ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ ихъ водворенія; г) завѣдываніе всѣми отпускаемыми по министерству внутреннихъ дѣлъ кредитами на переселенческое дѣло; д) предварительная разработка всѣхъ новыхъ мѣропріятій законодательнаго и административнаго характера, вызываемыхъ необходимостью послѣдующаго развитія переселенческаго дѣла и е) производство дѣлъ, признанныхъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ по тѣсной ихъ связи съ переселенческою частью лежащими на обязанности переселенческаго управленія.

Переселенческое управленіе дѣятельно занялось разрѣшеніемъ возложенной на него трудной задачи. Вскорѣ послѣ своего учрежденія, оно выступило съ новой программой своей дѣятельности, которая и была опубликована 20-го января 1897 года въ видѣ циркуляра г. министра вн. дѣлъ губернаторамъ. Въ этомъ циркулярѣ выражены правительственные взгляды на дальнѣйшій ходъ переселенческаго дѣла и указаны руководящіе принципы, которыми должна руководствоваться губернская и уѣздная администрація, а также—мѣропріятія въ этой сферѣ, которыми правительство думаетъ достичь своихъ цѣлей.

Въ циркулярѣ 20-го января 1897 года также, какъ и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Комитета сибирской желѣзной дороги за 1896 годъ и г. Куломзина о его поѣздкѣ по Сибири, прежде всего констатируется хаотическое состояніе переселенія и истощеніе запаса такъ называемыхъ «мягкихъ», т.-е. уже бывшихъ подъ пашней земель. Остающіяся-же свободныя площади земли, по заявленію циркуляра, не представляютъ благопріятныхъ условій для хозяйства. Большинство этихъ участковъ, состоя изъ таежныхъ пространствъ или степныхъ площадей, доступны для обработки лишь *«сильнымъ численностью работниковъ и зажиточнымъ крестьянскимъ семьямъ»*. Въ Томской и Тобольской губерніяхъ свободныхъ участковъ осталось мало. Что-же касается области степного края, то правительство, впредь до разрѣшенія вопроса о поземельномъ

устройствѣ мѣстныхъ инородцевъ, сочло нужнымъ оставить ее впредь закрытой для переселенія. Такимъ образомъ, остаются свободными только участки въ районѣ Восточной Сибири, но переселеніе туда очень дорого и неудобно. Въ виду всего этого, Комитетъ рѣшилъ принять всѣ мѣры къ сокращенію движенія и, затѣмъ, «озаботиться надлежащимъ подборомъ переселенцевъ изъ лицъ и семей, приспособленныхъ къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ новыхъ мѣстъ водворенія». Средствомъ для достиженія этихъ цѣлей должно служить распространеніе среди крестьянскаго населенія точныхъ свѣдѣній какъ о мѣстахъ, куда выходцы стремятся, такъ и объ условіяхъ передвиженія. Къ опроверженію неопредѣленныхъ и, по большей части, преувеличенно заманчивыхъ слуховъ о Сибири должны быть направлены всѣ усилія властей, призванныхъ къ ближайшему завѣдыванію крестьянскимъ дѣломъ на мѣстахъ,—земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ и другихъ соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ. Всѣ эти лица, согласно циркуляру, обязаны внушать крестьянамъ, что переселеніе сопряжено съ большими издержками и по закону можетъ быть допускаемо не иначе, какъ на собственныя средства переселяющихся; что правительственныя пособія выдаются лишь нѣкоторымъ изъ числа бѣднѣйшихъ переселенцевъ и что въ настоящемъ году размѣры путевыхъ ссудъ не будутъ превышать 5 рубл. на ходока или семейство, а ссуды на обзаведеніе—30 рубл. на дворъ. Придавая такому способу вліянія на населеніе весьма существенное значеніе, г. министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился составленіемъ особаго справочнаго пособія, которое и было выпущено въ свѣтъ особой брошюрой подъ заглавіемъ «Сибирское переселеніе», а также напечатано въ № 1-мъ «Сельскаго Вѣстника» за 1897 годъ. Придавая не менѣе важное значеніе непосредственному знакомству переселенцевъ съ истинными условіями водворенія въ Сибири, правительство, въ лицѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшило поощрять ходачество, причемъ ходоки могутъ быть посылаемы и отдѣльными семьями и цѣлыми группами крестьянъ-односельцевъ Относительно ходоковъ переселенческое управленіе приняло выработанныя и уже извѣстныя нашимъ читателямъ правила сибирскаго комитета. Ходоковъ, впрочемъ, могутъ посылать лишь семьи, получившіе отъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій право на переселеніе. При этомъ, названнымъ присутствіямъ циркуляръ указываетъ на *нежелательность чрезмѣрнаго развитія переселенія* и о необходимости предварительнаго, въ предѣлахъ возможности, изысканія иныхъ средствъ для улучшенія благосостоянія ходатайствующихъ о переселеніи. Во всякомъ случаѣ, согласно циркуляру, названныя выше учрежденія не должны допускать переселенія въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ даннаго общества, наблюдая также, чтобы не выселялись семьи, которыя по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ раз-

считывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири. Для ограниченія переселеній, въ особенности самовольныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выработало рядъ мѣръ, которыми должны руководствоваться подлежащія губернскія и уѣздныя власти. Во-первыхъ, предложено всѣмъ начальникамъ подлежащихъ губерній и областей Сибири и Степного края пріостановить отводъ земель переселенцамъ, которые прибудутъ въ этомъ году въ Сибирь безъ установленнаго разрѣшенія и не допускать зачисленія участковъ за ходоками, не снабженными надлежащими свидѣтельствами. Во-вторыхъ, согласно постановленію сибирскаго комитета 7-го минувшаго декабря, въ текущемъ году самовольные переселенцы при своемъ слѣдованіи на новыя мѣста не имѣютъ права на полученіе путевыхъ ссудъ. Наконецъ, въ-третьихъ, гг. губернаторы должны бдительно слѣдить за точнымъ выполненіемъ прежнихъ распоряженій министерства о предупрежденіи и пресѣченіи всѣхъ попытокъ къ самовольному выселенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гг. губернаторы должны предписать всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ чинамъ имѣть особый надзоръ за дѣйствіями должностныхъ лицъ сельскаго и волостного общественнаго управленія по выдачѣ видовъ на отлучку и при распродажѣ самовольными переселенцами имущества, не допуская впредь нерѣдкихъ, по словамъ циркуляра, до сего времени незаконныхъ поборовъ или выдачъ переселенцамъ, вмѣсто паспортовъ, разнаго рода документовъ, не установленныхъ закономъ, въ родѣ увольнительныхъ приговоровъ сельскихъ сходовъ, удостовѣреній личности переселенца, засвидѣтельствованія предполагаемой потребности даннаго лица въ переселеніи и т. д. Кромѣ того, предписывается имѣть неослабное наблюденіе, чтобы не была допускаема выдача приговоровъ и какихъ-либо удостовѣреній ходокамъ, самовольно избираемымъ сельскими обществами, товариществами или иными группами лицъ, не получившихъ установленнаго разрѣшенія на переселеніе.

Таковы основные принципы и мѣропріятія юнаго переселенческаго Комитета. Какъ видѣли выше наши читатели, они почти аналогичны съ принципами и мѣропріятіями сибирскаго комитета и различіе ихъ заключается развѣ только въ бо́льшей репрессивности.

Для оказанія помощи сибирскимъ переселенцамъ и для посильнаго удовлетворенія ихъ нуждъ, при канцеляріи комитета министровъ за послѣднее время съ высочайшаго соизволенія былъ открытъ пріемъ пожертвованій на образованіе благотворительнаго фонда. Изъ средствъ этого фонда, черезъ мѣстныя и благотворительныя общества и отдѣльныхъ, заслуживающихъ довѣрія, лицъ, «будутъ оказываться въ несчастныхъ случаяхъ пособія больнымъ и сирымъ, голоднымъ по невольно впавшимъ въ бѣду переселенцамъ».

Вотъ все, что за послѣднее время было предпринято и предпринимается правительствомъ для урегулированія переселеній.

Н. Арефьевъ.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ.

Записки литературной жизни. Переводъ Е. К.

(*Продолженіе* [1]).

1870.

Воскресенье 26-го іюня [2]). Баръ-сюръ Сенъ. Мѣста, гдѣ сохранилось нѣчто изъ моей прежней жизни, теперь молчатъ, не говорятъ мнѣ ничего новаго,—заставляютъ только вспоминать. Въ этомъ домѣ мы всегда бывали вдвоемъ, и теперь минутами случается, что я думаю о немъ, будто онъ живъ, или просто забываю, что онъ умеръ. Бываютъ звонки, при которыхъ мнѣ хочется вскочить со стула, какъ будто это Жюль, возвращаясь, дернулъ второпяхъ колокольчикъ и бросаетъ въ дверяхъ служанкѣ: «Гдѣ Эдмонъ?»

Четвергъ 30-го іюня. Я такъ несчастенъ, что возбуждаю вокругъ себя какую-то особенную женскую чувствительность. Что за милое письмо написала мнѣ м-мъ *** и какую невыразимую нѣжность приноситъ оно мнѣ.

Отъ одного воспоминанія я не могу отдѣлаться. Одно время я вздумалъ играть съ нимъ на билліардѣ. Хотѣлъ развлечь его, но только мучилъ. Однажды, когда, вѣроятно, боль не давала ему играть внимательно, и онъ, то и дѣло, попадалъ мимо, я слегка ударилъ его кіемъ по пальцамъ. «Какъ ты грубъ со мною», сказалъ онъ. Тонъ его упрека, не то кроткій, не то грустный, все еще звучитъ у меня въ ушахъ.

18-го іюля. Я не боленъ, но тѣло мое не хочетъ ни ходить, ни дѣйствовать; ему противно всякое движеніе; оно жаждетъ неподвижности факира; притомъ у меня непрерывно то нервное ощущеніе пустоты подъ

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣстн.» № 7.

[2]) Братъ мой умеръ въ Отейлѣ 20 іюня.

ложечкой, которое вызывается глубокимъ потрясеніемъ: оно становится еще мучительнѣе отъ страха передъ большой войной, которая теперь затѣвается.

Суббота 23-го іюля. Хотѣлось-бы мнѣ увидѣть его во снѣ. Мысль моя, весь день занятая имъ, надѣется встрѣтить его ночью, призываетъ его, желаетъ его утѣшительнаго воскрешенія въ обманчивой правдивости сновидѣнія. Но сколько я ни вызываю его, ночи мои пусты, не даютъ мнѣ воспоминанія о немъ, его образа.

Сердце мое не лежитъ ни къ чему; нѣтъ ни къ чему охоты. Мой молоденькій кузенъ Лабиль, прозванный нами въ дѣтствѣ «морякъ», потому что готовился въ морскую службу, хотѣлъ увезти меня заграницу—я не рѣшился. Представлялся случай сдать домъ—я колебался. У меня нѣтъ силы, необходимой для какого-бы то ни было рѣшенія.

30-го іюля. Въ этомъ городѣ, въ этомъ домѣ, куда мы каждый годъ пріѣзжали вмѣстѣ, въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, каждый шагъ шевелитъ прошлое, изъ котораго встаютъ воспоминанія.

Тутъ было наше убѣжище послѣ смерти матери, наше убѣжище послѣ смерти старой Розы, тутъ проводили мы каждое лѣто каникулы, послѣ зимней работы, послѣ книги, выпущенной весной. На тропинкахъ, гдѣ пахнетъ лавандой, по берегамъ Сены, у пороговъ рѣки, черезъ которые мы перебирались съ длинными палками, мы вмѣстѣ составляли описанія для «Шарль Демальи». Въ церкви мы вмѣстѣ рисовали оконную живопись, изображающую средневѣковое «шествіе жирнаго быка». Тамъ, въ виноградникѣ, мы узнали о смерти Гаварни. Здѣсь, на эту постель, которая осталась такою-же, съ тѣхъ поръ какъ Жюль лежалъ на ней рядомъ со мной, бросили однажды, рано утромъ, то письмо Тьерри, гдѣ онъ насъ торопилъ вернуться въ Парижъ, чтобы начать репетиціи Henriette Maréchal».

И возвращаясь къ началу, къ самому началу тѣхъ годовъ, я вижу, какъ мы выходимъ изъ этой двери, въ бѣлыхъ блузахъ, съ сумкой за спиной—пускаемся въ путешествіе по Франціи, въ 1849 г. Онъ былъ такой хорошенькій, розовый, безбородый; въ деревняхъ, гдѣ мы проходили, его принимали за женщину, похищенную мною.

21-го августа. Въ Булонскомъ лѣсу. Когда смотришь, какъ падаютъ подъ топоромъ большія деревья,—падаютъ, шатаясь, какъ раненые на смерть, когда видишь тамъ, гдѣ раньше былъ зеленый пологъ, поле, усѣянное острыми пнями, зловѣщую борону, сверкающуюся бѣлымъ блескомъ—тогда сердце наполняется ненавистью къ пруссакамъ, виновникамъ всѣхъ этихъ убійствъ въ природѣ.

Я каждый вечеръ возвращаюсь по желѣзной дорогѣ съ однимъ старикомъ, имени котораго не знаю, умнымъ и болтливымъ старикомъ, который, кажется, пожилъ во всѣхъ сферахъ общества и знаетъ секретную

хронику всего свѣта. Вчера онъ говорилъ объ императорѣ, разсказывалъ про его женитьбу. Онъ говорилъ, что анекдотъ этотъ разсказывалъ Морни, который его слышалъ отъ самого императора. Однажды императоръ спрашивалъ дѣвицу Монтихо, очень настоятельно, и призывая ее къ слову, какъ призываютъ къ чести мужчину, спрашивалъ ее, не было ли у нея какой-нибудь серьезной привязанности? M-lle де-Монтихо будто-бы, отвѣтила: «не хочу васъ обманывать, государь, и признаюсь вамъ, что сердце мое говорило, и даже не разъ, но въ одномъ могу васъ увѣрить, что я все еще дѣвица Монтихо». На это увѣреніе императоръ сказалъ: «сударыня, вы будете императрицей».

Суббота 27-го августа. Золя пришелъ ко мнѣ завтракать. Онъ говорилъ мнѣ о задуманной имъ серіи романовъ: честолюбіе заставляетъ его взяться за эту эпопею въ девяти частяхъ, естественную и соціальную исторію одного семейства, съ описаніемъ темпераментовъ, характеровъ, пороковъ и добродѣтелей, по разному развиваемыхъ средою и разнообразно освѣщаемыхъ, какъ отдѣльные уголки сада: «гдѣ тѣни, а гдѣ солнце».

Онъ говорилъ: «послѣ анализа безконечно малаго въ чувствѣ, какъ тотъ анализъ, который выполнилъ Флоберъ въ «М-мъ Бовари», послѣ того анализа артистическихъ, пластическихъ и нервныхъ явленій, который сдѣлали вы, послѣ этихъ «ювелирныхъ вещей», этой чеканной работы, нѣтъ уже мѣста молодымъ; имъ нечего дѣлать: сочинять, ставить лицо, фигуру невозможно; теперь развѣ только большимъ числомъ томовъ, могуществомъ творчества можно еще дѣйствовать на публику».

3-го сентября. Что за жизнь среди этой великой и ужасающей неизвѣстности, которая окружаетъ и давитъ насъ...

Что за зрѣлище представлялъ собою сегодня Парижъ при извѣстіи о пораженіи Мак-Магона и о взятіи въ плѣнъ императора! Кто опишетъ унылость лицъ, движеніе взадъ и впередъ безсознательныхъ шаговъ, безцѣльно топчущихъ асфальтъ, черныя пятна людей, скучившихся около мэрій, осаду кіосковъ, тройную линію читателей газетъ подъ каждымъ газовымъ рожкомъ, тревожные «a parte» консіержей и лавочниковъ у дверей, а тамъ, за прилавками на стульяхъ, убитыя позы женщинъ, однѣхъ, безъ мужей... Потомъ грозный гулъ толпы, въ которой, вслѣдъ за остолбенѣніемъ, разражается гнѣвъ; вереница людей, бѣгущихъ по бульвару съ крикомъ: «пораженіе! да здравствуетъ Трошю!»

Вторникъ 6-го сентября. За обѣдомъ у Бребанъ застаю Ренана. Сидитъ одинъ за большимъ столомъ въ красной гостиной, читаетъ газету, съ отчаяніемъ размахивая руками.

Входитъ Сенъ-Викторъ, опускается на стулъ и кричитъ, какъ подъ впечатлѣніемъ страшнаго видѣнія...

Нефцеръ, дю-Мениль, Бертело и др. приходятъ одинъ за другимъ, и

обѣдъ протекаетъ среди грустныхъ рѣчей. Говорятъ о пораженіи и невозможности сопротивленія, о неспособности руководителей національной защиты, о грустной незначительности ихъ вліянія на дипломатическій корпусъ и на нейтральныя государства. Клеймятъ дикость пруссаковъ, воскрешающихъ времена Гензериха...

Въ теченіе разговора кто-то проронилъ:

— Оружіе, требующее точности, не годится французскому темпераменту. Нашъ солдатъ любитъ стрѣлять быстро, бросаться въ штыки, а разъ это невозможно, онъ парализованъ. Сдѣлаться изъ человѣка машиной—это не по его части. Въ этомъ въ настоящую минуту преимущество пруссаковъ.

Ренанъ, поднявъ голову надъ тарелкой, замѣтилъ:

— Во всѣхъ предметахъ, которые я когда-либо изучалъ, я былъ пораженъ превосходствомъ нѣмецкаго ума и нѣмецкаго труда. Не удивительно-же, если въ военномъ искусствѣ, которое, по правдѣ сказать, есть искусство низшее, они достигли того-же превосходства, какое я констатировалъ, повторяю, во всѣхъ отрасляхъ, изученныхъ мною и хорошо мнѣ знакомыхъ... Да, господа, нѣмцы—раса высшая!

— О-о-о,—раздалось на это со всѣхъ сторонъ.

— Да, гораздо выше насъ,—продолжалъ оживляясь Ренанъ.—Католицизмъ дѣлаетъ изъ людей кретиновъ, воспитаніе іезуитами или братіей христіанской школы задерживаетъ и душитъ самостоятельную добродѣтель, тогда какъ протестантизмъ ее развиваетъ.

Тихій болѣзненный голосъ Бертело сводитъ умы съ высоты ренановскихъ рѣчей къ угрожающей дѣйствительности: «Господа, вы можетъ быть не знаете, что мы окружены страшнымъ количествомъ керосина, лежащаго въ складахъ у заставъ подъ Парижемъ, но изъ-за пошлины не ввезеннаго въ городъ. Если пруссаки завладѣютъ имъ и выльютъ въ Сену, то превратятъ ее въ огненный потокъ, отъ котораго загорятся оба берега! Такъ сожгли арабскій флотъ греки...

— Почему не предупредить объ этомъ Трошю?

— Развѣ у Трошю есть время заниматься чѣмъ-либо?

Бертело продолжалъ:

— Если не взорвутъ шлюзы на Марнѣ, то вся тяжелая артиллерія пруссаковъ прикатитъ по ней, какъ разъ къ стѣнамъ Парижа. А подумаютъ-ли ихъ взорвать? Я могъ-бы многое разсказать —хватило-бы до завтрашняго утра!

Я спросилъ его, надѣется-ли онъ, что комитетъ, въ которомъ онъ состоитъ предсѣдателемъ, изобрѣтетъ какой-нибудь новый истребительный снарядъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—мнѣ не даютъ, ни денегъ, ни людей, а я каждый день получаю по 250 писемъ. Времени нѣтъ для опытовъ. Можно-

бы кое что и попытать, кое-что придумать, но времени, времени нехватаетъ для крупнаго опыта... и для того, чтобы ознакомить съ нимъ военныхъ. Съ однимъ артиллерійскимъ тузомъ я говорилъ о керосинѣ. «Да, говоритъ, его употребляли въ IX вѣкѣ».—Но американцы, въ послѣднюю войну... «Правда, говоритъ, но это вещь опасная, мы не хотимъ взорвать самихъ себя»... Видите,—прибавилъ Бертело,—и все у насъ такъ!

Разговоръ за столомъ переходитъ на предполагаемыя условія, которыя намъ предъявитъ прусскій король: уступка части броненоснаго флота, перемѣщеніе границъ,—нѣкоторые уже видѣли его на новой картѣ у Гетцеля, перемѣщеніе, отнимающее у Франціи нѣсколько департаментовъ.

Обращаются съ разспросами къ Нефцеру, но онъ прямо не отвѣчаетъ и со свойственнымъ ему тонкимъ скептицизмомъ, прикрытымъ громкимъ смѣхомъ, въ лукаво-ядовитыхъ словахъ, съ тяжеловатымъ эльзасскимъ акцентомъ, издѣвается надъ Гамбеттой, который будто-бы, отправилъ въ Страсбургъ новаго мэра, труса, на мѣсто прежняго, мужественно сражавшагося. Онъ обвиняетъ X..., разбогатѣвшаго на работахъ укрѣпленій, а затѣмъ и другихъ инженеровъ, которые, какъ говорятъ, записываютъ по 300 рабочихъ, тамъ гдѣ ихъ работало всего пятьдесятъ. Ренанъ, упорно держась своей мысли о превосходствѣ нѣмецкаго народа, продолжаетъ развивать ее своимъ двумъ сосѣдямъ, пока дю-Мениль не перебиваетъ его новой выходкой: «что касается чувства независимости у вашихъ нѣмецкихъ крестьянъ, то могу вамъ сказать, что я самъ видѣлъ, когда охотился въ Баденѣ, какъ ихъ посылаютъ за убитой дичью, толкая ногой въ задъ».

— Прекрасно,—сказалъ Ренанъ, вдругъ соскакивая съ своей мысли,—я предпочитаю крестьянъ, которыхъ толкаютъ ногою въ задъ, нашимъ крестьянамъ, изъ которыхъ общее голосованіе сдѣлало нашихъ хозяевъ...

Бертело продолжаетъ свои горестныя разоблаченія. Наконецъ, я восклицаю:

— Значитъ, все кончено, намъ остается только воспитать новое поколѣніе для отмщенія!

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричитъ Ренанъ, вставая, весь красный,—нѣтъ, не месть! Пусть погибнетъ Франція, пусть погибнетъ отечество: выше всего царство долга и разума!

— Нѣтъ, нѣтъ,—вопитъ весь столъ,—нѣтъ ничего выше отечества!

— Нѣтъ, рычитъ громче всѣхъ Сенъ-Викторъ, совсѣмъ разсердившись,—не надо эстетики, не надо «византизма», къ черту все: выше отечества ничего нѣтъ!

Ренанъ встаетъ и не совсѣмъ увѣренными шагами ходитъ вокругъ

стола, размахивая своими коротенькими руками, цитируя отрывки изъ св. писанія и повторяя, что въ нихъ все.

Потомъ онъ подходитъ къ окну, подъ которымъ продолжается обычное безпечное движеніе Парижа, и говоритъ мнѣ:

— Вотъ что насъ спасетъ: малодушіе этого поколѣнія!

Четвергъ, 10-го ноября. Въ эти дни всѣ, положительно всѣ, кого я вижу, нуждаются въ душевномъ успокоеніи, въ нравственномъ отдыхѣ; всѣ хотятъ бѣжать изъ Парижа. Каждый говоритъ: «какъ только это кончится, я уѣду»,— и называетъ какой-нибудь уголокъ Франціи, неопредѣленный клочекъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, гдѣ можно будетъ, вдали отъ Парижа и отъ всего, что его напоминаетъ, по цѣлымъ часамъ ничего не думать, ничего не помнить.

Очень возможно, что тотъ великій нашъ 89 годъ, къ которому никто, даже изъ противниковъ, не подходитъ иначе, какъ съ низкими поклонами, не такъ уже счастливо повліялъ на судьбы, Франціи, какъ думали до сихъ поръ. Можетъ быть, теперь увидятъ, что начиная съ этого года, наша жизнь была рядомъ подъемовъ и паденій, вся состояла изъ починокъ общественнаго строя, который у каждаго поколѣнія требовалъ новаго «избавителя». Въ сущности французская революція убила дисциплину въ народѣ, убила ту самоотверженность отдѣльной личности, которая раньше воспитывалась религіей и нѣкоторыми другими идеальными чувствами. А то, что уцѣлѣло изъ этихъ немногихъ идеальныхъ чувствъ, было убито сперва нашимъ первымъ избавителемъ, Людовикомъ Филиппомъ, и фразою его перваго министра: «Обогащайтесь!», а затѣмъ вторымъ нашимъ избавителемъ, Наполеономъ III, его примѣромъ и примѣромъ двора, говорившими: «Наслаждайтесь!» И когда погибли всѣ безкорыстныя чувства души, то всеобщая подача голосовъ, это разрушительное, отрицательное мнѣніе низшихъ слоевъ общества, превратилось въ настоящую власть надъ Франціей.

У другого народа, у народа серьезно любящаго свободу и равенство, у народа образованнаго, одареннаго сужденіемъ и критическимъ умомъ, 89 годъ могъ-бы начать собою новую эпоху; но для темперамента Франціи, скептическаго, хвастливаго и безпечнаго, 89 годъ, мнѣ думается, долженъ былъ оказаться пагубнымъ.

Суббота, 12-го ноября. Пусть не вздумаетъ потомство воспѣвать грядущимъ поколѣніямъ героизмъ парижанина 1870 года. Весь героизмъ его состоялъ въ томъ, что онъ ѣлъ бобы, приправленные не совсѣмъ свѣжимъ масломъ, и лошадиный ростбифъ, вмѣсто говяжьяго—и то не замѣчая этого: парижанинъ не знаетъ толку въ ѣдѣ.

Воскресенье, 13-го іюля. Среди всего, что въ настоящую минуту давитъ жизнь и грозитъ ей, есть одно, что ее поддерживаетъ, подстегиваетъ и почти заставляетъ любить—это тревога. Проходить подъ пу-

шечными выстрѣлами, отваживаться на прогулку до конца Булонскаго лѣса; видѣть, напримѣръ, сегодня—пламя, выбивающееся изъ домовъ Сенъ-Клу; жить въ постоянно окружающей васъ тревогѣ, среди войны, чуть ни задѣвающей васъ самихъ; близко соприкасаться съ опасностью, всегда чувствовать, какъ у васъ ускоренно бьется сердце—все это имѣетъ свою прелесть, и я чувствую, что когда это кончится, за лихорадочнымъ наслажденіемъ наступитъ скука, плоская, плоская, плоская.

1871.

Воскресенье, 1-го января. Какой грустный день для меня этотъ первый день года, годовъ, которые я осужденъ прожить въ одиночествѣ.

Отъ плохой пищи, отъ сна, постоянно прерываемаго пушечной пальбою, у меня сегодня мигрень. Я весь день пролежу въ постели.

Бомбардировка, голодъ, исключительный морозъ—вотъ подарки къ Новому году. Ни разу, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Парижъ, не было въ Парижѣ подобнаго Новаго года; и несмотря ни на что пьянство въ нынѣшній вечеръ наполняетъ улицы животнымъ весельемъ.

Этотъ день наводитъ меня на слѣдующую мысль: скептику, сомнѣвающемуся въ прогрессѣ, очень интересно и почти забавно констатировать, что въ этомъ 1871 году животная сила, несмотря на столько лѣтъ культуры, несмотря на всѣ проповѣди о братствѣ народовъ и даже вопреки многимъ трактатамъ, устанавливающимъ европейское равновѣсіе, животная сила, говоря, можетъ еще дѣйствовать и властвовать, такъ-же безпрепятственно, какъ во времена Аттилы.

Вторникъ, 24-го января. Винуа замѣняетъ Трошю. Это перемѣна доктора у больного, передъ самой смертью.

Пальбы не слыхать. Почему? Пріостановка этого грохота кажется мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ.

Хлѣбъ нынче такого качества, что послѣдняя оставшаяся въ живыхъ изъ моихъ куръ, рябенькая, забавная моя курочка, увидѣвъ его, ропщетъ, плачетъ, стонетъ, и только поздно вечеромъ рѣшается поклевать его.

На бульварѣ, противъ Комической Оперы, я попадаю въ толпу, запрудившую улицу и загородившую дорогу омнибусамъ. Уже не новое ли возстаніе? Нѣтъ, всѣ эти смотрящіе вверхъ головы, всѣ эти руки, указывающія на что-то, всѣ эти колеблющіеся дамскіе зонтики, это тревожное и радостное ожиданіе—все изъ за голубя, можетъ быть принесшаго депеши и сѣвшаго на одну изъ печныхъ трубъ театра.

Въ этой толпѣ я встрѣчаю скульптора Кристофъ: онъ говоритъ, что начались переговоры о капитуляціи.

У Бребана, въ маленькой залѣ, смежной съ кабинетомъ, гдѣ будутъ обѣдать, всѣ разсѣлись, убитые, на диванъ, по кресламъ, всѣ говорятъ тихо, какъ въ комнатѣ больного, о томъ что ожидаетъ насъ завтра.

Ужъ не сумасшедшій ли Трошю? По этому поводу кто-то сообщилъ, что видѣлъ афишу—напечатанную, не не расклеенную, предназначенную для войска, гдѣ этотъ Трошю говоритъ о Богѣ и о Мадоннѣ, какъ говорилъ бы о нихъ мистикъ.

Другой изъ собесѣдниковъ, въ углу, замѣчаетъ, что оба они, и Трошю и Фавръ, тѣмъ именно и преступны, что съ самаго начала были близки съ людьми, которые отчаивались и проповѣдывали безнадежность, а между тѣмъ сами и рѣчами и прокламаціями поддерживаютъ въ толпѣ ожиданіе спасенія, увѣренность въ спасеніи, увѣренность, въ которой оставляютъ толпу до послѣдней минуты. А это, прибавляетъ дю-Мениль, опасно: капитуляцію подпишутъ, а кто знаетъ?—мужественная часть Парижа ея, пожалуй, не приметъ. Ренанъ и Нефцеръ дѣлаютъ отрицательные знаки.

— Берегитесь, господа,—продолжаетъ дю-Мениль,—мы говоримъ не о революціонномъ элементѣ общества, мы говоримъ объ энергичномъ буржуазномъ элементѣ, о той части войска, которая дралась, хочетъ драться, и не можетъ согласиться, такъ, сразу, сдать ружья, сдать пушки.

Два раза уже докладывали, что обѣдъ поданъ, но никто не слышитъ. Садимся, наконецъ, за столъ.

Каждый вынимаетъ свой кусокъ хлѣба.

Кончили супъ. Бертело принимается за объясненіе нашихъ неудачъ:

— Нѣтъ, дѣло не въ преимуществѣ ихъ артиллеріи, а въ томъ, что я вамъ сейчасъ скажу! Когда прусскій начальникъ главнаго штаба получаетъ приказъ направить такой-то корпусъ на такую-то точку, къ такому-то часу,— онъ беретъ карты, изучаетъ край, почву; разсчитываетъ, въ какое время каждый корпусъ пройдетъ извѣстную часть разстоянія. Если онъ замѣтилъ откосъ, то беретъ свой инструментъ (забылъ какъ называется), и соображаетъ, какая должна быть задержка. Однимъ словомъ, раньше чѣмъ онъ ляжетъ спать, онъ нашелъ всѣ десять дорогъ, по которымъ пойдетъ войско. Нашъ офицеръ главнаго штаба ничего подобнаго не дѣлаетъ; вечеръ онъ отдаетъ увеселеніямъ, а на утро, придя на мѣсто, спрашиваетъ, собрались-ли войска и гдѣ тотъ пунктъ, который предстоитъ атаковать. Съ самаго начала кампаніи, — и я повторяю, вотъ въ чемъ причина нашихъ неудачъ,—отъ Виссамбурга до Монтрету, мы ни разу не сумѣли собрать войско въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ назначенное время.

Подаютъ баранье сѣдло.

— О,—говоритъ Эбраръ,—въ слѣдующій разъ намъ подадутъ самого пастуха.

Дѣйствительно, это было превосходное собачье сѣдло.

— Собачина? вы говорите что это собачина?—восклицаетъ Сенъ-Викторъ плаксивымъ голосомъ капризнаго ребенка.—Гарсонъ, скажите, вѣдь это не собачина?

— Да вы уже въ третій разъ кушаете здѣсь собачину.

— Нѣтъ, неправда... М-ръ Бребанъ честный человѣкъ, онъ бы насъ предупредилъ. Собачина нечистое мясо,—продолжаетъ онъ съ комичной гримасой.—Конину—такъ и быть, но не собачину.

— Собачина или баранина,—бормочетъ Нефцеръ съ полнымъ ртомъ, но я никогда не ѣлъ болѣе вкуснаго мяса... А вотъ, если-бы Бребанъ подавалъ крысу... Я пробовалъ. Очень вкусно: что то среднее между свининой и куропаткой.

Во время этого разсужденія, Ренанъ кажется озабоченнымъ. Онъ блѣднѣетъ, зеленѣетъ, бросаетъ свою долю на столъ и исчезаетъ...

— Вы знаете Винуа?—спрашиваетъ кто-то дю-Мениля.—Что это за человѣкъ, что онъ сдѣлаетъ?

— Винуа, отвѣчаетъ дю-Мениль,—хитрецъ, онъ ничего не будетъ дѣлать, развѣ изобразитъ изъ себя жандарма.

Затѣмъ слѣдуетъ выходка Нефцера противъ газетъ и журналистовъ. Апоплектическое его сложеніе сказывается съ особенною яркостью, его полунѣмецкая рѣчь, какъ-бы сдавленная отъ изступленія, возстаетъ на глупость, на невѣжество и вранье его сослуживцевъ, которыхъ онъ называетъ виновниками войны, обвиняетъ въ роковомъ исходѣ ея.

Тутъ Эбраръ требуетъ молчанія и, вынувъ изъ кармана листокъ бумаги, восклицаетъ: послушайте, господа, вотъ письмо мужа одной хорошо извѣстной дамы; онъ проситъ ордена почетнаго легіона, ссылаясь, какъ на заслуги, на свои рога,—да, господа, на рога и на семейное несчастье, принадлежащее исторіи.

Гомерическимъ хохотомъ отвѣчаютъ на чтеніе этого смѣхотворнаго прошенія.

Но скоро опять серьезность положенія заставляетъ насъ вернуться къ тому, какъ будутъ вести себя по отношенію къ намъ пруссаки. Одни думаютъ, что они перевезутъ къ себѣ наши музеи. Бертело опасается, что они увезутъ орудія нашей промышленности. Это замѣчаніе ведетъ, уже не знаю какими путями, къ длинному спору о красильныхъ веществахъ, о цвѣтѣ «rose turc», а оттуда назадъ—къ исходной точкѣ разговора. Нефцеръ, наперекоръ другимъ, утверждаетъ, что пруссаки захотятъ удивить насъ своимъ безкорыстіемъ, своимъ великодушіемъ.

Аминь!

Когда мы выходимъ отъ Бребана, на бульварѣ, слово капитуляція, котораго еще нѣсколько дней тому назадъ никто, пожалуй, не рѣшился бы и выговорить, теперь уже у всѣхъ на губахъ.

Воскресенье, 12-го февраля. Былъ у Теофиля Готье, который изъ Нёльи перебрался въ Парижъ, въ улицу Бонъ, на пятый этажъ, въ квартиру для рабочихъ.

Я прошелъ черезъ комнатку, гдѣ на подоконникахъ сидѣли обѣ его

сестры, въ жалкихъ платьишкахъ, съ сѣдыми косичками, подколотыми подъ старенькими фуляровыми платочками. Мансарда, гдѣ сидитъ Тео, такъ мала и низка, что дымъ его сигары наполняетъ ее всю. Въ ней желѣзная кровать, старое дубовое кресло, стулъ съ соломеннымъ переплетомъ, по которому расхаживаютъ и потягиваются кошки, худыя кошки голоднаго времени, какія то тѣни кошекъ. Два три эскиза висятъ коегдѣ на стѣнахъ и десятка три книгъ брошено на бѣлыя деревянныя, наскоро прибитыя полки.

Тео въ красномъ колпакѣ венеціанскаго фасона, въ бархатной курткѣ, сшитой во время оно для посѣщеній запросто принцессы. Теперь она такая грязная, такая засаленная, что похожа на куртку неаполитанскаго повара. И роскошный учитель слова напоминаетъ обѣднѣвшаго дожа, жалкаго и печальнаго Марино Фальери изъ драмы сыгранной въ захолустномъ театрѣ. Въ то время какъ онъ говоритъ—и говоритъ, вѣрно, какъ нѣкогда говорилъ Раблэ,—я думаю о несправедливомъ распредѣленіи вознагражденія за трудъ художника. Я думаю о богатой противной обстановкѣ Понсона дю Террайль, которую я видѣлъ сегодня утромъ: ее увозили куда-то, послѣ смерти этого наживателя 70.000 франковъ въ годъ, на время осады.

Пятница, 24-го февраля. Сегодня вернулось ко мнѣ что-то вродѣ охоты къ литературѣ. Утромъ уязвило меня желаніе написать «La fille Elisa»—книгу, за которую мы съ нимъ хотѣли приняться послѣ «M-me Gervesais». Я набросалъ четыре, пять строкъ на клочекъ бумаги. Можетъ быть изъ нихъ выйдетъ первая глава.

15-го апрѣля. Сегодня утромъ работаю въ саду. Слышу свистъ нѣсколькихъ гранатъ. Два или три осколка падаютъ очень близко. Въ домѣ поднимается крикъ. «Въ подвалъ, всѣ!» И вотъ мы въ подвалѣ, какъ и наши сосѣди. Страшный грохотъ! Укрѣпленіе Монъ-Валеріенъ пускаетъ въ насъ по гранатѣ въ минуту. Непріятно то чувство безпокойства, которое завладѣваетъ вами при каждомъ залпѣ въ тѣ нѣсколько секундъ, пока граната летитъ и держитъ васъ въ страхѣ, что она упадетъ на домъ, на васъ самихъ. Вдругъ страшный взрывъ. Пелажи, вязавшая хворостъ въ другомъ подвалѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, отъ сотрясенія падаетъ оземь. Мы боязливо ждемъ крушенія дома. Ничего. Я высовываю носъ въ полуоткрытую дверь. Ничего. Опять начинается,—и продолжается такъ около двухъ часовъ, вокругъ насъ, задѣвая насъ летающими осколками. Еще осколокъ сотрясаетъ желѣзо крыши. Чувствую трусость, трусость, которой раньше у меня не было. Физическія силы положительно покидаютъ меня. Я приказалъ положить на полъ матрацъ, легъ на него и лежу въ какой-то полудремотѣ, какомъ-то оцѣпеніи, сквозь которое лишь ощущаю грохотъ пушекъ и смерть. Вскорѣ страшная гроза присоединяется къ пальбѣ и молніи, и гранаты, разрѣзая небо, даютъ мнѣ,

на днѣ моего подвала, ощущенie какъ-бы конца мiра. Наконецъ, къ тремъ часамъ, гроза утихаетъ и стрѣльба становится правильнѣе. Въ промежутокъ бомбардировки я прохожусь вокругъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, похоже на то, будто мой домъ сдѣлался мишенью Монъ-Валерiену. Три дома, стоящихъ позади моего, получили каждый по гранатѣ. Домъ Куранъ, смежный съ моимъ, два раза тронутый гранатами пруссаковъ, далъ теперь трещину, шириною съ голову, отъ крыши до фундамента.

Говорятъ объ ужасахъ предстоящей ночи. Мы расположились въ подвалѣ. Отдушину заткнули землей и верескомъ, въ духовой печи развели огонь, и Пелажи постелила мнѣ постель подъ лѣстницей.

Воскресенье, 7-го мая. Сегодня, въ эти жестокiе часы, я вспоминаю тяжелую мою жизнь и горестные дни, изъ которыхъ она вся состоитъ. Вспоминаю время, прожитое въ коллежѣ, время болѣе тяжелое для меня, чѣмъ для кого-либо другого, благодаря тому чувству независимости, которое все время заставляло меня драться съ товарищами сильнѣе меня. Вспоминаю свое призванiе живописца, призванiе ученика археологическаго института (Ecole des Chartes), разбитое, впослѣдствiи, по волѣ моей матери. Я вижу себя опять студентомъ, помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, безъ гроша, осужденнаго на любовь въ низкихъ притонахъ, плохо уживающагося въ средѣ товарищей и друзей—низкихъ, вульгарныхъ, буржуазныхъ, ничего не понимающихъ въ мучившихъ меня художественныхъ и литературныхъ стремленiяхъ и высмѣивающихъ меня съ зрѣлою разсудочностью старыхъ родственниковъ.

И вотъ, наконецъ, я, не знавшiй никогда въ точности, сколько будетъ дважды два, всегда питавшiй отвращенiе къ цифрамъ, вотъ я чиновникъ казначейства, осужденный съ утра до вечера подводить итоги. Два года, въ которые соблазнъ самоубiйства близко, близко подходитъ ко мнѣ. Насилу достигъ я независимости, получилъ возможность наполнить жизнь излюбленнымъ мною трудомъ, насилу началось счастливое существованiе вдвоемъ съ братомъ. Но не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ, возвращаясь изъ Африки, я заболѣваю диссентерiей; два года она держитъ меня между жизнью и смертью и навсегда растраиваетъ мнѣ здоровье. На мою долю выпало лишь одно великое наслажденiе: отдавать жизнь той работѣ, для которой я рожденъ,—но и то среди нападокъ, ненависти, злобы, подобныхъ которымъ, смѣю сказать, не встрѣчалъ никто изъ нашихъ современныхъ писателей. Въ борьбѣ проходитъ нѣсколько лѣтъ.

Затѣмъ, мой братъ долго страдаетъ печенью, а—я угрожающей болѣзнью глазъ. Потомъ братъ мой заболѣваетъ, сильно заболѣваетъ, цѣлый годъ болѣетъ самой страшною болѣзнью, какая только могла опечалить сердце и умъ, нераздѣльно связанные съ его сердцемъ и умомъ.

Онъ умираетъ. И тотчасъ же послѣ его смерти для меня, удрученнаго,

уничтоженнаго, начинается война, нашествіе, осада, голодъ, бомбардировка, междуусобіе. И все это отражается на Отейлѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было около Парижа. Я право не видалъ еще до сихъ поръ счастья. Нынче я спрашиваю себя, все ли теперь кончено, долго ли еще я буду видѣть, не суждено ли мнѣ скоро ослѣпнуть, лишиться единственнаго чувства, которое даетъ мнѣ послѣднія наслажденія моей жизни.

Населеніе Парижа положительно взбѣсилось. Я вижу сегодня женщину, не изъ народа, а буржуазную женщину почтенныхъ лѣтъ, словомъ, почтенную женщину, которая безъ всякаго вызова даетъ пощечину мужчинѣ, позволившему себѣ сказать ей: «оставьте версальцевъ въ покоѣ».

Сегодня выкрикиваютъ новую газету Жирардена: «Либеральный Союзъ: Примиреніе безъ уступокъ». Ну, не шалопаи-ли французы, если они перевариваютъ этого фразера, щеголяющаго чужими мыслями и не имѣющаго ни одной своей, этого хвастуна съ антитезами!

Проникаю сегодня вечеромъ въ церковь св. Евстахія, гдѣ открывается клубъ.

На алтарѣ, между двухъ лампъ, стоитъ стаканъ сахарной воды, а кругомъ четыре или пять силуэтовъ адвокатовъ. Въ боковыхъ проходахъ, стоя и сидя на стульяхъ, публика изъ любопытныхъ, привлеченная новизною зрѣлища. Ничего кощунственнаго не замѣтно въ позахъ этихъ людей; многіе изъ нихъ при входѣ инстинктивнымъ движеніемъ поднимаютъ руку къ фуражкѣ, но замѣтивъ, что другіе въ шляпахъ. входятъ съ покрытой головой. Нѣтъ, это не та профанація, которая была въ Нотръ-Дамъ въ 1893 году,—никто не жаритъ селедокъ на дискосѣ, и только сильный запахъ чеснока наполняетъ священные своды.

Звонокъ съ серебристымъ звукомъ колокольчика, звенящаго во время обѣдни, объявляетъ засѣданіе открытымъ.

Въ это мгновеніе на каѳедрѣ выдвигается сѣдая борода и, прополоскавъ себѣ горло нѣсколькими пуританскими фразами, дѣлаетъ собранію слѣдующее предложеніе: члены національнаго собранія, а также Луи Бланъ, Шельхеръ и другіе члены національнаго собранія, какъ и другія должностныя лица, объявляются отвѣчающими своимъ частнымъ имуществомъ за всѣ неудачи этой войны, за тѣхъ, кто погибаетъ какъ на сторонѣ Парижа, такъ и на сторонѣ Версаля... Предложеніе было подвергнуто голосованію, но не принято—ужъ не знаю, по какому случаю.

Сѣдую бороду смѣняютъ панталоны цвѣта gris perle и неистовымъ голосомъ объявляютъ, что побѣду даетъ только терроръ. Ораторъ требуетъ учрежденія третьей власти, революціоннаго трибунала, съ тѣмъ, чтобы на городскихъ площадяхъ немедленно скатились-бы головы предателей. Предложеніе было встрѣчено громкимъ рукоплесканіемъ кляки сгруппированной на стульяхъ вокругъ каѳедры. Третій ораторъ, владѣющій полной фразеологіей 93 года, сообщаетъ, что у монаховъ семинаріи

св. Сульпиція нашлось 10,000 бутылокъ вина, и требуетъ обыска домовъ обывателей, гдѣ навѣрно спрятаны большіе запасы.

Тутъ—хочу быть безпристрастнымъ—входитъ на трибуну членъ коммуны, въ костюмѣ національной гвардіи, и говоритъ простодушно, прямо. Онъ сперва объявляетъ, что презираетъ «трескучія фразы», которыя даютъ дешевую популярность, и что декретъ о ссудныхъ кассахъ, расширенія которыхъ требовалъ его предшественникъ, не допускалъ ссуды свыше 20 франковъ по той причинѣ, что если берешь взаймы, то надо подумать и о томъ, чѣмъ заплатишь. Онъ прибавилъ, что ссудная касса—собственность частная, что надо ею пользоваться, только зная, какъ вернуть ей то, что изъ нея получаешь, что коммуна не грабительская власть, и это надо помнить, и что неосторожностью ораторовъ, подобныхъ предъидущему, и распространяется въ публикѣ понятіе, что члены коммуны хотятъ раздѣла и что каждый, имѣющій четыре су, будетъ принужденъ отдать изъ нихъ два.

Потомъ, говоря о людяхъ 93 года, которыхъ по его выраженію, имъ постоянно «тычутъ въ носъ», онъ утверждаетъ, что тѣ люди справлялись только съ военными дѣйствіями и что, если-бы имъ пришлось рѣшать громадныя и трудныя задачи настоящаго времени, то знаменитые люди 93 года оказались-бы, можетъ быть, не ловчѣе людей 1871 года. И въ заключеніе онъ кидаетъ довольно красивую, мужественную фразу: «что изъ того, если мы побѣдимъ версальцевъ, но не найдемъ рѣшенія соціальнаго вопроса,—если рабочій останется при прежнихъ условіяхъ?»

Вокругъ меня говорятъ, что имя оратора Жакъ Дюранъ.

30-го ноября. Сегодня меня навѣстилъ Путье (Анатоль изъ нашей «Манетъ Саломонъ»), оригинальный, фантастическій, интеллигентный бродяга... Онъ все тотъ-же. На его головѣ ни однимъ сѣдымъ волосомъ не больше, на его пальто ни однимъ пятномъ не меньше.

Вотъ его исторія. Во время осады онъ изъ-за куска хлѣба поступилъ въ 99-й батальонъ національной охраны; оставался при немъ во все время коммуны и имѣлъ счастье быть отосланнымъ въ Венсеннъ, слѣдовательно, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. За что-же провелъ онъ пять мѣсяцевъ въ понтонахъ? Никто не знаетъ, а онъ менѣе всѣхъ.

Батальонъ былъ взятъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго сопротивленія и загнанъ въ камеры тюрьмы Мазасъ, 29-го мая. На второй день заключенія входитъ въ камеру бригадиръ и говоритъ: «напишите ваше имя на этомъ листѣ, пишите, что поступили въ Мазасъ 29-го мая».

Онъ пишетъ. Бригадиръ глядитъ ему черезъ плечо и прерываетъ его словами:

— Вы писали къ архіепископу?

— Нѣтъ.

— По поводу вашихъ работъ?

— Нѣтъ, я нигдѣ не работалъ, кромѣ министерства изящныхъ искусствъ.

— Вы знаете архіепископа по крайней мѣрѣ съ виду?

— Нѣтъ, видалъ его фотографіи, но не обратилъ вниманія.

Тѣмъ допросъ и кончился.

Онъ понятія не имѣлъ объ убійствѣ архіепископа и не придавалъ значенія допросу; однако, слово «несчастный», которое въ сосѣдней камерѣ, въ то время, какъ его допрашивали, произнесъ одинъ ирландецъ, товарищъ его по плѣну, нѣсколько заинтриговало его.

Тутъ дверь распахивается, входитъ полицейскій и съ нимъ еще двое. «Дѣйствительно,—обращается полицейскій къ одному изъ нихъ,—тотъ, кажется, былъ выше ростомъ».

На это человѣкъ проводитъ по волосамъ Путье:

— Вы брюнетъ?

— Брюнетъ съ просѣдью.

— Покажите грудь, руки...

И глаза полицейскаго, казалось, искали на этихъ обнаженныхъ частяхъ тѣла слѣдовъ какой-нибудь татуировки. Наконецъ, онъ опять уставился ему въ лицо, долго и пристально смотрѣлъ и говоритъ: «Нѣтъ, тотъ былъ рябѣе».

Нашли-ли у него физическое сходство съ однимъ изъ убійцъ? Или было сходство съ почеркомъ компрометирующихъ бумагъ? Или, наконецъ, сходство его фамиліи съ фамиліей нѣкоего Утье, члена Ліонской коммуны?

На третій день, вечеромъ, его отправляли, съ пятью другими плѣнниками, привязаннымъ веревкою за руку ирландца Ольредди, въ Версальскую Оранжерею. Дорогой онъ, немного повздоривъ съ Ольредди, громко заговорилъ; офицеръ сейчасъ-же велѣлъ имъ выйти изъ строя и встать къ стѣнѣ. Онъ такъ и ждалъ, что ихъ разстрѣляютъ, но командиръ закричалъ: «Верните этихъ людей, некогда намъ здѣсь забавляться, разстрѣляемъ ихъ на станціи».

На станціи про нихъ забыли, и они попали на поѣздъ.

Странный и чудный типъ былъ этотъ Ольредди: коммивояжеръ революціи, апостолъ феніанизма, агентъ интернаціоналки, самъ несчастный, неуклюжій, уродливый, «недоношенный», но обладатель рѣдкой флегмы, геройской невозмутимости, онъ только повторялъ съ комическимъ англійскимъ акцентомъ: «курьезно, очень курьезно»—въ самыя критическія минуты, когда думалъ, что его сейчасъ разстрѣляютъ.

Оба пріятеля очутились въ Оранжереѣ, среди многихъ тысячъ другихъ плѣнныхъ, наполнявшихъ громадный подвалъ. Тамъ стояла густая бѣлая пыль, поднимавшаяся при каждомъ шагѣ—можно сказать, алебастровыя облака, заставлявшія людей кашлять, чуть не выхаркивая всѣ легкія.

Дни проходили подъ смутнымъ страхомъ, что того или другого разстрѣляютъ не нынче, такъ завтра. Понемногу этотъ страхъ уступалъ угрозѣ менѣе страшной: ссылкѣ. Тутъ Путье опять сталъ вполнѣ моимъ Анатолемъ. Мозгъ его, разгоряченный мечтою о путешествіяхъ, радостно встрѣчаетъ представленіе о ссылкѣ, какъ самомъ простомъ средствѣ безплатно прокатиться, осуществить наконецъ грезы объ экзотическихъ странахъ. Поэтому, когда черезъ два или три дня ихъ спросили, кто хочетъ ѣхать, онъ сейчасъ-же записался вмѣстѣ съ Ольредди. По наивности онъ думалъ, что его такъ сейчасъ и повезутъ въ Каледонію. Его вмѣстѣ съ товарищами сунули въ вагонъ для скота, такъ прекрасно законопаченный, изъ опасенія побѣговъ, что къ концу двухъ сутокъ, пока они доѣхали до Шербура, хлѣбъ ихъ прокисъ отъ броженія всего этого скученнаго люда; они задыхались и по очереди ложились, чтобы хоть черезъ скважины пола вобрать въ себя немного свѣжаго воздуха.

Какъ только они доѣхали, ихъ повели на военное судно Баярдъ. На палубѣ стащили съ нихъ все, кромѣ рубашекъ и башмаковъ. На другое утро, въ половинѣ пятаго, имъ крикнули, чтобы они скатали одѣяла и разулись, а затѣмъ устроили общее наводненіе, послѣ котораго полъ не просыхалъ до десяти часовъ.

— Чортъ возьми,—замѣтилъ я,—плохо-же вамъ приходилось!

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.—Зато ноги у меня теперь никогда не зябнутъ. Нѣкоторые изъ насъ вылѣчились отъ одышки. Ольредди харкалъ кровью—и что-же? послѣ дороги ему стало лучше. Умирали отъ диссентеріи, отъ мочеизнуренія, отъ цынги, но никто не умеръ отъ чахотки.

— Другъ мой,—продолжалъ онъ,—любопытно, что черезъ три дня среди тѣхъ, кто при входѣ былъ, такъ сказать, облупленъ дочиста, появились шахматныя доски, сдѣланныя изъ платковъ, съ шашками, вырѣзанными изъ сукна двухъ цвѣтовъ; явились кости изъ мыла; домино, не знаю изъ чего; бирюльки изъ вѣточекъ, вырванныхъ изъ метлы. А когда намъ дали мяса, нашлись артисты, которые изъ костей смастерили ножи, да, ножи, которые складывались посредствомъ пружины изъ сплетенной веревки,—настоящій шедевръ... И подумай только: къ концу путешествія у всѣхъ были туфли и колпаки изъ бичевки, накраденной изъ тѣхъ веревокъ, которыми вытираютъ палубу. Мы пробыли въ трюмѣ три мѣсяца и, кромѣ первой недѣли, когда намъ два раза давали сала, мы совсѣмъ не получали мяса: насъ кормили исключительно горохомъ и бобами, что, къ слову сказать, вызывало пренепріятное воспаленіе нёба.

За то, когда черезъ три мѣсяца мы въ первый разъ вышли на палубу и подышали настоящимъ воздухомъ, мы ползали на четверенькахъ и задыхались, какъ на воздушномъ шарѣ на высотѣ 6000 футовъ надъ землей.

Были у насъ разныя общества. Одно, съ Ля-Волижемъ во главѣ,

первымъ балагуромъ въ мірѣ; другое, гдѣ предсѣдательствовалъ Викторъ, замѣчательный своими затѣями. Онъ придумывалъ преостроумныя игры, съ собственными импровизаціями вродѣ итальянской комедіи или вродѣ того, что я читалъ въ твоихъ книгахъ про Никольсова. Ошеломляющая изобрѣтательность была у этого человѣка! Я также состоялъ членомъ весьма приличнаго общества.

Надо еще тебѣ сказать, что когда меня привели въ Версальскую Оранжерею, у меня было ровно восемь су. Ихъ у меня отняли. Я остался безо всего. Тогда, о благополучіе! Синье прислалъ мнѣ десять франковъ почтовыми марками—денегъ намъ не позволялось держать. О! первая плитка шоколаду, купленная на эти деньги! до чего она показалась мнѣ вкусной! Но это еще что! На марки я купилъ листъ бумаги, за который взяли съ меня пятнадцать су, плохой карандашъ, стоющій одинъ су,—я заплатилъ за него двадцать два... Я написалъ первый свой портретъ, имѣвшій успѣхъ громадный, такъ что пришлось нарисовать ихъ шестьдесятъ семь, по два франка, благодаря чему я,—смѣшно сказать,—*я* сдѣлался чѣмъ-то вродѣ банкира для всѣхъ!

Самое тяжелое время длилось три мѣсяца. Насъ было 430, и на насъ было столько вшей, что намъ приходилось искать ихъ у стариковъ, а то-бы ихъ совсѣмъ заѣли.

Черезъ три мѣсяца, намъ позволили ходить по палубѣ, давали мяса, даже вина, и хотя вина давали только по одной десятой литра, всѣ пьянѣли, что выходило довольно глупо, въ виду митральезъ, которыя стояли на носу и на кормѣ и, изъ любезности къ намъ, чистились и заряжались при насъ каждое воскресенье.

Мои портреты производили фуроръ. Даже командиру захотѣлось имѣть портретъ моей работы. Я рисую его. Рисую и его жену съ дагеретипа. Положеніе мое мѣняется. Мнѣ отводятъ каюту на палубѣ. Разрѣшаютъ работать. Сержанты обращаются со мной вѣжливо. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, мой добрѣйшій командиръ, который, мнѣ думается, самъ уладилъ это дѣло, говоритъ: ну готово,—и подаетъ мнѣ пропускъ.

Поступилъ я туда 5-го іюня, вышелъ 21-го октября, въ день моего рожденія. Я былъ послѣднимъ изъ нашей компаніи. Ольредди отсиживалъ въ это время 22-дневный арестъ въ трюмѣ.

Странно! Первый разъ, какъ я обѣдалъ на свободѣ и увидалъ рядомъ съ тарелкой вилку, мнѣ пришлось сдѣлать небольшое усиліе, чтобы вспомнить, къ чему она!..

1872 г.

Суббота, 2-го марта. Сегодня обѣдаютъ у Флобера Теофиль Готье, Тургеневъ и я.

Тургеневъ—кроткій великанъ, милый варваръ, съ сѣдыми волосами, падающими на глаза, съ глубокой складкой, пересѣкающей его лобъ отъ одного виска до другого, съ дѣтскимъ говоромъ. Онъ плѣняетъ насъ, еще за супомъ, тою смѣсью наивности и тонкости, изъ которой состоитъ главное очарованіе славянской природы, очарованіе, еще усиленное у него оригинальностью ума и громаднымъ космополитическимъ знаніемъ.

Онъ разсказываетъ намъ о томъ, какъ, по выходѣ въ свѣтъ «Записокъ Охотника», онъ провелъ мѣсяцъ въ заключеніи. Тюрьмой служилъ ему архивъ полицейскаго участка, гдѣ онъ наводилъ справки о секретныхъ дѣлахъ. Штрихами, выдающими живописца и романиста, онъ описываетъ частнаго пристава, котораго онъ, Тургеневъ, напоилъ однажды шампанскимъ и который, подталкивая его локтемъ, высоко поднялъ стаканъ—«за Робеспьера!»

Потомъ онъ минутку останавливается, уходитъ въ размышленіе и продолжаетъ: «если-бы я обладалъ такого рода гордостью, я пожелалъ бы, чтобы на моей могилѣ написали только о томъ, что книга моя содѣйствовала освобожденію крестьянъ. Да, я только этого и просилъ-бы. Императоръ Александръ велѣлъ сказать мнѣ, что моя книга была однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія».

Тео, который вошелъ на лѣстницу, прижимая руку къ больному сердцу, съ мутными глазами, съ лицомъ бѣлымъ, какъ маска паяца, ѣстъ и пьетъ автоматически, сосредоточенный, безмолвный, безучастный, напоминая блѣднаго лунатика, обѣдающаго при лунномъ свѣтѣ.

Въ немъ уже чувствуется умирающій, который нѣсколько оживляется и забываетъ про свое грустное и сосредоточенное «я» лишь тогда, когда говорятъ о стихахъ и поэзіи...

Отъ стиховъ Мольера разговоръ переходитъ на Аристофана, и Тургеневъ, не сдерживая восторга, внушеннаго ему «отцомъ смѣха» и тою способностью, которую онъ такъ высоко цѣнитъ и признаетъ только въ двухъ-трехъ изъ всего человѣчества, восклицаетъ съ губами влажными отъ желанія: «Подумайте только, если-бы отыскали потерянную комедію Кратина,—пьесу, которую считаютъ выше всѣхъ произведеній Аристофана, комедію, слывшую у грековъ за шедевръ комическаго рода, словомъ комедію «Бутылка», сочиненіе этого стараго аѳинскаго пьяницы... Я, я не знаю, что-бы я далъ за нее, кажется, все-бы отдалъ!..»

Выходя изъ-за стола, Тео опускается на диванъ, говоря: «Въ сущности, ничто меня ужъ не интересуетъ... Мнѣ кажется, что я уже не современникъ... Мнѣ хочется говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ, глаголами «умершаго времени», я чувствую, будто я уже умеръ...»

— У меня другое чувство,—говоритъ Тургеневъ. Знаете, въ комнатѣ иногда бываетъ едва замѣтный запахъ мускуса, котораго никакъ нельзя

вывѣтрить, истребить... Ну вотъ, вокругъ меня есть какой-то запахъ смерти, уничтоженія, разложенія...

Онъ прибавляетъ послѣ короткаго молчанія:—«Я объясняю себѣ это одною причиною: Я думаю—это отъ невозможности, безусловной уже теперь невозможности—любить. Я уже не могу любить, понимаете... А вѣдь это—смерть». И такъ какъ Флоберъ и я оспариваемъ значеніе любви для литератора, русскій романистъ восклицаетъ, безпомощно опуская руки: «Что касается меня, то вся жизнь моя насыщена женственностью. Нѣтъ ни книги, ни чего-бы то ни было на свѣтѣ, что-бы могло амѣнить мнѣ женщину. Какъ это выразить? По моему одна только любовь даетъ тотъ полный разцвѣтъ жизни, котораго ничто не даетъ... Одна она,—не такъ-ли?.. Въ ранней молодости у меня была любовница, мельничиха изъ окрестностей Петербурга. Я встрѣчался съ нею на охотѣ. Она была прелестна, бѣлая такая, съ черными ободками въ глазахъ,—это у насъ нерѣдко. Она ничего не принимала отъ меня. Однажды, она сказала мнѣ:

— Надо, чтобы вы сдѣлали мнѣ подарокъ.

— Какой?

— Привезите мнѣ изъ Петербурга душистаго мыла.

Я привожу ей мыла. Она беретъ, уходитъ, возвращается, вся розовая отъ волненія, и протягиваетъ мнѣ свои слегка душистыя руки:

— Цѣлуйте мнѣ руки, какъ въ гостиныхъ, какъ цѣлуете у петербургскихъ барынь.

Я упалъ передъ нею на колѣни... И знаете, во всей моей жизни не было минуты, стоющей этой.

Пятница, 22-го марта. Тургеневъ съ Флоберомъ обѣдаютъ у меня. Тургеневъ рисуетъ намъ странный силуэтъ своего московскаго издателя, продавца литературныхъ произведеній, который читать умѣетъ, а по части письма—съ трудомъ подписываетъ имя. Онъ описываетъ намъ его окруженнымъ двѣнадцатью фантастическими старичками, его чтецами и совѣтниками, получающими по 700 копѣекъ въ годъ...

Затѣмъ онъ переходитъ къ писательскимъ типамъ, передъ которыми блѣднѣетъ и наша французская богема. Онъ набрасываетъ намъ портретъ одного пьяницы, который женился на проституткѣ, чтобы имѣть рюмку водки каждое утро... Этотъ пьяница написалъ замѣчательную комедію, которую издалъ Тургеневъ.

Вскорѣ онъ доходитъ до самого себя. Онъ анализируетъ себя. Онъ говоритъ, что когда онъ грустенъ, плохо настроенъ—ему довольно двадцати стиховъ Пушкина, чтобы вывести его изъ унынія, ободрить и возбудить; они внушаютъ ему то восторженное умиленіе, котораго онъ не испытываетъ ни отъ какихъ великихъ или великодушныхъ дѣлъ. Одна только литература способна давать ему то проясненіе, которое онъ узнаетъ

по какому-то физическому ощущенію, по какому-то пріятному чувству въ щекахъ. Онъ прибавляетъ, что при гнѣвѣ ему кажется, будто у него страшная пустота въ груди, въ желудкѣ.

Четвергъ 11-го апрѣля. Сегодня я вхожу къ книгопродавцу Троссъ, прошу его по прежнему присылать мнѣ каталоги. «Въ самомъ дѣлѣ, вамъ перестали посылать! Мнѣ сказали, что одинъ изъ васъ умеръ, и мнѣ не пришло въ голову, что есть еще другой».

1874.

1-го января. Я кидаю въ огонь прошлогодній календарь и, грѣя ноги у камина, смотрю какъ чернѣетъ, потомъ исчезаетъ въ порханьѣ огненныхъ язычковъ этотъ длинный рядъ сѣренькихъ дней, лишенныхъ счастья, лишенныхъ честолюбивой мечты,—дней глупой, мелкой заботы.

Вторникъ, 14-го апрѣля. Обѣдъ въ ресторанѣ Ришъ съ Флоберомъ, Тургеневымъ, Золя и Альфонсомъ Додэ. Обѣдъ талантливыхъ людей, уважающихъ другъ друга, который намъ хотѣлось-бы, съ будущей зимы, сдѣлать ежемѣсячнымъ.

Начинаемъ съ большого спора о спеціальныхъ способностяхъ писателей крѣпкаго или слабаго желудка и переходимъ къ механизму французскаго языка.

По этому поводу Тургеневъ говоритъ приблизительно слѣдующее:—Вашъ языкъ, господа, кажется мнѣ инструментомъ, изобрѣтатель котораго искалъ только ясности, логики, приблизительной точности, а выходитъ такъ, что инструментъ этотъ попалъ теперь въ руки людей самыхъ нервныхъ, самыхъ впечатлительныхъ, менѣе всего способныхъ довольствоваться приблизительною точностью.

Конецъ апрѣля. Въ настоящее время дѣло вовсе не въ томъ, чтобы создавать въ литературѣ новые типы, въ которыхъ публика не могла-бы узнать своихъ старыхъ знакомыхъ, и не въ томъ, чтобы найти своеобразную форму слога, а въ томъ, чтобы изобрѣсти лорнетъ, показывающій людей и вещи сквозь совсѣмъ невиданныя еще стекла, представить картину подъ новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ угломъ зрѣнія; дѣло въ томъ, чтобы создать новыя оптическія условія. Этотъ лорнетъ мы съ братомъ и изобрѣли,—и я смотрю, какъ имъ пользуются всѣ молодые, съ самою обезоруживающею наивностью—будто у нихъ въ карманѣ патентъ на это изобрѣтеніе.

Пятница, 5-го іюня. Вчера завтракали у меня супруги Додэ. Ихъ отношенія напоминаютъ мнѣ мои отношенія съ братомъ. Жена пишетъ, и я имѣю основаніе подозрѣвать въ ней художника слога.

Додэ—красивый, волосатый малый. Онъ ежеминутно встряхиваетъ и закидываетъ назадъ свою роскошную шевелюру, а моноклемъ дѣйствуетъ

à la Шоль. Онъ остроумно говоритъ про безстыдство, съ которымъ онъ суетъ въ свои книги все, что поддается его писательскому наблюденію, за что онъ и въ ссорѣ съ большей частью своей родни.

Затѣмъ Додэ признается, что его гораздо больше поражаетъ шумъ, звукъ существъ и вещей, чѣмъ видъ ихъ, и что онъ часто имѣетъ поползновеніе прибѣгнуть въ своихъ книгахъ къ междометіямъ «пифъ», «пафъ», «бумъ» и т. п. Дѣйствительно, онъ близорукъ почти до убожества; онъ, кажется, проходитъ сквозь жизненную среду, какъ слѣпой—правда, довольно проницательный.

Среда, 8-го іюля. Я ѣду на цѣлый день къ А. Додэ, въ Шанрозэ, въ излюбленный край живописца Делакруа.

Онъ живетъ въ большомъ буржуазномъ домѣ, построенномъ въ миніатюрномъ паркѣ во вкусѣ XVIII вѣка. Этотъ домъ увеселяется присутствіемъ прекраснаго и умнаго ребенка, въ лицѣ котораго мило соединяется сходство съ отцомъ и матерью. Увеселяется домъ и прелестью матери, женщины-писательницы, которая стушевывается отъ скромности и преданной любви. Подумаешь,—все соединилось тутъ, чтобы заключить въ четырехъ стѣнахъ блаженную безмятежность настоящаго буржуа; а между тѣмъ сквозь веселость и милое опьяненіе словами чувствуется минутами и немного меланхоліи, всегда присущей мастерской работника мысли.

День невыносимой жары. За рѣшетчатыми ставнями мы «эстетизируемъ» въ полумракѣ и толкуемъ о пріемахъ писательства, о стряпнѣ слога. Затѣмъ, Додэ начинаетъ разсказывать мнѣ о прозѣ и о стихахъ жены. М-мъ Додэ соглашается прочесть намъ одно стихотвореніе. Поэтессѣ представляется, какъ изъ разбросанныхъ ниточекъ воротника, который она только что шила, птицы свили себѣ въ саду гнѣздо. Очень, очень мило. Только женщина могла написать такую вещь, и я совѣтую ей написать книгу, гдѣ-бы ея главной заботой было именно сдѣлать нѣчто вполнѣ женское.

Она въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ необыкновенная, эта м-мъ Додэ. Я никогда не встрѣчалъ ни мужчины, ни женщины, кто-бы такъ основательно зналъ всѣ средства оптики и колорита, синтаксисъ и обороты, и разные фокусы воинствующихъ литераторовъ минуты.

Солнце зашло. Мы садимся въ лодку и, скользя вдоль берега съ удочкой въ рукѣ, все еще споримъ и «эстетизируемъ» подъ надвигающейся грозой и дальними раскатами грома.

1875.

Пятница, 8-го января. Вотъ два или три дня, какъ я начинаю оживать и какъ мое личное *я* потихоньку водворяется снова въ то смутное,

жидкое и пустое существо, которое остается отъ насъ послѣ тяжелой болѣзни.

Я былъ очень боленъ. Чуть не умеръ. Прошлый мѣсяцъ, уже простуженный, я все ходилъ по парижской слякоти и оттепели, пока, въ одно прекрасное утро, не смогъ уже встать. Три дня былъ въ жару и безъ памяти. Въ день Рождества пришлось позвать доктора, отысканнаго по указанію нашего консьержа. Врачъ объявилъ, что у меня воспаленіе въ легкомъ и поставилъ мнѣ на спину мушку, величиною съ бумажнаго змѣя.

Я прожилъ одиннадцать дней, не смыкая глазъ, и все двигался, все говорилъ, сознавая, что говорю вздоръ, и не имѣя возможности остановиться. Бредъ мой—это была бѣшенная бѣготня по парижскимъ магазинамъ рѣдкостей, и я все покупалъ, все, все, и все самъ уносилъ домой. Въ помутившейся моей головѣ явилось также какое-то превращеніе моей комнаты. Она стала больше и съ бельэтажа опустилась внизъ. Я сознавалъ, что этого быть не можетъ, и все-таки видѣлъ ее такою. Однажды я ужасно волновался: мнѣ казалось, что японская сабля, бывшая всегда у меня на каминѣ, пропала. Мнѣ представлялось, что люди боятся съ моей стороны припадка безумія, что имъ страшно со мною. Въ этомъ бреду, все еще нѣсколько сознательномъ, писателю хотѣлось анализировать себя, «написать» себя. Къ несчастью, замѣтки, которыя я нахожу въ записной книжкѣ, невозможно разобрать. Одну только я могъ прочесть: Ночь 28-го декабря. «Я не могу, не умѣю больше спать; когда я непремѣнно хочу заснуть и закрываю глаза, то передо мною появляется большой бѣлый листъ съ рамкой и вычурной заглавной буквой: этотъ листъ нужно заполнить, и я непремѣнно долженъ его заполнить. А когда онъ исписанъ, является новый, и опять новый, и такъ безъ конца».

Понедѣльникъ, 25-го января. Флоберовскимъ обѣдамъ не везетъ. Послѣ перваго заболѣлъ я. Сегодня Флоберъ нездоровъ, лежитъ. Насъ только четверо: Тургеневъ, Золя, Додэ и я.

Сначала говоримъ о Тэнѣ. Каждый изъ насъ старается опредѣлить качества и несовершенства его таланта; Тургеневъ насъ перебиваетъ и говоритъ съ оригинальностью мысли и со свойственнымъ его рѣчи мягкимъ лепетаньемъ: «Сравненіе не благородное,—но позвольте мнѣ, господа, сравнить Тэна съ одной моей охотничьей собакой: она и искала, и стойку дѣлала, однимъ словомъ, превосходно исполняла все, что требуется отъ охотничьей собаки, только чутья у нея не было,—я долженъ былъ продать ее».

Золя счастливъ, весь сіяетъ отъ отличнаго обѣда, и когда я его спрашиваю: Ужъ не гурманъ-ли вы, Золя?—Да,—отвѣчаетъ онъ,—это мой единственный порокъ. Дома, когда нѣтъ за столомъ чего-нибудь вкуснаго, я несчастливъ, совсѣмъ несчастливъ. Кромѣ этого у меня ничего нѣтъ...

остальное для меня не существуетъ... Ахъ, вы не знаете, что у меня за жизнь...

И вотъ, внезапно омрачившись, онъ начинаетъ расписывать свои невзгоды. Любопытно, что признанія молодого романиста тотчасъ-же принимаютъ меланхолическій оттѣнокъ. Золя началъ одну изъ самыхъ мрачныхъ картинъ своей молодости, рисуетъ горе своей обыденной жизни, оскорбленія, на него направленныя, подозрѣнія, окружающія его какимъ-то карантиномъ, въ которомъ держатъ его произведенія.

Тургеневъ говоритъ вполголоса: «Странно, одинъ мой пріятель, русскій, очень умный человѣкъ, утверждалъ, что типъ Жанъ Жака Руссо—типъ исключительно французскій, типъ, который только во Франціи и встрѣчается... Золя, который его не слушаетъ, продолжаетъ ныть. Ему возражаютъ, что ему не на что жаловаться, что для человѣка, которому нѣтъ еще тридцати пяти лѣтъ, онъ сдѣлалъ недурную карьеру.

— Хотите, восклицаетъ Золя,—хотите, я открою вамъ всю душу? Вы сочтете меня за ребенка, тѣмъ хуже!.. Мнѣ никогда не дадутъ ордена, я никогда не буду членомъ Академіи, не получу отличія, ни одного отличія, которое утвердило бы мой талантъ въ глазахъ публики... Для публики я всегда буду парія, да, парія.

И четыре-пять разъ подрядъ онъ повторяетъ это слово: «парія».

Тургеневъ смотритъ на него съ отеческой ироніей, потомъ разсказываетъ слѣдующую хорошенькую исторію: «Зола! Во время праздника, даннаго русскимъ посольствомъ по поводу освобожденія крестьянъ,—событія, въ которомъ я, какъ вы знаете, игралъ нѣкоторую роль,—графъ Орловъ (онъ мой пріятель, я былъ у него на свадьбѣ шаферомъ) пригласилъ меня обѣдать. Въ Россіи я, можетъ быть, и не первый изъ писателей, но въ Парижѣ, за отсутствіемъ другого, вы согласитесь, что первый—я. Ну, а при этомъ, знаете ли, гдѣ меня посадили? Меня посадили 47-мъ, ниже попа».

Тихій славянскій смѣшокъ увлажняетъ глаза Тургенева въ заключеніе разсказа.

Золя въ разговорчивомъ настроеніи и продолжаетъ говорить намъ о своей работѣ, о томъ, какъ онъ ежедневно «высиживаетъ» по сто строкъ, которыя ему приходится вырывать изъ себя, о своемъ монашествѣ, о своей семейной жизни, лишенной другихъ развлеченій, кромѣ партіи въ домино съ женою по вечерамъ или посѣщенія какого-нибудь земляка. Вмѣстѣ съ этимъ у него вырывается сознаніе, что въ сущности онъ имѣетъ большое удовлетвореніе, большую радость, сознавая изъ темнаго угла свое дѣйствіе на Парижъ, свою власть надъ нимъ. Говоритъ онъ тономъ талантливаго человѣка, долго боровшагося съ нуждою.

Во время этой исповѣди писателя-реалиста, Додэ читаетъ вслухъ самому себѣ провансальскіе стихи, будто полощетъ себѣ горло сладкозвучною поэзіею голубого неба.

Воскресенье, 25-го апрѣля. У Флобера. Гости повѣряютъ другъ другу галлюцинаціи, вызванныя болѣзненнымъ состояніемъ ихъ нервной системы. Тургеневъ разсказываетъ, что третьяго дня, услыхавъ звонокъ къ обѣду, онъ сходилъ внизъ. Проходя мимо уборной Віардо, онъ видѣлъ, какъ тотъ, спиною къ двери, въ охотничьей курткѣ, мылъ себѣ руки,—и былъ крайне удивленъ, когда входя въ столовую, увидалъ его же за столомъ, на обычномъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ разсказываетъ про другую галлюцинацію. Вернувшись въ Россію, послѣ долгаго отсутствія, онъ навѣстилъ пріятеля, который при послѣднемъ ихъ свиданіи былъ совершеннымъ брюнетомъ. Въ ту минуту, какъ онъ къ нему входилъ, онъ видѣлъ, какъ будто бѣлый парикъ падалъ съ потолка ему на голову, а когда пріятель обернулся посмотрѣть, кто входитъ, Тургеневъ изумился, видя его совершенно сѣдымъ.

Золя жалуется на мышей, которыя, будто бы, бѣгаютъ вокругъ него, на птицъ, будто бы пролетающихъ то направо, то налѣво отъ него.

Флоберъ говоритъ, что когда онъ долго сосредоточивается, долго нагибается надъ письменнымъ столомъ, ему бываетъ страшно поднять голову: какъ будто кто-то стоитъ у него за спиною.

Пятница, 25-го іюля. Сегодня я написалъ крупными буквами на первомъ листѣ новой тетради: «La fille Elisa». (Проститутка).

И написавъ это заглавіе, я вдругъ почувствовалъ тоскливый страхъ, сталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ. Я словно допрашивалъ мой грустный мозгъ и, мнѣ казалось, что я не найду болѣе въ себѣ силы, способности къ работѣ воображенія. И я боюсь... боюсь этого произведенія, къ которому не приступаю уже съ прежнею увѣренностью, какую я имѣлъ, когда вмѣстѣ со мною работалъ онъ.

Суббота, 7-го августа. Сегодня вечеромъ я находился въ той пріятной сосредоточенности, когда мозгъ снова начинаетъ творить. Я чувствовалъ себя ушедшимъ отъ своего личнаго существованія и, въ легкой лихорадкѣ, перенесеннымъ въ вымыселъ своего романа. Существа, рожденныя моей мечтою, начинали принимать формы дѣйствительности; исписанныя странички уже занимали свои мѣста въ смутномъ абрисѣ возникающаго плана. Вдругъ звонокъ, и въ моемъ ящикѣ для писемъ оказывается письмо, извѣщающее меня, что торговецъ кожами, который мнѣ долженъ 80,000 франковъ, не прислалъ за послѣднюю четверть слѣдующей мнѣ ренты. Мнѣ приходитъ въ голову, что мѣсяцы, годы могутъ пройти, пока я не получу этой ренты, составляющей почти половину моего дохода, что мнѣ предстоятъ, пожалуй, непріятности судебнаго процесса.

Прощай, романъ! Весь легкій вымыселъ улетѣлъ, потерялся въ пространствѣ, какъ птица, въ которую бросили камнемъ, и всѣ усилія моего воображенія, старающагося уловить снова набросокъ моего вечерняго

творчества, ведутъ лишь къ возсозданію у меня въ мозгу, какъ бы живымъ, роковаго образа г-на Дюбуа, частнаго пристава въ улицѣ Рамбюто, № 20.

Воскресенье, 22-го августа. Сегодня я иду собирать «человѣческіе документы» въ окрестностяхъ военнаго училища. Никто никогда не знаетъ нашей природной застѣнчивости, нашего безпокойства среди этой черни, нашей брезгливости при соприкосновеніи съ сволочью. Какъ дорого намъ обходятся тѣ отвратительные и грязные документы, по которымъ мы строимъ наши книги. Ремесло полицейскаго сыщика, необходимое для добросовѣстнаго изслѣдователя народной жизни,—самое отвратительное ремесло для человѣка аристократической природы.

Но сила этого новаго міра имѣетъ въ себѣ что-то притягательное, привлекательное—какъ для путешественника неизслѣдованная земля; напряженіе чувствъ, разнообразіе наблюденій и замѣчаній, усилія памяти, игра ощущеній, спѣшная бѣглая работа мозга, подслушивающаго истину,—все это опьяняетъ хладнокровнаго наблюдателя и заставляетъ его забывать, какъ въ лихорадкѣ, тяжесть и отвращеніе его наблюденій.

Четвергъ, 9-го сентября. Иногда я говорю себѣ, что къ жизни надо относиться съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго она заслуживаетъ со стороны умнаго человѣка. Въ ожиданіи грозящаго мнѣ раззоренія, я долженъ думать только о наблюденіяхъ надъ адвокатами, приставами и всѣмъ судебнымъ міромъ, которыя мнѣ достанутся: несчастья, при которыхъ можно еще ѣсть, не должны быть для меня ничѣмъ инымъ, какъ вспомогательными факторами писательства.

Я говорю себѣ все это, и не смотря на сверхчеловѣческое равнодушіе, которое стараюсь себѣ внушить—буржуазная забота объ урѣзанной и лишенной наслажденій жизни всетаки находитъ себѣ мѣсто въ моей душѣ.

Воскресенье, 3-го октября (послѣ отлучки). Прежде всего молю Бога дать мнѣ умереть у себя дома, у себя въ комнатѣ. Мысль о смерти у чужихъ для меня ужасна.

1876.

Суббота, 1-го января 1876. Я теперь съ ужасомъ вступаю въ новый годъ. Я боюсь всѣхъ тѣхъ золъ, которыя у него въ запасѣ для моего спокойствія, моего состоянія, моего здоровья.

Пятница, 7-го января. Веселый, прелестный обѣдъ у Додэ, за миской Bouillebaisse (провансальское блюдо) и корсиканскими жареными дроздами. Каждый чуетъ, что сосѣдъ ему сочувствуетъ, и ѣда вкуснѣе въ кружкѣ уважающихъ другъ друга талантовъ.

У Флобера удовольствіе разражается свирѣпыми словами, отъ которыхъ милая м-мъ Додэ какъ-то боязливо сжимается; Золя отъ удоволь-

ствія, конечно, становится еще экспансивнѣе, въ своемъ счастливомъ сознаніи, что почетъ и деньги нашли-таки дорогу къ нему.

Тургеневъ, уже немного страдающій подагрой, пришелъ въ туфляхъ. Онъ преоригинально описываетъ намъ, что онъ чувствуетъ. Ему кажется, будто кто-то сидитъ въ большемъ пальцѣ его ноги и старается вырѣзать ноготь круглымъ тупымъ ножемъ.

Понедѣльникъ, 24-го января. У Альфонса Додэ. «Передать непередаваемое—вотъ что сдѣлано вами», говоритъ мнѣ сегодня Альфонсъ. Къ этому направлены должны быть современныя усилія, но тутъ надо и остановиться: дальше идти трудно, не впадая въ безсмыслицу.

Затѣмъ м-мъ Додэ читаетъ намъ поэтическую вещицу о томъ, какъ утренняя заря проникаетъ въ розовую кисею платьевъ, въ лазоревую бездну зеркалъ, въ красный блѣднѣющій свѣтъ конца бала.

Понедѣльникъ, 28-го февраля. Когда въ жизни есть непріятности, надо имѣть храбрость вскочить съ постели, какъ только проснешься, и на ногахъ износить, истаскать свою молодушную утреннюю трусость.

Понедѣльникъ, 13-го марта. Тургеневъ говорилъ о комизмѣ, который иногда примѣшивается къ геройскимъ подвигамъ.

Онъ разсказывалъ, какъ одинъ русскій генералъ послѣ аттаки, два раза отраженной французами, засѣвшими за стѣной кладбища, приказалъ своимъ солдатамъ перебросить себя черезъ эту стѣну.

— Ну, и какъ же это вышло?—спросилъ Тургеневъ этого генерала, очень толстаго мужчину.

Вотъ, что тотъ сообщилъ ему. Онъ очутился въ лужѣ и старался выкарабкаться и встать на ноги, но никакъ не могъ. Падая опять въ лужу, онъ каждый разъ громко кричалъ: «ура!» А французъ-пѣхотинецъ глядѣлъ на него, не стрѣлялъ и, смѣясь, кричалъ ему: свинья, свинья толстая!.. Но «ура» его услышали русскіе, перебрались черезъ ограду и скоро вытѣснили французовъ съ кладбища.

На дняхъ, читая сказки Бальзака (Contes drôlatiques), я испугался того наивнаго восторга, съ которымъ я ихъ читалъ. Мнѣ почти страшно. Производитель книгъ, если онъ еще самъ способенъ производить, никогда не отрѣшается при чтеніи отъ нѣкоторой критики. Разъ онъ читаетъ, какъ буржуа, мнѣ кажется, что творческая сила начинаетъ измѣнять ему.

Четвергъ, 4-го мая. Сегодня слезы наполнили мои глаза за корректурой новаго изданія нашего «Шарль Демальи». Никогда, мнѣ думается, не случалось никому описать съ такою ужасающею правдивостью отчаяніе писателя, вдругъ ощутившаго пустоту и безсиліе своего мозга.

Пятница, 5-го мая. Нашему обществу «пятерыхъ» пришла фантазія поѣсть Bouillebaisse въ трактирчикѣ, что позади Opéra-Comique. Всѣ какъ-то особенно въ ударѣ, разговорчивы. Тургеневъ говорилъ:

— Мнѣ, чтобы работать, — мнѣ нужна зима, морозъ, какъ у насъ въ Россіи, вяжущій холодъ и деревья, покрытыя кристалликами инея... Тогда... Еще лучше, впрочемъ, работать осенью, знаете, когда совсѣмъ нѣтъ вѣтра, когда почва упруга, а воздухъ какъ будто отзывается виномъ... Живу я въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, въ саду желтыхъ акацій—бѣлыхъ у насъ нѣтъ. Осенью земля вся покрыта стручьями, которые хрустятъ, когда на нихъ наступаешь, и воздухъ полонъ птицъ, знаете, тѣхъ что подражаютъ пѣнію другихъ, сорокопутовъ, да... Тамъ, совсѣмъ одинъ...

Тургеневъ не кончаетъ фразы, но крѣпко стиснутыя руки его, которыя онъ судорожно прижимаетъ къ груди, выражаютъ то наслажденіе, опьяненіе мозга, которыя онъ испытываетъ въ этомъ уголкѣ старой Россіи.

Въ настоящее время воспитывается поколѣніе молодыхъ читателей книжекъ, никогда ничего не видавшихъ, кромѣ типографскихъ чернилъ; поколѣніе мелкихъ писателей безъ страсти, безъ темперамента; глаза ихъ не видятъ ни женщинъ, ни цвѣтовъ, ни предметовъ искусства, ничего прекраснаго въ природѣ. Они думаютъ, что будутъ писать книги. Книги—книги, имѣющія значеніе, возникаютъ только изъ воздѣйствія на восторженную натуру впечатлѣнія красоты, впечатлѣнія прекраснаго или уродливаго. Чтобы создать нѣчто настоящее въ литературѣ, нужно, чтобы всѣ чувства были широко раскрытыми окнами.

Понедѣльникъ, 31-го іюня. Болѣзнь безъ острыхъ страданій вещь вовсе ужъ не такая непріятная: это какая-то безсознательная распущенность мозга, въ лихорадочной дремотѣ. Мысли мои, въ такія минуты, представляются мнѣ въ видѣ тѣхъ мелкихъ, блестящихъ, чуть замѣтныхъ точекъ, которыя уносятся теченіемъ рѣки, выступившей изъ береговъ, и ныряютъ и снова всплываютъ, расходятся и исчезаютъ въ мутномъ потокѣ водъ.

Вторникъ, 15-го августа. Я думаю, что любитель искусства не родится вдругъ, какъ грибъ, что утонченность его вкуса происходитъ отъ тяготѣнія двухъ-трехъ поколѣній къ изяществу предметовъ домашняго обихода.

Мой отецъ, военный, не покупалъ предметовъ искусства, но онъ любилъ, чтобы все, что служило для хозяйства, было у него необыкновенно хорошаго качества, совершенства и недюжинной красоты. Я помню, какъ въ то время, когда тонкое стекло еще не вошло въ употребленіе, онъ уже пилъ красное вино изъ стакана, къ которому грубая рука не могла притронуться, не разбивъ его. Я унаслѣдовалъ эту утонченность отъ отца. Самое лучшее вино, самый изысканный ликеръ не имѣютъ цѣны для меня, если надо пить его изъ простого стакана.

Пятница, 1-го сентября. Флоберъ говорилъ, что за послѣдніе мѣсяцы, которые онъ провелъ въ комнатѣ, у него отъ жары явилось ка-

кое-то опьяненіе трудомъ, что онъ работалъ по пятнадцати часовъ въ сутки. Онъ ложился въ четыре часа утра, а въ девять вечера иногда самъ удивлялся, что все еще сидитъ за письменнымъ столомъ. Истинная поденщина, прерываемая лишь вечернимъ купаніемъ въ Сенѣ. А результатъ этихъ девятисотъ часовъ работы—повѣсть въ тридцать страницъ.

Пятница, 8-го ноября. Какъ полезны, плодотворны для воображенія прогулки, которыя я дѣлаю по вечерамъ, передъ обѣдомъ. Проходишь около людей и не видишь ихъ лицъ; въ лавкахъ начинаютъ зажигать газъ, и онъ наполняетъ ихъ смутнымъ свѣтомъ, въ которомъ ничего нельзя разглядѣть; движеніе волнуетъ вашъ мозгъ, а глаза, среди этихъ спящихъ вещей, этихъ живыхъ людей, похожихъ на тѣни, ничѣмъ не развлекаются... Тогда голова работаетъ и творитъ.

Иду я такъ по Булонскому лѣсу, по большой Булонской дорогѣ, до моста въ Сенъ-Клу. Гляжу минутку на отраженіе въ Сенѣ бѣдной разоренной деревни и возвращаюсь тою-же дорогою. А записки на ходу, почти ощупью набросанныя въ записную книжку, разбираются на слѣдующее утро, въ тихой кабинетной работѣ.

Воскресенье, 12-го ноября. Въ сущности я не особенно сочувствую женщинамъ XVIII вѣка, женщинамъ, чуждымъ непосредственнаго душевнаго движенія, вѣры въ Бога, вѣры въ добрыя и безкорыстныя чувства, насыщеннымъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, «позитивизмомъ» и скептицизмомъ. Мнѣ кажется, что души у нихъ, какъ у говоруновъ-адвокатовъ.

— Съ нѣкоторыхъ поръ меня соблазняетъ мысль совершить путешествіе въ Японію—и вовсе не ради собиранія рѣдкостей. Во мнѣ живетъ мечта написать книгу въ формѣ дневника, подъ заглавіемъ: «Годъ въ Японіи», книгу болѣе богатую ощущеніями, чѣмъ описаніями. Я увѣренъ, что эта книга не вышла-бы похожей на какую-либо другую.

Ахъ, если-бы я былъ на нѣсколько лѣтъ моложе!

Понедѣльникъ, 27-го ноября. Тургеневъ говорилъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ нѣмцы менѣе всего владѣютъ вѣрнымъ художественнымъ чутьемъ—за исключеніемъ музыкальной области. Мелкая, глупая фальшивая условность, которая заставляетъ насъ бросить книгу, кажется имъ пріятнымъ усовершенствованіемъ правдивой дѣйствительности. Онъ прибавилъ, что русскій народъ—народъ лживый, потому что долго былъ въ рабствѣ—любитъ въ искусствѣ правдивость и реальность. Провожая насъ по улицѣ Клиши, онъ говоритъ о планахъ нѣсколькихъ повѣстей. Въ одной изъ нихъ онъ хочетъ описать ощущенія старой лошади въ степи, гдѣ трава ей по грудь.

Потомъ, остановившись, онъ говоритъ: «Знаете, въ южной Россіи бываютъ стоги съ этотъ домъ. На нихъ влѣзаютъ по лѣстницѣ. Я часто на нихъ ночевалъ. Вы и не подозрѣваете, какое тамъ бываетъ небо;

оно все синее, темно-синее, усѣянное большими серебряными звѣздами. Около полуночи поднимается величественная теплынь (я говорю его словами). Упоительно! Я однажды лежалъ на спинѣ, наслаждаясь такою ночью, и вдругъ замѣтилъ—не знаю, долго-ли это длилось — что я безсмысленно твердилъ про себя: разъ, два, разъ, два»...

Среда, 13-го декабря. Отвратительное это ремесло—наше писательское. Весь конецъ моей книги написанъ въ увѣренности, въ предчувствіи, что всѣ усилія, всѣ изслѣдованія, весь трудъ надъ слогомъ получатъ въ награду денежный штрафъ, тюрьму, быть можетъ лишеніе личныхъ правъ; что я буду обезчещенъ французскими судьями, какъ будто меня застали въ неприличномъ мѣстѣ [1]).

Суббота, 16-го декабря. Очень трудно это объяснить. Мнѣ кажется, будто слѣва и позади головы что-то тянетъ меня назадъ,—нѣчто, напоминающее вѣроятно дѣйствіе магнита на сталь, или скорѣе—притяженіе пустоты, и это нѣчто спускается, все слѣва, на ребра, вдоль позвонковъ, до таза, какъ зыбкая волна, вызывая по всему тѣлу ощущеніе потери равновѣсія. Временное-ли это недомоганіе или-же угроза удара, смерти въ недалекомъ будущемъ? Не знаю, но меня сильно огорчаетъ моя недоконченная книга, и каждая глава, прибавленная къ рукописи, для меня какъ-бы побѣда; я спѣшу, спѣшу, какъ человѣкъ, который боялся-бы, что не успѣетъ дописать всѣхъ статей своего духовнаго завѣщанія.

Среда, 27-го декабря. Теперь, когда моя книга, «La fille Elisa», почти кончена, начинаетъ выступать и смутно обозначаться въ моемъ воображеніи тотъ романъ, которымъ я мечтаю проститься съ вымыслами фантазіи.

Мнѣ хочется изобразить въ ней двухъ клоуновъ, двухъ братьевъ, любящихъ другъ друга, какъ мы съ братомъ. Они работаютъ вмѣстѣ, какъ будто у нихъ одинъ позвоночный столбъ, и всю жизнь придумываютъ какой-то невозможный фокусъ, находка котораго равнялась-бы для нихъ важному научному изобрѣтенію. Много тутъ подробностей о дѣтствѣ младшаго, о братской любви старшаго, въ которую входитъ нѣчто отеческое. Старшій—сила, младшій—грація, оба—поэтическія натуры изъ народа, находящія себѣ исходъ въ той фантастичности, которую англійскій клоунъ вноситъ въ упражненія своей силы. Наконецъ придуманъ этотъ фокусъ, исполненію котораго долго препятствовали непобѣдимыя техническія трудности. Но месть одной наѣздницы, любовь которой была отвергнута меньшимъ братомъ, заставляетъ ихъ промахнуться. Разумѣется, женщина является только мелькомъ. У обоихъ братьевъ особый культъ мускуловъ, воздерживающій

[1]) Рѣчь идетъ о романѣ «La fille Elisa», изображающемъ жизнь проститутки.

нихъ отъ женщинъ, какъ отъ всего, что отнимаетъ силы. Младшій при неудавшемся фокусѣ получаетъ переломъ обоихъ бедеръ—и когда они приходятъ къ убѣжденію, что онъ уже не можетъ быть клоуномъ, старшій, чтобы не огорчать его, отказывается отъ своего ремесла. Изобразить здѣсь всѣ нравственныя страданія, изученныя мною у брата, когда онъ почувствовалъ въ себѣ неспособность къ мозговой работѣ...

Однако, любовь къ ремеслу у старшаго брата жива еще, и ночью, пока младшій спитъ, онъ встаетъ и упражняется, одинъ, на чердакѣ, при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей. Въ одну такую ночь меньшой братъ просыпается, встаетъ, ползетъ на чердакъ, и старшій, обернувшись, видитъ, какъ слезы тихо струятся у него по лицу. Онъ кидаетъ трапецію за окно, бросается въ объятія брата, и оба плачутъ, плачутъ, нѣжно обнявъ другъ друга.

Вещь короткая и вся сдѣланная изъ чувства и изъ живописныхъ подробностей [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Романъ этотъ написанъ былъ Э. Гонкуромъ согласно изложенному плану подъ названіемъ «**Frères Zemgano**».

Діана.

Повѣсть.

ГЛАВА V.

Манюся и два брата Шабельскихъ сидѣли рядышкомъ на скамейкѣ въ англійскомъ саду и, въ тактъ притопывая ногами, пѣли вновь разученную французскую пѣсенку:

C'est la mère Michel
Qui a perdu son chat
Et crie par la fenêtre:
«Qui me le rendra».

Господскій баловень, трехлѣтній сынъ садовника, Петька, кувыркался на кучѣ песку подъ звуки ихъ пѣсни.

Sur l'air de tra-la-la,
Sur l'air de tra-la-la!

—раздавался веселый припѣвъ.

Немножко поодаль, погрузившись въ низкое раскидное кресло, Елизавета Сергѣевна вязала шапочку изъ красной шерсти. Къ ней подошла m-lle Lorent.

— Et Lise, où est-elle?

— Je l'ignore, chère Julie, on ne la voit plus.

M-lle Lorent вздохнула.

— Ça se comprend bien, elle est fiancée.

— Oui, ça se comprend,—уныло подтвердила Елизавета Сергѣевна.— On ne la voit guère,—прибавила она съ горечью.—Et la voila bientôt partie et pour longtemps. Elle ne sera plus à nous. И она отерла слезинку въ углу глаза.

Дѣйствительно, со времени злополучной встрѣчи, Лиза всецѣло посвятила себя Петру Степановичу. Она не хотѣла считаться съ чьими-бы то ни было претензіями на нее послѣ того, что «случилось».

— Похитилъ, похитилъ!—вдругъ раздался пронзительный голосъ Манюси.

Баронесса вздрогнула.

— Кто похитилъ, что похитилъ?!.

Nicolas и Woldemar хохотали.

— Ахъ, ma tante, Петръ Степановичъ похитилъ Лизу. Смотрите, вонъ они покатили по Зарѣчью.

— Ахъ, Боже мой, вотъ напугала!—ворчала Елизавета Сергѣевна.— Петръ Степановичъ похитилъ Лизу! Ну грѣхъ еще не такъ большой.— И она потихоньку улыбалась. — Похитилъ! Да какъ-же и сказать—и впрямь похитилъ. Ну что-бы было сказаться? Чудакъ этотъ Петръ Степановичъ. Вѣдь кажется могъ-бы ужъ не стѣсняться. Такъ вѣдь нѣтъ, ни зачто при другихъ не пригласитъ Лизу прогуляться или проѣхаться вмѣстѣ. А вотъ такъ, въ тихомолочку исчезнетъ, какъ въ воду канетъ. А за нимъ и Лиза. Глядишь, щебечетъ тутъ гдѣ-то возлѣ,—да вдругъ и была такова! Поминай какъ звали обоихъ. Хитра нынче молодежь стала, ихъ и не поймешь. Въ наше время проще было».

А тѣмъ временемъ большая бѣлая лошадь съ умными глазами и провислой отъ старости спиной трусила мелкой рысцой по направленію къ лѣсу. Низкій плетеный шарабанъ, въ которомъ катили бѣглецы, погромыхивалъ рессорами и глухо стучалъ колесами объ оси на выбоинахъ мягкой полевой дороги. Волнуясь зеленой чешуей, только что выколосившіеся хлѣба подступали съ обѣихъ сторонъ и, качаясь, хлестали по подножкамъ экипажа.

Лиза правила лошадью, то и дѣло причмокивая губами и подхлестывая ее возжами, какъ-то совсѣмъ не такъ, какъ это выходитъ у кучеровъ. Но старый конь не очень-то заботился прибавить рыси. Лиза сердилась: вѣчно ей запрягали развалину. На этотъ счетъ въ Софіевкѣ со временъ Лизинаго дѣтства царила какая-то несносная, тупая рутина: ей не довѣряли бойкихъ лошадей.

Возмутительно; кажется она уже не маленькая! Пора-бы оставить эту опеку! Не далѣе, какъ черезъ три дня, она будетъ дамой и полновластной хозяйкой въ своемъ собственномъ домѣ.

И надувъ губки, она жалобливо обратилась къ своему спутнику:

— Не бѣжитъ!

Петръ Степановичъ улыбнулся.

Ему было все равно, бѣжитъ или не бѣжитъ старый Ромео. Пусть онъ совсѣмъ остановится среди поля, на этой дикой заросшей дорожкѣ.

Лиза была съ нимъ, тутъ — возлѣ него, и душа его рвалась къ ней. Чѣмъ тише кругомъ, тѣмъ лучше, тѣмъ глубже онъ чувствуетъ ея присутствіе. И эта неподвижная ширь полей съ убѣгающимъ горизонтомъ, съ далекимъ прозрачнымъ куполомъ небосвода, весь этотъ просторъ безъ границъ казался все еще слишкомъ тѣснымъ для его чувства, которое росло и ширилось.

Вотъ и Синевка,—густой лиственный лѣсъ, съ темными и сырыми зарослями, съ веселыми широкими полянами, гдѣ такъ хорошо слушать эхо въ росистый часъ заката.

Вотъ, подлѣвѣе могучаго дуба, вьется голубая струйка дыма надъ лѣсной сторожкой. Тамъ они оставятъ лошадь и пойдутъ бродить.

Они гуляли по лѣсу. Лиза собирала цвѣты. Петръ Степановичъ, не теряя ея изъ виду, ходилъ по близости, насвистывая итальянскую арію. Онъ останавливался, прислонясь спиною къ стволамъ деревьевъ, и то слѣдилъ за стройной фигуркой своей невѣсты, которая съ такой рельефностью рисовалась на темномъ фонѣ лѣса, то устремлялъ глаза кверху, гдѣ между густыми вѣтвями просвѣчивало голубое небо. Онъ насвистывалъ потому, что въ душѣ его трепетали пѣсни, но пѣть онъ не могъ. Это было-бы слишкомъ романтично и отвлекло-бы Лизу отъ ея занятія. И потомъ грудь его была слишкомъ стѣснена.

— Петя,—позвалъ его звонкій голосъ,—отчего ты не собираешь цвѣты?

— Я буду собирать, если ты хочешь.

Лиза подошла къ нему близко и, взявъ его за руки, сказала, прямо глядя ему въ глаза:

— Я хочу, чтобы ты самъ хотѣлъ, Петя. Не дѣлай для меня ничего, чего ты самъ не хочешь. Никогда!

Онъ нагнулся и порывисто поцѣловалъ ея руку.

— Ну, посидимъ, ты усталъ, можетъ быть.

Петръ Степановичъ не усталъ, но онъ ничего не отвѣтилъ. Они сѣли на Лизинъ пледъ, который онъ носилъ съ собой.

Петръ Степановичъ видѣлъ,—что у Лизы сильнѣе колышется грудь. Онъ поднялъ глаза, и взоры ихъ встрѣтились. Она не могла выдержать его взгляда и бросила къ нему на колѣни пучекъ лѣсныхъ цвѣтовъ. Онъ оторвалъ свои глаза отъ Лизы, собралъ осторожно цвѣты и поднесъ ихъ къ своему лицу. Онъ заглядывалъ въ чашечки ландышей, словно глядѣлъ въ довѣрчиво раскрывшуюся передъ нимъ любимую душу, онъ слѣдилъ за развѣтвленіемъ жилокъ молодого пахучаго листика березы, какъ будто это были знакомыя черты дорогого лица. И около его губы съ лѣвой стороны чуть-чуть трепеталъ какой-то мускулъ...

— Петя, ты любишь цвѣты?

— Все люблю!—вырвалось у него, и онъ засмѣялся.

— Чего ты смѣешься?

— Такъ.

— Не смѣйся, Петя.

Порою, когда Лиза видѣла Петра Степановича счастливымъ, она вдругъ дѣлалась ужасно серьезной. Гдѣ-то глубоко въ груди закипали слезы; потомъ они поднимались выше, сдавливали горло и жгли глаза. Она сидѣла молча, ея сдвинутыя брови шевелились своими шелковистыми волосиками, и губы были сжаты отъ внутренняго напряженія. Она положила ему на руку свою маленькую руку. Онъ держалъ на широкой сухой ладони ея тонкіе пальцы, не сжимая ихъ—это легкое прикосновеніе, полное нѣжнаго довѣрія и чарующей теплоты, было неизъяснимо отрадно. Но потомъ невольно его длинныя пальцы пригибались, все крѣпче и крѣпче охватывая эту живую прелестную руку, такъ что точеныя косточки ея суставовъ издавали глухой стукъ.

Лиза тихонько вскрикнула. Онъ внезапно разжалъ пальцы и вскочилъ.

— Ну пойдемъ!

Ночь передъ свадьбой Петръ Степановичъ провелъ совсѣмъ безъ сна. Это не было упоительное ожиданіе; это не было и то давящее чувство отвращенія къ шумному торжеству, которое онъ испытывалъ раньше:—глухая безотчетная тревога проникала его насквозь, непосильное бремя какого-то неопредѣленнаго волненія давило его. Ему было тѣсно и душно въ этой уютной привѣтливой комнаткѣ, гдѣ впервые посѣтила его Лиза, гдѣ впервые она была у него, гдѣ долго послѣ ея ухода вся атмосфера была проникнута благоуханіемъ ея присутствія и гдѣ она должна была остаться съ нимъ съ завтрашняго дня. Теперь онъ не могъ постигнуть смысла того, что съ нимъ происходило. Онъ метался въ постели, то запрокидывая назадъ голову и устремляя во мракъ ночи пылающіе глаза, то вскакивалъ на кровати, садился, лихорадочно охвативъ согнутыя колѣни, или сжималъ бьющіяся жилы въ вискахъ. И тяжелые удары сердца потрясали его грудь. И все, что прибавлялось извнѣ къ этому внутреннему возбужденію, било по нервамъ съ необычайной силой. Тихая пѣсенка комара раздавалась въ ушахъ, словно гулъ десятка мѣдныхъ трубъ. Внезапный лай собаки на дворѣ какъ будто что-то выхватывалъ изъ его души своими рѣзкими прерывистыми звуками, и онъ безсознательно зажималъ уши или пряталъ голову подъ подушку.

Передъ разсвѣтомъ, когда шторы на окнахъ начали понемногу бѣлѣть, до него сталъ доноситься все усиливающійся шумъ. Скрипѣли ворота, слышалось передвиженіе телѣгъ и людскіе голоса. Петръ Степановичъ всталъ, подошелъ къ окну и, просунувъ голову подъ шторы,

распахнулъ его на обѣ половины. На него повѣяло свѣжестью туманнаго предразсвѣтнаго часа.

— Восемь подводъ за глаза довольно,—различилъ онъ голосъ, долетавшій съ задняго двора, гдѣ въ сумеркахъ происходило неторопливое движеніе.

— Тѣсно будетъ. Ихъ. гляди, съ полсотни, наберется, да еще струментъ. Яковъ Ивановичъ десять подводъ приказалъ.

Это, должно быть, снаряжался обозъ за пѣвчими и музыкантами. о которыхъ Петръ Степановичъ что-то смутно слышалъ отъ m lle Lorent.— О, Боже мой, какъ все это ненужно! Эти магнатскіе пиры съ музыкантами!

Изъ окна тянуло запахомъ дегтя и коннаго двора, смѣшаннымъ съ ароматомъ душистыхъ тополей передъ окнами флигеля.

— Бѣлоножку-то оставили, аль въ ночномъ?

— Въ ночномъ, у ней плечо побито.

— Ну такъ веди Лопоухаго.

— Подай помазокъ.

— Ладно и такъ.

— Небось не ладно—загорится.

Слышалось ржаніе матки, и ей отвѣчалъ тонкій голосокъ отбившагося сосунка.

— Шень-шень-шень!—вяло подзывалъ его рабочій.

Горизонтъ постепенно свѣтлѣлъ все шире и шире. На сѣверо-восточной сторонѣ неба гасли звѣзды. Дуновеніе вѣтра приносило новую пахучую волну изъ березовой рощи.

Вдругъ раздался голосъ Филатыча—не медовый, какимъ слышали его господа, а пронзительный, грубый:

— Эй, да скоро-ли вы, чертовы растяпы! Я васъ поворочу, посконную команду. Живо!

Рабочіе засуетились и черезъ нѣсколько минутъ десять подводъ, запряженныхъ парами, стали по очереди выѣзжать за ворота, и весь обозъ, гремя телѣжными ящиками, затрусилъ по дорогѣ къ станціи. Работникъ, отставшій отъ товарищей, пустилъ обѣихъ лошадей вскачь, ударяя ихъ возжами и подгоняя безшабашными окриками. Грохотъ стихалъ мало-по-малу, удаляясь, и низкій густой столбъ отсырѣвшей пыли, поднявшейся на дорогѣ, убѣгая, сливался съ дымкой горизонта.

Немного развлекшись, Петръ Степановичъ легъ въ постель и скоро забылся. Во снѣ онъ видѣлъ Лизу, которую онъ цѣловалъ съ холоднымъ трепетомъ. Испуганный болѣзненнымъ ощущеніемъ этой мертвенной ласки, онъ проснулся и съ мучительнымъ сердцебіеніемъ поднялся на постели. Солнце уже вставало и розовыми лучами вскользь ударяло по шторамъ, изъ-за которыхъ черезъ раскрытое окно доносилось бойкое на-

свистываніе утренней птички. Въ комнатѣ воздухъ былъ очень чистый, но холодный, и руки и ноги Петра Степановича совсѣмъ застыли. Но продолжавшееся сердцебіеніе мѣшало ему лечь и согрѣться. Онъ всталъ, и такъ какъ, кромѣ новенькой фрачной пары, съ вечера разложенной на стульяхъ, у него подъ рукой не оказалось другого костюма, онъ, чувствуя холодъ и не догадываясь закрыть окно, принужденъ былъ облачиться въ торжественное платье, которое его чрезвычайно стѣсняло. Въ такомъ неестественномъ видѣ онъ короталъ ранніе утренніе часы, въ томленіи шагая изъ угла въ уголъ и нервно прислушиваясь къ храпѣнію Ѳедора Семеновича, доносившемуся изъ третьей комнаты. Наконецъ, онъ различилъ какіе-то голоса. Онъ выглянулъ въ окно. Старая ключница Ненила переговаривалась черезъ дворъ съ судомойкой Афросиньей.

— Яицъ-то много-ли спрашиваетъ?

— Яицъ? Сотню приказалъ.

— Сотню? Жирно будетъ. Не возьмешь-ли полсотни!

— Полсотни? Мало. Сотню, говоритъ, бери: на сорокъ персоновъ готовить станемъ.

— Ненила,—позвалъ Петръ Степановичъ виноватымъ голосомъ, словно извиняясь за сотню яицъ.

Старая ключница долго искала глазами, кто ее зоветъ. Наконецъ она усмотрѣла голову Петра Степановича.

— Чего вамъ?—откликнулась она не слишкомъ привѣтливо, какъ ему показалось.

Нѣтъ она никогда не проститъ ему этой сотни яицъ и многаго другого. Былъ-бы еще женихъ настоящій! Не хорошо бѣдному жениться на богатой. И онъ непріязненно покосился на свой фракъ, сшитый изъ недорогой матеріи.

— Ненила, голубушка, попросите Ивана, если онъ всталъ, принести мнѣ мое платье, которое онъ взялъ почистить.

— Какъ не встать,—ворчала Нинила,—извѣстно всталъ. Господа проснулись, а холопамъ на перинѣ лежать!..

Странная воркотня. На кого она ворчитъ? На него—за то, что онъ всталъ такъ рано, когда настоящіе господа еще спятъ и только холопы просыпаются?

Наконецъ, внизу стукнула дверь, и деревянная лѣстница заскрипѣла подъ медлительными шагами Ивана. Онъ вошелъ съ платьемъ, небрежно перекинутымъ черезъ одну руку, и съ ботинками въ другой.

— Ужъ встали?—спросилъ онъ, съ едва скрытой улыбкой, оглядывая долговязую фигуру Петра Степановича во фракѣ и ночной сорочкѣ, виднѣвшейся изъ открытаго жилета.

— Да, я ужъ проснулся, да вотъ вы платье куда-то затащили и пальто, а я ужъ съ горя фракъ надѣлъ. Холодно.

— Какое-жъ горе! у васъ свадьба,—шутилъ Иванъ.—Да вы бы окошко закрыли.

— Да и правда.

Иванъ неторопливо закрывалъ окно, кивая черезъ него пробѣгавшей птичницѣ Сашкѣ. Петръ Степановичъ поспѣшно скинулъ фракъ, словно вырываясь изъ плѣна, и сталъ надѣвать свое обычное платье. Иванъ, который былъ сегодня въ прекрасномъ настроеніи духа, обернувшись, сдѣлалъ видъ, что хочетъ помочь ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

Иванъ не настаивалъ и, опустивъ глаза, чему-то молча ухмылялся, поигрывая губами.

Петръ Степановичъ не вытерпѣлъ.

— Вамъ сегодня, кажется, очень весело?

— Люблю я эту Сашку!

— Какую Сашку?

— А птичницу. Чертъ дѣвка!

— А, да! Ну вы можете итти, мнѣ больше ничего не надо.

Иванъ кубаремъ скатился съ лѣстницы, и черезъ секунду на дворѣ раздался визгъ и хохотъ.

Ѳедоръ Семеновичъ, въ роскошномъ мягкомъ сѣромъ халатѣ, отдѣланномъ шелкомъ (подарокъ Елизаветы Сергѣевны), сидѣлъ въ комнатѣ будущаго зятя, покуривая толстенькую папироску изъ янтарнаго мундштука, и занималъ его разспросами и разговорами, за которыми тотъ слѣдилъ съ большимъ усиліемъ.

— Блѣдный вы какой, дружище. Ночку-то, видно, неспокойно поспали!

— Я спалъ ничего, отлично спалъ.

— Ну, гдѣ-жъ отлично. Я прекрасно слышалъ, какъ вы всю ночь съ боку на бокъ ворочались. Нервы, батюшка,—я васъ прекрасно понимаю (Петръ Степановичъ поморщился). Да-съ, чего морщитесь, развѣ не такъ? Самъ вѣнчался, знаю. Да, вотъ уже двадцать лѣтъ прошло, съ хвостикомъ, а какъ сейчасъ помню. Покойная Вѣра, Лизина мать...

Дальше Петръ Степановичъ уже потерялъ нить разсказа. Онъ съ горячей мечтательностью задумался о матери Лизы и не слышалъ, что говорилъ о ней ея мужъ. Такъ что, когда, окончивъ свои воспоминанія, Ѳедоръ Семеновичъ почему-то освѣдомился, не жестка-ли его постель, Петръ Степановичъ задумчиво замѣтилъ:

— Молоденькая такая...

— Это кто-же молоденькая?

— Ахъ, виноватъ.

Но тутъ вдругъ съ малиновымъ звономъ двухъ колокольцевъ подъ росписной дугою, и съ оглушительной болтовней десятка большихъ глуха-

рей, на дворъ ворвалась гнѣдая тройка съ заплетенными по ямщицки гривами.

— Ну, одѣвайтесь, дружище,—сказалъ Ѳедоръ Семеновичъ,—папаша вашъ посаженый пожаловалъ— одѣвайтесь.

Душа Петра Степановича помутилась и съежилась. Сейчасъ начнется это несносное благословеніе: Софья Сергѣевна изъ ненужной любезности, изъ желанія угодить Лизѣ, вызвалась быть его посаженой матерью. И такъ, его будутъ напутствовать къ новой жизни съ Лизой съ внутренней гримасой.

И онъ неловко, съ смертельной тоской, облачался въ свои свадебныя одежды.

Снова и снова на дворѣ раздавались звонъ и грохотъ подъѣзжающихъ экипажей.

Ѳедоръ Семеновичъ стоялъ возлѣ будущаго зятя и съ полуснисходительной, полувеселой улыбкой слѣдилъ за его лихорадочными движеніями.

— Постойте, постойте, дружище, не спѣшите,—запонка проскочила! Да постойте же, чудакъ человѣкъ, чего вы такъ волнуетесь, не сбѣжитъ ваша Лиза. Галстукъ подвернулся. Доброе-ли это дѣло, коли на жениха смѣяться станутъ—народу наѣхало видимо-невидимо. Что ваша матушка посаженая скажетъ: вѣдь вы, чай, знаете, какая она взыскательная дама. И то она вамъ какую честь оказала! На ея вкусъ вѣдь не скоро угодишь.

Вотъ, Петръ Степановичъ, вновь облаченный во фракъ,—блѣдный, какъ бумага, входитъ въ залъ, гдѣ Софья Сергѣевна, величественная и нарядная, стоя по лѣвую руку высокаго господина съ бакенбардами, готовится благословить его образомъ. Не здороваясь, не помня себя, онъ почти падаетъ передъ ними на колѣни и принимаетъ благословеніе. Потомъ беретъ зачѣмъ-то руку Софьи Сергѣевны, цѣлуетъ ее какимъ-то формальнымъ поцѣлуемъ и тотчасъ поворачивается къ дверямъ съ чувствомъ стыда и боли, такъ какъ онъ и не глядя знаетъ, что она изподтишка брезгливо вытираетъ эту руку о свое шелковое платье...

Онъ проходитъ рядъ комнатъ съ тщетной надеждой увидѣть гдѣнибудь Лизу, и садится со своимъ шаферомъ, Яковомъ Ивановичемъ, въ ожидающій ихъ у подъѣзда экипажъ.

Они въ пустой церкви исполняютъ какія-то бумажныя формальности. Потомъ постепенно церковь наполняется знакомыми и незнакомыми лицами. Они привѣтствуютъ его, съ недоумѣніемъ глядя на его несчастное лицо и неловкую фигуру, словно сгибающуюся отъ какого-то бремени. Въ душѣ у него мучительная пустота. Нельзя вообразить себѣ, чтобы вся эта церемонія имѣла хотя отдаленное отношеніе къ его Лизѣ... Вдругъ въ толпѣ людей, въ воздухѣ и въ его сердцѣ проно-

сится какое-то движеніе. Въ дверяхъ появляется женская фигура подъ пышной вуалью, лица которой онъ не видитъ, и тотчасъ-же съ клироса раздается торжественный призывъ, и гулко откликается подъ сводами церкви. Бѣлая фигура подъ вуалью приближается, Ихъ ведутъ къ аналою, выставленному на середину церкви. Его рука мертва, и рука, которую онъ держитъ, тоже мертва. Онъ слышитъ невнятныя слова, онъ узнаетъ милый, безконечно близкій голосъ, и на нѣсколько мгновеній къ нему возвращается сознаніе, что это его Лиза стоитъ возлѣ него, и это сознаніе озаряетъ его проблескомъ счастья, похожимъ на свѣтлое воспоминаніе. Но тутъ ему вручаютъ нарядную свѣчку и куда-то подвигаютъ его; сторонясь, онъ оборачивается и наталкивается взорами на высокомѣрное насмѣшливое лицо незнакомой дамы, на злую, надутую гримасу Анны Ивановны и слышитъ, какъ Nicolas, стоя за спиной невѣсты, въ качествѣ ея шафера, что-то нашептываетъ ей въ минорномъ тонѣ. И все это гаситъ въ немъ мелькнувшій свѣтлый образъ.

«Благословенъ Богъ нашъ»...

Обрядъ оконченъ. Сонъ сбылся. Петръ Степановичъ съ холоднымъ трепетомъ цѣловалъ Лизу. И пожимая безчисленныя руки въ перчаткахъ, которыя тянутся къ нему съ поздравленіями, онъ все еще хранитъ на своихъ губахъ жуткое впечатлѣніе этого безжизненнаго поцѣлуя.

Но вотъ яркій свѣтъ горячаго солнца ударилъ по глазамъ. Они на паперти. При свѣтѣ дня онъ ясно видитъ подъ серебристой вуалью лицо Лизы, серьезное, сосредоточенное, какъ будто она все еще прислушивается къ торжественнымъ звукамъ, только что стихшимъ подъ сумрачными сводами сельской церкви. И вдругъ, словно пташка, расправляющая свои примятыя крылышки, Лиза весело крикнула Власу.

— Подавай!

Изъ-за тяжелой кареты четверикомъ, поданной для молодыхъ, вылетѣла тройка подласыхъ и, осаженная у паперти, вздрагивая отъ нетерпѣнія, топталась на мѣстѣ.

Лиза вскочила въ экипажъ, и едва Петръ Степановичъ, брошенный вслѣдъ за нею дюжей рукой Якова Ивановича, попалъ на сидѣнье, какъ Власъ лихо вздернулъ возжами, лошади съ мѣста бросились впередъ, и коляска мгновенно потонула въ облакѣ золотой пыли.

— Соколики!—гаркнулъ Власъ, не въ силахъ дольше сдерживать своей развернувшейся удали.

И тройка вся вытянулась на гладкой дорогѣ, унося коляску въ бѣшенной скачкѣ, такъ что колокольчикъ, подвязанный сегодня подъ бѣлой дугой, замиралъ, не поспѣвая биться въ тактъ лошадиному бѣгу.

Отъ внезапнаго перехода отъ темноты къ ослѣпительному свѣту, отъ этой неожиданной скачки, съ глазу на глазъ съ Лизой, у Петра Степановича закружилась голова.

— Петя, ты мой?

Онъ судорожно сжалъ руку, которую ощутилъ въ своей рукѣ.

— Хорошо мы ускакали, правда?..—Власъ, къ флигелю.

Власъ остановилъ лошадей.

— Пойдемъ, побѣжимъ. Пока никого нѣтъ.

Вдругъ хоръ музыкантовъ, стоя у воротъ, грянулъ торжественный маршъ. Они оглянулись: карета четверикомъ ввалила во дворъ. Лиза расхохоталась:

— Вотъ славно,—это они насъ привѣтствуютъ! Имъ велѣли карету встрѣчать! Хорошо мы ускользнули? Такъ лучше безъ встрѣчъ, мы сами другъ друга встрѣтимъ, правда, Петя? Только ужъ поздно, шафера пріѣхали. Послѣ,—прибавила она.

— Послѣ,—повторилъ Петръ Степановичъ, и яркое счастье на минуту вспыхнуло въ душѣ. Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленіи.

Свадебная церемонія вновь захватываетъ его шумной волной...

Безконечно тянется пышный обѣдъ. Молодые сидятъ рядомъ, подъ градомъ докучливыхъ, нескромныхъ взглядовъ, нехотя отпиваютъ изъ бокаловъ, въ которые навязчивые шафера то и дѣло подливаютъ вина, нехотя прикасаются къ блюдамъ съ разными поварскими вычурами, слушаютъ плоскіе тосты съ избитыми пожеланіями, и въ концѣ-концовъ проклятое «горько» наполняетъ все существо Петра Степановича ужасомъ и отвращеніемъ къ этому насилію.

Но Лиза, чуть пожавъ плечами, встаетъ, тихо цѣлуетъ его и спокойно садится на мѣсто.

«Лиза не любитъ меня,—проносится въ его головѣ мучительное сомнѣніе,—она такъ спокойна, она цѣлуетъ меня по заказу, при всѣхъ этихъ».

Но отъ крѣпкаго пожатія маленькой нѣжной руки, которая незамѣтно для другихъ поймала его руку въ складкахъ подвѣнечной вуали, словно прося прощенія, кровь горячей струей приливаетъ ему къ сердцу.

И вновь тосты и тосты, перекаты многоголосаго ура, грохотъ отодвигающихся стульевъ, оглушительный громъ оркестра, въ которомъ чуткое ухо различаетъ сквернѣйшіе диссонансы; и опять лакейскія руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, протискиваясь между нимъ и Лизой, протягиваютъ какія-то блюда и обернутыя бутылки съ шампанскимъ.

Обѣдъ оконченъ. Гости бродятъ по комнатамъ и, отъ нечегодѣлать, пуще прежняго осаждаютъ новобрачныхъ.

Ѳедоръ Семеновичъ подъ хмѣлькомъ отпускаетъ шуточки не перваго разбора и пристаетъ къ зятю съ поцѣлуями и стѣснительными замѣчаніями по его адресу.

— Развеселись, дружокъ,—ты намъ все веселье испортилъ,—во всеуслышаніе заявляетъ онъ.—Полно нервничать! Я самъ вѣнчался. Господь съ тобою. Я козыремъ ходилъ,—не то что ты! Ты спроси-ка Лизу, какъ я на свадьбѣ съ ея маменькой отплясывалъ—ай люли малина!— И вдругъ, захохотавъ и выкинувъ аляповатое колѣнце, онъ подбоченился и засеменилъ ногами, приговаривая:—Ходи-ходи ходыремъ, зови меня Өедоромъ!—Ха-ха-ха! Такъ-то, дружище, не по вашенски!

Вотъ приближается экзальтированная m-elle Lorent, съ неестественно зачесанными волосами, въ модномъ платьѣ съ растопыренными рукавами и конусомъ раздутой юбкой. Она фамильярно беретъ его за руку, и возбужденно участливо—что всего противнѣе—засматривая ему въ лицо, журчитъ приторнымъ голосомъ:

— Vous avez l'air trés fatigué, monsieur. Vous voulez, peut-être. vous reposer? Et votre jeune femme aussi...

Побагровѣвъ и насупившись отъ этой предупредительности, онъ рѣзко отвѣчаетъ ей:

— Non, madame.

— Comme vous voudrez, monsieur!—И, обиженная, она быстро отходитъ съ шелестомъ своихъ пышныхъ шелковыхъ юбокъ.

Черезъ раскрытыя двери балкона со двора доносится гулъ крестьянской толпы.

Въ сумеркахъ затѣваются танцы подъ звуки оркестра, играющаго «попури на мотивы изъ русскихъ пѣсенъ». Подпившій Вольдемаръ, надсаживая слабую грудь, хриплымъ голосомъ ведетъ сбивчивую кадриль, такъ какъ опытный Nicolas наотрѣзъ отказался сегодня управлять баломъ. Но въ качествѣ шафера невѣсты, онъ усиленно ухаживаетъ за Лизой «по грустной обязанности». Въ промежуткѣ между двумя турами вальса онъ отходитъ въ уголъ, подъ сѣнь оранжерейныхъ пальмъ и, какъ бы подъ прикрытіемъ оркестра, фальшиво напѣваетъ: «Нѣтъ за тебя молиться я не могъ, держа вѣнецъ надъ головой тво-э-ю!» Потомъ онъ вновь приближается къ ней, мелонхолически склоняетъ свою черную, подвитую голову, и скользя по паркету лаковыми ботинками, плыветъ съ нею по залѣ, крѣпко охвативъ ея талію. Покинутая Манюся слѣдитъ за его движеніями посоловѣвшими глазами.

Въ антрактѣ между танцами со двора, черезъ раскрытые двери балкона, доносятся хороводныя пѣсни и звуки гармоники. Тамъ угощаютъ простой народъ, собравшійся изъ сосѣднихъ деревень поглядѣть на свадьбу.

— Engagez vos dames! — неистово кричитъ расходившійся Вольдемаръ.

Дерижерская палочка стучитъ по пюпитру, и внезапный взрывъ звуковъ мазурки потрясаетъ воздухъ, заглушая протяжную пѣсню хоровода и дребезжащую гармонику въ углу двора.

Петръ Степановичъ видитъ, какъ дирижерская палочка мимоходомъ попадаетъ по уху соврavшаго юнаго кларнетиста и какъ тотъ, напыженный и красный, со слезами на глазахъ, пересвистываетъ въ свой инструментъ дрожащими губами.

И опять томный Nicolas, которому бурная мазурка не по душѣ, напѣваетъ въ углу: «Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ...», между тѣмъ какъ десятокъ незнакомыхъ кавалеровъ и барышень, подпрыгивая, летаютъ по залѣ, все еще веселясь на свадьбѣ изнемогающаго Петра Степановича...

Поздно вечеромъ, когда послѣ шумнаго и утомительнаго дня всѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ, Софья Сергѣевна писала въ своемъ Альманахѣ: «Свадьба была съиграна на славу. При вѣнчаніи пѣли пѣвчіе архіерейскаго хора, церковь была полна публики, состоялся пышный обѣдъ изъ восьми блюдъ, въ бокалахъ искрилось лучшее французское шампанское, служили оффиціанты самаго дорогого ресторана, живая рыба привезена изъ Москвы, костюмы очень дорогіе, было даже одно платье отъ Ворта. Не было только одного и самаго главнаго. Отсутствовалъ самый почетный гость— прекрасный богъ Гименей, который когда-то вѣнчалъ на землѣ красивый союзъ любви».

Раздѣваясь, Софья Сергѣевна подошла къ окну. Сквозь вѣтви деревьевъ мерцалъ свѣтъ въ окнахъ флигеля. Она съ раздраженіемъ задернула занавѣсъ.

ГЛАВА VI.

Шла вторая недѣля со дня Лизиной свадьбы. Молодые еще гостили въ Софіевкѣ, прочіе родные и знакомые,—въ ихъ числѣ Анна Ивановна съ сыновьями и Манюся,—разъѣхались вскорѣ послѣ празднества. Поведеніе Лизы, оказавшейся на этотъ разъ «очень упрямой дѣвочкой», какъ о ней говорила бабушка, не располагало къ тому, чтобы злоупотреблять гостепріимствомъ хозяевъ.

И Ѳедоръ Семеновичъ уѣхалъ «прокатиться» послѣ своихъ тяжелыхъ педагогическихъ трудовъ. Впрочемъ, онъ рѣдко загащивался въ домѣ тещи. Строгій порядокъ жизни, заведенный тамъ тетушкой Софьей Сергѣевной, былъ ему не по нутру, и—надо сознаться—они не питали другъ къ другу ни малѣйшей слабости. Уѣзжая изъ Софіевки, Ѳедоръ Семеновичъ говаривалъ: «отзвонилъ да и съ колокольни долой». И такъ, онъ отправился куда-то «на теплыя воды».

Читать стало темно. Софья Сергѣевна, не окончивъ главы, заложила рѣзакомъ книгу и закрыла ее безъ малѣйшаго сожалѣнія. Новый французскій романъ, рекомендованный ей m-elle Lorent, ее не занималъ.

Вѣчныя перипетіи любовныхъ приключеній, неизбѣжные адюльтеры, ревнивыя муки супруговъ, выслѣживанія, страшныя открытія, поединки— совсѣмъ по французски!

Да, впрочемъ, и по русски—не лучше все это. Вотъ Лиза любитъ по русски: изъ добродушія...

Софья Сергѣевна напрасно пыталась вызвать въ себѣ сочувствіе къ Лизѣ, понять ее. Что дѣлать, она не такъ сотворена. Да и Лиза уже держитъ крылышки на отлетѣ. Она поняла, что ея волѣ есть граница въ этомъ домѣ, что нельзя силою заставить другихъ любить нелюбимое, нельзя привлечь симпатіи близкихъ къ предмету ея попеченій, казня ихъ равнодушіемъ и холодностью за то, что они думаютъ и чувствуютъ не такъ, какъ она. Прощай Лизокъ, будь счастлива, если можешь!

Софья Сергѣевна встала, опустила шторы, зажгла свѣчи на столѣ и съ чувствомъ удовлетворенія оглянула свою большую красивую комнату.

Она была оклеена въ раму однотонными обоями, цвѣта геліотропъ. Этотъ нѣжный и блѣдный цвѣтъ оттѣнялся темнофіолетовыми бархатистыми панелями и такими же занавѣсами у оконъ. Бархатная драпировка подъ тѣнь къ обоямъ отдѣляла отъ будуара часть комнаты, служившую спальнею. Низкая мягкая мебель по стѣнамъ; на полу — коверъ, сплошь во всю длину и ширину будуара. Посреди комнаты бросалась въ глаза великолѣпная мраморная статуя Діаны. Полная движенія, легкая и свободная, она не несетъ на себѣ никакихъ одеждъ: чистая и недоступная богиня—дѣвственница не знаетъ стыда. Ремень черезъ плечо поддерживаетъ маленькій колчанъ, въ немъ нѣсколько крылатыхъ стрѣлъ, въ рукѣ небольшой лукъ. Больше ей ничего не нужно. Голова, украшенная опрокинутымъ серпомъ луны, приподнята въ полуоборотъ, и на бѣгу богиня горделиво озирается кругомъ.

Софья Сергѣевна любовалась ею. Такъ лучше жить—съ сознаніемъ своей независимости, въ опрятной замкнутости чувствъ, въ отдаленіи отъ всего чуждаго, некрасиваго, безъ рыхлыхъ житейскихъ связей, безъ малодушныхъ жалобъ, безплодныхъ порывовъ, тщетныхъ исканій, не хватаясь за ускользающія руки друзей. Воля замѣнила ей счастье. Она сама создала себѣ тотъ внутренній комфортъ одиночества, который ее окружаетъ. Прежде она мечтала, надѣялась на лучшее, на счастье, можетъ быть... Счастье, гдѣ оно? Какою цѣною оно покупается и окупается? Теперь она уже ни о чемъ не грезитъ, ничего не ждетъ... Она живетъ въ сосѣдствѣ съ мраморной богиней. Она не такъ прекрасна, конечно, и немножко стара, но... имъ хорошо вдвоемъ... И оживившись, она достала свой «Альманахъ», чтобы занести на его страницы нѣсколько навернувшихся мыслей по поводу Лизинаго замужества.

Но тутъ къ ней постучалась Елизавета Сергѣевна.

— Пойдемъ, ma chére amie, пройдемся. Вечеръ очень теплый, право. Ты знаешь, мнѣ вредно все сидѣть на мѣстѣ.

И пригласивъ съ собою m-lle Lorent, онѣ втроемъ отправились на свою обычную прогулку.

Проходя мимо флигеля, онѣ увидѣли Лизу, сидѣвшую на окнѣ.

— Лизочка, пойдемъ съ нами,—звала ее бабушка,—и Петра Степановича съ собой тащи.

Лиза, привѣтливо кивая имъ головою, отвѣчала:

— Не могу, милая бабушка, дѣло есть.

И три старыя дамы пошли дальше, медленно подвигаясь по дорогѣ къ мельницѣ.

Когда онѣ исчезли за угломъ амбара, Лиза, провожавшая ихъ взглядомъ, обратилась къ мужу, читавшему ей вновь полученную книжку журнала:

— Ну, теперь брось книжку и пойдемъ въ домъ пѣть.

У нихъ во флигелѣ не было своего рояля.

Забравшись въ домъ, они на свободѣ пѣли веселые дуэты изъ Донъ-Жуана, изъ Севильскаго Цирульника, подъ акомпаниментъ Лизы. Хотя Лиза по спеціальности была піанистка, но у нея было небольшое свѣжее сопрано. Петръ Степановичъ вторилъ ей баритональнымъ теноромъ.

— Браво, Петя, молодецъ!—воскликнула Лиза, захлопнувъ крышку рояля.—Въ награду за хорошее поведеніе, я должна показать тебѣ одну штучку, интере-сную,—протянула она.—Идемъ!

Она взяла его подъ-руку и они пошли. Поднявшись во второй этажъ, Лиза остановилась передъ дверью комнаты Софьи Сергѣевны и пріотворила ее.

— Ну-ка погляди туда. Что ты тамъ видишь?

Петръ Степановичъ заглянулъ и сказалъ:

— Незнаю, право. Бѣлѣетъ что-то. Тамъ темно.

— Спички есть?

— Есть.

— Ну, держись за меня, идемъ.

— Ну, что ты, Лиза, съ чего я стану держаться за тебя?

Лиза весело хохотала. Они вошли.

— Ну, теперь зажигай лампу и всѣ свѣчи, какія тутъ найдешь, и гляди. Наши не скоро вернутся, не бойся. У бабушки одышка, а онѣ пошли на мельницу.

Петръ Степановичъ зажегъ свѣчи и съ интересомъ вглядывался въ статую Діаны.

Пока онъ предавался созерцанію, Лиза замѣтила какую-то черную книгу на столѣ, заложенную лентой, и, пріоткрывъ, мелькомъ заглянула въ нее. Это былъ Альманахъ.

— Про насъ, про насъ,—сказала она шепоткомъ, крадучись отходя отъ стола. Она случайно видѣла свое имя на развернутой страницѣ. Потомъ она подошла къ мужу и, ласково глядя ему въ глаза, сказала:

— Какая странная комната, Петя, правда? Какая красивая, какая строгая, холодная, большая. И эта Діана мраморная! Надо быть тетей, чтобы жить въ одной комнатѣ съ богиней! Я-бы не посмѣла.

Петръ Степановичъ слушалъ, что говорила ему Лиза, и думалъ объ этой женщинѣ, живущей рядомъ съ богиней, о себѣ, некрасивомъ и смѣшномъ, и о своей Лизѣ, которую эта женщина такъ охотно отняла-бы у него, если-бы могла. Нѣсколько мгновеній онъ, не отрываясь, глядѣлъ на милое лицо своей жены, потомъ вдругъ бросился къ ней, схватилъ за руки, привлекъ къ себѣ, поцѣловалъ трепетнымъ жгучимъ поцѣлуемъ и. весь блѣдный, съ глазами, блестящими отъ слезъ, шепталъ ей со страстью:

— Ты-бы не посмѣла?.. ты моя, моя, малютка моя... жизнь моя... дитя мое...

...Софья Сергѣевна распахнула занавѣси у дверей. Увидѣвъ Лизу и ея мужа, склонившагося къ ней подлѣ статуи Діаны, она на нѣсколько мгновеній застыла со взглядомъ, прикованнымъ къ его лицу... Она не вошла въ комнату и, вдругъ отступивъ, пошла прочь.

Петръ Степановичъ услышалъ шумъ опустившейся занавѣси.

— Кто это?—прошепталъ онъ.

Лиза вздрогнула и обернулась.

— Не знаю, Петя, должно быть она...

— Какой ужасъ! Она видѣла, какъ я цѣловалъ тебя! Пойдемъ отсюда, погаси свѣтъ...

Софья Сергѣевна шла обратно. «Какое странное лицо!», думала она. Около церковной сторожки она догнала своихъ.

— Et bien, mademoiselle, où est votre en-cas. Vous ne l'avez pas trouvé?

— Non, mademoiselle, il n'est pas là.

— Vous en étes vous servi aujourd'hui?

— Non, mademoiselle.

— Mais qu'avez vous,—vous avez l'air bien préoccuppé?

— Pas le moins du monde. Je pense au livre que je viens de lire...

Сталъ накрапывать дождь, и онѣ вернулись, не дойдя до мельницы.

Софья Сергѣевна была молчалива. Передъ ней все стояло лицо Петра Степановича. Что онъ говорилъ Лизѣ? Она не узнала его. Столько грусти и столько страсти! Неужели это былъ Петръ Степановичъ?..

Она подошла къ дверямъ своей комнаты и остановилась, прислушиваясь, словно они могли быть все еще тамъ. Потомъ она вошла. Свѣчи и канделябры были погашены, и только свѣтъ висячей лампы падалъ на неподвижный мраморъ статуи.

«Онп стояли вотъ здѣсь. Онъ былъ прекрасенъ въ ту минуту, этотъ некрасивый человѣкъ... Такъ вотъ почему Лиза любитъ его!»

Она открыла окно и черезъ садъ глядѣла въ ту сторону, гдѣ сквозь густыя вѣтви аллеи былъ видѣнъ свѣтъ, мерцавшій въ окнахъ флигеля.

Дождь прекратился, только изрѣдка слышалось паденіе капли, катившейся съ неподвижнаго листа. Ночь была теплая, влажная, тихая, подъ скользящимъ пологомъ быстро бѣгущихъ облаковъ. Одуряющій запахъ цвѣтущихъ жасминовъ и молодой березовой листвы, омытой дождемъ, былъ разлитъ въ воздухѣ.

Какое-то острое ощущеніе, знакомое, но позабытое, проникало въ ея душу.

Вдругъ ей вспомнилась такая-же тихая, влажная, душистая ночь, давно минувшая. Такъ-же неподвижный садъ ронялъ теплыя слезы, и онѣ падали тихо на землю. Такъ-же перекатывались въ пруду лягушечьи хоры, и въ росистыхъ лугахъ кричалъ далекій дергачъ. Но тогда еще пѣлъ соловей. Сколько влекущей силы, сколько свѣтлой ласки и нѣжныхъ обѣтовъ было въ его призывѣ. Та ночь миновала, и тотъ соловей давно умолкъ. И все, о чемъ онъ пѣлъ разлетѣлось, какъ сонъ: ничего не сбылось изъ его обѣщаній. Потомъ все было забыто и, казалось, стало ненужно. Отчего-же сегодня вся мудрость жизни, накопленная годами зрѣлой и твердой работы, кажется мертвой, и только эта влажная теплая ночь охватываетъ душу, и вновь ея поздняя ласка подымаетъ давно уснувшую тревогу? Такъ она еще бываетъ на землѣ— эта любовь, казавшаяся призрачной и невозможной. Она еще живетъ и волнуетъ живое сердце людей, эта давно похороненная мечта, и вдругъ прорываясь сквозь тусклую оболочку, жжетъ и ослѣпляетъ блескомъ своихъ лучей. И маленькая Лиза, непонятая ею, угадала простымъ сердцемъ, гдѣ искать ее, эту животворную силу!

«Я завоевала свою долю». Да, милая, дорогая Лиза, ты завоевала свою долю. Прости, Лиза, обиду и неправду суроваго суда!

. . . .

На столѣ лежалъ забытый Альманахъ.

«Лиза любитъ по-русски, изъ добродушія».

— Это неправда!

Софья Сергѣевна перевернула страницу. Потомъ ее взяло раздумье надъ этой лѣтописью прошлаго.

«Сколько осужденныхъ людей, сколько развѣнчанныхъ!»

И вновь она размышляла объ ускользающей истинѣ жизни.

Судить людей—какая печальная роль!

Она закрыла Альманахъ и отбросила его. Потомъ обернулась и, строго глядя на высокомѣрную богиню, сказала:

— Мы чего-то не видѣли съ тобою, Діана!

ГЛАВА VII.

На другой день, утромъ, Софья Сергѣевна проснулась ранѣе обыкновеннаго. Она слышала звонкій голосъ Лизы, который доносился снизу через открытое окно. Счастливая юность, чудилось ей, звучала въ этомъ чистомъ серебристомъ голосѣ. Лиза, молоденькая, хорошенькая Лиза, «завоевавшая долю лучше и ярче той, о которой она мечтала», встрѣчала весело и бодро свѣтлый день, глядѣвшій со двора. Лиза, любящая и любимая, радостная близостью того, кого она отличила и избрала, казалось, полной грудью вдыхала свѣжій, пахучій утренній воздухъ. О, какъ привлекательно раздавался ея милый голосъ. Софья Сергѣевна торопливо одѣлась. Она спѣшила внизъ, къ Лизѣ. Нельзя было все оставить попрежнему. Она хотѣла увидѣть ихъ немедленно, хотя встрѣча съ нимъ невольно смущала ее. Вѣдь онъ не могъ быть такимъ, какъ вчера. Но вѣдь это-же былъ онъ. Софья Сергѣевна не могла забыть этого. Въ столовой m-lle Lorent перемывала чашки послѣ ранняго чая. На ходу Софья Сергѣевна протянула руку француженкѣ.

— Où sont nos jeunes mariés?—спросила она, едва подавляя волненіе, которое ее охватывало.

— Je ne sais pas, mademoiselle. Ils étaient au salon tout à l'heure.

Въ залѣ ихъ не было. Въ гостиной тоже. Слѣдующая комната была библіотека. Она вошла.

Петръ Степановичъ былъ тамъ одинъ. Онъ сидѣлъ передъ столомъ, склонивъ надъ газетой свою коротко остриженную голову.

Услышавъ ея шаги, онъ отбросилъ газету и вскочилъ. Лицо его внезапно исказилось, ѣдкой злобой сверкнули черные глаза, и онъ глядѣлъ на нее отталкивающимъ взглядомъ.

Софья Сергѣевна остановилась. Ея сердце сжалось и похолодѣло. Она не подала ему протянутой руки и мертвеннымъ голосомъ спросила:

— Вы не видѣли Лизу?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

Она повернулась и пошла. Въ гостиной она внезапно столкнулась съ Лизой, которая бѣжала въ библіотеку съ разгорѣвшимся, прелестнымъ личикомъ. Увидѣвъ тетю, она словно осѣклась и пошла тихо, съ пугливымъ вопросомъ въ измѣнившихся чертахъ. Софья Сергѣевна на ходу поздоровалась съ нею и, ошеломленная, прошла дальше.

... Лиза остановилась въ тяжеломъ раздумьѣ. Она съ вечера ломала себѣ голову—почему тетя не вошла тогда въ свою комнату? Петя сказалъ ей, что она ушла отъ отвращенія къ нему. Лиза не повѣрила, она не хотѣла вѣрить; она думала, но не могла рѣшить этого вопроса. Теперь она вдругъ почему-то повѣрила.

Она опустилась на ближайшій стулъ и заплакала. Потомъ отерла глаза, помахала на лицо платкомъ и вошла въ библіотеку. Петръ Степановичъ стоялъ передъ книжнымъ шкафомъ и механически—это было видно по лицу—разсматривалъ корешки книгъ, нервно теребя свою козлиную бородку. Онъ перевелъ на нее глаза. Ихъ взгляды встрѣтились.

— Уѣдемъ, Лиза!—сказалъ онъ ей.

— Уѣдемъ—отвѣтила Лиза.

Она положила къ нему на плечо свою голову. Онъ сталъ гладить и цѣловать ея русые волосы.

Рѣшено было уѣхать въ ближайшемъ будущемъ, какъ только Лизѣ удастся справиться съ бабушкой и собраться въ дорогу.

Въ тотъ-же день она взялась за дѣло. Ей все-таки жутко было явиться прямо къ бабушкѣ и неожиданно заявить ей, что они уѣзжаютъ скоро, завтра, можетъ быть, или послѣ-завтра. Вѣдь она обѣщала пожить въ Софіевкѣ еще недѣльки двѣ. Она пришла къ m-lle Lorent, которая, сидя въ своей комнатѣ передъ открытымъ окномъ, что-то шила быстрыми руками, втыкая иголку легкимъ рѣшительнымъ уколомъ и потомъ энергично вздергивая ее кверху. Услышавъ шаги Лизы, она подняла голову и остановила на ней испытующій взглядъ:

— Eh bien, ma chère, que me direz-vous? Vous avez l'air bien ennuyée.

— Chère mademoiselle, je voulais vous dire que nous partons demain—Петя et moi.

— Vous partez!—воскликнула француженка. Eh bien, je m'y attendais. Oh oui, je m'y attendais bien, moi! croyez vous que je ne vois pas tout ce qui se passe! Oh, ma chère petite Lise, oh, ma mignonne, mon enfant! И вдругъ залившись слезами, она крѣпко прижала къ себѣ Лизу. Та стояла смущенная, не отвѣчая на горячіе поцѣлуи своей бывшей гувернантки.

— Seulement ne dites rien à grand'mere, je lui en parlerai moi même.

И осторожно выскользнувъ изъ объятій m-elle Lorent, она повернулась и пошла прочь.

— Oh, non, c'est impossible!—воскликнула француженка, оставшись одна.—Il faut l'avertir.

Она спѣшила къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ. Баронесса въ кабинетѣ покойнаго мужа принимала отъ прикащика отчеты по свадебнымъ издержкамъ. Филатычъ, въ пиджакѣ и при часахъ, стоялъ возлѣ стола въ почтительной позѣ, держа за спиной клеенчатый картузъ, и, положивъ толстый палецъ на счеты, объяснялъ ей цифры съ угодливыми переливами въ голосѣ.

— Это по куфнѣ-съ, ваше превосходительство. А что касаемое

дѣло до чернаго люда, то эфто опять особливо забрато... А здѣсь для господской прислуги.

M-lle Lorent, вбѣгая въ кабинетъ, перебила Филатыча.

— Venez, chére baronne, j'ai à vous dire quelque chose!— воскликнула она, почти стаскивая Елизавету Сергѣевну за руку съ кресла.

Испуганная, та покорно послѣдовала за нею въ другую комнату.

— Eh bien?—пролепетала она.

— Il se passe quelque chose d'incroyable!

— Quoi donc?

— Lise part demain avec son mari. C'est grâce à mademoiselle votre soeur que...

— Grâce à ma soeur? Mais qu'a-t-elle fait?

— Je ne sais pas ce qu'elle à fait pour les exiler. Mais c'est elle, j'en suis sûre. Lise me l'a dit. Et vous, vous n'avez rien remarqué, vous même?

И она принялась излагать взволнованной баронессѣ свои соображенія. Еще вчера этотъ угрюмый сосредоточенный видъ во время прогулки. А сегодня уже съ утра она подкарауливала Петра Степановича, чтобы застать его наединѣ. При Лизѣ она бы не рѣшилась, не посмѣла. M-lle Lorent видѣла, какъ она проходила въ библіотеку, взволнованная, загадочная, такъ какъ нашла наконецъ случай оскорбить его. И вотъ Лиза является къ ней черезъ какой нибудь часъ, чтобы сообщить, что они уѣдутъ завтра. О, да, это яснѣе дня!

— Faut il les laisser partir de leur propre maison?—Oh, je les aime tant tous les deux!—заключила она.

... Елизавета Сергѣевна шумно открыла дверь въ комнату сестры. Софья Сергѣевна, полулежавшая на кушеткѣ съ закрытыми глазами, быстро поднялась и встала.

— Почему ты входишь, не предупредивъ?—гнѣвно встрѣтила она ее.—Ты знаешь, что я не люблю этого.

— Это невозможно, Софи, это нельзя, ma chère, ты не должна этого... Ты сведешь меня въ могилу... и, наконецъ, ты не одна хозяйка... Я не хочу этого.

— Опомнись, Лиза, о чемъ ты говоришь?

— Я не хочу этого, Софи, они мои гости, наконецъ!

— Перестань, Лиза, я ничего не понимаю, я не тревожила ни твоихъ, ни моихъ гостей.

Елизавета Сергѣевна начала рыдать.

— Однако... однако, ты выгнала ихъ, они уѣзжаютъ!

Софья Сергѣевна молчала. Наконецъ, она промолвила мягко, усталымъ голосомъ:

— Успокойся, Лиза, это какое-нибудь недоразумѣніе. Сдѣлай все,

что можешь, чтобы удержать ихъ. Черезъ минуту она прибавила тише:—отъ меня ничего не зависитъ.

— Что-нибудь случилось?—спросила Елизавета Сергѣевна, отирая глаза и заглядывая въ лицо сестры, которое казалось сегодня блѣднѣе и старше.

— Ничего.

Незнакомые звуки въ голосѣ сестры проникли въ сердце баронессы. Она удалилась, недоумѣвающая и тревожная.

Онѣ сидѣли съ Лизой въ кабинетѣ, откуда Филатычъ былъ изгнанъ со своими неоконченными отчетами. Лиза была сердита на m-lle Lorent, которая, вопреки ея просьбамъ, такъ неловко вмѣшалась въ это дѣло. Раздражительная, упрямая нота звучала въ ея словахъ.

Это неправда, никто никого не обидѣлъ. Это неправда, они уѣзжаютъ потому, что въ ихъ планахъ произошла неожиданная перемѣна. У Пети отпускъ скоро кончался. А между тѣмъ имъ необходимо было еще съѣздить въ Кіевъ, чтобы посѣтить одну его родственницу, больную женщину, которая очень любила его и, когда онъ былъ еще ребенкомъ, всегда старалась пригрѣть и приласкать его. Она изъ своихъ скудныхъ средствъ помогала ему, насколько могла, и сама опредѣлила его въ пансіонъ, гдѣ онъ началъ свое образованіе. Теперь она больна и пишетъ, что на склонѣ дней жаждетъ увидѣть его счастливымъ и спокойнымъ. Они получили письмо. Нельзя было отказать ей,—вотъ и все!

— Нѣтъ мое дитятко, — печально качая головою, твердила бабушка. Зачѣмъ ты хочешь обмануть меня—развѣ я не вижу? И наконецъ ты сама-же сказала m-lle Lorent, что всему виною Софи.

— Неправда, бабушка, никогда я не говорила ничего подобнаго. Развѣ вы не знаете m-lle Lorent? Она вѣритъ во все, что ей померещится. Я не сказала ей объ этомъ ни единаго слова!

И такъ всѣ попытки подойти къ дѣлу съ этой стороны оказались неудачными.

Уходя, Лиза сказала:

— Бабушка, умоляю васъ, не говорите съ Петей объ этихъ вопросахъ. Вы не знаете его. Вы причините ему ужасную непріятность. Я лучше сама еще попробую выяснить вопросъ объ отъѣздѣ. Но врядъ-ли возможно что-нибудь измѣнить. Я передамъ ему вашу просьбу.

Елизавета Сергѣевна рѣшилась все-таки поговорить съ Петромъ Степановичемъ и, совсѣмъ не упоминая о щекотливыхъ вещахъ, упросить его остаться еще хоть на недѣльку.

— Ну хоть на недѣльку,—говорила она ему, украдкой отъ Лизы зазвавъ его къ себѣ въ будуаръ,—хоть на одну недѣльку. Это очень хорошо, что вы такой добрый и благодарный, и Богъ васъ за это вознаградитъ, мой другъ,—но недѣльку-то вѣдь можно. Подумайте и объ насъ, каково намъ-то! Вѣдь Лизочка у насъ одна, другъ мой. безъ нея намъ и порадоваться не на кого. Вѣдь мы всѣ тутъ такія старыя собрались и одинокія, всѣ мы глядимъ въ могилу, другъ мой, а глядя на васъ оживаемъ и вспоминаемъ свою молодость, свое прошлое счастье. Ну, разсчитаемъ вмѣстѣ по днямъ. У васъ вѣдь двѣ недѣли впереди, ну, и опоздаете — не велика бѣда, — вѣдь они поймутъ: женился человѣкъ, хочется ему провести на свободѣ съ молодой женой свой медовый мѣсяцъ.

— Я не могу, бабушка,—прервалъ ее Петръ Степановичъ, теребя свою бородку,—мнѣ никакъ нельзя!—Глаза его лихорадочно блестѣли, и отъ напряженія синія жилы надулись на лбу.

Въ дверь постучались.

— Peut-on entrer?

— Entrez, mademoiselle. Вотъ упрашиваю его остаться погостить у насъ еще. Aidez moi, chère Julie. Il est si entêté! Такой упрямый, право,—говорила она, ласково взявъ его руку и приглаживая длинные узловатые пальцы, которые были очень холодны и немного дрожали.

— Ну, рѣшитесь, мой другъ, скажите, что да! Обрадуйте меня, старуху, да вотъ и m-lle Lorent тоже. Она такъ васъ полюбила обоихъ. И Софи...

Рука Петра Степановича невольно отдернулась. Елизавета Сергѣевна смутилась. Потомъ она вспомнила лицо и голосъ сестры.

— И Софи будетъ рада, увѣряю васъ. Она не хотѣла... Ну, клянусь-же вамъ, другъ мой, она не хотѣла, вы не правы!

M-lle Lorent бросила на баронессу взглядъ нѣмой укоризны и обратилась къ Петру Степановичу съ глазами, полными сентиментальной мольбы:

— Oh, ne nous quittez pas, ne nous quittez pas, m-eur Pierre! Soyez plus homme...

Онъ вскочилъ внѣ себя. И откуда, откуда онѣ знаютъ все, что произошло? И что произошло? Ничего не произошло! Но онъ просто задыхался здѣсь...

И онъ порывисто покинулъ этихъ женщинъ, одинаково пораженныхъ и оскорбленныхъ его дикостью, неделикатностью и неблагодарностью.

ГЛАВА VIII.

Сегодня въ Софіевкѣ, утопающей въ лучахъ знойнаго солнца, царило суетливое и сумрачное настроеніе. Съ утра рабочіе и домашняя прислуга сновали между домомъ и флигелемъ, гдѣ была сосредоточена возня и хлопоты сборовъ. Туда переносили и тамъ укладывали Лизино приданое и вещи.

Елизавета Сергѣевна, взбудораженная и унылая, отдавала сбивчивыя приказанія. Дѣятельная m-lle Lorent выслушивала ея наставленія, впуская ихъ въ одно ухо и выпуская въ другое, и потомъ все дѣлала по своему или по соглашенію съ Лизой.

Лиза была тихенькая, усталая, и какъ-то невольно устранялась отъ дѣлъ, не имѣвшихъ самого близкаго отношенія къ предстоящей имъ поѣздкѣ въ Кіевъ. На счетъ приданаго, которое должно было отправиться прямо въ Москву, она предоставила m-lle Lorent дѣйствовать по ея собственному усмотрѣнію. Ее все тянуло еще разъ забѣжать въ бесѣдку надъ липовымъ прудомъ. Тамъ она садилась на скамейкѣ, опершись локтями о берестовый столикъ и задумывалась. Такъ неужели это правда? Неужели это дѣйствительность, а не гадкій сонъ? Она не думала, что такъ будетъ разставаться съ Софіевкой. Она мечтала, что оставитъ ее, послѣ мѣсячнаго пребыванія тамъ, въ радужныхъ лучахъ ничѣмъ не омраченныхъ воспоминаній и, уѣзжая, сохранитъ за собою свѣтлый уголокъ, отрадный пріютъ для себя и для Пети, который никогда не имѣлъ такого пристанища. И вотъ все такъ запуталось и осложнилось, что она уже не знаетъ, когда ей вновь придется увидѣть эту дорогую Софіевку, гдѣ съ каждымъ деревомъ и закоулкомъ сада, рощи, лѣса и полей живетъ въ связи цѣлый рой воспоминаній. Можетъ быть она и заглянетъ сюда черезъ годокъ, но тогда въ этихъ чудныхъ аллеяхъ, гдѣ все-же они были такъ счастливы вдвоемъ, она будетъ чувствовать себя осиротѣлой, потому что Петя-то ужъ врядъ-ли захочетъ вернуться вмѣстѣ съ ней. И какая мука была въ сознаніи, что она такъ и не съумѣла оградить его здѣсь отъ обиды и горя. Она давала себѣ слово, что это будетъ такъ. Она еще мало знала его и себя, и тетю, и всѣхъ. Слѣпая мечтательница, она не понимала, что въ жизни нужно отвоевать и искупить каждый мигъ счастья. Словно это счастье было какой-то милостью, одолженіемъ, за которое рано или поздно неминуемо надо расплачиваться!

Пока она предавалась своимъ грустнымъ размышленіямъ, Петръ Степановичъ укладывалъ въ небольшой дорожный чемоданъ свои скудные пожитки. Ему предложила свою помощь m-lle Lorent, которая уже простила его. Она считала его слишкомъ непрактичнымъ, слишкомъ не приспособленнымъ даже для такихъ житейскихъ пустяковъ, какъ упа-

ковка нѣсколькихъ предметовъ изъ повседневнаго обихода. И онъ волей-неволей долженъ былъ принять ея услуги, опасаясь нанести ей новую обиду, хотя ея присутствіе и помощь чрезвычайно его стѣсняли. Какъ-бы то ни было, съ каждой мелочью, принимавшей участіе въ его жизни здѣсь, была тоже связана масса разнородныхъ острыхъ ощущеній, и теперь, воскресая одно за другимъ, они доводили его душу и нервы до величайшаго напряженія. И потомъ тутъ были вещи слишкомъ для него дорогія, напримѣръ маленькій потертый бюваръ, въ которомъ хранились сухіе цвѣты. Ихъ собирала Лиза и связывала въ мастерскіе крошечные букеты, всѣ не похожіе одинъ на другой. Онъ зналъ ихъ всѣхъ до единаго. Каждый говорилъ ему о чемъ нибудь такомъ, чего не зналъ никто, кромѣ него. Лиза называла ихъ іероглифами лѣсовъ (тутъ были только лѣсные цвѣты). Но даже она не имѣла права читать этихъ іероглифовъ. А между тѣмъ m-lle Lorent преспокойно забрала въ свои руки неприкосновенныя письмена и спрашивала, что это такое, чтобы знать какъ положить.

— Да вотъ позвольте,—говорилъ Петръ Степановичъ,—отбирая у нея бюваръ,—положимъ такъ. Такъ ничего.

M-lle Lorent грозила ему пальцемъ, приговаривая:

— Oh, vous êtes si...

Лиза вошла въ комнату и, взглянувъ на сморщенный лобъ мужа, мигомъ сообразила въ чемъ дѣло.

— Chère mademoiselle,—сказала она,—venez voir si j'ai bien embâlé ma malle.

Какъ только m-lle Lorent скрылась, Лиза обратилась къ нему:

— Петя милый, почему ты не позвалъ меня, я бы тебѣ все уложила.

— Да я бы и самъ уложилъ отлично, но...—и онъ сдѣлалъ мину, которая разъяснила остальное.

— Постой,—сказала она и стала рыться въ чемоданѣ, все перекладывая по своему. Въ сущности, она только разстроила труды m-lle Lorent, но Петръ Степановичъ слѣдилъ за ея движеніями, умиротворенный и довольный. Ему казалось, что имъ такъ хорошо и уютно лежать теперь, этимъ вещамъ, когда онѣ были уложены ласковой рукою Лизы. А она, занятая этой работой для него, забывала понемногу свои огорченія.

Приближался часъ отъѣзда.

Въ половинѣ шестого тройка подласыхъ уже стояла у подъѣзда, позвякивая маленькими бубенцами, и порою звонъ колокольчика, все еще подвязаннаго подъ дугою со времени свадьбы, словно приглашалъ въ дорогу одиночными нетерпѣливыми ударами. Толпа дворовыхъ людей и работниковъ, собравшихся на проводы, толкалась возлѣ экипажа, подавая непрошенные совѣты Терентію, который съ сумрачной дѣловитостью выно-

силъ вещи и укладывалъ ихъ подъ ноги кучеру и за спинку коляски. Подвода съ громоздскимъ багажемъ уже уѣхала на станцію часъ тому назадъ.

Въ домѣ прощались. Плачущая Елизавета Сергѣевна благословляла Лизу, торопливо крестя ее много разъ и цѣлуя въ губы, лобъ и щеки. M-lle Lorent, задержавъ въ своей рукѣ руку Петра Степановича, осыпала его благими пожеланіями и умоляла не забывать ихъ. Elle les aimait tant tous les deux! Петръ Степановичъ, стѣсненный этимъ долгимъ рукопожатіемъ, разстроенный болѣе, чѣмъ могъ ожидать, съ легкимъ щекотаніемъ въ горлѣ, что-то невнятно бормоталъ въ отвѣтъ на ея привѣтливыя слова. Потомъ освободивъ свою руку, онъ наклонился къ рукѣ Елизаветы Сергѣевны. Она роняла слезы на его волосы и, запинаясь и перебивая сама себя, приглашала его поскорѣе вернуться въ Софіевку:

— Все уладится, все уладится,—лепетала она, сама не зная, что именно уладится.

— Прощайте, тетя.

— Прощай, Лиза.

Онѣ поцѣловались. Потомъ вдругъ снова обернулись, словно хотѣли что-то сказать другъ-другу, но ничего не сказали. И обмѣнявшись тоскливымъ взглядомъ, онѣ разстались.

Петръ Степановичъ протянулъ руку Софьѣ Сергѣевнѣ и сжалъ ея пальцы съ нервной силой. Отъ боли и неожиданности ея лицо покрылось слабой краской, а онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

Потомъ всѣ, кромѣ Софьи Сергѣевны, вышли на крыльцо. Головы толпившихся вокругъ коляски людей обнажились.

— Прощайте, барышня, прощайте Елизавета Ѳедоровна! пошли вамъ Богъ счастья! Что-же такъ мало погостили-то?

Лиза искусственнымъ, бодрымъ голосомъ отвѣчала:

— Да вотъ мужу на службу надо. Прощайте, милые, счастливо вамъ оставаться!

— Эхъ, служба!—послышался одинокій вздохъ изъ толпы.

— Да, служба, Никита,—смѣялась Лиза сквозь слезы.

Она уже сидѣла въ коляскѣ рядомъ съ m-lle Lorent. Петръ Степановичъ помѣстился напротивъ.

Елизавета Сергѣевна, одной рукой просовывая ей маленькую дорожную корзинку, другою крестила ее въ воздухѣ.

— Смотри, Игнатій, осторожнѣе на горѣ. Тамъ, говорятъ, размыло, пусть лучше вылѣзутъ. Ну трогай! Съ Богомъ.

— Дай Богъ часъ добрый!—раздалось вокругъ.

Игнатій причмокнулъ, расправляя возжи. Лошади влегли въ хомуты и, плавно качая головами, затрусили по песку аллеи, ведущей отъ Софіевскаго дома. И колокольчикъ, раскачиваясь надъ подвижными ушами Кунака, запѣлъ свою пѣсню о долгой и горькой разлукѣ.

Елизавета Сергѣевна, отирая слезы, подождала, пока экипажъ не скрылся за воротами дороги, и вошла въ затихшій домъ.

— Ахъ, Лизочка, Лизочка, уѣхала!

Сознаніе чего-то неладнаго, непоправимаго тревожило ея душу. Но она ничего, ничего не могла...

«Петръ Степановичъ славный,—думала она,—но странный какой-то, его не разберешь!» Ей припомнились слова Лизинаго письма: «...отъ васъ мнѣ достались по наслѣдству ваше имя, ваша наружность и ваша счастливая судьба!..»—Такъ-ли, счастливая-ли?

И невольно отъ мысли о нихъ она обратилась къ своему прошлому.

— Ахъ, мой Жоржъ!—тихо прошептала она, а потомъ сѣла къ роялю и нетвердой рукой подбирала мелодію того минуэта изъ 17-й сонаты Бетховена, который онъ такъ любилъ и такъ часто игралъ ей, одновременно волнуя и успокаивая ея душу, отвлекая ее отъ тревоги жизни къ ясной идилліи и небесной тишинѣ.

А Софья Сергѣевна все еще стояла на верхней террасѣ дома, откуда былъ виденъ опустѣвшій флигель, и прислушивалась къ удаляющемуся звону колокольчика, который то замиралъ, то вновь раздавался въ дали. Вотъ его уже совсѣмъ не слышно, долго-долго... Она прислушивается съ напряженіемъ и вновь улавливаетъ какія-то тихія плачущія ноты. Вотъ замолкъ; не слышно, не слышно...—онъ замеръ окончательно.

Софья Сергѣевна отыскала сестру, которая сидѣла передъ роялемъ въ глубокой задумчивости. Она положила ей руку на плечо.

— Nous voilà seules, Lise, — сказала она. — Veux-tu faire notre petite promenade du soir.

— Oui, ma chère amie. Allons!

Я. Крюковской.

Сонъ въ весеннее утро.

Габріэля д'Аннунціо [1]).

Переводъ съ итальянскаго **Ек. Лѣтковой.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Безумная.
Беатриче.
Вирджиніо.
Докторъ.
Теодата.
Симонетта.
Панфило.

---

[1]) Въ «Revue de Paris» № 11 (1-е іюня 1897 г.) напечатана интересная статья графа Примоли объ Элеонорѣ Дузе. Въ ней, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Дузе получила приглашеніе пріѣхать лѣтомъ играть въ Парижѣ. Играть передъ парижской публикой было давнишней мечтой Дузе, но она не рѣшалась явиться передъ нею съ репертуаромъ Сары Бернаръ. Когда она обдумывала это, ей доложили о приходѣ д'Аннунціо. Авторъ «Невинной жертвы» очень цѣнится во Франціи, и его произведенія появляются иногда на французскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на итальянскомъ. Онъ знаетъ Парижъ и парижскую публику. Онъ сталъ уговаривать Дузе принять приглашеніе.

— А вы напишите для меня что-нибудь поэтическое,—сказала ему она.

— Въ одну-то недѣлю! Да это безуміе!

— Ну и дайте мнѣ роль безумной.

— И вы поѣдете въ Парижъ?

— Только при этомъ условіи.

— Такъ надо постараться исполнить ваше желаніе.

— Я хочу формальнаго обѣщанія.

— Хорошо... Черезъ десять дней вы получите вашу «безумную».

Далѣе гр. Примоли пишетъ:

Старинная тосканская вилла—Армиранда. Просторный портикъ, съ каменными колоннами, свѣтлый и спокойный, похожій на уголокъ монастырскаго двора. Въ боковыхъ стѣнахъ—по двери съ рѣзнымъ архитравомъ, съ двумя статуями на пьедесталахъ по бокамъ. Черезъ легкія аркады, на которыхъ нѣтъ другихъ украшеній кромѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, виднѣется садъ, обнесенный оградой изъ кипарисовъ и буксовъ; на ней черезъ опредѣленныя разстоянія возвышаются колючіе кусты, подстриженные въ формѣ круглыхъ урнъ. Посрединѣ—каменный колодезь; на верхнемъ краѣ его вьется желѣзная виноградная лоза съ заржавленными кистями и листьями; она служитъ для поддержки ведеръ. Направо и налѣво къ стѣнѣ ограды придѣланы навѣсы; подъ ними цвѣтутъ апельсинныя деревья, въ большихъ вазахъ изъ красноватой глины; они уставлены въ рядъ на полкахъ лѣсенкою. Въ глубинѣ, черезъ рѣшетку, виднѣется дикій лѣсъ, на которомъ играетъ утреннее солнце: впечатлѣніе силы и радости безъ границъ. Подъ портикомъ, у подножія колоннъ, безчисленное количество горшковъ съ цвѣтущими ландышами; ихъ дѣтская хрупкость составляетъ контрастъ по своей безконечной кротости съ суровымъ видомъ вѣковой изгороди. И вся радость весны раскинулась надъ этой грустной и строгой картиной, созданной симметричными формами темной, неумирающей зелени, такъ что садъ напоминаетъ человѣка съ задумчивымъ лицомъ, въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Панфило и Симонетта.

Подъ портикомъ, садовникъ Панфило вытираетъ апельсинное дерево, только что принесенное изъ оранжереи. Оно покрыто распускающимися бутонами и поставлено въ вазѣ на опрокинутой капители. Молодая служанка Симонетта стоитъ около него и неопредѣленнымъ, точно удивленнымъ взглядомъ слѣдитъ за движеніемъ его привычныхъ рукъ.

Панфило (поетъ):

«За маленькій вѣнокъ
Душа моя споетъ
Цвѣтамъ свои признанья.
Въ мой садикъ одиноко
Любимая придетъ
Въ вѣнкѣ благоуханья»...

«Я спросилъ въ отелѣ Бристоль m-me Дузе. Она уѣзжала и спускалась уже съ лѣстницы. Увидя меня, она замахала мнѣ тетрадью въ великолѣпномъ переплетѣ изъ старинной матеріи, перевязанной лентой изъ зеленаго муара.

— Вотъ она!—торжествующе сказала Дузе.—Рукопись Габріэля д'Аннунціо.

— Названіе?

— «Сонъ въ весеннее утро».

— Это по сезону.

— И чтобы дать ему подходящую рамку, я ѣду съ моей трупой въ деревню и мы будемъ репетировать на зазеленѣвшемъ лугу, подъ деревьями, среди цвѣтовъ... Десять дней, только десять дней отдыха, а потомъ—Парижъ...

Дузе назвала «Сонъ въ весеннее утро» *драматической поэмой*.

Примѣчаніе переводч.

Завтра всѣ цвѣты распустятся... Милліоны цвѣтовъ... Я никогда не видалъ такого богатаго цвѣта... Въ этомъ году пчелкамъ въ Армирандѣ будетъ чѣмъ полакомиться... тамъ подъ навѣсами они жужжатъ просто до одуренія... Всюду пчелы и ласточки за работой: улья и гнѣзда... О чемъ вы задумались Симонетта? Не о вѣнкѣ ли?

Симонетта (встрепенувшись). О какомъ вѣнкѣ?

Панфило. О вѣнкѣ новобрачной!..

Симонетта. Счастливый вы, Панфило, что можете вѣчно смѣяться! А я чуть было не заснула, стоя. Просто глаза слипаются. Нынѣшняя ночь въ Армирандѣ была безсонная... И еще эти пчелы съ ихъ жужжаньемъ!.. Говорятъ, «въ апрѣлѣ—сонъ сладкій». Ахъ, какъ я поспала бы тамъ гдѣ нибудь, въ высокой травѣ... Проспала бы до полудня! Вы-то счастливый!..

Панфило. Вы не спали эту ночь? Изъ за донны Изабеллы? Она волновалась?

Симонетта. Ни на минуту не успокоилась... Я долгіе, долгіе часы пробыла съ ней на террассѣ и при свѣтѣ луны заплетала и расплетала ей косы. И каждую минуту она спрашивала меня, бѣлѣютъ ли онѣ? Ночь была свѣжая, и донна Изабелла дрогла въ своемъ легкомъ платьѣ, у нея даже зубы стучали... Ахъ! какое горе! какое горе! Когда я просила ее идти домой, она вставала, дѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, но вдругъ страхъ овладѣвалъ ею. Она кричала: «Нѣтъ, нѣтъ!.. Онъ тамъ, онъ тамъ за дверью!..» Если бы вы слышали ея голосъ! Казалось, что и въ самомъ дѣлѣ кто-то стоитъ за дверью... Мы сидѣли съ ней до зари... Луна свѣтила, какъ никогда... Кричали филины... У меня сердце разрывалось... Донна Беатриче тоже сошла внизъ. Она плакала, облокотившись на балюстраду...

Панфило. Бѣдная! Мнѣ ее еще больше жаль, чѣмъ сумасшедшую... Всю жизнь отдала. Не знаетъ любви...

Симонетта. А вы только и думаете, что о любви?

Панфило. А вы?

(Пауза).

Симонетта. Видите, до чего доводитъ любовь!

Панфило. Когда она безъ благословенія.

Симонетта. Благослови ее Господи! Я про донну Беатриче.

Панфило. Про донну Беатриче? Такъ значитъ этотъ баринъ, что ѣздитъ сюда верхомъ...

Симонетта. Я не знаю.

Панфило. Кто онъ? Вы не знаете?

Симонетта. Братъ...

Панфило. Братъ? Чей?

Симонетта. Того... убитаго...

Панфило. Кого?

Симонетта. Братъ того, котораго убилъ герцогъ, въ Поджіо-Герарди, въ комнатѣ донны Изабеллы...

Панфило. А! понимаю!.. А теперь этотъ ѣздитъ...

Симонетта. Я ничего не знаю.

Панфило. Я видѣлъ вчера утромъ, какъ онъ бродилъ по лѣсу. Онъ кажется еще очень молодой, на щекахъ едва пушокъ пробивается... Онъ привязалъ лошадь къ дереву, а самъ точно ждалъ кого-то, точно кого-то искалъ. Значитъ, онъ ѣздитъ для донны Беатриче?

Симонетта. Не знаю.

Панфило. Да вѣдь между ними—пролитая кровь! Значитъ два брата любили двухъ сестеръ?

Симонетта. Можетъ быть... Я ничего не знаю...

Панфило. А скажите: правда ли, что тотъ былъ убитъ на рукахъ донны Изабеллы, или вѣрнѣе въ ея рукахъ, на ея груди, во время сна? Правда-ли, что она была вся залита его кровью и что всю ночь она продержала трупъ въ своихъ объятіяхъ, а къ утру сошла съ ума?

Симонетта. Спросите объ этомъ нашу старуху, она все знаетъ.

Панфило. А теперь братъ... Но любитъ ли его донна Беатриче? Ждала ли она его? Сегодня ночью когда филины кричали и она плакала... Бѣдная!.. Она никогда не повѣряетъ вамъ своихъ тайнъ?

Симонетта (прислушиваясь). Слышите голосъ? Это докторъ... Онъ говоритъ на лѣстницѣ со старухой. Я уйду.

Панфило. Куда уйдете? Будьте добрая, будьте добрая! Приходите въ оранжерею. Выслушайте меня хоть разъ!... Я хотѣлъ сказать вамъ,. Симонетта. Симонетта!.

(Идетъ за дѣвушкой въ садъ, за кипарисы).

ЯВЛЕНІЕ II.

Старая служанка Теодата и докторъ. (Входятъ изъ лѣвой двери).

Теодата. Вотъ и весна! Все оживаетъ... Даже кровь.... На дняхъ, стоило ей увидѣть красную розу...

Докторъ. Не надо, чтобы этотъ цвѣтъ попадался ей на глаза, Теодата.

Теодата. Да роза разцвѣла неожиданно, докторъ. Никто не замѣтилъ ее среди тысячи бѣлыхъ цвѣтовъ. И садовникъ проглядѣлъ. А она, бѣдная, какъ увидѣла, вскрикнула и вся затрепетала. Весь ужасъ той ночи всталъ передъ нею... Она сорвала розу, положила ее къ себѣ на грудь и скрестила руки на ней... И ея слова пронизывали мнѣ сердце... Вчера она захотѣла лечь на берегу пруда и опустить косы въ воду, чтобы вымочить ихъ, какъ ленъ. Ее вдругъ

опять охватила боязнь крови... И опять она почувствовала на себѣ ея пятна... Мнѣ не забыть этого... Особенно волосы, всѣ волосы ея были смочены, всѣ слиплись отъ запекшейся крови... И мы не могли смыть ее... А она смѣялась въ ваннѣ, пока я мыла ее, смѣялась безъ остановки, безъ передышки. Я вижу, я и теперь слышу ее... И вѣчно буду я слышать этотъ скрежещущій смѣхъ. Точно спускаютъ цѣпь въ колодезь... Спускаютъ, спускаютъ и не находятъ дна... У насъ руки заледенѣли...

Докторъ. Вы были при ней, вы все знаете. Вы видали тогда брата покойника, того молодого человѣка, который пріѣзжалъ...

Теодата (съ нѣжнымъ, почти материнскимъ выраженіемъ). Вирджиніо?

Докторъ. Его зовутъ Вирджиніо? Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, поговорить со мной.

Теодата. Я знаю, знаю.

Докторъ. И съ вами онъ говорилъ?

Теодата. Да... и со мной.

Докторъ. Онъ явился неожиданно... Лошадь была вся въ поту... Онъ такъ волновался, будто пріѣхалъ звать меня къ умирающему. Онъ, казалось, прискакалъ издалека, очень издалека, черезъ лѣса и рѣки... Я никогда не видалъ его... И когда я увидалъ его, безмолвнаго, трепетнаго, съ его блестящими сафировыми глазами — я пришелъ въ восторгъ... Не знаю, почему мнѣ припомнился сынъ Весны! Знаете: это было въ той унылой комнатѣ, гдѣ я каждое утро принимаю моихъ бѣдныхъ больныхъ, блѣдныхъ, стонущихъ... Я чувствовалъ присутствіе живительной силы, какъ въ открытомъ полѣ чувствуются тысячи зарождающихся жизней въ дуновеніи вѣтерка... Вы это поймете. Для вашего вѣщаго сердца нѣтъ ничего непонятнаго. Мы съ вами старики... Но никто лучше насъ не пойметъ радости молодости... Какой свѣтъ! Онъ былъ весь пропитанъ новымъ солнцемъ, все его существо было—новая, горячая красота. Въ немъ была какая-то неизъяснимая свѣжесть... Точно...—я не могу выразить...—точно созданіе Весны въ человѣческомъ образѣ... И я понялъ, впродолженіи той минуты, что онъ безмолвно стоялъ предо мною, я понялъ всю радость вселенной... Его молчаніе говорило о томъ, о чемъ умѣютъ говорить только травы, вѣтеръ, вода... Можетъ быть, онъ съумѣетъ сказать и нашей бѣдной безумной какое-нибудь чудодѣйственное слово....

Теодата (съ искрой надежды). Съумѣетъ? Вы думаете, что онъ съумѣетъ? Онъ просилъ позволенія повидаться съ нею. Вы думаете, докторъ, что онъ съумѣетъ?

Докторъ. Когда онъ просилъ меня разрѣшить ему увидать ее, онъ точно говорилъ мнѣ: «Позвольте мнѣ сдѣлать чудо». Онъ пріѣхалъ издалека, скакалъ во весь опоръ, точно его толкала непоколебимая вѣра... Точно его послали исполнить неотложное дѣло... Онъ долженъ былъ долго

и глубоко обдумать все, чтобы имѣть такую вѣру въ тайную силу своей мечты... И онъ долженъ былъ безгранично любить... (Пауза). Но вѣдь онъ братъ того, что былъ убитъ... Она вѣчно должна представляться ему въ крови. Въ той-же самой крови, которая течетъ и въ его жилахъ... У него есть какая-нибудь тайна... Да? Скажите.

Теодата. Ахъ! Какое горе!

Докторъ. Скажите.

Теодота. Это громадное горе!

Докторъ. Онъ также?.. онъ любилъ ее?

Теодата. Я знаю все... Можетъ быть только одна я и знаю... Сколько разъ въ Поджіо-Герарди, въ лѣтніе вечера, я слыхала, какъ онъ рыдалъ отъ отчаянія, спрятавшись за кусты розъ, помятыхъ его безпокойными руками. Я видала, какъ онъ цѣлыми ночами стоялъ у стѣны, неподвижный какъ статуя, и не отрывалъ глазъ отъ освѣщеннаго окна. Я видала, какъ онъ ползалъ на колѣняхъ по землѣ, гдѣ она проходила, искалъ губами травки, помятыя ея ногами. Какое благоговѣніе и какая нѣжность! Онъ зналъ, что старуха угадала его тайну; онъ чувствовалъ, что материнское сердце страдало его горемъ и не смѣлъ высказаться; но въ его глазахъ, когда они встрѣчались съ моими, свѣтилась сыновняя нѣжность... Милые дѣтскіе глаза! Какимъ лихорадочнымъ блескомъ горѣли они! Иногда они становились такіе громадные, точно расплывались на все лицо... Тогда казалось, что душа вырывается изъ его тѣла, какъ вырывается пламя отъ сухого дерева. И казалось, что каждое движеніе его вѣкъ при миганіи, какъ дуновеніе вѣтра, раздуваетъ это пламя.

Докторъ. Какъ вы говорите, Теодата! Кто воодушевляетъ васъ такъ? Вы были очень наблюдательны... Впрочемъ, вы всегда наблюдательны... Жизнь открывается вамъ видѣніями, какъ ясновидящей (Пауза). И въ теченіи столькихъ лѣтъ вы были терпѣливой чтицей у изголовья больной... Книги не испортили вашихъ глазъ. А она, скажите. не знала?.. А братъ?

Теодата. Я не знаю... У меня въ сердцѣ осталось сомнѣніе... Мнѣ не забыть, какъ мы его встрѣтили разъ въ глухой части парка... Я одна сопровождала Изабеллу... Она безпокоилась. волновалась какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ; но я видѣла, что она уже вся отдалась во власть неизбѣжной судьбѣ, что она порабощена своей страстью, упоеніемъ грѣха, что она совершенно не заботилась о спасеніи и смирилась съ какимъ-то ужасающимъ сладострастіемъ передъ неизбѣжностью крови, которая мерещилась ей и была уже такъ близко! Вдругъ листья зашелестили... Кто-то пробирался сквозь спутанныя вѣтви кустарника... Это былъ Вирджиніо... Изабелла узнала его и назвала по имени... Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и я видѣла,

какъ она задрожала. Можетъ быть она поняла, можетъ быть почувствовала весь пылъ его взгляда, тѣмъ болѣе, что и сама она вся горѣла... Онъ былъ похожъ не на человѣка, а на лѣсного генія, на какого-то милаго звѣрка вскормленнаго сокомъ корней, который колдуньи подливаютъ въ любовный напитокъ... Его разорванная одежда, его растрепанные волосы были всѣ въ листьяхъ, въ ягодахъ, въ иглахъ, точно онъ только что страшно боролся съ вѣтвями. Онъ задыхался и дрожалъ подъ взглядомъ Изабеллы; онъ ежился, точно хотѣлъ провалиться сквозь землю. И едва услышалъ онъ первый вопросъ Изабеллы, какъ бросился бѣжать безъ памяти въ чащу, точно испуганная лань. И мы его больше не видали. Кругомъ насъ все молчало. Листья дрожали на вѣткахъ, среди которыхъ онъ пробѣгалъ. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, но ничего не сказала. Поняла-ли она? Или это видѣніе было до того не реально, что такъ и затерялось навсегда въ томъ страстномъ настроеніи, которое охватывало ее тогда. Кругомъ насъ было глубокое молчаніе, точно молчаніе смерти. Я никогда не забуду этого... (Пауза).

Докторъ. Какъ же вамъ забыть. Какую страшную опасность чуяла ваша душа во время этого молчанія.

Теодата (вспоминая). Это было въ концѣ сентября... Листья уже увядали, а нѣкоторые и совсѣмъ отжили... Я помню: она шла немного впереди меня. Къ ея платью пристала вѣтка и шелестѣла. Вдругъ рыданія подступили мнѣ къ горлу; мнѣ вспомнилась ея умирающая мать, вспомнились ея слова: «береги ее, Теодата! Береги ее!» Мать, на порогѣ смерти, предчувствовала неясную опасность, которая ждала въ жизни эту сосредоточенную и пылкую душу. И мать повторяла мнѣ: «Береги ее, береги!» А я не съумѣла сберечь, не съумѣла спасти ее. И она на вѣкъ утонула въ крови человѣка, котораго обожала, и теперь— ни живая, ни мертвая...

Докторъ. Кто знаетъ? Можетъ быть она живетъ и болѣе глубокой, и болѣе широкой жизнью, чѣмъ наша. Она не умерла, но погрузилась въ безусловную тайну. Мы не знаемъ, какимъ законамъ подчинена теперь ея жизнь Нѣтъ сомнѣнія, что это законы божественные.

Теодата. Она теперь дальше отъ насъ, чѣмъ въ могилѣ.

Докторъ. А между тѣмъ иногда она такъ близко, что своими музыкальными руками задѣваетъ въ насъ такія струны, которыя спали бы вѣчно, если бы не она.

Теодата (подходя къ двери и прислушиваясь). Не проснулась-ли? (Пауза).

Панфило (поетъ въ глубинѣ сада).

Ей имя—Симонетта,
И сердце назоветъ
Ее своей царицей...

Теодата. Спитъ... Кто увидалъ-бы ее спящей,—никогда не подумалъ бы, что она перенесла такое горе. Когда она спитъ — мнѣ представляется, что она все еще юная дѣвушка. На ея лбу все еще лежитъ та неземная грусть, которая составляла ея красоту, когда она еще жила въ родительскомъ домѣ и ждала свою судьбу.

Докторъ. Это правда. Точно ея дѣтская душа плаваетъ надъ ней, когдаона спитъ, какъ оторванный цвѣтокъ плаваетъ на спокойной водѣ...

Теодата. Иногда мнѣ кажется, что ея глаза смотрятъ на меня сквозь прозрачныя вѣки и что къ нимъ снова вернулся ихъ прежній дѣвическій взглядъ!.. Ахъ, если бы она могла возродиться. Возможно ли это, докторъ? Возможно ли?

Докторъ. Да. Можетъ быть, въ ней нѣтъ ничего разрушеннаго, ничего измѣненнаго... Не кажется ли вамъ, что отъ нея иногда точно исходятъ какіе-то лучи преображенія?

Теодата. Ахъ! Нужно чудо! Чудо! Если бы Вирджиніо увидалъ ее, поговорилъ бы съ ней...

Докторъ. Онъ увидитъ ее.

Теодата. Когда?

Докторъ. Можетъ быть сегодня утромъ... Сейчасъ...

Теодата. Узнаетъ ли она его? Что ему скажетъ? И онъ что будетъ говорить ей? Какое видѣніе привидѣлось ему?

Докторъ. Несомнѣнно, чудесное.

Теодата. Какая-нибудь сильная мысль должна была наполнять его жизнь съ того осенняго утра, когда онъ явился за окровавленнымъ трупомъ брата.

Докторъ (вздрагивая). Онъ самъ пріѣхалъ?

Теодата. Самъ, съ двумя слугами... Пріѣхалъ, какъ только встало солнце, какъ только онъ узналъ о случившемся. Ему отдали трупъ завернутый въ простынѣ... Я видѣла въ окно... Онъ пріоткрылъ лицо и долго долго смотрѣлъ: затѣмъ поцѣловалъ въ лобъ, но такимъ долгимъ поцѣлуемъ, точно не могъ оторвать губъ отъ этого ледяного чела... Потомъ скрылся въ паркѣ, въ туманѣ, пошелъ за слугами, несшими матери бренные останки сына. Ахъ! Если бы онъ слышалъ ужасные крики безумной, державшей всю ночь мертвеца въ своихъ объятіяхъ и принявшей на себя всю его кровь до послѣдней капли! Ахъ! Если бы онъ видѣлъ ее плавающую въ этой крови... (Пауза). Что за мечта владѣла имъ съ тѣхъ поръ?

Докторъ (оживляясь). Чудная мечта, Теодата: мечта, въ которой широкой волной разлита неистощимая міровая радость; мечта юная и божественная, гдѣ смерть и жизнь слились въ одно, безконечно лучшее и болѣе великое, чѣмъ смерть и жизнь. Я понимаю... Вы тоже понимаете... Вы помните... Мы съ вами также, бывало, въ апрѣлѣ, когда сердце билось радостью, мы также испытывали, какъ вдругъ всѣ силы уйдутъ куда-то,

разлетятся, разсѣются, какъ неосязаемый паръ... И чувствуешь какую-то пустоту, точно замираешь. И вдругъ эти силы ураганомъ возвращаются къ намъ, обновленныя тысячами новыхъ энергій, разожженныя дыханіемъ весны, сверкающія и гремящія въ небѣ, слишкомъ тѣсномъ для нихъ... И тогда душа расширялась за предѣлы человѣческаго пониманія, и каждая мысль претворялась въ чистую красоту и намъ казалось— нѣтъ такого чуда, которое нельзя было бы сдѣлать... Я понимаю это... Да это—то! То! Когда онъ явился предо мной, казалось, онъ пріѣхалъ издалека, очень издалека, черезъ лѣса и рѣки, движимый этой силой, чтобы совершить чудо... Какое чудо? Что ему надо? Чего онъ проситъ? Можетъ быть и самъ не знаетъ... Она, черезъ свой кровавый покровъ, должна быть для него недоступна, недосягаема... Но видно, что онъ уже не можетъ жить, не повидавъ ее, хотя бы на секунду... И онъ увидитъ ее, а чудо не совершится, и вся эта громадная и бурная сила разсѣется, какъ капля воды.

Теодата (грустно). Не совершится! А надежда? Вѣдь у насъ появилась надежда.

Докторъ. Подождемъ... Эта минута святая и страшная. Онъ явится къ ней со всей своей тайной любовью, повитой слезами, молчаніемъ и страстью; онъ увидитъ ее, освященную кровью его брата, погруженную въ тайну, гораздо болѣе грустную, чѣмъ смерть. И онъ съ благоговѣніемъ, точно исполняя обѣтъ, сложитъ у ногъ этой женщины свою любовь, свои мечты... Она будетъ говорить ему нѣжныя, дѣтскія слова... И можетъ быть, слушая ее, онъ будетъ думать, что умираетъ.

Теодата (съ волненіемъ). А если она вдругъ прозрѣетъ. Если чудо совершится? Что тогда?

Докторъ. Тогда? Можетъ быть ей будетъ невозможно дальше существовать. Можетъ быть, жизнь станетъ невыносимой для нихъ обоихъ.

Теодата (содрогается и прислушивается). Его лошадь ржетъ въ лѣсу.

Панфило (поетъ въ глубинѣ сада).

И за одно словечко
Не будетъ сердце знать,
Что есть еще страданье...
За маленькій вѣнокъ.....

Докторъ. Можетъ быть, она проснулась.

Теодата (подходитъ къ двери и говоритъ шепотомъ): Она наверху... Сходитъ съ лѣстницы.

(Пѣніе Панфило мало-по-малу замираетъ въ кипарисахъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Изабелла.

Изабелла—безумная—появляется въ дверяхъ; на ней нѣжное, зеленое платье, она идетъ едва слышно, улыбаясь слабой, постоянной улыбкой.

Безумная. «За маленькій вѣнокъ!..» (улыбаясь подходитъ къ доктору, медленно, съ протянутыми руками). Теодата отходитъ въ сторону, а потомъ скрывается въ дверяхъ). Вы слышали докторъ? Вы слышали пѣсенку Панфило:

«И за одно словечко
Не будетъ сердце знать,
Что есть еще страданье...»

Вы слышали? Это милая пѣсенка, дорогой докторъ; но...

Докторъ (беретъ ее за руки). Вы спали? Я сейчасъ былъ у васъ, вы спали у окна спокойно, спокойно...

Безумная. Вы ее видѣли? Вы видѣли, какъ она ползала у меня на лбу? Я во снѣ чувствовала, какъ бѣлая бабочка ползала взадъ и впередъ по моему лбу... Когда я открыла глаза, она сидѣла на подоконникѣ... Если-бы у меня была сѣтка, я могла-бы поймать ее! Она упорхнула, скрылась въ солнечномъ свѣтѣ... (Она страдальчески трогаетъ себѣ лобъ). Мнѣ кажется, что она улетѣла отсюда... Ее больше нѣтъ здѣсь... У меня ея нѣтъ... Видите, докторъ! Ахъ, какое горе! Я такъ хорошо спала, пока чувствовала, какъ она порхаетъ... Вы вѣдь видѣли ее, докторъ? Правда? И вы говорите, что мой сонъ былъ покойный, покойный... Мнѣ снилось, будто я цвѣтокъ на водѣ...

Докторъ Она опять прилетитъ, какъ только вы закроете глаза.

Безумная. Ахъ какъ трудно закрывать глаза, докторъ! Иногда мнѣ кажется, что у меня нѣтъ вѣкъ. Вы знаете разсказъ про принцессу, у которой отъ постоянныхъ слезъ вѣки отпали, какъ сухіе листья, и она день и ночь оставалась съ открытыми глазами? Я, сегодня ночью... (На ея лицѣ появляется выраженіе ужаса).

Докторъ (прерываетъ ее, беретъ опять за руки и ведетъ къ мѣсту, освѣщенному солнцемъ, подъ аркаду). Пойдемте, пойдемте на солнце! Позвольте взглянуть на васъ! Да какая вы лучезарная сегодня! Такая свѣжая и ясная:—точно тотъ водяной цвѣтокъ, который вы видѣли во снѣ... И платье цвѣта молодыхъ листочковъ... Сама Весна!

Безумная (осматривая себя развеселившимися глазами). Вамъ нравится мое платье? Я сказала Беатриче: «Сдѣлай мнѣ зеленое платье, такого нѣжнаго цвѣта, чтобы свѣжіе листики не боялись меня, когда я брожу по лѣсу...» И она подарила мнѣ это платье... Се-

годня я въ первый разъ надѣла его. Вамъ нравится? Теперь я могу лежать подъ распускающимися деревьями, и они не замѣтятъ меня. Я притаюсь у ихъ подножія, какъ травка, я обману ихъ моимъ молчаніемъ... Можетъ быть, они будутъ думать, что одни, и мнѣ удастся открыть какую-нибудь ихъ тайну, подслушать какое-нибудь словечко... (Смѣется тихимъ, дѣтскимъ смѣхомъ). И потомъ я сказала Беатриче: «А я тебѣ въ награду подарю чудесный сонъ». И сегодня утромъ я надѣла это платье и сѣла у окна, чтобы видѣть хорошій сонъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ-же снѣ я видѣла Беатриче... Будто къ ней пріѣхалъ ея жданный женихъ. Она еще не знаетъ... Сегодня ночью она плакала. Ахъ, какъ она плакала! Потому что она еще не знаетъ...

«За маленькій вѣнокъ...»

(Она улыбается, смотря за рѣшетку на дальній лѣсъ). Вы ее видѣли? Вы говорили съ ней? Она разсказала вамъ про хитрости луны?...

Докторъ. Хитрости?

Безумная. Когда луна видитъ, что я отдалась ея ласкѣ—она любитъ играть съ моей фантазіей. Я не обижаюсь, нисколько... Она такая милая, когда обливаетъ меня своимъ молокомъ! Точно кормилица, играющая съ ребенкомъ... (Останавливается и прикладываетъ палецъ къ губамъ, точно прося молчать). Слышите серебряный звонъ? (Нѣсколько секундъ прислушивается, наклонившись на одну сторону). Какой нѣжный! Слышите?

Докторъ. Это жужжатъ пчелы?

Безумная. Ахъ нѣтъ, нѣтъ... Вы не слышите.

Докторъ. Я ужъ старъ, тугъ на ухо...

Безумная. У васъ бѣлые волосы, докторъ... А мои... не бѣлые... (Опять выраженіе ужаса пробѣгаетъ по ея лицу). А я все дѣлала, чтобы выбѣлить ихъ... Еще вчера я долго, долго мочила ихъ въ водѣ, чтобы вымочить какъ ленъ... А сегодня всю ночь Симонетта перебирала ихъ при лунномъ свѣтѣ... Вы когда-нибудь видѣли, докторъ, какъ въ августовскія ночи бѣлятъ ленъ на лугу? Издали, онъ сіяетъ какъ снѣгъ. И я спрашивала Симонетту: они такіе-же бѣлые, какъ ленъ? А она отвѣчала что-то совсѣмъ другое... Симонетта всегда мнѣ отвѣчаетъ не то... Она и не слушаетъ меня; она всегда думаетъ о другомъ... А я ее спросила: «Ты видишь бѣлаго павлина, на балюстрадѣ?» Да... Я хотѣла разсказать вамъ, какая хитрая луна... Я увидала на балюстрадѣ бѣлаго павлина... Вы знаете исторію Діаноры въ Армирандѣ? развѣ я не показывала вамъ ея портретъ, высѣченный Дезидеріо! маленькій бюстъ изъ мрамора, такой тонкій и такой желтый, точно изъ окаменѣвшаго меда? онъ былъ у меня въ комнатѣ; а Теодата отняла его отъ меня, потому что я безъ слезъ не могла смотрѣть на него... Я брала его къ себѣ на колѣни—онъ не очень тяжелый—и держала его и каждый день я видѣла, какъ лицо и

шея полируется подъ моими пальцами... Ахъ, какое лицо! Если-бы вы видѣли! точно миндаль, съ полуоткрытой скорлупой, черезъ которую видно зернышко... Оно все до подбородка закрыто приглаженными волосами, точно скорлупкой, а волосы прикрыты сѣточкой... Я не могла видѣть его безъ слезъ. Теодата боялась, что онъ растаетъ отъ моихъ слезъ и отъ моихъ пальцевъ, и отняла его отъ меня...

Докторъ. Вамъ не надо плакать... Теодата не можетъ видѣть, когда вы плачете.

Безумная. Да я плакала не отъ горя, я плакала не отъ горя. Меня доводила до слезъ зависть къ ея судьбѣ... Вы вѣдь знаете исторію Діаноры?

Докторъ. Смутно... Не припомню...

Безумная. Она любила одного юношу: Палля дельи Альбици... Въ безлунныя ночи она спускала ему съ террасы шелковую лѣстницу, тонкую какъ паутина, крѣпкую какъ кольчуга. Я то знаю, какъ она подставляла съ балюстрады подъ его горячіе поцѣлуи свое нѣжное, какъ миндаленка, личико, полускрытое золотой скорлупой... Но разъ, вечеромъ, мессиръ Браччіо поймалъ ее, втянулъ лѣстницу-сообщницу и сдѣлалъ изъ нея петлю для виновной шейки. И всю ночь Діанора висѣла на балюстрадѣ, и звѣздочки смотрѣли на нее, а соловьи плакали надъ ней. На зарѣ, при звонѣ первыхъ колоколовъ, кто-то видѣлъ, какъ изъ Армиранды на востокъ пролетѣлъ бѣлый павлинъ, а мессиръ Браччіо нашелъ свою петлю пустою. Съ тѣхъ поръ, время отъ времени, павлинъ прилетаетъ въ нашу виллу. Когда онъ садится, онъ тише и легче хлопка снѣга... Я видѣла его. Мнѣ казалось, что онъ прилеталъ и сегодня ночью. И я сказала Симонеттѣ: «Ты видишь бѣлаго павлина на балюстрадѣ? это духъ Діаноры прилетаетъ на то мѣсто, гдѣ она любила». И вдругъ павлинъ началъ рыдать, какъ человѣкъ, и его рыданія терзали мнѣ сердце. Я сказала: «Діанора, кроткая душа, о чемъ вы плачете? если вы подумаете о вашей участи, вы не должны плакать, милая сестра минувшаго прошлаго. Вы не видѣли смерти вашего друга у васъ на рукахъ, вы не захлебывались въ его крови... На вашей шеѣ сразу затянулась та веревка, которая помогала ему достигать до вашихъ губъ, гдѣ ваши бѣлые зубы блестѣли ему блескомъ всѣхъ звѣздъ міра... Только Изабелла должна плакать, только Изабелла! и какъ она завидуетъ вамъ...» Бѣлое видѣніе приблизилось ко мнѣ и его слезы упали мнѣ на руки. Какой-то голосъ мнѣ сказалъ: «Это я, я—Беатриче!»—И ты, Беатриче, тоже не должна плакать. Для тебя у меня есть радостный сонъ!

(Пылко протягиваетъ руки къ солнцу, затѣмъ ослѣпленная шатается и хватается за одну изъ колоннъ, прислоняется къ ней щекой и нѣсколько секундъ стоитъ съ полузакрытыми глазами, тяжело дыша).

Докторъ (съ сожалѣніемъ). Вы не должны такъ волноваться... Вы не должны такъ мучить себя... Сейчасъ вы говорили, что вамъ такъ пріятно было-бы молчать и тихо-тихо лежать подъ деревьями... Такъ и отдайтесь всецѣло цвѣту вашего платья и будьте радостны, какъ весна.

Безумная (тихо и таинственно). Слышите вы серебристый звонъ? Это тысячи и тысячи колокольчиковъ ландышей звенятъ отъ дуновенія вѣтерка... Слышите? (Она наклоняется къ ландышамъ, прислушиваясь). Точно въ домѣ, гдѣ лежитъ умирающій, когда по тихимъ комнатамъ мгновенно пробѣгаетъ шумъ.:. (Пауза. Вдругъ она выпрямляется). Въ лѣсу ржетъ лошадь... (Она безпокойно обертывается къ саду и пристально смотритъ на рѣшетку). Ржетъ лошадь! . Кто-то пріѣхалъ... Женихъ!.. Беатриче, Беатриче!..

Докторъ (удерживая ее, смущенно). Не зовите ее!

Безумная. Почему? Гдѣ Беатриче?

Докторъ (нерѣшительно). Кто-то пріѣхалъ... Она, можетъ быть, тамъ...

Безумная (радостно). Значитъ, она уже отправилась встрѣчать жениха? Она съ нимъ? Такъ мой сонъ сбылся! Наконецъ, послѣ стольких слезъ, она счастлива, она счастлива, я не буду звать ее; я никогда больше не позову ее. Вы правы... Не надо звать ее. Если она обернется назадъ хоть на секунду—она потеряетъ секунду счастія. Я не буду звать ее... А мнѣ такъ хотѣлось-бы ее видѣть; мнѣ хотѣлось-бы видѣть ея новое лицо, слышать ея новый голосъ... Ея маленькое лицо тоже похоже на очищенную миндаленку. Теперь оно можетъ быть порозовѣло... (Улыбается). Какъ сдѣлать, чтобы увидать ее, но чтобы она не видѣла меня? (Смотритъ на рѣшетку, изъ-за которой видѣнъ дикій лѣсъ, ярко освѣщенный солнцемъ). Я войду въ лѣсъ тихо, тихо, калитка не скрипнетъ. Я закрою все лицо листьями, оберну всѣ руки травой, такъ что буду вся зеленая... Я буду совершенно незамѣтно проходить подъ низкими вѣтвями, скользить между кустами... Я знаю мѣсто, куда Беатриче поведетъ жениха.... Я знаю это мѣсто и она его знаетъ.... Въ лѣсу есть волшебный кругъ... Можетъ быть и Діанора бывала тамъ... Онъ похожъ на священную чашу, чашу изъ древесной коры, куда лѣсъ сливаетъ вино своихъ ароматовъ, самое чистое и крѣпкое вино; не всѣ могутъ пить его. Если одинокій выпьетъ этого вина—онъ опьянѣетъ и заснетъ удивительнымъ сномъ: ему покажется, что, весь этотъ лѣсъ выросъ изъ его сердца. . Но если онъ не одинъ... (Внезапно прерываетъ себя. Голосъ ея становится глухимъ). Такая-же чаша была и въ другомъ лѣсу... Осенью она стала вся красная, и мы больше не пили изъ нея...

Докторъ (желая прервать ея тяжелыя мысли). Вы слышите? Лошадь заржала во второй разъ.

Безумная (съ прежнимъ довѣріемъ). Да, да. Лошадь ржетъ позади нихъ, а они идутъ дальше... Посмотрите, докторъ, какъ Изабелла сливается съ деревомъ... (Бѣжитъ къ апельсинному дереву, на которое теперь падаютъ лучи солнца. Она просовываетъ голову между листьевъ, беретъ двѣ вѣтви и обертываетъ ихъ вокругъ шеи. Такимъ образомъ, она вся сливается съ зеленью; ея лицо полузакрыто, широкіе рукава платья откидываются назадъ и открываютъ руки до локтя).

Докторъ. Да, да, совершенно.

Безумная. Мнѣ все кажется зеленымъ, точно мои вѣки сдѣланы изъ листьевъ. Жилки листочковъ сквозятъ на солнцѣ. Цвѣты разцвѣтутъ скоро: они точно полураскрытыя сткляночки съ мvромъ... О! Листокъ совсѣмъ у моихъ губъ! какъ блеститъ, точно восковой... Кажется, что сейчасъ растаетъ отъ моего дыханія... Какой нѣжный, какой сладкій! На языкѣ точно Святые Дары...

Докторъ (съ благоговѣйнымъ чувствомъ подходитъ къ ней и склоняется передъ нею). Да будетъ благословенно это весеннее причастіе! Да снизойдетъ миръ на вашу душу! И миръ, и разцвѣтъ, разцвѣтъ всѣхъ распустившихся листьевъ! Да будетъ благословенно ваше платье! Носите его, носите его всегда! Можетъ быть завтра настанетъ разцвѣтъ!

Безумная. Какой родной для меня вашъ голосъ! И какъ онъ далеко! Удивительно, какъ отсюда всѣ голоса кажутся далекими, точно я подъ скорлупой, и жужжанье пчелъ, и щебетанье ласточекъ, и этотъ звонъ—все кажется далекимъ.... Вашъ голосъ всегда гармониченъ; ваши слова никогда не идутъ въ разладъ съ тѣмъ естественнымъ хоромъ, который витаетъ въ воздухѣ вокругъ тѣхъ, кто слушаетъ васъ. И все кругомъ становится тихо и чисто. Иногда мнѣ хочется сѣсть у вашихъ ногъ, какъ у подножія холма, какъ у устья рѣки, и найти тамъ какое-то безконечное благо...

Докторъ. Пусть благо всего міра снизойдетъ на вашу голову и наполнитъ вашу душу! Кажется и вы только что родились, какъ этотъ листокъ, что распускается отъ вашего дыханія. Въ вашихъ глазахъ, которые смотрятъ на меня изъ-за вѣтокъ, свѣтится что-то дѣтское, что-то божественное.

Безумная. Значитъ, я могу слиться съ деревьями, съ кустами, съ травой? Беатриче пройдетъ рядомъ, наступитъ на меня и не узнаетъ. Я увижу ее рядомъ съ женихомъ, котораго ей указалъ мой сонъ, увижу ее, украшенную любовью, сіяющую надеждой, послѣ столькихъ слезъ. И онъ скажетъ ей... Я вѣдь знаю, какія слова даютъ жизнь всѣмъ страждущимъ, всѣмъ умирающимъ. Весь міръ исчезалъ какъ паръ, когда онъ молчалъ и... возрождался вновь отъ одного его слова, преображенный въ чудо и радость... (Вскрикиваетъ). Кровь!.. (Съ крикомъ ужаса выбѣгаетъ изъ-за дерева. Одна изъ вѣтокъ ломается). Кровь! Кровь! (По-

раженная ужасомъ, смотритъ на красную точку на рукѣ. Вся дрожитъ отъ страха).

Докторъ (беретъ ее руку и пытается успокоить ее). Да не бойтесь! Это не кровь... Это просто самая безобидная букашка... Посмотрите, это кошениль... Это хорошее предзнаменованіе, она предвѣщаетъ счастье... Не дрожите такъ... Это ничего... Вотъ больше ничего и нѣтъ. Смотрите...

Безумная (все дрожа, со страданіемъ). Она вездѣ, вездѣ... Я вижу ее вездѣ на мнѣ, вокругъ меня... Ахъ, докторъ, сдѣлайте такъ, чтобы я не видала ее!.. Избавьте меня отъ этого ужаса! Я считала себя чистой, тамъ, среди листьевъ. Нѣтъ, я не могу, не могу... Вчера, въ лѣсу, тоже всѣ деревья, гдѣ я проходила, были запачканы...

Докторъ. Эти деревья намѣчены, чтобы срубить ихъ...

Безумная. И на всѣхъ кустахъ красныя капли... Тамъ гдѣ я проходила.

Докторъ. Это ягоды терновника.

Безумная. Я не могу! Не могу!..

(Хватается за волосы на затылкѣ и на вискахъ и потомъ смотритъ себѣ на руки).

Докторъ (беретъ ее за руку). Ваши руки бѣлѣе ландышей.

Безумная. Я сломала вѣтку! (Наклоняется къ дереву съ выраженіемъ сожалѣнія и жалости). Какая жестокая рана! Посмотрите, докторъ: она вся смочена сокомъ. Вся жизнь растенія уйдетъ черезъ эту рану... И по моей винѣ!...

Докторъ. Не бойтесь... Эти раны заживаютъ... Выростетъ другая вѣтка.

Безумная. А эта?

Докторъ. Сдѣлайте изъ нея вѣнокъ.

(Дѣтская улыбка вдругъ озаряетъ лицо Безумной. Она отрываетъ сломанную вѣтку отъ дерева и, все улыбаясь, сгибаетъ ее).

Безумная.

За маленькій вѣнокъ
Душа моя споетъ
Цвѣтамъ свои признанья.

Я сдѣлаю вѣнокъ для Беатриче. Видите? Здѣсь и листья, и цвѣты, цвѣты еще не совсѣмъ распустились. Они разцвѣтутъ на лбу Беатриче .. Мнѣ нужно нитку... золотую нитку... Симонетта!

Докторъ. Вонъ она, идетъ изъ сада... Я ухожу.. Ждутъ... Можетъ быть, ваше счастье уже близко... Дѣлайте вѣнокъ.

Безумная (низко кланяется, весело улыбается). До свиданья, милый докторъ!

(Слѣдитъ за старикомъ глазами, пока онъ уходитъ въ дверь направо).

«И за одно словечко
Не будетъ сердце знать,
Что есть еще страданье»...

(Медленно уходитъ съ пѣсней навстрѣчу Симонеттѣ, дѣлаетъ ей знакъ, чтобы она отперла калитку безъ шуму. Входитъ въ лѣсъ и исчезаетъ тамъ, вмѣстѣ съ Симонеттой).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Беатриче и Вирджиніо.

Изъ правой двери входитъ Беатриче осторожными шагами, какъ бы высматривая кого-то; она смотритъ на рѣшетку, за которой скрылась Безумная. Затѣмъ дѣлаетъ знакъ Вирджиніо, остановившемуся въ нерѣшительности въ дверяхъ. Онъ подходитъ, слегка покачиваясь. Вся его фигура выражаетъ ужасное безпокойство. Оба они нѣсколько мгновеній стоятъ безмолвно и не спускаютъ глазъ съ дороги въ лѣсъ.

Панфило (поетъ въ глубинѣ сада).

Любовь! Любовь! Постой!
Кто не любилъ—полюбитъ,
Склонится предъ тобою.
И завтра покорится
Жестокая, понявъ
Всю цѣну твоей власти...

Беатриче (дрожащимъ и прерывающимся голосомъ). Она скрылась въ лѣсу... У нея въ рукѣ вѣтка... что если она увидитъ вашу лошадь? Можетъ быть, она вернется сейчасъ... Слышите? Ржетъ лошадь... Вы слышали? (Она содрагается. Пауза. Вирджиніо стоитъ неподвижно рядомъ съ нею). Можетъ быть, она вернется? Если вернется—вы останетесь?.. Вамъ хочется встрѣтиться съ нею? Вы готовы? А можетъ быть, вы думаете, что лучше отказаться отъ этой мысли—слишкомъ невѣрной, слишкомъ грустной?

Вирджиніо (въ томъ же положеніи, подавленный волненіемъ). Видѣть ее!

(Пауза. Беатриче идетъ въ глубь сада и всматривается).

Беатриче. Не возвращается... Иногда она цѣлыми часами остается въ лѣсу... У нея тамъ есть любимое мѣсто. Она хотѣла, чтобы я сдѣлала ей зеленое платье. Она сказала мнѣ: Сдѣлай мнѣ зеленое платье, свѣтло-зеленое, чтобы свѣжіе листочки не пугались меня, когда я хожу въ лѣсу. Она такая кроткая. Въ иные дни у нея являются такія дѣтскія и милыя слова, точно улыбка сквозь слезы; они внушаютъ въ одно и то-же время и радость, и печаль. (Пауза. Указываетъ ему сидѣніе между двухъ колоннъ). Сядемте здѣсь... (Садятся рядомъ на камень. Вирджиніо, мучимый внутренней тревогой, не можетъ ничего говорить.

Онъ блѣденъ и внимателенъ). Какъ благоухаютъ ландыши... И бѣлыя розы, и нарциссы!.. А вѣдь многіе цвѣты совершенно изгнаны изъ Армиранды: боятся, чтобы они не попались на глаза ей... Садовникъ очень внимательный... Вы слышали, онъ поетъ? Онъ постоянно поетъ и во время пѣнія самъ сочиняетъ стихи. Онъ поетъ и наблюдаетъ—и все таки иногда не усмотритъ. Вдругъ зацвѣтетъ макъ, и запылаетъ въ травѣ яркимъ пламенемъ... Теодата думаетъ, что надо скосить траву раньше времени... (Пауза). А у васъ, въ Фонтелюченте, много цвѣтовъ?

Вирджиніо. Много розъ.

Беатриче. Ваша мать такъ любила цвѣты!.. И теперь... она любитъ ихъ?

Вирджиніо. Теперь она любитъ только свое горе.

Беатриче (нерѣшительно). Она до сихъ поръ страдаетъ?

Вирджиніо (смотритъ на нее, растроганный ея тономъ). Какъ въ первый день.

Беатриче. Но вы—ея утѣшеніе.

Вирджиніо. Для нея нѣтъ утѣшенія... Она вся отдалась своему горю, оно дорого ей, какъ былъ дорогъ покойный сынъ.

Беатриче. Здѣсь всѣ молятся за нее... Нѣтъ дня, чтобы не думали о ней съ покорностью и благоговѣніемъ.

Вирджиніо. Она отвѣчаетъ на это благодарностью и платитъ тѣмъ-же...

Беатриче. Такъ она не проклинаетъ насъ?

Вирджиніо. Ахъ! Какъ вы не знаете ея сердца!

Беатриче. Она простила?

Вирджиніо. Она вѣчно благословляетъ геройскую и нѣжную душу, которая въ такомъ тяжкомъ испытаніи дала высшее доказательство своей любви.

Беатриче. Ей все извѣстно?

Вирджиніо. Для ея души—самая ужасная правда красивѣе лжи.

Беатриче. И она знаетъ, что вы поѣхали въ Армиранду?

Вирджиніо. Знаетъ. Она ждетъ меня. Она знаетъ, что я пріѣхалъ взглянуть на Изабеллу. Она разцѣлуетъ мои глаза, потому что они увидѣли ее, будетъ искать въ нихъ образъ Изабеллы... Вы развѣ не понимаете? Она знаетъ, что только для одного существа въ мірѣ Джульяно не умеръ совсѣмъ, потому что это существо постоянно чувствуетъ на себѣ часть его, что-то живое, жгучее и неизгладимое, что привело ее къ безумію... Развѣ вы не понимаете? У нея отчаянное желаніе видѣть ее, осязать, обнять, приласкать ее, говорить съ нею, распросить, хотя она знаетъ, что она не вынесла бы: ея сердце остановилось бы при первомъ прикосновеніи, при первомъ словѣ... Она и поселилась въ заброшенномъ Фонтелюченте, чтобы имѣть хоть иллюзію близости къ ней че-

резъ цвѣтущіе сады... Поселилась, надѣясь—не знаю на что, ожидая,—не знаю чего... И каждый вечеръ она всходитъ на самую высшую террасу, смотритъ въ сторону Армиранды и молится... Она молится и за васъ...

Беатриче. За меня?

Вирджиніо. Она знаетъ, какую жертву принесли вы. Она знаетъ, что вы вся отдались этому доброму и грустному дѣлу, что вы живете здѣсь точно въ монастырѣ. У нея къ вамъ материнская нѣжность. Она говорила мнѣ: «Если бы Беатриче согласилась пріѣхать въ Фонтелюченте!» Вы не забыли? Вѣдь вы бывали въ виллѣ Кедровъ...

Беатриче. Я помню.

Вирджиніо. Не пріѣдете ли вы когда-нибудь въ Фонтелюченте, чтобы исполнить желаніе моей матери?

Беатриче. Да, когда-нибудь... (Ея голосъ слабъ. Она уже не можетъ бороться съ волненіемъ, которое мало по малу охватываетъ ее во время этого разговора и которое проявилось тѣмъ, что ея нѣжныя щечки покрылись румянцемъ). Когда-нибудь я пріѣду...

Вирджиніо. Я васъ самъ свезу къ ней. Это не очень далеко Мать встрѣтитъ васъ на полдорогѣ... Можетъ быть, увидя васъ, она улыбнется еще хоть разъ въ жизни. Она не улыбается больше.

Беатриче. Я пріѣду... Когда вы назначите мнѣ... Двѣ скорби встрѣтятся и поймутъ одна другую... Можетъ быть, и улыбнутся... (Пауза. Оба опускаютъ головы). Которая изъ этихъ двухъ скорбей тяжелѣе? Ваша мать хоть знаетъ, что онъ покоится съ миромъ въ своей гробницѣ. Я тоже знаю, что и она въ темной гробницѣ, но живая, трепещущая и облитая кровью... Я знаю, что она *тамъ*, отлетѣла, не вернется... И тѣмъ не менѣе ея живые глаза умоляюще смотрятъ на меня,—а я не могу вернуть, не могу привлечь ее къ себѣ!

Вирджиніо. А надежда?

(Смотрятъ другъ на друга, охваченные необъяснимымъ волненіемъ. Вирджиніо невроизвольнымъ движеніемъ встаетъ и повертывается къ лѣсу. Беатриче тоже. Пауза).

Беатриче (садясь опять). Не возвращается... Сегодня на ней зеленое платье, и она все забыла. Можетъ быть, у нея есть хоть часъ счастья. Утро такое ясное, что каждому вѣрится, что онъ можетъ возродиться.

Вирджиніо (чувствуетъ снова энергію и бодрость). Каждый думаетъ, что онъ какимъ-то таинственнымъ путемъ открылъ тайну красоты и радости... Вы живете здѣсь, какъ въ монастырѣ, поэтому и не можете понять... А я всталъ съ восходомъ солнца, когда еще звѣзды трепетали въ небѣ. Я видѣлъ, какъ въ глубинѣ долины, еще лежащей во мракѣ, заалѣло небо, точно сама Аврора купалась въ немъ: безконечное и близкое, оно какъ-бы окутывало и подкрѣпляло мою душу. Я

пилъ въ вѣтеркѣ опьяненное дыханіе всей возрождающейся природы и въ тысячахъ мелодій, доносящихся изъ гнѣздъ, я слышалъ глубокое и святое дыханіе Матери, питающей и послѣднюю травку и нашу мысль. Всѣ печали и всѣ желанія слились въ моемъ существѣ въ одну силу, невыразимо легкую и смѣлую. И я гналъ лошадь безъ отдыха, гналъ ее къ цѣли, хотя не зналъ, гдѣ она: во мнѣ самомъ или на краю свѣта. И неподвижные, мрачные образы моего прошлаго окрасились чуднымъ цвѣтомъ, стали неузнаваемы, точно статуи въ пылающемъ храмѣ... И во мнѣ не было ни малѣйшаго ужаса отъ смерти брата... Что я говорю?—Она казалось мнѣ прекрасной, какъ жертва на недосягаемомъ алтарѣ. И вся пролитая кровь его играла въ моихъ жилахъ, переполняла мое сердце и зарождала въ немъ любовь, но любовь болѣе чистую, болѣе возвышенную...

(У рѣшетки между садомъ и лѣсомъ показывается Безумная и останавливается съ таинственнымъ видомъ. Ея лицо все покрыто листьями, ея руки обвиты травой. Таинственная, молчаливая, вся зеленая, точно какое-то странное растеніе, она незамѣтно приближается къ портику, между кипарисовъ).

Беатриче (поворачивается къ гостю, дрожащая, изумленная, не понимая что говоритъ онъ). И вы мчались такъ пылко въ нашъ монастырь? Онъ былъ вашей цѣлью? Этотъ пріютъ безумія и горя?

Вирджиніо. Васъ это удивляетъ?.. Ахъ! Вы не можете понять меня!

Беатриче. Если-бы я поняла... (Прерываетъ себя и вздрагиваетъ, услыхавъ легкіе шаги сзади себя). Она идетъ. Вотъ она.

(Оба они блѣдные отъ волненія. устремляютъ глаза на безмолвное, зеленое привидѣніе. Нѣсколько секундъ—глубокое молчаніе, прерываемое только щебетаньемъ ласточекъ, жужжаньемъ пчелъ, дуновеніемъ вѣтра).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Изабелла.

(Безумная нерѣшительно останавливается подъ аркадой. Въ опущенной рукѣ у нея вѣнокъ, сдѣланный изъ сломанной ею вѣтки. Глаза ея улыбаются и зубы блестятъ между листьевъ, закрывающихъ ея лицо. Вирджиніо неподвижно смотритъ на нее, какъ очарованный, Беатриче бросается къ ней).

Беатриче. Изабелла!

Безумная. Я не Изабелла. (Дѣлаетъ шагъ впередъ къ нимъ). Я не Изабелла. Вся зелень приняла меня за свою. Я не пугаю ее больше... Мы поджидали васъ въ лѣсу. Мы думали, что вы пройдете и будете говорить о вашемъ счастьѣ. И мы хотѣли быть безконечно кроткими, ласковѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вашими ногами, надъ вашей головой... Зачѣмъ вы обманули насъ? Можетъ быть, ужъ никогда мы не будемъ такими прекрасными, такими веселыми; никогда не будемъ такими юными, такими легкими. Мы трепетали всѣ вмѣстѣ, непрерыв-

нымъ, чуднымъ трепетомъ, потому что солнце играло съ нами. Оно играло съ нами, какъ расшалившееся дитя, трогало насъ тысячами своихъ золотыхъ пальцевъ, тысячами нѣжныхъ и ловкихъ пальчиковъ и ни разу не сдѣлало намъ больно. Его игры безчисленны—и все новыя, и все разныя!.. Оно веселило насъ, веселило, но не утомляло нисколько, точно наше веселье должно было все рости и рости; и мы дрожали всѣ вмѣстѣ непрерывной дрожью, точно мы должны были разразиться небывалымъ смѣхомъ... Ахъ! зачѣмъ Беатриче не прошла тогда мимо насъ со своимъ супругомъ? (Беатриче и Вирджиніо смотрятъ другъ на друга. Безумная дѣлаетъ еще одинъ шагъ къ нимъ. Въ глубинѣ, у рѣшетки, показывается Симонетта и хочетъ пройти въ садъ. Панфило, слѣдившій за ней изъ-за изгороди, подходитъ къ ней. Оба они уходятъ и скрываются въ лѣсу.) Изабелла обѣщала Беатриче за зеленое платье—золотой сонъ. И этотъ сонъ явился у окна, когда Панфило пѣлъ свою пѣсню о вѣнкѣ. И въ этомъ снѣ приснился женихъ; его прислала Весна; и онъ прискакалъ къ этому саду. Когда Изабелла проснулась—она принесла сама эту вѣсть. Но уже Беатриче можетъ быть съ той самой балюстрады, гдѣ она проплакала всю прошлую ночь, увидѣла давно жданнаго жениха и полетѣла къ нему на широко раскрытыхъ крыльяхъ своей души... Бѣдная голубка! Бѣдная голубка!

(Подходитъ къ сестрѣ и нѣжно гладитъ ее по головѣ рукою, обернутою травой).

Беатриче (задыхаясь отъ волненія). Что ты говоришь, Изабелла?

Безумная (къ Вирджиніо): Посмотрите на нее! какая чистота! Точно все горе нашей семьи собралось въ ней, какъ вода горъ собирается въ родникѣ. Она вся прозрачная Вы можете сложить въ нее всѣ ваши драгоцѣнныя сокровища, и они будутъ блестѣть въ ея хрустальной душѣ. Нѣтъ кругомъ ни одного ручейка чище, чѣмъ она, и гдѣ было бы отраднѣе освѣжить губы и руки. Она—благо, которое никогда не пропадаетъ, которое безпрерывно какъ горный ручей. Я ввѣряю вамъ ее. Ей не надо плакать. Въ каждой ея слезѣ теряется часть той радости, какую могла бы дать она. Она не должна больше плакать. Я ужъ не увижу ее по вечерамъ, какъ она, опершись на балюстраду, слушаетъ звонъ колоколовъ, отъ котораго вся долина дѣлается голубою и влажною, какъ ея глаза... Вы увезете ее далеко отсюда, очень далеко?

Беатриче (взволнованная, говоритъ умоляющимъ голосомъ): Изабелла! Не говори такъ... Ты не знаешь! Не знаешь...

Безумная. Не жалѣй Изабеллы, не горюй, что она останется одна! Теперь у нея есть подаренное тобою платье и тамъ—благодаря ему—ее полюбятъ; ее полюбятъ юныя и нѣжныя созданья, какъ ты Беатриче... Прощай... (Она прерываетъ себя, вспомнивъ о вѣнкѣ, который держитъ въ лѣвой рукѣ). А, видишь? Пока я дремала у окна и видѣла во снѣ тебя, Панфило пѣлъ пѣсню о вѣнкѣ. Ты знаешь эту пѣсню:

«За маленькій вѣнокъ...»

Ты знаешь ее... Теперь возьми этотъ вѣнокъ... Я сдѣлала его изъ сломанной вѣточки. Увы! Нельзя сдѣлать вѣнка, не сломавъ вѣтки! Посмотри: ранка еще свѣжая. (Указываетъ на деревцо и кладетъ вѣнокъ на склоненную голову Беатриче. Удаляется легкими и неслышными шагами, точно у нея ноги окутаны мхомъ. Кажется, что опять на всю ея зеленую фигуру легла тайна лѣса, куда она направляется. Голосъ ея становится глуше). Прощайте... Я больше не Изабелла... Вы придете попозже въ лѣсъ? Мы ждемъ васъ...

(Беатриче смотритъ съ отчаяніемъ на Вирджиніо. Она снимаетъ вѣнокъ съ головы и роняетъ его. Затѣмъ она бросается къ Безумной, чтобы удержать ее).

Беатриче. Изабелла! Послушай! Послушай... Ты не знаешь, ты не знаешь... Это совсѣмъ не то, что ты говоришь... Иди, иди сюда... (Беретъ Безумную за руку и подводитъ ее къ безмолвному Вирджиніо). Ты не узнаешь его? Посмотри на него, посмотри хорошенько... Не узнаешь? Не помнишь? Вглядись въ него... (Быстрымъ движеніемъ Безумная срываетъ съ лица листья; она наклоняется къ молодому человѣку и смотритъ на него внимательными широко-раскрытыми глазами). Ты не узнаешь его? Это Вирджиніо... Вирджиніо, братъ...

(Безумная вздрагиваетъ и быстро схватываетъ обѣими руками голову молодаго человѣка, онъ закрываетъ глаза, становится блѣднымъ и опрокидываетъ голову, точно умираетъ; она смотритъ на него съ ужасающей напряженностью; потомъ, почувствовавъ, какъ потяжелѣла голова въ ея рукахъ, она вскрикиваетъ и оставляетъ ее).

Безумная. Умираетъ, умираетъ! И онъ тоже...

Беатриче. Нѣтъ, нѣтъ... Ты не видишь... Ты его не видишь?

Безумная. Я опять почувствовала у себя на рукахъ тяжесть смерти.

Беатриче. Нѣтъ, нѣтъ... Взгляни на него, развѣ ты его не видишь? Онъ тутъ, передъ тобой. Ты не видишь его?

Безумная (ослѣпленная ужасомъ). Кто? Джульяно? Кто передо мной?

Беатриче. Братъ... Вирджиніо... Ты не узнаешь его? Вотъ онъ! Посмотри! Посмотри хорошенько!

Безумная. Братъ? Зачѣмъ пріѣхалъ братъ? Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? (Ея блуждающіе глаза останавливаются опять на молодомъ человѣкѣ, съ выраженіемъ неистоваго ужаса, она отступаетъ назадъ, срываетъ съ рукъ траву, окутавшую ихъ, смотритъ на голыя руки, ощупываетъ себя, точно снова чувствуетъ себя залитой кровью. Ея безуміе обостряется). Зачѣмъ онъ пришелъ? Чтобы взять его отъ меня, чтобы отнять его отъ меня? Чтобы снести его къ матери? Снести его такимъ, безъ крови, безъ одной капли крови! Вся кровь осталась на мнѣ... Я вся облита ею!.. Посмотрите на мои пальцы, на мои руки, на грудь, на волосы... Вѣдь я потонула въ его крови... Но пусть она не проклинаетъ меня! О! пусть его мать не проклинаетъ меня! Скажите ей вы, чтобы она не проклинала меня; скажите ей, что́ я сдѣлала для ея умирающаго сына.

Я не оставила его. Если ударъ не дошелъ до меня, если онъ не прокололъ и мое сердце, скажите ей, что это не по моей винѣ, чтобы она не проклинала меня за это! Я въ одинъ часъ умерла тысячу разъ; все мое тѣло—одна сплошная рана, вѣдь у меня не осталось ни одной капли въ жилахъ... И я уже не живая; скажите ей, что я больше не живая... Я чувствовала, какъ его смерть тяжелымъ холодомъ пронизала мое тѣло; я чувствовала какъ мои кости согнулись подъ ея гнетомъ... И это смерть! Это смерть! Но скажите ей, что онъ заснулъ на моихъ рукахъ въ безмятежномъ счастіи... Скажите ей, что я съумѣла дать ея сыну блаженство безъ границъ, забвеніе всего міра, высшее благо! Онъ, упоенный счастіемъ, закрылъ глаза на моей груди и не открывалъ ихъ больше. А я, я открыла свои и видѣла, какъ жизнь отлетала отъ него... Изъ его рта вылилась на меня вся кровь его сердца, жгучая и чистая, какъ пламя. Я задыхалась въ этой крови, мои волосы были смочены ею, вся грудь залита ею; я вся была затоплена этой волной, которая, казалось, не иссякнетъ никогда... Его жилы были переполнены кровью, и какою горячею кровью... Все, все, до послѣдней капли вылилось на меня, на мое тѣло, на мою душу, а неистовыя рыданія, подступившія къ моему горлу,—я подавила ихъ, крѣпко стиснувъ скрежетавшіе зубы, чтобы никто не услыхалъ ихъ, чтобы никто не пришелъ оторвать его отъ меня, взять его изъ моихъ рукъ, положить въ гробъ... Скажите его матери, что все это я сдѣлала для него; скажите, чтобы она не проклинала меня! Но скажите ей также, что для меня было почти счастьемъ задохнуться въ его теплой крови, еще живой, еще трепещущей, еще одухотворенной его душой... Но потомъ, потомъ... Что значитъ ужасъ смерти въ сравненіи съ тѣмъ ужасомъ, который проникъ мнѣ въ кости, когда я почувствовала, что изъ тѣла, лежащаго въ моихъ объятіяхъ, уходитъ все тепло... И я не выпустила его, и продолжала держать его, и чувствовала, какъ онъ леденѣлъ на моей груди и коченѣлъ, становился все тяжелѣе и тяжелѣе, точно камень, точно желѣзо, чувствовала какъ онъ сдѣлался трупомъ, чѣмъ-то совсѣмъ чужимъ, навсегда глухимъ, навсегда далекимъ, чѣмъ-то такимъ, чего никто въ мірѣ не можетъ оживить, никогда, никогда!..

(Ея колѣни такъ дрожатъ, что она падаетъ на землю. Беатриче, закрывавшая себѣ лицо руками, слышитъ шумъ падающаго тѣла, подбѣгаетъ къ сестрѣ, поддерживаетъ ее, пробуетъ поднять. Теодата, стоявшая все время въ дверяхъ и молча плакавшая, подбѣгаетъ также и поддерживаетъ ее).

Безумная. (Руки съ мольбой протянуты къ Вирджиніо, который отъ ужаса не можетъ ни двигаться, ни говорить). Скажите ей, скажите все это! Вы скажите, чтобы она не проклинала меня? Положите меня въ одинъ гробъ съ нимъ, похороните насъ вмѣстѣ, потому что я тоже уже не живая. Вѣдь вы не можете совершенно похоронить его, если не похороните меня вмѣстѣ съ нимъ: потому что вся его кровь на мнѣ,

все, что составляло его жизнь—на мнѣ (рѣзко вырывается изъ рукъ, которыя поддерживаютъ ее). Нѣтъ! оставьте меня, не троньте меня! Онѣ хотятъ снести меня въ воду... Нѣтъ, я не хочу, не хочу! Оставьте меня! Я хочу остаться такъ, я хочу, чтобы его мать видѣла меня такъ... (Внезапная слабость овладѣваетъ ею, точно она теряетъ сознаніе; она падаетъ на бокъ и дотрогивается вискомъ до земли)... такъ... погребенной...

(Докторъ входитъ въ лѣвую дверь, дѣлая знакъ обѣимъ женщинамъ, чтобы онѣ отошли отъ несчастной; затѣмъ онъ ласково отводитъ Вирджиніо на ту скамейку, гдѣ онъ сидѣлъ съ Беатриче. Вирджиніо садится и закрываетъ лицо руками. Беатриче медленно подходитъ къ нему. Докторъ наклоняется надъ Изабеллой, которая кажется уснувшей; онъ дотрогивается до нея, она точно просыпается и ничего не помнитъ. Ея ротъ подергивается какъ будто отъ боли въ челюстяхъ, она страдальчески дотрогивается до висковъ, щекъ и губъ).

Докторъ (склонившись надъ ней). Вы чуть не заснули? Почему здѣсь? Бѣлая бабочка пролетѣла; она упорхнула къ лѣсу... Вѣдь вы сейчасъ говорили, что хотѣли-бы растянуться подъ деревьями, прижаться къ нимъ, какъ травка? Хотите я васъ провожу туда? И какимъ спокойнымъ сномъ вы заснете, въ этомъ платьицѣ, тамъ, подъ свѣжими листочками! Вы сольетесь въ одно съ деревьями, съ кустами, съ травкой... Хотите, я васъ провожу туда?

Безумная (озираясь вокругъ, удивленными глазами). Да, да... Туда... спать... съ молодыми листочками..

(Теодата безшумно уходитъ, удрученная печалью. Беатриче дѣлаетъ знакъ Вирджиніо удалиться. Оба уходятъ въ другую дверь. На порогѣ Вирджиніо оглядывается, смотритъ на Изабеллу и затѣмъ исчезаетъ. Во все это время глубокое молчаніе, прерываемое только щебетаніемъ ласточекъ, жужжаніемъ пчелъ и дуновеніемъ вѣтра).

Докторъ. Ну, давайте руки (протягиваетъ ей руки, чтобы поднять ее).

Безумная. У меня нѣтъ силы, докторъ... Подождите, пожалуйста... Подождите еще немного!.. Я сейчасъ была тамъ, кажется мнѣ... Я сейчасъ была тамъ... какъ травка... Кто-то затопталъ меня... Конечно, кто-то затопталъ меня... Подождите, пожалуйста! Я можетъ быть встану... (Продолжаетъ смотрѣть вокругъ; взглядъ ея останавливается на апельсинномъ деревѣ). Посмотрите, докторъ, какъ пчелы окружили дерево! Онѣ приготовляются собирать медъ!.. Онѣ ждутъ, чтобы распустились цвѣты... Какъ-бы мнѣ хотѣлось меду... (Продолжая смотрѣть кругомъ, она видитъ упавшую маску изъ листьевъ и вѣнокъ). А эти листья? А этотъ вѣнокъ? (Кажется, что сознаніе пронизываотъ на секунду ея помраченный умъ). А гдѣ Беатриче? Гдѣ Беатриче?

(И опять она со страданіемъ трогаетъ себѣ виски, щеки, губы. Все исчезло изъ ея памяти. Она ползетъ къ вѣнку, поднимаетъ его, смотритъ, улыбается своей слабой дѣтской улыбкой и шепчетъ:)

За маленькій вѣнокъ!...

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

(Его жизнь и научная дѣятельность [1]).

VII.

Задачи современной исторіи.

Анализъ исторической и славянофильской школы въ оцѣнкѣ Бестужева-Рюмина достаточно уясняетъ намъ и собственные взгляды К. Н. на исторію и на ея задачи.

Бестужевъ тоже видитъ въ исторіи выраженіе органическаго роста народовъ, но, въ противоположность Соловьеву и его единомышленникамъ, не считаетъ «государство» полнымъ выраженіемъ «общества». а потому требуетъ, чтобы за жизнью народною историкъ слѣдилъ не въ однихъ только правительственныхъ или административныхъ формахъ ея бытія, но и во всѣхъ остальныхъ, во всемъ, гдѣ бы ни проявилось это бытіе. Историческую школу Бестужевъ считалъ для своего времени уже устарѣвшею; себя же онъ причислялъ къ новому направленію, «только-что (въ 1860 г.) появляющемуся», и которое «идетъ не отъ общей мысли къ факту, но отъ факта къ общей мысли». Та школа сдѣлала свое дѣло: она установила тѣсную связь между реформами Петра и предшествующимъ имъ временемъ, ввела въ оборотъ научной мысли принципъ органическаго развитія—двѣ заслуги чрезвычайно важныя; но теперь русской исторіи предстоитъ другая высокая задача: выяснить элементы нашего народнаго быта и нашего народнаго характера. Вслѣдствіи этого, на первый планъ выступаетъ изученіе повѣрій, преданій и поэтическихъ произведеній народныхъ, вообще всего того, въ чемъ выражается воззрѣніе народа на природу, человѣка и силы, управляющія

---

[1]) См. «Сѣв. Вѣст.» 1897 г., № 6.

природою и человѣкомъ. «Народная поэзія должна лечь во главѣ угла при изученіи исторіи народа, ибо въ ней хранится ключъ къ пониманію всѣхъ событій и всѣхъ переворотовъ этой исторіи». Объектъ, подлежащій изученію историка, нѣчто болѣе сложное, чѣмъ это кажется многимъ, и ошибочно полагать, будто русскій народъ есть какая-то однородная масса.

Вотъ почему, горячо полемизируя съ Дмитріевымъ на тему—выразилась ли творческая сила русскаго народа по преимуществу въ созданіи государства или въ чемъ иномъ, съ увлеченіемъ возражая противъ его взгляда на Московское государство, какъ на логически-необходимую форму русской жизни, какъ на ея прямой и естественный результатъ, и вообще возставая противъ оцѣнки всѣхъ явленій русской жизни мѣриломъ отношеній каждаго изъ нихъ къ Московскому государству, точно такъ же съ неменьшимъ убѣжденіемъ и страстностью высказываясь противъ Б. Н. Чичерина и его теоріи государственной централизаціи,—Бестужевъ въ то же время съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчаетъ появленіе журнала «Основа», задавшагося цѣлью изучать *бытъ*, *языкъ*, исторію и *нравы* южной Руси, съ чувствомъ удовлетворенія привѣтствуетъ «замѣчательную» статью Костомарова: «мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси». Въ ней видитъ онъ «лучшій примѣръ того, къ какимъ удачнымъ результатамъ можетъ вести изученіе исторіи съ точки зрѣнія народной».

Вскрыть изъ подъ видимаго однообразія русской провинціальной жизни отдѣльныя этнографическія и географическія единицы—земли,—«вотъ задача вполнѣ достойная историка». «Въ глубинѣ народной жизни, въ той массѣ, которая свято хранитъ обычаи и преданіе предковъ, живетъ нѣсколько разнообразныхъ типовъ, происхожденіе которыхъ едва-ли не восходитъ къ доисторической древности. Доискаться до самаго источника этихъ типовъ, возстановить въ наукѣ всю ихъ судьбу—вотъ великая задача историка, къ осуществленію которой стремятся вновь создаваемыя науки: физіологія общества и психологія народовъ—великія науки, самые контуры которыхъ еще неясно представляются нашему воображенію. Братья Гриммы, Бокль и Риль—вотъ вожди на этомъ новомъ, неизвѣданномъ еще поприщѣ». Съ этой точки зрѣнія Бестужевъ ставитъ очень высоко «мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси». Статья эта, говоритъ онъ, «ставитъ самый капитальный вопросъ исторіи древней Руси совершенно новымъ образомъ. Дальнѣйшія изслѣдованія могутъ много разъяснить въ ней; полная исторія Россіи въ періодъ дотатарскій можетъ открыть новыя черты, придать образъ и краски ея контурамъ; но мысль ея глубоко вѣрна: подтвержденіемъ этой мысли служатъ тѣ этнографическія особенности, которыя до сихъ поръ еще существуютъ; подтвержденіемъ ей служатъ лѣтописныя свидѣтельства; внутренняя правда ея открыта простому здравому смыслу».

Переходя затѣмъ непосредственно къ вопросу объ исторіи, какъ наукѣ, Бестужевъ находитъ, что задачи ея весьма усложнились за послѣднее время: «чѣмъ сложнѣе дѣлается жизнь, тѣмъ съ большимъ количествомъ вопросовъ приступаетъ она къ прошедшему, тѣмъ настоятельнѣе необходимость отвѣта со стороны науки на всѣ эти вопросы». Отъ прежнихъ историковъ «требовалось только картиннаго изображенія жизни царей и героевъ, великихъ торжествъ и великихъ бѣдствій; ихъ творенія назначены были служить «священною книгою царей и народовъ», собраніемъ поучительныхъ примѣровъ; цѣль ихъ была изобразить страсти, бѣдствія и радости, свойственныя всѣмъ людямъ, безъ различія вѣковъ и народовъ»; нынче же отъ исторіи ждутъ «полнаго разъясненія нашего прошлаго, анализа тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось то или другое общество, разгадки причинъ преобладанія того или другаго изъ этихъ элементовъ».

Такимъ образомъ на первый планъ выступаетъ не *фактъ*, а *физіологія* и даже *патологія общества*; не отдѣльныя личности злодѣевъ или героевъ, а одно общее нравственное лицо: общество. «Законы, по которымъ живетъ это нравственное лицо въ общей своей сложности, въ абстрактной формулѣ, вѣроятно, такъ же просты, какъ и физическіе законы естества; но въ этомъ общемъ видѣ мы ихъ не знаемъ; передъ нашими глазами они являются въ многообразіи личностей и народностей, въ многоразличныхъ видоизмѣненіяхъ, обусловливаемыхъ мѣстными физическими причинами. Вслѣдствіи всѣхъ этихъ причинъ, общій ходъ исторіи мы знаемъ только гадательно, только стремимся узнать его. Всѣ приложенія философіи исторіи, которыя дѣлались до-сихъ-поръ, въ сущности преждевременны и болѣе или менѣе произвольны: неполное знаніе ведетъ къ обобщенію случайнаго, къ поставленію во главу угла временнаго, къ прославленію того, что было гибельно и т. д. Величайшій мыслитель всѣхъ вѣковъ, Аристотель, желая понять политическое строеніе обществъ, началъ съ описанія всѣхъ формъ правленія, которыя существовали въ его время. Собрать какъ можно болѣе фактовъ, осмыслить ихъ однимъ другимъ и только тогда выводить общія заключенія—вотъ методъ, который рекомендуетъ Бокль; но мы далеки еще отъ того времени, когда исполнятся ожиданія англійскаго историка».

Но доискиваясь законовъ, управляющихъ обществомъ, не слѣдуетъ забывать, что значеніе личности въ общемъ ходѣ событій очень большое, такъ какъ законы развитія человѣчества лишь формулы отношеній между различными элементами этого развитія, личность-же—элементъ одинъ изъ важнѣйшихъ. Вслѣдствіе этого ходъ развитія идетъ не прямолинейно, а «прихотливыми извивами, то стремясь впередъ, то уклоняясь въ сторону, то возвращаясь назадъ, то отклоняясь вовсе отъ цѣли, или останавливаясь на извѣстной ступени. Еслибъ законы развитія были

нѣчто постоянное, непреложное, заранѣе-опредѣленное, тогда бы узнать ихъ было гораздо легче и легче было бы прослѣдить ихъ вліяніе на жизнь; тогда бы знали, что вотъ въ такую-то эпоху родится такой-то человѣкъ и сдѣлаетъ то и то». Такимъ образомъ «первое условіе для историка нашего времени — понять общее въ частномъ, подглядѣть законы развитія общества въ сталкивающихся и переплетающихся случайностяхъ».

Но ея выполненіе крайне трудно: «только многостороннее обслѣдованіе разныхъ сторонъ жизни, только сопоставленіе множества одинаковыхъ, нерѣдко самыхъ мелкихъ фактовъ даетъ право историку на общіе выводы. Замѣтимъ, притомъ, что этимъ общимъ выводамъ должны еще предшествовать частные, второстепенные выводы по каждой изъ сферъ жизни въ отдѣльности». Вообще «историкъ не долженъ оставаться чуждымъ ни общему движенію жизни, ни общему движенію науки: для Грановскаго листокъ газеты, говоритъ одинъ изъ его некрологовъ, былъ такъ же любопытенъ, какъ и листокъ лѣтописи. Тотъ же Грановскій, какъ мы знаемъ изъ его «Рѣчи», изъ перевода статьи Мильнъ-Эдварса, не былъ чуждъ начавшемуся движенію въ естественныхъ наукахъ. Бокль, геніальнѣйшій историкъ нашего времени, знаетъ такъ много, что его познанія приводятъ въ изумленіе всѣхъ читавшихъ его книгу... Чѣмъ шире понимаетъ историкъ современность, тѣмъ шире понимаетъ и прошедшее». Каждый періодъ жизни народной кладетъ свой особый отпечатокъ на исторію, заявляетъ отъ нея свои требованія.

Въ наше время считается необходимымъ въ наукахъ общественныхъ изучать «существенныя условія быта страны и ея народныя особенности—вообще изучать общество въ его дѣйствительномъ состояніи». Тотъ же самый методъ, тѣ же самыя требованія историкъ вноситъ въ прошедшее. Здѣсь, разумѣется, картина его не будетъ такъ же полна, какъ можетъ быть полна картина современности, но тѣмъ не менѣе онъ долженъ по возможности уяснить все, что встрѣтитъ на пути своемъ. Слѣдуя по этому пути, онъ не въ правѣ пренебрегать чѣмъ-либо: литературный памятникъ нерѣдко даетъ ему такой-же матеріалъ, какъ и страница лѣтописи; фактъ изъ современной этнографіи прольетъ неожиданный свѣтъ на прошлое; выводъ современной экономической науки объяснитъ многое въ экономическомъ состояніи отдаленныхъ вѣковъ, которое, въ свою очередь, объяснитъ политическія событія того времени. Все связано въ мірѣ; только надо умѣть поймать и уловить эту связь. Не подчинять общаго движенія произвольнымъ законамъ, а искать частныхъ соотношеній долженъ на первый разъ историкъ. Только отъ этихъ частныхъ выводовъ можетъ онъ возвыситься до общихъ. Отвергать теорію, какъ теорію нельзя, но всякая теорія есть выводъ изъ извѣстнаго рода фактовъ и потому старѣется, когда окажется, что есть

стороны, ею необнимаемыя или на которыя она проливаетъ ложный свѣтъ. Чѣмъ шире становится содержаніе науки, тѣмъ труднѣе совмѣстить все это содержаніе въ одну теорію, тѣмъ легче и скорѣе старѣются и ветшаютъ разныя теоріи, которыя такъ недавно еще дивили своею величавостью. Благо тому ученію, которое съумѣло въ большей своей части держаться на прочной фактической основѣ: отъ него всегда останется что-нибудь.

Фактическій матеріалъ предварительно долженъ быть достаточно накопленъ, провѣренъ, сгруппированъ и всесторонне обслѣдованъ; до тѣхъ же поръ «общіе выводы должны быть какъ-можно скромнѣе: философская дѣятельность можетъ ограничиваться только частными результатами или полемическимъ отношеніемъ къ существующимъ мнѣніямъ. Итакъ, первое требованіе отъ исторіографіи, которое совершенно необходимо при настоящемъ состояніи науки, вообще, оказывается пока еще совершенно непримѣнимымъ. Вслѣдствіе чего самое существованіе исторіи, какъ науки, какъ полнаго цѣлаго, является только желательнымъ. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, всякое догматическое изложеніе исторіи неумѣстно въ наше время: оно явилось или слишкомъ-рано или слишкомъ-поздно».

Второе, необходимое для историка условіе—знаніе практической жизни. «Самые великіе историки тѣ, которые много видѣли, во многомъ принимали участіе. Таковы, не говоря о Ѳукидидѣ, Гротъ, Маколей, Нибуръ, наконецъ, Гизо. Только практическая жизнь даетъ вѣрный тактъ для пониманія прошлаго, которое неразрывными узами связано съ настоящимъ. Вотъ почему великіе историки такъ любятъ подъискивать аналогическія явленія въ настоящемъ или прошедшемъ. Конечно, аналогія иногда освѣщаетъ вопросъ ложнымъ свѣтомъ, но иногда помогаетъ попасть на истину. Извѣстно, какъ случай навелъ Нибура на пониманіе аграрныхъ законовъ. Если даже для событій отдаленныхъ эпохъ и отдаленныхъ странъ нельзя ограничиваться однимъ кабинетнымъ изученіемъ письменныхъ памятниковъ, то тѣмъ менѣе возможно подобное изученіе въ исторіи своей страны, прошедшее которой живо въ настоящемъ не только въ общихъ чертахъ, но нерѣдко и въ подробностяхъ. Современные этнографическіе очерки, какъ ни мало большая часть ихъ соотвѣтствуетъ требованіямъ науки, нерѣдко объясняютъ многое въ давнопрошедшемъ; ибо въ народѣ живо не только воспоминаніе событій и лицъ временъ минувшихъ, но иногда цѣлы слѣды погибшихъ учрежденій и живы вѣрованія, идущія отъ глубокой древности. Какъ ни искажены эти слѣды, но опытный глазъ историка отличитъ въ нихъ примѣсь отъ первоначальной основы, и не только основа, но даже и примѣсь могутъ повести его къ важнымъ заключеніямъ. Вотъ гдѣ бытовая исторія вступаетъ во всѣ свои права, вотъ ея непосредственная область! Здѣсь ея точка соприкосновенія съ исторіею политической».

Это—*научныя* требованія отъ современной исторіи. Но для того, чтобы стать историкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, необходимо быть вмѣстѣ съ тѣмъ *художникомъ.* «Въ сущности это условіе рѣже всего исполняется въ дѣйствительности: рѣдкому дано, какъ Маколею, соединить глубокія свѣдѣнія, практическую ясность ума и громадный талантъ. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣньѣ представить эпоху «живо и образно», нарисовать полную картину и равномѣрно распредѣлить на ней свѣтъ и тѣни; а «для этой цѣли надо прежде всего обладать творческимъ талантомъ Вальтера-Скотта и умѣть проникнуть въ духъ и направленіе эпохи».

Таковы двоякія требованія отъ исторіи въ наше время, неизбѣжныя по двоякому характеру исторіи, которая соединяетъ въ себѣ науку и искусство, говоритъ Бестужевъ. Удовлетворить тѣмъ или другимъ требованіямъ въ настоящее время чрезвычайно трудно; удовлетворить-же обоимъ вмѣстѣ положительно невозможно. Вотъ почему историческія сочиненія принимаютъ одинъ изъ двухъ характеровъ: или научный, или художественный; но тѣмъ не менѣе присутствіе другого элемента, хотя и на второмъ планѣ, совершенно необходимо. Какъ непонятно намъ историческое сочиненіе въ духѣ бенедиктинцевъ, такъ-же невозможно и литературное произведеніе въ родѣ аббата Верто. Стремленіе слить обѣ формы становится все сильнѣе и сильнѣе; требованіе художественности отъ каждаго историческаго труда все болѣе и болѣе настойчиво. Причина этого явленія проста и понятна: просвѣщеніе такъ распространено въ наше время (мы говоримъ сравнительно), что кругъ читателей чрезвычайно обширенъ и большинство, конечно, не спеціалисты. Стало быть, то, что нужно для спеціалистовъ, неудовлетворительно для этого большинства, которое, однако, имѣетъ полное право требовать удовлетворенія своей любознательности, часто даже больше, чѣмъ любознательности, ибо вопросы, занимающіе историка, всѣ имѣютъ близкую и тѣсную связь съ жизнью дѣйствительною.

Таково положеніе историка въ Европѣ; положеніе его у насъ еще затруднительнѣе: тамъ, по крайней мѣрѣ, трудъ зодчаго облегчается предварительными мелкими, копотливыми работами надъ матеріаломъ, который частью изданъ, частью издается, объясняется и т. д. У насъ этихъ предварительныхъ работъ почти не существуетъ; у насъ каждый долженъ начинать работу сначала: хоть и есть изданіе памятниковъ, но далеко не всѣ они удовлетворяютъ самымъ первымъ требованіямъ исторической критики; при очень немногихъ мы находимъ введенія, знакомящія съ ихъ содержаніемъ и значеніемъ; критическіе разборы памятниковъ извѣстны всѣ наперечетъ—такъ ихъ мало. Есть замѣтки о лѣтописяхъ, преимущественно о Несторовой, о которой написана цѣлая библіотека, но которая до сихъ поръ не объяснена вполнѣ. Всѣ эти замѣтки не

только не приведены въ связь, но еще до сихъ поръ не подкрѣплены достаточнымъ количествомъ доказательствъ... Далѣе у насъ есть вопросы совершенно нетронутые и есть вопросы, о которыхъ написаны цѣлыя библіотеки; потомъ въ разныхъ журналахъ, сборникахъ, спеціальныхъ сочиненіяхъ разбросано множество замѣтокъ важныхъ и неважныхъ, дѣльныхъ и пустыхъ; все это не только не оцѣнено критически, но и не приведено въ извѣстность. Человѣкъ, начинающій знакомиться съ русскою исторіею, если онъ не имѣлъ счастья войти въ близкія отношенія съ какимъ-нибудь спеціалистомъ, посвятившимъ много лѣтъ изученію библіографіи своего предмета, бродитъ долго, какъ въ темномъ лѣсу. Оттого у насъ являются только спеціалисты по отдѣльнымъ вопросамъ, или люди, обладающіе общимъ взглядомъ, нерѣдко лишеннымъ всякаго положительнаго содержанія. Оттого намъ часто случается слышать такія мнѣнія, которыя были-бы невозможны при болѣе нормальномъ состояніи литературы. Иногда вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднимаются вопросы старые, забытые и совершенно безполезные, каковъ, напримѣръ, знаменитый вопросъ о варягахъ. При такомъ состояніи науки всего полезнѣе было-бы критическое изложеніе русской исторіи, то-есть оцѣнка всѣхъ извѣстій лѣтописныхъ, всѣхъ оставшихся памятниковъ и, наконецъ, повѣрка всѣхъ ходячихъ мнѣній. Трудъ тяжелый, невидный и на первый взглядъ неблагодарный, можетъ быть, даже превышающій силы одного человѣка, но трудъ положительно необходимый, безъ котораго русская исторія созидается на пескѣ. «Всякая попытка догматическаго изложенія русской исторіи не въ формѣ учебника, или небольшой популярной книги (какой еще, къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ) не радуетъ, а скорѣе печалитъ насъ, ибо прибавляетъ новое мнѣніе къ массѣ непровѣренныхъ, несведенныхъ ни къ чему общему, мнѣній, прибавляется еще взглядъ на весь ходъ русской жизни ко множеству взглядовъ, оказавшихся ни на чемъ не основанными, ни къ чему не приложимыми».

Этихъ взглядовъ Бестужевъ держался въ теченіе всей своей научной дѣятельности. Вступительная лекція его въ Петербургскомъ университетѣ была посвящена именно доказательству необходимости исторіи научно-критической, гдѣ воспроизведенію прошлаго предшествуетъ строгое и внимательное изученіе источниковъ, разборъ чужихъ, особенно спорныхъ мнѣній.

Какъ ни заманчива, говоритъ онъ, исторія *художественная* сама по себѣ, но цѣнность ея все-же обусловлена предварительною критикою. Кромѣ того, исключительно художественное представленіе исторіи ставитъ на первый планъ изображеніе характеровъ, событій и фактовъ переходящихъ, такъ сказать, внѣшнихъ, и относитъ на второй планъ болѣе постоянныя явленія, каковы: учрежденія, вѣрованія, бытъ. Что касается до исторіи *субъективной*, то она умѣстна была въ ту пору, когда объяс-

ненія событій искали въ личной волѣ, въ случайностяхъ и не сознавали ни исторической преемственности, ни присутствія въ каждой эпохѣ отличительныхъ чертъ, ей только и присущихъ. Наконецъ, *философскую* исторію писать еще рано. Можно-ли заключить все движеніе историческое въ немногія формулы, найти верховное начало, изъ котораго истекали-бы всѣ эти формулы, заранѣе опредѣлить все будущее развитіе,— когда открытія въ области знанія постоянно указываютъ намъ на новые міры исторической жизни и дѣлаютъ крайне шаткими выводы, сдѣланные до изученія фактовъ?..

Вотъ почему въ основу изученія прошлаго Бестужевъ считалъ необходимымъ положить *научную критику*. Этому положенію онъ остался вѣренъ навсегда, одинаково, какъ на каѳедрѣ, такъ и въ работахъ литературныхъ.

Е. Шмурло.

Джудъ неудачникъ.

Романъ **Томаса Гарди.**

Переводъ съ англійскаго **И. Майнова.**

III.

Скорбная исповѣдь Сусанны всю ночь терзала Джуда.

На слѣдующее утро, когда настало ей время уѣзжать, сосѣди видѣли, какъ она шла со своимъ спутникомъ по тропинкѣ, выходившей на большую дорогу въ Ольфредстонъ. Черезъ часъ онъ возвращался той же самой тропинкой, и лицо его горѣло возбужденіемъ и рѣшимостью. Онъ былъ подъ впечатлѣніемъ только что испытаннаго.

Когда они собирались разстаться на безлюдной большой дорогѣ, между ними опять возникли препирательства на тему о допустимой между ними фамильярности по поводу желанія Джуда поцѣловать ее на прощаніе. Только послѣ долгихъ споровъ, дошедшихъ почти до ссоры, Сусанна уступила ему, наконецъ, и они, крѣпко обнявшись, поцѣловались. Послѣ этого у Сусанны разгорѣлись щеки, а у Джуда сильно стучало сердце.

Этотъ поцѣлуй, какъ оказалось, произвелъ поворотъ въ судьбѣ Джуда. Доводы Сусанны подѣйствовали на него. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя преслѣдовать двѣ противоположныя, одна другую исключающія цѣли: нельзя готовиться къ высокому пастырскому служенію и проповѣди христіанской морали, если онъ самъ такъ далекъ отъ нравственной зрѣлости, что мірскіе помыслы и искушенія оказываютъ неотразимое вліяніе на его душу. Это убѣжденіе заставило его разъ навсегда примириться съ мыслью, что онъ совершенно недостоинъ быть служителемъ алтаря и покончить съ мечтами о неподходящей для него карьерѣ.

Въ тотъ же самый вечеръ, въ сумерки, онъ вышелъ въ садъ и, остановившись у одной небольшой ямы, свалилъ туда свои богословскіе и философскіе трактаты и брошюры, чтобы безжалостно сжечь ихъ. Весь этотъ книжный ворохъ дружно загорѣлся, освѣтивъ заднюю сторону дома, свиной хлѣвъ и его собственное лицо. Случайные прохожіе наивно принимали это ауто-да-фе за сожженіе ничего не стоющаго хлама, накопившагося за долгое время у его покойной тетушки. Покончивъ такимъ образомъ съ своими мечтами, Джудъ умиротворилъ свою совѣсть въ страстной любви къ Сусаннѣ. Онъ могъ теперь поступать, какъ обыкновенный грѣшникъ.

Между тѣмъ Сусанна, разставшись съ нимъ рано утромъ, шла по направленію къ станціи, со слезами на глазахъ; ее мучила совѣсть. Зачѣмъ она легкомысленно дала поцѣловать себя?.. «Я оказалась слишкомъ уступчивой!» упрекала она себя дорогой. «Его поцѣлуй жегъ, какъ поцѣлуй любовника, да! Я больше не буду писать ему никогда или, по крайней мѣрѣ, долгое время, чтобъ дать ему почувствовать мое достоинство! Воображаю, какъ онъ встревожится, ожидая моего письма завтра, и на слѣдующій день, и еще на слѣдующій... Онъ будетъ терзаться всевозможными догадками, — не бѣда? — я буду даже очень рада этому»...—И слезы жалости къ предстоящимъ терзаніямъ Джуда смѣшивались у нея со слезами жалости къ самой себѣ.

И вотъ эта худенькая, миніатюрная женщина, ненавидѣвшая мужа, эфирная, слабонервная и слабосильная и по характеру и по вкусамъ, совершенно неспособная къ исполненію условій супружеской жизни съ Филлотсономъ и, вѣроятно, со всякимъ другимъ мужчиной, порывисто шла впередъ, волнуясь, задыхаясь, несказанно мучась.

Филлотсонъ встрѣтилъ жену на вокзалѣ, и, увидѣвъ ее такой разстроенной, объяснилъ это тяжелыми впечатлѣніями отъ кончины тетки и похоронъ. Онъ началъ разсказывать ей о своихъ дѣлахъ, а также о посѣщеніи пріятеля его, Джиллингама, сосѣдняго школьнаго учителя, котораго онъ не видалъ уже много лѣтъ. Когда, войдя въ городъ, они сѣли на имперіалъ омнибуса, Сусанна вдругъ сказала, какъ бы не жалѣя себя:

— Ричардъ,—я позволила м-ру Фолэ держать мою руку и хочу знать, не считаешь-ли ты это предосудительнымъ?

Филлотсонъ, видимо очнувшись отъ мыслей совершенно другого порядка, отвѣтилъ разсѣянно:

— А, вотъ какъ! Зачѣмъ же ты это сдѣлала?

— Сама не знаю. Онъ просилъ, и я дала ему руку.

— Значитъ, это было пріятно ему и, вѣроятно, случилось уже не въ первый разъ.

Они продолжали путь въ молчаніи. О поцѣлуѣ Сусанна почему-то не упомянула.

Послѣ чаю Филлотсонъ провелъ вечеръ за разными школьными счетами. Сусанна оставалась все время необычайно тихой и, наконецъ, сказавъ, что сильно устала, рано ушла спать. Когда Филлотсонъ пришелъ въ спальню, утомленный своей кропотливой работой, было уже начало двѣнадцатаго. Войдя въ спальню, изъ которой днемъ открывался безпредѣльный видъ на Блекмурскую долину, онъ подошелъ къ окну и, прислонившись къ рамѣ, неподвижно глядѣлъ въ таинственную тьму, застилавшую теперь обширный ландшафтъ. Онъ о чемъ-то раздумывалъ.—Кажется,—заговорилъ онъ наконецъ, не оборачивая головы, — придется просить комитетъ смѣнить поставщика писчебумажныхъ принадлежностей. Тетради этотъ разъ прислали всѣ бракованныя.—Отвѣта не было. Думая, что Сусанна задремала, онъ продолжалъ:—Надо исправить также проклятый вентиляторъ въ классѣ, а то сквознякъ немилосердный и дуетъ мнѣ прямо въ голову, отчего я и простудилъ високъ.—Продолжавшаяся мертвая тишина заставила его, наконецъ, обернуться.

— Сусанна!—окликнулъ онъ.

Но ея не было въ постели, хотя она видимо уже ложилась, такъ какъ одѣяло съ ея стороны было откинуто. Думая, что она пошла зачѣмъ-нибудь въ кухню и сейчасъ вернется, онъ снялъ сюртукъ и спокойно поджидалъ ее, но, потерявъ наконецъ терпѣніе, вышелъ въ сѣни и опять сталъ звать Сусанну.

— Здѣсь!—отвѣтилъ ему знакомый голосъ снизу.

— Что тебѣ вздумалось возиться въ кухнѣ въ полночь и изъ-за пустяковъ утомлять себя!

— Да мнѣ не хочется спать. Я читаю. Здѣсь лампа свѣтлѣе.

Филлотсонъ улегся въ постель, но ночью нѣсколько разъ просыпался. Сусанны все не было Онъ зажегъ свѣчу, поспѣшно вышелъ въ сѣни и опять позвалъ жену.

Она откликнулась, только звукъ ея голоса былъ глухой, и мужъ сначала никакъ не могъ разобрать, откуда онъ слышался. Подъ лѣстницей былъ просторный темный чуланъ для платья. Голосъ доносился какъ будто оттуда. Дверь его была затворена, но никакого запора не было. Филлотсонъ въ безпокойствѣ подошелъ къ двери, удивляясь, чѣмъ это вдругъ такъ разстроилась его жена.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Я осталась здѣсь, чтобы не безпокоить тебя въ такой поздній часъ.

— Да здѣсь же нѣтъ постели. И душно ужасно. Вѣдь ты задохнешься здѣсь, если просидишь до утра.

— О нѣтъ, это пустяки. Ты обо мнѣ не безпокойся.

Филлотсонъ взялся за ручку и толкнулъ дверь, завязанную Сусанной извнутри веревкою, лопнувшей при его напорѣ. Взамѣнъ по-

стели, она наложила разной рухляди и сдѣлала для себя тѣсное гнѣздышко въ этомъ неудобномъ чуланѣ. При входѣ мужа она вскочила, вздрогнувъ, съ своего непригляднаго ложа.

— Зачѣмъ ты насильно отворилъ дверь?—протестовала она, въ раздраженіи.—Это неприлично съ твоей стороны. Уходи, ради Бога.

Она казалась такою жалкой и безпомощной въ своемъ бѣломъ ночномъ капотѣ, въ этой темной норѣ, заваленной всякимъ хламомъ, что на нее больно было смотрѣть. Она продолжала упрашивать Филлотсона оставить ее въ покоѣ.

— Я былъ деликатенъ съ тобой,—отвѣчалъ на это Филлотсонъ,—давъ тебѣ полную свободу, и потому ужасно нелѣпо съ твоей стороны напускать на себя такую блажь.

— Да,—сказала она рыдая,—я это знаю! Можетъ быть, это моя вина, мой грѣхъ! мнѣ это очень прискорбно. Но не одна-же я заслуживаю осужденія, коли такъ!

— Кто-же, по твоему—я что-ли?

— Нѣтъ, я не знаю кто! Мнѣ кажется, весь міръ, а главное житейскія условія, возмущающія меня своею мерзостью и жестокостью.

— Теперь ужъ безполезно толковать объ этомъ. Лучше подумай, можно-ли такъ позорить мужнинъ домъ? Вѣдь Элиза (онъ разумѣлъ служанку) все можетъ слышать. Я ненавижу такія эксцентричности, Сусанна. Въ твоихъ чувствахъ отсутствуетъ всякая выдержка и равновѣсіе. Я не желаю вмѣшиваться въ твое душевное состояніе, только совѣтую тебѣ не затворять эту дверь слишкомъ плотно, иначе я найду тебя задохнувшейся на утро.

Вставъ на другой день, злополучный мужъ первымъ долгомъ заглянулъ въ чуланъ, но Сусанна вышла уже оттуда. Оставалось только гнѣздышко, гдѣ она лежала, и качавшійся надъ нимъ паукъ въ паутинѣ.

«Каково-же должно быть отвращеніе этой женщины къ мужу, если оно сильнѣе ея отвращенія къ пауку?»—подумалъ онъ съ горечью.

Онъ нашелъ ее въ столовой за завтракомъ, и они приступили къ нему, почти не нарушая молчанія, а проходившіе мимо оконъ обыватели привѣтливо здоровались со счастливой парочкой.

— Ричардъ,—обратилась она вдругъ къ мужу,—позволь мнѣ жить отдѣльно отъ тебя.

— Отдѣльно отъ меня? То-есть такъ, какъ ты жила до замужества? Ради чего-же было въ такомъ случаѣ выходить замужъ?

— Свадьба наша состоялась потому, что мнѣ больше ничего не оставалось. Помнишь, вѣдь ты получилъ мое обѣщаніе задолго до женитьбы. Потомъ, съ теченіемъ времени, я пожалѣла, что обѣщала тебѣ руку, и придумывала приличный способъ нарушить свое слово. Но такъ-какъ это оказалось невозможнымъ, то я отнеслась съ полнымъ

равнодушіемъ къ нашему соглашенію. Затѣмъ, тебѣ извѣстно, пошла глупая молва, имѣвшая послѣдствіемъ мое исключеніе изъ высшей школы, въ которую я поступила благодаря твоей подготовкѣ и заботамъ. Эти пересуды испугали меня, и мнѣ казалось, что остается одно, это—осуществить нашъ планъ. Сказать правду — кому другому, а ужъ только не мнѣ было смущаться пересудами, на которые я никогда не обращала вниманія. Но я была малодушна—подобно многимъ женщинамъ, и моя брачная теорія рушилась. Не вмѣшайся въ дѣло школьный эпизодъ, лучше было-бы сразу нанести ударъ твоимъ чувствамъ, нежели вступить съ тобою въ бракъ и терзать тебя всю послѣдующую жизнь. И ты былъ такъ благороденъ, что никогда не давалъ вѣры этой недостойной молвѣ!

— Въ силу той-же порядочности я обязанъ сказать тебѣ, что я провѣрялъ ея правдоподобность и спрашивалъ твоего кузена...

— Вотъ какъ! Это дѣлаетъ тебѣ честь!—воскликнула она съ безпокойнымъ удивленіемъ.

— Я, впрочемъ, не сомнѣвался въ тебѣ.

Сусанна готова была расплакаться. «*Онъ* не сталъ-бы разспрашивать!» — подумала она.

— Но ты мнѣ еще не отвѣтилъ. Отпустишь-ли ты меня? Обращаясь къ тебѣ съ этой просьбой, я понимаю всю ея нелегальность. Но я все-таки настаиваю на ней. Семейные уставы должны принаравливаться къ характерамъ. Если супруги вообще различаются своею индивидуальностью, однимъ изъ нихъ приходится страдать отъ тѣхъ самыхъ уставовъ, съ которыми такъ удобно живется другимъ!.. Ну что-же, отпустишь ты меня?

— Но вѣдь мы вступили въ брачный союзъ...

— Что толку разсуждать о союзахъ,—запальчиво возразила Сусанна,—если они дѣлаютъ человѣка несчастнымъ, хотя онъ не сознаетъ за собою никакой вины!

— Но ты виновата уже тѣмъ, что не любишь меня.

— Нѣтъ, люблю... Но, мнѣ кажется, это не мѣняетъ дѣла. Я считаю всякую совмѣстную жизнь мужчины съ женщиной прелюбодѣйствомъ, при всякихъ условіяхъ, даже легальныхъ. Вотъ мой взглядъ на супружескія отношенія!.. Что-же, отпустишь ты меня, Ричардъ?

— Ты терзаешь меня, Сусанна.

— Почему мы не можемъ согласиться избавить себя другъ отъ друга? Мы вступили въ союзъ, и, понятно, мы-же вольны разрушить его—положимъ, не легально,—но хоть въ нравственномъ смыслѣ, и тѣмъ легче, что нашъ бракъ не усложнился дѣтьми, съ которыми пришлось-бы считаться. Потомъ мы могли-бы быть друзьями и встрѣчаться безъ всякихъ упрековъ. О, Ричардъ, будь моимъ другомъ и

пожалѣй меня! Мы можемъ оба умереть черезъ нѣсколько лѣтъ, — и кому какое дѣло, что ты избавилъ меня на остатокъ моей жизни отъ невыносимаго стѣсненія? Я знаю, что ты считаешь меня эксцентричной, экзальтированной, словомъ, какимъ-то чудовищнымъ существомъ. Пусть такъ. Но почему-же я должна страдать за тѣ недостатки, съ которыми родилась, разъ они не вредятъ другимъ?

— Нѣтъ вредятъ—вредятъ мнѣ! Ты дала клятву любить меня.

— Совершенно вѣрно, и въ этомъ моя вина. Я всегда виновата!

— Ты думаешь, кончивъ совмѣстную жизнь со мною, жить одиноко?

— Пожалуй—да, если ты настаиваешь на этомъ. Но я намѣревалась жить съ Джудомъ.

— Въ качествѣ его жены?

— Ужъ это какъ мнѣ заблагоразсудится.

Филлотсона передернуло.

Сусанна продолжала:

— Позволь напомнить тебѣ авторитетныя слова Дж. Ст. Милля, которыми я руководствуюсь...

— Какое мнѣ дѣло до твоего Милля!—простоналъ Филлотсонъ.— Я желаю только жить спокойно. Помнишь высказанную мною догадку, что ты любила и любишь Джуда Фолэ!

— Можешь продолжать свои догадки сколько угодно, разъ ты уже началъ, но неужели ты воображаешь, что еслибъ я была съ нимъ въ интимныхъ отношеніяхъ, то стала-бы просить тебя отпустить меня жить къ нему?

Звонъ школьнаго колокола избавилъ Филлотсона отъ необходимости сейчасъ-же отвѣчать на фразу, вѣроятно не показавшуюся ему такимъ оправдательнымъ аргументомъ, какимъ, потерявъ самообладаніе, считала ее Сусанна.

Они отправились въ школу, какъ обыкновенно, и Сусанна вошла въ свой классъ, гдѣ, сквозь стеклянную перегородку онъ могъ видѣть ее, каждый разъ какъ оборачивался въ ту сторону. Когда онъ началъ объяснять урокъ, его лобъ и брови морщились отъ усиленнаго напряженія мыслей. Чтобы дать имъ исходъ, онъ оторвалъ клочекъ бумаги и написалъ:

«Твоя просьба рѣшительно не даетъ мнѣ заниматься дѣломъ, и я самъ не понимаю, что говорю. Серьезно-ли ты высказала мнѣ свое желаніе»?

Онъ сложилъ записочку и отдалъ одному мальчику отнести ее къ Сусаннѣ. Филлотсонъ видѣлъ, какъ жена его обернулась и взяла записку, какъ склонила прелестную головку при чтеніи, стараясь не выдать своихъ чувствъ подъ перекрестнымъ огнемъ множества дѣтскихъ глазъ. Мальчикъ вернулся, не принеся никакого отвѣта. Но вскорѣ одна изъ ученицъ Сусанны явилась съ маленькой записочкой въ рукахъ. Въ ней было всего нѣсколько словъ:

«Съ грустнымъ чувствомъ должна признаться, что просьба была высказана серьезно».

Филлотсонъ видимо встревожился еще больше. Онъ тотчасъ-же отослалъ отвѣтъ:

«Богу извѣстно, что я отнюдь не желаю чѣмъ-либо стѣснять тебя. Мое единственное желаніе предоставить тебѣ спокойствіе и счастіе. Но я не могу согласиться съ твоимъ нелѣпымъ желаніемъ уйти жить къ любовнику. Ты потеряешь уваженіе всѣхъ порядочныхъ людей и въ томъ числѣ мое!»

Послѣ небольшого промежутка, доставлена была новая записочка отъ Сусанны:

«Знаю, что ты желаешь мнѣ добра, но я не нуждаюсь ни въ чьемъ уваженіи. Мои убѣжденія могутъ быть низки въ твоихъ глазахъ, безнадежно низки! Но ужъ если ты не желаешь отпустить меня къ нему, то не позволишь-ли мнѣ жить хоть въ твоемъ домѣ отдѣльно отъ тебя?»

На это Филлотсонъ не прислалъ отвѣта.

Она написала еще:

«Я знаю твои мысли; все-таки прошу, умоляю тебя пожалѣть меня. Я не приставала-бы къ тебѣ такъ неотступно, еслибъ могла выносить такую жизнь. Я вѣдь не шучу—будь снисходителенъ ко мнѣ—хотя я и не была терпима къ тебѣ! Я уйду, уйду, сама не знаю куда—и никогда не потревожу твоего покоя».

Черезъ часъ былъ присланъ слѣдующій отвѣтъ:

«Я не желаю мучить тебя. Ты вѣрно поняла меня. Дай время подумать. Я готовъ согласиться на твою послѣднюю просьбу».

Все утро Филлотсонъ не сводилъ глазъ съ Сусанны чрезъ стеклянную перегородку, чувствуя себя такимъ-же одинокимъ, какимъ былъ до знакомства съ ней. Но онъ не измѣнилъ добротѣ своей и согласился на ея отдѣльное житье въ домѣ. Сначала, когда они сошлись за обѣдомъ, Сусанна казалась болѣе спокойной, но ея угнетенное состояніе отразилось на ея нервахъ, разстроенныхъ до послѣдней степени. Она заговорила безсодержательно и туманно,—чтобы предупредить какой-либо опредѣленный дѣловой разговоръ.

IV.

Филлотсонъ, какъ это часто бывало, сидѣлъ нынче до поздней ночи, разбираясь въ матеріалахъ, по своимъ любимымъ римскимъ древностямъ, къ которымъ онъ снова почувствовалъ влеченіе. Съ этими занятіями онъ забылъ и время и мѣсто, и когда пошелъ спать, было уже почти два часа.

Его дѣло до того отвлекло его отъ живой дѣйствительности, что хотя спальная его была теперь на другой половинѣ дома, онъ безсо-

знательно прошелъ въ ихъ прежнюю общую спальную, предоставленную теперь въ исключительное владѣніе Сусанны. Онъ вошелъ и въ разсѣянности началъ раздѣваться.

Въ кровати послышался крикъ и быстрое движеніе. Не успѣвъ еще сообразить, куда попалъ, Филлотсонъ увидѣлъ, что Сусанна вскочила съ дикимъ взглядомъ, отпрянула отъ него къ окну, скрытому за пологомъ кровати, отворила его, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ догадаться, что у нея на умѣ, вскочила на подоконникъ и выпрыгнула на дворъ. Онъ слышалъ въ темнотѣ ея паденіе на землю. Филлотсонъ въ ужасѣ бросился съ лѣстницы и второпяхъ ушибся о перилы. Откинувъ тяжелую дверь, онъ выбѣжалъ на дворъ. Сусанна все еще лежала на землѣ. Филлотсонъ взялъ ее на руки, перенесъ въ сѣни, посадилъ на стулъ, и заботливо вглядывался въ нее, при раздувавшемся пламени свѣчи, поставленной имъ на сквозникѣ внизу лѣстницы.

Сусанна спрыгнула безъ особаго вреда. Она смотрѣла на него какъ-бы безсознательно и держалась за бокъ, чувствуя боль; потомъ встала, отвернувшись въ смущеніи отъ его пристальнаго взгляда.

— Слава Богу, ты не убилась... Ну что, не очень ушиблась?

Дѣло обошлось благополучно, благодаря низкому окну, и Сусанна чувствовала только легкую боль въ локтѣ и боку.

— Должно быть, я заснула,—начала она, все еще отворачивая отъ него блѣдное лицо,—я чего-то испугалась,—приснился страшный сонъ—мнѣ показалось, что я вижу тебя...

Она начала было вспоминать реальныя обстоятельства и умолкла.

Ея пелерина висѣла на двери, и злополучный Филлотсонъ накинулъ ее женѣ на плечи.—Не помочь-ли тебѣ подняться на лѣстницу?—спросилъ онъ угрюмо, ибо этотъ эпизодъ оставилъ въ немъ самое тягостное впечатлѣніе.

— Нѣтъ, благодарю тебя, Ричардъ. Я не очень ушиблась и могу войти сама.

— Тебѣ надо запирать свою дверь,—сказалъ онъ машинально, точно на урокѣ въ школѣ.—Тогда никто не можетъ проникнуть къ тебѣ, даже случайно.

— Я пробовала—она не запирается. У всѣхъ дверей замки попорчены.

Она подымалась на лѣстницу медленно, освѣщенная дрожавшимъ пламенемъ свѣчи. Филлотсонъ заперъ домовую дверь и, вспомнивъ, что его любимое дѣло не ждетъ ни при какихъ житейскихъ треволненіяхъ, пошелъ наверхъ въ свою одинокую комнату на другомъ концѣ корридора.

Никакихъ новыхъ приключеній у нихъ не было до слѣдующаго вечера, когда, по окончаніи классовъ, Филлотсонъ вышелъ изъ Чэстона, сказавъ, что къ чаю не будетъ, и не предупредивъ Сусанну, куда отправляется.

Дорóгой, удаляясь отъ города, онъ не разъ оглядывался на него, при сгущавшихся сумеркахъ. Издали смутно виднѣлся Чэстонъ съ мигавшими изъ оконъ огнями. Пройдя миль пять отъ мѣста, Филлотсонъ пришелъ въ Леддентонъ—маленькій городокъ съ какими-нибудь тремя тысячами жителей. Здѣсь онъ направился въ школу для мальчиковъ и позвонилъ у двери.

На вопросъ, дома-ли м-ръ Джиллингамъ, Филлотсонъ узналъ, что онъ только что ушелъ къ себѣ на квартиру, гдѣ и засталъ своего друга убирающимъ книги. При свѣтѣ лампы лицо Филлотсона казалось блѣднымъ и страдальческимъ сравнительно съ лицомъ его друга, имѣвшаго бодрый и здоровый видъ. Они были когда-то товарищами по школѣ и сохранили простыя, короткія отношенія.

— Радъ васъ видѣть, Дикъ! Но у васъ что-то нехорошій видъ. Ничего не случилось?

Филлотсонъ молча подошелъ къ нему, а Джиллингамъ закрылъ шкафъ и усѣлся подлѣ гостя.

— Я пришелъ къ вамъ, Джорджъ,—заговорилъ Филлотсонъ,— чтобы объяснить вамъ причину, заставляющую меня сдѣлать извѣстный шагъ. Вы должны знать его въ настоящемъ свѣтѣ... Что-бы я ни предпринялъ, все будетъ лучше настоящаго моего положенія. Избави васъ Богъ когда-нибудь нажить такой ужасный опытъ, какой нажилъ я, Джорджъ!

— Присядьте пожалуйста. Ужь не хотите-ли вы передать о какой-нибудь размолвкѣ съ женой?

— Именно... Все несчастіе мое въ томъ, что я имѣю жену, которую люблю, но которая меня нетолько не любитъ, но... но... Нѣтъ, лучше не говорить! Я понимаю ея чувство и предпочелъ-бы ненависть ея теперешнему чувству!

— Что вы говорите!

— И прискорбнѣе всего то, что она въ этомъ менѣе виновата, нежели я. Она была, какъ вы знаете, моей помощницей по школѣ; я воспользовался ея неопытностью, завлекая ее на прогулки, и убѣдилъ ее принять мое предложеніе прежде, чѣмъ дѣвушка вошла въ разумъ. Впослѣдствіи она познакомилась съ другимъ человѣкомъ, но слѣпо исполнила обѣщаніе, данное мнѣ.

— Любя другого?—вставилъ пріятель.

— Да, и съ какой-то особенно нѣжной заботливостью о немъ, хотя ея настоящее чувство къ нему—загадка для меня; мнѣ кажется и для него тоже, а, быть можетъ, и для нея самой. Такой причудливой женщины я никогда еще не встрѣчалъ. Надо вамъ сказать, что тотъ господинъ—ея кузенъ, что быть можетъ объясняетъ поразившую меня въ ней двуличность. Она скоро почувствовала неодолимое отвра-

щеніе ко мнѣ, какъ къ мужу, хотя и готова любить меня, какъ друга. Терпѣть такія отношенія стало уже невыносимо. Она старалась бороться съ своимъ чувствомъ, но безплодно. Я не могу, я не въ силахъ выносить этихъ отношеній. Мнѣ нечего возразить на ея доводы, она вдесятеро начитаннѣе меня. Вообще, я долженъ признаться, что она слишкомъ развита для меня...

— А не допускаете вы, что эти капризы пройдутъ?

— Никогда! У нея на это свои мотивы. Наконецъ, она холодно и настойчиво потребовала, чтобы я избавилъ ее отъ себя и отпустилъ къ этому кузену. Недавно, напримѣръ, она выпрыгнула отъ меня въ окно, не заботясь о томъ, что можетъ сломать себѣ шею. Въ ея рѣшимости нельзя сомнѣваться. И вотъ этотъ эпизодъ привелъ меня къ заключенію, что грѣшно продолжать мучить женщину. Я не такой извергъ, чтобы изъ упрямства тиранить ее.

— Такъ вы хотите отпустить ее, да еще къ любовнику?

— Къ кому—это ужъ ея дѣло. Я просто отпущу ее, и все тутъ. Знаю, что могу ошибаться, что мой поступокъ будетъ нелѣпымъ, и съ логической и съ религіозной стороны, и не могу защищать свою уступку ея дикому желанію. Но я знаю одно: какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я не въ правѣ отказать ей. Я, подобно другимъ людямъ, смотрю такъ: если мужъ слышитъ такое странное требованіе отъ жены, единственный вѣрный, приличный и честный исходъ для него это—отказать ей и добродѣтельно запереть ее на ключъ, и пожалуй, убить ея любовника. Но дѣйствительно-ли такой исходъ справедливъ, честенъ и благороденъ, или онъ гнусенъ и эгоистиченъ? Если человѣкъ упадетъ со слѣпу въ трясину и кричитъ о помощи, я вѣдь сочту своимъ долгомъ оказать ему помощь.

— Ну, я не могу согласиться съ вашимъ взглядомъ, Дикъ!— возразилъ Джиллингамъ серьезно.—Сказать правду, я положительно изумляюсь, что такой положительный, дѣловой человѣкъ, какъ вы, могъ хоть на минуту заинтересоваться какой-то полоумной особой.

— Скажите, Джорджъ, стояли-ли вы когда передъ женщиной, въ сущности, очень хорошей, которая-бы на колѣняхъ умоляла васъ объ ея освобожденіи и прощеніи?

— Къ счастію моему, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не считаю васъ компетентнымъ совѣтникомъ въ моемъ дѣлѣ. А мнѣ довелось быть въ такой роли, и въ этомъ все дѣло. Я такъ долго жилъ внѣ всякаго женскаго общества, что не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что стоитъ повести женщину въ церковь и надѣть ей на палецъ кольцо, чтобы навлечь этимъ на себя родъ ежедневной непрерывной пытки...

— Я еще понимаю отпустить жену съ тѣмъ, чтобы она устроилась отдѣльно. Но отпустить къ ея поклоннику—это ужъ дѣло совсѣмъ иное.

— Нисколько. Представьте себѣ, Джорджъ, что она скорѣе готова вѣчно терзаться съ ненавистнымъ мужемъ, нежели обязаться жить отдѣльно отъ любимаго человѣка. Для нея это важный вопросъ. Это лучше, чѣмъ еслибы она рѣшилась продолжать жить съ мужемъ, обманывая его... Впрочемъ, она прямо не высказала намѣренія поселиться съ нимъ въ качествѣ его жены. Насколько я понимаю, ихъ взаимное влеченіе вовсе не предосудительное и не чувственное; это мнѣ всего досаднѣе, потому что заставляетъ меня вѣрить въ продолжительность любви. Ихъ стремленіе въ томъ, чтобы быть вмѣстѣ и дѣлиться другъ съ другомъ чувствами, фантазіями и мечтами.

— Весьма платонично!

— Вы знаете, Джорджъ, чѣмъ больше я о нихъ думаю, тѣмъ болѣе становлюсь на ихъ сторону.

— Но, другъ мой, еслибы всѣ люди поступали такъ, какъ намѣрены поступить вы, тогда-бы всѣ семьи распались и семья перестала-бы составлять соціальную единицу.

— Да, я теперь какъ потерянный!—уныло сказалъ Филлотсонъ.—Вы помните, я никогда не былъ глубокимъ мыслителемъ. Но при всемъ томъ я не вижу, почему женщина съ дѣтьми не можетъ составить семейной единицы безъ мужа?

— Господь съ вами, Дикъ, вы допускаете матріархатъ! Неужели и она говоритъ тоже?

— О нѣтъ, она объ этомъ не особенно заботится.

— Вѣдь это опрокидываетъ всѣ установившіяся понятія. Боже милосердый, что скажетъ Чэстонъ!

— Ужъ этого я не знаю...

— Однако,—перебилъ Джиллингамъ,—давайте обсудимъ это спокойно, да выпьемъ чего-нибудь за разговоромъ.

Онъ вышелъ и вернулся съ бутылкой сидра.

— Вы слишкомъ взбудоражены,—продолжалъ онъ.—Отправляйтесь-ка домой и вдумайтесь хорошенько, какъ вамъ покончить съ этой маленькой революціей. Но держитесь жены; я слышу со всѣхъ сторонъ, что она прелестная молодая бабенка.

— Это правда! Въ этомъ-то и горе мое!

Джиллингамъ проводилъ своего друга мили за двѣ и, прощаясь, выразилъ надежду, что это совѣщаніе, при всей необычности его повода, послужитъ къ возобновленію ихъ старыхъ товарищескихъ отношеній. Но когда Филлотсонъ остался одинъ подъ покровомъ ночи, среди окружавшаго безмолвія, онъ подумалъ: «Такъ-то, Джиллингамъ, другъ мой, у тебя не оказалось болѣе сильнаго аргумента противъ нея!»

«Мнѣ кажется, что ее слѣдуетъ пожурить хорошенько и возвратить на путь истинный—вотъ что я думаю», пробормоталъ Джиллингамъ на возвратномъ пути домой.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, Филлотсонъ объявилъ Сусаннѣ: «Ты можешь уходить къ нему, если тебѣ угодно. Я положительно и безусловно согласенъ на это».

Прошло еще нѣсколько дней, и насталъ послѣдній вечеръ ихъ совмѣстной жизни. Филлотсонъ старался быть особенно внимательнымъ къ Сусаннѣ. «Ты бы лучше взяла ломтикъ ветчины или яйцо къ чаю. Вѣдь нельзя же ѣхать въ дорогу послѣ однихъ буттербродовъ».

Она взяли поданный ей ломтикъ. За чаемъ разговоръ шелъ о домашнихъ мелочахъ, вродѣ ключей, неоплаченныхъ счетовъ и пр.

— Я холостякъ по природѣ, какъ ты знаешь, Сусанна,—заговорилъ онъ въ благородной попыткѣ облегчить ея совѣсть,—такъ что жить безъ жены не будетъ для меня особеннымъ лишеніемъ, какъ могло бы быть для другого въ моемъ положеніи. Къ тому же у меня есть любимое занятіе—древности, за которыми я всегда могу отвести душу.

— Еслибъ ты когда-нибудь прислалъ мнѣ свою рукопись для переписки, какъ бывало прежде, я буду переписывать тебѣ съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтила она съ особенной предупредительностью. Мнѣ очень пріятно будетъ чѣмъ-нибудь быть полезной тебѣ, какъ... какъ другу.

Филлотсонъ подумалъ и сказалъ:—Нѣтъ, я рѣшилъ, что если намъ разставаться, то ужь совсѣмъ, и вотъ на этомъ-то основаніи я и не желаю тебѣ предлагать никакихъ вопросовъ, а главное не желаю слышать отъ тебя объясненія твоихъ намѣреній и даже твоего адреса... Теперь скажи, сколько тебѣ нужно денегъ? Вѣдь необходимо же тебѣ имѣть сколько-нибудь при себѣ.

— Ахъ, Ричардъ, я не смѣю и думать принять отъ тебя деньги для того, чтобы уйти съ ними отъ тебя. Мнѣ не нужно денегъ. У меня есть свои, которыхъ хватитъ на долгое время, да и Джудъ достанетъ мнѣ...

— Я не желаю ничего слышать о немъ. Надѣюсь, ты это понимаешь. Ты теперь безусловно свободна и твоя дальнѣйшая судьба въ твоихъ рукахъ... Ты ѣдешь съ шести-часовымъ, кажется? Теперь уже четверть шестого.

— Ты... ты, кажется, не особенно горюешь о моемъ отъѣздѣ, Ричардъ?

— Ахъ, нѣтъ...

— Мнѣ очень нравится, что ты такъ благородно держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ. Замѣчательно, что переставъ смотрѣть на тебя какъ на мужа, я сейчасъ же стала любить тебя, какъ своего стараго учителя и друга. Такимъ ты для меня и останешься!

Взволнованная Сусанна отерла слезы.

Вскорѣ къ крыльцу подъѣхалъ омнибусъ. Филлотсонъ наблюдалъ за укладкой вещей, помогъ ей сѣсть и, для вида, поцѣловалъ ее на прощанье.

Возвратясь домой, Филлотсонъ вошелъ наверхъ и отворилъ окно, чтобы видѣть удалявшійся омнибусъ, пока онъ не скрылся за горою. Потомъ онъ спустился внизъ, надѣлъ шляпу и прошелъ съ милю по дорогѣ. Но тоска прослѣдовала его, и онъ повернулъ обратно.

Когда онъ вошелъ къ себѣ, его привѣтствовалъ изъ залы голосъ Джиллингама.

— Я не могъ дозвониться и, найдя вашу парадную дверь отпертою, вошелъ самъ. Помните, я говорилъ, что скоро побываю у васъ, вотъ и пришелъ.

— Очень благодаренъ вамъ, Джиллингамъ, особенно за вашъ приходъ сегодня.

— Какъ здоровье вашей...

— Благодарю васъ, какъ нельзя лучше. Она уѣхала только что. Вотъ и чашка, изъ которой она сейчасъ пила чай. Вотъ блюдо, съ котораго...

У Филлотсона стиснуло горло, и онъ не могъ продолжать. Онъ отвернулся и оттолкнулъ подносъ съ приборомъ.

— Однако, пили-ли вы чай?—спросилъ онъ сейчасъ же, болѣе спокойнымъ тономъ.

— Нѣтъ,—да не безпокойтесь,—отвѣтилъ Джиллингамъ разсѣянно. Такъ вы говорите, что она уѣхала?

— Да... Я радъ былъ умереть за нее, но не хочу быть къ ней жестокимъ во имя закона. Она отправилась, какъ я понимаю, къ своему кузену. Что они намѣрены предпринять—я не знаю. Какъ бы то ни было, но она получила мое полное согласіе.

Настойчивость, съ которою были высказаны эти слова, не допускала дальнѣйшихъ возраженій со стороны его друга.—Однако не уйти ли мнѣ?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановилъ Филлотсонъ.—Мнѣ очень пріятно, что вы пришли. Я хочу собрать ея вещи и уложить ихъ. Не поможите-ли мнѣ?

Джиллингамъ согласился, и Филлотсонъ собралъ при немъ всѣ вещи Сусанны и переложилъ въ большой сундукъ, объяснивъ своему пріятелю, что, разъ рѣшившись предоставить ей самостоятельную жизнь, онъ желаетъ, чтобы она взяла все свое добро безъ остатка.

— Мнѣ кажется, многіе на вашемъ мѣстѣ ограничились бы однимъ согласіемъ.

— Я обдумалъ это дѣло и не желаю разсуждать о послѣдствіяхъ.

Я былъ и остаюсь самымъ старомоднымъ человѣкомъ на свѣтѣ относительнаго брачнаго вопроса. Въ сущности я никогда критически не думалъ о его нравственной подкладкѣ. Но нѣкоторые факты бросились мнѣ въ глаза, и я не могъ идти противъ нихъ...

Они молча продолжали свою упаковку. Покончивъ съ нею. Филлотсонъ закрылъ и заперъ сундукъ.

V.

Ровно за сутки до этого дня Сусанна написала слѣдующую записку Джуду:

«Все идетъ, какъ я вамъ говорила. Завтра вечеромъ я уѣзжаю. Послѣ сумерокъ мой отъѣздъ не будетъ такъ замѣтенъ. Я нахожусь все еще подъ нѣкоторымъ страхомъ и потому прошу васъ встрѣтить меня на платформѣ съ восьмичасовымъ поѣздомъ. Увѣрена, что вы будете, дорогой Джудъ, но испытываемое мною волненіе заставляетъ меня просить васъ быть точнымъ... Въ моемъ личномъ дѣлѣ мужъ былъ удивительно деликатенъ ко мнѣ!

Итакъ, до свиданія!

Сусанна».

Увозимая омнибусомъ все далѣе и далѣе отъ скалистаго города, Сусанна грустно смотрѣла на разстилавшуюся передъ ней дорогу, хотя ни малѣйшаго колебанія не отражалось на ея лицѣ...

Получасовой переѣздъ по желѣзной дорогѣ приближался къ концу, и Сусанна собирала свои вещи, приготовляясь къ выходу. Поѣздъ остановился у мельчестерской платформы, и она увидала Джуда, вслѣдъ затѣмъ вошедшаго въ ея купэ, съ сакъ-вояжемъ въ рукѣ. Онъ былъ одѣтъ въ темную праздничную пару и имѣлъ очень приличный видъ. Глаза его свѣтились горячимъ чувствомъ.

— Ахъ, Джудъ!—радостно крикнула она, схвативъ обѣими руками его руку и едва сдерживая слезы.—Наконецъ-то! Боже мой, какъ я счастлива! Что-же, выходить здѣсь?

— Наоборотъ, — я сажусь къ вамъ, дорогая моя. Я уже все обработалъ. Кромѣ этой сумки, со мною только большой сундукъ въ багажѣ.

— Но развѣ мнѣ не выходить? Значитъ, мы не останемся здѣсь?

— Вѣдь намъ-же невозможно это, развѣ вы этого не понимаете? Здѣсь насъ знаютъ—меня ужъ во всякомъ случаѣ. Я взялъ билетъ до Ольдбрикгэма, а вотъ и для васъ билетъ туда-же. Мнѣ некогда было написать вамъ о томъ, куда я рѣшилъ перебраться. Ольдбрикгэмъ очень большой городъ — въ немъ тысячъ семьдесятъ жителей и тамъ о насъ ни одна душа ничего не узнаетъ.

— Значитъ, вы оставили здѣшнюю работу въ соборѣ?

— Да. Это у меня вышло скоропалительно, такъ какъ ваше письмо явилось неожиданно. Собственно мнѣ слѣдовало кончить свою недѣлю, но по настоятельной просьбѣ меня уволили. Да я все равно бѣжалъ-бы въ любой день по вашему приказанію, моя Сусанна, я вѣдь не разъ уже дѣлалъ это для васъ!

— Я боюсь, что наношу вамъ ущербъ своимъ появленіемъ, разрушаю вашу духовную карьеру, словомъ все, все.

— Теперь все это для меня кончилось; и Богъ съ нимъ! мой рай не тамъ, а здѣсь, на землѣ.

— О, я плохая замѣна такихъ идеаловъ,—возразила она взволнованнымъ голосомъ и не скоро могла снова овладѣть собою.

— Какъ онъ былъ добръ, что отпустилъ меня,—продолжала Сусанна.—А вотъ записка, найденная мною на моемъ туалетномъ столѣ и адресованная вамъ.

— Онъ хорошій человѣкъ,—замѣтилъ Джудъ, пробѣгая записку,— Я стыжусь, что ненавидѣлъ его за женитьбу на васъ.

— По кодексу женскихъ причудъ мнѣ, пожалуй, слѣдовало-бы вдругъ полюбить его за то, что онъ такъ великодушно и неожиданно отпустилъ меня,—отвѣтила Сусанна, улыбаясь.—Но я такая холодная и неблагодарная, что даже это великодушіе не заставило меня полюбить его, или раскаяться, или желать остаться у него женою.

— Для насъ было-бы лучше, если-бъ онъ оказался менѣе уступчивымъ, и вамъ пришлось-бы убѣжать противъ его воли.

— На это я-бы не рѣшилась.

Джудъ молча глядѣлъ въ ея лицо, потомъ вдругъ поцѣловалъ ее и хотѣлъ обнять, но Сусанна остановила его.

— Надо еще сказать вамъ курьезную новость,—сказалъ Джудъ послѣ нѣкоторой паузы.—Арабелла, въ послѣднемъ письмѣ, умоляетъ меня дать ей разводъ—изъ жалости къ ней, какъ она выражается. Она желаетъ честно и легально вступить въ бракъ съ тѣмъ господиномъ, съ которымъ она живетъ,—ну, и проситъ помочь ей осуществить это дѣло.

— Какъ-же вы поступили?

— Я согласился. Если она хочетъ начать новую семейную жизнь, то у меня имѣются слишкомъ очевидные резоны не препятствовать ей.

— И тогда вы будете свободны?

— Да, буду свободенъ.

— Куда взяты наши билеты?—спросила она съ отличавшею ее въ этотъ вечеръ непослѣдовательностью.

— До Ольдбрикгема, какъ я вамъ уже сказалъ.

— Но развѣ не будетъ очень поздно, когда мы туда пріѣдемъ?

— Я думалъ объ этомъ и заказалъ комнату для насъ въ тамошней гостинницѣ Общества Трезвости.

— Одну?

— Да одну.

Она взглянула на него. — Ахъ, Джудъ! — воскликнула она, отстранившись отъ него.—Я знала, что вы можете такъ поступить и что вы обманывались на мой счетъ...

Джудъ сидѣлъ молча, нахмурившись, и Сусанна, видя его разстройство, прильнула щекой къ его лицу, прошептавъ:

— Не огорчайтесь, милый Джудъ.

— Милая Сусанна, ваше счастье для меня выше всего—хотя мы то и дѣло съ вами ссоримся!—и ваше желаніе для меня законъ. Повѣрьте, что я вовсе не эгоистъ, пусть будетъ, какъ вы хотите. Но быть можетъ это означаетъ,—продолжалъ онъ послѣ тревожнаго размышленія, — не то, что вы держитесь условныхъ взглядовъ, а что вы не любите меня!

Сусанна не рѣшилась воспользоваться даже такимъ очевиднымъ вызовомъ на откровенность:—Отнесите это къ моей радости, — сказала она съ торопливой уклончивостью,—къ естественной радости женщины при наступленіи развязки. Я могу сознавать наравнѣ съ вами, что съ этой минуты имѣю неоспоримое право жить съ вами, какъ вы желали. Я могу держаться того мнѣнія, что при извѣстномъ состояніи общества никому не можетъ быть дѣла до отца моего ребенка, что это составляетъ мое личное дѣло. Но, благодаря великодушію мужа, которому я обязана теперь свободой, мнѣ необходимо быть болѣе строгой. Если-бы вы похитили меня изъ окна и онъ гнался-бы за нами съ револьверомъ, тогда дѣло сложилось-бы иначе. Но не принуждайте и не осуждайте меня, Джудъ! Поймите, что у меня не хватаетъ смѣлости держаться своихъ мнѣній. Я знаю, что я жалкое, несчастное существо. Да и характеръ мой не такой страстный, какъ вашъ!

Джудъ повторилъ просто:—Я думалъ то, что долженъ былъ думать. Но разъ вы не хотите,—что дѣлать! Я увѣренъ, что и Филлотсонъ думалъ такъ-же. Вотъ послушайте, что онъ мнѣ пишетъ.

Джудъ развернулъ переданное ею письмо и прочелъ слѣдующее:

«Я ставлю лишь одно условіе—чтобы вы были къ ней добры и ласковы; я знаю, вы любите ее, но и любовь бываетъ иногда жестока. Вы созданы другъ для друга. Это очевидно для всякаго. Вы были «третьей тѣнью» во всю мою короткую жизнь съ нею. Повторяю, берегите Сусанну».

— Онъ добрый старикъ, неправда-ли!—сказала она, отирая слезы. Послѣ нѣкотораго раздумья она продолжала:—я никогда не была такъ расположена любить Ричарда, какъ въ то время, когда онъ такъ заботился снабдить меня всѣмъ нужнымъ на дорогу, не забывъ и деньги.

Но я не поддалась. Люби я его хоть чуточку, какъ жена, я вернулась-бы къ нему обратно, даже теперь.

— Но вѣдь вы не любите его!

— Это вѣрно—о, какъ страшно вѣрно. Не люблю!

— Но я боюсь, что и меня тоже, да и вообще никого не любите!— воскликнулъ Джудъ.—Знаете что Сусанна, иногда, разсерженный вами, я думалъ, что вы неспособны къ настоящей любви.

— Послушайте, Джудъ, это не хорошо и не благородно съ вашей стороны!—возразила она сердито, глядя въ сторону. Потомъ вдругъ, обернувшись къ нему, торопливо проговорила:—Я люблю васъ нѣсколько иною любовью сравнительно съ большинствомъ другихъ женщинъ. Она очень тонкаго свойства и состоитъ въ удовольствіи быть съ вами, и я не хочу идти дальше! Я совершенно уяснила себѣ, насколько рискованно женщинѣ и мужчинѣ доходить до извѣстныхъ отношеній. Мы сохранимъ свободу, и я увѣрена, что мои желанія будутъ для васъ выше личнаго удовлетворенія. Не спорьте-же объ этомъ, милый Джудъ!

— Хорошо... Но вѣдь вы меня сильно любите. Сусанна? Скажите— да! Скажите, что любите хоть на пятую, на десятую часть того, какъ я васъ люблю, и я буду счастливъ!

— Я позволила вамъ поцѣловать меня, и это должно было-бы служить вамъ отвѣтомъ.

— Да, всего одинъ разъ!

— Ну, что-же, будьте и этимъ довольны.

Онъ откинулся къ дивану и не оборачивался къ ней долгое время. Ему невольно вспомнился эпизодъ изъ прошлаго Сусанны съ бѣднымъ студентомъ, съ которымъ она обходилась точно такъ-же, и онъ видѣлъ въ себѣ вѣроятнаго наслѣдника его незавидной доли.

Вдругъ Сусанна встрепенулась подъ впечатлѣніемъ новой мысли.

— Мнѣ неудобно ѣхать въ гостинницу Трезвости послѣ вашей телеграммы о нашемъ пріѣздѣ,—заявила она.

— Почему?

— Сами можете понять.

— Такъ мы найдемъ другую. Но мнѣ кажется, Сусанна, что, со времени вашего брака съ Филлотсономъ изъ-за нелѣпаго скандала, вы вполнѣ подчинились тираніи общественнаго мнѣнія.

— Я знаю, что вы меня считаете очень дурной и безпринципной,— проговорила она, стараясь смахнуть набѣжавшія слезы.

— А я знаю только одно: что вы моя безцѣнная Сусанна, съ которой никакія силы, ни настоящія, ни будущія обстоятельства не могутъ разлучить меня!

Изворотливая софистка во многихъ житейскихъ вопросахъ, Сусанна оказывалась совершеннымъ ребенкомъ въ другихъ. Это увѣреніе Джуда

удовлетворило ее, и они добрались до мѣста назначенія въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Ольдбрикгэмъ они пріѣхали около девяти вечера. Въ виду желанія Сусанны, Джудъ привелъ ее въ другую гостинницу, оказавшуюся той самой, въ которой онъ останавливался недавно съ Арабеллой. По разсѣянности, онъ не узналъ сначала этого отеля. Они заняли по комнатѣ и условились сойтись къ позднему ужину. Въ отсутствіе Джуда, служанка заговорила съ Сусанной:

— Если не ошибаюсь, сударыня, вашъ родственникъ или знакомый пріѣзжалъ къ намъ какъ-то разъ поздно, вотъ въ это-же время, съ женой—только помню, что не съ вами. Вотъ такъ-же пріѣхалъ какъ и теперь, вдвоемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила Сусанна съ болью въ сердцѣ.— Вѣроятно, вы ошиблись! какъ давно это было?

— Мѣсяцъ или два тому. Она была такая красивая, видная дама.

Когда Джудъ вернулся и сѣлъ за ужинъ, Сусанна казалась грустной и задумчивой.—Джудъ,—сказала она ему сухо, при разставаніи въ корридорѣ,—мнѣ здѣсь не нравится, я не могу выносить этого притона! И сами вы мнѣ не нравитесь.

— Какая-же вы непостоянная, Сусанна! Но скажите, почему съ вами эта перемѣна?

— А потому, что жестоко было привести меня сюда! Вы были здѣсь недавно съ Арабеллой. Вотъ почему.

— Ахъ, что вы!.. оправдывался Джудъ, оглядываясь, нѣтъ-ли прислуги.—Ну, да—гостинница та самая, но, право, я не узналъ ее. Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, разъ мы остановились здѣсь въ качествѣ родственниковъ.

— Какъ давно вы здѣсь были? Говорите, говорите мнѣ все!—волновалась Сусанна.

— За день передъ тѣмъ, какъ я встрѣтилъ васъ въ Кристминстерѣ, когда мы вмѣстѣ возвращались въ Меригринъ. Я же сказалъ вамъ, что видѣлся съ нею.

— Да, но вы сказали не все. Вы передавали, что встрѣтились, какъ чужіе, а не какъ мужъ съ женою, и даже не упомянули, что помирились съ нею.

— Мы съ нею вовсе и не мирились,—возразилъ онъ уныло.—Больше я ничего не могу вамъ объяснить, Сусанна.

— Вы лукавили со мною, вы, моя послѣдняя надежда! Я никогда не забуду этого, никогда!

— Но вѣдь по вашему собственному желанію, дорогая Сусанна, намъ предстоитъ быть только друзьями... Все это какъ-то непослѣдовательно съ вашей стороны.

— И друзья могутъ ревновать!

— Я этого не понимаю. Ничего не уступая мнѣ, вы требуете, чтобы я во всемъ уступалъ вамъ...

Сусанна была такъ разстроена, что онъ долженъ былъ проводить ее въ комнату и затворить дверь, чтобы ихъ не слышали посторонніе.

— Это та самая комната? Такъ, такъ—я вижу по вашему выраженію, что та! Я не желаю въ ней оставаться. О, какое предательство съ вашей стороны навязать ее мнѣ!

— Но поймите-же, наконецъ, Сусанна, вѣдь она была моею законной женою...

Опустившись на колѣни передъ кроватью, Сусанна уткнула лицо въ подушку и заплакала.

— Я никогда еще не видалъ такой взбалмошной женщины съ болѣзненнымъ, извращеннымъ чувствомъ,—запальчиво сказалъ Джудъ.

— Вы говорите такъ потому, что не понимаете моего чувства,—упрекнула его Сусанна.

Упрекъ былъ заслуженъ. Джудъ, дѣйствительно, не вполнѣ понималъ ея чувство.

— Я, вѣдь, думала, что вы никѣмъ не интересовались, никого на свѣтѣ не желали, кромѣ меня,—съ тѣхъ поръ, какъ знаете меня, навсегда!—продолжала Сусанна.

— Я никого не желалъ и не желаю,—подтвердилъ Джудъ, такой-же разстроенный, какъ и она.

— Но вы вѣроятно много думали о ней! Или...

— Нѣтъ, нисколько. Вы тоже, какъ женщина, не понимаете моего чувства. Скажите на милость, что вы такъ взбѣсились изъ пустяковъ?

— Послушайте, Джудъ, я никогда не переставала думать, что принадлежу вамъ, потому что была вполнѣ увѣрена, что Арабелла никогда не была въ дѣйствительности вамъ женою съ тѣхъ поръ, какъ самовольно бросила васъ! Я понимала такъ, что разводъ вашъ съ нею и мой съ Ричардомъ прекращаетъ всякую силу брака.

— На это я могу сказать вамъ только вотъ что. Она обвѣнчалась, и при томъ самымъ легальнымъ образомъ, съ другимъ—я узналъ объ этомъ только послѣ нашей поѣздки съ нею сюда.

— Какъ такъ съ другимъ?..

— Да. Она сама, для очищенія совѣсти, настоятельно просила меня дать ей разводъ для вступленія съ нимъ въ законный бракъ. Итакъ, вы видите, что мнѣ нѣтъ надобности встрѣчаться съ нею опять.

— Ну хорошо. Теперь прощаю васъ, и вы можете поцѣловать меня одинъ разокъ, только не долго.

Она кокетливо приложила свой пальчикъ къ его губамъ, и онъ въ точности исполнилъ ея приказаніе.

— Вы любите меня очень сильно, неправда-ли, несмотря на мои.. понимаете?

— Да, да, моя голубка, разумѣется!—отвѣтилъ Джудъ и со вздохомъ пожелалъ ей спокойной ночи.

VI.

По возвращеніи въ свой родной Чэстонъ въ качествѣ школьнаго учителя, Филлотсонъ возбудилъ интересъ въ себѣ и вызвалъ въ мѣстныхъ жителяхъ прежнее уваженіе. Когда-же, вскорѣ послѣ своего прибытія, онъ поселился съ хорошенькой женою—по ихъ мнѣнію даже слишкомъ хорошенькой для него,—они отнеслись къ ней самымъ доброжелательнымъ образомъ.

Первое время отсутствіе Сусанны не вызывало въ городѣ никакихъ толковъ. Когда-же прошелъ цѣлый мѣсяцъ послѣ этого эпизода, и Филлотсонъ на вопросы знакомыхъ принужденъ былъ отвѣчать, что онъ не знаетъ, гдѣ находится его жена, общее любопытство стало возростать и, наконецъ, всѣ рѣшили, что Сусанна обманула и бросила его. Къ тому-же усилившаяся апатія учителя къ своему дѣлу давало лишнее подтвержденіе этой догадкѣ.

Однажды зашелъ въ школу президентъ совѣта, и прослушавъ преподаваніе, отвелъ Филлотсона въ сторону отъ дѣтей и началъ такъ:

— Извините меня, Филлотсонъ, за мой вопросъ, вызванный общими пересудами. Правду-ли говорятъ о вашей семейной непріятности, будто жена ваша бѣжала съ любовникомъ? Если такъ, я отъ души сочувствую вашему горю.

— Жена оставила меня при обстоятельствахъ, обыкновенно вызывающихъ сочувствіе къ мужу. Но я далъ ей на отъѣздъ мое полное согласіе.

Президентъ видимо ничего не понялъ изъ этого туманнаго объясненія.

— То, что я сказалъ, сущая правда,—продолжалъ Филлотсонъ съ волненіемъ.—Она просила отпустить ее и я согласился, такъ какъ не могъ поступить иначе. Она женщина совершеннолѣтняя, и это желаніе было вопросомъ ея, а не моей совѣсти. Я не желалъ быть ея палачомъ. Больше мнѣ объяснять нечего, и отъ дальнѣйшихъ разспросовъ я отказываюсь.

Президентъ счелъ дѣло исчерпаннымъ и сообщилъ о немъ членамъ совѣта. Филлотсонъ былъ приглашенъ администраціею на частное объясненіе. Послѣ продолжительной пытки въ совѣтѣ, онъ вернулся домой, по обыкновенію, блѣдный и измученный до нельзя. Джиллингамъ сидѣлъ уже у него, ожидая его возвращенія.

— Ну вотъ и вышло какъ вы говорили,—замѣтилъ Филлотсонъ, тяжело опустившись въ кресло.—Совѣтъ требуетъ, чтобы я подалъ въ от-

ставку по поводу моего скандальнаго поступка—предоставленія свободы изстрадавшейся женѣ, или какъ онъ это называетъ—поощренія разврата; но я не подамъ отставки.

— Я бы подалъ,—возразилъ Джиллингамъ.

— А я нѣтъ. Это не ихъ дѣло. Скандалъ вовсе не касается моей педагогической дѣятельности. Пусть выгонятъ, если хотятъ...

Джиллингамъ понималъ всю безнадежность положенія своего упрямаго друга, но не сказалъ больше ни слова. Вскорѣ, однако, пришло и формальное извѣщеніе совѣта объ отставкѣ. Филлотсонъ отвѣтилъ, что не приметъ отставки и собралъ публичный митингъ. Изложивъ предъ собравшимися свое дѣло, Филлотсонъ настаивалъ на томъ, что оно семейное, вовсе не касающееся администраціи школы. Почетные жители города, всѣ до одного, были противъ Филлотсона. Но къ немалому его удивленію, на митингѣ какъ изъ земли выросло человѣкъ десять-пятнадцать его неожиданныхъ защитниковъ и доброжелателей. Выше было упомянуто, что Чэстонъ былъ пристанищемъ для всякаго рода странствующихъ артистовъ и балаганщиковъ, кочевавшихъ по многочисленнымъ ярмаркамъ и базарамъ всего Вессекса въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Хотя Филлотсонъ никогда слова не сказалъ съ этими господами, но они благородно взяли на себя его защиту. Ихъ группа состояла изъ двухъ паяцевъ, содержателя тира, съ дѣвицами, заряжавшими ружья, двухъ боксеровъ, содержателя карусели, торговца пряниками и, наконецъ, владѣльцевъ парусной лодки и силомѣра. Эта отважная фаланга, вмѣстѣ съ другими представителями независимаго мнѣнія, начала выражать свои мысли предъ собраніемъ такъ рѣзко, что возгорѣлся шумный споръ, перешедшій въ общую свалку, причемъ классная доска была опрокинута, стекла въ нѣкоторыхъ окнахъ разлетѣлись въ дребезги, и въ одного изъ отцовъ города пустили бутылкой съ чернилами... Возмущенный скандаломъ, Филлотсонъ жалѣлъ, что не подалъ отставки по первому требованію, и вернулся домой такимъ разстроеннымъ, что слегъ въ постель.

Джиллингамъ приходилъ по вечерамъ навѣщать его и однажды упомянулъ имя Сусанны.

— Ей нѣтъ никакого дѣла до меня!—сказалъ Филлотсонъ со вздохомъ.

— Она не знаетъ, что вы больны.

— Тѣмъ лучше для насъ обоихъ.

Однако, вернувшись домой, Джиллингамъ, послѣ нѣкотораго раздумья, сѣлъ и написалъ Сусаннѣ письмо.

Спустя дня три, вечеромъ, когда солнце во всемъ великолѣпіи обливало лучами заката Блекмурскую долину, больному показалось, что онъ слышитъ чьи-то шаги, приближающіеся къ дому, а черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ и стукъ въ свою дверь. Онъ не отвѣтилъ; но чья то рука нерѣшительно отворила дверь. На порогѣ стояла Су-

санна. Она была въ легкомъ весеннемъ платьѣ, и явилась какимъ-то привидѣніемъ—подобно впорхнувшей ночной бабочкѣ. Онъ обернулся къ ней и вспыхнулъ.

— Я слышала, что ты боленъ, — сказала она, склонивъ надъ нимъ свое встревоженное лицо,—и зная, что ты признаешь между мужчиной и женщиной, кромѣ плотскихъ влеченій, и другія чувства, я и пришла навѣстить тебя.

— Я не особенно боленъ, милый другъ. Мнѣ просто не по себѣ.

— Этого я не знала. Боюсь, что только серьезная болѣзнь могла оправдать мое появленіе.

— Да... да, мнѣ больно, что ты пришла. Это еще слишкомъ скоро... Вотъ все, что я могу сказать. Ну, что дѣлать, значитъ такъ нужно. Ты вѣроятно не слыхала насчетъ школы? Я вѣдь перехожу отсюда въ другое мѣсто...

Сусанна ни теперь, ни послѣ даже не заподозрѣла, какія огорченія вынесъ ея Ричардъ изъ-за того, что отпустилъ ее: до нея не доходили никакія вѣсти изъ Чэстона. Когда имъ подали чай, Сусанна подошла къ окну и задумчиво сказала:—Какъ чудно закатывается солнце, Ричардъ.

— Да; но я теперь не могу наслаждаться этой картиной; солнышко не заглядываетъ въ этотъ мрачный уголъ, гдѣ я лежу; а встать я не могу.

— Погоди, я сейчасъ помогу тебѣ,—сказала Сусанна и тотчасъ же ухитрилась показать ему закатъ извѣстнымъ приспособленіемъ туалетнаго зеркала.

Филлотсонъ былъ доволенъ, и грустная улыбка озарила его страдальческое лицо.—Странное право ты существо, Сусанна,—проговорилъ онъ, когда солнце освѣтило его изголовье.—Пришло же тебѣ въ голову навѣстить меня послѣ всего, что между нами произошло!

— Не будемъ вспоминать объ этомъ,—быстро перебила Сусанна.—Мнѣ надо захватить омнибусъ къ поѣзду. Я уѣхала въ отсутствіе Джуда, и онъ не знаетъ о моемъ отъѣздѣ, а потому мнѣ нужно спѣшить. Ричардъ, мой милый, я такъ рада, что тебѣ лучше! Скажи, ты не призираешь меня, неправда-ли? Ты былъ для меня всегда такимъ добрымъ другомъ!

— Я радъ слышать, что ты такъ думаешь,—проговорилъ Филлотсонъ сухо.—Нѣтъ, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ, я тебя не презираю.

Когда настало время уходить, Сусанна пожала ему руку на прощанье и уже затворяла за собой дверь; губы ея дрожали, а на глазахъ блеснули слезы.

— Сусанна!—окликнулъ Филотсонъ.

Она вернулась.

— Сусанна, проговорилъ онъ,—хочешь все забыть и остаться? Я все забуду.

— О, ты не можешь!—быстро возразила она.—Теперь уже не можешь простить мой тяжкій грѣхъ!

— Ты хочешь, вѣроятно, этимъ сказать, что теперь онъ мужъ твой?

— Пожалуй и такъ: онъ получаетъ разводъ отъ жены своей Арабеллы.

— Отъ жены? Для меня совершенная новость, что у него есть жена.

— Это была плохая партія.

— Подобно твоей?

— Подобно моей. Онъ это дѣлаетъ не столько въ своихъ, сколько въ ея интересахъ. Она писала и говорила ему, что послѣ развода она можетъ вступить въ бракъ и жить честно, и Джудъ согласился на это.

— Бракъ... жена... разводъ... Какъ опостылѣли мнѣ эти слова! Такъ, слышишь?—я могу все забыть, Сусанна.

— Нѣтъ, нѣтъ! теперь ты не можешь взять меня обратно... Мнѣ пора уходить,—заявила она,—я побываю опять, если ты позволишь.

— Я и теперь прошу тебя не уходить, а остаться.

— Благодарю тебя, Ричардъ; но мнѣ право же пора. Я не могу остаться.

Съ этими словами Сусанна окончательно удалилась.

Джиллингамъ принималъ такое живое участіе въ судьбѣ Филлотсона, что навѣщалъ его раза два или три въ недѣлю. Придя къ нему послѣ визита Сусанны, онъ засталъ друга своего внизу и замѣтилъ, что его безпокойное настроеніе смѣнилось болѣе ровнымъ.

— Она была у меня послѣ вашего посѣщенія,—сказалъ Филлотсонъ.

— Ужъ не жена ли ваша? Значитъ, вы помирились?

— Нѣтъ... Она пришла, взбила своей маленькой ручкой мои подушки, съ полчаса изображала собою заботливую сидѣлку, а потомъ исчезла.

— Ахъ, чортъ возьми, какая же она бѣдовая, взбалмошная бабенка! Не будь она ваша жена...

— Она и такъ не моя жена, а другого, и только носитъ мое имя. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ порвать съ ней легальныя узы. Что толку держать ее на привязи, когда она принадлежитъ не мнѣ? Я знаю,— она приметъ такой шагъ за величайшую милость къ себѣ. Какъ христіанка, она сочувствуетъ мнѣ, жалѣетъ меня и даже плачетъ обо мнѣ; но какъ мужа она меня ненавидитъ, проклинаетъ — надо говорить безъ обиняковъ — прямо проклинаетъ, и мнѣ остается одинъ благородный, достойный и гуманный исходъ—кончить то, что я началъ... Да и по свѣтскимъ условіямъ ей лучше быть независимой. Я безнадежно

разбилъ свою карьеру изъ за рѣшенія, которое считалъ наилучшимъ для насъ. Я вижу предъ собой только безъисходную бѣдность вплоть до могилы. Меня вѣдь теперь никуда не возьмутъ учителемъ. Мнѣ будетъ легче переносить одному предстоящую тяжкую долю. Ей же разводъ не можетъ причинить никакого зла, напротивъ можетъ принести только счастье...

Джиллингамъ отвѣтилъ не вдругъ.

— Я могу не согласиться съ вашимъ мотивомъ,—деликатно сказалъ онъ, наконецъ.—Но я полагаю, что вы правы въ своемъ рѣшеніи, если только можете осуществить его, хотя я и сомнѣваюсь въ возможности осуществленія.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ольдбрикгэмъ и другія мѣста.

I.

На сколько оправдались сомнѣнія Джиллингама, будетъ видно изъ цѣлаго ряда тяжелыхъ мѣсяцевъ и событій, послѣдовавшихъ за обстоятельствами, переданными въ послѣдней главѣ, и доходящихъ до одного воскресенія въ февралѣ слѣдующаго года.

Сусанна и Джудъ жили въ Ольдбрикгэмѣ совершенно въ тѣхъ же отношеніяхъ, какія установились между ними за годъ передъ тѣмъ, когда она оставила Чэстонъ.

Они сходились обыкновенно къ общему завтраку въ маленькомъ домикѣ, нанятомъ Джудомъ и меблированномъ старинной обстановкою его тетки. Когда въ описываемое утро онъ вошелъ въ столовую, Сусанна держала въ рукахъ только что полученное письмо.

— Ну, разсказывай, какія новости?—сказалъ онъ, поздоровавшись съ нею поцѣлуемъ. Сусанна передала ему содержаніе письма, сообщавшаго, что оба ходатайства—о разводѣ Филлотсона и Фолэ—признаны и утверждены въ высшей судебной инстанціи.

— Ну, теперь, Сусанна, ты, во всякомъ случаѣ, можешь поступить, какъ тебѣ угодно,—сказалъ Джудъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ лицо своей возлюбленной.

— Неужели мы съ тобой теперь такъ свободны, какъ будто ты никогда не женился, а я не выходила замужъ?

— Совершенно такъ. Развѣ только пасторъ, по своему личному взгляду, не согласится обвѣнчать насъ и передастъ совершеніе обряда другому пастору.

— Какъ бы то ни было, мы можемъ жить съ тобой вмѣстѣ...

Мало-по-малу и Сусанна присоединилась къ радости своего поклонника отъ сознанія свободы и предложила отправиться на прогулку за городъ.

Они вышли изъ города и пошли мимо обширныхъ голыхъ полей, лишенныхъ и красокъ, и растительности. Впрочемъ, они были такъ заняты своимъ положеніемъ, что мало интересовались окружавшей ихъ природой.

— Итакъ, моя дорогая, общій выводъ изъ всего этого тотъ, что мы можемъ вступить въ бракъ послѣ нѣкотораго промежутка, требуемаго приличіемъ.

— Мнѣ не хочется сказать—нѣтъ, милый Джудъ; но я держусь и теперь своего прежняго взгляда на бракъ... Мнѣ кажется, я гораздо охотнѣе согласилась бы жить всегда, какъ мы живемъ теперь, встрѣчаясь между собою только днемъ. Такъ гораздо пріятнѣе—по крайней мѣрѣ для женщины. Мнѣ кажется, Джудъ, что я начну бояться тебя съ того момента, какъ ты обяжешься любить меня подъ легальнымъ клеймомъ. Фи, какъ все это ужасно и скверно!.. Между тѣмъ, если ты любишь меня совершенно свободно, я вѣрю тебѣ болѣе всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори, что я могу перемѣниться! — горячо оспаривалъ Джудъ, хотя въ его голосѣ слышалась неувѣренная нотка. — Вѣдь люди женятся, главнымъ образомъ, потому, что не могутъ противостоять естественному влеченію, хотя многіе изъ нихъ знаютъ, что имъ придется покупать краткое блаженство цѣною терзаній всей жизни. Вѣдь ты, Сусанна,—ты какое-то фантастическое, безплотное существо, и потому ты можешь разумно поступать въ такихъ обстоятельствахъ, когда мы, несчастныя и жалкія твари болѣе грубаго склада—не можемъ.

— Вотъ ты и призналъ,—сказала она со вздохомъ,—что бракъ, вѣроятно кончился-бы несчастіемъ для насъ.

Джудъ опять вернулся къ своей старой жалобѣ, что, несмотря на всю интимность ихъ отношеній, онъ не единаго раза еще не слыхалъ отъ нея честнаго и открытаго признанія, что она любитъ или можетъ любить его.

— Я право думаю иногда, что ты и не можешь любить,—сказалъ онъ нерѣшительно.

Сусанна, задумчиво смотрѣвшая въ пространство, вдругъ отвѣтила съ раздраженіемъ:

— Мнѣ кажется, что я дѣйствительно не люблю тебя теперь такъ, какъ прежде любила!.. Ты слишкомъ нетерпимъ и любишь пускаться въ скучныя наставленія. Весьма возможно, конечно, что мои пороки заслуживаютъ самаго безпощаднаго осужденія...

— Нѣтъ, Сусанна, я не считаю тебя порочной. Ты милая и добрая. Но ты бываешь скользка, какъ угорь, когда я желаю добиться отъ тебя признанія.

— Ну, хорошо, пусть я дурна. упряма, все что хочешь. Тебѣ незачѣмъ увѣрять меня въ противномъ. Добрая не станетъ браниться, какъ я... Но разъ у меня нѣтъ кромѣ тебя иного заступника, то очень обидно, что меня лишаютъ возможности самой рѣшить, должно-ли мнѣ вѣнчаться съ тобою или нѣтъ...

— Сусанна, другъ мой милый, счастье мое, я вовсе не хочу принуждать тебя, у меня этого и въ мысляхъ нѣтъ. Право, стыдно быть такой раздражительной. Лучше перестанемъ говорить объ этомъ вопросѣ и будемъ жить, какъ жили, а прогулку нашу окончимъ въ разговорахъ о цвѣтахъ, о заливныхъ лугахъ и другихъ хорошихъ вещахъ.

Послѣ этого между ними нѣсколько дней не было рѣчи о брачномъ вопросѣ, хотя при ихъ жизни въ одномъ корридорѣ вопросъ этотъ не выходилъ у нихъ изъ головы. Сусанна оказывала ему существенную подмогу въ его работѣ. Джудъ въ послѣднее время работалъ отъ себя могильныя плиты и рѣзалъ надписи на нихъ, а Сусанна, въ промежутки отъ домашнихъ занятій, вырисовывала ему надписи и чернила ихъ послѣ вырѣзки. Это ремесло было ниже его прежнихъ соборныхъ работъ, и его единственными кліентами были сосѣдніе бѣдняки, которые рады были дешевому мастеру для своихъ простыхъ памятниковъ. Зато онъ чувствовалъ себя болѣе независимымъ, чѣмъ прежде, и главное—только это дѣло и давало возможность Сусаннѣ, желавшей жить трудомъ, оказывать ему подмогу въ работѣ.

II.

Какъ-то вечеромъ, въ концѣ мѣсяца, Джудъ вернулся домой съ лекціи по древней исторіи, читанной въ одномъ общественномъ собраніи. Онъ вошелъ въ столовую, гдѣ Сусанна, остававшаяся дома, приготовила ужинъ, и взялъ въ руки какой-то иллюстрированный журналъ. Просматривая его, онъ взглянулъ на Сусанну и замѣтилъ тревожное выраженіе ея лица.

— Ты вѣроятно чѣмъ-то разстроена, Сусанна?—спросилъ онъ.

Сусанна отвѣтила не вдругъ.

— Я имѣю передать тебѣ кое-что,—проговорила она.

— Развѣ кто-нибудь былъ у насъ?

— Да, одна дама.—Голосъ Сусанны дрогнулъ при этихъ словахъ.—Я не знаю, такъ ли я поступила или нѣтъ,—продолжала она. Я сказала, что тебя нѣтъ дома, и когда она отвѣтила, что будетъ ждать, я прямо объявила, что едва ли ты захочешь ее видѣть.

Сусанна пытливо и настойчиво смотрѣла на него.

— Но кто же эта особа? Развѣ она не назвала себя.

— Нѣтъ, но я знаю, кто она—кажется... Это была Арабелла!

— Что ты—Господь съ тобою! Чего ради придетъ ко мнѣ Арабелла?

— Ахъ, я сама не знаю, но только увѣрена, что это была она! Я почувствовала это по блеску въ ея глазахъ, когда она смотрѣла на меня. Это была полная и довольно грубая женщина.

— Я не назвалъ бы Арабеллу грубой, развѣ въ разговорѣ. Впрочемъ, она могла за это время испортиться на трактирной службѣ. Она была очень красива, когда я зналъ ее.

— Красива! Еще бы!—она и сейчасъ красива!—отвѣтила ужаленная Сусанна.

— Мнѣ сейчасъ показалось, Сусанна, что твои маленькія губки дрожатъ. Но, вѣдь, она ничего для меня не представляетъ, и добродѣтельно вышла замужъ за другого. И изъ-за чего бы она пришла смущать насъ?

— Ахъ, Джудъ, но клянусь тебѣ, право же это была Арабелла!—воскликнула Сусанна, закрывъ лицо руками.—И какая я несчастная! Ея приходъ кажется мнѣ плохимъ предзнаменованіемъ. Вѣдь ты не хотѣлъ бы ее видѣть, скажи, не хотѣлъ бы, Джудъ?

— Конечно не хотѣлъ бы. Разговоръ съ нею былъ бы очень тягостенъ не только для меня, но и для нея. Однако, какъ-никакъ, она ушла. Не говорила-ли она, что придетъ опять?

— Нѣтъ. Но она ушла очень неохотно.

Взволнованная этимъ неожиданнымъ эпизодомъ, Сусанна не могла дотронуться до ужина и, когда Джудъ кончилъ свой, она собралась идти спать. Но едва она успѣла сгресть уголья въ каминѣ, запереть наружную дверь и подняться наверхъ, какъ раздался звонокъ. Сусанна моментально выскочила изъ своей комнаты.

— Это опять она!—прошептала она съ негодованіемъ.

Они прислушались. Звонокъ повторился. Прислуги въ домѣ не было, и отворить дверь приходилось одному изъ нихъ.

— Постой, я отворю окно,—сказалъ Джудъ.—Кто бы это ни былъ, невозможно впустить въ домъ посторонняго въ такое позднее время.

Джудъ пошелъ въ свою спальню и отворилъ окно. Темная улица, давно освободившаяся отъ рано возвращающагося рабочаго люда, была пуста, и въ свѣтѣ фонаря виднѣлся только силуэтъ женщины, расхаживающей по троттуару.

— Кто тамъ?—окликнулъ Джудъ въ окно.

— Позвольте узнать, не вы ли м-ръ Фолэ?—спросила женщина, голосъ которой принадлежалъ несомнѣнно Арабеллѣ.

— Она?—спросила Сусанна въ дверь, чуть ни съ ужасомъ.

— Да, голубка,—отвѣтилъ Джудъ.—Что вамъ нужно, Арабелла?

— Прошу васъ, Джудъ, извините меня за безпокойство,—покорно проговорила Арабелла.—Но мнѣ до зарѣзу нужно было видѣть васъ, если возможно сегодня же. Я въ ужасной тревогѣ и рѣшительно некому помочь мнѣ!

— Въ тревогѣ, говорите вы?

— Да.

Наступила пауза. Въ груди Джуда видимо шевельнулось несовсѣмъ умѣстное въ данный моментъ сочувствіе.

— Но развѣ вы не замужемъ?—спросилъ онъ.

Арабелла запуталась.

— Нѣтъ, Джудъ, не замужемъ,—призналась она.—Въ концѣ концовъ онъ отказался, и я въ большомъ затрудненіи. Впрочемъ, надѣюсь скоро поступить на должность конторщицы въ тавернѣ. Но на это нужно время, а теперь меня страшно пугаетъ неожиданная отвѣтственность, грозящая мнѣ изъ Австраліи. Иначе повѣрьте, я не посмѣла бы безпокоить васъ. Объ этомъ мнѣ и нужно поговорить съ вами.

Сусанна продолжала слѣдить за переговорами съ мучительнымъ напряженіемъ.

— Не нуждаетесь-ли вы въ деньгахъ, Арабелла?—спросилъ Джудъ уже болѣе осторожно.

— Я имѣю бездѣлицу, чтобы заплатить за ночлегъ, но мнѣ не съ чѣмъ вернуться обратно.

— А гдѣ вы живете?

— Все еще въ Лондонѣ.—Она-было хотѣла дать адресъ, но какъ-бы спохватившись, сказала:—Боюсь, что насъ могутъ слышать, а мнѣ не хочется такъ громко передавать о моихъ личныхъ обстоятельствахъ. Если-бы вамъ можно было пройти со мною тутъ недалеко—до гостинницы, гдѣ я остановилась переночевать, то я-бы вамъ объяснила.

— Бѣдняжка! я дѣйствительно обязанъ сдѣлать ей эту любезность,—сказалъ Джудъ въ сильномъ смущеніи.—Такъ-какъ завтра она уѣзжаетъ обратно, то это свиданіе не можетъ причинить мнѣ большихъ хлопотъ.

— Но вѣдь ты можешь навѣстить ее завтра, Джудъ,—послышался жалобный голосъ изъ-за двери.—Повѣрь, это только чтобы опутать тебя, какъ она прежде съ тобой продѣлывала. Не ходи, не ходи, милый! Это низкая, безнравственная женщина.

— Но я долженъ!—протестовалъ Джудъ.—Не пытайся удержать меня, Сусанна. Богу извѣстно, какъ мало я люблю ее теперь. Но все-же я не хочу быть жестокимъ къ ней.

Онъ повернулъ на лѣстницу.

— Но вѣдь она уже не жена тебѣ!—кричала ему въ бѣшенствѣ Сусанна.—А я...

— А ты *еще* не моя жена, голубка,—сказалъ Джудъ.

Она не сказала больше ни слова, и возвращаясь въ свою комнату, слышала, какъ онъ сошелъ съ лѣстницы, вышелъ и заперъ за собою дверь.

По женской слабости, Сусанна не выдержала и тоже спустилась внизъ, всхлипывая и прислушиваясь. Она знала разстояніе до гостинницы, въ которой остановилась Арабелла. Если онъ не возвратится скоро, значитъ— остался. Она взглянула на часы—половина одиннадцатаго. Джудъ могъ зайти съ ней въ гостинницу, такъ какъ они поспѣютъ до ея закрытія; она можетъ заставить его выпить съ нею, и Богу одному извѣстно, какія невзгоды могутъ тогда на него обрушиться...

Не прошло и четверти часа, какъ дверь отворилась, и появился Джудъ.

Сусанна встрѣтила его радостнымъ восклицаніемъ.—О, я знала, что могу на тебя положиться!

— Я не нашелъ ее нигдѣ по близости, да и вышелъ въ туфляхъ. Бѣдняжка, вѣроятно, ушла, подумавъ, что я безучастно отказался отъ ея приглашенія. Я вернулся за сапогами, а то дождикъ накрапываетъ.

— Мнѣ обидно, что ты доставляешь себѣ такое безпокойство изъ-за особы, которая всегда обходилась съ тобой такъ дурно,—возразила Сусанна въ припадкѣ ревниваго разочарованія.

— Но, послушай, Сусанна, вѣдь она женщина, да еще когда-то любимая мною; нельзя-же мнѣ быть безчувственнымъ къ ея горю. Я самъ, можетъ быть, еще грубѣе ея! Я глубоко убѣжденъ, что ношу въ себѣ задатки всѣхъ человѣческихъ слабостей, и вотъ почему я понялъ, что съ моей стороны было нелѣпостью мечтать о духовной карьерѣ. Мнѣ удалось избавиться отъ пьянства, но я не зналъ, въ какую новую форму преобразится во мнѣ подавленный порокъ! Я люблю тебя, Сусанна... Я хотѣлъ-бы, чтобы тѣ добродѣтельные праведники, которые, бывало, осуждали меня по поводу Арабеллы и другихъ приключеній, стали-бы теперь на мое мѣсто. Они поняли-бы, что̀ мнѣ приходилось переживать—здѣсь, подлѣ тебя... Однако пора, Арабелла ждетъ. Я долженъ выслушать ее, Сусанна!

— Больше я ничего не скажу. Если ты долженъ,—это твое дѣло! И она разразилась рыданіями.—У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя, Джудъ, а ты покидаешь меня! Я не знала, что ты такой. Я не могу вынести этой пытки! И если-бы еще Арабелла была твоею...

— Такъ будь-же ты моею.

— Ну, хорошо Джудъ... Если я должна—если ты такъ хочешь этого, я согласна! Я буду твоей женою. Хорошо—я согласна, ты слышишь—согласна! Мнѣ слѣдовало предвидѣть, что ты побѣдишь при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы жили это время.

Она бросилась къ нему и обвила руками его шею.—Я вовсе не хладнокровное, безполое существо! Я рада принадлежать тебѣ, слышишь? Я сдаюсь!..

— Я не пойду къ ней,—сказалъ онъ, нѣжно обнимая Сусанну.— Перестань же плакать. Вотъ такъ... Еще, еще!..—говорилъ онъ, цѣлуя ея лицо, ея губки,—и заперъ парадную дверь.

За ночь шелъ дождь, и съ утра улицы были грязныя.

— И такъ, моя голубка,—весело заговорилъ Джудъ за завтракомъ.— Нынче суббота, и я думаю просить безотлагательно произвести оглашеніе—такъ, чтобы первое было сдѣлано завтра, иначе мы теряемъ недѣлю.

Сусанна разсѣянно согласилась на оглашеніе, но мысли ея были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Оживленіе исчезло съ ея лица и замѣнилось выраженіемъ унынія.

— Я сознаю, что была слишкомъ эгоистична вчера,—проговорила она. — Съ моей стороны было крайне не любезно и даже грубо третировать Арабеллу, какъ я себѣ это позволила. Я не подумала о томъ, что она въ бѣдѣ и желаетъ поговорить съ тобою. Любовь имѣетъ и свою мрачную сторону, по крайней мѣрѣ, когда къ ней примѣшивается ревность. Я хотѣла бы знать, какъ она, бѣдняжка, добралась вчера до гостинницы. А что ты скажешь, если я схожу провѣдать ее? Представь, я продумала о ней все утро.

— Пожалуй, если тебѣ хочется... Я не мѣшаю. А когда ты вернешься—прибавилъ онъ,—мы можемъ вмѣстѣ сходить насчетъ оглашенія, Хочешь?

Сусанна согласилась и вышла въ пальто и съ зонтикомъ, позволивъ Джуду расцѣловать ее.

— Птичка поймана, наконецъ!—промолвила она съ какою-то горькою усмѣшкой.

— Ну, еще не совсѣмъ,—возразилъ Джудъ.

Она пошла по грязной улицѣ и остановилась у гостинницы Арабеллы. Ее провели наверхъ въ ея комнату. Арабелла еще не вставала.

— Я зашла къ вамъ только на минуту узнать, благополучно-ли вы дошли вчера? — сказала Сусанна привѣтливо. — Я потомъ боялась, чтобы съ вами чего не случилось.

— Ахъ, какъ это глупо!—раздраженно воскликнула Арабелла.— Я думала, что мой гость—вашъ другъ, вашъ мужъ, мистрисъ Фолэ, какъ, полагаю, вы себя называете!—и она опять откинулась на подушки съ оттѣнкомъ разочарованія, измѣнивъ заранѣе подготовленное выраженіе лица.

— Нѣтъ, я ни называю себя такъ,—отвѣтила Сусанна.

— Ну, извините, я думала, что вы носите его имя, хотя-бы онъ

и не былъ вашимъ законнымъ мужемъ. Впрочемъ, на приличіе всякій воленъ смотрѣть по своему.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—возразила Сусанна сдержанно.—Онъ мой, если вамъ это желательно знать!

— А вчера онъ не былъ вашимъ?

Сусанна вспыхнула румянцемъ.—Изъ чего вы это заключаете?—спросила она.

— Изъ тона, которымъ вы говорили со мною въ дверь. Ну, моя милая, проворно-же вы все повернули. Мнѣ кажется, мой вчерашній визитъ поторопилъ васъ маленько—ха, ха!—но я не желаю отнимать его у васъ.

Сусанна разсѣянно смотрѣла въ окно на дождь, потомъ на грязную обстановку комнаты и на подвязную косу Арабеллы, висѣвшую на зеркалѣ, и жалѣла, что пришла. Во время этой паузы постучалась горничная и подала телеграмму съ адресомъ «М-съ Кортлетъ».

Арабелла вскрыла телеграмму, и ея безпокойный взглядъ вдругъ преобразился.

— Я очень благодарна вамъ за участіе ко мнѣ,—проговорила она ласково, когда горничная удалилась;—но вамъ нѣтъ надобности безпокоиться за меня. Мой любовникъ, въ концѣ концовъ, убѣдился, что не можетъ безъ меня обойтись, и соглашается исполнить обѣщаніе жениться на мнѣ. Онъ проситъ меня возвратиться. Его маленькая таверна въ Ламбетѣ развалится безъ меня, по его выраженію. Что касается васъ, то я на вашемъ мѣстѣ всячески умаслила-бы Джуда сейчасъ-же вести васъ подъ вѣнецъ и покончить этотъ вопросъ. Говорю вамъ это по дружбѣ, моя дорогая.

— Онъ и ждетъ этого со дня на день,—холодно возразила Сусанна.

— Такъ и вѣнчайтесь въ добрый часъ. — Вотъ и я вѣнчаюсь съ своимъ поклонникомъ, можно сказать, снова, потому что въ прежнемъ обрядѣ была не соблюдена одна важная формальность. Въ телеграммѣ, на которую эта служитъ отвѣтомъ, я сообщала ему, что почти примирилась съ Джудомъ, и это вѣроятно всполошило его! Быть можетъ, я и докончила-бы примиреніе, если-бъ не забота о васъ!—сказала она, улыбаясь:—И тогда какъ различны были-бы съ нынѣшняго дня наши судьбы! Зная хорошо этого безхарактернаго простяка Джуда, я совѣтую вамъ покончить съ нимъ легально какъ можно скорѣе. Иначе вы наживете себѣ впослѣдствіи массу затрудненій.

— Я же говорила вамъ, что онъ самъ желаетъ сдѣлать наши отношенія легальными,—сказала Сусанна еще съ большимъ достоинствомъ.—Только уступая мнѣ, онъ не сдѣлалъ этого тотчасъ, какъ я стала свободною. Однако прощайте, мнѣ пора!—быстро проговорила Сусанна, видимо желая прекратить наскучившее объясненіе.

— Мнѣ тоже надо вставать—и маршъ!—проговорила Арабелла, лихо вскочивъ съ постели, такъ что баночки и пузырьки на ея ночномъ столикѣ задребезжали.

— Погодите минутку, моя милая, — продолжала она, положивъ руку на плечо Сусанны,—я дѣйствительно хотѣла посовѣтоваться съ Джудомъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, какъ я сказала ему. Я собственно изъ-за того и пріѣхала... Не забѣжитъ-ли онъ ко мнѣ на вокзалъ, куда я отправляюсь? Думаете, нѣтъ? Ну, ладно, такъ я напишу ему о дѣлѣ. Мнѣ не хотѣлось писать объ этомъ,—ну, да что за бѣда, напишу.

III.

Когда Сусанна вернулась домой, Джудъ ждалъ ее у дверей, чтобы идти по дѣлу объ оглашеніи. Дорогой Сусанна разсказала ему о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ посѣщенія Арабеллы. Она не забыла подчеркнуть ея суровыя выраженія о несостоятельности законнаго брака—этой ловушки для удержанія мужа, по ея циничному выраженію. Сусанна предпочитала свободную любовь условной и замкнутой и уговаривала Джуда подождать съ оглашеніемъ. Дѣло пріостановилось недѣли на три, и все это время они продолжали жить въ какомъ-то фантастическомъ раю.

Однажды за завтракомъ, въ концѣ этого періода, имъ подали письмо и газету отъ Арабеллы. Сусанна развернула газету, Джудъ вскрылъ письмо. Въ газетѣ оказался обычный аннонсъ о бракосочетаніи въ такой той церкви Кортлета съ м-съ Доннъ, т. е. Арабеллы съ содержателемъ гостинницы. Письмо было отъ Арабеллы и заключало очень важное извѣстіе. Арабелла открывала въ немъ Джуду, что у нея есть сынъ отъ него, родившійся въ Австраліи, о которомъ она не рѣшалась пока ему говорить. Этого мальчика ей скоро доставятъ, но такъ какъ онъ еще слишкомъ малъ, чтобы помогать имъ въ ихъ дѣлѣ, то она проситъ Джуда взять его къ себѣ... «Ребенокъ родился черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ нашей разлуки, предъ моимъ отъѣздомъ въ Австралію», сообщалось въ письмѣ, «и онъ вашъ законный сынъ, что я подтверждаю торжественной клятвой. Каково-бы ни было мое поведеніе до брака съ вами и послѣ, но я держала себя безукоризненно за все время этого брака».

— Скажи, что мнѣ отвѣтить ей?—проговорилъ Джудъ.

Неожиданное извѣстіе сильно смутило Сусанну.

— Бѣдный ребенокъ, какъ видно, никому не нуженъ, — сказала она, наконецъ, и на глазахъ ея блеснули слезы.

Джудъ между тѣмъ овладѣлъ собою.

— Будь я въ лучшихъ обстоятельствахъ, я не задумался бы взять его на воспитаніе, не разбирая, мой это ребенокъ, или нѣтъ. Къ чему разбираться въ этомъ праздномъ вопросѣ? Всѣ дѣти нашего времени суть дѣти отъ насъ, взрослаго поколѣнія современности, и имѣютъ право на наши общія заботы. Эгоистичная любовь родителей къ собственнымъ дѣтямъ и нелюбовь къ дѣтямъ постороннихъ, подобно сословному чувству, патріотизму, представляетъ, въ сущности, несимпатичную исключительность узкаго себялюбія.

Сусанна вскочила и разцѣловала Джуда съ глубокимъ чувствомъ.

— Да, это святая правда, мой милый, возлюбленный Джудъ!— восторженно воскликнула она.—Давай же, возьмемъ его къ себѣ. И если онъ окажется не твой—тѣмъ лучше. По правдѣ сказать, я и сама немножко подозрѣваю—хотя и не имѣю къ тому особыхъ основаній! Все равно, я буду любить его, какъ нашего усыновленнаго ребенка. Какъ бы то ни было,—продолжала она на дальнѣйшія разсужденія Джуда,—мы должны взять его. Я сдѣлаю все возможное, чтобы быть для него матерью, и ребенокъ едва-ли будетъ намъ въ тягость. Я буду еще энергичнѣе работать. Но хотѣлось бы знать, когда же онъ пріѣдетъ къ намъ?

— Да, вѣроятно, черезъ нѣсколько недѣль.

— Всего бы лучше одновременно съ тѣмъ, когда мы отважимся на свадьбу.

— Если ты отважишься, то я и подавно. Это зависитъ только отъ тебя, моя голубка. Скажи только слово, и все будетъ сдѣлано.

— До пріѣзда мальчика?

— Разумѣется.

— По крайней мѣрѣ, онъ пріѣдетъ какъ-бы въ родной домъ,—заключила Сусанна.

Вслѣдъ за этимъ Джудъ написалъ Арабеллѣ, чтобы она выслала къ нимъ мальчика тотчасъ по его пріѣздѣ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ, конечно, ни единымъ словомъ не коснулся вопроса о происхожденіи ребенка.

На другой день, съ обратнымъ поѣздомъ, прибывшимъ въ Ольдбрикгэмъ, часовъ въ десять вечера, въ темномъ уголкѣ третьекласснаго вагона можно было видѣть мальчика съ худенькимъ блѣднымъ лицомъ и большими испуганными глазами. На шеѣ у него былъ повязанъ бѣлый шерстяной шарфикъ, поверхъ котораго висѣлъ на простой бичевкѣ ключъ, привлекавшій вниманіе своимъ блескомъ въ освѣщеніи вагоннаго фонаря. За лентой его шляпы торчалъ половинный билетъ. Ребенокъ сидѣлъ, уставивъ взглядъ въ спинку противоположной скамейки и не оборачивался къ окну даже въ минуты остановокъ поѣзда у станціи.

Поѣздъ пришелъ въ Ольдбрикгэмъ, и мальчика высадили на пустую платформу, вмѣстѣ съ его чемоданчикомъ. Бѣдняжка, по совѣту кондуктора, оставилъ пока чемоданъ на станціи, и, разспросивъ какъ пройти въ назначенную улицу, несмотря на ночную пору, сейчасъ же тронулся въ путь, оглядываясь, чтобъ убѣдиться, что за нимъ никто не идетъ и не наблюдаетъ.

Послѣ долгихъ разспросовъ, мальчикъ нашелъ тѣсный переулокъ и позвонилъ у двери домика Джуда. Джудъ только-что улегся въ постель, а Сусанна вошла въ свою комнату, какъ услыхала звонокъ и сошла къ двери.

— Скажите, здѣсь живетъ мой отецъ?—спросилъ мальчикъ.—М-ръ. Фолэ, такъ его зовутъ.

Сусанна бросилась къ Джуду и сказала о пріѣздѣ мальчика.

— Да неужели это онъ такъ скоро? — допрашивала она Джуда, когда тотъ шелъ отпирать дверь.

Сусанна пытливо вглядывалась въ черты лица вошедшаго ребенка, и вдругъ вышла въ другую комнату. Джудъ приподнялъ его въ уровень съ собою, поглядѣлъ на него съ грустной нѣжностью и, посадивъ въ кресло, пошелъ взглянуть на Сусанну, которая, какъ онъ замѣтилъ, была сильно взволнована. Онъ нашелъ ее въ потьмахъ, склонившуюся надъ кресломъ. Онъ обнялъ ее и, прильнувъ лицомъ къ ея лицу, спросилъ шепотомъ:

— Что съ тобою, Сусанна?

— Все, что сказала Арабелла, вѣрно—совершенно вѣрно! Я вижу васъ въ немъ!

— Ну, что-жъ! Во всякомъ случаѣ, это единственная вещь въ моей жизни, которая вышла такъ, какъ ей слѣдовало выйти.

— Но другая половина въ немъ—*она*! И вотъ этого я не могу вынести! Но я должна, я попробую привыкнуть къ нему.

— Какая ты, однако, ревнивая, Сусанна! Но это не бѣда! Время можетъ все сгладить... И знаешь что, моя дорогая? Меня занимаетъ вотъ какая идея: мы будемъ воспитывать и подготовлять его въ университетъ. Чего не удалось достигнуть мнѣ, быть можетъ намъ удастся осуществить въ немъ; ты знаешь, вѣдь теперь бѣднымъ студентамъ легче попасть въ высшія заведенія, чѣмъ было въ мое время.

— Ахъ ты, неисправимый идеалистъ!—сказала Сусанна и, держа его за руку, обернулась къ стоявшему подлѣ него ребенку. Мальчикъ пристально всматривался въ нее.

— Такъ, наконецъ, это вы моя *настоящая* мать?—спросилъ онъ.

— А что? Развѣ я похожа на жену твоего отца?

— Да, онъ любитъ васъ и вы любите его. Могу я васъ называть мамой?

Вдругъ мальчикъ зажмурился и заплакалъ.

— Можешь, мой дружокъ, зови меня мамой, если хочешь! — проговорила Сусанна, прижавшись щекою къ его лицу, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.

Они дали ему поужинать и устроили для него временную постельку, въ которой мальчикъ вскорѣ заснулъ.

— Онъ назвалъ тебя раза два мамой передъ тѣмъ, какъ заснуть,— замѣтилъ Джудъ.—Не странно-ли, что онъ самъ захотѣлъ такъ называть тебя!

— Да, это знаменательно,—согласилась Сусанна.—Для насъ гораздо интереснѣе всматриваться въ это маленькое, алчущее любви сердечко, нежели въ далекія звѣзды небеснаго свода. Теперь для насъ настало время вооружиться мужествомъ и покончить съ брачной формальностью. Безполезно бороться противъ теченія. Но скажи, Джудъ, вѣдь ты и послѣ этого будешь любить меня? Я хочу быть ласковой къ этому ребенку, хочу быть матерью его, и облеченіе нашего брака въ легальную форму облегчитъ мнѣ мою задачу.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПИСЬМА СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ.

Въ журналѣ «Neue Deutsche Rundschau» напечатана серія еще неопубликованныхъ писемъ Софьи Ковалевской къ Маріи Мендельсонъ, съ предисловіемъ послѣдней.

Г-жа Мендельсонъ познакомилась съ Софьей Ковалевской въ Парижѣ въ 1882 г., и симпатія, возникшая между ними съ первой встрѣчи, съ каждымъ годомъ возростала. Отдаленныя другъ отъ друга обстоятельствами жизни, онѣ пытались сохранить душевную близость и на разстояніи. Между ними завязалась переписка. Нѣжностью и искренностью дышатъ письма Софьи Ковалевской. Въ глубинѣ ея истинно женской души скрывались всѣ оттѣнки доброты, участія, привязанности, на первый взглядъ плохо вяжущіеся съ ея склонностью къ трансцендентальной математикѣ. «Я, говоритъ она въ одной изъ бесѣдъ со своей пріятельницей, я—только научная книга, въ которой ищутъ какую-нибудь формулу и, найдя ее, ставятъ тутъ-же опять въ книжный шкафъ». Она плохо судила о самой себѣ, убѣждая себя въ томъ, что отъ нея вѣетъ сухостью научныхъ формулъ. Въ дѣйствительности, она была одарена такой тонкой чувствительностью, что даже боязнь огорчить долгимъ молчаніемъ кого-нибудь изъ дорогихъ людей причиняла ей истинное страданіе.

Два эпизода, передаваемыхъ въ предисловіи г-жи Мендельсонъ и остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными, показываютъ, сколько доброты и живаго чувства скрывалось въ душѣ этой выдающейся женщины.

«Однажды,—говоритъ Марія Мендельсонъ,—я застала Софью Ковалевскую озабоченной, встревоженной. Нить нашего разговора на каждомъ шагу прерывалась. Наконецъ, не въ силахъ больше владѣть собой, она сказала:

— Я должна повѣрить вамъ причину моей тревоги и попросить у васъ совѣта. Дѣло вотъ въ чемъ: у одного изъ моихъ друзей-математиковъ есть 16-лѣтняя сестра. Она эта хочетъ отдаться научной дѣятельности, но родные противятся этому. Я забыла сказать вамъ, что дѣло происходитъ въ Россіи и что молодая дѣвушка не вправѣ распоряжаться собой. Она могла-бы, правда,—прибавила съ грустной улыбкой Софья Васильевна,—вступить въ фиктивный бракъ, но слишкомъ трудно найти кого-нибудь, кто захотѣлъ-бы связать свою жизнь, чтобы дать молодой дѣвушкѣ возможность заняться тѣмъ, что ей по сердцу. Словомъ, къ этому средству нельзя прибѣгнуть. Я посовѣтовала моему другу привезти сестру свою въ Парижъ, гдѣ она могла-бы свободно учиться чему ей угодно; но такъ какъ ей нельзя переѣхать границу подъ своимъ настоящимъ именемъ (ея родные не замедлили-бы воспрепятствовать этому и задержать ее на границѣ), я одолжила ей свой паспортъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я жду ихъ. Братъ обѣщалъ телеграфировать мнѣ, какъ только они прибудутъ въ Германію, но я до сихъ поръ сижу безъ вѣстей, что крайне меня смущаетъ.

— Вы, должно быть, очень любили эту молодую дѣвушку, если рѣшились оказать ей такую большую услугу,—сказала я ей.—Если ее задержатъ на границѣ и отошлютъ къ ея роднымъ, вы будете поставлены въ весьма непріятное положеніе и не сможете вернуться въ Россію.

— Это вѣрно,—сказала задумчиво Софья.—Я никогда не видѣла этой молодой дѣвушки, но ни въ какомъ случаѣ не поступила-бы я иначе. Какъ ни протянуть руку помощи кому-нибудь, кто жаждетъ учиться, особенно женщинѣ? Вы вѣдь знаете, какія трудности приходится преодолѣвать намъ, когда мы хотимъ выбрать себѣ какое-нибудь другое положеніе, кромѣ замужества. Кто знаетъ? я, можетъ быть, оказала услугу наукѣ. Эта молодая дѣвушка можетъ стать вторымъ Клодъ Бернаромъ. Братъ ея говорилъ мнѣ, что у нея страстное влеченіе къ естественнымъ наукамъ.

«Десять дней спустя, я снова увидѣлась съ г-жей Ковалевской. Ее сопровождала очень хорошенькая молодая дѣвушка, брюнетка, съ улыбающимися глазами, восхищенная и Парижемъ, и своей свободой, завоеванной благодаря пріятельницѣ брата».

Второй эпизодъ относится къ смерти г. Ковалевскаго, мужа Софьи Васильевны.

«Однажды, лѣтомъ 1883 г., говоритъ г-жа Мендельсонъ, я отправилась къ г-жѣ Ковалевской. Мнѣ открыла двери Зоя (молоденькая пріятельница Ковалевской, которой она дала возможность пріѣхать въ Парижъ), съ покраснѣвшими, полными слезъ глазами и разстроеннымъ лицомъ.

— Что случилось?—спросила я.

— Большое горе постигло Софью Васильевну: мужъ ея умеръ, покончилъ самоубійствомъ!

«Я не видѣла Сони ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій. Она не принимала рѣшительно никого, приказала спустить въ своей комнатѣ шторы и плакала въ темнотѣ. Мнѣ сказали, что съ минуты полученія роковой вѣсти она отказывалась принимать пищу. На пятый день, истощенная горемъ и голодомъ, она впала въ безсознательное состояніе. Врачъ долженъ былъ силой разжать ей зубы и заставить ее сдѣлать нѣсколько глотковъ. На шестой день утромъ, проснувшись, Софья Васильевна сѣла на постели, попросила бумагу и карандашъ и погрузилась въ рѣшеніе математической проблемы. «Меня пропустили къ больной. Блѣдная, исхудалая, она устремила на меня неподвижный взглядъ; какая-то покорность читалась въ ея кроткихъ глазахъ. Все ея существо сосредоточилось на рѣшеніи проблемы. Она какъ-бы позабыла о своемъ горѣ».

Г-жа Мендельсонъ передаетъ еще, со словъ самой Софьи Васильевны слѣдующій разсказъ, освѣщающій ту симпатію, которую Ковалевская питала къ полякамъ.

«Семья моя была очень близка съ семьей военнаго министра Милютина,—разсказывала Софья Васильевна.—И черезъ нее-то я узнала исторію Сигизмунда Сираковскаго. Отецъ его принималъ участіе въ возстаніи 1831 г. Самъ Сигизмундъ пріобрѣлъ огромное вліяніе, благодаря своимъ удивительнымъ ораторскимъ способностямъ. Будучи еще студентомъ петербургскаго университета въ 1848 г., онъ сдѣлалъ попытку перейти черезъ русскую границу съ цѣлью присоединиться къ польскому возстанію. На него донесли, и арестованный, отправленный въ Петербургъ, онъ былъ приговоренъ къ службѣ въ качествѣ простого солдата въ уральскомъ дисциплинарномъ батальонѣ. Здѣсь онъ познакомился и съ жизнью солдатъ, и съ наказаніями, которымъ они подвергались. Сираковскій, безмощный изгнанникъ, начинаетъ мечтать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, считавшихся тогда краеугольнымъ камнемъ военной дисциплины. Ему представляется возможность осуществить свою мечту. Крымская война и восшествіе на престолъ Александра II вызываютъ общую амнистію. Сираковскій возвращается въ Петербургъ и поступаетъ въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній. Черезъ 2 года онъ выходитъ оттуда съ чиномъ капитана и приступаетъ съ неутомимымъ рвеніемъ къ проектамъ реформъ. Коммисія, которой онъ представляетъ эти проекты, принимаетъ ихъ; Сираковскаго окружаютъ почести и слава. Онъ женится по любви на молоденькой полькѣ. Счастье, казалось, улыбнулось ему. Какъ вдругъ разражается польское возстаніе 1863 г. Сираковскій немедленно подаетъ въ отставку и пишетъ Милютину, что присоединяется къ возстанію. «Польша,—говоритъ онъ,—должна имѣть возможность разсчитывать на всѣхъ своихъ сыновъ; черезъ нѣсколько не-

дѣль вы, можетъ быть, подпишите мнѣ смертный приговоръ, но я сохраню за собой право на ваше уваженіе». Черезъ нѣсколько недѣль Сираковскій былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ смертной казни».

Драма эта, которую Софья Ковалевская слышала еще очень молоденькой дѣвушкой, произвела на нее сильное впечатлѣніе. Трагическая развязка ея глубоко потрясла Ковалевскую. Въ ея обобщающемъ умѣ личность Сираковскаго выросла въ героическое воплощеніе Польши, и съ тѣхъ поръ Польша завоевала себѣ ея любовь и уваженіе.

I.

Стокгольмъ, 26-го декабря 1883 г.

Вотъ ужъ цѣлый вѣкъ, какъ я сижу безъ вѣстей отъ васъ. Послѣднія полученныя извѣстія дошли ко мнѣ черезъ нашего общаго друга В. и были далеко не отрадны. Я узнала, что вы хворали, что дорогое намъ дѣло не подвигается впередъ, что Р... [1]) не издается больше и что другу вашему М... грозитъ опасность быть выданнымъ, по истеченіи срока его заключенія въ Германіи, правительству его родины. Все это глубоко печалитъ меня.

Хотя я вамъ и не писала, но не переставала все время думать о васъ и всей душой моей стремлюсь вновь увидѣться съ вами и начать, какъ этимъ лѣтомъ, наши долгія отрадныя бесѣды. Вспоминаете-ли вы о нихъ? Но какъ знать, когда наши жизненные пути вновь сойдутся!

Теперь я въ Стокгольмѣ; мои лекціи по математикѣ при университетѣ начнутся черезъ двѣ недѣли, и я съ ужасомъ думаю о минутѣ, когда предстану передъ моей аудиторіей.

Стокгольмъ довольно красивый городъ. Что-же до его общества, то на фонѣ глубоко патріархальной и вполнѣ нѣмецкой жизни проглядываютъ кое-гдѣ *новыя идеи*, виднѣются отпечатки свободной мысли; я еще не вполнѣ свободно оріентируюсь въ немъ. У меня много друзей и нѣсколько враговъ. Враги мои—почти исключительно профессора Упсальскаго университета. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что Стокгольмскій университетъ основанъ недавно. Упсальскій-же (Упсала—маленькій городокъ на разстояніи мили отъ Стокгольма) существуетъ въ теченіе вѣковъ. Въ настоящее время оба университета олицетворяютъ собой два противуположныхъ направленія. Упсала—центръ консерватизма, ортодоксальной науки, устарѣлыхъ тенденцій; Стокгольмъ, напротивъ, стоитъ во главѣ всего, что дышетъ молодостью, прогрессомъ, движеніемъ. Вамъ легко представить себѣ соперничество обоихъ университетовъ. Большинство студентовъ стоитъ на сторонѣ Стокгольма и, хотя упсаль-

---

[1]) Журналъ, издаваемый г-жею Мендельсонъ.

скій университетъ даетъ имъ много преимуществъ въ смыслѣ ихъ будущности, они приходятъ къ намъ сомкнутыми рядами. Обстоятельство это, какъ вы легко объ этомъ догадываетесь, не мало способствуетъ натянутымъ отношеніямъ между нами и нашими милыми сосѣдями. Когда появилось оффиціальное сообщеніе о началѣ моихъ лекцій въ Стокгольмскомъ университетѣ, студенты математики упсальскаго университета поспѣшили распространить эту вѣсть среди своихъ товарищей. Профессора разразились бурей негодованія. Въ одномъ изъ своихъ собраній втеченіи цѣлаго вечера изливали они на меня свое презрѣніе, стремясь подорвать вѣру въ мои знанія, сочиняя нелѣпѣйшія, гнусныя сплетни о мотивахъ моего пріѣзда въ Стокгольмъ и т. п. Не ожидала я найти столько желчи въ добрыхъ, миролюбивыхъ шведахъ!

Къ несчастью, между профессорами упсальскаго университета имѣется не мало людей, пользующихся большимъ вліяніемъ въ Швеціи. Король, покровительствовавшій сначала Стокгольмскому университету, теперь убѣжденъ, что онъ можетъ стать очагомъ свободомыслія и радикальныхъ стремленій, и отвернулся отъ него. Вотъ какъ обстоятъ мои дѣла. Прощайте, до свиданія. Жду вѣсточки отъ васъ.

Софья Ковалевская.

II.

Стокгольмъ, 19 января 1884 г.

Дорогой другъ,

Я глубоко тронута вашей памятью о моихъ слабостяхъ и считаю добрымъ предзнаменованіемъ маленькую записную книжечку съ календаремъ, которую вы прислали мнѣ къ Новому году. Я вѣрю, что она принесетъ мнѣ счастье и буду вспоминать о васъ всякій разъ, какъ мнѣ придется вносить что-либо въ нее. Эта мысль мнѣ особенно отрадна.

Какъ грустно, что обстоятельства складываются такъ плохо. Особенно огорчило меня отступничество нашего рыжеволосаго друга. По складу характера, по темпераменту, онъ истинный анархистъ. Но какъ-же онъ не понимаетъ, что настоящій порядокъ вещей долженъ смѣниться промежуточной формой правленія? Всякая борьба, а предстоящая намъ въ особенности, требуетъ искусной организаціи; будущее поколѣніе, болѣе просвѣщенное чѣмъ мы, лучше насъ пойметъ, на какой формѣ правленія остановиться. Право, я не могу представить себѣ Д. отдѣльно отъ васъ. Кто-же взялъ на себя редактированіе вашего журнала?

Я встрѣтила здѣсь (гдѣ меньше всего ожидала) не мало людей, живо интересующихся соціальнымъ движеніемъ. И въ Швеціи, думается мнѣ, найдется порядочно элементовъ, изъ которыхъ можно создать серьезную партію. Но этимъ займутся главнымъ образомъ нѣмцы: внѣшнія обстоя-

тельства здѣсь аналогичны германскимъ, хотя здѣсь царитъ несравненно большая свобода, и шведы, особенно-же норвежцы, люди гораздо болѣе передовые и болѣе доступные свободной мысли, чѣмъ нѣмцы.

Послѣдняя «катастрофа» вашего друга В... вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію, которое я составила себѣ о немъ по вашимъ разсказамъ. Отъ души желаю, чтобы это не было концомъ его дѣятельности. Такой энергичный, такой осторожный, такой рѣшительный человѣкъ, какъ онъ, скоро добьется цѣли. Напишите мнѣ, пожалуйста, какъ только у васъ будутъ болѣе точныя свѣдѣнія о судьбѣ В. Вѣдь я очень интересуюсь имъ.

Я не знала, что въ польскихъ газетахъ писали обо мнѣ, и счастлива тѣмъ, что поляки считаютъ меня своею. Никогда ни одинъ народъ не внушалъ мнѣ такой симпатіи, какъ поляки.

Въ настоящее время я очень занята и всецѣло поглощена намѣреніемъ укрѣпить свое положеніе при университетѣ и открыть такимъ образомъ дорогу женщинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я глубоко заинтересована начатой мною работой по математикѣ; мнѣ не хотѣлось-бы умереть, не окончивъ ее. Если она мнѣ удастся, имя мое станетъ на ряду съ самыми знаменитыми именами въ области математики. Я считаю, что мнѣ придется употребить по крайней мѣрѣ пять лѣтъ на то, чтобы довести до конца все предпринятое здѣсь мною. Но черезъ пять лѣтъ найдется, надо надѣяться, не мало женщинъ, которыя смогутъ замѣнить меня и дать мнѣ возможность слѣдовать побужденіямъ моей цыганской природы. Тогда только, милый другъ, встрѣтимся мы гдѣ нибудь съ вами, но ради Бога не разсчитывайте на это раньше назначеннаго мною срока. Во всякомъ случаѣ, я считаю ваше обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ въ Стокгольмъ неизмѣннымъ, смотрю на него какъ на данное мнѣ вами слово.

Что до моего повседневнаго существованія, трудно представить себѣ что либо болѣе монотонное, болѣе пустое. Не смѣю сравнивать себя съ другими птицами, но могу похвалиться нѣкоторымъ сходствомъ съ совою. Правда, въ общемъ мірѣ твореній—сова птица добрая, достопочтенная, и нѣтъ никакихъ основаній награждать ее презрѣніемъ. Она, конечно, не имѣетъ блестящаго наряда райской птицы, но съ ней по крайней мѣрѣ можно быть спокойнымъ и не ждать такого сюрприза, что при первомъ дождѣ она слиняетъ, какъ маленькая дроздиха Альфреда де-Мюссэ.

Вообразите себѣ одаренную разумомъ, мыслящую и трудящуюся машину: вотъ что представляю я изъ себя въ данную минуту. Впрочемъ, вѣдь большая часть моей жизни прошла такъ, и я къ этому привыкла. Но я все еще вѣрю въ прекрасный, блестящій закатъ солнца, а есть-ли въ мірѣ что либо прекраснѣе солнечнаго заката? Обратили-ли вы вниманіе на то, какъ чудесны закаты солнца въ этомъ году въ Парижѣ? Они—восхитительны. Вы, должно быть, слышали, что астрономы приписываютъ это вращенію земли въ какой-то туманности; не странно-ли

сознавать себя такъ близко отъ тѣла, которое скоро вновь исчезнетъ въ безконечности?

Въ то время, какъ я пишу вамъ, дорогой другъ, мнѣ кажется, что я подлѣ васъ, съ вами, мы только не видимъ другъ друга, но легко и отчетливо чувствуемъ каждое слово. Аналогія тѣмъ полнѣе, что теперь два часа ночи, часъ невѣроятный для Стокгольма, гдѣ ложатся вмѣстѣ съ курами, что-бы, къ несчастью, вмѣстѣ съ ними-же встать.

Поэтому—пора проститься съ вами. Надѣюсь, что вы не заставите меня долго ждать писемъ отъ васъ.

Пишите мнѣ, прошу васъ, о всѣхъ моихъ парижскихъ знакомыхъ, Вы не можете себѣ представить, какъ живо вспоминаю я это время и какъ все то, о чемъ я вспоминаю, дорого мнѣ.

Преданная вамъ
Софія Ковалевская.

III.

Мой дорогой, горячо любимый другъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я получила ваше письмо, но только сейчасъ узнала я о грустной, неожиданной кончинѣ бѣднаго Д.—В... очень волнуется за васъ: это несчастіе, должно быть, очень потрясло васъ. И я волнуюсь не меньше его. Напишите-же намъ обоимъ, дорогой другъ, нѣсколько словъ, чтобы успокоить насъ. Вѣдь вы знаете, что друзья ваши, которымъ извѣстна по другимъ аналогичнымъ событіямъ живость вашего характера, ваша глубокая воспріимчивость и ваша маленькая, быстро воспламеняющаяся польская головка, сильно встревожены за васъ.

Что-же могло побудить бѣднягу Д. къ такому нежданному концу? Жизнь, правда, ничего особенно драгоцѣннаго собой не представляетъ,—и однакожъ мы удивляемся каждый разъ, когда видимъ, что кто-нибудь преждевременно освобождаетъ себя отъ нея.

Читали-ли вы «La joie de vivre» Золя? Помните возгласъ стараго подагрика, вся жизнь котораго—сплошная агонія и который, узнавъ о самоубійствѣ своей служанки, восклицаетъ: «Какъ глупо убивать себя!» И такъ мнѣ кажется бываетъ зачастую: тѣ именно, которые наиболѣе страдали, которые ждутъ отъ жизни меньше всего, цѣпляются за нее сильнѣе и называютъ глупцомъ всякаго, кто преждевременно освобождаетъ себя. А между тѣмъ, жизнь—большая групость, по существу!

Но вмѣсто того, чтобы развлечь и утѣшить васъ, я начинаю сама предаваться мрачнымъ мыслямъ. Я должна вамъ сознаться, что жизнь мнѣ надоѣла—и безъ всякихъ на это причинъ, такъ какъ все мнѣ удается.

Вѣроятно вы уже прочли въ газетахъ о моемъ назначеніи въ профессора. Я кончила тоже работу по математикѣ, которой отдала не мало

времени; у меня повидимому много основаній радоваться, а между тѣмъ никогда еще не ощущала я такъ живо пустоту и однообразіе жизни.

Ни слова объ этомъ В... Мнѣ кажется, что онъ не пойметъ моего теперешняго состоянія духа; оно только вызоветъ въ немъ безпокойство за меня. Къ тому-же это скоро пройдетъ. Я слишкомъ переутомилась для достиженія моей маленькой цѣли и теперь мнѣ кажется, что не изъ-за чего было такъ много трудиться. Надѣюсь, что это не болѣе, какъ временное уныніе, и что скоро я примусь за работу съ новымъ удовольствіемъ.

Я пробуду еще двѣ недѣли въ Берлинѣ а затѣмъ возвращусь въ Швецію. Прощайте, дорогой другъ. Жду съ такимъ-же безпокойствомъ какъ и нетерпѣніемъ хоть нѣсколькихъ строкъ отъ васъ.

Преданная вамъ

Софія Ковалевская.

IV.

Дорогая Марія,

Сегодня утромъ я едва успѣла какъ слѣдуетъ проститься съ вами, поблагодарить васъ за гостепріимство и дружбу, которую вы проявляли ко мнѣ втеченіе моего пребыванія въ Парижѣ [1]). Мнѣ хочется еще разъ мысленно обнять васъ передъ тѣмъ, какъ я покину дорогую мнѣ Францію. Я могла спокойно остаться у васъ до часу, не заставляя васъ подыматься такъ рано, съ рискомъ усилить вашу мигрень, могла избавить всѣхъ нашихъ друзей отъ столь ранней прогулки: мнѣ сказали здѣсь, что пароходъ никогда не отходитъ раньше пріѣзда вечерняго поѣзда. Если погода будетъ благопріятствовать, мы пробудемъ только четыре дня въ морѣ и прибудемъ въ Христіанію въ воскресенье вечеромъ. Отъ Парижа до Гавра я ѣхала въ обществѣ старой дамы и монашенки, которыя все время говорили о замужествѣ дочери дамы. Монашенка горячо поддерживала интересы молодого человѣка, еще не знакомаго съ невѣстой, но желающаго породниться съ семьей. Трудно представить себѣ что либо любопытнѣе монахини этого типа. На нашемъ пароходѣ говорятъ по-шведски и по-норвежски. Мнѣ кажется страннымъ вновь слышать эти два языка, вмѣсто французскаго.

Какъ грустно, что путешествія обыкновенно такъ коротки; еле успѣетъ зародиться къ кому-либо глубокое, теплое чувство, какъ нужно уже разставаться. Какое счастье выпало вамъ на долю, дорогая Марія,—имѣть такой большой кругъ никогда не покидающихъ васъ друзей, друзей, съ которыми васъ связываютъ общіе интересы.

[1]) Пріятельницы встрѣтились въ Парижѣ лѣтомъ 1885 г. Настоящее письмо написано черезъ нѣсколько часовъ послѣ разлуки.

Эта новая разлука еще больше старитъ меня. Бѣдный я вѣчный жидъ! А еще говорятъ, что математика требуетъ постоянства и спокойствія!

Если бы я еще могла разсчитывать на ваше обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ въ Стокгольмъ. Но вѣдь вы позабудете меня, какъ только я окажусь вдали отъ васъ. Берегитесь, дорогая моя: если вы не сдержите даннаго мнѣ слова, я увѣрюсь, насколько поверхностны и вѣроломны польки и какъ не стоитъ привязываться къ нимъ! Но не сердитесь на меня, я вѣдь знаю, что вы настоящій и искренній другъ. Пожмите за меня руку всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Цѣлую васъ искренно, самымъ искреннимъ образомъ. Я научилась втеченіи этихъ послѣднихъ недѣль и любить и цѣнить васъ. Чувствую что мы сблизились другъ съ другомъ, стали какъ-бы родными.

И вамъ также, Марія, будетъ, можетъ-быть, немножко не доставать меня, если только М. Х. [1]) не займетъ моего мѣста въ вашемъ сердцѣ. Тысячу поцѣлуевъ.

Навсегда ваша

Софія.

V.

Понедѣльникъ, 12-го іюля.

Дорогая Марія,

Вчера вечеромъ пріѣхала я въ Христіанію. Меня ждали, и я прибыла какъ разъ во время, чтобы принять участіе въ послѣднихъ засѣданіяхъ научнаго конгресса. Думаю, что мнѣ придется присутствовать на многочисленныхъ банкетахъ, чтеніяхъ, диспутахъ. Мои друзья, г. Миттагъ-Леффлеръ и г-жа Эдгренъ теперь здѣсь, и мы весь вечеръ дѣлились впечатлѣніями, которыя накопились у насъ за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ.

Не звенѣло-ли у васъ въ ушахъ, милая Марія? Этому было основаніе, увѣряю васъ. Втеченіе всего моего путешествія я не переставала думать о васъ, мнѣ все время хотѣлось писать вамъ. Какъ ужасны эти разстоянія и разлуки, неправда-ли? Едва я успѣла покинуть Парижъ, какъ уже грущу по немъ и мечтаю о возвращеніи. Когда-же наконецъ наступитъ счастливое время воздушныхъ шаровъ, время когда разстоянія исчезнутъ. Пока съ ними приходиться еще порядкомъ считаться, увѣряю васъ! Переѣздъ не былъ спокоенъ. Его милость океанъ изволилъ капризничать и втеченіе двухъ первыхъ дней путешествія я была въ самомъ ужасномъ состояніи. Но какъ только мы вошли въ Скагерракъ, всѣ мои бѣдствія прекратились, и третій день путешествія былъ однимъ

---

[1]) Скучный господинъ, котораго обѣ онѣ всячески избѣгали.

изъ наиболѣе пріятно проведенныхъ мною дней. Къ тому-же норвежское побережье очень живописно и оригинально. Но приходится прекратить на этотъ разъ свое писаніе: мнѣ предстоитъ еще посѣтить одно общество.

Вторникъ 13-го іюля.

Кончаю второпяхъ свое письмо, чтобы сегодня-же отправить его. Вчера я провела очень пріятный, но и очень утомительный день. Мнѣ устроили цѣлую овацію и назначили меня предсѣдательницей математической секціи. На оффиціальномъ обѣдѣ профессоръ Біорнкесъ превозгласилъ тостъ въ мою честь и всѣ присутствующіе, въ особѣнности студенты Христіаніи, апплодировали такъ шумно, что отъ ихъ апплодисментовъ стѣны дрожали. Завтра мы продолжаемъ наше путешествіе.

Цѣлую васъ много разъ, моя дорогая Марія, спасибо за вашу вѣрную дружбу, сохраните ее мнѣ. Она мнѣ дороже, чѣмъ я могу вамъ это выразить. Пишите мнѣ, пожалуйста, немедленно по слѣдующему адресу: Швеція, Jutland-Dufed.

. . . .

VI.

Dufed.

Дорогая моя Марія.

Со вчерашняго дня я опять нахожусь въ культурной странѣ и имѣю возможность писать вамъ. Путешествіе мое по норвежскимъ горамъ продлилось дольше, чѣмъ я предполагала. По пріѣздѣ въ Дюфедъ я съ радостью нашла два письма отъ васъ, одно—адресованное въ Христіанію, другое—въ Дюфедъ. Спасибо вамъ, дорогая Марія, за память обо мнѣ.

Я часто думаю о васъ, о томъ, какъ хотѣлось-бы мнѣ очутиться у васъ, въ вашей маленькой гостиной, или въ вашемъ будуарѣ, на голубомъ диванѣ! Какая чудесная, искренняя бесѣда завязалась-бы у насъ съ вами! Мнѣ такъ хотѣлось-бы разсказать вамъ о впечатлѣніяхъ, которыя я вынесла изъ моего путешествія; писать вѣдь—совсѣмъ не то, что разсказывать, хотя впечатлѣнія эти, по существу, носили глубоко личный характеръ. Я провела больше недѣли въ маленькой деревенской школѣ, у одного норвежскаго соціалиста. Это, пожалуй, самая интересная часть моего путешествія. Все, что я видѣла и о чемъ слышала тамъ, возбуждаетъ во мнѣ жгучій интересъ. Обо всемъ этомъ напишу вамъ подробнѣе, какъ только найду свободную минутку. Сегодня-же въ моемъ распоряженіи до отхода почты только четверть часа, а мнѣ надо такъ много сказать вамъ.

. . . .

Что сталось съ J.? Когда я представляю себѣ, какая опасность грозитъ ему въ эту минуту, мое участіе къ нему все болѣе возростаетъ. Я

осыпаю себя упреками за то, что недостаточно дружески обращалась съ нимъ въ Парижѣ.

. . . .

Мое путешествіе еще не окончено. Дней черезъ десять я отправлюсь въ Россію за моей дочуркой. Моя пріятельница Л., на которую я сильно разсчитывала, не можетъ взять ее съ собой, такъ что мнѣ приходится ѣхать за нею самой, но я разсчитываю вернуться въ первыхъ числахъ сентября. Какъ хорошо было-бы, если-бы вы пріѣхали къ этому времени! Пишите мнѣ, пожалуйста, подробно и адресуйте письма въ Стокгольмъ.

Дружески преданная вамъ Соня.

VII.

Дорогая Марія.

Пишу вамъ всего нѣсколько словъ изъ Москвы, гдѣ я нахожусь со вчерашняго вечера. Я пріѣхала за своей дѣвочкой и хочу взять ее къ себѣ на зиму. Она уже не маленькая, ей семь лѣтъ, она довольно развита для своего возраста и страстно любитъ читать. Вообще же она— упрямица, шалунья, къ кукламъ питаетъ глубокое презрѣніе — словомъ, настоящій мальчишка.

Я провела два дня въ Гатчинѣ у сестры.

. . . .

Прощайте, дорогая Марія, простите безсвязность моего письма.

Вы не можете себѣ представить, какъ раздражаютъ меня эти вѣчныя передвиженія. Черезъ недѣлю я буду въ Стокгольмѣ, куда прошу васъ адресовать письма.

При этомъ письмѣ прилагаю оттискъ напечатанной мною въ одномъ русскомъ журналѣ статьи [1]). Сестра моя тоже напечатала маленькую повѣсть; я попрошу у нея экземпляръ для васъ. Съ нетерпѣніемъ жду вѣстей отъ васъ.

Преданная вамъ Соня.

VIII.

Мой дорогой другъ.

Письмо ваше искренно опечалило меня,—я чувствую и понимаю, какъ вы должны страдать въ эту минуту [2]); такое же горе выпало мнѣ на долю два года тому назадъ, и у меня тогда, какъ у васъ теперь, все какъ бы нарочно сложилось такъ, чтобы сдѣлать мое положеніе еще болѣе

---

[1]) Статья о Джорджъ Элліотѣ въ «Русской Мысли».

[2]) Г-жа Мендельсонъ потеряла мужа.

ужаснымъ, заставить меня ощутить еще глубже мое одиночество и видѣть жизнь въ еще болѣе мрачной, грустной окраскѣ. Не странно-ли, дорогая Марія, что несчастія никогда не приходятъ одни, что они какъ-бы выжидаютъ удобной минуты и всѣ разомъ набрасываются на насъ. Въ дѣтствѣ я всегда ужасалась этихъ странныхъ совпаденій, которыя я не разъ наблюдала и у себя, и у друзей. Я прекрасно знакома со всѣми разсудочными объясненіями, которыя даются обыкновенно въ такихъ случаяхъ, но должна сознаться, что ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ меня, и вопреки моему научному образованію, вопреки всѣмъ моимъ философскимъ познаньямъ, я твердо вѣрю еще теперь въ попеременные періоды счастья и несчастья для каждаго изъ насъ, какъ вѣритъ въ удачу и неудачу записной игрокъ. Но въ такія тяжелыя минуты мы особенно чувствуемъ благодарность за малѣйшее проявленіе участія. Никогда въ жизни не забыть мнѣ, какую нѣжность и любовь проявили вы ко мнѣ въ тотъ періодъ, когда друзей у меня было немного. Не могу похвалиться и сейчасъ большимъ количествомъ искреннихъ друзей, но теперь я ужъ привыкла къ этой грустной дѣйствительности и мирюсь съ нею легче, чѣмъ тогда. Какъ тяготитъ меня мысль о томъ, что я могу выразить вамъ свое участіе только словами и, что еще хуже, только на бумагѣ. Мнѣ хотѣлось бы быть подлѣ васъ, показать вамъ, какъ я люблю и цѣню васъ. Меня утѣшаетъ нѣсколько мысль, что вы имѣете въ Парижѣ двухъ преданныхъ друзей. Два друга, дорогая Марія,— да вѣдь это великое множество; къ нимъ вы можете присоединить еще третьяго, хотя и далекаго, но не менѣе преданнаго вамъ. Подумайте, какой грустной и пустынной показалась бы жизнь всѣмъ намъ, такъ любящимъ васъ, если-бы мы лишились нашей дорогой, маленькой, живой Маріи? Я думаю, что вы вѣрите въ искренность моихъ словъ и не считаете ихъ лестью. Поблагодарите отъ меня еще разъ М... за доставленныя мнѣ свѣдѣнія о васъ. Меня просили навести точныя справки о вашемъ положеніи въ Россіи. Здѣсь, конечно, нѣтъ никого, кто могъ-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, но я напишу одному изъ моихъ петербургскихъ друзей и попрошу его дать мнѣ возможно болѣе точныя свѣдѣнія, а затѣмъ, сообщу вамъ объ этомъ.

Мое положеніе во многомъ походило на ваше. Послѣ смерти Ковалевскаго дѣла мои были такъ запутаны и я была такъ обременена долгами, что я думала—у меня не останется ровно ничего.

Хуже всего было то, что тотчасъ же нашлись люди, воспользовавшіеся моимъ затруднительнымъ положеніемъ, и такъ какъ я не занималась тогда своими денежными дѣлами, они еще больше запутали ихъ (конечно, въ собственную пользу). Въ мой пріѣздъ въ Россію, въ прошломъ году, я нашла всетаки одного стараго друга, который привелъ въ нѣкоторый порядокъ мои финансовыя дѣла и которому удастся, можетъ

быть, спасти остатки моего состоянія. Вы знаете его; это Л..., сотоварищъ вашего брата. Онъ прекрасный человѣкъ. Занимается онъ спеціально по физикѣ.

Во всякомъ случаѣ, я теперь ничего не беру изъ Россіи и живу на профессорскій гонораръ. Съ точки зрѣнія матеріальныхъ обстоятельствъ, мое профессорство было большимъ счастьемъ для меня и пришло въ ту минуту, когда я наиболѣе нуждалась въ немъ. Такъ трудно зарабатывать хлѣбъ, особенно людямъ, не пріученнымъ къ практическому труду.

Желаю отъ всей души, чтобы дѣла ваши устроились такъ, чтобы вы могли сохранить по крайней мѣрѣ независимость. Я считаю излишнимъ прибавлять, что приду вамъ на помощь во всемъ, въ чемъ смогу, стоитъ вамъ сдѣлать мнѣ малѣйшій намекъ. Я говорила X... о паспортѣ для васъ, если-бы онъ вамъ понадобился (хотя я думаю, что вы прекрасно безъ него обойдетесь).

Цѣлую васъ отъ всего сердца, дорогая Марія, и остаюсь вашей

глубоко преданной Соней.

P.S. Паспортъ мой, къ несчастью, не при мнѣ; я отослала его въ Россію съ просьбой изъять меня изъ русскаго подданства.

IX.

Стокгольмъ, 25 января 1886 г.

Дорогой другъ,

Я съ большимъ огорченіемъ узнала отъ нашего общаго друга X. о вашемъ, по его мнѣнію, непреложномъ рѣшеніи. Онъ, конечно, скажетъ вамъ, что никакихъ препятствій къ выполненію вашего плана не имѣется. Поэтому я покажусь вамъ очень наивной—чтобъ не сказать больше,—обращаясь къ вамъ съ слѣдующаго рода вопросомъ: подумали-ли вы, дорогая Марія, какъ слѣдуетъ о своемъ предпріятіи? Право-же я не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ, что сердце мое сжимается при мысли о томъ, что ваша дорогая, ревностная и страстная головка подвергаетъ васъ снова роковымъ опасностямъ.

Я серьезно просила X...: скажите правду, считаете-ли вы поѣздку Маріи необходимой или хотя-бы цѣлесообразной? Онъ далъ мнѣ отрицательный отвѣтъ, выражая увѣренность, что въ данную минуту вы полезнѣе тамъ, гдѣ находитесь теперь, но что тяжесть кажущейся бездѣятельности, жажда реформъ, притягательная прелесть опасности толкаютъ васъ къ этой поѣздкѣ, отъ которой ни ему, ни даже мнѣ не удастся отговорить васъ. Въ жилахъ моихъ течетъ достаточно польской и цыганской крови, чтобы вполнѣ понять васъ, дорогая Марія. Потребность жертвовать собой, наклонность къ мученичеству—черты, неизгладимыя въ религіозной и съ дѣтства созерцательной натурѣ, которыхъ не могли

уничтожить ни разумъ, ни принципы здороваго, раціональнаго реализма—несомнѣнно играютъ въ вашемъ рѣшеніи большую роль, чѣмъ вы сами предполагаете.

Я съ трепетомъ думаю о томъ, какъ смогли-бы вы—нервная, чувствительная, нетерпѣливая—перенести тюрьму, каторгу и всѣ ужасы той медленной, неизбѣжной смерти, которая ожидаетъ каждаго ссыльнаго. Я глубоко страдаю, дорогая Марія, представляя себѣ васъ въ подобномъ положеніи. Я долго колебалась писать вамъ, такъ какъ всѣ написанныя мною слова кажутся мнѣ слишкомъ холодными и тусклыми по сравненію съ тѣмъ, что я хотѣла-бы сказать.

Единственная хорошая сторона вашего плана — намѣреніе заѣхать въ Стокгольмъ, гдѣ я смогу обнять васъ и гдѣ мы обсудимъ какъ слѣдуетъ вашъ проектъ.

Напишите мнѣ немедленно, дорогой другъ. Жду съ нетерпѣніемъ вѣстей отъ васъ.

Глубоко преданная вамъ

Софья Ковалевская.

X.

Дорогая Марія.

Спасибо за ваши милыя строки. Надежда видѣть васъ скоро въ Стокгольмѣ наполняетъ мое сердце радостью. Не мѣняйте же вашихъ намѣреній и пріѣзжайте поскорѣй. Лекціи въ университетѣ заканчиваются 20-го мая. А затѣмъ я отправлюсь въ Россію, гдѣ меня ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что вамъ удастся устроиться такъ, чтобы пріѣхать до этого срока. Какое счастье, если-бы вы могли пріѣхать въ апрѣлѣ. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Стокгольмѣ устанавливается уже прелестная погода. Я уѣхала въ прошломъ году 8-го мая: деревья уже зеленѣли и были чудные дни. Климатъ Стокгольма вообще несравненно мягче петербургскаго; я даже предпочитаю его климату Берлина, такъ какъ зима здѣсь хотя и нѣсколько суровѣе, но за то несравненно ровнѣе; я нахожу здѣшній климатъ пріятнымъ; съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Стокгольмѣ, я чувствую себя прекрасно.

Вотъ мои планы на лѣто: я уѣду 20-го мая и пробуду въ Россіи до 15-го іюля, конецъ каникулъ я думаю провести въ Англіи, гдѣ мнѣ удается, надѣюсь, принять участіе въ конгрессѣ британскаго общества; въ Стокгольмъ вернусь въ концѣ сентября.

Скажите, дорогая моя Марія, неправда-ли, вы послали мнѣ записную книжку, которая должна была принести мнѣ счастье въ этомъ году, какъ прошлогодняя—въ прошломъ?

Знаете,—я ее не получила. 8-го января мнѣ доставили извѣщеніе отъ почты о томъ, что на мое имя получена маленькая посылка изъ Па-

рижа, затѣмъ меня извѣстили, что посылка затерялась въ дорогѣ; я потребовала подробное описаніе ея и мнѣ показали запись отправителя, на которой, какъ мнѣ показалось, я узнала вашъ почеркъ.

Не смѣйтесь надо мною, дорогая, но я право въ достаточной мѣрѣ суевѣрна, чтобы взглянуть съ трагической точки зрѣнія на этотъ инцидентъ. Вы очень обяжете меня, написавъ, что вы дѣйствительно отправили посылки, наведя справки на почтѣ въ Парижѣ.

Мнѣ сказали здѣсь, что только отправитель имѣетъ право предъявлять требованія. Не смѣйтесь надо мною: я очень огорчена потерей этого «port-bonheur'а», который вы предназначали мнѣ.

До свиданья, дорогой и милый другъ. Напишите мнѣ поскорѣй. Жду съ нетерпѣніемъ вѣстей отъ васъ и жажду узнать, слѣдуетъ-ли мнѣ дѣйствительно ждать васъ скоро въ Стокгольмъ.

Въ ту минуту, когда я собиралась заклеить конвертъ, получилось письмецо отъ В... Онъ сообщаетъ мнѣ о своей помолвкѣ, въ которую я съ нѣкоторыхъ поръ уже перестала вѣрить. Его невѣста — очаровательная особа; я думаю, что она понравится вамъ, когда вы съ ней познакомитесь.

В. и она во многихъ отношеніяхъ представляютъ полный контрастъ, но именно въ силу этого они такъ и сходятся. Это извѣстіе доставило мнѣ величайшее удовольствіе [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо не подписано.

Водопадъ.

Низринутъ съ горной крутизны,
Онъ падаетъ въ обрывъ,
Какъ духъ бунтующей страны,
Долину возмутивъ.

Молочнымъ облакомъ вспѣненъ,
Шумя, какъ Божій громъ,
Въ тяжелый зной сверкаетъ онъ
Холоднымъ серебромъ.

Неистощимый водометъ,
Что значитъ ропотъ твой?
Зачѣмъ, мятежный, онъ поетъ
О прелести живой?

Какой восторгъ въ тебѣ сокрытъ
И, въ блескѣ красоты,
Все такъ-же падая, кипитъ
У той-же высоты?

К. Льдовъ.

Финансовое возрожденіе Соединенныхъ Штатовъ.

Вѣроятно, ни одно государство въ мірѣ не успѣло накопить такой колоссальный долгъ въ такое короткое время и, повидимому, такъ безвыходно запутать свое финансовое положеніе, какъ Соединенные Штаты въ послѣднюю борьбу за поддержаніе своего политическаго единства. Но и ни одно государство не успѣло въ такое короткое время выпутаться изъ своихъ финансовыхъ затрудненій, поднять свой кредитъ и выдвинуть свое экономическое благосостояніе на такую высоту. Это не было просто выздоровленіе ослабѣвшаго политическаго организма, возвращеніе его къ прежнимъ силамъ; это былъ почти внезапный, неожиданный переходъ къ такому широкому развитію экономической жизни, о которомъ прежде и не гадали, и размѣры, предѣлъ котораго въ будущемъ нѣтъ возможности представить себѣ съ достаточною точностью. Въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты представляютъ необыкновенно поучительный примѣръ благоустроенія финансоваго и экономическаго порядка среди непроходимаго, повидимому, хаоса. Именно съ этой стороны особенно интересно переходное время въ экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ.

I.

Опасность, грозившая политическому единству Соединенныхъ Штатовъ, подготавливалась годами. Борьба между сѣверомъ и югомъ казалась неизбѣжною катастрофою для каждаго, кто сколько-нибудь слѣдилъ за политическою жизнью этой страны. И тѣмъ не менѣе, когда она разразилась въ 1861 году, и югъ открыто возсталъ и оторвался отъ сѣвера, она поразила всѣхъ своею неожиданностью. Обѣ стороны были совершенно не готовы къ этой борьбѣ и, конечно, менѣе готовъ былъ сѣверъ, какъ въ военномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи, что доказали первые-же промахи и неудачи, обозначившіе его дѣйствія.

Но оглядываясь теперь назадъ на это недавно прошедшее, естественно спросить: была-ли справедлива эта борьба? Совершенно-ли ее оправдывали принципы нравственности, вѣчнаго правосудія, интересы политическіе? Не требовали-ли эти двигатели, напротивъ, полной свободы для обѣихъ сторонъ въ развитіи жизни экономической и политической на существующихъ началахъ? Что главное начало жизни въ Южныхъ Штатахъ было рабство, невольничество и что ея развитіе на такомъ основаніи несовмѣстно съ принципами нравственности и вѣчной справедливости, останавливаться на этомъ трюизмѣ безполезно и излишне. Но свобода развитія отдѣльныхъ членовъ федеральнаго политическаго тѣла должна существовать подъ необходимымъ условіемъ политическаго соединенія и единенія главныхъ интересовъ: ни одинъ изъ этихъ членовъ не имѣетъ права оторваться отъ общаго тѣла, ради исключительнаго обереганія и преслѣдованія своихъ частныхъ интересовъ, какъ-бы дороги для него они ни были. Только при этомъ условіи соединенія возможно было существованіе Соединенныхъ Штатовъ, какъ великой сильной державы: разрывъ этого союза низводилъ ее на очень незавидный уровень мелкихъ американскихъ республикъ, влачащихъ свое жалкое существованіе отъ одной революціи до другой; за первымъ отдѣленіемъ юга могло послѣдовать еще дальнѣйшее разъединеніе обѣихъ сторонъ. Принципъ единства является такимъ образомъ первымъ условіемъ политическаго величія Соединенныхъ Штатовъ, какъ полнаго, совершенно объединеннаго федеральнаго тѣла. И это превосходно сознавалъ сѣверъ; это очень хорошо понимала и чувствовала Англія; злорадство англійской прессы, даже ея серьезныхъ органовъ, какъ «Economist», при каждой неудачѣ сѣвера, открытыя симпатіи англійскаго общества къ югу ясно выставляли всю важность этого принципа единства, съ разрушеніемъ котораго непремѣнно начиналось ослабленіе политическаго значенія Соединенныхъ Штатовъ. Настойчивость сѣвера въ преслѣдованіи борьбы, при самыхъ для него невыгодныхъ условіяхъ, не была просто упрямствомъ, это было исполненіемъ великаго политическаго долга, стремленіемъ къ великой цѣли, которую налагала исторія. Поддержаніе этого принципа требовало большихъ жертвъ и граждане Сѣверныхъ Штатовъ, соединившіеся твердымъ оплотомъ около своего правительства, не остановились передъ ними.

Почти безъ арміи (20,000 солдатъ развѣ это армія?), безъ военнаго бюджета (расходы по нему въ 1860 году составляли съ небольшимъ 16 милліоновъ долларовъ), сѣверъ началъ борьбу, которая потребовала формированія нѣсколькихъ армій въ сотни тысячъ и стоила, какъ разсчитываютъ англичане, полъ-милліона фунтовъ стерлинговъ въ день или 730.000.000 фунт. стерл. за все продолженіе ея съ 16 апрѣля 1861 по 26 апрѣля 1865 г. Графъ Парижскій въ своемъ сочиненіи о междуусоб-

ной войнѣ въ Америкѣ говоритъ, что сѣверная федеральная армія была наисовершеннѣйшимъ образомъ экипированная армія, снабженная въ полномъ изобиліи совершеннѣйшимъ въ то время извѣстнымъ оружіемъ и всѣми военными принадлежностями. Примѣненіе техники инженернаго искусства къ военному дѣлу въ франко-берлинскую войну представляло поразительную черту въ германской арміи; но сѣверные американцы предупредили здѣсь нѣмцевъ; и это естественно: въ рядахъ импровизированныхъ на скорую руку сѣверо-американскихъ армій, было столько отличныхъ инженеровъ, мастеровъ и рабочихъ.

Но здѣсь, къ сожалѣнію, безпристрастіе налагаетъ на насъ непріятный долгъ—показать и оборотъ медали и указать на позорную сторону военной администраціи Сѣверныхъ Штатовъ. Президентъ Абраамъ Линкольнъ былъ необыкновенно свѣтлая личность, образецъ гражданской доблести и честности; военноначальники были рыцарями своего долга; но далеко нельзя того-же сказать о частяхъ военнаго вѣдомства, въ которомъ было сосредоточено расходованіе суммъ, опредѣленныхъ на покрытіе военныхъ потребностей. Нигдѣ и никогда, можетъ быть, безтолковая расточительность и казнокрадство не доходили до такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Прочтите романъ Бретъ-Гарта «Кларенсъ», въ которомъ этотъ даровитый писатель съ животрепещущею истинностью воспроизводитъ тяжелые моменты братоубійственной войны и въ которомъ онъ съ безжалостною правдою указываетъ на язвы общественнаго недуга. Наивный разсказъ Сюзи, какъ въ военномъ вѣдомствѣ обѣлялись различныя темныя личности, именно поражаетъ своею неподдѣльною простотою и безъискусственностью и убѣждаетъ въ его справедливости.

II.

Финансы—нервъ войны: это старый, всѣми признанный, афоризмъ.

Правительству Сѣверныхъ Штатовъ предстояло прежде всего найти чрезвычайные источники, которые дали-бы необходимыя средства и при томъ сразу, въ данную минуту; полагаться на одно увеличеніе налога, поступающаго лишь къ концу года, и выжидать сомнительнаго поступленія доходовъ, очень часто не соотвѣтствующихъ первоначальному разсчету, было рискованно, да и некогда.

Во главѣ финансовой администраціи вашингтонскаго кабинета въ 1861 году стоялъ Чэзъ (Chase); онъ былъ секретаремъ казначейства. Первыя затрудненія не остановили его: сознавая громадныя экономическія, производительныя силы Соединенныхъ Штатовъ, съ полною вѣрою въ великую ихъ будущность, онъ смѣло ее дисконтировалъ, чтобы поддержать принципъ единства, при которомъ только и была возможна эта великая будущность.

Не должно искать въ его финансовыхъ планахъ, вызываемыхъ необходимостью добыть средства на военные расходы во что-бы то ни стало,—не должно искать въ нихъ приложенія принциповъ науки, законовъ политической экономіи. Чэзъ не стѣснялся даже основною федеральною конституціею, связывающею Штаты. Это были прежде всего военныя мѣры «War measures», и такъ относились къ нимъ преемники Чэза, послѣдующіе секретари казначейства.

Къ повышенію налоговъ Чэзъ прибѣгъ съ самаго начала войны. Это повышеніе налоговъ и другія измѣненія въ порядкѣ обложенія страны вызвали довольно значительное увеличеніе дохода. Но Чэзъ, повидимому, никакъ не ожидалъ, что борьба продолжится столько лѣтъ и что она будетъ стоить правительству такихъ огромныхъ жертвъ. Онъ полагалъ, что междуусобная борьба продлится нѣсколько мѣсяцевъ, не болѣе, и что простого повышенія налоговъ будетъ достаточно, чтобы покрыть соединенные съ нею чрезвычайные расходы. Въ этомъ скоро ему пришлось разочароваться.

Я долженъ упомянуть здѣсь, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ двоякая система обложенія: одна въ пользу государства, въ пользу федераціи всѣхъ Штатовъ и даже территорій, еще не успѣвшихъ войти въ общую систему Штатовъ, которая даетъ необходимыя средства для покрытія всѣхъ такъ называемыхъ имперскихъ расходовъ, имѣющихъ въ виду общіе интересы государства; другая—доставляетъ необходимыя средства для покрытія расходовъ мѣстнаго управленія Штатовъ, графствъ и различныхъ муниципалитетовъ. *Государственный* доходъ въ Соединенныхъ Штатахъ получался и получается почти исключительно отъ двухъ статей косвеннаго налога,—сбора таможеннаго, облагавшаго привозимые товары, и акциза на извѣстные предметы внутренняго производства и потребленія, какъ спиртные напитки и табакъ. Доходы *отдѣльныхъ Штатовъ* взимаются съ прямого обложенія собственности, внутри ихъ;—это своего рода подоходный налогъ; но акцизъ и здѣсь является извѣстнымъ подспорьемъ [1]).

Государственный доходъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1861 году (годъ начала междуусобной войны) состоялъ почти исключительно изъ таможеннаго сбора и доставилъ, прибавляя къ нему продажу свободныхъ казенныхъ земель поселенцамъ и другія, мелкія статьи,—41.476,299 долларовъ. Въ слѣдующемъ году онъ принесъ 51.919,261 дол., т.-е. на 10.000,000 дол. болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году. Что-же касается расходовъ, то въ нихъ замѣчается слѣдующее возростаніе:

---

[1]) Замѣчательно, что Штаты могутъ запретить внутри своего протяженія продажу спиртныхъ напитковъ, какъ бывали тому примѣры, и тогда федеральное правительство лишалось выгодной статьи дохода, преклоняясь передъ волею правительства этого Штата.

	1861 г.	1862 г.
Расходы на армію. . .	23.001,530 дол.	389.173,562 дол.
» » флотъ. . .	12.387,156 »	42.640,353 »
	45.388,686 дол.	431.813,915 дол.

На покрытіе такихъ чрезвычайныхъ и столь сильно возростающихъ военныхъ расходовъ обычные налоги могли дать только 51.919,261 дол. Чэзъ рѣшилъ возвысить налоги въ такой степени, чтобы получить отъ нихъ хотя 80.000,000 дол. дохода. Тарифъ 1861 г., уже отличавшійся протекціоннымъ характеромъ, былъ очень сильно повышенъ; пошлины на предметы, имъ уже подлежавшіе, были увеличены на 50% и среднее возростаніе пошлинъ по цѣлому тарифу соотвѣтствовало 35%; Съ другой стороны конгрессъ по предложенію Чэза рѣшилъ привлечь всѣ Штаты къ участію въ чрезвычайныхъ налогахъ для военныхъ потребностей, и, такимъ образомъ, къ статьямъ государственныхъ доходовъ прибавились налогъ на собственность, подоходный налогъ и часть акцизныхъ сборовъ, которые шли прежде на исключительныя нужды управленія Штатовъ. Кромѣ того собственность всѣхъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи или косвенно содѣйствовавшихъ ему, подлежала конфискаціи. Всѣ эти мѣры были узаконены конгрессомъ. Но онѣ могли дать лишь малыя средства, въ сравненіи съ тѣмъ, что требовало продолженіе войны; а ея требованія достигали 2.000,000 дол. въ день.

Постоянные займы въ той или другой формѣ оставались для Чэза единственнымъ выходомъ. Но только возростаніе государственныхъ доходовъ, продолжавшееся въ послѣдующіе годы, могло поддерживать надежду Чэза и его преемника на то, что по окончаніи братоубійственной войны, оставляя принятое повышеніе налога безъ измѣненія, можно будетъ погасить колоссальный долгъ государства. Обращаясь къ цифрамъ этихъ доходовъ, начиная съ 1863 г., когда пришлось прибѣгнуть къ окончательному ихъ повышенію, мы видимъ слѣдующую картину:

	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.
	Доллары.			
Таможни.	69.059,642	102.316,152	84.928,260	179.046,651
Акцизъ	37.640.787	109.741,134	209.464,215	309.226,813
Прямой налогъ . .	1.485,103	475,648	1.200,573	1.974.754
Продажа каз. земель.	167,617	588,333	996,553	665,031
Различныя статьи .	3.741,794	30.291,701	25.441,556	29.036,314
	112.094,943	243.412,968	322.031,157	519.949,563

Подобный результатъ доходовъ могъ-бы порадовать самаго взыскательнаго финансоваго администратора. Однако, при взглядѣ на обратную

сторону медали,—на расходную сторону бюджетовъ, всѣ эти крупныя увеличенія представляются каплею въ массѣ военныхъ расходовъ.

	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.
Расходы на армію.	603.314,411	690.391,048	1.030.690,400	283.154.676
» по флоту.	63.261,235	85.704,963	122.617,434	43.285,662

Очень можетъ быть, Чэзъ пошелъ-бы еще далѣе въ увеличеніи налоговъ; но онъ былъ остановленъ нью-іоркскими банкирами, которые указали ему на то, что чрезмѣрное обложеніе сдѣлаетъ войну непопулярною. Къ тому-же въ 1866 году война уже замирала.

Брайсъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «American Commonwealth» приписываетъ погашеніе колоссальнаго государственнаго долга именно этому факту поддержанія налога на его высшей точкѣ, на которой онъ стоялъ во время войны, и это совершенно оправдалось послѣдующими событіями. Увеличеніе налога такимъ образомъ сдѣлало свое дѣло и вывело, съ своей стороны, финансы Соединенныхъ Штатовъ изъ его критическаго положенія.

Я возвращусь теперь къ другимъ финансовымъ мѣрамъ Чэза.

Увеличеніе постояннаго государственнаго долга, заключеніе новыхъ займовъ, посредствомъ выпуска новыхъ бондовъ, выпускъ временныхъ процентныхъ долговыхъ обязательствъ (неотвержденный долгъ) и, наконецъ, выпускъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ—вотъ три мѣры, которыя были предложены Чэзомъ и по необходимости были утверждены конгрессомъ. Между этими тремя средствами главнымъ явилось созданіе неотвержденнаго процентнаго долга, въ видѣ разнородныхъ казначейскихъ билетовъ, выпускаемыхъ подъ различными наименованіями, на различные сроки, за различные проценты (отъ 5 до 7 дол. 3 сент. за 100).

Увеличеніе постояннаго долга, заключеніе новыхъ займовъ, даже при высокомъ процентѣ бондовъ, не представляли такого удобства. Быстрая реализація ихъ, при существовавшихъ обстоятельствахъ, была сопряжена съ различными затрудненіями: на помѣщеніе ихъ въ Европѣ, при антагонизмѣ Англіи, едва скрытомъ наружными приличіями, разсчитывать было трудно; а помѣстить ихъ внутри страны свободною подпискою, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ понудительнымъ мѣрамъ, не вызывая силы строгаго времяннаго закона, было еще труднѣе. Чэзъ успѣлъ, однако-же, съ необыкновенною ловкостью вывернуться изъ этого положенія и обезпечить выпускъ бондовъ на значительную сумму, при быстрой безостановочной реализаціи ихъ, хотя для этого онъ долженъ былъ отступить отъ основной федеральной конституціи, или по крайней мѣрѣ, придать извѣстнымъ ея статьямъ черезъ-чуръ широкій смыслъ.

[1]) Долларъ содержитъ 100 сентовъ.

Выпускъ неразмѣнныхъ билетовъ, утвержденныхъ закономъ представителей монеты—«legal tender notes», и созданіе новыхъ посредниковъ кредитнаго обращенія было избрано Чэзомъ, какъ средство для помѣщенія бондовъ. Это была очень ловкая подтасовка, которая въ то же время придала видимость прочности новымъ бумажнымъ знакамъ, подчинивъ ихъ государственному кредиту страны и въ извѣстной степени обезпечивъ ихъ этимъ кредитомъ, чего до тѣхъ поръ кредитное обращеніе въ Соединенныхъ Штатахъ не представляло. До 1861 года, кредитное обращеніе въ Соединенныхъ Штатахъ было предоставлено каждому отдѣльному штату и было совершенно свободно. Каждый банкъ, въ каждомъ штатѣ могъ безъ особеннаго затрудненія получить отъ мѣстнаго законодательнаго собранія позволеніе выпускать свои билеты, держа въ сундукахъ металическій фондъ, достаточный, по усмотрѣнію банка, для обезпеченія размѣна. Значеніе этихъ бумажныхъ знаковъ обусловливалось исключительно частнымъ кредитомъ банка и обращеніе ихъ зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ доброй воли тѣхъ, кто принималъ ихъ. При такомъ порядкѣ, чрезмѣрные выпуски этихъ билетовъ и соединенные съ этимъ торговые кризисы были дѣломъ зауряднымъ; какъ мало довѣрія имѣла къ нимъ публика—лучше всего доказываетъ презрительное названіе пластыря «shin plaster», которое она имъ давала. Единообразныхъ бумажныхъ знаковъ, которые бы имѣли повсемѣстное, во всѣхъ Штатахъ закономъ обусловленное обращеніе, не существовало. Не отымая у банковъ Штатовъ права выпуска своихъ билетовъ, имѣвшихъ мѣстное обращеніе, основанное на доброй волѣ и на взаимномъ довѣріи, конгрессъ, по предложенію Чэза, присвоилъ себѣ право выпуска единообразныхъ бумажныхъ знаковъ, имѣющихъ по всей территоріи Штатовъ обязательное обращеніе, наравнѣ съ металлическою монетою, хотя и безъ размѣна на нее. Конгрессъ имѣлъ исключительное право чекана и выпуска звонкой монеты; новые бумажные знаки, какъ онъ призналъ, во всемъ соотвѣтствуютъ этой монетѣ: ergo—исключительное право изготовленія и выпуска этихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ знаковъ также принадлежитъ лишь конгрессу.

Это вновь присвоенное себѣ право конгрессъ успѣлъ проявить двоякимъ образомъ: съ одной стороны, онъ представилъ казначейству прямой выпускъ правительственныхъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, законныхъ представителей звонкой монеты «legal tender notes»: это были такъ называемыя «greenbacks», зеленыя сорочки (какъ я позволю себѣ перевести это названіе), цѣнностью въ 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100, 500 и 1,000 долларовъ, и бумажная мелочь «fractional currency» различной цѣнности отъ 5 до 50 сентовъ. Съ другой стороны, конгрессъ это-же право выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ даровалъ, при извѣстныхъ условіяхъ, новымъ кредитнымъ учрежденіямъ, національнымъ бан-

камъ, «National Banks». Нужно признать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствія конгресса были совершенно произвольны, тѣмъ болѣе, что вышеприведенныя мѣры были проведены безъ согласія законодательнаго собранія разныхъ Штатовъ, какъ это дѣлалось относительно каждой мѣры, имѣющей законодательный характеръ. Но оставляя юридическую сторону вопроса, нельзя не согласиться, что учрежденіе національныхъ банковъ было необыкновенно ловкою практическою мѣрою. Національные банки были раскинуты по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, и число ихъ, при основаніи, сообразовалось исключительно съ мѣстными потребностями кредитнаго обращенія, которыя они должны были удовлетворять своими билетами, подъ особеннымъ контролемъ казначейства [1]). Очевидно, что эти новыя учрежденія должны были мало-по-малу вытѣснить свободно дѣйствовавшіе банки Штатовъ и сосредоточить въ рукахъ правительства кредитное обращеніе всей страны. Разумѣется, о размѣнѣ билетовъ новыхъ учрежденій на звонкую монету не могло быть и рѣчи: билеты эти обезпечивались только правительственными процентными бумагами, вновь выпускаемыми бондами, и обмѣнивались, если этого требовала публика, только на билеты, выпускаемые правительствомъ, на «legal tender notes» зеленыя сорочки «greenbacks»—и бумажную мелочь «fractional currency». Но я не думаю, чтобы подобное требованіе когда-нибудь имѣло мѣсто: билеты національныхъ банковъ, по своему внутреннему и наружному характеру, совершенно соотвѣтствовали неразмѣннымъ государственнымъ кредитнымъ.

---

[1]) Актъ конгресса, узаконившій учрежденіе національныхъ банковъ въ 1863 году, подчинилъ ихъ особенному чиновнику, подъ довольно громкимъ названіемъ Контролера Кредитнаго Обращенія «Comptroller of the Currency». Чиновникъ этотъ назначался секретаремъ казначейства, при согласіи президента и сената, на пять лѣтъ. На обязанности его лежало, между прочимъ, публиковать ежегодные отчеты о состояніи кредитнаго обращенія, извлекать изъ него выпущенные правительствомъ неразмѣнные бумажные знаки, зеленыя сорочки и бумажную мелочь, открывать по мѣрѣ надобности національные банки, вытѣсняющіе старые банки Штатовъ, и наконецъ слѣдить за правильнымъ дѣйствіемъ національныхъ банковъ. Эта послѣдняя важная функція исполнялась черезъ посредство инспекторовъ обращенія «Inspectors of the Currency», прямо подчиненныхъ контролеру кредитнаго обращенія, которые обязаны были ревизовать національные банки, находившіеся въ районѣ ихъ дѣятельности, четыре раза въ годъ, свидѣтельствовать ихъ резервъ, вникать въ ихъ банкирскія операціи, принуждая покрывать немедленно каждую потерю изъ ихъ капитала, подъ угрозою отказа выдать имъ удостовѣреніе полной состоятельности при слѣдующей ревизіи, что сопровождалось закрытіемъ банка правительствомъ. Это былъ контроль достаточно дѣйствительный. Въ результатѣ банкротства между этими банками были рѣдкостью: изъ 2483 національныхъ банковъ, возникшихъ между 1863 и 1879 годами, только 10 обанкрутились и 307 добровольно ликвидировались; но публика при этомъ ничего не потеряла; билеты сполна были заплачены мѣстными казначействами изъ средствъ, полученныхъ отъ реализаціи внесенныхъ въ видѣ обезпеченія бондовъ.

билетамъ и обмѣнъ одной бумажки на другую не могъ имѣть никакого реальнаго значенія.

Теперь, какимъ же способомъ эти учрежденія содѣйствовали реализаціи государственныхъ займовъ? Это происходило очень просто. Каждый національный банкъ, при своемъ открытіи, до начала своихъ операцій, долженъ былъ, по опредѣленію конгресса. представить, въ видѣ обезпеченія казначейству, его бонды на сумму, равную общей суммѣ всѣхъ возможныхъ выпусковъ своихъ билетовъ, и казначейство разрѣшало ему производить эти выпуски на 90% полнаго количества представленныхъ бондовъ по цѣнѣ альпари. 10% удерживались на покрытіе возможнаго обезцѣненія, и, кромѣ того, банки должны были держать въ резервѣ 20% этихъ билетовъ; такъ что въ сложности разрѣшаемые имъ выпуски, дѣйствительно поступавшіе въ обращеніе, представляли только 70% цѣнности обезпечивающихъ бондовъ.

Самые эти билеты банки получали отъ казначейства, которое изготовляло ихъ. Билеты эти, кромѣ подписей директоровъ банковъ, имѣли еще подписи правительственныхъ чиновниковъ, стоявшихъ во главѣ управленія казначейства. Такимъ образомъ эти бумажные знаки имѣли вполнѣ правительственный характеръ и имъ присвоено было обращеніе наравнѣ съ зелеными сорочками «greenbacks», «legal tender notes»; Подобно послѣднимъ, билеты національныхъ банковъ были принимаемы правительствомъ въ уплату податей и пошлинъ, за исключеніемъ только таможенныхъ пошлинъ, оплачиваемыхъ золотомъ на томъ не вполнѣ логическомъ основаніи, что вся тяжесть этого платежа падала на иностраннаго производителя. Точно также всѣ частныя долговыя обязательства очищались обоего рода бумажными знаками. безъ участія звонкой монеты, и сколько разъ приговоры Линча, особенно въ возставшихъ штатахъ, рѣшали долговыя претензіи и вынуждали принимать тѣ или другіе билеты въ уплату долга, сдѣланнаго до возстанія, на звонкую монету, на золото.

Учрежденіе національныхъ банковъ отвѣчало такимъ образомъ всѣмъ требованіемъ быстро реализуемаго кредита и представляло для правительства и для публики многія важныя выгоды. Во-первыхъ, эти кредитныя учрежденія принуждены были, при самомъ началѣ своей дѣятельности, брать отъ казначейства на значительную сумму выпускаемые бонды для обезпеченія своихъ билетовъ, и дѣйствительно взяли ихъ почти на 370.000,000 долларовъ, что составляло около тридцати процентовъ всего постояннаго долга Сѣверныхъ Штатовъ. Далѣе, выпуская въ обращеніе свои билеты, подъ исключительное обезпеченіе правительственныхъ бондовъ, эти банки немедленно превращали долгосрочный государственный кредитъ въ непосредственно обращающіяся орудія кредита, служащія для насущныхъ торговыхъ цѣлей. Кромѣ того, билеты

эти всетаки имѣли въ основаніи своемъ извѣстное металлическое обезпеченіе: проценты и самый капиталъ правительственныхъ бондовъ, подъ которые они выпускались, оплачивались золотомъ.

Разсматриваемые съ этой точки зрѣнія билеты національныхъ банковъ, должно согласиться, придали кредитному обращенію извѣстную степень прочности, вѣрности, которой бы оно не имѣло, еслибы оно было предоставлено исключительно правительственнымъ бумажнымъ знакамъ и только ими было наполняемо. Наконецъ, положеніе національныхъ банковъ было нѣсколько другое; это не были просто правительственныя учрежденія, мѣстныя казначейства, выпускавшія билеты, доставляемые имъ правительствомъ, за его счетъ,—это были частные компанейскіе банки, и хотя контроль правительства былъ очень строгъ, но они пользовались полною свободою въ своихъ банкирскихъ операціяхъ. Такое положеніе обусловливало для ихъ билетовъ извѣстное удобство въ обращеніи.

Чэзъ оставался секретаремъ казначейства до 1864 года, и нельзя отрицать, что его смѣлыя мѣры имѣли успѣхъ—въ томъ отношеніи по крайней мѣрѣ, что онѣ вполнѣ отвѣчали своей цѣли и доставили необходимыя финансовыя средства для продолженія борьбы: конечно, онѣ не успѣли предотвратить временнаго обезцѣненія неразмѣнныхъ билетовъ, которое происходило прежде всего соотвѣтственно успѣхамъ военныхъ дѣйствій и одно время дошло до 270 процентовъ; но другого результата никто и не ожидалъ и не требовалъ отъ подобныхъ мѣръ.

Благодаря особенно плодовитому дѣйствію системы кредита, введенной Чэзомъ, правительственныя долговыя обязательства, составлявшія въ 1861 г. всего 66.024,721 дол., въ продолженіе съ небольшимъ четырехъ лѣтъ, пока продолжалась война, достигли баснословно гигантской цифры: 31 августа 1865 онѣ составляли 2.846,021,742 доллара; это была наивысшая точка, крайній предѣлъ, до котораго доходилъ сложный государственный долгъ страны. Затѣмъ начинается уже его уменьшеніе. Въ томъ же году, 31 октября, цифра этого долга была, не считая свободныхъ фондовъ, находившихся въ казначействѣ, 2.808,549,437 долларовъ.

Въ общемъ итогѣ долговъ долгъ, консолидированный, «funded debt», состоявшій изъ 6 и 5-ти процентныхъ бондовъ, выпущенныхъ на различные сроки, простирался на 1.162.395,691 долларъ; долгъ неотвержденный («floating debt»), состоявшій изъ краткосрочныхъ процентныхъ обязательствъ правительства, между которыми почти три четверти сдѣланы были за ростовщичьи проценты по 7 дол. 30 сент. за 100, представлялъ 1.191.935,708 дол.,—и этотъ долгъ слѣдовало ликвидировать къ концу 1868 года; одни проценты по этимъ двумъ статьямъ долга составляли почтенную цифру 150.977.617 дол.; наконецъ, послѣднюю статью составляли неразмѣнные кредитные билеты, выпущенные правительствомъ,

зеленыя сорочки и бумажная мелочь, составлявшіе 454.218.038 дол., которые слѣдовало извлечь изъ обращенія въ возможно кратчайшій срокъ: страна, какъ Соединенные Штаты, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ экономическіе интересы, торговля и промышленность, не могла быть предоставлена, на безконечное время, исключительно бумажному обращенію. Эти неразмѣнные билеты составляли безпроцентную часть долга. Я оставляю въ сторонѣ билеты, выпущенные подъ обезпеченіе вновь созданныхъ бондовъ національными банками: они не могутъ быть разсматриваемы, какъ часть государственнаго долга; выпустившіе ихъ банки отвѣчали за нихъ передъ публикою и на этихъ банкахъ лежала обязанность ихъ размѣна на звонкую монету, когда представлялась къ этому возможность. Въ 1865 году этихъ билетовъ было въ обращеніи на 424.394,816 долларовъ.

III.

Вотъ какое наслѣдство оставилъ Чэзъ своему преемнику, имъ же намѣченному, Макъ-Колоку (M-c Culloch). Преемникъ этотъ былъ несомнѣнно замѣчательною личностью. Какъ финансистъ-практикъ, Макъ-Колокъ успѣлъ уже показать свои организаторскія способности, правда, въ болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, въ роли финансоваго администратора въ Штатѣ Индіана. Въ пятидесятыхъ годахъ штатъ этотъ былъ крайнимъ предѣломъ западной цивилизаціи Америки и, при отсутствіи въ немъ дѣйствительныхъ капиталовъ, тамъ не разъ пытались восполнить этотъ недостатокъ неограниченнымъ кредитомъ, создавая фиктивный, бумажный капиталъ и переходя при этомъ, какъ это всегда случается, изъ одной крайности въ другую: то выставляя напоказъ воображаемое богатство, то борясь съ безнадежною несостоятельностью. Это была суровая школа для Макъ-Колока, и онъ составилъ себѣ тамъ репутацію замѣчательнаго финансоваго организатора. Благодаря ему, банкъ Штата Индіана одинъ продолжалъ платежи звонкою монетою и поддержалъ размѣнъ своихъ билетовъ въ 1857 году, во время повсемѣстнаго кризиса, когда банки лопались во всѣхъ Штатахъ. Когда Чэзъ организовалъ свою систему національныхъ банковъ, онъ вызвалъ Макъ-Колока въ Вашингтонъ и далъ ему трудное мѣсто контролера кредитнаго обращенія «Comptroller of the currency», а призидентъ Линкольнъ предложилъ ему потомъ, въ 1864 г., по выходѣ Чэза, постъ секретаря казначейства. Это былъ самый естественный и при томъ совершенно удачный выборъ.

Я назвалъ выше цифру государственнаго долга Соединенныхъ Штатовъ, представлявшую въ 1865 г. крайнюю задолженность страны. Я прибавлю еще, что хотя междуусобная война закончилась въ 1865 году, но военные расходы по старымъ ликвидаціямъ возросли до своего maximum'а и составляли 1.030.690,400 дол.; то-же самое должно сказать

о расходахъ по флоту, простиравшихся до 122.617,434 дол. Затѣмъ на погашеніе государственнаго долга, преимущественно по текущимъ краткосрочнымъ процентнымъ обязательствамъ, и уплату процентовъ требовалось 607.361,241 дол. Для удовлетворенія этой громадной суммы расходовъ, въ общемъ итогѣ, по всѣмъ статьямъ, составлявшей 1.760.669,075 дол., обыкновенныя бюджетныя средства, существовавшіе налоги, доставляли только 322.013,158 дол. Для характеристики момента нужно сказать, что когда Чэзъ оставилъ постъ секретаря казначейства, премія на золото дошла до 270%. Слѣдовательно, думать о новыхъ выпускахъ неразмѣнныхъ правительственныхъ билетовъ не приходилось. Чэзъ, повидимому, испробывалъ и истощилъ всѣ средства кредита въ той или другой формѣ и оставилъ своему преемнику непроходимый финансовый хаосъ. Неудивительно, что въ прессѣ и на скамьяхъ конгресса слышалось вполнѣ патріотическое, но несовсѣмъ добросовѣстное предложеніе отреченія отъ долга—«Repudiation».

Несостоятельность такой страны, какъ Соединенные Штаты,—дѣло невозможное, и Макъ-Колокъ совершенно сознавалъ это. Страна была въ положеніи въ высшей степени затруднительномъ, но она могла выйти изъ него, спасая свой кредитъ и поддерживая его добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ долговыхъ обязательствъ.

Первый отчетъ Макъ-Колока, представленный въ 1865 году спикеру конгресса, содержитъ полное изложеніе программы принятой имъ финансовой политики.

Макъ-Колокъ не говоритъ объ увеличеніи налога, да и едва-ли оно было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ; но онъ твердо стоитъ за удержаніе принятаго въ началѣ междуусобной войны высокаго обложенія, предназначеннаго отнынѣ на погашеніе государственнаго долга. Его планъ дѣйствія поразительно простъ и сводится къ двумъ мѣрамъ: онъ предлагалъ, во-первыхъ, сокращеніе кредитнаго обращенія черезъ извлеченіе неразмѣнныхъ правительственныхъ билетовъ, и во-вторыхъ—консолидацію неотвержденнаго долга, при посредствѣ выпуска 6% бондовъ, уплачиваемыхъ въ сроки наиболѣе удобные для правительства.

Макъ-Колокъ твердо вѣрилъ въ дѣйствительность этихъ мѣръ. Онъ видѣлъ всю антипатію американскаго населенія къ правительственнымъ неразмѣннымъ билетамъ. Давній опытъ убѣдилъ его въ пустотѣ и несостоятельности бумажнаго кредита, съ какой бы стороны онъ ни являлся. Онъ сознавалъ также всю громадность производительныхъ экономическихъ силъ страны, для которой при постоянномъ прогрессивномъ развитіи все бремя настоящаго долга и существующаго высокаго обложенія представлялось едва ощутительною тягостью, и не предвидѣлъ никакого затрудненія для помѣщенія новыхъ выпусковъ процентныхъ бумагъ какъ внутри, такъ и заграницею: борьба на смерть за принципъ единенія

кончилась и съ наступленіемъ мирнаго развитія, съ сокращеніемъ чрезвычайныхъ правительственныхъ расходовъ, всеобщее довѣріе, до сихъ поръ ни разу не поколебавшееся, необходимо должно было усилиться.

«Сокращеніе кредитнаго обращенія не будетъ совершено слишкомъ быстро, чтобы оказать вредное вліяніе», говоритъ Макъ-Колокъ въ упомянутомъ рапортѣ. «Въ какой срокъ и на какую сумму это сокращеніе должно быть сдѣлано, чтобы довести кредитное обращеніе до металлическаго, это не можетъ быть опредѣлено въ настоящее время съ какою нибудь точностью»,—замѣчаетъ Макъ-Колокъ [1]. «Первымъ дѣломъ нужно установить необходимость принципа сокращенія». Сокращеніе, по мнѣнію Макъ-Колока, должно было начаться съ извлеченія правительственныхъ неразмѣнныхъ билетовъ. Право ихъ выпуска было присвоено себѣ конгресомъ совершенно произвольно; законы, его обусловливавшіе, были не болѣе, какъ военныя мѣры. По самому характеру своему эти билеты не отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ торговаго кредита: они не представляютъ необходимой эластичности, не увеличиваются и не уменьшаются въ своемъ количествѣ, согласно законнымъ требованіямъ торговой и промышленной дѣятельности; какъ кредитные знаки, выпускаемые правительствомъ, они отвѣчаютъ только нуждамъ казначейства и сообразуются только съ ними. «Постепенное сокращеніе кредитнаго обращенія,--говоритъ Макъ-Колокъ,—есть дѣло первой необходимости и оно быстро разсѣетъ всѣ опасенія, что вслѣдствіе такой финансовой политики окажется недостатокъ въ деньгахъ и благосостояніе страны уменьшится». Собственныя слова Макъ-Колока такъ многозначительны, что я позволю себѣ передать ихъ почти безъ сокращенія:

«Извѣстное дѣло,—говоритъ онъ,—что спросъ на деньги увеличивается (вслѣдствіе возвышенія цѣнъ) соразмѣрно съ снабженіемъ и этотъ спросъ бываетъ особенно силенъ тогда, когда кредитное обращеніе наибольшее и раздуто до крайняго предѣла. Держать деньги безъ употребленія нѣтъ выгоды, развѣ очень малое количество ихъ остается безъ употребленія, и пропорціонально возростанію ихъ въ обращеніи возвышаются цѣны. Съ другой стороны, уменьшеніе ихъ въ обращеніи понижаетъ цѣны, и съ этимъ пониженіемъ необходимо слабѣетъ требованіе на деньги. Не должно опасаться также, чтобы сокращеніе это, если только оно не будетъ насильственнымъ (violent), повредило дѣйствительному благосостоянію страны. Трудъ есть главный источникъ народнаго богатства; промышленность неизмѣнно падаетъ при раздутомъ денежномъ обращеніи... Доброе вліяніе денегъ зависитъ отъ способа ихъ употребленія: если онѣ подымаютъ производительную промышленность, то онѣ

[1] На первое время онъ предлагалъ извлечь часть правительственныхъ неразмѣнныхъ билетовъ и краткосрочныхъ 6-ти процентныхъ билетовъ (такъ называемыхъ «compound interest notes»), всего на сумму отъ 100 до 200 милліоновъ долларовъ.

дѣйствуютъ благотворно; но если онѣ ее роняютъ, то деньги—зло. Даже въ видѣ драгоцѣнныхъ металовъ онѣ не составляютъ богатства народа. Мысль, что страна богата созразмѣрно количеству золота и серебра, которымъ она обладаетъ, очень естественна и довольно распространена, но тѣмъ не менѣе совершенно ошибочна. Что жа касается мнѣнія, будто дѣйствительное благосостояніе можетъ быть подвинуто увеличеніемъ бумажныхъ денегъ свыше количества, строго необходимаго, какъ мѣноваго посредника, то оно ложно до такой степени, что очень немногіе здравомыслящіе люди раздѣляютъ его, если только разсудокъ ихъ не совершенно отуманенъ особою финансовою атмосферою, которую подчасъ создаетъ раздутое бумажное обращеніе. Неразмѣнныя бумажныя деньги могутъ быть необходимостью; но въ заключеніе онѣ становятся бѣдствіемъ для каждаго народа. Крайнее увеличеніе кредитнаго обращенія, послѣдовавшее за прекращеніемъ размѣна правительственныхъ билетовъ и платежей звонкою монетою въ 1861 году, было результатомъ тяжелыхъ расходовъ правительства на военныя нужды и введенія новой единицы цѣнностей, которою сдѣлались выпущенныя правительствомъ неразмѣнныя бумажныя деньги. Постоянное, еженедѣльное возростаніе ихъ въ обращеніи обозначалось возвышеніемъ цѣнъ всѣхъ предметовъ, которые требовались правительствомъ и за которые оно вынуждено было платить бумажными деньгами. Цѣны этихъ предметовъ, за малыми колебаніями, постоянно возвышались съ самаго начала войны и теперь это бумажное обращеніе расплылось въ такой степени, что большинство націи страдаетъ подъ его тягостью, между тѣмъ какъ требованіе на трудъ уменьшается».

Кредитное обращеніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ концѣ 1865 года составляло 704.218,038 долларовъ. Въ этомъ итогѣ неразмѣнные билеты правительства (зеленыя сорочки и бумажная мелочь) представляли 454.218,038 дол. и извлеченіемъ этихъ бумажныхъ денегъ должно было начаться сокращеніе кредитнаго обращенія. По мнѣнію Макъ-Колока, это слѣдовало сдѣлать, какъ только миновало исключительное положеніе, для котораго эти бумажные знаки были созданы. Ихъ должны были замѣнить билеты національныхъ банковъ, представлявшіе несомнѣнное преимущество, какъ по своему соотношенію съ прямыми требованіями торговли и промышленности, такъ и по серьезности и дѣйствительности правительственнаго контроля, которымъ обставлена дѣятельность кредитныхъ учрежденій, ихъ выпускавшихъ.

Погашеніе государственнаго долга представляетъ другую задачу въ финансовой програмѣ Макъ-Колока. «Долгъ великъ», говорилъ онъ, но, оставаясь въ предѣлахъ страны, при благоразумной системѣ налоговъ, онъ не долженъ быть особенною тягостью. Тѣмъ не менѣе, это—долгъ: для тѣхъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ государственныя обезпеченія,

онъ представляетъ помѣщеніе капитала; но для народнаго достоянія— это бремя, односторонніія выгоды и тягости котораго не могутъ быть распредѣлены равномѣрно и которое должно быть снято какъ можно скорѣе».

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была консолидація краткосрочныхъ долговыхъ обязательствъ, составлявшихъ (31 октяб. 1865 г.) 1.191.935,708 дол., превращеніе ихъ въ постоянный долгъ, при помощи выпуска новыхъ $5^1/_5$ % бондовъ (five twenty bonds) на 200.000.000 дол. Далѣе слѣдовало принять мѣры для увеличенія дохода, какъ для уплаты процентовъ, такъ и для постепеннаго ежегоднаго погашенія капитальнаго долга.

Конечно, послѣдовавшее съ окончаніемъ войны сокращеніе правительственныхъ расходовъ играло значительную роль въ разсчетахъ Макъ-Колока. Не дѣлая измѣненій въ системѣ налоговъ, можно было во всякомъ случаѣ надѣяться на погашеніе громаднаго долга въ сравнительно близкое время. Въ 1866 году доходъ отъ бюджетныхъ средствъ, вмѣстѣ съ чрезвычайными ресурсами, далъ уже избытокъ надъ расходами [1]) въ 132.887,549 дол.

При такомъ счастливомъ положеніи, соблюдая необходимую экономію, оставалась еще возможность производить погашеніе долга на сумму отъ 4 до 5 милліоновъ долларовъ въ мѣсяцъ. «Долгъ можетъбыть уплаченъ,— говорилъ при этомъ Макъ-Колокъ,—настоящимъ поколѣніемъ, которое его сдѣлало, и воля народа,—чтобы это было исполнено быстро». Но можно-ли было поручиться, что тѣ-же счастливые результаты повторятся и въ послѣдующіе года? Чрезвычайные ресурсы, доставляемые преимущественно реализаціею еще не помѣщенныхъ бондовъ отъ прошедшихъ выпусковъ, должны были необходимо уменьшиться въ послѣдующіе года и въ заключеніе окончательно изсякнуть.

Макъ-Колокъ предложилъ конгрессу ассигновать впродолженіе извѣстнаго періода ежегодно 200.000,000 долларовъ на постоянные расходы по государственному долгу,—какъ для уплаты процентовъ, такъ и для его погашенія. Онъ разсчитывалъ, что, располагая 200.000,000 долларовъ въ годъ, при постепенной конверсіи государственнаго долга въ $5^1/_2$ про-процентные бонды, весь этотъ долгъ можетъ быть погашенъ въ 32 года или даже въ 28 лѣтъ, съ помощью выпуска 5% бондовъ. «Эти 200.000,000 долларовъ,—замѣчаетъ Макъ-Колокъ,—лягутъ очень легкимъ бременемъ на народъ, принимая во вниманіе естественное возростаніе производительныхъ силъ страны, возростаніе ея богатства на тѣхъ же условіяхъ, въ той же прогрессіи, въ какой совершалось это развитіе до сихъ поръ. Прошедшее показало, что экономическое развитіе страны соотвѣтствовало

[1]) Между ними проценты по долгу составляли 133.067,741 дол.

возростанію по меньшей мѣрѣ на 125% въ каждое десятилѣтіе. Сложный капиталъ страны въ 1870 составлялъ по этому разсчету 27.578.000,000 долларовъ; 1880 году онъ долженъ былъ увеличиться до 34.467.500,000 долларовъ.

Эти, повидимому, совершенно проблематическія цифры возростанія народнаго богатства вполнѣ подтверждаются десятилѣтними отчетами ревизій «Census» съ 1850 по 1890 г. Общественная и личная собственность, включая въ нее земли, со всѣми на нихъ улучшеніями, фермы, хозяйственный инвентарь, скотъ, рудники, ископаемыя мѣсторожденія, добытые съ нихъ продукты, золото, серебро и драгоцѣнные металлы, заводы и фабрики, машины на нихъ, сырые матеріалы и издѣлія, желѣзныя дороги съ подвижнымъ составомъ, конныя желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, судоходства и каналы для цѣлей обложенія были оцѣнены слѣдующими цифрами:

въ 1850 г.		въ 7.135.780,280	доллар.
» 1860 »		» 16.159.616,068	»
» 1870 »		» 30.068.518,507	»
» 1880 »		» 43.642.000,000	»
» 1890 »		» 65.037.091,197	»

Принимая эту оцѣнку, 200.000.000 долларовъ составятъ на этотъ колоссальный капиталъ національной собственности въ 1890 г. менѣе $^1/_3$ %; но къ тому времени уже должно было почти завершиться погашеніе чрезвычайнаго долга, который оставила странѣ тяжелая борьба, поднятая во имя великой идеи политическаго единенія.

IV.

Такова была финансовая программа Макъ-Колока. Общій принципъ ея остался неизмѣннымъ въ послѣдующихъ законодательныхъ мѣрахъ, принятыхъ конгрессомъ,—даже послѣ того, какъ Макъ-Колокъ оставилъ постъ секретаря казначейства; но конгрессъ задерживалъ исполненіе цѣлаго плана, и онъ осуществился не съ такою быстротою, какъ этого, можетъ быть, желалъ его авторъ. Сокращеніе кредитнаго обращенія шло тихо, и возвращеніе къ металлическимъ платежамъ отдалялось. Кризисъ 1873 г. въ значительной степени можетъ быть приписанъ этому черезъ-чуръ боязливому настроенію конгресса: съ одной стороны, этотъ кризисъ былъ вызванъ спекуляціею на золото; съ другой стороны тутъ съиграли роль національные банки, которые разогрѣли биржевую спекуляцію, явившуюся непосредственною причиною кризиса [1]). Сокращеніе кредитнаго обра-

---

[1]) Обѣ эти причины обыкновенно развиваютъ свое острое дѣйствіе при особенно изобильномъ кредитномъ обращеніи. Національные банки, какъ учрежденія предназ-

щенія, на необходимости котораго такъ настаивалъ Макъ-Колокъ, въ заключеніе всетаки сдѣлало свое дѣло. Актъ конгресса 1875 года опредѣлилъ, наконецъ, возобновленіе съ 1-го января 1879 г. платежей звонкою монетою. И хотя торговля въ 1875 г. послѣ предшествовавшаго кризиса была въ довольно стѣсненномъ положеніи, но въ слѣдующіе годы торговый балансъ, благодаря естественному установленію цѣнъ на металлическомъ основаніи, съ изъятіемъ изъ обращенія раздувавшихъ эти цѣны неразмѣнныхъ билетовъ, рѣшительно повернулся въ выгодную сторону для Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1876 г. избытокъ вывоза надъ привозомъ товаровъ составлялъ уже 79.000,000 долларовъ; въ 1877 г. 150.000,000; въ 1878 г. 257.000,000; въ 1879 г. 265.000,000 долларовъ.

Послѣ реализаціи бондовъ, выпущенныхъ согласно опредѣленію конгресса для возобновленія металлическихъ платежей, запасы звонкой монеты въ казначействѣ постоянно прибывали и въ день, назначенный для размѣна правительствомъ кредитныхъ билетовъ, эти запасы заключали слишкомъ 135.000,000 долларовъ золотомъ и серебромъ, что составляло 40% полнаго количества этихъ билетовъ, находившагося въ обращеніи. Впрочемъ, никто и не предъявлялъ ихъ для размѣна: національные банки принимали ихъ въ уплату слѣдующихъ отъ казначейства балансовъ и процентовъ по правительственнымъ бондамъ, публика сохраняла къ нимъ полное довѣріе. Металлическій фондъ казначейства между тѣмъ все прибывалъ. Къ ноябрю 1879 г. онъ достигъ 171.000,000 долларовъ;

наченныя для выпуска банковыхъ билетовъ, вполнѣ соотвѣтствовали этой важной функціи. Они совершенно оправдали идею своего основателя Чэза. Но какъ учрежденія банкирскія, они въ своей дѣятельности заслуживаютъ нѣкотораго порицанія, хотя подобный упрекъ можетъ быть съ справедливостью сдѣланъ всѣмъ банкамъ вообще: ради наживы, заработка высокихъ дивидендовъ для своихъ акціонеровъ, эти банки не обнаруживали достаточной осторожности. Отсутствіе же осторожности обусловливалось особенно двумя обстоятельствами, на которыя обращалъ вниманіе конгресса контролеръ кредитнаго обращенія въ своемъ отчетѣ 1879 года, требуя быстраго вмѣшательства законодательной власти. Эти банки, говорилъ онъ во 1) платятъ проценты на вклады, во 2) предпочитаютъ для помѣщенія своихъ свободныхъ средствъ ссуды, подъ правительственные бонды или другія облигаціи, дисконтированію торговыхъ векселей. И то, и другое, по мнѣнію контролера, вредно отзывалось на торговлѣ. Національные банки при этихъ условіяхъ поглощали весь свободный капиталъ страны, а потомъ, чтобы получить возможно большій процентъ для своихъ вкладчиковъ, привлекали капиталъ изъ провинціи въ большіе города, главные торговые центры, какъ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ шелъ исключительно на поддержаніе биржевой спекуляціи, на краткосрочныя ссуды спекуляторамъ подъ различныя обезпеченія: такимъ образомъ провинція часто страдала отъ недостатка кредита, а въ Нью-Іоркѣ биржевая спекуляція пребывала въ постоянномъ разгарѣ. Контролеръ обращенія предлагалъ запретить національнымъ банкамъ платежъ процентовъ на вклады и ограничить ссуды подъ различныя обезпеченія въ размѣрѣ 10 процентовъ ихъ капитала. Это благоразумное предложеніе, однако-же, не было принято.

премія, лажъ на золото исчезли, и курсъ сталъ альпари, какъ естественный и прямой результатъ сокращенія раздутаго кредитнаго обращенія.

Консолидація и погашеніе государственнаго долга, накопленнаго въ продолженіе междуусобной войны, совершались съ неукоризненнымъ постоянствомъ и точностью и дали блистательные результаты, хотя вмѣсто ежегоднаго ассигнованія 200.000,000 долларовъ, предложеннаго Макъ-Колокомъ, конгрессъ назначилъ для этой цѣли только избытки доходовъ отъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ, оставляя существовавшіе во время войны высокіе налоги безъ измѣненія и сокращая постоянно расходы. Но избытки эти были значительны, составляя въ среднемъ итогѣ около 100.000,000 долларовъ въ годъ, и кромѣ того конверсія этого долга была сдѣлана на условіяхъ болѣе выгодныхъ, нежели разсчитывалъ Макъ-Колокъ. Въ 1871 году, взамѣнъ шести-процентныхъ бондовъ были выпущены новые бонды на 1.500.000,000 долларовъ; между ними 5-ти процентные на 200.000,000 долларовъ—срокомъ на 10 лѣтъ, 4½-процентные на 300.000,000 долларовъ на 15 лѣтъ и 4-процентные на 1.000.000,000 долларовъ на 30 лѣтъ. Въ настоящее время процентный государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ составляетъ 716.202,160 долларовъ, состоитъ преимущественно изъ 4-хъ и 2-хъ процентныхъ бондовъ; въ 1865 г. въ августѣ онъ былъ равенъ 2.846.021,742 долларамъ. Расходы по государственному долгу составляли въ 1895 г. 29.140,792 дол., въ 1865 г. они были 150.977,617 дол. Такимъ образомъ завершилось финансовое возрожденіе Соединенныхъ Штатовъ. Обратимся теперь къ мѣстнымъ условіямъ, благодаря которымъ совершилось это возрожденіе.

V.

Я очень опасаюсь, что многіе могутъ вывести довольно ложное заключеніе относительно двухъ министровъ, дѣятельность которыхъ очерчена въ предыдущихъ главахъ. Я считаю поэтому необходимымъ точнѣе опредѣлить ихъ политическое значеніе и участіе въ дѣлѣ финансоваго переворота Соединенныхъ Штатовъ.

Не можетъ быть и сомнѣнія, что Чэзъ и Макъ-Колокъ были оба замѣчательными государственными людьми, которымъ страна обязана своимъ существованіемъ въ полной цѣлости ея состава и которые займутъ видное мѣсто въ ея скудной событіями и героями исторіи.

Чэзъ олицетворяетъ собою крайнее напряженіе экономическихъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли: неприложно сохранить единство политическаго тѣла Соединенныхъ Штатовъ, на которомъ зиждется величіе этой страны. Онъ не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы отстоять его. Имѣя за собою цѣлую страну, онъ приноситъ въ жертву своей цѣли всѣ матеріальные интересы, столь дорогіе торгово-промыш-

ленному государству, и вполнѣ достигаетъ ее. Какъ ни противуположна была политика Чэза личнымъ интересамъ сѣверныхъ американцевъ и экономическимъ принципамъ, но она была точнымъ выраженіемъ стремленій цѣлаго населенія сѣвера федеральныхъ штатовъ. Страна и министръ дѣйствовали въ данномъ случаѣ въ полномъ согласіи.

Преемникъ Чэза, Макъ-Колокъ, водворяетъ правильную организацію вмѣсто того безпорядка и неурядицы, въ которые государственные финансы были поставлены рѣшительными и отчаянными мѣрами Чэза. Его задачею является, съ одной стороны, упроченіе кредитнаго обращенія, которое постепенно приводится къ металлическому размѣну по курсу альпари; съ другой стороны,—погашеніе государственнаго долга, приведеніе его къ размѣрамъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ средствамъ государства, при постепенной конверсіи высокопроцентной части его въ низкопроцентные бонды, которые ложатся меньшею тягостью на населеніе. Эта умиротворяющая политика какъ нельзя лучше соотвѣтствовала положенію раззбреннаго населенія, уставшаго въ тяжелой борьбѣ, которому прежде всего нужно было спокойствіе, чтобы приняться съ новой энергіей за торгово-промышленную дѣятельность, за работу надъ своимъ экономическимъ развитіемъ. Политика Макъ-Колока совершенно отвѣчаетъ желаніямъ и стремленіямъ общества и, сознавая ихъ, онъ съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и его предшественникъ, исполняетъ эту трудную задачу и утверждаетъ финансы страны на болѣе прочныхъ основаніяхъ, нежели когда-либо они были во время, предшествовавшее междуусобной войнѣ.

Эти два финансовые администратора, видимо слѣдуя двумъ совершенно различнымъ путямъ, оба достигаютъ одинаковаго результата, утверждая политическое величіе и экономическое процвѣтаніе государства. Оба они опирались на общество, стремленія и желанія котораго они точно выражали. Избранные ими пути были до противуположности различны, какъ были различны цѣли, къ которымъ они шли. Съ дѣятельностью Чэза невольно соединяется идея безпорядка, раззоренія; съ дѣятельностью Макъ-Колока, напротивъ, связано возстановленіе порядка и утвержденіе экономическаго благосостоянія. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ вида, что дѣятельность Чэза происходила при исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя совершенно оправдывали его рѣзкія мѣры. Въ исторической жизни народовъ возникаютъ моменты, когда опрокидывается весь порядокъ, которымъ держалось благоустроенное общество. Всѣ граждане сознаютъ требованія высшей необходимости и преклоняются передъ ними точно также, какъ и передъ исключительными мѣрами, вызываемыми исключительными обстоятельствами. Это совершенно объясняетъ ту твердую поддержку, которою встрѣтило общество отчаянную политику Чэза, нарушавшую всѣ экономическіе прин-

ципы. Но разъ общество выходитъ изъ такого неестественнаго положенія и переходитъ къ прежнему состоянію благоустройства, исключительныя мѣры являются только препятствіемъ къ его дальнѣйшему развитію и должны уступить мѣсто мѣрамъ, вполнѣ согласующимся съ законами науки, истины и обсолютной справедливости. Медлить, останавливаться, временно мириться съ прежнимъ порядкомъ, предоставлять его улучшеніе благотворному дѣйствію времени, было-бы преступленіемъ. Естественно, что дѣятельность Макъ-Колока была прежде всего умиротворительная и созидательная въ противуположность разрушительному способу дѣйствія его предшественника. Для правильной оцѣнки дѣятельности Чэза необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что Чэзъ самъ указалъ на Макъ-Колока, какъ на своего преемника, наиболѣе отвѣчающаго требованіямъ времени. Очевидно, что онъ ясно видѣлъ измѣненіе обстоятельствъ и необходимость измѣненія политики. Но прежде всего слѣдуетъ помнить, что и тотъ и другой дѣятель вполнѣ опирались на своевременное расположеніе общества и были исполнителями его воли.

Интересно взглянуть теперь на положеніе этого общества, которое такъ мало похоже на европейское и которое какъ-бы само явилось распорядителемъ своихъ историческихъ судебъ, для котораго правительство было только исполнителемъ его воли. Въ этомъ именно положеніи кроется объясненіе полнаго успѣха финансоваго возрожденія Соединенныхъ Штатовъ.

Не помню, кто именно изъ парадоксальныхъ писателей прошедшаго столѣтія высказалъ нѣсколько парадоксальную мысль: «счастливъ народъ, неимѣющій исторіи». Это очень любопытный и очень блистательный парадоксъ, если ограничить содержаніе исторіи однимъ изложеніемъ кровопролитныхъ войнъ, являвшихся тяжелою и грустною необходимостью своего времени. Такова была исторія даже еще въ прошедшемъ столѣтіи. Но съ тѣхъ поръ политическое положеніе обществъ измѣнилось; конечно, оно не упразднило войны, и воцареніе общаго мира отдалено на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе въ наше время, жизнь осложнилась новыми интересами, которые еще въ восемнадцатомъ столѣтіи оставались въ области теоріи, теперь-же наполняютъ собою, быть-можетъ, три четверти современной исторіи. Рядомъ съ интересами политическими выдвинулись на первый планъ интересы экономическіе, которые стали основаніемъ государственной жизни и которымъ подчинились политическіе интересы. Казалось-бы, что государственная жизнь должна слагаться такимъ образомъ, чтобы эти два рода интересовъ въ одинаковой степени занимали государственныхъ людей и дружно шли рядомъ, взаимно помогая своему развитію. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что политическое развитіе очень часто опережаетъ развитіе экономическое, и широкое экономическое благоденствіе и процвѣтаніе

общества забывается ради политическаго вліянія и пустого расширенія границъ.

Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи представляютъ завидное исключеніе по самому своему географическому положенію. Они остаются непричастны волненіямъ, мутившимъ старую Европу; они не опасаются уже болѣе нападенія съ ея стороны и политическихъ усложненій, которыхъ они такъ боялись въ первое пятидесятилѣтіе своего существованія, между 1783 и 1820 годами. Вопросы внѣшней политики не составляютъ для нихъ насущнаго вопроса. Вся государственная жизнь ихъ поглощена экономическимъ развитіемъ и можно только съ сожалѣніемъ удивляться, что тамъ было такъ мало сдѣлано для этого развитія въ широкомъ значеніи, съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Это развитіе сосредоточено тамъ преимущественно на обыденныхъ вопросахъ торговли и промышленности, на средствахъ частнаго, индивидуальнаго обогащенія, на эксплуатаціи и разработкѣ источниковъ естественнаго богатства края, съ которыми тѣсно соединено возростаніе народнаго богатства. Понятно, что населеніе, для котораго экономическіе интересы исчерпываютъ всю его государственную и общественную жизнь и которое привыкло, по самому складу жизни, къ широкой самодѣятельности, явилось сильнымъ сторонникомъ финансовыхъ мѣръ, предложенныхъ Макъ-Колокомъ, и могучимъ, живымъ орудіемъ въ работѣ финансоваго возрожденія, къ которой теперь была призвана цѣлая страна. Финансовыя мѣры, какъ-бы своевременны, какъ-бы полезны и благодѣтельны онѣ не были, тогда только оказываютъ свое настоящее дѣйствіе, когда на нихъ дружно и энергично отзывается населеніе цѣлой страны. Въ этомъ единеніи интересовъ административныхъ и народныхъ кроется главная причина и условіе быстраго и прочнаго финансоваго возрожденія Соединенныхъ Штатовъ.

VI.

Одинъ взглядъ на карту Соединенныхъ Штатовъ въ 1783 г., (это былъ историческій моментъ ихъ отдѣленія отъ Великобританіи и начала ихъ самостоятельнаго политическаго существованія), и сравненіе ея съ картою ихъ въ настоящее время свидѣтельствуетъ о поразительномъ возростаніи ихъ территоріи, рядомъ съ которымъ росло также и населеніе [1]). Но расширеніе границъ не было результатомъ завоеваній.

[1]) Четырнадцать Штатовъ, первоначально подписавшихъ основную конституцію страны въ 1783 году, занимали пространство 312.710 квадр. англійск. миль или 712,978 кв. верстъ, при 2.600.000 жителей, изъ которыхъ 500.000 было черныхъ. Въ настоящее время согласно съ послѣднею ревизіею «Census» 1890 г. Соединенные Штаты покрываютъ пространство въ 3.025.600 кв. миль или 6.894.368 кв. верстъ и населеніе въ 1894 г. возросло до 68.275.000.

Границы расширялись, новыя земли вступали въ составъ республики, которая пріобрѣтала ихъ или покупкою, какъ это было сдѣлано съ Лузіаною, или присоединеніемъ провинцій, отложившихся отъ другихъ европейскихъ державъ, именно Испаніи [1]). Это возростаніе территоріальнаго могущества исходило прежде всего изъ экономическихъ потребностей страны, которая разсылала по всему сѣверному континенту Америки какъ свое первоначальное населеніе, такъ и населеніе, приносимое волною иммиграціи, установившейся съ самаго ранняго времени. Это мирное завоеваніе совершилось, исключительно во имя экономическихъ условій, въ какія-нибудь сорокъ лѣтъ. Пришлые люди скоро освоивались на новыхъ мѣстахъ и тотчасъ-же принимались за трудную работу экономическаго развитія, начинавшуюся удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Конечно, это вторженіе новой расы не обошлось безъ столкновеній; но они улаживались домашнимъ образомъ, и экономическое развитіе болѣе и болѣе утверждало пришлое населеніе на новыхъ земляхъ, постепенно превращавшихся въ штаты, между которыми крѣпла живая органическая связь. Въ Соединенныхъ Штатахъ никогда не было центральной власти, въ строгомъ смыслѣ, какъ понимаютъ это выраженіе въ Европѣ. Каждый Штатъ вѣдалъ и вѣдаетъ свои внутреннія дѣла, свою внутреннюю администрацію; федерація замѣняетъ тамъ централизацію. Конечно въ этомъ устройствѣ не слѣдуетъ искать полнаго совершенства: недостатки, свойственные людямъ, вносятъ порчу въ самыя совершенныя политическія учрежденія [2]).

Постепенное созданіе новаго государства, округленіе его границъ, собираніе земель завершилось въ началѣ текущаго столѣтія присоединеніемъ Флориды, которая очень неохотно была уступлена Штатамъ Испанскимъ правительствомъ въ 1819 году.

Пока совершалось это округленіе территоріи, естественно—въ Соединенныхъ Штатахъ возникало опасеніе за независимость и мирное политическое развитіе, которому могло угрожать вмѣшательство Европы. Это опасеніе, хотя оно было довольно сильно развито въ первые годы существованія республики, уступило мѣсто въ послѣдующее время сознанію полной безопасности со стороны Европы. Благодаря географическому и политическому положенію, Соединенные Штаты совершенно обезпечены отъ вторженія внѣшнихъ враговъ и, не преслѣдуя завоевательныхъ цѣлей на своемъ континентѣ, они представляютъ одно важ-

---

[1]) Отъ нея Соединеннымъ Штатамъ досталось почти двѣ трети ихъ территоріи.

[2]) Брайсъ, авторъ уже цитированнаго сочиненія «American Commonwealth», съ полнымъ безпристрастіемъ даетъ очень непривлядное изображеніе вопіющихъ недостатковъ частныхъ законодательныхъ учрежденій Штатовъ, «State legislature», а также городскихъ управленій «Citi Governments», прямо обвиняя ихъ въ продажности, подкупѣ, взяточничествѣ и растратѣ общественныхъ фондовъ.

ное преимущество передъ прочими государствами: они не нуждаются въ такихъ громадныхъ вооруженныхъ силахъ, чтобы отстаивать и сохранять свою политическую независимость противъ внѣшнихъ враговъ. Они почти не имѣютъ постоянной арміи, которая въ настоящее время, во всѣхъ другихъ государствахъ, поглощаетъ львиную часть государственныхъ финансовъ и ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе, истомленное гнетомъ непосильнаго обложенія. Счастливъ финансовый администраторъ, который имѣлъ-бы возможность разомъ вычеркнуть изъ своего бюджета расходы по арміи и флоту. Счастлива страна, въ которой возможно сдѣлать такое сокращеніе и дать реализируемой экономіи болѣе производительное назначеніе. Въ такое именно счастливое положеніе были поставлены Соединенные Штаты съ окончаніемъ междуусобной войны, когда военные расходы сократились втеченіе тридцати лѣтъ почти на милліардъ долларовъ или два милліарда рублей [1]).

VII.

Приведемъ нѣкоторые факты экономическаго развитія въ Соединенныхъ Штатахъ, послѣдовавшаго за разгромомъ междуусобной войны.

Я выше замѣтилъ, что экономическое развитіе началось тамъ тяжелою работою, прежде всего имѣвшею цѣлью добываніе насущнаго хлѣба. Вырубка лѣсовъ, постройка жилищъ, всѣ предварительныя работы были сопряжены съ такимъ тяжелымъ трудомъ, что надо удивляться и преклоняться передъ геройствомъ «Отцовъ паломниковъ»—«Pilgrim Fathers» [2]), которые шли, ради своихъ религіозныхъ убѣжденій, въ добровольную ссылку, въ неизвѣстную для нихъ, дикую страну къ подернутымъ туманомъ непріютнымъ берегамъ Сѣверной Америки. Знаменитый американскій историкъ Банкрофтъ даетъ въ своей исторіи Соединенныхъ Штатовъ, «Bancrofts History of the United States», поразительное изображеніе положенія первыхъ несчастныхъ эмигрантовъ, которыхъ привезъ къ берегамъ Сѣверной Америки корабль «Mayflower». Чего только не натерпѣлись они отъ холода, голода и болѣзней, черезъ какія страданія, лишенія они должны были пройти! Между этими пришельцами (ихъ было сто человѣкъ съ небольшимъ), въ первое же время болѣе чѣмъ три четверти были поражены чахоткою и воспаленіемъ легкихъ. Недоставало людей, чтобы ходить за больными и хоронить мертвыхъ. На ногахъ оставалось всего семь человѣкъ. Между тѣмъ изъ Англіи прибывали новые

---

[1]) Военные расходы сократились между 1845 и 1895 гг. съ 1,031,323.366 долларовъ до 53.898.370, а расходы по флоту съ 122.617.434 долл. до 29.203,069, включая послѣднее увеличеніе его на 13.182,134.

[2]) Такъ назывались первые выселенцы изъ Англіи, преслѣдуемые религіозною нетерпимостью при Карлѣ I.

переселенцы. Первые пришельцы принуждены были сократить на половину свое продовольствіе, чтобы дѣлиться съ вновь прибывшими, которые не привезли съ собой никакой провизіи. Многіе между ними отъ слабости едва стояли на ногахъ, а между тѣмъ добровольно принятый ими на себя тяжелый трудъ не давалъ отдыха. Жадные шкипера приходившихъ судовъ требовали непомѣрныя цѣны за привозимую провизію. Наконецъ, говоритъ преданіе, весь запасъ зерна дошелъ до одной пинты (около двухъ стакановъ). Этотъ остатокъ зерна колонисты раздѣлили побратски, поровну, между всѣми, и на каждаго пришлось по пяти зернышекъ. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ они оставались совершенно безъ хлѣба и принуждены были питаться одною рыбою. Такое существованіе поселенцы проволочили три года, съ декабря 1620 г. до августа 1623 г. когда, наконецъ, былъ собранъ первый урожай и голодная смерть перестала угрожать поселенію.

Жизнь первыхъ переселенцевъ-пуританъ и ихъ потомковъ была очень неприглядна и сурова, даже тогда, когда прошло время первыхъ лишеній. Но эта жизнь была хорошею, здоровою школою для будущихъ поколѣній. При этихъ тяжелыхъ условіяхъ возникло и развилось сознаніе, что трудъ есть первое и главное основаніе какъ частнаго, личнаго, такъ и государственнаго благосостоянія. Эти же условія жизни воспитали и утвердили любовь и привычку къ свободѣ въ самомъ широкомъ ея значеніи, начиная съ свободы дѣйствія, внѣ какихъ-либо стороннихъ вліяній, которыя могли-бы стѣснять или ограничивать проявленія самодѣятельности. Эта самодѣятельность даетъ увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, обусловливающую ихъ широкое развитіе во всѣхъ сферахъ приложенія,—въ простой механической работѣ, также какъ въ работѣ интеллектуальной или общественной, гражданской. При надлежащемъ развитіи самодѣятельности, стороннее вліяніе, въ видѣ какой-нибудь помощи или филантропическаго содѣйствія, не только представляется излишнимъ, но становится даже тягостью и препятствіемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самодѣятельность представляетъ важный двигатель экономическаго развитія.

Эта истина такъ глубоко сознана американскимъ правительствомъ, какъ въ его федеральной организаціи, такъ и въ управленіяхъ отдѣльныхъ штатовъ, что тамъ не существуетъ никакого матеріальнаго содѣйствія или помощи промышленности и торговлѣ со стороны правительства. Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ въ высшей степени протективный тарифъ; но этотъ тарифъ является лишь остаткомъ чрезвычайнаго обложенія, принятаго во время междуусобной войны для покрытія части экстраординарныхъ расходовъ. Затѣмъ никакихъ матеріальныхъ пособій, матеріальнаго содѣйствія промышленности въ видѣ ссудъ, кредитовъ правительство не оказываетъ, придерживаясь

принципа невмѣшательства. И промышленность, увѣренная въ своихъ силахъ, взращенная въ строгой школѣ самодѣятельности, никогда не обращается ни къ какому правительственному содѣйствiю, не требуетъ и не ожидаетъ его.

Рядомъ съ этою свободою дѣйствiя должно имѣть въ виду еще полную независимость и свободу политическую. Быть можетъ, ни одна страна не представляетъ такого смѣшаннаго населенiя, какъ Соединенные Штаты; въ нихъ собраны представители всѣхъ возможныхъ нацiональностей,—либо сами переселившiеся изъ Европы, либо рожденные въ Америкѣ отъ чужеземныхъ отцовъ и матерей, иммигрировавшихъ въ Америку. При всей разнородности этихъ этнографическихъ элементовъ, среди которыхъ нѣтъ господствующей расы, существуетъ полное единенiе политическихъ и экономическихъ интересовъ, полная равноправность. При отсутствiи нацiональныхъ предубѣжденiй доступъ въ страну открытъ безразлично для переселенцевъ всѣхъ народностей,—каковы-бы ни были ихъ политическiя, религiозныя и соцiальныя убѣжденiя,—лишь бы въ матерiальномъ отношенiи это не были совершенные нищiе, которые могли бы наводнить рабочiй рынокъ и понизить заработную плату. Такимъ образомъ иммиграцiя принесла въ Соединенные Штаты, между 1821 и 1894 годами, 17.655,267 человѣкъ самаго разнокалибернаго населенiя. Это разнообразiе этнографическихъ элементовъ много содѣйствовало экономическому развитiю страны, тѣмъ болѣе, что иммигранты прибывали большею частью въ полномъ расцвѣтѣ силъ и приносили съ собою, кромѣ дѣятельнаго физическаго труда, еще запасы опытности, энергiи, интеллигентности и знанiя. Всѣ эти новыя силы тотчасъ же принимали участiе въ экономической работѣ страны, развитiе которой вслѣдствiе этого шло впередъ гигантскими шагами.

Привлекая чужеземныя рабочiя силы, Соединенные Штаты открыли столь-же свободный доступъ и для иностранной предпрiимчивости, для прилива иностраннаго капитала. Для чужеземной предпрiимчивости въ Штатахъ никогда не существовало никакихъ ограниченiй и исключенiй, и, какъ прямой результатъ такого либеральнаго направленiя, явилось то обстоятельство, что въ различныхъ промышленныхъ предпрiятiяхъ Соединенныхъ Штатовъ были помѣщены громадные иностранные капиталы. Такъ, напр., одного англiйскаго капитала помѣщено въ разныхъ предпрiятiяхъ до 1,200.000,000 ф. ст.

Таковы были особенности политической жизни Соединенныхъ Штатовъ, среди которыхъ совершилось ихъ экономическое развитiе и финансовое возрожденiе послѣ междуусобной войны.

Теперь я позволю себѣ бросить бѣглый взглядъ на промышленную дѣятельность и торговлю Соединенныхъ Штатовъ, чтобы показать, какiе громадные успѣхи они сдѣлали во время, послѣдовавшее за междуусобною

войною и насколько экономическое развитіе шло въ уровень съ ихъ финансовымъ возрожденіемъ, которое явилось его прямымъ результатомъ. Цифры очень скучны и утомительны, но онѣ краснорѣчивѣе всѣхъ фразъ передаютъ картину народнаго благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ. Я не буду входить здѣсь во всѣ статистическія подробности экономическаго развитія страны во всѣхъ отрасляхъ промышленности [1]). Я ограничусь одною внѣшнею торговлею, которая всего нагляднѣе представляетъ массу полезнаго производительнаго труда и богатство, имъ созданное.

Я возьму сначала общіе итоги привоза и вывоза товаровъ и приведу ихъ за три года: 1861 г., когда началась междуусобная война, 1866 г., послѣдовавшій за ея окончаніемъ, и наконецъ 1895 годъ. Эти три эпохи представляютъ отличные пункты для сравненія.

Года.	Привозъ.	Вывозъ.
1861. . .	289.310,542	336.896,640
1866. . .	434.812,066	148.387,668
1895. . .	731.969,964	807.538,165

Возьмемъ далѣе предметы отпуска, какъ выражающіе производительность внутренней промышленности, ограничиваясь, впрочемъ, лишь главными, каковы хлопокъ, пшеница, живой скотъ, мясные продукты и минеральныя масла въ различныхъ видахъ.

Въ продолженіе междуусобной войны въ Англіи были убѣждены, что съ уничтоженіемъ рабства и освобожденіемъ негровъ производство хлопка въ Штатахъ совершенно прекратится. Лѣнивый негръ, говорили тамъ, довольствующійся очень малымъ, никогда не примется за тяжелую работу на плантаціяхъ хлопчатника, и Остъ-Индія несомнѣнно явится главнымъ поставщикомъ этого полезнаго волокна. Факты доказали полную неосновательность такихъ предвзятыхъ заключеній. Негры, «darkies», темнокожіе, какъ ихъ звало бѣлое населеніе, оказались далеко не такими лѣнивцами. Еще 1866 году они добровольно возвратились на плантаціи и, получая теперь плату за свою работу, стали еще болѣе прилежными работниками, болѣе бережливыми, и начали копить золото. Но, конечно, никто, даже при самыхъ пылкихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, не разсчитывалъ на то громадное возростаніе этой отрасли промышленности, какое послѣдовало въ дѣйствительности. Вотъ цифры за три выбранные мною года.

---

[1]) Читатель найдетъ ихъ въ оффиціальныхъ документахъ, какъ Statistical Abstracts of United States in 1896—1886.

Года.	Производство. въ фунтахъ.	Вывозъ. въ фунтахъ.
1861. . .	1.935,426,971	307.644,242
1866. . .	1.048,239,150	654.921.48
1895. . .	5.036,964,409	3.517.539,109
	цѣнностью на 269.116,000 дол. на мѣстѣ производства.	цѣнностью на 204.900,996 дол.

Сравненіе этихъ цифръ показываетъ, сколько хлопка было удержано для внутренняго потребленія, и свидѣтельствуетъ, какъ увеличилась въ послѣднее время фабричная хлопчато-бумажная промышленность. Въ 1895 г. было удержано его для передѣла на внутреннихъ фабрикахъ 1.519,431,300 фунт.

Для минеральныхъ маслъ [1]) я не имѣю свѣдѣній ранѣе 1873 года; но вотъ цифры за этотъ годъ, а также за 1895 г.

Года.	Производство: галоновъ.	Вывозъ. галоновъ.	Вывозъ. цѣнность въ долларахъ.
1873. . .	264.314,148 (59.470,683 пуд.)	187.815,187 (44.258,417 пуд.)	42.059,756
1895. . .	2.072,460,672 (466.303,651 пуд.)	884.502,082 (199.012,082 пуд.)	46.660,082

Сравнительно слабое повышеніе въ цѣнности вывоза въ 1895 году, противъ увеличенія въ количествѣ, зависѣло отъ пониженія цѣнъ.

Вывозъ пшеницы въ шестидесятыхъ годахъ былъ ничтоженъ и къ 1895 г. увеличился въ тридцать пять разъ.

Года.	Производство въ бушеляхъ.	Вывозъ въ бушеляхъ.
1860. . .	173.104,924 (30.053,000 четвт.)	4.155,153 (721,388 четвт.)
1867. . .	151.999,906 (26.370,000 четвт.)	6.192,371 (1.075,064 четвт.)
1895. . .	460.267,416 (79.917,537 четвт.)	144.812,718 (25.280,000 четвт.) цѣнностью 95.550.591 долларовъ.

---

[1]) Въ минеральныя масла включены сырая нефть, масла освѣтительныя, смазочныя, бензинъ и остатки.

Но въ чемъ возростаніе особенно велико,—такъ это въ вывозѣ живаго скота и мясныхъ продуктовъ.

Предметы вывоза.	1869 г.	1895 г.
	Вывозъ цѣнностью въ долларахъ.	
Живой скотъ	917,046	35.443,770
Солонина	2.430,356	3.558,230
Свѣжая говядина	—	22.533,793
Свинина копченая, окорока, туши и соленая	3.422,928	52.875.830
Свиное сало.	7.443,948	36.821,508
	14.214,278	148.005,176

Въ отношеніи отпуска говядины замѣчательно особое стараніе и особенная энергія американскихъ фермеровъ. Они не останавливались передъ очень значительными затратами, скупали въ Англіи лучшихъ племенныхъ быковъ, платили за нихъ баснословныя цѣны—1,000 и 2,000 фунт. ст., и наконецъ, успѣли улучшить породу до такой степени, что теперь въ мясныхъ лавкахъ богатѣйшихъ кварталовъ Лондона американская говядина продается наравнѣ съ англійскою.

Я назову еще одну отрасль промышленности, въ которой Соединенные Штаты сдѣлали огромные успѣхи, хотя продукты ея еще не заняли виднаго мѣста въ отпускной торговлѣ. Это желѣзное производство. Въ 1866 году было выплавлено чугуна 1.205,633 тонны, ввезено 122,042 тонны; пошло на внутреннее потребленіе 1.317,075 тоннъ. Желѣза выдѣлано 384,622 тонны, ввезено 96,277 тоннъ и потреблено внутри страны 480,736 тоннъ. *Производство стали не существовало.* Въ 1895 г. чугуна было выплавлено 9.446,308 тоннъ, ввезено 88,125 тонны, вывезено—20,862 тонны и внутри потреблено 9.504,571 тоннъ; выдѣлано рельсовъ желѣзныхъ и стальныхъ 1.363,000 тоннъ; производство стали достигло огромной цифры 4.412,032 тонны; на внутреннее потребленіе пошло почти все. Въ настоящее время *Соединенные Штаты по производству стали занимаютъ первое мѣсто между всѣми государствами.*

Но куда-же пошла эта масса полезныхъ металловъ, которыми въ наше время измѣряется цивилизація различныхъ государствъ, если они еще не заняли соотвѣтствующаго мѣста въ отпускѣ товаровъ? Всѣ они пошли, какъ я сказалъ, на внутреннее потребленіе, и между различными ихъ приложеніями, конечно, первыми являются потребности желѣзныхъ дорогъ, которыя достигли за послѣдніе годы громаднаго развитія: въ 1861 г. линіи открытыхъ желѣзныхъ дорогъ составляли 31,286 миль, въ 1868—36,801 милю; впродолженіе междуусобной войны возростаніе было конечно слабое. Но въ 1895 г. протяженіе открытыхъ желѣзныхъ дорогъ составляло 181,021 милю. Всѣ эти дороги были построены исключительно

своими собственными матеріальными средствами, которыя дала желѣзная промышленность, хотя большею частью на иностранный капиталъ. Благодаря повсемѣстному распространенію ихъ, самые отдаленные пункты соединены теперь между собою и съ берегами океановъ. Благодаря одному соперничеству ихъ, провозъ по нимъ былъ пониженъ до минимальной цифры, и выгоды свободнаго дешеваго сообщенія были обезпечены всѣмъ производителямъ, на одинаковыхъ условіяхъ, безъ всякихъ дифференціальныхъ тарифовъ. Относительно движенія промышленности, увеличенія и облегченія торговыхъ сношеній, какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ, эти пути сообщенія, поставленные въ такія условія, явились могучимъ дѣятелемъ и закончили экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ, съ которымъ нераздѣльно шло ихъ финансовое возрожденіе, погашеніе громаднаго государственнаго долга, повышеніе до альпари курса, упавшаго на 270%.

Теперь, чтобы сосредоточить вниманіе читателей, я постараюсь обобщить все вышесказанное въ нѣсколькихъ тезисахъ или положеніяхъ, соединяющихъ, какъ мнѣ кажется, условія, при которыхъ совершалось экономическое развитіе и финансовое возрожденіе Соединенныхъ Штатовъ.

Условіями этими были:

1) Сокращеніе расходовъ на вооруженіе, на армію и на флотъ.

2) Приложеніе тяжелаго труда, тяжелая энергичная экономическая работа, проникнутая строгою самодѣятельностью, совершавшаяся съ неуклонною настойчивостью, безъ всякаго матеріальнаго содѣйствія и помощи со стороны правительства.

3) Свободный приливъ эмиграціи, безъ различія національностей, ихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, приносившій живыя рабочія силы, разнообразную интеллигенцію, опытность и знаніе стараго свѣта.

4) Свободное открытіе для чужеземной предпріимчивости естественныхъ богатствъ края всѣмъ народностямъ, безъ всякаго ограниченія и исключенія, при чемъ всѣмъ предоставляется одинаковое право ихъ эксплуатаціи.

5) Широкое привлеченіе для этой цѣли иностранныхъ капиталовъ.

К. Каменскій.

Вечеръ.

(Н. А. Борисовскому.)

Іюльская гроза, шумя, прошла,
И уплываютъ тучи полосою.
Лазурь неясная опять свѣтла...
Мы лѣсомъ ѣдемъ, влажною тропою.
Спускается на землю блѣдный мракъ,
Сквозь дымъ небесный виденъ мѣсяцъ юный..
И конь все больше замедляетъ шагъ,
И возжи тонкія дрожатъ, какъ струны.
Порою тучъ затихнувшую тьму
Вдругъ молнія безгромная разрѣжетъ.
Легко и вольно сердцу моему...
И вѣтеръ, пролетая, листья нѣжитъ.
Колеса не стучатъ по колеямъ,
Отяжелѣвъ, поникли долу вѣтки,
А съ тихихъ нивъ и съ поля, къ небесамъ,
Туманный паръ плыветъ, живой и рѣдкій...
Какъ никогда, я чувствую,—я твой,
О милая и строгая природа!
Живу въ тебѣ—потомъ умру съ тобой...
Въ душѣ моей покорность—и свобода.

З. Гиппіусъ.

Красная лилія.

Романъ Анатоля Франса.

Переводъ съ французскаго **Л. Г.**

III.

Посрединѣ стола возвышалась купа цвѣтовъ, въ корзинѣ изъ золоченой бронзы, широкіе края которой изображали орловъ, парящихъ между звѣздами и пчелами, а массивныя ручки изгибались, какъ рога изобилія; по бокамъ двѣ крылатыя Побѣды поддерживали блестѣвшіе огнями канделябры. Это настольное украшеніе въ стилѣ Имперіи было подарено Наполеономъ графу Мартену де л'Энъ, дѣду настоящаго Мартена Беллемъ. Мартенъ де л'Энъ, депутатъ законодательнаго собранія въ 1809 г., былъ назначенъ въ слѣдующемъ году членомъ комиссіи финансовъ, тайные, но энергичные труды которой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали его упорному и скромному характеру. Либералъ по темпераменту и по склонностямъ, онъ понравился Императору своимъ трудолюбіемъ, педантической честностью и сдержанностью. Втеченіе двухъ лѣтъ Мартена де л'Энъ осыпали почестями. Въ 1813 году онъ примкнулъ къ умѣреннымъ, сторонникамъ Леннэ, который въ своемъ извѣстномъ докладѣ указывалъ пошатнувшейся Имперіи на ея роковыя ошибки, подвергалъ сомнѣнію ея могущество и предвѣщалъ надвигающіяся бѣдствія. 1 января 1814 г. Мартенъ де л'Энъ сопровождалъ другихъ членовъ партіи въ Тюльери. Императоръ оказалъ имъ ужасающій пріемъ. Онъ велѣлъ направить противъ нихъ дула ружей. Взбѣшенный и мрачный, въ потрясающемъ величіи еще не утерянной власти и близкаго паденія, онъ излилъ на нихъ всю силу своего гнѣва и презрѣнія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, между рядами ошеломленныхъ депутатовъ, и вдругъ, обратившись случайно къ графу Мартенъ, схватилъ его за

плечи, встряхнулъ и повлекъ за собою: «Тронъ!—кричалъ онъ,—по вашему, это—прикрытые бархатомъ доски? Нѣтъ! Тронъ—это человѣкъ. и этотъ человѣкъ—я. Вы хотѣли забросать меня грязью? По вашему, это умѣстно—дѣлать мнѣ назиданія, когда двѣсти тысячъ казаковъ переходятъ нашу границу? Вашъ Леннэ негодяй. Сору изъ избы не выносятъ». Гнѣвъ его, величественный и тривіальный, все возросталъ, и рука сильнѣе комкала шитый воротникъ депутата. «Народъ знаетъ меня, а не васъ. Я избранникъ націи, а вы—никому невѣдомые делегаты одного департамента». Онъ предрекалъ имъ участь жирондистовъ. Бряцаніе шпоръ сливалось съ раскатами его голоса. Графъ Мартенъ, послѣ этой сцены, всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ дрожанія рукъ и заиканья. Двѣ реставраціи, іюльское правительство и вторая Имперія украшали орденами и лентами его навсегда стѣсненную грудь; достигнувъ высшихъ должностей, обремененный всевозможными знаками отличія отъ трехъ королей и одного императора, онъ все еще чувствовалъ на своемъ плечѣ руку Корсиканца. Онъ умеръ сенаторомъ при Наполеонѣ III, оставивъ сына, страдающаго наслѣдственнымъ дрожаніемъ рукъ. Этотъ сынъ женился на m-lle Беллемъ, дочери перваго президента суда въ г. Буржъ, и этимъ пріобщилъ къ своему имени политическую славу семьи, которая дала умѣренной монархіи трехъ министровъ. Внукъ Мартена де л'Энъ, Шарль Мартенъ-Беллемъ, безъ особыхъ затрудненій сдѣлался депутатомъ. Женившись на Терезѣ Монтессю, приданое которой составило поддержку для его политической карьеры, онъ занялъ въ палатѣ свое скромное мѣсто между четырьмя-пятью другими богатыми титулованными буржуа, которые, въ качествѣ приверженцевъ демократіи и республики, были довольно благосклонно приняты республиканцами изъ типа карьеристовъ: аристократизмъ ихъ именъ льстилъ тщеславію партіи, а посредственные качества ума дѣлали ихъ во всѣхъ отношеніяхъ безопасными.

По самой серединѣ стола, передъ настольною корзиною, усѣянной золотыми звѣздами и пчелами, между двухъ крылатыхъ Побѣдъ, поддерживающихъ свѣчи, возсѣдалъ графъ Мартенъ-Беллемъ, хозяинъ дома, принимавшій гостей съ тою нѣсколько мертвенною любезностью, съ какою представители Франціи еще недавно принимали въ Елисейскомъ дворцѣ высочайшихъ особъ великаго сѣвернаго двора. Время отъ времени онъ обращался съ какими-нибудь тусклыми словами направо—къ m-me Гаренъ, женѣ бывшаго хранителя печатей,—налѣво, къ княгинѣ Сенявиной, которая, подъ бременемъ своихъ брилліантовъ, изнывала отъ скуки. Прямо напротивъ него, по другую сторону корзины, графиня Мартенъ, имѣя по одну сторону отъ себя генерала Ларивьеръ, по другую—Шмолля, члена Академіи Надписей, обвѣвала легкими взмахами вѣера свои изящныя, тонкія плечи. Въ двухъ полукругахъ стола раз-

мѣстились Монтессю, плотный, синеглазый и румяный, m-me Беллемъ де Сенъ-Номъ—молодая кузина, неловко распоряжающаяся своими длинными, худощавыми руками, художникъ Дювинэ, Даніэль Саломонъ, Поль Вансъ, депутатъ Гаренъ, г. Беллемъ де Сенъ-Номъ, какой-то неизвѣстный сенаторъ и Дешартръ, который обѣдалъ у графовъ Мартенъ въ первый разъ. Разговоръ, вначалѣ пустой и легкій, мало по малу оживился, сталъ шумнымъ и слился въ смутный ропотъ, надъ которымъ поднимался голосъ Гарена:

— Всякая ложная идея опасна. Принято думать, что фантазеры народъ безвредный. Это невѣрно. Самыя безобидныя утопіи оказываютъ крайне вредное вліяніе. Онѣ могутъ подорвать чутье къ дѣйствительности.

— Быть можетъ оттого, что дѣйствительность является далеко не прекрасной,—замѣтилъ Поль Вансъ.

Бывшій хранитель печатей протестовалъ, говоря, что онъ самъ стоитъ за возможныя усовершенствованія, что, вѣрный своей программѣ, онъ оставался преданнымъ служителемъ демократіи. Девизомъ его, говорилъ онъ, были слова: порядокъ и прогрессъ. Ему казалось, что формула эта была впервые найдена имъ.

Монтессю возразилъ со свойственнымъ ему грубоватымъ добродушіемъ:

— Полноте, m-eur Гаренъ, будьте откровенны! Согласитесь сами,— о какихъ реформахъ можетъ быть рѣчь? Развѣ о перемѣнѣ цвѣта на почтовыхъ маркахъ! Хороши-ли вещи или дурны, онѣ являются тѣмъ, чѣмъ должны быть. Да,—прибавилъ онъ,—вещи таковы, какими онѣ должны быть. Но онѣ постоянно мѣняются. Съ 1870 года въ промышленномъ и финансовомъ положенія страны произошло четыре или пять переворотовъ, которыхъ экономисты не предвидѣли и которыхъ они до сихъ поръ не могутъ понять. Въ обществѣ, какъ и въ природѣ, всякія перемѣны подготовляются извнутри.

По отношенію къ правительству, воззрѣнія его были просты и и отчетливы. Онъ былъ приверженецъ настоящаго и не желалъ думать о будущемъ; соціалисты не смущали его. Не тревожа себя мыслью о томъ, что солнце и капитализмъ должны когда-нибудь померкнуть, онъ съ удовольствіемъ пользовался тѣмъ, что давала современность. По его мнѣнію, нужно было отдаваться уносящему потоку исторіи. Одни только глупцы противодѣйствуютъ этому потоку, только безумцы стремятся опередить его.

Но графъ Мартенъ, грустный отъ природы, имѣлъ мрачныя предчувствія. Осторожными, полускрытными словами онъ предрекалъ какія-то катастрофы.

Опасливыя слова графа Мартенъ долетѣли черезъ корзину цвѣтовъ до уха Шмолля, который немедленно началъ вздыхать и пророчество-

вать. Онъ пояснилъ, что христіанскіе народы, сами-по-себѣ, не могли-бы выйти изъ состоянія варварства, что безъ евреевъ и арабовъ Европа и до сихъ поръ, какъ во времена крестовыхъ походовъ, была-бы погружена во мракъ невѣжества, нищеты и жестокости.

— Средніе вѣка,—говорилъ онъ,—кончились развѣ только въ учебникахъ исторіи, которые даютъ школьникамъ, чтобы хорошенько сбить ихъ съ толку. Въ дѣйствительности, варвары остаются варварами. Миссія Израиля состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить народы. Именно Израиль принесъ въ Европу, въ средніе вѣка, мудрость Азіи... Васъ пугаетъ соціализмъ? Это начало чисто христіанское, такъ-же какъ и аскетизмъ. Анархія? Но развѣ вы не узнаете въ ней старую проказу, которой заражены были еще Альбигойцы. Одни только евреи, внесшіе въ Европу культуру и просвѣщеніе, могутъ спасти ее отъ евангелическихъ золъ, которые въ настоящее время пожираютъ ее. Но они пренебрегли своимъ назначеніемъ. Они сами сдѣлались христіанами между христіанъ, и Богъ наказуетъ ихъ! Онъ допускаетъ, чтобы ихъ изгоняли и грабили. Антисемитизмъ повсюду дѣлаетъ ужасающіе успѣхи. Въ Россіи мои соплеменники преслѣдуются какъ дикія животныя. Во Франціи гражданскія и военныя должности закрываются для евреевъ. Аристократическіе круги уже закрыли имъ доступъ. Мой племянникъ, молодой Исаакъ Кобленцъ, принужденъ былъ отказаться отъ дипломатической карьеры послѣ того, какъ блестяще сдалъ конкурсный экзаменъ. Когда моя жена дѣлаетъ визиты женамъ моихъ коллегъ, многія изъ нихъ демонстративно развертываютъ на ея глазахъ антисемитическіе листки. Наконецъ—вы не повѣрите мнѣ—министръ народнаго просвѣщенія отказалъ мнѣ въ орденѣ Коммандора, о которомъ я просилъ его... Вотъ что я называю неблагодарностью, истинной слѣпотой! Антисемитизмъ—это смерть, да, смерть всей европейской цивилизаціи.

Этотъ маленькій человѣкъ производилъ своею непосредственностью впечатлѣніе, какого нельзя было-бы достигнуть никакими искусственными эффектами. Безобразный и ужасный, онъ ошеломлялъ всѣхъ своею искренностью. Графиня Мартенъ, которую онъ занималъ, обратилась къ нему по этому поводу съ комплиментомъ:

— Вы, по крайней мѣрѣ, защищаете своихъ соплеменниковъ, m-eur Шмолль,—сказала она.—Вы не похожи на мою знакомую—одну очень красивую даму еврейскаго происхожденія, которая, прочитавъ въ газетѣ, что у нея собирается избранное еврейское общество, побѣжала повсюду съ жалобами, что ее оскорбляютъ.

— Я увѣренъ, сударыня, что вы не имѣете представленія о томъ, какъ прекрасна еврейская мораль и въ какой степени она превосходитъ мораль другихъ народовъ. Знакомы-ли вы съ притчею о трехъ перстняхъ?

Этотъ вопросъ затерялся въ ропотѣ сливающихся діалоговъ, въ которыхъ иностранная политика перекрещивалась съ художественными выставками, рѣчи академиковъ со свѣтскими скандалами. Говорили о новомъ романѣ, о готовящейся къ постановкѣ пьесѣ. Это была комедія, гдѣ являлся въ видѣ эпизодическаго лица Наполеонъ.

Разговоръ сосредоточился на Наполеонѣ, котораго вывели уже въ нѣсколькихъ сезонныхъ пьесахъ, который заново изучался публикою по книгамъ, весьма расходившимся, который сталъ опять предметомъ общей любознательности,—уже не въ качествѣ народнаго героя, полубога своего отечества, какъ въ прежніе дни, когда Беранже, Шарле и Раффе слагали его легенду,—а въ качествѣ героя моды, фигуры любопытной ъв подробностяхъ своей частной жизни, человѣка, слогъ котораго одобрялся артистами, а чувства обсуждались праздною толпой...

Гаренъ, вся политическая карьера котораго была построена на ненависти къ Имперіи, высказывалъ съ полною искренностью, что этотъ возвратъ національнаго увлеченія былъ преходящимъ и нелѣпымъ; онъ не усматривалъ въ немъ никакой опасности и ни мало не тревожился. Спокойный и строгій въ своемъ сужденіи, Гаренъ видѣлъ въ Наполеонѣ простого кондотьера, ударившаго Вольнея ногою въ животъ,—какимъ изобразилъ его Тэнъ.

Каждый хотѣлъ дать опредѣленіе истинному Наполеону. Графъ Мартенъ, сидя противъ императорскаго настольнаго украшенія съ крылатыми Побѣдами, говорилъ въ сдержанныхъ выраженіяхъ о Наполеонѣ, какъ организаторѣ и администраторѣ, и весьма высоко ставилъ его, какъ президента государственнаго совѣта, гдѣ его слово вносило свѣтъ въ самые запутанные вопросы.

Гаренъ утверждалъ, что въ этихъ пресловутыхъ засѣданіяхъ совѣта Наполеонъ, подъ предлогомъ взять щепотку табаку, отбиралъ у членовъ совѣта золотыя табакерки, съ драгоцѣнными миніатюрами и брилліантами, которыя никогда не возвращались къ ихъ собственникамъ. Онъ слышалъ эту исторію отъ сына самого Мунье.

Монтессю хвалилъ въ Наполеонѣ духъ порядка:

— Наполеонъ любилъ,—говорилъ онъ,—добросовѣстно исполненное дѣло. Теперь этого уже не встрѣтишь.

Живописецъ Дювинэ, сужденія котораго не выходили изъ круга идей, свойственныхъ художникамъ, былъ смущенъ: онъ не находилъ въ посмертной маскѣ Наполеона, привезенной со св. Елены, тѣхъ характерныхъ, прекрасныхъ и могучихъ чертъ, которыя воспроизводились въ медаляхъ и бюстахъ. И такъ-какъ настоящее лицо Наполеона оказывалось совсѣмъ не наполеоновскимъ, то и душа истиннаго Наполеона должна была оказаться, по его мнѣнію, совсѣмъ не наполеоновской. Быть можетъ, это была обычная душа добраго буржуа,—многіе говорили

это, и онъ со своей стороны склоненъ былъ этому вѣрить. Впрочемъ, онъ, Дювинэ, написавшій нѣсколько портретовъ съ героевъ вѣка, прекрасно зналъ, что знаменитые люди вовсе не похожи на то, что о нихъ думаютъ.

M-eur Даніэль Саломонъ обратилъ общее вниманіе на то обстоятельство, что маска, о которой говорилъ Дювинэ, т.-е. посмертный слѣпокъ лица Императора, привезенный въ Европу докторомъ Антомарки, вылитый изъ бронзы и пущенный въ обращеніе по подпискѣ при Луи-Филиппѣ, тогда-же вызвалъ удивленіе и недовѣріе. Казалось, что этотъ докторъ, болтливый и жадный итальянецъ, просто издѣвается надъ публикой. Ученики доктора Галля, система котораго была тогда въ ходу, признали маску сомнительной: они не усматривали въ ней шишекъ геніальности, и лобъ, изслѣдованный согласно теоріи Галля, не представлялъ ничего замѣчательнаго.

— Итакъ, Наполеонъ былъ замѣчателенъ только тѣмъ, что ударилъ ногою въ животъ Вольнея!—сказала княгиня Сенявина—И тѣмъ, что кралъ табакерки съ бриліантами, какъ сообщилъ намъ m-eur Гаренъ!

— Но вѣрно-ли еще это?—замѣтила m-me Мартенъ.—Можно-ли быть увѣреннымъ, что онъ дѣйствительно ударилъ ногою...

— Все разоблачается въ концѣ концовъ!—весело продолжала княгиня.—Наполеонъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ,—даже не ударилъ Вольнея, а голова его оказалась головой кретина!

Генералъ Ларивьеръ почувствовалъ, что пришла его очередь разрѣшиться какимъ-нибудь сужденіемъ, и онъ выпалилъ слѣдующую фразу:

— Наполеонъ, его кампанія 1813 года совсѣмъ не одобряется.

Генералъ имѣлъ въ виду сказать что-нибудь пріятное Гарену,—у него не было другой мысли; однако — правда, съ нѣкоторымъ усиліемъ—ему удалось сдѣлать маленькое обобщеніе:

— Наполеонъ впадалъ въ ошибки, а въ его положеніи ему не слѣдовало ошибаться!

Онъ весь раскраснѣлся и смолкъ.

— А вы что думаете о Наполеонѣ, m-eur Вансъ?—спросила m-me Мартенъ.

— Я не особенный охотникъ до «героевъ шпаги», сударыня; завоеватели кажутся мнѣ просто опасными съумаешедшими. Однако, фигура Императора интересуетъ меня такъ же, какъ и публику. Я вижу въ ней характеръ и жизнь. Нѣтъ ни одной поэмы, ни одного романа съ приключеніями, которые стоили-бы его Меморіала, хотя онъ написанъ очень странно. Я долженъ сказать—если ужъ вы хотите знать мое мнѣніе—что, созданный для славы, Наполеонъ играетъ героическую роль своей эпопеи съ самою блистательною простотой. Герой долженъ быть человѣченъ. Наполеонъ былъ человѣченъ.

— О-о!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но Поль Вансъ продолжалъ:

— Онъ былъ неистовъ и легкомысленъ, и потому глубоко-человѣченъ; я хочу сказать—подобенъ всѣмъ людямъ. Онъ съ особенною силою хотѣлъ того, что обыкновенный человѣкъ желаетъ или просто цѣнитъ. Онъ самъ имѣлъ тѣ иллюзіи, которыя внушалъ народамъ. Въ этомъ была его сила и его слабость, въ этомъ была его красота. Онъ вѣрилъ въ славу. Онъ думалъ о жизни, о мірѣ почти то же, что онъ думалъ о своихъ гренадерахъ. Онъ до конца жизни сохранялъ ту ребяческую важность, которая тѣшится игрою въ сабли и барабаны, и ту особую невинность души, которая создаетъ типъ добрыхъ солдатъ. Онъ искренно почиталъ силу. Это былъ человѣкъ изъ человѣковъ, плоть отъ плоти человѣчества. У него не было мысли, которая не становилась-бы поступкомъ, и всѣ его поступки были велики и плоски. Именно это пошлое величіе и дѣлаетъ человѣка героемъ. И Наполеонъ является совершеннѣйшимъ изъ героевъ. Его мозгъ не превосходилъ по силѣ его руки,—этой маленькой прекрасной руки, которая взбаломутила весь міръ. Онъ ни на минуту не задумывался о томъ, чего не могъ достигнуть.

— Такъ значитъ, по вашему,—сказалъ Гаренъ,—онъ не былъ геніемъ въ интеллектуальномъ отношеніи. Я съ вами согласенъ.

— Конечно,—сказалъ Поль Вансъ,—у него былъ геній, нужный для того, чтобы продѣлать блистательные фокусы въ гражданскомъ и военномъ циркѣ міра. Но это не былъ геній мысли. Этотъ геній—«рукавъ совсѣмъ другого фасона», какъ выразился Бюффонъ. Мы имѣемъ въ рукахъ сборникъ его писаній, его изрѣченій. Слогъ его образенъ, полонъ движенія. Но въ этомъ собраніи мыслей нѣтъ ни одной, имѣющей философскую цѣнность; ни одного проблеска тревоги о непознаваемомъ, ни единой попытки прозрѣть тайну, которая окутываетъ человѣческое предназначеніе. Когда, уже на св. Еленѣ, онъ говоритъ о Богѣ и о душѣ, онъ производитъ впечатлѣніе какого-то умненькаго четырнадцатилѣтняго школьника... Брошенная на землю, душа его оказалась какъ разъ по мѣркѣ земли,—и заполнила ее собою. Но ничто въ этой душѣ не выходило за предѣлы земного, не рвалось въ безконечность. Поэтъ,—онъ зналъ только поэзію дѣйствія. Онъ ограничилъ землею свою мощную жизненную грезу. Въ своемъ поражающемъ и трогательномъ ребячествѣ, онъ воображалъ, что человѣкъ можетъ быть великимъ, и эту иллюзію не убило въ немъ ни время, ни несчастія. Юность или, вѣрнѣе, очаровательное дѣтство продолжалось для него всю жизнь, ибо дни его не присоединялись одинъ къ другому, чтобы образовать сознательную зрѣлость. Это чудо, отличающее всѣхъ людей практическаго дѣла. Они всецѣло уходятъ въ переживаемый моментъ, геній ихъ сосредоточивается въ одной точкѣ. Они

какъ-бы заново возникаютъ въ каждую данную минуту, возрождаются въ каждомъ новомъ поступкѣ, который, являясь на смѣну предъидущему, не длится, не продолжаетъ собою одного общаго теченія. Часы ихъ существованія не связаны между собою цѣпью серьезныхъ и безкорыстныхъ размышленій. Внутренняя жизнь у нихъ отсутствуетъ. Этотъ недостатокъ особенно чувствителенъ у Наполеона, который никогда ничего не переживалъ внутри себя. Отсюда—то легкомысліе, съ которымъ онъ переносилъ огромныя тяжести своихъ бѣдствій и ошибокъ. Вѣчно юная душа его рождалась вновь съ каждымъ наступающимъ утромъ. Болѣе, чѣмъ кто-либо, онъ обладалъ способностью развлекаться. Въ первый-же день, когда онъ увидѣлъ восходъ солнца надъ мрачною скалою св. Елены, онъ вскочилъ съ постели, насвистывая какую-то арію. Это—уравновѣшенность души, не поддающейся злобамъ судебъ, легкомысліе ума, способнаго къ постоянному возрожденію. Онъ жилъ только внѣшнимъ.

Гаренъ, которому были не по вкусу эти хитроумные обороты мысли и языка, попробовалъ подвести итоги сказанному:

— Словомъ,—сказалъ онъ,—этотъ человѣкъ былъ чудовищемъ.

— Чудовища не существуютъ,—возразилъ Поль Вансъ,—а люди, которые считаются чудовищами, внушаютъ ужасъ. Наполеонъ-же былъ любимцемъ всего народа. Его сила была именно въ томъ, что онъ вызывалъ любовь вокругъ себя. Для его солдатъ было радостью идти за него на смерть.

Графиня Мартенъ хотѣла, чтобы и Дешартръ высказалъ свое мнѣніе. Но онъ уклонился, съ какимъ-то испугомъ.

— Знакомы вы съ притчей о трехъ перстняхъ—этимъ удивительнымъ созданіемъ португальскаго еврея?—взывалъ Шмолль.

Гаренъ, отдавая должное Полю Вансу за его блестящій парадоксъ, выражалъ сожалѣніе, что умъ превозносится нынѣшними людьми въ ущербъ морали и справедливости.

— Вотъ въ чемъ принципъ,—говорилъ онъ:—въ томъ, что людей нужно судить по ихъ поступкамъ.

— И женщинъ?—спросила вдругъ княгиня Сенявина.—Женщинъ вы тоже судите по ихъ поступкамъ? А какъ вы узнаете, что̀ онѣ дѣлаютъ?

Звуки голосовъ смѣшивались съ яснымъ звономъ серебряной посуды. Нагрѣвшійся воздухъ былъ насыщенъ парами. Розы осыпали на скатерть свои поблекшіе лепестки. Мысли туманились въ разгоряченномъ мозгу.

Генералъ Ларивьеръ предавался мечтамъ:

— Когда я выйду въ отставку,—говорилъ онъ своей сосѣдкѣ,—я поселюсь въ Турѣ и буду тамъ разводить цвѣты.

Онъ похвалялся тѣмъ, что былъ хорошимъ садоводомъ. Одинъ сортъ розъ былъ названъ его именемъ. Это льстило его самолюбію.

Шмолль еще разъ спросилъ, знакомы-ли присутствующіе съ притчею о трехъ перстняхъ.

Княгиня поддразнивала депутата:

— Неужели вы не знаете, m-eur Гаренъ, что однѣ и тѣ-же вещи дѣлаются по совершенно различнымъ побужденіямъ?

Монтессю поддержалъ ее:

— Вы совершенно правы, сударыня, говоря, что поступки сами по себѣ ничего не выражаютъ. Эта мысль съ особенною яркостью выступаетъ въ одномъ эпизодѣ изъ жизни Донъ-Жуана, который не былъ извѣстенъ ни Мольеру, ни Моцарту, но передается въ англійской легендѣ, сообщенной мнѣ моимъ лондонскимъ другомъ Джемсомъ Ловеллемъ. Легенда эта говоритъ, что три женщины устояли передъ Донъ-Жуаномъ. Одна изъ нихъ была добродѣтельной мѣщанкой и любила своего мужа; другая была монахиней и не захотѣла нарушить свой обѣтъ. Третья когда-то вела распутную жизнь, потомъ подурнѣла и поступила служанкой въ грязный притонъ. Послѣ всего, что она дѣлала и видѣла, любовь ничего не говорила болѣе ея сердцу. Эти три женщины оказались сходными въ своемъ поведеніи по совершенно различнымъ причинамъ. Поступокъ самъ по себѣ ничего не доказываетъ. Только совокупность поступковъ, ихъ внутренній вѣсъ, итоги всѣхъ поступковъ опредѣляютъ цѣнность человѣческаго существа.

— Нѣкоторые изъ нашихъ поступковъ,—сказала m-me Мартенъ— имѣютъ нашу физіономію, походятъ на насъ, какъ наши сыновья. Другіе-же не имѣютъ никакого сходства съ нашей внутренней природой...

Она поднялась и пошла изъ столовой подъ руку съ генераломъ.

— Тереза права, — говорила княгиня Сенявина, проходя въ гостиную подъ руку съ Гареномъ.—Другіе не имѣютъ никакого сходства съ нами. Это маленькіе негры, которыхъ мы прижили во снѣ.

Нимфы обой, въ своей античной свѣжести, напрасно улыбались гостямъ, которые не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

М-me Мартенъ, при помощи своей юной кузины, m-me Беллемъ де-Сенъ-Номъ, разливала кофе. Она обратилась къ Полю Вансу съ комплиментомъ по поводу того, что онъ высказывалъ за столомъ.

— Вы говорили о Наполеонѣ съ свободою ума, очень рѣдкою въ тѣхъ разговорахъ, которые мнѣ приходится слышать. Я замѣтила, что красивые дѣти, когда они дуются,—дѣлаются похожи на Наполеона въ день Ватерлоо. Вы превосходно дали мнѣ почувствовать глубокія основанія этого сходства.

Потомъ, повернувшись къ Дешартру, она замѣтила:

— А вы? Вы любите Наполеона?

— Я не люблю революцію, сударыня, а Наполеонъ это революція въ сапогахъ.

— Почему-же вы не сказали этого за обѣдомъ, m-eur Дешартръ? О, я вижу—вы хотите скрыть отъ людей свой умъ и раскрываете его только въ темныхъ уголкахъ!

Графъ Мартенъ-Беллемъ повелъ мужчинъ въ курильную. Съ дамами остался только Поль Вансъ. M-me Мартенъ спросила у него, не знаетъ-ли онъ, кто тотъ скромненькій господинъ, который все время молчалъ и осматривалъ его взглядомъ отбившейся отъ хозяина собаки. Онъ былъ приглашенъ ея мужемъ. Она не знала даже его имени.

Поль Вансъ могъ только сообщить, что это былъ сенаторъ. Онъ встрѣтилъ его одинъ разъ въ Люксембургѣ, въ той галлереѣ, которая служитъ библіотекой.

— Я пришелъ осматривать куполъ, въ которомъ Делакруа изобразилъ, среди рощи синѣющихъ миртъ, героевъ и мудрецовъ древности. У него былъ крайне несчастный и жалкій видъ. Онъ грѣлся, и отъ него пахло мокрымъ сукномъ. Онъ болталъ со своими старыми коллегами, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ, потирая руки: «лучшее доказательство того, что республика является совершеннѣйшей изъ государственныхъ формъ,— въ томъ, что она могла въ 1871 г. разстрѣлять въ одну недѣлю шестьдесятъ тысячъ инсургентовъ и не потерять при этомъ своей популярности! Всякій другой государственный строй потерпѣлъ-бы послѣ этого полное крушеніе».

— Такъ онъ злой, этотъ человѣкъ!—сказала m-me Мартенъ.—А я-то его жалѣла за его неловкость и застѣнчивость.

M-me Гаренъ, склонивъ свой мягкій подбородокъ на полную грудь и замкнувшись въ мирной обители своей хозяйственной души, слегка дремала, и ей грезился огородъ въ ея помѣстьѣ на холмистомъ берегу Луары. гдѣ ее посѣщали только странствующіе музыканты.

Жоржъ Шмолль и генералъ Ларивьеръ вышли изъ курильной. Въ глазахъ ихъ еще свѣтился маленькій смѣшокъ—слѣдъ гривуазной бесѣды, которую они только что вели. Генералъ усѣлся между княгиней Сенявиной и графиней Мартенъ.

— Я встрѣтилъ сегодня въ Булонскомъ лѣсу баронессу Варбургъ, верхомъ на великолѣпнѣйшемъ скакунѣ...—началъ онъ.—Она спросила меня: «генералъ, какъ вы дѣлаете, чтобы имѣть всегда такихъ прекрасныхъ лошадей?»—Сударыня,—отвѣтилъ я,—чтобы имѣть хорошихъ лошадей, нужно быть или богачемъ, или весьма тонкимъ хитрецомъ!..

Онъ былъ такъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, что повторилъ его два раза, подмигивая глазомъ.

Къ графинѣ Мартенъ подошелъ Поль Вансъ.

— Я узналъ фамилію сенатора,—сказалъ онъ.—Это Луайе, това-

рищъ предсѣдателя одной группы и авторъ политической брошюры, подъ заглавіемъ «Преступленіе 2-го декабря».

Генералъ продолжалъ:

— Погода была, можно сказать, собачья. Я долженъ былъ укрыться въ павильонъ. Тамъ сидѣлъ Ле-Мениль. Я былъ не въ духѣ. Онъ подсмѣивался надо мною про себя,—я прекрасно видѣлъ! Онъ воображаетъ, что если я генералъ, то изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ любить вѣтеръ, градъ и мокрый снѣгъ. Такая нелѣпость! Онъ увѣрялъ меня, что скверная погода не причиняетъ ему ни малѣйшей непріятности и что на слѣдующей недѣлѣ онъ поѣдетъ съ друзьями охотиться на лисицъ.

Наступило общее молчаніе. Генералъ продолжалъ:

— Я желаю ему всяческаго удовольствія. но не могу сказать, чтобы я ему завидовалъ. Не вижу ничего пріятнаго въ охотѣ на лисицъ!..

Тереза впала въ разсѣянность и не слышала, что говорила ей княгиня Сенявина. Она думала:

— Онъ даже не предупредилъ меня о своемъ отъѣздѣ!

— О чемъ вы такъ задумались, моя прелесть?

— Нѣтъ такъ, ничего особеннаго.

IV.

Въ маленькой темной комнатѣ—нѣмой, наглухо замкнутой со всѣхъ сторонъ занавѣсами, подушками, медвѣжьими шкурами и восточными коврами, вспышки разгорающагося въ каминѣ огня освѣщали скрещенныя шпаги на обитыхъ кретономъ стѣнахъ, картонные тиры, накопившіяся за три года поблекшія бездѣлушки котильоновъ. На шифоньеркѣ розоваго дерева красовался серебряный кубокъ—призъ, полученный въ одномъ изъ спортсменскихъ обществъ. Надъ расписной фарфоровой доской столика склонялись изъ хрустальнаго бокала, разрисованнаго золоченой мѣдью, вѣтки бѣлой сирени. Въ темномъ маракѣ комнаты трепетали повсюду огненные блики. Тереза и Робертъ, глаза которыхъ уже привыкли къ этому мраку, спокойно двигались среди привычныхъ предметовъ. Онъ закуривалъ папиросу, въ то время какъ она, стоя спиною къ огню, зашпиливала свои волосы передъ зеркаломъ, въ которомъ она едва улавливала свое отраженіе. Она не хотѣла ни лампы, ни свѣчей. Привычною рукою она брала шпильки изъ маленькой хрустальной чашечки, которая вотъ уже три года находилась здѣсь, на томъ-же самомъ маленькомъ столикѣ. Онъ смотрѣлъ, какъ она перебирала свѣтящимися при огнѣ пальцами рыжевато-золотистыя волны своихъ волосъ. Переливы свѣта и тѣней, играя на ея лицѣ, придавали ему металлическій, бронзовый оттѣнокъ. Въ немъ было что-то таинственное, почти тревожное. Она молчала.

Онъ сказалъ:

— Вѣдь ты не сердишься больше, любовь моя?

Онъ заставлялъ ее отвѣтить, проговорить что-нибудь.

— Что я могу сказать вамъ, мой другъ?—отозвалась она, наконецъ.—Я могу только повторить то, что уже сказала. Мнѣ кажется страннымъ, что я узнаю о вашихъ планахъ отъ генерала Ларивьеръ.

Онъ зналъ, что она еще сердится, что все время, даже подлѣ него, она оставалась сухой и натянутой,—безъ того страстнаго самозабвенія, которое дѣлало ее обыкновенно столь обольстительной. Но онъ счелъ болѣе благоразумнымъ говорить съ нею въ такомъ тонѣ, какъ будто это было лишь скоропреходящее неудовольствіе, готовое разсѣяться.

— Дорогая моя, вѣдь я уже приводилъ вамъ объясненія. Я вамъ сказалъ и повторяю еще разъ, что когда я встрѣтилъ Ларивьера, я только что получилъ письмо отъ Комона, въ которомъ тотъ напоминаетъ о моемъ обѣщаніи пріѣхать охотиться на лисицъ. Я тотчасъ-же отвѣтилъ ему, а вамъ я разсчитывалъ сообщить объ этомъ сегодня. Мнѣ очень жаль, что генералъ Ларивьеръ предупредилъ меня, но право-же это не такъ существенно.

Она обернулась, не отнимая рукъ отъ головы, и посмотрѣла на него спокойнымъ взглядомъ, котораго онъ не понялъ.

— Значитъ вы ѣдете?

— Да, на будущей недѣлѣ, во вторникъ или въ среду. Я буду въ отсутствіи какихъ-нибудь десять дней, самое большее.

Она надѣвала котиковую шапочку, украшенную вѣткой омелы.

— И нельзя отложить этой поѣздки?

— О, нѣтъ. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ лисья шкура будетъ уже никуда не годна. И потомъ Комонъ пригласилъ нѣсколькихъ товарищей, имъ будетъ крайне непріятно мое отсутствіе.

Она приколола шапочку длинной булавкой и сдвинула брови.

— Неужели эта охота такъ интересна?

— О, въ высшей степени интересна, потому что лисица пускается на хитрости, которыя иногда трудно даже предусмотрѣть. Умъ этого животнаго просто поразителенъ. Мнѣ приходилось наблюдать, ночью, какъ лисицы охотятся на кроликовъ. Онѣ устраиваютъ настоящую облаву, съ загонщиками... Увѣряю васъ, что выманить лисицу изъ норы—дѣло далеко не легкое. Эта часть охоты самая веселая... У Комона—прекрасный погребъ. Для меня это не представляетъ особенной приманки, но, вообще говоря, этотъ погребъ считаютъ очень цѣннымъ... Представьте себѣ, — одинъ изъ фермеровъ сказалъ Комону, будто узналъ отъ колдуна секретъ поимки лисицы посредствомъ какого-то заговора! Конечно, я не прибѣгну къ такому орудію, но я берусь привезти вамъ по крайней мѣрѣ полдюжины самыхъ лучшихъ шкуръ.

— Для чего же онѣ мнѣ?

— Изъ нихъ дѣлаютъ отличные ковры.

— А!.. И вы будете охотиться всѣ восемь дней подрядъ?

— Нѣтъ, не всѣ восемь дней. Вѣдь я буду очень близко отъ Семанвиля и заѣду на два дня къ моей тетушкѣ, де Ланнуа. Она уже ждетъ меня. Въ прошломъ году, въ это же время, у нея было очень милое сборище. Къ ней съѣхались двѣ ея дочери и три племянницы съ мужьями,— всѣ пять хорошенькія, веселыя, милыя, безукоризненныя во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ будущаго мѣсяца я, навѣрное, опять застану ихъ у тетушки—онѣ должны пріѣхать къ ея имянинамъ. Я думаю остаться въ Семанвилѣ дня два.

— Ради Бога, мой другъ, оставайтесь тамъ сколько вамъ угодно. Мнѣ было бы въ высшей степени прискорбно, если бы вы стали изъ за меня лишать себя такого удовольствія.

— А какъ же вы, Тереза?

— Я? Обо мнѣ не безпокойтесь.

Огонь погасалъ. Мракъ сгущался между ними. Она проговорила—мечтательно и какъ бы въ смутномъ ожиданіи:

— Правда, что оставлять женщину одну—всегда неосторожно.

Онъ подошелъ къ ней, стараясь уловить въ темнотѣ ея взглядъ, и взялъ ея за руку.

— Вы любите меня?

— О, могу васъ увѣрить, что я не люблю никого другого... Но...

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Я думаю... я думаю о томъ, что все лѣто мы въ разлукѣ, зиму вы тоже на половину проводите въ своей семьѣ или у друзей, и что если ужъ приходится видѣться такъ рѣдко, то стоитъ ли вообще видѣться?

Онъ зажегъ свѣчи. Огонь озарилъ его лицо, открытое и рѣшительное. Онъ смотрѣлъ на нее съ полнымъ довѣріемъ—не изъ легкомыслія, свойственнаго любовникамъ, а изъ присущаго ему чувства собственнаго достоинства. Онъ вѣрилъ въ нее, какъ вѣритъ человѣкъ твердаго воспитанія и простого ума.

— Тереза, я люблю васъ. И вы меня любите, я знаю. Зачѣмъ-же вы хотите мучить меня? У васъ бываютъ минуты какой-то сухости, жесткости—и, право, это такъ тягостно.

Она рѣшительно встряхнула головой.

— Что дѣлать! Я настойчива и упряма. Это ужъ въ крови. Я унаслѣдовала многое отъ отца. Вы знаете Жуанвилль, вы видѣли замокъ, плафоны, расписанные Лебреномъ, сады, разбитые по планамъ Ле-Нотра, паркъ, охоты,—вы говорили, что ничего лучшаго нѣтъ во всей Франціи. Но вы не видѣли рабочій кабинетъ моего отца: простой столъ и горка для бумагъ изъ краснаго дерева. Вотъ откуда все

идетъ, мой другъ! На этомъ столѣ, передъ этой горкой, мой отецъ въ теченіе сорока лѣтъ работалъ надъ цифрами—сначала въ маленькой комнаткѣ на площади Бастиліи, потомъ въ квартиркѣ на улицѣ Мобежъ, гдѣ я родилась. Въ тѣ времена мы не были особенно богаты. Помню маленькую гостиную краснаго дама̀, которая служила намъ, когда отецъ только еще обзаводился хозяйствомъ, и которую такъ любила моя покойная мать. Такъ видите ли—я дочь человѣка, выбившагося собственными силами, или побѣдителя—это одно и то-же. Мы люди не безкорыстные! Мой отецъ стремился пріобрѣтать деньги, овладѣвать всѣмъ, что только можно пріобрѣсти за деньги, словомъ—всѣмъ. Я же... я тоже хочу пріобрѣтать, удерживать... что?.. не знаю, право... счастье, которое у меня есть... или котораго у меня нѣтъ. Мнѣ тоже свойственна жадность хотя-бы—къ мечтамъ, къ иллюзіямъ! О, я прекрасно знаю, что все это не стоитъ особенныхъ тревогъ, огорченій, но самыя огорченія—многаго стоятъ, потому что вѣдь это-я сама, это моя жизнь! Я упорна въ своемъ желаніи пользоваться тѣмъ, что я люблю, что я любила, какъ мнѣ казалось. Я не хочу терять. Я—какъ мой отецъ: я взыскиваю то, что мнѣ должны. И потомъ...

Она понизила голосъ:

— Я вѣдь не безкровная. Вотъ какъ, милый мой! Вамъ непріятно все это? Что-жъ дѣлать! Объ этомъ надо было думать раньше.

Эта несдержанность въ словахъ, къ которой онъ уже привыкъ, разрушала послѣднюю прелесть ихъ свиданія. Но она не вызывала въ немъ тревоги. Чувствительный ко всему, что она дѣлала, онъ не обращалъ особеннаго вниманія на то, что она говорила: онъ не придавалъ значенія словамъ, особенно словамъ женщины. Неразговорчивый отъ природы, онъ былъ далекъ отъ мысли, что слова равносильны поступкамъ.

Хотя онъ любилъ ее—или, вѣрнѣе, именно потому, что онъ любилъ ее сильно и довѣрчиво, онъ считалъ своей обязанностью противодѣйствовать ея фантазіямъ, которыя казались ему нелѣпыми. Ему удавалось иногда играть роль руководителя—въ тѣхъ случаяхъ, когда его желанія не противорѣчили ея волѣ и, по своей наивности, онъ думалъ, что можетъ играть эту роль всегда.

— Вы знаете, Тереза, что я желалъ бы ни въ чемъ не противорѣчить вамъ. Пожалуйста, оставьте же эти капризы.

— Зачѣмъ же мнѣ оставлять ихъ? Вѣдь, если я отдалась вамъ, то не по разсчету и не по обязанности, я полагаю, а именно по капризу.

Онъ посмотрѣлъ на нее удивленнымъ и огорченнымъ взглядомъ.

— Вамъ не нравится это слово? Ну, скажемъ—по любви. Въ самомъ дѣлѣ, это было отъ чистаго сердца—я чувствовала, что люблю васъ. Но любовь должна быть удовольствіемъ, а если я не нахожу въ ней удовлетворенія тому, что вы называете моими капризами,—тому,

что въ дѣйствительности есть мое желаніе, моя жизнь, самая любовь моя—я не хочу больше этой любви, лучше жить въ одиночествѣ. Странный вы человѣкъ! Капризы! Да развѣ въ жизни есть что-нибудь другое? Ваша охота на лисицъ—развѣ это не капризъ?

Онъ отвѣчалъ вполнѣ искренно:

— Клянусь вамъ, Тереза, что если бы я не далъ обѣщанія, я съ величайшей радостью пожертвовалъ бы для васъ этимъ маленькимъ удовольствіемъ.

Она почувствовала, что онъ говоритъ правду. Она знала, что онъ былъ очень точенъ въ исполненіи своихъ малѣйшихъ обѣщаній. Постоянно связанный даннымъ словомъ, онъ вносилъ въ свои свѣтскія отношенія щепетильность, которая была для него вопросомъ совѣсти. Она знала, что, продолжая настаивать, могла бы довести его до того, что онъ откажется отъ поѣздки. Но было уже поздно: ей не хотѣлось выиграть въ этой борьбѣ: ею овладѣвало желаніе испытать жгучія ощущенія утраты. Она сдѣлала видъ, что принимаетъ его доводы, которые казались ей въ сущности довольно ничтожными:

— Ахъ, вы обѣщали!

И она предательски уступила ему.

Онъ сначала удивился, потомъ внутренно обрадовался при мысли, что ему удалось убѣдить ее, что она не упрямилась. Онъ обнялъ ея талію и нѣсколько разъ тихонько и нѣжно поцѣловалъ въ глаза и шею,—какъ бы благодаря и награждая ее. Онъ выразилъ готовность посвятить ей всѣ дни, которые ему оставалось провести въ Парижѣ.

— Мы можемъ увидѣться еще раза три или четыре, дорогая моя. Даже больше, если хотите. Я буду ждать васъ здѣсь—когда вамъ только вздумается... Хотите—завтра?

Она сказала, съ какимъ-то тайнымъ удовлетвореніемъ въ душѣ, что не можетъ придти ни завтра, ни послѣзавтра, вообще ни въ одинъ изъ предстоящихъ дней. Тихо и спокойно она перечисляла ему всѣ препятствія. Сначала они казались незначительными: визиты, примѣрка платья, благотворительный базаръ, выставки, осмотръ ковровъ, изъ которыхъ она, можетъ быть, что-нибудь купитъ. Мало-по-малу препятствія разростались, становились непреодолимыми: отложить визиты было невозможно; базаръ былъ не одинъ, а цѣлыхъ три,—и на всѣхъ необходимо было побывать; выставки скоро закроются, ковры увезутъ въ Америку. Вообще повидаться до отъѣзда не представлялось рѣшительно никакой возможности.

Для самого Ле-Мениля было совершенно естественно останавливаться надъ такого рода соображеніями, и онъ не замѣтилъ, какое значеніе это имѣло въ устахъ Терезы. Запутавшись мысленно въ этихъ сѣтяхъ

свѣтскихъ обязанностей, онъ не настаивалъ и, совершенно разстроенный, замолчалъ.

Отстранивъ портьеру, она повернула ключъ и тамъ, стоя между глубокими складками пестрой восточной ткани, обернулась къ покидаемому другу и проговорила слегка насмѣшливо и почти трагично:

— Прощайте, Робертъ! Желаю вамъ пріятно проводить время. Мои визиты, ваши бѣга, ваши маленькія путешествія—вѣдь все это такіе пустяки! Правда, что на этихъ пустякахъ держится жизнь. Прощайте...

Она вышла. Ему хотѣлось проводить ее, но онъ стѣснялся показываться вмѣстѣ съ ней на улицѣ и дѣлалъ это только по ея настоянію.

Выйдя на воздухъ, Тереза вдругъ почувствовала себя одинокой, совсѣмъ одинокой въ цѣломъ свѣтѣ, безрадостной и безпечальной. По обыкновенію она пошла домой пѣшкомъ. Темнѣло. Воздухъ былъ морозный, ясный и тихій. Но мракъ улицъ, въ которыхъ искрились отдѣльные огни, дышалъ на нее тепломъ, тѣмъ мягкимъ тепломъ городовъ, которое ощущается даже среди зимы. Она шла между двухъ рядовъ развалинъ, бараковъ и убогихъ домишекъ, оставшихся отъ тѣхъ временъ, когда Отейль былъ еще пригородомъ, среди которыхъ возвышались, тамъ и сямъ, высокіе, еще ненаселенные дома... Эти лавки мелкихъ торгашей, эти однообразныя окна ничего для нея не представляли. И, однако, она чувствовала на себѣ какъ бы таинственное сочувствіе всѣхъ этихъ вещей, и ей казалось, что камни, двери домовъ, огни, мерцающіе за стеклами оконъ, были къ ней благосклонны. Она была одинока и хотѣла быть одинокой.

Путь, который она уже столько разъ совершала между двумя жилищами, къ которымъ она почти одинаково привыкла, казался ей сегодня безвозвратнымъ. Почему? Что новаго принесъ съ собою этотъ день? Легкую размолвку, даже не ссору. И однако, этотъ день оставлялъ по себѣ какой-то отвкусъ—слабый, странный, неотвязный; въ немъ было нѣчто новое и въ то же время неустранимое. Что же случилось? Ничто. И это ничто уничтожило все прошлое. Она имѣла какую-то тайную увѣренность, что никогда болѣе не возвратится въ ту комнату, которая еще такъ недавно служила убѣжищемъ для самой интимной и дорогой стороны ея жизни. Эта была серьезная связь. Она отдалась сознательно, съ чувствомъ радостной необходимости. Созданная для любви, но не лишенная доли разсудочности, она не утрачивала даже въ моменты страстнаго самозабвенія, склонности къ рефлексіи, потребность въ душевномъ спокойствіи, которыя всегда были очень сильны въ ней. Она не выбирала: въ этихъ случаяхъ люди никогда не выбираютъ. Но нельзя также сказать, чтобы она поддалась случайности или неожиданности. Она пошла на это добровольно, свободно—насколько можно быть свободнымъ въ такихъ вещахъ. Ей не о чемъ было жалѣть. Онъ былъ по отношенію къ ней тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть;—нужно было

отдать справедливость этому человѣку, который былъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ свѣтскихъ домахъ и могъ имѣть любую женщину, какую бы только захотѣлъ. И однако она чувствовала, что все было кончено между ними —кончилось какъ-то само собою. Она шла и размышляла, съ сухою грустью въ душѣ: «Цѣлыхъ три года моей жизни. Человѣкъ истинно порядочный, который любитъ меня и котораго вѣдь и я любила, да любила—иначе развѣ я отдалась бы ему? Я не безнравственная женщина». Но она уже не могла возсоздать въ себѣ былыхъ чувствъ—движеній своей души и физическихъ ощущеній, которыя она пережила, отдаваясь ему. Она вспоминала совершенно ничтожныя мелочи—цвѣточки обой и картины, развѣшанныя по стѣнамъ той комнаты; это было въ гостинницѣ. Вспоминались нѣсколько смѣшныя и почти трогательныя слова, которыя онъ говорилъ ей. Но ей казалось, что все это было съ какою-то другой женщиной, чуждой ей, которой она не могла сочувствовать, которую она не понимала.

И то, что происходило какой-нибудь часъ тому назадъ—эти ласки, которыя она уносила на своемъ тѣлѣ,—все это было такъ далеко. Постель, сирень въ хрустальномъ бокалѣ, маленькая стеклянная чашечка, куда она клала шпильки — она видѣла все это точно сквозь окно, въ которое невольно заглядываешь, проходя по улицѣ. Въ душѣ ея не было ни горечи, ни даже грусти. Увы, ей нечего было прощать ему. Его отъѣздъ на какую-нибудь недѣлю не былъ измѣной ей, не представлялъ ни малѣйшей провинности противъ нея. Это было—ничто, но въ этомъ было все, конецъ всего. Она это сознавала. Она хотѣла порвать—хотѣла, какъ падающій камень хочетъ упасть. Скрытыя силы ея природы, всего ея существа тяготѣли къ этому. Она говорила себѣ: «У меня нѣтъ никакихъ основаній разлюбить его. Неужели же я его разлюбила? Или я никогда не любила его?» Она не знала... Да и не все-ли равно?

И однако—цѣлыхъ три года, втеченіе которыхъ они сходились отъ двухъ до четырехъ разъ въ недѣлю. Бывали мѣсяцы, когда они встрѣчались ежедневно. И все это оказывается *ничѣмъ*? Правда, сама жизнь не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, а то, что мы вкладываемъ въ нее отъ себя,—вѣдь это такъ незначительно.

Въ общемъ ей не на что было жаловаться. Но лучше было покончить. Всѣ размышленія неизбѣжно приводили ее къ этому выводу. Это не было ея рѣшеніемъ—рѣшеніе можетъ быть измѣнено. Это было нѣчто болѣе значительное—состояніе всего ея духовнаго и физическаго существа.

Она вышла на площадь, середину которой занималъ большой бассейнъ, а въ сторонѣ возвышалась церковь простой деревенской архитектуры, съ колоколомъ, чернѣющимъ на фонѣ неба въ просвѣтѣ колокольни. И вдругъ ей вспомнился маленькій букетикъ фіалокъ въ два су, который онъ купилъ для нея на Petit-Pont, близъ собора Парижской Богоматери.

Въ этотъ день они отдавались любви, быть можетъ, съ большею страстностью, съ большимъ упоеніемъ, чѣмъ когда-либо. Сердце ея дрогнуло при этомъ воспоминаніи. Она хотѣла возстановить въ себѣ ускользающее прошедшее,—и не могла. Одинъ только маленькій букетикъ, жалкій маленькій скелетъ увядшихъ цвѣтовъ, сохранялся въ ея душѣ.

Она шла, погрузившись въ задумчивость, и прохожіе, введенные въ заблужденіе простотой ея костюма, приставали къ ней. Одинъ изъ нихъ обратился съ предложеніемъ: обѣдъ въ отдѣльномъ кабинетѣ—а потомъ театръ. Это забавило и развлекло ее. Она не была взволнована; сегодняшній день не былъ кризисомъ въ ея жизни...

При свѣтѣ ново-греческаго фонаря, украшающаго собою входъ въ Музей Религій, Тереза увидѣла, что почва была взрыта для какихъ-то подземныхъ работъ. Черезъ глубокій ровъ, проходившій между кучами черной земли, грудами щебня и плитняка, была переброшена въ видѣ мостковъ узкая, гибкая доска. Она уже хотѣла ступить на нее, когда ей бросилась въ глаза фигура какого-то человѣка, ожидающаго по другую сторону рва. Онъ узналъ ее и поклонился. Это былъ Дешартръ. Ей почудилось, когда она подошла къ нему, что онъ былъ обрадованъ этой встрѣчей, и она благодарно улыбнулась ему. Онъ попросилъ позволенія немного проводить ее, и они вышли вмѣстѣ въ широкое, незастроенное пространство, въ которомъ рѣзче чувствовалась свѣжесть воздуха. Высокіе дома здѣсь разступаются, отходятъ и надъ головою открывается часть неба.

Онъ замѣтилъ, что узналъ ее издали—по особенной, отличавшей ее гармоніи линій и ритму движеній.

— Прекрасныя движенія,—прибавилъ онъ,—вѣдь это музыка глазъ.

Она отвѣтила, что любитъ ходить; это было для нея удовольствіемъ и источникомъ здоровья.

Ему тоже нравились длинныя прогулки по населеннымъ городамъ и красивымъ мѣстностямъ въ деревнѣ. Загадочныя дали большихъ дорогъ казались ему соблазнительными. Онъ любилъ путешествія: хотя они стали теперь легки и общедоступны, но не утратили въ его глазахъ своего могучаго очарованія. Онъ видѣлъ золотистые дни и прозрачныя ночи, Грецію, Египетъ, Босфоръ. Но никуда онъ не ѣздилъ такъ охотно, какъ въ Италію, которая была настоящей родиной для его души.

— Я ѣду туда на будущей недѣлѣ,—сказалъ онъ.—Мнѣ хочется вновь осмотрѣть Равенну, уснувшую среди черныхъ елей на пустынномъ берегу. Были вы въ Равеннѣ? Это какая-то очарованная могила, надъ которою блуждаютъ свѣтящіеся призраки. Она точно заколдована смертью. Мозаики св. Виталія и двухъ святыхъ Аполли-

наріевъ, съ ихъ грубыми ангелами и императрицами въ нимбахъ, даютъ намъ почувствовать чудовищные экстазы Востока. А гробница Галлы Плацидіи, въ темномъ, мерцающемъ лампадами склепѣ! Когда вы заглядываете въ щель саркофага, кажется, будто вы и теперь еще видите тамъ дочь Өеодосія, неподвижно возсѣдающую на золотомъ тронѣ. въ платьѣ, сверкающемъ драгоцѣнными камнями и расшитомъ ветхозавѣтными сценами, съ прекраснымъ, жестокимъ лицомъ, почернѣвшимъ несмотря на бальзамировку, съ темными какъ черное дерево руками, застывшими на колѣняхъ. Тринадцать вѣковъ она сохранялась въ этомъ мрачномъ величіи, пока какой-то ребенокъ, просунувъ свѣчу въ отверстіе гробницы, не сжегъ этой муміи вмѣстѣ со всѣмъ ея царственнымъ одѣяніемъ.

M-me Мартенъ-Беллемъ спросила, что представляла изъ себя въ жизни эта покойница, столь упорнаявъ своемъ властолюбіи даже послѣ смерти.

— Два раза была рабыней и дважды восходила на императорскій тронъ,—отвѣтилъ Дешартръ.

— Она была, вѣроятно, очень красива,—сказала m-me Мартенъ.— Вы до того живо изобразили мнѣ ее въ гробницѣ, что просто жутко становится... А вы не поѣдете въ Венецію, m-eur Дешартръ? Или вамъ уже надоѣли эти гондолы, каналы, обрамленные дворцами, и голуби на площади св. Марка? Признаюсь вамъ, что побывавъ въ Венеціи три раза, я все еще люблю ее.

Онъ былъ того-же мнѣнія. Онъ тоже любилъ Венецію. Всякій разъ, какъ онъ пріѣзжалъ туда, онъ превращался изъ скульптора въ живописца и дѣлалъ этюды. Онъ хотѣлъ-бы уловить въ краскахъ особенности венеціанскаго воздуха.

— Въ другихъ мѣстахъ,—сказалъ онъ,—даже во Флоренціи, небо кажется гдѣ то далеко, высоко, въ самой глубинѣ. Въ Венеціи—оно повсюду; оно ласкаетъ и землю и воды, любовно окутываетъ свинцовыя крыши соборовъ и мраморные фасады дворцовъ, сыплетъ брызгами и кристалами въ радужныя пространства. Краса Венеціи—это ея небо и женщины. Что за очаровательныя созданія эти венеціанки! Какая смѣлость и чистота въ ихъ порывахъ. Тѣла стройныя, гибкія—такъ и чувствуешь ихъ живую полноту подъ черною шалью. Если-бы отъ этихъ женщинъ осталась одна какая-нибудь косточка,—то даже въ этой косточкѣ должна была-бы сохраниться прелесть ихъ идеальнаго сложенія. По воскресеньямъ, въ церкви, онѣ собираются группами, смѣются, шевелятся. Вы видите ихъ тонкія бедра, ихъ точеныя шеи, цвѣтущія улыбки, вспыхивающіе огнемъ глаза. И вдругъ всѣ онѣ, съ гибкостью молодыхъ дикихъ звѣрьковъ, склоняются при проходѣ какого-нибудь патера, съ головою Вителлія, который уткнувъ подбородокъ въ свое облаченіе, несетъ чашу съ дарами, предшествуемый двумя маленькими служителями алтаря.

Онъ шелъ неровнымъ шагомъ—то тише, то скорѣе, смотря по тому, что онъ говорилъ. Она шла гораздо равномѣрнѣе, порою нѣсколько опережая его. И глядя на нее, сбоку, онъ замѣчалъ въ ея движеніяхъ ту увѣренность и гибкость, которая такъ нравилась ему. Онъ видѣлъ, какъ, при рѣшительныхъ поворотахъ ея головы, вздрагивала вѣтка омелы, которою была украшена ея шляпка. Совершенно безсознательно, онъ поддавался очарованію этой почти интимной встрѣчи съ молодой, почти незнакомою ему женщиной.

Они дошли до того мѣста, гдѣ въ концѣ широкаго бульвара развертываются четыре ряда платановъ. Съ одной стороны тянулся каменный парапетъ, нѣсколько прикрывающій безобразныя военныя сооруженія, спускающіяся по склону берега къ рѣкѣ. Невидная во мракѣ рѣка угадывалась по тому молочно-бѣлому туману, который стелется надъ водою даже въ ясные дни. Небо было чистое. Далекіе огни города смѣшивались со звѣздами. На югѣ сверкали три золотыхъ гвоздя созвѣздія Ореонъ.

— Въ прошломъ году, въ Венеціи, когда я выходилъ по утрамъ изъ дому, мнѣ бросалась въ глаза очаровательная дѣвушка—съ маленькой головкой, круглой упругой шейкой. Она сидѣла передъ своей дверью, приподнятой тремя ступеньками надъ каналомъ,—вся въ солнечномъ сіяніи, чистая какъ амфора, прелестная, какъ цвѣтокъ. Она улыбалась. Что за ротикъ! Я во время замѣтилъ, что эта улыбка относилась къ молодому мяснику съ корзиною на головѣ, который выглядывалъ изъ-за моего плеча!

На углу маленькой улицы, выходящей на набережную между двухъ рядовъ садиковъ, m-me Мартенъ замедлила шаги.

— Это правда,—сказала она,—въ Венеціи женщины необыкновенно красивы.

— Онѣ почти всѣ красивы. Я говорю о женщинахъ изъ простонародья—сигарочницахъ, работницахъ стеклянныхъ заводовъ. Другія—такія-же, какъ вездѣ.

— Т. е. свѣтскія женщины? Вы ихъ не любите?

— Свѣтскихъ женщинъ? О! Между ними есть очаровательныя. Но любить ихъ—это сложная исторія!

— Вы полагаете?

Она протянула ему руку и рѣшительно завернула за уголъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Провинціальныя картинки.

(Письмо съ юга).

Положеніе нашей провинціальной литературы—неопредѣленное и печальное. Сколько-бы ни писали о положеніи ея, все это будетъ недостаточно, чтобы познакомиться съ ней. Для этой цѣли необходимо самому побывать въ роли провинціальнаго издателя книгъ и редактора газеты.

Владѣльцы типографій такъ напуганы, что если во время печатанія книги вы замѣтите какую-либо описку въ подлинникѣ и захотите ее исправить въ корректурѣ, то вамъ не позволятъ этого сдѣлать до полученія разрѣшенія отъ цензора. Но еслибы кто-нибудь зналъ да видѣлъ, какъ трудно получить разрѣшеніе даже на отпечатаніе азбуки, тотъ отказался-бы отъ авторства надолго. Я какъ-то читалъ въ газетахъ, что у одного провинціальнаго цензора приходилось выбивать ворота, чтобы увидать его свѣтлыя очи. Я знаю другого провинціальнаго цензора—ученаго мужа; хотя у него воротъ еще никто не выбивалъ, но есть основанія думать, что и съ нимъ въ скоромъ времени случится что-нибудь подобное. Одинъ провинціальный авторъ составилъ учебникъ ариѳметики, который и отнесъ къ цензору; потомъ онъ ходилъ за этой ариѳметикой полгода, чтобы выручить ее отъ цензора, и такъ и не получилъ ее. Разъ десять сказали, что нѣтъ дома; разъ пять обѣщали подписать разрѣшеніе, а затѣмъ и пошло: то дома нѣтъ, то не принимаютъ, то придите завтра. Разъ прислуга цензора сжалилась надъ несчастнымъ писателемъ и шепнула ему, что баринъ-то, должно-быть, затерялъ рукопись: вотъ къ Пасхѣ будемъ все убирать, такъ, можетъ быть, найдется. Но и къ Пасхѣ не нашли; такъ и погибла ариѳметика.

Однажды въ типографіи я былъ свидѣтелемъ такой сцены: приходитъ какой-то господинъ и, предъявивъ управляющему рукопись, проситъ ее напечатать. Управляющій типографіи замѣчаетъ, что рукопись не была у цензора. Пришедшій объясняетъ, что эта рукопись есть протоколъ такого-то ученаго общества, которому предоставлено право печатать безъ цензуры свои протоколы; при этомъ онъ показалъ уставъ общества. Но, несмотря на наши общія убѣжденія, управляющій типографіей рѣшительно отказался печатать рукопись безъ подписи цензора. Когда посѣтитель ушелъ, я спросилъ управляющаго, на какомъ основаніи онъ не принялъ рукопись.

— А кто ихъ тамъ разберетъ эти уставы да законы: сегодня одни, завтра другіе; вонъ у насъ ихъ цѣлая кипа лежитъ; если ее всю-то читать, такъ голова треснетъ. Намъ отъ инспектора типографіи сказано, чтобы ничего не печатать безъ цензуры.

Дѣло кончилось тѣмъ, что и эта рукопись побывала у цензора.

Вотъ съ такими порядками приходится ежедневно имѣть дѣло редактору провинціальной газеты. Разсыльный редакціи, можно сказать, живетъ на цензорской кухнѣ: каждый номеръ газеты представляется цензору и притомъ не въ рукописи, а уже набраннымъ. Цензоръ чертитъ въ немъ справа налѣво и возвращаетъ разсыльному; наборъ уничтожается, набираются другія статьи самаго невиннѣйшаго содержанія, и номеръ газеты опять отсылается къ цензору. Затѣмъ, если онъ будетъ пропущенъ, корректура съ подписью цензора сдается въ типографію, тамъ отпечатывается необходимое количество листовъ, которые и отсылаются къ цензору для полученія выпускнаго билета; этотъ билетъ долженъ быть полученъ для каждаго номера отдѣльно. Послѣ того номеръ отпечатывается и выпускается въ свѣтъ. Вотъ тутъ и требуй отъ провинціальныхъ газетъ интереснаго содержанія и свѣжести извѣстій.

Не будь существующихъ условій провинціальной прессы, нашлось-бы и въ провинціи не мало людей, способныхъ хорошо вести газету, нашлись-бы и читатели: провинціалы съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ слушаютъ всякое слово, гдѣ проводятся здравыя мысли, не чуждыя ихъ обыденной жизни: обратите вниманіе, съ какимъ интересомъ читаются тѣ номера столичныхъ газетъ и журналовъ, гдѣ описываются порядки ихъ родного угла: съ этимъ номеромъ ходятъ изъ дома въ домъ и читаютъ вездѣ во всеуслышаніе. Я однажды былъ душевно растроганъ, когда услышалъ отъ одного малограмотнаго провинціала выраженіе самаго искренняго сожалѣнія по поводу безвременной кончины одного порядочнаго мѣстнаго органа печати; это сожалѣніе было выражено чрезъ пять лѣтъ послѣ прекращенія газеты,—такъ долго и такъ живо сохранилась о ней память, и она будетъ сохраняться и еще нѣсколько лѣтъ. Разъ я зашелъ къ редактору одной провинціальной газеты и засталъ его въ дурномъ расположеніи.

— Что, опять развѣ накрылъ?

— Да, накрылъ, и изъ-за какого вздора—за театральную рецензію! Вы можете подумать, читатель, что этой рецензіей подрывались основы общества, осмѣивалась святость семейнаго союза и т. п. Ничуть не бывало. Говорилось въ ней просто о скверной игрѣ одной актрисы, находящейся подъ особымъ покровительствомъ градоправителя и одного любителя сценическаго искусства—генеральскаго сынка, вхожаго къ цензору вмѣстѣ со своимъ почтеннымъ родителемъ. Я привелъ этотъ случай (одинъ изъ тысячи), какъ примѣръ того, до какой степени стѣснены мѣстными вліяніями предѣлы провинціальной публицистики. Собственно говоря, редакторъ провинціальной газеты не можетъ высказать откровенно своего мнѣнія даже о дѣятельности будочника, ибо это можетъ не понравиться губернатору, а о квартальномъ надзирателѣ и полиціймейстерѣ и заикнуться нельзя.

До какой степени наши глухія провинціи нуждаются въ свободномъ обличительномъ словѣ, это можетъ видѣть во-очію только тотъ, кто пожилъ въ провинціи и поглядѣлъ на ея порядки; сколько безобразій самыхъ возмутительныхъ остаются необнаруженными и безнаказанными только благодаря тому, что нѣтъ пути, нѣтъ средствъ для ихъ обнаруженія. Вѣдь не станешь о всякомъ дѣлѣ, имѣющемъ интересъ чисто мѣстный, писать въ Петербургъ. Что знаетъ масса уѣздныхъ и сельскихъ обывателей о дѣятельности тѣхъ лицъ, которыхъ они избираютъ на должности городскихъ головъ, членовъ и предсѣдателей разныхъ управъ и проч.? Ничего, кромѣ сплетенъ, которымъ не знаешь—вѣрить или нѣтъ.

Н. Геренштейнъ.

НА ОКРАИНАХЪ.

Привислянскій край.

Опредѣленное положеніе... Бываетъ такое положеніе. Когда-же оно было въ Привислянскомъ краѣ? Этотъ вопросъ имѣетъ не одинъ чисто-историческій интересъ.

Конечно, бываютъ такія опредѣленныя положенія, которыя охотно можно промѣнять на полную неопредѣленность. Но бываютъ и такія неопредѣленныя положенія, которыя заставляютъ думать о какой-бы то-ни было опредѣленности.

Привислянскій край пережилъ практическія послѣдствія всѣхъ возможныхъ положеній, представляющихъ собою смѣсь разныхъ особенностей «духа времени», вѣяній и иныхъ факторовъ общаго и личнаго характера. Въ краѣ всегда происходила какая-то смѣна какихъ-то не то режимовъ, не то программъ, не то личныхъ вкусовъ и симпатій. Раздѣлить теченіе времени какими-либо принципіальными гранями невозможно. Въ русской печати это теченіе времени раздѣляется довольно удачно такими выраженіями: «режимъ Гурко», «режимъ Шувалова» и т. д. Такая терминологія даетъ болѣе или мѣнѣе ясное представленіе о довольно неясномъ положеніи дѣлъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать тотъ фактъ, что «режимъ Шувалова» имѣлъ извѣстную *общую* окраску. Это былъ настоящій дипломатическій режимъ. Графъ Шуваловъ долго жилъ въ Берлинѣ—центрѣ пересѣченія дипломатическихъ теченій и прошелъ школу въ настоящей рафинированной дипломатіи. Отъ графа Шувалова любому просителю можно было уйти только въ состояніи полнаго очарованія — отъ встрѣчи съ настоящимъ культурнымъ человѣкомъ, прекрасно понимающимъ смыслъ слова и обѣщанія и имѣющимъ ясное представленіе о той почвѣ, на которой онъ стоитъ и на которой онъ долженъ дѣйствовать. Онъ не былъ ни сторонникомъ произвола, ни сторонникомъ такой вредной для законовъ законности, которая держится правила: dura lex, sed lex. Дальше съ принципіальной опредѣленностью графъ Шуваловъ не шелъ или, быть можетъ, не успѣлъ пойти. Во всякомъ случаѣ г. Old Gentleman, въ своихъ прошлогоднихъ письмахъ въ «Новое Время» изъ Привислянскаго края, былъ правъ, утверждая, что при графѣ Шуваловѣ «вздохнули свободнѣе». Я-бы съ своей стороны добавилъ, что при графѣ Шуваловѣ дышалось нетолько свободнѣе, но и ровнѣе.

Появленіе князя Имеретинскаго здѣсь встрѣтили съ большими надеждами и съ большимъ восторгомъ, который и теперь продолжается. Въ русскихъ газетахъ уже появились переводы тѣхъ рѣчей, которыми встрѣчали князя Имеретинскаго при посѣщеніи имъ разныхъ городовъ Привислянскаго края. Кажется, особенный успѣхъ въ русскихъ газетахъ имѣли рѣчи кѣлецкаго епископа и графа Водзицкаго. Эти рѣчи и встрѣчи кн. Имеретинскаго вызвали рядъ восторженныхъ корреспонденцій въ русскія газеты, полныхъ самыхъ радужныхъ предсказаній. Варшавскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» говорилъ: «традиціозный антагонизмъ поляковъ къ русскимъ административнымъ сферамъ съ каждымъ днемъ теряетъ свой острый характеръ, а по отношенію къ вновь назначеннымъ высшимъ чиновникамъ замѣчается даже нѣчто прямо противоположное: полное довѣріе къ ихъ чувствамъ и начинаніямъ». Въ чемъ, собственно, корреспондентъ подмѣтилъ такую явную перемѣну, намъ уразумѣть не удалось. Вѣдь содержаніе оффиціально-обязательныхъ рѣчей всюду и всегда остается однимъ и тѣмъ-же. Однако, по мнѣнію русскихъ, проживающихъ въ краѣ, поляки въ послѣднее

время «подняли голову». Русскіе теперь жалуются на распущенность, поблажки и потачки полякамъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ оптимистовъ, которые не придаютъ никакого значенія такимъ жалобамъ: онѣ нерѣдко оказывали свое давленіе на ходъ и направленіе практической политики. Кто можетъ поручиться за то, что онѣ теперь не будутъ имѣть никакого значенія? Конечно, мы отъ души сожалѣемъ о тѣхъ русскихъ людяхъ, которые въ малѣйшемъ ослабленіи излишне суроваго режима видятъ послабленія полякамъ во вредъ русскимъ... Было-бы интересно знать, какими «послабленіями» можно вредить русскимъ? По нашему крайнему разумѣнію, всяческими послабленіями можно принести только пользу русскимъ. Что собственно создаетъ двойственность интересовъ въ краѣ, т. е. интересовъ русскихъ и поляковъ? Режимъ, при которомъ поляки видятъ, что все не для нихъ. Но если поляки увидятъ, что и для нихъ кое-что дѣлается, то у нихъ не будутъ обостряться проявленія тѣхъ чувствъ, которыми была-бы полна душа всякаго человѣка, оказавшагося въ ихъ положеніи. Обостреніе неальтруистическихъ чувствъ ведетъ къ разобщенію, котораго нельзя преодолѣть никакими давленіями на поляковъ. Русскіе въ краѣ страдаютъ именно отъ разобщенія. Поляки видятъ въ нихъ людей, живущихъ съ ними рядомъ, но подъ другимъ режимомъ. Русскіе желаютъ, чтобы эта враждебная разобщенность отошла въ область преданій и въ то-же время желаютъ, чтобъ поляки всегда оставались подъ тѣмъ режимомъ, который питаетъ эту разобщенность. Эти два желанія, конечно, несовмѣстимы. Нужно выбирать одно изъ двухъ: или режимъ, поддерживающій разобщеніе, или устраненіе этого режима.

Впрочемъ, это такая тема, которая едва-ли представляется неисчерпанной, но по обстоятельствамъ и условіямъ времени иногда приходится долго трудиться надъ выясненіемъ даже той истины, что 2 × 2 = 4. Въ вѣками запутывавшихся отношеніяхъ трудно распутать переплетающіяся нити, но при добромъ желаніи и полной готовности люди съ успѣхомъ выходятъ изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ. Говорятъ, что время—лучшій исцѣлитель всяческихъ недуговъ. Эта формула вселяетъ благодушіе и поддерживаетъ надежду на то, что все устроится къ лучшему само-собою, хотя и неизвѣстно когда и при какихъ условіяхъ. Она, несомнѣнно обрекаетъ на бездѣятельность, а въ данномъ случаѣ эта бездѣятельность сводится къ поддержанію status quo. Время—лучшій исцѣлитель недуговъ, и потому нужно все предоставить довлѣющей силѣ самого времени!.. Однако въ созданіи того положенія, распутываніе котораго теперь великодушно предоставляется времени, вѣдь не держались такой формулы, что время, какъ время, имѣетъ свою созидающую силу и само все устроитъ. Наоборотъ, весьма старательно и весьма дѣятельно создавались однѣ мѣры вслѣдъ за другими; громоздились разныя начинанія, и въ концѣ-концовъ получился тотъ status quo, которымъ теперь всѣ не особенно довольны.

Почему-же мы теперь не должны заполнять время дѣятельностью обратнаго характера и всѣ надежды должны возлагать на самый процессъ теченія времени? Время само не вычеркнетъ того, что мы раньше властно занесли въ процессъ его теченія,—и само, въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи, будетъ отмѣчать себя только механической смѣной дней, чиселъ, недѣль и т. д.

Раньше мы не думали, что время все исцѣлитъ, всѣхъ образумитъ и все уладитъ. Нѣтъ никакихъ основаній теперь предаваться такимъ думамъ и все сваливать на время. Время т. е. исторію, пожалуй, можно призвать только въ роли безпристрастнаго судьи. Исторія хранитъ намъ въ поученіе безпристрастное объясненіе тѣхъ послѣдствій, къ которымъ привела въ краѣ вся прошлая, довольно активная дѣятельность. Не заходя далеко въ глубь вещей, остановимся на самыхъ простыхъ и бьющихъ въ глаза послѣдствіяхъ.

Всѣмъ извѣстно, сколько усилій было затрачено на насажденіе такъ называемой законности и поддержаніе силы законовъ въ краѣ. Въ результатѣ эта чрезвычайно плодовитая дѣятельность привела къ тому, что теперь трудно узнать, что́ въ краѣ является законнымъ и что противозаконнымъ. Законы издавались массами, подавляющими массами, съ неимовѣрной быстротой, и массы этихъ законовъ сталкивались другъ съ другомъ, съ прежде дѣйствовавшими уложеніями, кодексами и т. д. Въ этой сложной и безконечной массѣ законовъ теперь трудно разобраться, а постичь ее и усвоить не представляется никакой возможности. Наши старые законники, занимавшіеся крючкотворствомъ до изданія свода законовъ, по всей вѣроятности, пришли бы въ крайнее изумленіе, узнавъ о томъ, какая масса законовъ дѣйствуетъ въ Привислянскомъ краѣ. Отсутствіе свода законовъ представлялось для нихъ благодатью, и они съ завистью отнеслись-бы къ богатой и сложной массѣ законовъ, дѣйствующихъ въ Привислянскомъ краѣ. Тутъ всѣ эпохи, времена и реформы оставили свое наслѣдство нашему времени. Въ этомъ богатѣйшемъ наслѣдствѣ первое мѣсто занимаетъ «Дневникъ» герцогства Варшавскаго, переименованнаго въ Царство Польское. Этотъ «Дневникъ» начинается конституціей 1817 г.; издавался онъ съ 1810 г. по 1871 г. Онъ игралъ роль русскаго Собранія узаконеній и «Правит. Вѣстника». Онъ назначался для опубликованія законовъ, которые и считались для польскаго населенія обязательными послѣ ихъ опубликованія въ «Дневникѣ» [1]). Теперь въ «Дневникѣ» считается 71 томъ, а вмѣстѣ съ дополнительными томами 78 томовъ законовъ, расположенныхъ въ *хронологическомъ* порядкѣ.

На помощь «Дневнику» выступаетъ «Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго». Этотъ Сборникъ не слѣдуетъ смѣши-

[1]) Кромѣ особыхъ законовъ, о которыхъ дѣлалось распоряженіе не публиковать ихъ въ «Дневникѣ»; большая часть этихъ законовъ затѣмъ вошла въ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго.

вать съ «Сборникомъ административныхъ циркуляровъ». Въ него вошли Высочайшіе указы, касающіеся административныхъ вѣдомствъ. Тутъ-же помѣщаются и Высочайше утвержденныя учрежденія разныхъ вѣдомствъ. Въ сборникѣ помѣщены уставы, инструкціи, распоряженія министерства и разныхъ правительственныхъ коммиссій, дѣйствовавшихъ въ разное время. Все разнообразное содержаніе сборника обнимаетъ 69 томовъ, къ которымъ слѣдуетъ добавить 15 томовъ распоряженій, изданныхъ по судебному вѣдомству.

Особенно замѣтный вкладъ въ массу законовъ и постановленій внесъ такъ называемый учредительный комитетъ. Учредительный комитетъ былъ награжденъ чрезвычайно обширными правами въ законодательной области; первоначально онъ вѣдалъ только одно устройство быта мѣстныхъ крестьянъ, но затѣмъ онъ вступилъ въ обязанности упраздненнаго Совѣта управленія Царства Польскаго. Совѣтъ усердно сочинялъ законы во всѣхъ областяхъ управленія и быта и оставилъ послѣ себя 28 томовъ разныхъ постановленій, изъ которыхъ многія вошли въ «Дневникъ» законовъ. Когда дѣятельность учредительнаго комитета прекратилась и дальнѣйшее устройство быта крестьянъ перешло въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, было издано новыхъ четыре тома распоряженій по крестьянскому дѣлу.

Наряду со всѣми этими томами разныхъ сборниковъ, въ Привислянскомъ краѣ дѣйствуютъ еще гражданскіе законы, основанные на кодексѣ Наполеона. Эти гражданскіе законы представляютъ собою довольно пестрый калейдоскопъ законодательныхъ актовъ самой разнообразной формаціи. Съ 1-го мая 1808 г. кодексъ Наполеона нѣкоторое время дѣйствовалъ въ полномъ объемѣ. Теперь же онъ дѣйствуетъ, начиная со ст. 516-й. Предшествующія статьи замѣнены гражданскимъ уложеніемъ 1825 г. и законами о брачномъ союзѣ (1836 г.). XVIII раздѣлъ 3-й книги кодекса замѣненъ былъ ипотечными уставами 1818 и 1825 гг. Нужно зазамѣтить, что всѣ дѣйствующія статьи кодекса не имѣютъ переводной редакціи, санкціонированной законодательнымъ порядкомъ, и примѣняются по редакціямъ частныхъ переводовъ и сборниковъ.

Съ 1871 г., по прекращеніи «Дневника», хронологическимъ сборникомъ для опубликованія законовъ и источникомъ для ознакомленія съ дѣйствующими законами является русское «Собраніе узаконеній». Съ 1871 г. и по данное время тутъ число томовъ, считая по 2 тома въ полугодіе, доросло до 50. Съ 1876 г. вступили въ силу и судебные уставы 1864 г.

Въ такомъ законодательствѣ разныхъ типовъ, разныхъ формацій и разныхъ тенденцій можно запутаться любому судьѣ и администратору. Распутывать же житейскія отношенія при помощи такого законодательства—задача, по меньшей мѣрѣ, непосильная. Разныя отношенія складывались въ хронологическомъ порядкѣ при дѣйствіи разныхъ законовъ, которые сплошь и рядомъ не поддаются согласованію. Кромѣ того, любое отношеніе и теперь можетъ быть разрѣшено разно. Въ громадномъ складѣ

томовъ разныхъ дѣйствующихъ узаконеній юристъ-любитель найдетъ большую пищу для упражненій въ казуистикѣ. Все это въ общемъ ведетъ къ крайней неопредѣленности правъ, къ крайней ихъ необезпеченности, осложняемой къ тому же и своеобразной неопредѣленностью отношеній между административной и судебной властью. Для примѣра слѣдуетъ остановиться на ст. 1329 уст. уголов. судопроизводства. «Неясное ея изложеніе, говоритъ г. Логановъ, можетъ быть передано кратко, что все, что было подсудно административнымъ и казеннымъ учрежденіямъ до введенія судебной реформы, остается имъ-же подсуднымъ и по введеніи судебныхъ уставовъ. Но для того, чтобы узнать, что было подсудно казеннымъ и административнымъ учрежденіямъ, прежде необходимо изучить всѣ (перечисленные выше) томы «Дневника» законовъ, Сборника административныхъ постановленій и постановленій учредительнаго комитета, затѣмъ изъ устава казенныхъ и административныхъ учрежденій исключить все не дѣйствующее и сохранить въ памяти все отмѣненное, — тогда только можно безошибочно примѣнить одну эту небольшую статью закона. При этомъ надо торопиться, ибо дѣло не медлитъ въ направленіи по подсудности. И такую юридическую работу для примѣненія ст. 1329 должны исполнять не одни лица съ юридическимъ образованіемъ, но и гминные судьи и лавники, для коихъ достаточна одна грамотность... Вообще, въ виду множества томовъ мѣстныхъ законовъ и затруднительности ихъ изученія, по отсутствію кодификаціонной обработки, ст. 1329 примѣняется крайне неопредѣленно и по мѣрѣ изученія мѣстными судебными дѣятелями дѣйствующихъ законовъ, *все болѣе и болѣе родовъ дѣлъ отходитъ къ административной подсудности* [1]).

Административная подсудность—понятіе вполнѣ ясное и опредѣленное. О принципіальномъ и практическомъ значеніи этой подсудности распространяться не стоитъ. Особенно достойнымъ вниманія является именно то обстоятельство, что распространеніе на край судебныхъ уставовъ, при данномъ положеніи дѣйствующаго тамъ права, ведетъ только къ расширенію административной подсудности. Такой результатъ судебной реформы, очевидно, не можетъ отвѣчать духу судебныхъ уставовъ, направленныхъ къ возможно большему сокращенію судебной дѣятельности органовъ администраціи. Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, навѣрное, остановитъ свое вниманіе на печальномъ положеніи Привислянскаго края. Было-бы вполнѣ цѣлесообразно созвать съѣздъ мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, включая и представителей адвокатуры, для выясненія всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли-бы содѣйствовать укрѣпленію началъ судебныхъ уставовъ и полному ихъ примѣненію въ краѣ. На этомъ съѣздѣ, быть можетъ, раскрылись бы такія стороны судоотправленія въ краѣ, которыя было-бы признано необходимымъ подвергнуть немедленному-же и полному реформированію. Теперь этотъ во-

[1]) Журналъ министерства юстиціи. № 7. 1896 г.

просъ является, безспорно, однимъ изъ неподлежащихъ дальнѣйшей отсрочкѣ, хотя-бы уже потому, что безъ вполнѣ обезпеченнаго правосудія нельзя двигаться дальше по пути усовершенствованія любой изъ сторонъ мѣстной общественной жизни.

Правда, по мнѣнію нѣкоторыхъ (а быть можетъ и весьма многихъ) сторонниковъ той яко-бы патріотической политики, которая сводится къ классическому «бараньему рогу», въ краѣ и самая общественная жизнь не должна имѣть мѣста. Какую общественную жизнь можно допустить въ краѣ, населеніе котораго спитъ и во снѣ видитъ «отложеніе», сплоченіе и возстановленіе своей прежней исторической роли на территоріи отъ Берлина до Кіева! Особенно враждебное настроеніе вызываютъ мечты именно о необъятности территоріи. Мы лично затрудняемся указать на такую націю, которая не считала-бы, что въ предѣлы ея территоріи, по всей справедливости, должно входить полсвѣта. Я лично знаю многихъ (если не множество) русскихъ, которые утверждаютъ, что весь Балканскій полуостровъ съ проливами (особенно съ проливами) и Константинополемъ, по всей справедливости, и теперь принадлежатъ Россіи. Сербы считаютъ своей Македонію; болгары—и Албанію, и Македонію, и т. д. Это общая болѣзнь, за страданіе которою не должны отвѣчать одни поляки. Если они одновременно, допустимъ, думаютъ и о «возстановленіи», то почему-же наши патріоты считаютъ эту мечту не только смѣха достойной, но и вызывающей раздраженіе и притомъ, несомнѣнно, кары достойной? Право, за мечты, смѣха достойныя, карать не подобаетъ и не стоитъ возводить ихъ на степень тѣхъ «чувствъ», наличность которыхъ превращаетъ человѣка въ преступника.

Эта сторона вопроса освѣщена въ недавно вышедшей и прошедшей цензуру брошюрѣ г. Багницкаго «Политическая исповѣдь современнаго поляка». Онъ утверждаетъ, что къ политическимъ мечтаньямъ поляковъ Привислянскаго края Россія можетъ относиться съ полнымъ пренебреженіемъ. Поляки напрасно видятъ въ Россіи главнаго врага, мѣшающаго осуществленію ихъ плановъ: Германія никогда не позволитъ, чтобы былъ сдѣланъ какой-либо рѣшительный шагъ въ пользу поляковъ. Иначе на дѣло не можетъ смотрѣть и Австрія, несмотря на ея заигрыванія съ поляками. Такая судьба выпала на долю поляковъ, что цѣлыхъ три самыхъ сильныхъ государства заинтересованы въ томъ, чтобы не было Польши, причемъ изъ всѣхъ этихъ трехъ государствъ Германія является и наиболѣе послѣдовательнымъ, и наиболѣе строгимъ врагомъ какихъ-бы то ни было проявленій польской государственной идеи и польской національности.

Съ практической и принципіальной стороны тутъ есть много заблужденій. Современная «практическая политика» вообще и въ нашихъ глазахъ въ частности является однимъ изъ тормазовъ для устроенія жизни людей на немногихъ простыхъ, но вѣчныхъ началахъ. Въ обсужденіе этой политики и въ составленіе разныхъ рецептовъ мы и входить не будемъ. Но есть одинъ интересный вопросъ, затронутый г. Багницкимъ—о взаим-

номъ отношеніи между польской государственной и польской національной идеями. Г. Багницкій долго и настоятельно доказываетъ, что въ принципіальномъ отношеніи и по требованіямъ исторической логики національная идея порождаетъ государственную идею и въ нее должна обязательно вылиться. Онъ приводитъ въ свидѣтели Градовскаго и Чичерина, горячо проповѣдывавшихъ въ своихъ курсахъ идею о священномъ правѣ каждой націи образовать свое собственное государство. Въ этой проповѣди онъ видитъ одновременно, и вполнѣ основательное оправданіе польской государственной идеи, и какую-то дѣтски-наивную пропаганду собственно по отношенію къ Польшѣ, которой не видать своего польскаго государства ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ, ни во вѣки вѣковъ. Полякамъ, по мнѣнію г. Багницкаго, нужно искать выходъ при *данномъ положеніи*, продиктованномъ исторіею разъ навсегда. Это не только «старая истина», но и до крайности затрепанная фраза, которая въ сущности ничего не говоритъ о «выходѣ», хотя, по увѣренію г. Багницкаго, она стала лозунгомъ большинства мыслящихъ поляковъ.

Совѣтъ примириться съ «даннымъ» положеніемъ мы оставляемъ на отвѣтственности самого г. Багницкаго. Но со своей стороны, мы полагаемъ, что ни въ націонализмѣ, ни въ государствѣ поляки не найдутъ ничего такого, что открывало-бы имъ широкій просторъ въ общей работѣ на пользу міровой культуры. Міровая культура есть понятіе болѣе сложное и болѣе содержательное, чѣмъ государственность или націонализмъ. При данныхъ, не особенно благопріятныхъ условіяхъ, поляки, не отвлекаемые на работу безполезную, если и не вредную, такъ или иначе, но далеко не безъ успѣха работаютъ въ пользу міровой культуры. Въ области науки, поэзіи и искусства поляки теперь работаютъ болѣе усердно и съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше. Теперь имѣется, такъ сказать, внѣшній поводъ полякамъ укрѣпиться въ этой идеѣ. Мы имѣемъ въ виду открытіе памятника Мицкевичу. Мицкевичъ сталъ Мицкевичемъ не въ силу своего пристрастія къ государственности и національзму. Онъ принадлежитъ всецѣло міровой культурѣ и никогда-бы и не былъ Мицкевичемъ, еслибы онъ принадлежалъ только польской культурѣ и польской національности.

Открытіе памятника Мицкевичу не даетъ покоя нашимъ «патріотамъ». Они разводятъ руками и клянутся, что никогда не ожидали такой поблажки и такого крайняго попустительства со стороны правительства. Въ чемъ тутъ состоитъ поблажка и въ чемъ тутъ выражается попустительство — мы такъ и не могли разобраться. Фразы насчетъ польскаго ликованія, польской радости, намеки на то, что поляки подняли голову,—положительно ничего не выражаютъ. Почему должны имѣть право на существованіе одни польскія скорби и огорченія, и почему рядомъ съ ними не должны имѣть мѣсто радости и ликованія? Почему поляки должны имѣть всегда опущенную голову, съ выраженіемъ на лицѣ безпредѣльной грусти и безнадежнаго отчаянія, и никогда не должны по-

дымать голову съ вѣрой и надеждой на лицѣ? Что собственно лестнаго видятъ для себя «патріоты» въ безнадежно-грустномъ выраженіи на лицѣ каждаго поляка? Мы склонны думать, что они погрѣшаютъ противъ русскаго *народнаго* правила: живи и жить давай другимъ. По существу дѣла, даже во имя требованій патріотизма, должно послѣдовать сооруженіе и открытіе памятника Мицкевичу. Въ открытіи памятника Мицкевичу если и есть «поблажки» полякамъ, то, во всякомъ случаѣ, тутъ имѣется значительная выгода для русскаго престижа. Разрѣшеніе русскаго правительства на открытіе памятника человѣку, твердо вписавшему свое имя въ исторію міровой культуры, участіе въ этомъ дѣлѣ всего русскаго общества, поистинѣ, являются выгодными для русскаго престижа, принимая во вниманіе, что Мицкевичъ всетаки полякъ по происхожденію и никогда не былъ человѣкомъ, чуждымъ Польши, или отъ нея отвернувшимся.

Мы не знаемъ, что собственно вреднаго для русскаго престижа имѣется въ имени Мицкевича, что имѣется неудобнаго для того-же престижа въ дѣятельности Сенкевича? Нѣтъ спора, Мицкевичъ и далеко ему неравный Сенкевичъ возможны и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни, но при благопріятныхъ условіяхъ таланты развертываются полнѣе. Разцвѣтъ польской литературы на территоріи, de jure принадлежащей Россіи, не заключалъ-бы въ себѣ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для русскихъ порядковъ. Наоборотъ, порядки, содѣйствующіе росту литературы, культуры и общественной жизни вообще, въ Привислянскомъ краѣ много содѣйствовали-бы престижу и соотвѣтствовали-бы отвѣтственности, принятой предъ исторіей за судьбы края. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать и практически вполнѣ цѣлесообразными тѣ планы, которые теперь интересуютъ высшую администрацію въ Привислянскомъ краѣ.

Повидимому, теперь и высшая мѣстная администрація остановилась на томъ предположеніи, что обособленность края поддерживается исключительными мѣстными порядками. Если это предположеніе отвѣчаетъ планамъ, намѣчаемымъ высшей административной властью, то это обстоятельство нельзя не признать отраднымъ явленіемъ. Вѣдь если «сліяніе» и «сплоченіе» почему-либо должны занять центръ тяжести во всѣхъ планахъ нашихъ патріотовъ, то они навсегда останутся лишь pia dsideria при установленіи обособляющихъ порядковъ. На пространствѣ громадной территоріи дѣйствуютъ земскія учрежденія. Это есть нормальный, общій порядокъ. Почему-же этотъ общій порядокъ не долженъ имѣть мѣсто въ Привислянскомъ краѣ? Обсужденію этого вопроса, повидимому, будетъ отведено не послѣднее мѣсто въ намѣченномъ планѣ реформъ. Такъ слѣдуетъ думать потому, что русская печать въ послѣднее время посвятила этому вопросу не мало статей и обсуждала его, какъ вопросъ, стоящій на очереди. Находились попрежнему враги земскаго самоуправленія въ Привислянскомъ краѣ, но ряды ихъ порѣдѣли и нѣкоторые органы измѣнили

свое враждебное отношеніе и перешли въ ряды сторонниковъ введенія земскихъ учрежденій въ Привислянскомъ краѣ. Въ разрѣшеніи этого вопроса «Сѣверный Вѣстникъ» уже давно занялъ опредѣленную позицію и намъ теперь остается только констатировать отрадный фактъ, что планы о введеніи земскаго самоуправленія въ краѣ не затушовываются, а получаютъ дальнѣйшее движеніе и заручаются все большимъ и большимъ числомъ сторонниковъ среди русской печати. Было-бы желательно, чтобы и вопросъ о реформѣ городского управленія и замѣнѣ его городскимъ самоуправленіемъ не затушовывался, а двигался впередъ. Одно время говорили, было, объ этой реформѣ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ, но почему-то все замолкло. Быть можетъ, уже готовые проекты снова подвергаются переработкѣ и эта переработка теперь отождествляется съ отсрочкой на неопредѣленное время.

Край, безспорно, нуждается въ опредѣленномъ положеніи и, конечно, такомъ положеніи, которое отвѣчало-бы гуманнымъ началамъ общественной жизни конца XIX столѣтія. Были перепробованы иные порядки— порядки прямо противоположнаго характера, и они себя показали, т.-е. дали результаты прямо противоположные намѣчаемымъ цѣлямъ. Этотъ фактъ признанъ даже и «Московскими Вѣдомостями», хотя и въ иной формѣ. «Московскія Вѣдомости», какъ извѣстно, держатся такого правила: самъ живи и не давай жить другимъ,—и однако находятъ, что прежнія мѣропріятія вполнѣ опредѣленнаго характера ни капли не содѣйствовали упорядоченію дѣлъ въ Привислянскомъ краѣ. Газета, конечно, рекомендуетъ дальнѣйшее и болѣе острое напряженіе мѣръ и способовъ въ томъже направленіи, но это уже другой вопросъ. Въ данномъ случаѣ важно констатировать тотъ фактъ, что «Московскія Вѣдомости» признаютъ всю прежнюю дѣятельность въ Привислянскомъ краѣ недостигшей никакихъ благихъ результатовъ. Мѣстная администрація, повидимому, тоже пришла къ такому-же заключенію и ищетъ «новый курсъ». Эти поиски во всякомъ случаѣ являются болѣе цѣлесообразными, чѣмъ движеніе по старой дорогѣ, не приведшей къ намѣченной цѣли.

И. М.

Прибалтійскій край.

Проѣздъ министра финансовъ по нашему краю вызвалъ не мало разныхъ надеждъ среди мѣстныхъ торгово-промышленныхъ классовъ. Эти классы населенія всюду имѣютъ одни и тѣ-же инстинкты и одушевлены однѣми и тѣми-же «соціальными эмоціями». Имъ нѣтъ дѣла до общественныхъ нуждъ края, а имѣется дѣло до своего кармана. Они и на нужды края смотрятъ черезъ свой карманъ. Какіе порядки въ краѣ вводятся и какіе могутъ быть введены—это для нихъ безразлично. Для нихъ важно, чтобы эти порядки не били по карману, а набивали кар-

манъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ сферѣ карманныхъ интересовъ край далеко не страдаетъ отсутствіемъ надеждъ на радужныя перспективы. Но такъ какъ большинство населенія въ краѣ живетъ не одними карманными интересами, то тутъ уже пришлось-бы сказать многое иное.

На первомъ мѣстѣ стоятъ образовательные интересы края и ихъ судьбы. Университетъ теперь по непреодолимымъ условіямъ отошелъ на задній планъ. Отголоскомъ того прежняго интереса, съ которымъ общество относилось къ мѣстному университету, является полемика между бывшимъ ректоромъ дореформеннаго университета, Эттингеномъ, и настоящимъ ректоромъ реформированнаго университета г. Будиловичемъ.

Г. Будиловичъ въ печати энергично проводитъ ту мысль, что дореформенный университетъ никуда не годится, а новый, реформированный университетъ идетъ быстрыми шагами по пути къ славѣ и величію. Смѣлая мысль,—но г. Эттингенъ рѣшилъ съ ней конкуррировать, поставивъ вопросъ прямо въ обратномъ порядкѣ. Г. Эттингенъ думаетъ, что реформированный университетъ никуда не годится, а старый дореформенный университетъ представлялъ собою квинтессенцію ничѣмъ неомраченной славы и неувядающаго величія.

Крайности тезисовъ, защищаемыхъ г. Эттингеномъ и г. Будиловичемъ, ясно свидѣтельствуютъ, что они оба не правы. Г. Эттингенъ забылъ, что и на солнцѣ бываютъ пятна. Признавая важное значеніе за старымъ университетомъ, мы по личному опыту должны сказать, что въ его славѣ было много пятенъ, даже слишкомъ много пятенъ. Въ чемъ состояла слава стараго университета и какова была эта слава—это вопросъ, теперь мало поддающійся рѣшенію въ виду еще не остывшихъ страстей. Пока мы ограничимся открытымъ заявленіемъ той безспорной истины, что старый университетъ усердно копалъ себѣ могилу своею бездѣятельностью и безпримѣрной для нѣмцевъ халатностью. Въ началѣ 90-хъ годовъ, т.-е. передъ реформой, намъ пришлось, по прибытіи изъ заграницы, развести руками. Переѣхавъ изъ нѣмецкаго университета въ дерптскій университетъ, авторъ этихъ строкъ не нашелъ въ немъ признаковъ настоящаго нѣмецкаго университета. Учебная и ученая дѣятельность находилась въ крайнемъ упадкѣ или вѣрнѣе въ состояніи полнаго омертвенія. Профессора (особенно медики) заявляли, что дерптскій университетъ по части разныхъ кабинетовъ, лабораторій, клиникъ и т. п., безъ которыхъ нельзя вести занятія ни профессорамъ, ни студентамъ, стоитъ ниже русскихъ университетовъ, и этимъобрѣзываетъ крылья не только у студентовъ, но и у профессоровъ. Дѣйствительно, всѣ эти лабораторіи, клиники, кабинеты являлись настоящей ироніей надъ соотвѣтствующими учрежденіями, и къ данному времени едва-ли успѣли выйти изъ младенческаго состоянія, хотя, быть можетъ, они и приведены въ нѣкоторый порядокъ. Библіотека находилась въ печальномъ положеніи, причемъ экономическія науки были представлены десятками книгъ, разрозненныхъ и, видимо, попавшихъ туда по случаю. Это уже настоящій курьезъ въ нѣмецкомъ университетѣ.

Было много и другихъ курьезовъ, до крайности грустныхъ въ нѣмецкомъ университетѣ. Мы отъ души сожалѣемъ, что теперь нѣтъ нѣмецкаго университета, но справедливость требуетъ сказать, что настоящій нѣмецкій университетъ убила не реформа 90-хъ годовъ. Реформа имѣла дѣло съ обезображеннымъ нѣмецкимъ университетомъ. Nomina sunt odiosa, но всетаки нѣмецкій университетъ убила та партія мѣстныхъ профессоровъ, которая, пылая внѣ стѣнъ университета горячей любовью къ мѣстнымъ интересамъ, на самомъ дѣлѣ въ стѣнахъ университета давала широкій просторъ самымъ низменнымъ инстинктамъ человѣческой натуры, что едва-ли было извѣстно мѣстному нѣмецкому обществу во всей своей неприглядной наготѣ.

Г. Будиловичъ вскрылъ не мало неприглядныхъ сторонъ не въ самомъ существѣ нѣмецкаго университета, а въ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые стояли якобы за нѣмецкій университетъ, а въ сущности приносили все нѣмецкое въ жертву такимъ интересамъ, которые не имѣли ничего общаго съ безкорыстнымъ служеніемъ наукѣ. Тутъ онъ почти не выходитъ за предѣлы объективной правды. Но когда изъ незавиднаго положенія дерптскаго университета предъ реформой г. Будиловичъ дѣлаетъ выводъ въ пользу безусловной необходимости произведенной реформы, то рѣзкій скачокъ мысли всетаки остается скачкомъ.

Реформа вызывалась не признаніемъ тѣхъ или другихъ недостатковъ постановки дѣла въ нѣмецкомъ университетѣ, а совершенно иными соображеніями. Представьте себѣ, что въ какомъ-либо русскомъ университетѣ рѣзко били-бы въ глаза разныя нестроенія. Слѣдуетъ-ли отсюда, что его безусловно необходимо превратить въ турецкій университетъ? Конечно, нѣтъ. Не было никакой безусловной надобности въ корнѣ подрѣзывать и срывать съ лица земли нѣмецкій университетъ, а слѣдовало только его очистить отъ разныхъ наслоеній, а главное—избѣгать какой-бы то ни было политической игры съ университетомъ. Авторъ этихъ строкъ глубоко убѣжденъ, что если-бы контингентъ дерптскихъ профессоровъ состоялъ изъ однихъ иностранцевъ, то дерптскій университетъ навсегда оставался-бы образцовымъ нѣмецкимъ университетомъ. Его сгубили *мѣстные* университетскіе дѣятели и теперь они же жалуются на судьбу!.. Мѣстное общество, дорожа своимъ университетомъ, должно по заслугамъ отблагодарить ихъ за ихъ якобы пылкое «отстаиваніе» правъ университета внѣ стѣнъ университета и затаптываніе въ грязь престижа университета въ стѣнахъ самого университета.

Г. Эттингенъ все это прекрасно знаетъ, и онъ на старости сдѣлалъ-бы большую услугу своему личному достоинству, еслибы разсказалъ намъ всю правду объ университетскихъ дѣлахъ лѣтъ за 20 предъ реформой. Грустная правда, но пусть онъ съ раскаяніемъ, заслуживающимъ полнаго уваженія, повѣдаетъ намъ, что дѣлалось въ университетѣ, какъ велось преподаваніе и т. д. Мы глубоко увѣрены, что редакція «Сѣвернаго Вѣстника» охотно откроетъ страницы журнала для покаянной

исповѣди г. Эттингена и для какихъ-бы то ни было его объясненій. Съ г. Будиловичемъ онъ ведетъ полемику о старомъ университетѣ не ради правды. И пусть онъ откажется отъ желанія скрыть то, что неудержимо всплываетъ на поверхность. Пусть онъ къ старому дореформенному университету отнесется такъ-же строго критически, какъ онъ относится къ новому университету.

О новомъ университетѣ онъ говоритъ не мало настоящей правды. Г. Эттингенъ правъ, что новый университетъ оставляетъ желать весьма и весьма многаго. «Слава и величіе»—такія слова, которыя едва-ли когда-либо будутъ вписаны въ исторію реформированнаго университета. Слабость и дряхлость теперь являются его характерными чертами, и нѣтъ основанія предполагать, что новому университету въ ближайшемъ будущемъ будутъ присущи иныя особенности. Скорѣе всего слѣдуетъ остановиться на противоположномъ предположеніи. Для его поднятія нужны силы, а силы не идутъ въ новый университетъ, находящійся въ состояніи далеко не блестящемъ. Когда онъ поднимется, тогда къ нему и силы потянутся. Вотъ стеченіе событій, изъ котораго трудно найти выходъ—и, къ сожалѣнію, на долю новаго университета выпало не мало такихъ заколдованныхъ круговъ. Разъ взятъ тотъ невѣрный курсъ, который такъ одобряетъ г. Будиловичъ, то о выходѣ на прямую дорогу трудно думать до измѣненія курса. По заявленію г. Будиловича—все легко, но по своимъ обязанностямъ ректора онъ прекрасно знаетъ, какъ все это трудно. Онъ ссылается на страсбургскій университетъ, но онъ, навѣрно, не сочувствуетъ передѣлкѣ по «статистическимъ» соображеніямъ французскаго университета мѣстнаго французскаго населенія въ университетъ нѣмецкій. Реформѣ страсбургскаго университета, навѣрно, сочувствуютъ только одни нѣмецкіе патріоты.

Относительный успѣхъ реформы страсбургскаго университета объясняется многими обстоятельствами, которыя не имѣли и не могутъ имѣть мѣста при реформѣ нашего стараго университета. Прежде всего, нѣмцы располагали и располагаютъ достаточнымъ запасомъ университетскихъ силъ, изъ котораго можно было выбрать для Страсбурга не мало людей талантливыхъ и выдающихся именно своимъ талантомъ и умѣньемъ говорить. Это послѣднее «внѣшнее» достоинство, какъ всякому извѣстно, имѣетъ за собою такую чарующую силу, которая заклятыхъ враговъ примиряетъ другъ съ другомъ. У насъ-же для реформированнаго университета силъ не нашлось и въ него шли тѣ люди, которые могли занимать какое угодно мѣсто, только не мѣсто на каѳедрѣ. Уже это одно обстоятельство лишаетъ возможности ссылаться на сравнительный успѣхъ страсбургской реформы и на опытѣ этой реформы строить тѣ или иныя надежды на ближайшее будущее нашего реформированнаго университета. Та и другая реформа опираются на разныя силы, а потому и судьба ихъ должна быть разной. Все это мы говоримъ во имя горькой правды, а не по злорадству.

Пусть судьба смилуется надъ новымъ университетомъ, и если-бы она ему послала лучшіе дни и блестящую будущность, мы противъ этого ровно ничего не имѣли-бы и отъ души порадовались-бы. Вѣдь университетъ въ положеніи нашего реформированнаго университета никому особаго удовольствія доставлять не можетъ. Если люди, недовольные реформой, злорадствуютъ по поводу ея результатовъ, то пора покончить съ этимъ чувствомъ и общими силами позаботиться о лучшей постановкѣ университета. Университетъ—учрежденіе съ такимъ предназначеніемъ, предъ которымъ должны смолкнуть какія-бы то ни было чувства и мысли, не сосредоточенныя на его лучшей будущности. Терзать-же бѣдный университетъ и ставить ему рядъ новыхъ препятствій на пути, и безъ того усѣянномъ непреодолимыми препятствіями—дѣло не подходящее для культурныхъ людей. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы культурные классы мѣстнаго населенія стояли на высотѣ своего призванія. Принципіальные взгляды «Сѣвернаго Вѣстника» на прибалтійскій вопросъ извѣстны въ краѣ, а потому наши заключенія никоимъ образомъ не могутъ быть истолкованы въ превратномъ духѣ. Замѣчанія наши мы должны высказать съ искреннимъ сожалѣніемъ, но правда всегда должна оставаться правдой.

Мѣстнымъ культурнымъ классомъ, безспорно, являются крупные землевладѣльцы, ревниво охраняющіе свои права, присвоенныя имъ, какъ дворянскому сословію. Это ревнивое отношеніе къ сословнымъ правамъ и привилегіямъ, конечно, подрываетъ престижъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и отнимаетъ у нихъ право именоваться культурнымъ классомъ населенія. Тѣ группы населенія, которыя посвящаютъ свое время и свою энергію отстаиванію порядковъ, явно нарушающихъ права массъ населенія, не могутъ быть признаны культурной мыслящею частью мѣстнаго общества. Грубыя эгоистическія тенденціи мѣстныхъ землевладѣльцевъ достаточно говорятъ сами за себя,—чѣмъ-бы онѣ ни прикрывались. Тутъ достаточно указать на то, что мѣстные дворяне землевладѣльцы энергично протестуютъ противъ введенія въ краѣ земскихъ учрежденій на началахъ безсословности и, по возможности, равномѣрнаго представительства отъ всѣхъ классовъ населенія.

Этотъ фактъ навсегда наложитъ опредѣленный отпечатокъ на тенденцію мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Трудно себѣ представить, чтобы образованные классы, служащіе интересамъ одной культуры, какъ нерѣдко говорятъ дворяне-землевладѣльцы,—шли-бы сомкнутыми рядами противъ интересовъ культуры и требованій элементарной справедливости Они говорятъ, что они идутъ не противъ народа, а противъ нивелированія края въ духѣ полнаго «слитія» по роду и характеру дѣйствующихъ учрежденій. Представимъ себѣ, что въ интересахъ протеста противъ нивелированія землевладѣльцы-дворяне вздумали-бы протестовать противъ введенія въ краѣ суда присяжныхъ. Такой протестъ всѣ признали-бы явнымъ безразсудствомъ и весьма подозрительнымъ желаніемъ

не допускать «сѣрую совѣсть» къ участію въ отправленіи правосудія. Общее негодованіе увѣнчало-бы старанія дворянъ-землевладѣльцевъ, протестующихъ противъ суда общественной совѣсти.

Спрашивается, какой-же награды ждутъ для себя дворяне, протестуя противъ введенія въ краѣ земскихъ учрежденій? Несомнѣнно они идутъ навстрѣчу къ взрыву противъ нихъ общаго негодованія, которое заслуженно вѣнчаетъ ихъ «культурныя» выходки противъ земскихъ учрежденій, якобы разрушающихъ историческій складъ и направленіе общественныхъ дѣлъ въ краѣ. Это явно не культурное представленіе о ходѣ исторіи почему-то выдается за полное желаніе сообразоваться съ ея требованіями. Насколько извѣстно, исторія рано или поздно произноситъ свой рѣшительный приговоръ надъ такими порядками, при которыхъ направленіе общественныхъ дѣлъ составляетъ монополію небольшихъ группъ привилегированныхъ сословій. Она никогда не была благосклонна къ тѣмъ, кто своими усиліями тормазилъ ходъ событій въ духѣ общественной справедливости. Пусть объ этомъ подумаютъ мѣстные дворяне-землевладѣльцы и прекратятъ свою достойную негодованія политику противъ введенія въ краѣ земскихъ учрежденій, которыя допустятъ къ завѣдыванію мѣстными общественными дѣлами эстовъ и латышей наряду съ потомками древнихъ рыцарей. Право на принадлежность къ рыцарству пріобрѣтается не справками съ покрытыми плесенью метрическими документами, а собственнымъ поведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя считаютъ себя достойными стоять въ рядахъ рыцарства.

П. К.

Наши земскія дѣла.

Призракъ надвигающейся бѣды и вопросъ о народномъ продовольствіи на Курскомъ, Елецкомъ, Смоленскомъ, Казанскомъ и Олонецкомъ земскихъ собраніяхъ.

Просматривая изо дня въ день провинціальныя газеты, невольно обращаешь вниманіе на хроническое появленіе извѣстій изъ разныхъ градовъ и весей съ неутѣшительными сообщеніями, что въ нынѣшнемъ году урожай будетъ «*плохъ*», «*низокъ*», «*ниже средняго*», «*посредственный*» «*не соберутъ и сѣмянъ*» *и т. п.* Десятокъ, два, много три подобнаго рода сообщеній, конечно, на общемъ фонѣ русской экономической дѣйствительности ровно ничего, или почти ничего не значатъ,—такъ какъ «недороды», или, какъ ихъ иногда называютъ, «недоборы» хлѣбовъ—явленіе, періодически, изъ года въ годъ, повторяющееся. Но, когда почта приноситъ такія сообщенія цѣлыми десятками ежедневно, то тутъ, волей неволей, обратишь на нихъ вниманіе и, памятуя уроки временъ прошедшихъ, невольно призадумаешься и о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ,

которыя вызываются подобными «недоборами». Приложенная къ «Т.-Промышленной газетѣ» карта «о состояніи посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ» [1]) даетъ довольно убѣдительную картину того безотраднаго положенія, въ которомъ можетъ очутиться вся та половина Россіи, которую, обыкновенно, привыкли считать неисчерпаемою житницею, отъ которой постоянно чаяла насыщенія другая, нечерноземная половина и которая наводняла даже своимъ хлѣбомъ европейскіе рынки. На самомъ дѣлѣ, картина давнымъ давно довольно рѣзко перемѣнилась, и тамъ, гдѣ была нѣкогда хлѣбородная сторона, населеніе изнемогаетъ отъ прогрессивно ростущаго малоземелья, истощенія земли, недостатка скота и накапливаетъ подати и налоги въ чудовищныя недоимки. За примѣрами ходить недалеко: стоитъ вспомнить Самарскую губернію, гдѣ одна только продовольственная недоимка числилась къ 1 января 1895 года въ размѣрѣ 3,420 тысячъ рублей [2]), а скотоводство, составляющее весьма существенную отрасль сельскаго хозяйства, за послѣднее десятилѣтіе, вслѣдствіе различныхъ бѣдствій, сократилось не только относительно, но даже количественно [3]).

Упадокъ скотоводства не могъ не отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ, процессъ-же экспропріаціи бѣднѣйшихъ членовъ общины не остановился на одной распродажѣ скота, а повлекъ за собою концентрацію общинной земли въ рукахъ «сильныхъ» домохозяевъ, съумѣвшихъ устоять среди всеобщаго бѣдствія. «Потеря рабочаго скота, читаемъ мы въ изданіи Орловскаго статистическаго бюро, — заставляетъ

---

[1]) 1897 г. № 134.

[2]) Календарь и памятная книжка Самарской губ. на 1898 г., стр. 127.

[3]) Считаемъ не лишнимъ привести для подтвержденія нашихъ словъ довольно характерную табличку:

	Всего скота.	В том числѣ: Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.
Въ 1886 г.	4.354,896	992,450	1.176.171	1.905.524
» 1887 »	4.442,797	1.017.820	1.550,266	1.971.398
» 1888 »	3.979,393	911.339	1.076.595	1.690,797
» 1889 »	3.311,714	822.249	705,727	1.501,475
» 1890 »	3.225,330	806,324	711,109	1.482.363
» 1891 »	2.092,290	553,304	484.034	933.536
» 1892 »	2.215.417	615.206	523,027	955,981
» 1893 »	2.452,449	687.849	651.832	1.003.026
» 1894 »	2.759,433	732,700	694,962	1.159,590
» 1895 »	3 094,312	763.815	767.284	1.335,085

Для большей наглядности, позволяемъ себѣ выразить тѣ-же данныя въ % отношеніяхъ, принявъ цифры 1886 г. за 100:

	Всего скота въ %	Лошадей въ %	Рогатаго скота въ %	Овецъ въ %
Въ 1886 г.	100	100	100	100
» 1891 »	48	54	41	43
» 1895 »	71	77	65	70

крестьянъ сдавать надѣльныя земли небольшому числу болѣе зажиточныхъ односельцевъ за пониженную цѣну» [1]). А между тѣмъ и въ настоящее время мы уже имѣемъ оффиціальное сообщеніе [2]), что «озимые посѣвы въ Самарской губ. неудовлетворительны, въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ даже плохи. Пересѣвы озимыхъ полей яровыми хлѣбами были по всей губерніи, особенно были значительны они въ Николаевскомъ уѣздѣ. Мѣстами поля повреждены засухою, мѣстами—градомъ, мѣстами червемъ и мышами. Виды на урожай въ большинствѣ уѣздовъ неудовлетворительны или плохи».

Естественно, что подобныя, далеко неутѣшительныя, сообщенія должны обратить вниманіе какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій и заставить ихъ позаботиться о своевременной встрѣчѣ надвигающейся бѣды. По словамъ «Русск. Вѣд.», министерство финансовъ обратилось въ Саратовскую губернскую земскую управу съ просьбою—собрать данныя о необходимыхъ средствахъ для народнаго продовольствія; нѣкоторыя изъ запоздалыхъ земскихъ собраній также въ свою очередь занялись разсмотрѣніемъ вопроса о народномъ продовольствіи.

Начальникъ Курской губ., гр. А. Д. Милютинъ, открывая 10 іюня экстренное земское собраніе, въ своей привѣтственной рѣчи коснулся также и продовольственнаго вопроса. «Въ числѣ вопросовъ, которые предстоятъ вашему разрѣшенію теперь, есть весьма важные и существенные; на первомъ планѣ нужно поставить вопросъ о народномъ продовольствіи. Къ сожалѣнію, я долженъ констатировать тотъ фактъ, что нынѣшній годъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе зимы населеніе будетъ нуждаться въ помощи; вамъ предстоитъ теперь серьезная задача—разобраться въ этомъ дѣлѣ, опредѣлить тѣ мѣстности, которыя уже теперь настолько пострадали, что уже въ настоящее время можно опредѣлить степень нужды, которая постигнетъ населеніе въ теченіе зимы и до будущаго урожая. Примите, гг., въ соображеніе, что вопросъ о народномъ продовольствіи и своевременномъ обсѣмененіи полей есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ земства. Хлѣбозапасные магазины наши, къ сожалѣнію, далеко не полны; озимый хлѣбъ въ среднемъ счетѣ засыпанъ 70%. Нельзя этого сказать о всѣхъ мѣстностяхъ: есть мѣстности, гдѣ засыпаны полностью, но за то есть мѣстности, гдѣ засыпки совершенно отсутствуютъ. Производя за послѣднее время ревизію, я убѣдился въ грустномъ фактѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне самовольно разобрали магазины; это фактъ чрезвычайно грустный, который не долженъ повторяться, и чтобы онъ не повторялся, земскія собранія, какъ уѣздныя, такъ и губернское, должны заранѣе войти въ разсмотрѣніе нужды, заранѣе предупредить эту нужду и заранѣе озаботиться пріисканіемъ средствъ къ отвращенію этихъ нуждъ. Почему, прошу васъ особенно серьезно отнестись къ этому во-

[1]) «Урожай 1891 г. по Орловской губ. и его послѣдствія», стр. 40 и слѣд.

[2]) «Торгово-промышл. Газета», № 134.

просу и, если ходатайства уѣздныхъ управъ и не будутъ достаточно мотивированы, то *не стѣсняйтесь формальностью и не придавайте большого значенія буквѣ закона*, разработайте здѣсь совмѣстными трудами, чтобы привести дѣло къ благополучному окончанію» [1]). Сказавъ еще нѣсколько словъ о дорожномъ капиталѣ, который, по мнѣнію г. Милютина, есть ничто иное, какъ «правительственный подарокъ», а потому расходоваться долженъ болѣе чѣмъ осмотрительно и обдуманно, начальникъ губерніи объявилъ собраніе открытымъ. Выдающимися докладами явились, какъ и слѣдовало ожидать: 1) докладъ о степени обезпеченія народнаго продовольствія и 2) докладъ о ходѣ оцѣночно-статистическихъ работъ. Пока остановимъ свое вниманіе только на первомъ изъ нихъ.

По мнѣнію управы, въ текущемъ году въ Курской губерніи предстоитъ весьма значительный недородъ озимыхъ хлѣбовъ [2]). Недородъ охватываетъ большую часть губерніи, а размѣръ недобора опредѣляется уѣздными управами (принимая средній урожай въ 70 пуд. на десятину), въ 65 пуд. въ Фатежскомъ уѣздѣ и нѣкоторой части Льговскаго; въ 60 п. въ Щигровскомъ у. и 40—50 пуд.—въ большей части остальныхъ уѣздовъ. Изъ Льговскаго, Фатежскаго и Щигровскаго слѣдуетъ ожидать требованій въ ссудахъ на обсѣмененіе. Что касается вопроса о продовольствіи, то пока судить о размѣрахъ ссудъ, впредь до разсмотрѣнія вопроса на уѣздныхъ собраніяхъ, преждевременно. Конечно, прежде всего на продовольствіе будутъ обращены запасы хлѣба, находящіеся въ магазинахъ сельскихъ обществъ [3]).

Придавая весьма важное значеніе тому, чтобы къ зимѣ текущаго года оставалось въ запасныхъ магазинахъ возможно большее количество

---

[1]) «Курския Губ. Вѣд». № 126.

[2]) По даннымъ, сообщаемымъ уѣздными земскими управами, виды на урожай озимыхъ по отдѣльнымъ уѣздамъ таковы: 1) въ Щигровскомъ—пшеница пропала вся. Рожь едва-ли дастъ болѣе $^1/_6$ средняго урожая. 2) въ Льговскомъ—въ среднемъ 4—5 копенъ съ десятины; мѣстами до 7—8, но мѣстами не возвратятъ и сѣмянъ. 3) въ Курскомъ—въ волостяхъ: Троицкой, Старковской, Рышковской, Долговской, Стрѣлецкой, Чаплыгинской, Муравлевской и Казацкой—озимые ранняго сѣва пропали, средняго—посредственны. Посредственны и въ волостяхъ Колоденской, Спасской и, Ямской. 4) Въ Фатежскомъ—въ Смородинской волости—урожай не превысить 5 пудовъ на десятину. Въ Поныровской и Горяиновской часть полей не возвратитъ сѣмянъ и остальная часть очень плоха. Въ Дмитріевской и Здобниковской — очень плохи. Въ остальныхъ волостяхъ—плохи (не болѣе $^1/_2$ средняго урожая). 5) Въ Тимскомъ—очень неудовлетворительные, и хотя послѣ майскихъ дождей сталъ подходить подземъ, но за то поврежденіе хлѣбовъ гессенскою мухою продолжается. 6) Въ Суджанскомъ—въ общемъ неудовлетворительны. 7) Въ Старооскольскомъ — пшеница пропала совсѣмъ. Рожь ниже средняго

[3]) По свѣдѣніямъ уѣздныхъ управъ въ настоящее время въ магазинахъ на лицо имѣется: въ Дмитріевскомъ уѣздѣ 32,424 четв.; въ Курскомъ — 20,248 четв.; Льговскомъ—17,004 четв.; Новооскольскомъ—43,276 четв.; Обоянскомъ—38,115 четв.; Путивльскомъ—31,131 четв.; Старооскольскомъ—44,373 четв.; Суджанскомъ—33.958 ч.; Тимскомъ—19,077 четв.; Фатежскомъ—12,228 четв.; Щигровскомъ—18,441 четв.

хлѣба, губернская управа постановила 28 мая прекратить временно выдачу хлѣба, въ виду того, что въ настоящее время цѣна на рожь весьма низка и населеніе можетъ имѣть сторонніе заработки въ частновладѣльческихъ экономіяхъ [1]). На распоряженіе управы о пріостановкѣ выдачи хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ до осени, изъ уѣздныхъ управъ поступили отзывы, въ которыхъ всѣ управы, за исключеніемъ Льговской, высказались о цѣлесообразности такой мѣры; на собраніи-же противъ нея сильно возстали гл. Н. В. Ширковъ и В. Е. Якушкинъ, причемъ послѣдній, ссылаясь на то, что законъ требуетъ, чтобы выдачи производились всякій разъ по особому разсмотрѣнію каждаго отдѣльнаго случая, нашелъ неудобнымъ допускать огульное запрещеніе выдачи и предложилъ внести слѣдующую поправку: «разрѣшать выдачи по строгому обслѣдованію каждаго отдѣльнаго случая, какъ по отношенію нужды настоящей, такъ и будущаго года». Съ этой поправкой согласилось и все собраніе, постановившее кромѣ того «открыть кредитъ губернской земской управѣ изъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала въ размѣрѣ его наличности, именно въ 94,316 р. 61 к., на осеннее обсѣмененіе полей, если таковое гдѣ понадобится [2]).

На экстренномъ земскомъ собраніи 18 мая въ г. Ельцѣ самое видное мѣсто, по словамъ «Русск. Вѣд.» [3]), также занялъ вопросъ *о состояніи озимыхъ посѣвовъ и о мѣропріятіяхъ по народному продовольствію.* Однимъ изъ самыхъ сильныхъ враговъ, съ которымъ тщетно борятся землевладѣльцы Елецкаго уѣзда—это гессенская муха, присутствіе которой въ уѣздѣ впервые было открыто въ 1880 г. проф. Линдеманомъ. Съ тѣхъ поръ гессенская муха, съ бо́льшею или меньшею силою, распространилась чуть-ли ни по всей губерніи, значительно принося вредъ озимымъ хлѣбамъ [4]). Въ нынѣшнемъ году, какъ видно изъ доклада управы, она, несмотря на упорную борьбу, опять удостоила своимъ посѣщеніемъ крестьянскія поля и свирѣпствуетъ съ такою силою, что въ настоящій моментъ урожай можно считать далеко ниже средняго. Елецкіе земцы, заслышавъ приближающуюся грозу, со всѣми ея печальными послѣдствіями, внимательно и чутко прислушивались къ голосамъ, рисующимъ самыя безотрадныя картины недалекаго будущаго и единогласно постановили ассигновать 100,000 р. на покупку хлѣба, пользуясь въ настоящее время *низкой цѣной его,* чтобы потомъ продавать крестьянамъ по заготовительной цѣнѣ. Кромѣ того собраніе постановило ходатайствовать объ отпускѣ 5,000 руб. изъ продовольственнаго губернскаго капитала для раздачи купленнаго на эту сумму хлѣба въ ссуду крестьянамъ. Мало того, находя всѣ эти мѣры недостаточными, собраніе единогласно постановило, какъ передаютъ «Русск. Вѣд.», «ходатайствовать передъ

[1]) «Курскій Листокъ», № 68.

[2]) «Курск. Губ. Вѣд.», № 126; «Орловск. В.», № 161.

[3]) «Русск. Вѣд.» 1897 г., № 143.

[4]) 1887 г. Орловск. губ. въ с.-хоз. отн. М. 1887 г., стр. 187 и слѣд.

правительствомъ о пріостановкѣ взысканія государственныхъ повинностей съ крестьянъ Елецкаго уѣзда въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ въ виду возможнаго раззоренія ихъ при понудительныхъ мѣрахъ взысканія въ данное время, такъ-какъ, несмотря на удовлетворительный урожай 1896 г., крестьянамъ пришлось израсходоваться на пріобрѣтеніе яровыхъ сѣмянъ, которыя были запроданы осенью *на покрытіе податей*, также и на покупку хлѣба, въ которомъ крестьяне стали нуждаться съ наступленіемъ весны».

Вопросъ о народномъ продовольствіи издавна занималъ какъ земства, такъ и правительство. Не мало мѣста удѣляло ему со дня призванія къ жизни земскихъ учрежденій и Орловское земство, поднявшее еще въ 1866 г. вопросъ о скорѣйшей передачѣ извѣстной части «Имперскаго продовольственнаго капитала» въ вѣдѣніе земства. Капиталъ этотъ, въ количествѣ 325,678 р. 79 к., по распоряженію правительства былъ переданъ въ Орловское отдѣленіе Государственнаго Банка [1]). Насколько чувствовалась необходимость въ продовольственномъ капиталѣ, лучше всего говорятъ тѣ просьбы, которыя начали поступать въ слѣдующемъ же (1867) году. Уѣздныя управы, ходатайствуя объ удовлетвореніи ихъ. доводили до свѣдѣнія губернской управы, что «жители нѣкоторыхъ мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожаевъ, не имѣли ни хлѣба, ни овощей и питались одними желудями, отъ употребленія которыхъ начали развиваться повальныя болѣзни».

Недостатокъ хлѣба, какъ доказано наукой, постоянно предрасполагаетъ къ массовымъ заболѣваніямъ, не только голоднымъ тифомъ, но и всякою другою заразною болѣзнью. Характерно то, что даже нашъ злѣйшій врагъ—холера—и та регулярно посѣщаетъ насъ вслѣдъ за неурожаями. Такъ, въ 1847 г., по даннымъ д-ра Архангельскаго [2]), урожай хлѣбовъ былъ повсемѣстно посредственнымъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже весьма скуднымъ и въ слѣдующемъ-же году, при еще худшемъ урожаѣ, разразилась самая жестокая изъ холерныхъ эпидемій, посѣщавшихъ когда-либо Россію. Что касается недавней эпидеміи, то навѣрное еще никто не забылъ, что она явилась сейчасъ-же вслѣдъ за 1891 г., когда частныя лица и общественныя учрежденія, поспѣшившія придти на помощь голодающему населенія, открыли вторую Америку въ лицѣ *голоднаго тифа*, вызвавшаго къ жизни, такъ называемые, лѣчебно-продовольственные пункты, составившіе одну изъ важнѣйшихъ заботъ о нуждахъ мѣстнаго населенія большинства земскихъ учрежденій.

Вполнѣ понятно, что Орловское земство не сразу отыскало твердую почву и направило продовольственное дѣло въ необходимомъ направленіи. Страшная нужда, заставлявшая жителей, какъ мы уже упомянули, питаться всевозможными суррогатами, поставила земство въ довольно

---

[1]) Отч. Г. З. У. о дѣйств. ея за первый періодъ. Орелъ. 1869 г.

[2]) Сборникъ соч. по суд. мед. 1872 г., т. I.

безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе что земство получило хлѣбозапасные магазины въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ [1]). Несмотря однакоже на свое безвыходное положеніе, земство, стараясь оказать посильную помощь населенію, стремилось по мѣрѣ силъ урегулировать продовольственное дѣло. Начиная съ 60-хъ годовъ, оно стремилось точно изслѣдовать нужды населенія, заботилось о возростаніи продовольственнаго капитала и пополненіи хлѣбозапасныхъ магазиновъ и вырабатывало проекты, какъ для лучшей постановки продовольственнаго дѣла, такъ и для болѣе справедливаго распредѣленія и пополненія розданныхъ суммъ продовольственнаго капитала и хлѣба. Слѣдующіе за тѣмъ семидесятые годы начались ходатайствами уѣздныхъ земствъ о разсрочкѣ платежа недоимокъ продовольственнаго капитала, быстрый ростъ которыхъ заставилъ серьезно позаботиться земство объ изслѣдованіи ихъ причинъ [2]).

Хлѣбныя недоимки изъ года въ годъ ростутъ и за все 12-лѣтіе не было ни одного года, когда бы населеніе удовлетворилось собственными запасами, не обращаясь за ссудой. Земство, какъ мы уже упомянули выше, обратило серьезное вниманіе на изученіе причинъ, какъ недоимочности, такъ и постояннаго заимствованія ссудъ, результатомъ чего въ 1876 г. былъ представленъ очередному собранію замѣчательный докладъ Губернской управы «объ упадкѣ благосостоянія крестьянъ».

«Однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, читаемъ мы въ этомъ докладѣ, обѣдненія крестьянъ—это то, что единственный получаемый ими доходъ отъ земли недостаточенъ на покрытіе его расходовъ, чрезъ что недоимки на нихъ съ каждымъ годомъ возростаютъ». Сообщивъ за тѣмъ цифры недоимокъ, управа перечисляетъ главнѣйшія причины ихъ: 1) неурожаи; 2) семейные раздѣлы; 3) отсутствіе кредита у крестьянъ; 4) не-

---

[1]) Земск. сб. Черниг. губ. 1892 г. № 8—9 И. П. Бѣлоконскій. Народное продовольствіе въ Орловск. губ. въ земскій періодъ стр. 101.

[2]) Нижеслѣдующая таблица даетъ ясное понятіе о ростѣ крестьянскихъ недоимокъ.

	Хлѣбная недоимка.		Денежная недоимка.	
	Яроваго	Озимаго	Губ. продов. капит.	Обществ. капит.
Годы.	въ четвертяхъ.			
1876	171,915,5	262,260 3/4	—	95,961
1877	169.298	315,293	235,328,22	132,151
1878	167,652	321,346	—	121,758
1879	197,928	354,298	—	115,135
1880	166,446	309,680	167,774	242,185
1881	209,494	400,030	—	265,732
1882	190,965	362,130	149,840	260,664
1883	207,022	407,307	283,659	185,041
1884	215,816	399,175	121,534	289,792
1885	207,065	390,151	297,096	315,197
1886	—	—	350,567	—
1887	185,473,5	358,354	261,678	392,979

Данныя заимств. у И. П. Бѣлоконскаго: Зем. Сб. Черн. губ. 1892 г. № 8—9 стр. 156—160 и сел. хоз. обзоръ Орловск. губ. за 1887/88 г. Орелъ 1888 г. стр. 73—76.

грамотность, 5) пьянство; 6) общинное владѣніе и круговая порука; 7) густота населенія и стѣсненіе переселеній; 8) истребленіе лѣсовъ; 9) скотскіе падежи; 10) недостатокъ правилъ о наймѣ рабочихъ: 12) предоставленіе полиціи права взысканія недоимокъ. Докладъ заканчивается просьбою губернской управы къ собранію: «обратить свое особенное вниманіе на удовлетворительное разрѣшеніе вопроса, такъ какъ сельское населеніе составляетъ органическую часть цѣлаго земства. Всякое же болѣзненное состояніе органовъ безъ скорой и дѣйствительной помощи влечетъ за собою разстройство и порчу всего организма, почему необходимы радикальныя мѣры, пока болѣзнь не приметъ хроническое или острое осложненіе» [1]).

Однако, несмотря на такое попеченіе о продовольственныхъ нуждахъ населенія, земства, какъ губернское такъ и уѣздныя, созерцая постоянную убыль продовольственныхъ капиталовъ и почти незамѣтный возвратъ выданныхъ ссудъ, силою вещей были вынуждены «принять *всѣ мѣры, указанныя въ законахъ*, ко взысканію этого капитала съ тѣмъ, что если и съ принятіемъ этихъ мѣръ продовольственный капиталъ не будетъ вполнѣ уплаченъ крестьянами, то подробно и точно разслѣдовать ближайшіе къ тому причины» [2]). Независимо отъ этого, губернская управа просила орловскаго губернатора предписать мѣстнымъ уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они приняли болѣе энергическія мѣры къ уплатѣ числящихся за ними недоимокъ продовольственнаго капитала; кромѣ того, управа обращалась и въ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, прося ихъ оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ [3]). Просматривая журналы земскихъ собраній за 70-тые и 80-тые годы, невольно обращаешь вниманіе на упорную борьбу земства съ бѣдствіями населенія, на безуспѣшность «зависящихъ» мѣръ къ понужденію болѣе быстрой уплаты продовольственныхъ ссудъ, на постоянное, чуть-ли не изъ году въ годъ повторяющееся, предложеніе,—какъ можно тщательнѣе изучать экономическое благосостояніе губерніи и на совершенное почти безсиліе земства передъ стихійными бѣдствіями.

Вопросы о народномъ продовольствіи въ той же степени или даже послѣднее время большей волновали чрезвычайныя земскія собранія въ г. Казани [4]), въ Смоленскѣ [5]) и спеціально созванное для обсужденій мѣропріятій на случай могущаго быть неурожая въ Петрозаводскѣ [6]).

Казанская губернская управа въ своемъ докладѣ нарисовала довольно неутѣшительную картину состоянія хлѣбныхъ посѣвовъ. Съ половины

---

[1]) Обзоръ за 188⁷/₈ г. стр. 77.

[2]) Журналы XII очереднаго Орловскаго губерн. земск. собранія 1878 г.

[3]) Земскій сборн. Черниг. губ. 1892 г. № 8—9 стр. 110.

[4]) «Русск. Вѣд.», 1897 г., № 156 и 188, «Камско-Волжскій край 1897 г. № 435.

[5]) «Смоленскій Вѣстникъ», 1897 г., № 49 и 50.

[6]) Телегр. Россійск. Телегр. Агентства отъ 6 іюня и «Олонецкія Губ. Вѣд.», 1897 г., № 51.

апрѣля повсемѣстно въ губерніи стояла сухая погода, вслѣдствіе чего посѣвы хлѣбовъ, какъ озимаго, такъ и яровыхъ частью совершенно погибли, частью находятся въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, которое исключаетъ всякую возможность надѣяться на урожай сколько нибудь сносный. На озимыхъ поляхъ въ значительной части губерніи рожь пожелтѣла и высохла, не дозрѣвши, и только въ мѣстахъ низкихъ и сырыхъ еще держится какъ будто здоровой. Что же касается яровыхъ полей, то эти послѣднія, по выраженію сельскихъ хозяевъ, «черны», т. е. на нихъ вовсе нѣтъ растительности. Такая неутѣшительная перспектива будущаго урожая въ свою очередь вызвала докладъ о состояніи хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Изъ доклада выяснилось, что въ распоряженіи земства въ настоящее время имѣется въ хлѣбныхъ магазинахъ озимаго хлѣба 414,623 четверти и яроваго 127,416 четвертей, каковые запасы зерна, конечно, могутъ оказаться недостаточными въ случаѣ, если крестьянскому населенію, еще не вполнѣ оправившемуся послѣ неурожаевъ 1890 и 1891 годовъ, потребуется выдавать ссуды на обсѣмененіе полей и продовольствіе повсемѣстно въ губерніи. Губернскаго продовольственнаго капитала имѣется въ распоряженіи земства только на сумму 42,739 руб., а общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ на 419,219 руб. Собраніе, выслушавъ докладъ управы о вышеизложенномъ, а также заявленія со стороны гласныхъ о безнадежномъ состояніи посѣвовъ, постановило: уполномочить губернскую земскую управу возбудить предъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о предоставленіи земству права заготовки хлѣба, въ случаѣ если это окажется необходимымъ, какъ на губернскій, такъ и на общественные продовольственные капиталы, въ видахъ заблаговременной и болѣе сходной закупки и своевременнаго снабженія ссудами крестьянскаго населенія губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило губернской управѣ предложить всѣмъ уѣзднымъ земскимъ управамъ выяснить по возможности скорѣе и самымъ тщательнымъ образомъ размѣръ помощи населенію въ продовольствіи или въ обсѣмененіи полей, которая можетъ потребоваться вслѣдствіи нынѣшняго неурожая.

На Смоленскомъ земскомъ собраніи обсуждались старыя продовольственныя уплаты. Бѣльское, Дорогобужское, Краснинское и Юхновское уѣздныя земства представили собранію ходатайства объ отсрочкѣ уплаты продовольственныхъ ссудъ до слѣдующаго урожая. Мотивомъ ходатайства, какъ можно было предположить заранѣе, были плохіе урожаи предшествующихъ лѣтъ. Что касается Олонецкаго земскаго собранія, то пока въ нашемъ распоряженіи имѣется рѣчь губернатора, въ которой онъ, открывая собраніе, обратилъ вниманіе гласныхъ на необходимость серьезно отнестись къ обсужденію предложеннаго вопроса въ виду ограниченности средствъ губернскаго продовольственнаго капитала.

«Къ этому вопросу, вообще, слѣдуетъ отнестись крайне строго разборчиво и осторожно и имѣть въ виду, что Олонецкая губернія, не бу-

дучи земледѣльческой, имѣетъ громадныя преимущества—въ крайне разнообразныхъ промыслахъ, дающихъ прекрасные заработки. Пятилѣтнее мое знакомство съ краемъ даетъ мнѣ полное право съ увѣренностью сказать, что населеніе въ достаткѣ, въ довольствіи и не знаетъ нужды. *Склонность же населенія къ легкой наживѣ, при отсутствіи труда—есть къ сожалѣнію, его свойство* (?), а при этомъ увѣренность, что такъ или иначе, въ помощи отказа не будетъ, можетъ лишь вызвать съ его стороны незаконное стремленіе продовольствоваться на счетъ земства».

Заканчивая этою странною рѣчью губернатора нашу статью, мы присоединяемся къ словамъ, высказаннымъ «Недѣлею» [1]), о необходимости для предупрежденія надвигающагося бѣдствія *скорѣе подсчитать* предстоящія потребности, придвинуть средства помощи, безъ потери времени, къ мѣстамъ нужды и обсудить порядокъ постепеннаго доставленія туда всего, что очевидно будетъ необходимо. При подобныхъ условіяхъ новая нужда можетъ не оставить столь глубокихъ слѣдовъ въ экономическомъ положеніи населенія, какія оставляли прежніе сильные неурожаи.

Въ этихъ видахъ прежде всего желателенъ неотложный созывъ земскихъ собраній въ неурожайныхъ губерніяхъ для болѣе точнаго опредѣленія степени мѣстной нужды; не только земскимъ управамъ, но и отдѣльнымъ гласнымъ слѣдуетъ внимательно присмотрѣться къ окружающимъ ихъ селеніямъ, чтобы давать вѣрнѣйшія заключенія. Въ то-же время необходимо собрать данныя объ избыткахъ, которые могутъ дать губерніи благополучныя. Средства, могущія понадобиться для первоначальной помощи, надо дать нуждающимся губерніямъ не позже окончанія жатвы. Перевозка изъ губерній, признанныхъ благополучными, должна быть организована заранѣе и подчинена опредѣленному плану, устраняющему всякія серьезныя помѣхи въ горячую пору, для чего слѣдуетъ сосредоточить, гдѣ нужно, достаточное количество подвижнаго состава. И точно также необходимо скорѣе опредѣлить порядокъ закупокъ съ совмѣстнымъ участіемъ правительственныхъ и общественныхъ представителей. А съ другой стороны слѣдуетъ воздержаться отъ практиковавшихся въ 1891 году способовъ «общественныхъ работъ», которыя, надѣлавъ много шума и произведя массу путаницы, стоили дорого, нерѣдко обращались не въ пользу дѣйствительно нуждавшихся и вообще оставили по себѣ странную память.

---

[1]) 1897 г., № 26, ст. «Надвигающаяся бѣда».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣсти о неурожаѣ.—Упорядоченіе хлѣбной торговли.—Результаты винной монополіи.—Водвореніе металлическаго обращенія.

Вѣсти о грозящемъ недородѣ на обширномъ пространствѣ нашей земледѣльческой страны текутъ со всѣхъ сторонъ такъ настоятельно и тревожно, что и въ настоящей книжкѣ приходится продолжать печальную хронику, передъ которой блѣднѣютъ разныя временныя и скоропреходящія несчастія, какими наполняются обыкновенно столбцы нашихъ газетъ. Еще въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая оффиціальныя свѣдѣнія установили плохое состояніе посѣвовъ въ цѣлыхъ обширныхъ районахъ, но при этомъ выражалась слабая надежда, что дѣла еще могутъ поправиться. Съ тѣхъ поръ, правда, кой-гдѣ посѣвы поправились, но за то обнаружилась полная порча ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ожидался удовлетворительный урожай. Не могли исправить посѣвовъ и перепашки озимей, производимыя въ широкихъ размѣрахъ. Такъ, на югѣ и юго-западѣ большія площади погибшихъ озимей, главнымъ образомъ, пшеницы, были пересѣяны яровыми хлѣбами, во многихъ хозяйствахъ пересѣвы составляли 30—50% всего озимаго клина, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ озимыя поля были сплошь перепаханы и пересѣяны яровыми. Въ средневолжскихъ губерніяхъ вслѣдствіе засухи остались еще съ осени незасѣянными многія поля, предназначенныя подъ посѣвъ овощей. Все это не предвѣщало ничего хорошаго. Къ довершенію горя въ большинствѣ мѣстностей черноземной полосы скотъ вышелъ въ поле тощимъ и изнуреннымъ, ибо кормы были плохого качества. При томъ, даже согласно оффиціальнымъ даннымъ, въ центральныхъ земледѣльческихъ и средневолжскихъ губерніяхъ, т. е. въ районѣ съ 12—15 милл. жителей, яровая солома была сильно попорчена мышами, и уже къ началу весны въ ней ощущался недостатокъ, такъ что много скота было продано за безцѣнокъ. Но тогда бѣда только еще надвигалась. Всѣ еще таили надежду, что въ черноземной полосѣ пройдутъ дожди, и гибельное вліяніе весенней засухи будетъ парализовано, а на югѣ, гдѣ неожиданно поя-

вилось влаги больше чѣмъ нужно, наступитъ болѣе сухая погода. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Прошло время уборки, и поправки хлѣбовъ въ «сомнительныхъ по урожаю» мѣстностяхъ не только не воспослѣдовало, но оказался неурожай и во многихъ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ виды на него были хороши. Волна народнаго бѣдствія разлилась широко и захватила не меньшее пространство, чѣмъ въ печальной памяти 1891 и 1892 года; даже въ губерніяхъ, признаваемыхъ благополучными, тамъ и сямъ разсѣяны большія темныя пятна съ погибшими посѣвами. Болѣе сплошныя неурожайныя полосы захватили самыя хлѣбородныя губерніи—черноземныя, а съ ними вмѣстѣ южныя, юговосточныя и нижневолжскія, только начавшія было оправляться отъ прежнихъ жестокихъ недородовъ. Въ Нижегородской губерніи поражена большая, южная половина. Вездѣ плохи и травы; въ Княгининскомъ уѣздѣ хлѣбъ засыхаетъ на корню, и на озими пускаютъ скотъ. Печально состояніе Сергачскаго, Арзамасскаго и Ардатовскаго уѣздовъ; засуха захватила также южныя части Нижегородскаго и Семеновскаго уѣздовъ. Въ Казанской губерніи урожайность болѣе пестрая, но вѣсти все же очень тревожныя, и губернское земство заранѣе стало принимать мѣры, чтобы голодовка не застала врасплохъ населеніе, неуспѣвшее еще оправиться отъ прежнихъ невзгодъ, потонувшее въ долгахъ и недоимкахъ. Злосчастной Самарской губерніи, задолжавшей многіе милліоны, гдѣ населеніе только что стало оправляться, вновь заводить скотъ, птицу, возобновлять заброшенные посѣвы и пр., опять грозитъ недоборъ хлѣбовъ на большомъ пространствѣ. Изъ полученныхъ въ губернской земской управѣ свѣдѣній видно, что такого недобора надо ожидать въ большинствѣ мѣстностей. Всюду указывается на плохое состояніе ржи, которая мѣстами совсѣмъ погибла; яровые также плохи, кое-гдѣ появилась блоха, которая «стрижетъ хлѣбъ у корня», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдалась мгла, погубившая стебли пшеницы. Хуже всего въ степныхъ уѣздахъ: въ Новоузенскомъ выгорѣли и рожь и травы; косари изъ верховыхъ губерній, пришедшіе въ степи на покосъ, возвращались обратно въ виду неурожая травъ. Не лучше, если не хуже дѣла и въ Саратовской губерніи, особенно въ южной ея части—въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ; по послѣднимъ извѣстіямъ, пострадали хлѣба также въ Саратовскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ, а въ Вольскомъ пропали озими. Изъ сосѣдней Пензенской губерніи тоже такія извѣстія, особеннно изъ Краснослободскаго уѣзда, гдѣ пропали озими. Полоса неурожая прошла по всей степной черноземной полосѣ и дошла до срединныхъ промышленныхъ округовъ Имперіи. Въ Тамбовской губ. отъ засухи все посохло и завяло. Что не додѣлала засуха, то доканчиваетъ гессенская муха; въ большинствѣ мѣстностей пшеница обречена на сѣно, овесъ рѣдокъ, другія подсобныя растенія пропадаютъ. Даже сѣверныя части губерніи, гдѣ колебанія урожайности всегда были меньше, и тѣ по послѣднимъ извѣстіямъ обречены на голодовку. Изъ всѣхъ уѣздовъ сыплются сооб-

щенія, что тамбовскимъ крестьянамъ грозитъ страшный призракъ 1891 г. Въ Воронежской губерніи, гдѣ послѣ засухи были дожди, хлѣба нѣсколько поправились, но во многихъ мѣстностяхъ они вовсе не взошли, и въ общемъ предвидится урожай ниже средняго. Въ Орловской губ. озимые пострадали отъ засухи въ сельскихъ хлѣбородныхъ уѣздахъ—въ Елецкомъ, Малоархангельскомъ, и особенно въ Ливенскомъ, гдѣ хлѣба доканала гессенская муха; здѣсь пересѣяно до 50% всѣхъ озимей, всходы ржи такъ плохи, что и ихъ перепахиваютъ; въ другихъ уѣздахъ пестрый урожай, есть цѣлые раіоны, пораженные засухою. Яровые въ губерніи также плохи, и населеніе крайне встревожено: начали распродавать скотину и покупать хлѣбъ для будущаго продовольствія; но ему угрожаетъ такой кризисъ, что собственными средствами все равно обойтись не придется. Сосѣдняя Курская губернія, болѣе далекая отъ сухихъ вѣтровъ и прежде такъ мало страдавшая отъ неурожаевъ, также находится въ предвидѣніи кризиса, ибо надежды на поправку плохихъ весеннихъ посѣвовъ не оправдались. Южныя губерніи—Таврическая, Херсонская, Подольская, а также Кіевская пострадали отъ ливней, въ большинствѣ мѣстностей ожидается не только недоборъ пшеницы, но еще сильнѣе пострадали посѣвы свекловицы, рапса, клевера и др. цѣнныхъ растеній, на культуру которыхъ возлагаютъ столько надеждъ въ смыслѣ перехода отъ односторонняго хлѣбнаго производства къ болѣе разнообразнымъ. Неблагопріятны извѣстія и изъ Пермской губерніи, гдѣ о засухѣ съ сильными вѣтрами имѣются сообщенія изъ трехъ пріуральскихъ и трехъ южныхъ прикамскихъ уѣздовъ; особенно плохи посѣвы въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Во многихъ мѣстахъ губерніи на озими пускаютъ скотъ. Засуха перешла и за уралъ; въ Акмолинской области сушь стояла съ весны до первыхъ чиселъ іюля, только въ послѣднее время были дожди, немного поправившіе хлѣба, но сборъ всетаки ожидается плохой, травы выжжены, киргизскія стада терпятъ потери и откочевываютъ къ югу. Мѣстности съ ожидаемымъ недородомъ имѣются и въ центральныхъ губерніяхъ, такъ напр. бездождіе наблюдалось въ Козельскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ Калужской губерніи. Но здѣсь это не такъ страшно въ силу промышленнаго характера края.

Такимъ образомъ, всѣ неотразимыя данныя устанавливаютъ фактъ предстоящей голодовки во многихъ раіонахъ земледѣльческой Россіи. Правда, ожидаемое бѣдствіе будетъ, вѣроятно, менѣе интенсивно, чѣмъ въ 1892 г., но если къ приведенному здѣсь своду пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей прибавить указанныя въ прошломъ обозрѣніи, то окажется, что охваченная недородомъ площадь будетъ не меньше, если не больше, чѣмъ въ томъ несчастномъ году. Послѣдствія недорода уже начали обнаруживаться и теперь съ немалой силою, какъ предостерегающіе симптомы. Цѣны на хлѣбъ рѣзко повышаются въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, и крестьяне, не имѣющіе ни запасовъ, ни новаго хлѣба, не въ состояніи будутъ купить хлѣба даже на обсѣмененіе; предложеніе рабочихъ рукъ,

не находящихъ приложенія на собственныхъ поляхъ, усиливается, а съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ и заработная плата сельскимъ рабочимъ; изъ неурожайныхъ мѣстностей многіе, бросивъ свою землю, уходятъ на заработки куда глаза глядятъ, хлопочатъ о переселеніи и пр. Многіе перестали снимать земли, что повело къ упадку арендныхъ цѣнъ; въ виду необходимости прикупать хлѣбъ крестьяне, какъ всегда бываетъ, начали сжиматься, сокращать свои потребности, воочію подтверждая мнѣніе о приспособляемости русскаго мужика, его домашняго обихода вообще и его брюха въ частности къ самымъ невозможнымъ условіямъ. Многіе дворы обезлошадѣли; скотъ стали продавать за безцѣнокъ, ибо кормить его нечѣмъ, да и деньги нужны. Рядомъ съ этимъ появились спекулянты по скупкѣ скота и другіе, пользующіеся нуждою населенія, задолженность котораго стала возростать; особенно чувствительно было лишиться скота для тѣхъ, которые только что стали оправляться отъ прежнихъ неурожаевъ и заводить рабочій скотъ. Всѣ эти симптомы не могли не безпокоить мѣстныя земства и другія сферы. Состоялось нѣсколько экстренныхъ земскихъ собраній по обсужденію мѣръ для помощи голодающимъ. Елецкое земское собраніе ассигновало 100 тыс. р. на закупку хлѣба, пока онъ еще не очень вздорожалъ, чтобы потомъ продавать его крестьянамъ по заготовленной цѣнѣ. Казанское губернское земское собраніе постановило уполномочить губернскую управу возбудить ходатайство о предоставленіи земству права заготовки хлѣба, въ случаѣ надобности, какъ на губернскій, такъ и на общественные продовольственные капиталы, въ видахъ заблаговременной и болѣе сходной закупки и своевременнаго снабженія населенія. Изъ разныхъ мѣстъ поступаютъ ходатайства о ссудахъ на обсѣмененіе полей, болѣе всего по Саратовской губерніи; кой-гдѣ начались выдачи изъ продовольственнаго капитала для раздачи хлѣба въ ссуду крестьянамъ. Немало также ходатайствуютъ о пріостановкѣ взысканія государственныхъ податей, объ отсрочкѣ долговыхъ платежей землевладѣльцевъ. Здѣсь мы наталкиваемся на одно изъ многихъ отрицательныхъ послѣдствій усиленнаго покровительства индустріально-капиталистическому строю въ ущербъ интересамъ основной отрасли сельскаго хозяйства. При всякомъ потрясеніи этой отрасли терпитъ и государственное хозяйство, прежде всего—въ видѣ недобора платежей; однѣ недоимки громоздятся на другія, и значительную часть ихъ волей-неволей приходится списывать въ общефинансовомъ балансѣ «на счетъ убытковъ», какъ безнадежныя. Что касается неурожая, какъ совершившагося факта, можно утѣшаться только тѣмъ, что во время все узнали и есть возможность не запустить голода, какъ раньше, а принять широкія мѣры. Быстрота при этомъ необходима въ особенности въ виду того, что неурожай захватилъ рядъ мѣстностей, жестоко обезсиленныхъ и не успѣвшихъ оправиться отъ прежнихъ неурожаевъ. При этомъ нельзя выбирать ту или другую мѣру, а надо пускать въ ходъ всѣ, какія раньше оказались полезными на опытѣ—т. е. и продажу зерна по де-

шевой цѣнѣ, и ссуды, и организацію продовольствія, и столовыя, и промысловые заработки. Врагъ близко, и его надо встрѣтить во всеоружіи.

Въ концѣ августа къ сонму разнообразныхъ коммисій при министерствѣ финансовъ присоединяется новая—по вопросу далеко не новому и давно наболѣвшему: объ упорядоченіи хлѣбной торговли. Уже двадцать лѣтъ, какъ въ литературѣ и въ правительственныхъ сферахъ обращено вниманіе на плохую организацію хлѣбной торговли, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, обостряющихъ общій сельско-хозяйственный кризисъ. Какъ на вредныя стороны этой торговли, указывали на обиліе посредниковъ, на монопольную скупку хлѣба въ связи съ убыточными цѣнами, платимыми производителямъ, на отсутствіе правильнаго для нихъ кредита, на неимѣніе элеваторовъ и подъѣздныхъ путей, на высокіе ж. д. тарифы и большіе накладные расходы, на порчу экспортнаго хлѣба, подрывающую его репутацію заграницей, и на отсутствіе правильной его классификаціи, на залежи хлѣба на желѣзныхъ дорогахъ, неустройство портовъ, невозможность для хозяевъ слѣдить за цѣнами и пр. Съ тѣхъ поръ кой-что сдѣлано, но все въ разрозненномъ, частичномъ видѣ: устроено нѣсколько элеваторовъ въ болѣе бойкихъ пунктахъ, проведено нѣсколько узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, распространилась выдача ссудъ подъ хлѣбъ и пр. Главное вниманіе отдавалось благоустройству внѣшней, экспортной торговли, внутренняя же улучшилась гораздо меньше. Но все же остается сдѣлать очень много, и никакая коммиссія тутъ не поможетъ; она можетъ только установить рядъ мѣръ, которыя необходимо тотчасъ пустить въ ходъ, не взирая на расходы, ибо отъ правильнаго хода хлѣбной торговли, отъ увеличенія доли производителей больше всего зависитъ благосостояніе страны. Коммиссіи были и раньше, и онѣ выдвигали разныя серьезныя мѣры, но все это больше ограничивалось разговорами и разрѣшалось пустоцвѣтомъ. Остается пожелать, чтобы этой участи избѣгла предстоящая коммисія и ея рѣшенія не были платоническими, а чтобы отъ словъ перешли немедленно къ дѣлу, не растягивая выработку проектовъ на долгіе годы. При этомъ коммисія, конечно, не должна предлагать какую либо одну панацею, а должна выработать въ стройной системѣ цѣлую совокупность мѣропріятій, приноровленныхъ къ потребностямъ разныхъ раіоновъ: въ одной мѣстности нужны подъѣздные пути, въ другой—элеваторы, въ третьей—гдѣ есть элеваторы—контроль надъ ними, ибо были случаи, что въ самихъ элеваторахъ хорошій хлѣбъ разбавлялся съ дурнымъ для полученія низшихъ номеровъ; во многихъ мѣстахъ надо развить хлѣбныя ссуды и пр. Въ общемъ—надо признать болѣе полезнымъ, установленіе, какъ заграницей, нормальныхъ образцовъ хлѣба, распространенія его правильной очистки, устройство мѣстныхъ небольшихъ зернохранилищъ съ выдачею варрантовъ, поощреніе конторъ, сближающихъ производителей съ заграничными рынками, дающихъ возможность прямыхъ сношеній и болѣе

точныхъ свѣдѣній о цѣнахъ, усиленіе постройки сѣти подъѣздныхъ рельсовыхъ путей и т. д. Все это сильно поможетъ также въ успѣшной борьбѣ съ послѣдствіями неурожаевъ, то и дѣло посѣщающихъ насъ.

Съ постепеннымъ введеніемъ казенной продажи вина интересно точнѣе установить—достигнуты ли ею тѣ полезные результаты, какіе ожидались: уменьшеніе пьянства и увеличеніе дохода казны, или—говоря проще—насажденіе добродѣтели и пріобрѣтеніе капитала. Опытъ трехъ лѣтъ вполнѣ достаточенъ, чтобы судить—хотя бы въ общей грубой формѣ, насколько достигнуты обѣ названныя цѣли, логически какъ будто несовмѣстимыя, ибо исторія ясно показываетъ, что гдѣ доходъ извлекается изъ народныхъ пороковъ или изъ непроизводительнаго потребленія, онъ никакъ не можетъ рости съ уменьшеніемъ такого потребленія. Правда, въ отношеніи Россіи можно было ожидать, что по мѣрѣ роста благосостоянія народа потребленіе вина будетъ расширяться и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ равномѣрнѣе, т. е. народъ будетъ пить больше, но регулярнѣе, какъ на западѣ; при этомъ будетъ достигнуто повидимому невозможное: насажденіе трезвости и увеличеніе акцизнаго дохода. Но такой аркадіи нельзя добиться въ нѣсколько лѣтъ; на это уйдутъ десятилѣтія, особенно при высокой нормѣ акциза. Народъ долго не разбогатѣетъ настолько, чтобы пить часто и въ общемъ много такого вина, которое оплачивается въ десять разъ дороже его дѣйствительной стоимости. Для насъ это тѣмъ болѣе недостижимо, что съ одной стороны благосостояніе народа у насъ въ послѣдніе годы, по всѣмъ даннымъ, въ большинствѣ падаетъ, вмѣсто того, чтобы возростать, а съ другой — простая логика вещей не допускаетъ, чтобы простымъ измѣненіемъ формы продажи вина можно было сдѣлать переворотъ въ органическихъ привычкахъ народа, сложившихся вѣками. Противъ этой логики винная монополія оказалась безсильна, и доходящіе со всѣхъ сторонъ факты подтверждаютъ, что пьянство не уменьшилось, что въ однихъ мѣстахъ стали пить въ наемныхъ квартирахъ, съ успѣхомъ замѣнившихъ прежніе кабаки, что пьянство съ упраздненіемъ распивочной торговли перешло на улицы и въ жилища къ вящему соблазну. Въ другихъ мѣстахъ стали пить больше потому, что казенная водка въ розницу дешевле и притомъ крѣпче, что также не мало способствуетъ пьянству. Да иначе и не могло быть, ибо одна перемѣна способа продажи отнюдь не могла вліять на глубокія причины, порождающія неравномѣрное потребленіе вина. Финансовые разсчеты также не оправдались: основныя затраты на устройство складовъ, винныхъ лавокъ, на персоналъ и пр. поглотили милліоны, а поступать стало гораздо меньше, чѣмъ ожидалось; притомъ надо засчитать въ пассивъ увеличеніе расходовъ на борьбу съ развивающимся корчемствомъ, а также недочеты въ общественныхъ доходахъ съ лишеніемъ городскихъ и сельскихъ обществъ дохода отъ питейныхъ заведеній. Приходится разстаться съ оптимистическимъ разсчетомъ на то, что винная

монополія дастъ ежегодно десятки милліоновъ, которые очень пригодились-бы чтобы извернуться при настоящемъ напряженіи финансовыхъ средствъ. При несостоятельности винной монополіи, какъ обильнаго финансоваго источника, еще труднѣе будетъ сводить государственные бюджеты, особенно-же при расшатанности главнаго источника—сельскаго хозяйства. Придется или изыскивать другіе источники для покрытія все ростущихъ государственныхъ расходовъ, или же сокращать эти послѣдніе.

Рядомъ съ винною монополіей немалый интересъ представляютъ результаты другой новой мѣры—попытки къ искусственному водворенію въ Россіи металлическаго обращенія, связанной съ чеканкой новыхъ золотыхъ и большаго количества серебряныхъ рублей. Въ отношеніи этой попытки повторилось то-же неизбѣжное явленіе—невозможность въ короткое время повернуть на другой путь сложившійся десятилѣтіями денежный строй. Послѣ годичнаго опыта оказывается, что бумажное денежное обращеніе уступило очень мало мѣста металлическому, которое скользитъ только по поверхности, а въ глубь страны почти не проникаетъ, не взирая на всѣ усилія казначействъ навязывать золото и серебро при платежахъ и размѣнахъ: навязанное золото и серебро быстро возвращается назадъ, плохо воспринимаемое народохозяйственнымъ организмомъ. Даже интеллигентные горожане съ неудовольствіемъ берутъ звонкую монету въ уплатѣ и размѣнахъ. Масса до того привыкла къ кредиткамъ, что даже подозрительно относится къ новенькимъ, свѣжеотпечатаннымъ бумажкамъ, предпочитая имъ бывшія въ употребленіи, помятыя и засаленныя; серебрянные рубли неохотно берутся, какъ неудобоносимые, золотая монета слишкомъ крупная единица для хозяйствъ съ ничтожнымъ годовымъ бюджетомъ; даже во Франціи и Германіи, гдѣ средній бюджетъ крестьянина въ нѣсколько разъ выше, золота въ обращеніи очень мало, а фигурируетъ главнымъ образомъ серебро и отчасти бумажки. У насъ же, гдѣ крестьянинъ продаетъ возъ хлѣба за 5 руб., для него даже полуимперіалъ представляется очень крупной монетою; при томъ золотыя монеты невольно вызываютъ въ немъ сомнѣніе двойственностью, а именно—что однѣ монеты съ надписью 5 р., 10 р., а другія 7 р. 50 к., 15 р. Въ силу привитой долгимъ опытомъ мнительности крестьяне стараются уклониться отъ пріема золотой монеты и стремятся скорѣе сбыть ее,—хотя бы съ уступкою, при чемъ почва для обмановъ довольно широкая и все на счетъ того же дыряваго крестьянскаго кошеля. Но и городскіе жители, которые вообще легче принимаютъ звонкую монету и больше къ ней привыкли, часто стремятся скорѣе отъ нея отдѣлаться, особенно отъ золота, причемъ—бываетъ—терпятъ косвенные убытки, дѣлая ради размѣна такія покупки, безъ которыхъ легко могли бы обойтись при прежнемъ, исключительно кредитномъ обращеніи. Да и вообще для бѣдной массы городского и сельскаго населенія нужнѣе всего мелкіе денежные знаки, и даже рубли пред-

ставляютъ для нихъ крупную единицу; понятно, что золото никакъ удержаться не можетъ и его всегда будутъ стараться размѣнять какъ можно скорѣе. Эту необходимость въ болѣе мелкихъ знакахъ признало, наконецъ, и подлежащее вѣдомство, старающееся нынѣ начеканить побольше серебряныхъ рублей; но и эта мѣра едва ли въ состояніи вызвать реакцію въ пользу металлическаго обращенія, ибо серебряные рубли опять таки вещь громоздкая для мелкихъ вседневныхъ разсчетовъ; не надо также забывать и того немаловажнаго обстоятельства, что распространеніе металлическаго обращенія идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ интересами государства, состоящими въ томъ, чтобы въ его кассы и банковыя учрежденія поступало какъ можно больше народныхъ сбереженій; между тѣмъ звонкая монета какъ разъ неудобна для накапливанія въ значительномъ количествѣ. Кредитные билеты хранятся и копятся удобнѣе, почему и могутъ скорѣе приливать въ видѣ вкладовъ. Словомъ для того, чтобы металлическое обращеніе взяло когда нибудь верхъ надъ бумажнымъ, необходимы иныя экономическія условія, которыя наступятъ нескоро. Кромѣ того, нужно измѣнить самую монетную единицу, ибо теперешняя не удовлетворяетъ условіямъ, облегчающимъ водвореніе звонкой монеты въ странѣ.

Недобросовѣстное обвиненіе.

(«Вопросъ о передачѣ журнала «Новое Слово» въ судѣ чести союза русскихъ писателей». Спб. 1897).

I.

Доставленная намъ брошюра съ этимъ титуломъ носитъ на обложкѣ еще другое названіе: «Вопросъ о четырехъ *нравственныхъ* основаніяхъ предъ судомъ чести союза русскихъ писателей». Второе заглавіе какъ-бы указываетъ на то, что составитель брошюры, А. Н. Поповъ, повѣренный жены своей, О. Н. Поповой, бывшей издательницы журнала «Новое Слово», и самъ редакторъ этого изданія, аппелируетъ къ общественному мнѣнію на приговоръ суда чести союза русскихъ писателей по вопросу чисто принципіальному. Судъ чести, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Спасовича и въ составѣ двухъ судей, В. А. Манасеина и П. П. Фанъ-деръ-Флита, призналъ г-жу Попову *нравственно неправою* въ томъ, «что она продала журналъ «Новое Слово» лицамъ иного, хотя тоже прогрессивнаго направленія, «не исчерпавъ всѣхъ средствъ для продажи журнала своимъ бывшимъ сотрудникамъ»,—съ тою, однако, оговоркою, что «неправота г-жи Поповой въ значительной мѣрѣ уменьшается смягчающими вину ея обстоятельствами».

Раньше, чѣмъ приступить къ изложенію обстоятельствъ этого въ высшей степени характернаго для обрисовки современныхъ писательскихъ нравовъ дѣла, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что фактическій матеріалъ почерпнутъ нами исключительно изъ брошюры г. Попова, заключающей въ себѣ жалобу обвинителей, гг. Абрамова и Скабичевскаго, объясненіе, данное на судѣ повѣреннымъ обвиняемой, и мотивированный приговоръ суда въ окончательной формѣ. Со времени выхода въ свѣтъ брошюры г. Попова по настоящее время, когда мы приступаемъ къ этой статьѣ, прошло три недѣли; между тѣмъ никакихъ указаній на фактическія неточности въ перепечаткѣ этихъ документовъ

заявлено не было. Въ виду этого, считаемъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, какъ на матеріалъ вполнѣ основательный.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: С. Н. Кривенко, еще до основанія «Новаго Слова», пригласилъ г-жу Попову войти въ число пайщиковъ «Русскаго Богатства», въ редактированіи котораго онъ принималъ участіе. Весною 1895 г. среди участниковъ «Русскаго Богатства» возникли разногласія, разрѣшившіяся выходомъ г. Кривенко изъ журнала. Г-жа Попова въ іюнѣ того-же года пріобрѣла журналъ «Новое Слово»—для г. Кривенко, оставшагося, по ея словамъ, «не у дѣлъ», тогда какъ ея обвинители утверждаютъ, что она пріобрѣла журналъ не для г. Кривенко, а для «группы» писателей, во главѣ которыхъ стоялъ г. Кривенко. Съ іюня по ноябрь отвѣтственнымъ редакторомъ «Новаго Слова» былъ г. А. Слѣпцовъ, а затѣмъ, съ ноября 1895 г., отвѣтственнымъ редакторомъ состоялъ А. Н. Поповъ. Фактическимъ редакторомъ, до продажи журнала г-жей Поповой г. Семенову, былъ г. Кривенко. Въ ноябрѣ 1896 г. между редакціей журнала и издательницей возникли недоразумѣнія, обострившіяся къ январю 1897 г. настолько, что гг. Поповы рѣшили во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ издательства. Г. Кривенко, въ свою очередь, предложилъ г-жѣ Поповой нѣсколько исходовъ изъ натянутаго положенія, въ томъ числѣ—*продажу журнала на сторону*, замѣну всѣхъ членовъ редакціи и сотрудниковъ другими лицами или же передачу журнала кружку литературныхъ работниковъ, которые въ немъ писали. Г-жа Попова предпочла передать журналъ г. Кривенко или кому онъ пожелаетъ, даже безъ возмѣщенія понесенныхъ ею крупныхъ затратъ. Г. Кривенко и его сотоварищи по редакціи колебались принять уступаемый имъ журналъ, даже безвозмездно, справедливо соображая, что приносящее убытокъ изданіе представляетъ величину не положительную, а отрицательную.

Съ другой стороны, нѣкоторый успѣхъ «Новаго Слова», выразившійся въ приростѣ подписчиковъ до 3-хъ тысячъ, внушалъ надежды, что въ будущемъ журналъ можетъ стать на ноги. Для г. Кривенко, очевидно, наиболѣе выгоднымъ представлялось сохранить установившійся порядокъ вещей, вовлекавшій г-жу Попову во все бо̀льшія и бо̀льшія затраты: еслибы приростъ подписчиковъ продолжался, въ его руки и въ руки его единомышленниковъ перешло-бы окупающее себя изданіе съ необременительнымъ долгомъ г-жѣ Поповой, выплачиваемымъ изъ текущихъ средствъ и въ неопредѣленные сроки. Вслѣдствіе такого простого соображенія, г. Кривенко не обратилъ серьезнаго вниманія на ультиматумъ г-жи Поповой, въ которомъ она поставила 1-ое февраля 1897 г. крайнимъ срокомъ для передачи журнала г. Кривенко. Ему, по всей вѣроятности, удалось бы протянуть переговоры по настоящее время, еслибы 12-го февраля не состоялась внезапная продажа журнала г. Семенову за 46 тысячъ рублей,—причемъ эта сумма не покрываетъ сполна затратъ, сдѣланныхъ г-жей Поповой на изданіе.

Сдѣлка между г. Семеновымъ, писавшимъ ранѣе въ журналѣ о народныхъ школахъ, и г-жей Поповой была заключена 4-го февраля въ видѣ предварительнаго соглашенія. Г. Семеновъ, до подписанія условія съ г-жей Поповой, заѣхалъ къ г. Кривенко, засталъ тамъ гг. Скабичевскаго и Оболенскаго, и на вопросъ свой, не имѣетъ-ли г. Кривенко чего-нибудь противъ покупки имъ журнала, получилъ отвѣтъ, что не имѣетъ: о нарушеніи интересовъ какой-либо «группы» не было и рѣчи. Но на слѣдующій день, 9-го февраля, г-жа Попова получила подписанное гг. Скабичевскимъ и Кривенко заявленіе о выходѣ изъ журнала завѣдующихъ редакціей и приглашенныхъ ими ближайшихъ сотрудниковъ, съ предупрежденіемъ, что они огласятъ объ этомъ въ газетахъ; 13-го февраля въ «Новомъ Времени» появилось «письмо въ редакцію» о выходѣ изъ состава сотрудниковъ «Новаго Слова» гг. А. Скабичевскаго, В. Яроцкаго, Вас. Немировича-Данченко, К. Станюковича, В. Тимирязева, К. Тимирязева, В. В., С. Кривенко, Н. Рубакина, Я. Абрамова, С. Щепотьева и Л. Оболенскаго. Изъ числа этихъ лицъ двое за все время существованія журнала не дали ни одной статьи, хотя одно изъ нихъ въ началѣ перваго года изданія получило авансъ. Въ отвѣтъ на заявленіе бывшей редакціи, г-жа Попова объявила въ ближайшей, мартовской, книгѣ журнала о своей готовности возвратить подписныя суммы тѣмъ изъ подписчиковъ, которые, вслѣдствіе совершившихся перемѣнъ въ составѣ сотрудниковъ, пожелали-бы прекратить полученіе журнала. Гг. Кривенко и Скабичевскому г-жа Попова предложила получить редакторскій окладъ по конецъ подписнаго года. Отъ предложенія этого оба они отказались, причемъ г. Скабичевскій написалъ г-жѣ Поповой письмо, содержащее въ себѣ презрительное заявленіе: «Васъ (издательница) я совсѣмъ не знаю... Ваши отношенія къ сотрудникамъ съ самыхъ первыхъ дней веденія журнала глубоко меня возмущали». Восемь недѣль спустя «группа» рѣшила привлечь г-жу Попову къ отвѣтственности передъ судомъ чести при союзѣ русскихъ писателей. Гг. Абрамовъ и Скабичевскій, «по уполномочію группы писателей», работавшихъ въ журналѣ «Новое Слово», предъявили на разрѣшеніе судей чести слѣдующіе вопросы:

1) «Принимая во вниманіе, что журналъ, при работѣ въ немъ извѣстной группы писателей, черезъ годъ и пять мѣсяцевъ существованія расходился въ количествѣ 3,000 экземпляровъ, имѣла-ли г-жа Попова *нравственное основаніе* продать журналъ, не предложивши сотрудникамъ взять его на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ г. Семенову?

2) Имѣла-ли г-жа Попова *нравственное основаніе* скрывать отъ работавшей въ журналѣ группы писателей свое намѣреніе продать журналъ?

3) Имѣла-ли г-жа Попова *нравственное основаніе* продавать журналъ, созданный работами людей одного направленія, людямъ совсѣмъ другого направленія?

4) Имѣла-ли г-жа Попова *нравственное основаніе* завязавъ перего-

воры съ г. Кривенко о передачѣ журнала и назначивъ срокъ для окончанія переговоровъ, будучи недовольна предложенными условіями и не сдѣлавъ желательныхъ ей поправокъ, приступить къ продажѣ журнала въ другія руки?»

Повѣренный г-жи Поповой, въ отзывѣ на прошеніе жалобщиков заявилъ отъ ея имени, что она не видитъ основаній оправдываться передъ гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, за которыми она не признавала и не признаетъ никакихъ правъ на изданіе журнала «Новое Слово». Объясненія, предъявленныя затѣмъ г. Поповымъ на судѣ, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

«что гг. Абрамовъ и Скабичевскій, а также «группа», представителями которой они себя признаютъ, предъявляютъ въ своемъ заявленіи притязанія неосновательныя;

«что г-жа Попова, исчерпавъ все, отъ нея зависящее, для осуществленія своего искренняго желанія передать журналъ г. С. Кривенко, имѣла право передать журналъ г. Семенову или кому-либо другому въ виду невозможности продолжать журнально-издательскую дѣятельность;

«что г. Кривенко принималъ ближайшее участіе въ организаціи журнала, пріобрѣтеннаго г-жей Поповой въ іюнѣ 1895 года съ цѣлью дать ему, г. Кривенко, возможность работать на литературномъ поприщѣ;

«что г. Кривенко, не объявляя издательницѣ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ онъ входилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми сотрудниками, ввелъ извѣстную ему группу сотрудниковъ въ недоразумѣніе, заявляя, что издательницѣ извѣстно о словесномъ договорѣ, въ дѣйствительности не существовавшемъ, и

«что г. Кривенко, близко зная всѣ обстоятельства дѣла, изъявляя свое согласіе явиться въ судъ, выступилъ въ дѣйствительности обвинителемъ, передавъ лишь полномочіе гг. Абрамову и Скабичевскому».

Въ виду всего этого г. Поповъ просилъ судъ оправдать его довѣрительницу по взведеннымъ на нее обвиненіямъ, а г. С. Кривенко признать обвинителемъ *недобросовѣстнымъ*.

II.

Дѣло г-жи Поповой поступило на разсмотрѣніе постояннаго трибунала чести, учрежденнаго при союзѣ русскихъ писателей. Въ составъ этого трибунала входяхъ семеро судей: К. К. Арсеньевъ, А. Н. Бекетовъ, В. Г. Короленко, В. А. Манассеинъ, Г. Н. Потанинъ, В. Д. Спасовичъ, В. С. Соловьевъ и двое кандидатовъ: П. П. Фанъ-деръ-Флитъ и Я. П. Полонскій. Пятеро изъ нихъ, по случаю отъѣзда и по болѣзни, не приняли участія въ разсмотрѣніи дѣла. Трибуналъ приступилъ къ засѣданіямъ въ составѣ всего четырехъ человѣкъ: предсѣдателя В. Д. Спасовича и членовъ гг. Манассеина, Бекетова и Фанъ-деръ-Флита. Одинъ изъ нихъ А. Н. Бекетовъ, присутствовалъ лишь на двухъ засѣданіяхъ суда, послѣ

которыхъ подалъ заявленіе объ исключеніи его изъ состава членовъ суда чести. Такимъ образомъ, дѣло разбиралось всего тремя судьями, однимъ изъ которыхъ, предсѣдатель, остался при особомъ мнѣніи, діаметрально противоположномъ приговору суда ,постановленному по *большинству* голосовъ, съ т. е. двумя голосами противъ одного. Къ выводамъ, которые неизбѣжно должны быть сдѣланы изъ такой обстановки суда, мы еще вернемся. Пока отмѣтимъ лишь, для полноты картины, что, какъ свидѣтельствуетъ г. Поповъ (стр. 2): «судъ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу довѣреннаго обвиняемой признать засѣданія публичными, и разбирательство производилось при закрытыхъ дверяхъ; не было разрѣшено сторонамъ пригласить хотя-бы по два лица, къ дѣлу неприкосновенныхъ». Обвиняемая, т. е. лицо, на которое возведено порочащее честь и доброе имя обвиненіе, усердно добивается, чтобы судопроизводство велось гласно, во всеуслышаніе, чтобы уличали ее не втихомолку, за опасливо прикрытыми дверьми, а передъ лицомъ всего русскаго общественнаго мнѣнія,—тогда какъ судъ писателей, людей, вся дѣятельность которыхъ протекаетъ на виду и немыслима безъ гласности, отказываетъ въ этомъ справедливѣйшемъ требованіи. Не очевидно-ли, что огласка дѣла могла угрожать одной лишь обвиняемой? Обвинители, увѣренные въ правотѣ своихъ притязаній и убѣдительности своихъ доводовъ, очевидно, затѣмъ и обратились къ суду чести, чтобы казнить виновную посредствомъ оглашенія приговора во всѣхъ русскихъ газетахъ. Приговоръ, въ глухой формѣ, крайне невыгодной для г-жи Поповой, дѣйствительно былъ перепечатанъ въ провинціальныхъ изданіяхъ. Г-жа Попова всенародно объявлена погрѣшившей противъ требованій писательской нравственности и писательской чести. Казалось-бы, группѣ обвинителей могла лишь улыбаться перспектива огласить не только вердиктъ суда, но и самое судопроизводство, столь убійственное для добраго имени г-жи Поповой. Нельзя-же допустить, чтобы они надѣялись добиться на судѣ чести союза русскихъ писателей обвинительнаго для г-жи Поповой приговора, посредствомъ доводовъ, которые необходимо *скрыть* отъ общественнаго мнѣнія, или при помощи пріемовъ, которые далеко не служатъ къ ихъ собственной чести? Для того, чтобы домогаться отъ подобнаго трибунала, такъ сказать, патента на нравственную правоту и выдачи «волчьяго паспорта» обвиняемой, необходимо было выступить въ сознаніи своей безукоризненной чистоты и такой безупречности всѣхъ дѣйствій и мотивовъ, которая не допускаетъ и тѣни смущенія передъ самою широкою оглаской. Такимъ образомъ мы видимъ, что обвиняемая прямо требовала гласности судопроизводства, а обвинители, повидимому, должны были горячо желать того-же самаго;—слѣдовательно, прикрыть двери распорядились сами судьи? Но ихъ прямой интересъ требовалъ какъ разъ противоположнаго: будучи избранными вершить безапелляціонно и *по большинству голосовъ* дѣла чисто принципіальныя, въ гласности судопроизводства они могли получить единственную гарантію отъ

всегда возможныхъ нареканій на пристрастіе. Обращая свой приговоръ къ общественному мнѣнію, судьи-писатели не могутъ не желать, чтобы общественное мнѣніе въ свою очередь имѣло доступъ къ тому матеріалу, изъ котораго логически вытекъ приговоръ. При согласіи *обвиняемаго* гласное разбирательство его принципіальнаго дѣла, никто не имѣетъ ни малѣйшаго основанія настаивать на обратномъ. Намъ представляется до такой степени очевиднымъ, что устройство при союзѣ спеціальнаго писательскаго застѣнка лишено всякаго смысла, что мы просто отказываемся принять на вѣру свидѣтельство повѣреннаго г-жи Поповой. Въ словахъ его заключается обвиненіе противъ суда чести несравненно болѣе важное, чѣмъ обвиненіе, предъявленное противъ самой г-жи Поповой. Союзъ писателей *нравственно обязанъ* разъяснить это обстоятельство, указавъ на причины, заставившія судъ чести предпочесть келейное разбирательсво гласному судопроизводству, на которомъ настаивало лицо, имъ обвиненное. Когда какое-нибудь учрежденіе постановляетъ приговоръ объ изгнаніи представителей печати изъ своихъ собраній, вся пресса вопіетъ противъ такого покушенія на гласность. Какимъ-же образомъ высшій трибуналъ изъ среды самихъ писателей, трибуналъ, вѣдающій вопросы справедливости и чести, могъ дойти до такого ослѣпленія, чтобы отказать г-жѣ Поповой въ ея скромномъ требованіи—допустить къ присутствованію при разбирательствѣ отъ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ хотя-бы по два лица, къ дѣлу неприкосновенныхъ? Не вправѣ-ли, послѣ этого, всякое учрежденіе, изгоняющее изъ своихъ стѣнъ освѣжающую гласность, обратиться къ писателямъ съ основательнымъ упрекомъ, что въ своемъ глазу они не видятъ бревна? Отказавъ повѣренному г-жи Поповой въ гласномъ судѣ, трибуналъ союза лишилъ себя возможности документально опровергнуть возводимое г. Поповымъ на нѣкоторыхъ членовъ суда тяжелое обвиненіе въ предвзятости: на стр. 25-ой брошюры, г. Поповъ говоритъ: «въ своихъ показаніяхъ на судѣ, послѣ ряда *наводящихъ вопросовъ*, предложенныхъ членомъ суда г. Манассеинымъ, онъ, г. Кривенко, уже обнаружилъ колебаніе и пр.». Далѣе на стр. 26-й, приведя изъ письма г. Кривенко слова: «лучше отъ журнала откажусь, и *пусть они его продаютъ*», г. Поповъ добавляетъ: интересно было-бы знать, рядомъ какихъ *наводящихъ* вопросовъ можно-бы было довести г. Кривенко *и въ этомъ случаѣ* до отрицанія имъ высказаннаго». Мы не имѣемъ данныхъ сказать что-либо по поводу основательности или неосновательности заявленія г. Попова, будто одинъ изъ членовъ суда чести позволилъ себѣ задавать вопросы, *наводящіе* свидѣтеля на отрицаніе установленныхъ документами фактовъ. Заявленіе это равносильно открытому обвиненію въ недобросовѣстности. Что это за судья, да еще судья чести, который соблазняетъ свидѣтеля, «доводитъ его до отрицанія имъ самимъ высказаннаго»! Г. Поповъ, очевидно, неправъ,—факта, который онъ приводитъ въ своей брошюрѣ, быть не могло, повѣренный обвиняемой впалъ въ заблужденіе,—но опровергнуть

его словъ нечѣмъ, судопроизводство при закрытыхъ дверяхъ не даетъ судьѣ никакой возможности снять съ себя даже столь рѣзкое обвиненіе,— несравненно болѣе рѣзкое, чѣмъ вопросъ о нравственномъ правѣ издательницы продать кому угодно журналъ, приносящій огромные убытки и еще большія огорченія.

III.

Мы привели обвиненіе, предъявляемое г. Поповымъ г. Манассеину, какъ наглядное доказательство неосновательности отказа въ гласномъ судопроизводствѣ. Намъ обидно и прискорбно, что приходится доказывать, да еще людямъ пера и науки, такія азбучныя истины. Обсуждая уставъ союза русскихъ писателей, мы своевременно указали въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» на несостоятельность всей главки о судѣ чести, причемъ противопоставили ему судъ совѣсти, свободно творимый путемъ печати. И вотъ, при первомъ же серьезномъ практическомъ примѣненіи запутанной главки о постоянномъ писательскомъ трибуналѣ къ живому дѣлу, затрогивающему насущные интересы передовой публицистики, получилась картина, на много превзошедшая наши наиболѣе пессимистическія ожиданія. Все судопроизводство, начиная съ изгнанія гласности, вопреки требованію обвиняемой,—до постановленія обвинительнаго приговора, вопреки подробно мотивированному, поразительному по своей убѣдительности «особому» мнѣнію предсѣдателя суда, г. Спасовича, производитъ на неприкосновеннаго къ дѣлу человѣка удручающее впечатлѣніе. Г. Поповъ утверждаетъ въ своей брошюрѣ, что на его вопросъ: какою группою бывшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова» гг. Абрамовъ и Скабичевскій уполномочены подать заявленіе,—«было выяснено, что эту группу составляютъ тѣ лица, которыя участвовали въ заявленіи о выходѣ изъ числа сотрудниковъ, помѣщенномъ 13 февраля въ «Новомъ Времени», за исключеніемъ гг. В. А. и К. А. Тимирязевыхъ. Установилось такимъ образомъ,—говоритъ г. Поповъ,—что гг. Скабичевскій и Абрамовъ являются обвинителями за себя и отъ лица С. Кривенко, В. Яроцкаго, Вас. Немировича-Данченко, Н. Рубакина, Л. Оболенскаго, К. Станюковича, С. Щепотьева и В. Воронцова. Установилась также одна изъ особенностей настоящаго дѣла, именно, что гг. Кривенко, Воронцовъ и Оболенскій будутъ принимать участіе въ немъ и въ качествѣ обвинителей, и въ качествѣ свидѣтелей». *Особенность*, дѣйствительно, весьма своеобразная и ни въ какомъ изъ обычныхъ судопроизводствъ не допустимая: простой здравый смыслъ и совѣсть требуютъ строгаго различенія между показаніями лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ и лично къ нему не прикосновенныхъ. Въ данномъ случаѣ, однако, еще болѣе достопримѣчательно, что изъ числа десяти обвинителей только одинъ г. Кривенко состоялъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ обвиняемой: г-жа Попова основала журналъ только для г. Кривенко, остальныя сотрудники не отрицаютъ, что права на журналъ были уступлены имъ по

соглашенію съ г. Кривенко, а не съ г-жой Поповой. Г. Скабичевскій письменно заявилъ даже, что онъ г-жу Попову «не знаетъ». Простая логика указываетъ, что здѣсь смѣшаны два разныхъ дѣла: искъ г. Кривенко къ г-жѣ Поповой и искъ остальныхъ сотрудниковъ къ г. Кривенко. Соотвѣтственно этому, повѣренный г-жи Поповой возмущается, что г. Кривенко выступилъ на судѣ въ нейтральной роли свидѣтеля, тогда какъ онъ, въ сущности, долженъ бы находиться «между двухъ огней». Г. Кривенко *единственный обвинитель* г-жи Поповой и *единственный отвѣтчикъ* передъ «группою», по уполномочію которой выступили со своимъ заявленіемъ гг. Абрамовъ и Скабичевскій. Г. Поповъ, чувствуя, что дѣло обставлено на судѣ чести неладно, попытался было разъяснить вопросъ о доподлинной роли, въ которой выступаетъ г. Кривенко. Онъ просилъ: «предложить послѣднему вопросъ, дѣйствительно ли онъ, г. Кривенко, выступаетъ въ числѣ прочихъ обвинителемъ?» Но судъ и въ этой просьбѣ почему-то отказалъ повѣренному обвиняемой. Такъ, при полномъ смѣшеніи ролей истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей по двумъ разнымъ дѣламъ, судопроизводство «чести» добралось до постановленія приговора, въ которомъ противоестественно слились «по большинству голосовъ» два діаметрально противоположныхъ сужденія. Невѣроятная путаница усугубилась еще рядомъ побочныхъ осложненій. Такъ, при разборѣ дѣла, повѣреннымъ г-жи Поповой было выяснено, что двое жалобщиковъ, гг. Станюковичъ и Щепотьевъ, за все время существованія журнала не дали ни одной статьи и поэтому никоимъ образомъ къ числу ближайшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова» причислены быть не могутъ. Кромѣ того, третій изъ жалобщиковъ, г. Вас. Немировичъ-Данченко, все свое участіе въ артельномъ яко-бы журналѣ выразилъ лишь продажей романа «Волчья Сыть», оплаченнаго по особому договору. Суду, очевидно, слѣдовало устранить этихъ трехъ лицъ изъ числа обвинителей, предъявившихъ свои права на журналъ «Новое Слово». Судъ этого не сдѣлалъ и, въ итогѣ, получился вопіющій абсурдъ: обвинительный приговоръ, постановленный судомъ чести огульно, порицаетъ г-жу Попову въ частности и за то, что она пренебрегла *правами* на основанный ею журналъ гг. Щепотьева, Станюковича и Вас. Немировича-Данченко!.. Всѣ обвинители, кромѣ г. Кривенко, никакихъ переговоровъ съ г-жей Поповой не вели, никакими обѣщаніями отъ нея, ни письменными, ни словесными, не заручились,—однако, судъ чести приступилъ къ разбору ихъ претензій и, несмотря на очевидную нелѣпость этихъ претензій, блестяще обнаруженную въ «особомъ мнѣніи» г. Спасовича, призналъ единственно праваго, безупречно праваго во всемъ этомъ дѣлѣ человѣка—г-жу Попову—виновною, но заслуживающею снисхожденія.

Приговоръ этотъ, помимо противовѣса въ обстоятельномъ мнѣніи г. Спасовича, утрачиваетъ, впрочемъ, всякое значеніе, если справедливо свидѣтельство г. Попова, что судъ чести союза русскихъ писателей самъ призналъ себя *некомпетентнымъ*—вѣроятно, однако, также только по

большинству голосовъ... Въ спискѣ свидѣтелей, приводимомъ г. Поповымъ на стр. 2-й брошюры, не упомянуто одно лицо, сыгравшее видную роль во время судопроизводства. Лицо это—г. Н. К. Михайловскій. На стр. 35-й брошюры г. Поповъ сообщаетъ, что судъ чести пригласилъ г. Михайловскаго, *въ качествѣ эксперта*, для опредѣленія различія въ направленіяхъ журнала «Новое Слово» при прежней и новой редакціяхъ. «Н. К. Михайловскій,—говоритъ г. Поповъ,—высказалъ мнѣніе и по существу дѣла. Передачу журнала лицамъ другого направленія г. Михайловскій призналъ неправильнымъ дѣйствіемъ, но совершеннымъ при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину г-жи Поповой. Полагаю,—добавляетъ г. Поповъ, — что такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій экспертизы». Въ мотивированномъ приговорѣ (стр. 64-я) мы находимъ подтвержденіе этихъ словъ г. Попова, хотя тамъ г. Михайловскій названъ не экспертомъ, а свидѣтелемъ. «По мнѣнію г. Михайловскаго,—говорится въ приговорѣ,—г-жа Попова, вѣроятно, не знала, какого направленія Семеновъ. *Онъ (г. Михайловскій) полагаетъ*, что передача журнала марксистамъ была дѣйствіемъ неправильнымъ, потому что существуетъ острая и принципіальная разница между народниками и марксистами, но онъ признаетъ, что имѣются и *смягчающія вину О. Н. Поповой обстоятельства*, заключающіяся во 1) въ объявленіи Поповой, предлагающемъ подписчикамъ возвратъ имъ подписныхъ денегъ за время до 1-го октября 1897 г.; во 2) въ нашихъ литературныхъ нравахъ, допускающихъ совмѣстное постоянное сотрудничество однихъ и тѣхъ же писателей въ журналахъ весьма различныхъ направленій, въ 3) наконецъ, въ томъ, что она не знала, какому собственно направленію принадлежитъ г. Семеновъ».

Свойство мнѣнія, выраженнаго г. Михайловскимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію объ экспертизѣ. Если къ этому присоединить показаніе г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ, выяснится съ еще большею наглядностью, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, на лицо не свидѣтельское показаніе, а экспертиза, да еще *съ предрѣшеніемъ приговора*. Приговоръ гг. Манассеина и Фанъ-деръ-Флита является ничѣмъ инымъ, какъ распространеннымъ повтореніемъ экспертизы г. Михайловскаго, а послѣдняя часть «особаго мнѣнія» г. Спасовича—ея опроверженіемъ. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ основательности экспертизы, разсмотримъ лишь простой фактъ примѣненія ея въ этомъ дѣлѣ. Что такое судья чести въ писательскомъ трибуналѣ? Какова его роль, если онъ самъ не есть экспертъ по части литературныхъ приличій, обычаевъ и сношеній? Еслибы г. Михайловскій состоялъ судьей въ этомъ дѣлѣ, пригласилъ-ли бы онъ г. Фанъ-деръ-Флита или г. Манассеина для отобранія отъ нихъ мнѣнія, какъ надо рѣшить дѣло о передачѣ г-жей Поповой журнала марксистамъ? Что сказали бы мы относительно обычнаго суда, который сталъ бы приглашать экпер-

товъ для разрѣшенія *юридическихъ* вопросовъ? Не есть-ли приглашеніе эксперта косвеннымъ признаніемъ со стороны суда своей *некомпетентности* въ той области, въ которой компетентенъ экспертъ? Мы полагаемъ, что двухъ отвѣтовъ на эти почти наивные вопросы быть не можетъ. Судъ чести при союзѣ русскихъ писателей, сочтя необходимымъ прибѣгнуть къ экспертизѣ для разрѣшенія вопроса о продажѣ журнала «Новое Слово», самъ себя отмѣнилъ и уничтожилъ. Мнѣніе гг. Манассеина и Фанъ-деръ-Флита простая справедливость требуетъ замѣнить мнѣніемъ г. Михайловскаго, противъ котораго выступилъ съ своимъ «особымъ мнѣніемъ» предсѣдатель суда, г. Спасовичъ. Слѣдовательно, въ дѣлѣ участвовало лишь двое судей, голоса которыхъ подѣлились поровну; съ формальной точки зрѣнія, въ такихъ случаяхъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Такимъ образомъ, приговоръ суда чести при союзѣ русскихъ писателей, даже въ настоящемъ своемъ видѣ, заключаетъ въ себѣ скрытое признаніе обвиненія противъ г-жи Поповой—неосновательнымъ.

IV.

Завершеніемъ и, такъ сказать, вѣнцомъ процессуальной путаницы въ «трибуналѣ чести», дающемъ пародію на правосудіе, слѣдуетъ признать канцелярскій пріемъ постановленія принципіальнаго приговора по большинству голосовъ, да еще съ признаніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ! Суду чести предъявлено спорное дѣло: требуется рѣшить, допустима-ли *въ принципѣ* такая продажа журнала, какую совершила г-жа Попова, права-ли она или не права? Г. Спасовичъ, на основаніи доказательствъ, которыя мы приводимъ ниже, выводитъ заключеніе, что г-жа Попова ничѣмъ не погрѣшила противъ своихъ нравственныхъ обязанностей и установившихся въ современной печати правилъ и приличій. Если сто человѣкъ возразятъ на это, что г-жу Попову слѣдуетъ подвергнуть наказанію, то будетъ-ли слѣдовать отсюда, что большинствомъ ста голосовъ противъ одного вопросъ рѣшенъ не въ ея пользу? Возможно-ли противопоставить отчетливо формулированнымъ доказательствамъ чье бы то ни было голословное мнѣніе? Одинъ голосъ, вооруженный такими доводами, которые приводитъ г. Спасовичъ, перетянетъ на вѣсахъ справедливости сколько-угодно голосовъ, не дающихъ никакихъ доказательствъ. И мыслимо-ли въ данномъ случаѣ примириться съ тѣмъ, что всѣ члены суда скрѣпили обвинительный приговоръ противъ г-жи Поповой, хотя между ними обнаружилось коренное принципіальное разногласіе? Если пять человѣкъ обсуждаютъ вопросъ о допустимости тѣлесныхъ наказаній и двое выскажутся противъ, а трое за розги, то позволительно-ли вывести отсюда заключеніе, будто *всѣ пять совѣщающихся*, по большинству голосовъ, признали необходимость порки? Принципіальные вопросы не рѣшаются голосованіемъ: аргументація единичнаго человѣка, пока она не опровергнута по существу, столь-же незыблема, какъ

еслибы ее подписали милліоны. Причемъ тутъ счетъ голосовъ? И не основательнѣе-ли поступилъ-бы тотъ-же судъ чести, еслибы, въ виду коренного разногласія въ данномъ дѣлѣ, ограничился скромнымъ формулированіемъ обоихъ мнѣній, не покушаясь «съютить несъютимое»? Тогда, по крайней мѣрѣ, не получилось-бы такой вопіющей несправедливости, какъ скрѣпленіе *обвинительнаго* приговора судьей, тутъ-же краснорѣчиво и съ неотразимою убѣдительностью доказавшимъ *безупречную правоту* обвиняемой. Еще большую нелѣпость представляетъ въ приговорѣ по дѣлу г-жи Поповой признаніе «смягчающихъ вину обстоятельствъ». Судъ принципіальный призванъ устанавливать нормы, дать свое компетентное сужденіе о нравственности или безнравственности того или другого поступка. Сѣчь—позволительно или непозволительно, никакихъ среднихъ рѣшеній въ подобномъ вопросѣ быть не можетъ. Разъ г-жу Попову судъ призналъ *неправой*, самочувствію ея нисколько не помогутъ «смягчающія вину обстоятельства». Повѣренный ея какъ нельзя болѣе основательно понялъ неизбѣжную категоричность подобнаго суда, потребовавъ, чтобы обвиненіе было признано не только *неосновательнымъ*, но и *недобросовѣстнымъ*.

Въ своемъ «особомъ мнѣніи» г. Спасовичъ приводитъ всѣ данныя, опровергающія основательность претензій группы жалобщиковъ; но далѣе такого вывода онъ не идетъ, какъ-бы не замѣчая, что повѣренный г-жи Поповой предъявилъ встрѣчный искъ. Въ разсмотрѣніе этого иска, т.-е. насколько добросовѣстно самое обвиненіе, судъ чести союза вовсе не входилъ. Въ настоящее-же время, когда это яркое дѣло передано г. Поповымъ въ высшую аппеляціонную инстанцію, т.-е. на судъ общественнаго мнѣнія, мы считаемъ обязательнымъ, въ интересахъ безпристрастія, разсмотрѣть и высказаться, насколько основательна жалоба г-жи Поповой, направленная противъ ея своихъ обвинителей.

В. Д. Спасовичъ, въ «особомъ мнѣніи», высказался такъ:

Главный вопросъ, подлежащій разрѣшенію по настоящему дѣлу, заключается въ томъ: имѣютъ ли бывшіе сотрудники журнала «Новое Слово», принесшіе жалобу на О. Н. Попову, гг. Абрамовъ и А. Скабичевскій, какое бы то ни было имущественное, хотя бы и не оформленное юридическое право на этотъ журналъ, которое могло быть нарушено продажею журнала М. Н. Семенову? Съ г-жею Поповою никогда въ договорныхъ отношеніяхъ они не состояли, никогда съ нею не условливались и не объяснялись о цѣли, съ какою ею пріобрѣтенъ журналъ. *Не подлежитъ сомнѣнію, что журналъ былъ купленъ О. Н. Поповою ради С. Н. Кривенко, ради его литературной дѣятельности*; что г. Кривенко привыкъ работать съ людьми извѣстнаго направленія, къ которому принадлежала и г-жа Попова; что онъ приглашалъ сотрудниковъ, которые поступали въ журналъ на условіяхъ крайне умѣренныхъ и получали за свой трудъ менѣе, чѣмъ могли бы получать въ другихъ органахъ печати, на что

были согласны, потому что надѣялись, что современемъ журналъ станетъ, какъ говорятъ, на ноги и можетъ быть, что онъ сдѣлается современемъ кружковымъ, компанейскимъ. По убѣжденіямъ не только гг. Абрамова и Скабичевскаго, но и другихъ спрошенныхъ по дѣлу сотрудниковъ, напримѣръ, гг. Оболенскаго и Максимова, журналъ «Новое Слово» съ самаго начала покупки его г-жею Поповою отъ Баталина былъ артельный, компанейскій, но основанія, почему они считаютъ его компанейскимъ, не доказываются и даже не указываются сотрудниками, такъ что пришлось бы предположить, что требованія сотрудниковъ основываются на правѣ только подразумѣваемомъ, но именно такія подразумѣваемыя имущественныя права логически не допустимы, а въ данномъ случаѣ подобное предположеніе не подтверждается единственнымъ лицомъ, съ которымъ объяснялась о цѣли журнала и переписывалась г-жа Попова, а именно г. С. Н. Кривенко, и опровергается всѣми документальными данными по настоящему дѣлу. Въ своемъ показаніи, данномъ суду чести 29-го апрѣля, С. Н. Кривенко удостовѣрилъ, что письменныхъ условій съ О. Н. Поповою у него не было никакихъ, а на словахъ предполагалось, что журналъ *современемъ* (*а не теперь*) перейдетъ къ кружковой группѣ.

Съ этимъ показаніемъ вполнѣ согласуется и та часть письма О. Н. Поповой, отъ 18-го октября 1895 г., котораго С. Н. Кривенко не передалъ суду для пріобщенія къ дѣлу, но указалъ только на одно въ немъ мѣсто, которое было тогда же изъ него выписано: «я останусь съ журналомъ, который я устраивала для Васъ и для тѣхъ лицъ, которыя могутъ съ Вами работать, и что-же тогда я заведу». Этотъ отрывокъ выражаетъ, что О. Н. Попова пріобрѣла журналъ не для себя, а съ тѣмъ, чтобы его велъ Кривенко и взялъ на себя устроиться въ немъ современемъ со своими сотрудниками, когда журналъ пойдетъ и, какъ говорятъ, когда онъ станетъ на ноги, т. е. когда онъ сдѣлается окупающимся предпріятіемъ. До самой передачи журнала Семенову, журналъ издаваемъ былъ г-жею Поповою себѣ въ убытокъ и представлялъ, такимъ образомъ, цѣнность отрицательную, которую могъ бы на себя взять, даже въ виду надежды на будущее, только денежный человѣкъ. Что же касается до сотрудниковъ, то взять на себя эту тягость, хотя бы при условіи производства только дальнѣйшихъ затратъ, *было для нихъ неудобно*, по крайней мѣрѣ не видно, чтобы ими были дѣлаемы какія-либо серьезныя попытки до января 1897 г. въ этомъ направленіи. При такомъ положеніи дѣла, въ которомъ оно было въ этотъ моментъ, сотрудники могли считать журналъ компанейскимъ никакъ не въ настоящемъ, а только въ будущемъ, т. е. тогда, когда успѣхъ его сдѣлаетъ существованіе его обезпеченнымъ, и только при наступленіи этого условія, а также при наличности еще другого условія, а именно доброй воли С. Н. Кривенко взять журналъ отъ Поповой и передать его имъ. Никому, кромѣ С. Н. Кривенко, г-жа Попова не сообщала своихъ намѣреній по отношенію къ

журналу, слѣдовательно сотрудники столь же мало могли претендовать на то, чтобы считать себя дольщиками въ предпріятіи, какъ мало могутъ, напримѣръ, считать себя наслѣдниками имущества лица, имѣющія только предполагаемое право наслѣдованія послѣ наслѣдодателя, пока онъ остается въ живыхъ. Они были только предполагаемыми въ будущемъ, а не настоящими правопріемниками г-жи Поповой по журналу.

Когда во второй половинѣ 1896 г. возникли обострившіяся неудовольствія между О. Н. Поповой и сотрудниками «Новаго Слова», вслѣдствіе усиливающагося ея вмѣшательства въ литературную часть журнала, ни свойства котораго, ни пользы или вреда для журнала судъ чести не призванъ по настоящему дѣлу обсуждать, когда вслѣдствіе сего издательница рѣшилась освободиться отъ издательства, а мужъ ея А. Н. Поповъ—отъ оффиціальнаго редакторства, то между обѣими сторонами—съ одной стороны О. Н. и А. Н. Поповыми, а съ другой С. Н. Кривенко, совѣщавшимся съ своими сотрудниками, произошелъ обмѣнъ устныхъ и письменныхъ сообщеній, которыя особенно характерны именно тѣмъ, что даютъ основаніе заключать о способѣ пониманія переговаривающимися своихъ правъ на журналъ. Въ засѣданіи 11-го января 1897 года, гг. Поповыми было предложено С. Н. Кривенко взять на себя журналъ безъ всякаго за то вознагражденія Поповой. Для дѣла безразлично, сказалъ ли на это Кривенко: «хоть сейчасъ», какъ утверждаетъ г. Поссе, или ничего опредѣлительнаго не сказалъ. Но несомнѣнно то, что 13-го января Кривенко отклонилъ предложеніе, какъ оскорбительное для него или, по крайней мѣрѣ, какъ неделикатное, такъ какъ онъ не привыкъ что-либо получать даромъ. Если-бы журналъ былъ уже кружковый, то, какъ представитель и глава группы сотрудниковъ, С. Н. Кривенко, не вправѣ былъ-бы дать такой отрицательный отвѣтъ лично отъ себя, потому что не имѣлъ никакого права распоряжаться вещью, принадлежащею кружку, а за предложеніе взять эту вещь даромъ не имѣлъ-бы онъ никакого основанія лично обижаться, такъ какъ безмездная передача относилась не къ нему, а къ кружку.

Настоящимъ отвѣтомъ на запросъ 11-го января послужила записка С. Н. Кривенко, безъ числа, съ общими предположеніями о разрѣшеніи затрудненій, которая сдѣлалась основаніемъ и программою всѣхъ послѣдующихъ переговоровъ. Въ этой запискѣ С. Н. Кривенко предлагаетъ О. Н. Поповой четыре исхода и *не дѣлаетъ между ними выбора*, значитъ предоставляетъ О. Н. Поповой остановиться на любомъ изъ нихъ, если она рѣшится его избрать.

Первый исходъ, прямо противный заявленному желанію Поповыхъ раздѣлаться съ журналомъ, и потому прямо невозможный, заключается въ продолженіи издательства, съ полнымъ однако устраненіемъ Поповой отъ вмѣшательства въ литературную сторону журнала, изъ-за чего и былъ ею поставленъ вопросъ о выходѣ ея изъ журнала.

Второго исхода—продажи журнала на сторону *не только не оспа-*

риваетъ С. Н. Кривенко, но признаетъ его самымъ естественнымъ, разъ издательница заявляетъ категорически, что не желаетъ продолжать издательство. С. Н. Кривенко не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, для охраненія сотрудниковъ отъ послѣдствій перехода журнала въ чужія руки, что онъ неминуемо сдѣлалъ-бы, если-бы право это существовало, тѣмъ болѣе, что онъ же самъ этихъ сотрудниковъ привлекъ въ журналъ за сравнительно низкое вознагражденіе!

Въ полномъ непризнаніи этихъ правъ сотрудниковъ со стороны Кривенко убѣждаетъ четвертый исходъ, состоящій въ томъ, чтобы *всѣхъ настоящихъ сотрудниковъ уволить, а, набравъ совершенно новый составъ редакціи*, съ нимъ продолжать вести журналъ. С. Н. Кривенко не затрудняется вовсе при мысли, что совсѣмъ новый составъ редакціи будетъ имѣть неизбѣжно иное направленіе, чѣмъ прежній, потому только, что онъ будетъ избранъ изъ новыхъ людей. Онъ совѣтовалъ поставить этотъ исходъ на первомъ планѣ и присовокупляетъ; «можетъ быть такъ и лучше будетъ».

Что касается до послѣдняго исхода, постановленнаго въ запискѣ подъ цифрою 3, то онъ только одинъ касается лицъ, жалующихся по настоящему дѣлу на О. Н. Попову, потому что состоитъ въ передачѣ журнала литературнымъ работникамъ. С. Н. Кривенко относится къ нему почти отрицательно («этотъ третій исходъ для меня не нуженъ»). Онъ допускаетъ этотъ способъ только при существованіи категорическаго желанія Поповыхъ передать журналъ кружку литературныхъ работниковъ, которые въ немъ работали или будутъ работать. Передача эта и не предполагается вовсе г. Кривенко въ настоящемъ, а только въ отдаленномъ будущемъ, когда: либо въ журналѣ концы будутъ сходиться съ концами, либо привлеченъ будетъ кто-либо изъ сочувствующихъ журналу лицъ, который согласится давать деньги и покрыть затраты Поповыхъ; но этотъ человѣкъ не указанъ, а можетъ быть и совсѣмъ не имѣлся въ виду. На возвращеніе затратъ Поповы не разсчитывали, но когда 11-го января они предлагали передать журналъ тотчасъ и даромъ, то они вмѣстѣ съ тѣмъ полагали, что С. Н. Кривенко единолично или съ своимъ кружкомъ, освободитъ ихъ отъ обязательствъ передъ подписчиками за 7 мѣсяцевъ до окончанія подписного года, т. е. до 1-го октября. Г. Кривенко не затрогиваетъ этого вопроса, право собственности оставляется имъ за Поповыми до возвращенія имъ затратъ. Это возвращеніе *при неимѣніи въ виду капиталиста* возможно только съ подписки, предполагающейся къ полученію съ 1-го октября 1897 года и, разумѣется, если у журнала концы будутъ сходиться съ концами. Лишь затѣмъ можетъ произойти передача журнала кружку работниковъ.

Изъ четырехъ исходовъ, предлагаемыхъ въ запискѣ г. Кривенко, первый и четвертый не могли быть приняты Поповыми, четвертый потому, что О. Н. Попова не была намѣрена ни въ какомъ случаѣ вести журналъ, даже и съ новымъ составомъ редакціи, а первый потому, что

съ ея стороны подчиниться условію невмѣшательства было-бы равносильно сдачѣ ею себя, такъ сказать, на капитуляцію, что она и выразила потомъ (письмо 17-го января) словами, которыхъ смыслъ таковъ: «не могу и не хочу идти въ кабалу къ людямъ, которыхъ я не знаю и съ которыми Вы себя считаете связанными неразрывными узами». Въ своемъ письмѣ 17-го января, отъ котораго она не отступилась и которое можетъ быть разсматриваемо, какъ ея ультиматумъ, т. е., какъ ея окончательное предложеніе, она предоставляетъ себѣ поступить по своему усмотрѣнію послѣ 1-го февраля, считая себя послѣ этого срока свободною во всѣхъ отношеніяхъ, значитъ она твердо придерживается исхода второго, указаннаго въ запискѣ по наступленіи срока. До срока 1-го февраля она беретъ за базисъ возможныхъ соглашеній съ Кривенко только одинъ пунктъ 3-й записки, на который она указываетъ и о котораго сообщеніи сотрудникамъ она настаиваетъ. Это мѣсто въ письмѣ 17-го января есть первое въ дѣлѣ ея обращеніе къ группѣ сотрудниковъ, какъ могущему образоваться собирательному лицу. Она выражаетъ, что предпочла бы передать журналъ С. Н. Кривенко, но слышала, что онъ этого не желаетъ, а потому обращается къ совокупности сотрудниковъ, не называя никого: «*берите журналъ, а тамъ заплатите мнѣ, что и когда можно будетъ.*» Она не прочь отъ того, чтобы журналъ передать сотрудникамъ, но не желаетъ приходить съ ними въ соприкосновеніе и требуетъ при передачѣ журнала посредничества Кривенки въ слѣдующихъ словахъ: «я не подозрѣвала, что соучастіе есть conditio sine qua non Вашего участія: я-бы никогда на это не согласилась. Съ однимъ человѣкомъ можно ладить, но не съ полдюжиной». Прошу Васъ, написала она, не тяните дѣло, иначе оно можетъ разразиться чѣмъ нибудь непріятнымъ. Самый срокъ 1-го февраля былъ такимъ образомъ поставленъ въ письмѣ 17-го января («можетъ быть назначенъ»), что если-бы С. Н. Кривенко пожелалъ предложить другой какой-нибудь не далекій, но во всякомъ случаѣ точно опредѣленный срокъ, то можетъ быть и послѣдовало-бы согласіе Поповой на эту короткую отсрочку. О такой отсрочкѣ Кривенко не просилъ. Онъ писалъ о новой комбинаціи, которую придумалъ, но получилъ отвѣтъ, что отъ него ожидается только согласіе или несогласіе на предложеніе О. Н. Поповой, а оно требовалось только по 3-му пункту. За четыре дня до срока, а именно 27-го января онъ написалъ письмо, на которое уже не послѣдовало отвѣта. Господа жалобщики по настоящему дѣлу считаютъ О. Н. Попову неправильно поступившею въ томъ отношеніи, что она, получивъ это письмо, не указала тѣхъ измѣненій, при допущеніи которыхъ соглашеніе могло-бы состояться. По мнѣнію члена суда В. Д. Спасовича это обвиненіе вполнѣ неосновательно, потому что письмо 27 января сводится цѣликомъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) разрѣшеніе вопроса по пункту третьему записки, принятому за базисъ переговоровъ О. Н. Поповою, С. Н. Кривенко отодвигаетъ въ неопредѣленную даль, оставляя открытымъ

вопросъ о самой возможности таковаго рѣшенія. Изъ 7 пункта письма 27-го января оказывается: а) что кружокъ пріобрѣтателей журнала изъ сотрудниковъ еще не образованъ; б) что когда С. Н. Кривенко при жизни своей рѣшится его образовать, то кружокъ выберетъ своего представителя; в) что затѣмъ кружокъ можетъ быть и не пожелаетъ принять на себя журналъ, тогда журналъ *какъ безхозяйный предметъ опять свалится на г-жу Попову*, которая объявила уже прежде, что хочетъ только одного: *чтобы отъ журнала отвязаться*. Вся эта часть письма 27-го января, по мнѣнію В. Д. Спасовича, справедливо признана была А. Н. Поповымъ и О. Н. Поповою за полный отказъ отъ исхода по 3 пункту. Всѣ остальные пункты письма 27-го января воспроизводятъ въ совокупности только исходъ первый записки С. Н. Кривенко, т. е. *безсрочное продолженіе дѣла, какъ оно до того времени велось*, съ оффиціальнымъ редакторомъ А. Н. Поповымъ. Издательства журнала не беретъ на себя Кривенко, такъ какъ это для журнала было бы рисковано. Изъ предлагаемыхъ имъ въ издатели лицъ одинъ, докторъ Офросимовъ, былъ Поповымъ неизвѣстенъ, отъ отсутствующей Розаліонъ-Сашальской г. Кривенко не имѣлъ надлежащей довѣренности. Такъ какъ оба эти лица и не представлялись лицами, *обладающими денежными средствами*, то они были только *подставными издателями*, а отвѣтственность за продолженіе издательства до 1-го октября 1897 г. лежала бы всецѣло на одной О. Н. Поповой. Такъ какъ первый исходъ былъ уже принципіально въ полномъ его составѣ О. Н. Поповою отвергнутъ въ письмѣ отъ 17-го января, то и возобновленное въ письмѣ 27-го января предложеніе того-же самаго исхода, хотя-бы и въ иной, болѣе подробно излагающей его редакціи не вызвало необходимости новаго отрицательнаго отвѣта. Предлагать какія либо измѣненія, которыя были бы г-жѣ Поповой желательны, Попова не только не желала, но и не могла, коль скоро она отвергала исходъ первый вполнѣ, въ самомъ его коренномъ основаніи, что и выражено было гг. Поповыми и Волькенштейномъ въ собраніи 1-го февраля словами, что Поповы желаютъ оставаться хозяевами дѣла, т. е. что они не подчиняются условію своего невмѣшательства въ литературную сторону дѣла. Ни 1-го февраля, ни 3-го февраля, когда О. Н. Попова бесѣдовала въ редакціи съ С. Н. Кривенко, она не имѣла еще никакого представленія о какой-бы то ни было развязкѣ, возможность которой возникла только тогда, когда М. Н Семеновъ заявилъ свое желаніе пріобрѣсти журналъ.

Онъ это предложеніе сдѣлалъ 4-го февраля, въ тотъ самый моментъ, когда уже у Поповой была рѣшимость закрыть журналъ, т. е. предложить подписчикамъ взять обратно деньги за неизданныя еще книжки подписного года, или предложить журналъ даромъ литературному фонду. Соглашеніе состоялось внезапно, причемъ О. Н. Попова тутъ-же должна была связать себя по отношенію къ Семенову своимъ безповоротнымъ словомъ о предоставленіи ему журнала, но что касается до него, то онъ

обезпечилъ себѣ полную свободу взять назадъ свое предложеніе послѣ поѣздки въ Москву, куда онъ ѣхалъ для переговоровъ относительно предпріятія съ другими лицами.—Такъ какъ О. Н. Попова *имѣла основаніе считать себя свободною въ распоряженіи журналомъ послѣ 1-го февраля*, то увѣдомлять сотрудниковъ о своемъ предварительномъ и со стороны Семенова вполнѣ условномъ соглашеніи съ симъ послѣднимъ *она не была обязана*. Супруги Поповы не только не скрывали перехода журнала къ Семенову, но сообщали о томъ другимъ лицамъ безъ оговорокъ о неразглашеніи, напримѣръ Волькенштейну и Поссе, такъ что фактъ переговоровъ съ Семеновымъ былъ уже общеизвѣстенъ до возвращенія Семенова изъ Москвы. О немъ говорили въ союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, объ этомъ обстоятельствѣ освѣдомлялся у Поповой 7-го февраля въ собраніи союза Н. К. Михайловскій. Свойство предварительнаго соглашенія съ Семеновымъ 4-го февраля было таково, что не допускало уже по возвращеніи Семенова никакой возможности предложить сотрудникамъ, не пожелаютъ-ли они взять журналъ на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ желаетъ взять Семеновъ; притомъ если бы это предложеніе было сдѣлано, то *едва-ли бы оно могло имѣть какое либо практическое значеніе*, такъ какъ на сколько можно судить по всему ходу предшествовавшихъ переговоровъ *ни у С. Н. Кривенко, ни у сотрудниковъ не имѣлось достаточныхъ денежныхъ средствъ*, которыми-бы они располагали.

Что касается до обвиненія О. Н. Поповой въ томъ, что продажею журнала М. Н. Семенову она уступила его группѣ лицъ иного направленія нежели то, къ которому принадлежали сотрудники «Новаго Слова» въ тѣ два года, когда она была издательницею, то это обвиненіе членъ суда В. Д. Спасовичъ считаетъ неосновательнымъ, какъ вообще, такъ и въ особенности въ примѣненіи его къ О. Н. Поповой. Литература, конечно, требуетъ, чтобы писатели были устойчивы въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы они ихъ не мѣняли неискренно изъ-за личныхъ видовъ, чтобы они не переходили изъ одного лагеря въ другой прямо ему враждебный, но это начало относится къ главнымъ идейнымъ теченіямъ, непримиримымъ между собою, а не къ разновидностямъ одного и того-же теченія, расходящимся не въ цѣляхъ, которыя, можетъ быть, у нихъ одинаковы, а въ путяхъ для достиженія этихъ цѣлей. Извѣстно, что писатель можетъ мѣнять свои взгляды на общественные вопросы и что происходятъ постоянныя перемѣны въ группировкѣ сотрудниковъ по газетнымъ программамъ. Оба направленія, народническое, къ которому себя причисляютъ бывшіе сотрудники «Новаго Слова», и марксистское, къ которому принадлежатъ г. Семеновъ и его теперешніе сотрудники, имѣютъ то общее качество, что они не только прогрессивныя, но и радикальныя Оба борются съ капитализмомъ, хотя и разными способами, что не даетъ основанія считать марксистовъ сторонниками буржуазіи.—Что касается лично до г-жи Поповой, то свидѣтель Н. К. Михайловскій, *не одобряю-*

щій передачу «Новаго Слова» марксистамъ, привелъ въ пользу О. Н. Поповой три смягчающія ея вину обстоятельства, которыя членъ суда В. Д. Спасовичъ считаетъ вполнѣ извиняющими ее. Первое изъ нихъ заключается въ предложеніи ея возвратить подписчикамъ подписныя деньги, вторымъ являются наши литературные нравы, допускающіе писателю участвовать одновременно въ нѣсколькихъ органахъ печати, прямо противоположныхъ и рѣзко полемизирующихъ другъ съ другомъ, чему безуспѣшно старалась противодѣйствовать О. Н. Попова, по поводу враждебныхъ для «Новаго Слова» статей въ «Недѣлѣ». Третьимъ обстоятельствомъ въ пользу О. Н. Поповой служитъ то, что г-жа Попова совсѣмъ не знала 4-го февраля, обязуясь продать журналъ г. Семенову, что онъ марксистъ, она была встревожена 7-го февраля когда узнала о томъ въ союзѣ взаимопомощи и писала подъ этимъ впечатлѣніемъ письмо къ Н. К. Михайловскому. По симъ соображеніямъ членъ суда В. Спасовичъ, признавая что О. Н. Попова не оказывается ни нарушившею по настоящему дѣлу какія-бы то не было нравственныя свои обязанности по отношенію къ жалобщикамъ Я. В. Абрамову и А. М. Скабичевскому ни поступившею вопреки установившимся въ современной печати правиламъ и приличіямъ, полагаетъ жалобу гг. Абрамова и Скабичевскаго, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій».

V.

«Особое мнѣніе» г. Спасовича исчерпываетъ вопросъ о томъ, нарушила-ли г-жа Попова какія-либо *нравственныя основанія* при передачѣ журнала г. Семенову. Г. Спасовичъ, со свойственною ему строгою логичностью, не уклоняется ни на шагъ въ сторону отъ этого единственнаго вопроса, который онъ призванъ былъ разрѣшить въ качествѣ судьи по дѣлу о жалобѣ *гг. Абрамова и Скабичевскаго* на г-жу Попову. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находимся мы, какъ одинъ изъ органовъ общественнаго мнѣнія, когда, по жалобѣ повѣреннаго г-жи Поповой, изложенной въ брошюрѣ, принуждены высказаться, насколько основательны *претензіи г-жи Поповой*, предъявленныя къ ея бывшимъ обвинителямъ и къ неправо осудившему ее суду чести при союзѣ русскихъ писателей.

Гг. Абрамовъ и Скабичевскій, въ заявленіи, составленномъ ими по уполномочію отъ десяти перечисленныхъ выше обвинителей, утверждаютъ (стр. 6), что С. Н. Кривенко, «принявшій на себя фактическое редактированіе журнала, приглашая лицъ, солидарныхъ съ нимъ по направленію, къ сотрудничеству, указывалъ имъ на то, что журналъ по существу дѣла является принадлежащимъ работающимъ въ немъ и что *современемъ* фактически долженъ перейти къ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія,— добавляютъ обвинители,—что именно въ виду такого положенія вещей, многія лица, начавшія работать въ журналѣ, *перешли въ него изъ другихъ*

изданій, несмотря на то, что журналъ могъ оплачивать ихъ трудъ *значительно меньшимъ* вознагражденіемъ, нежели какое они получали прежде».

Смыслъ этихъ словъ ясенъ: ближайшіе сотрудники «Новаго Слова» перешли въ этотъ журналъ изъ другихъ изданій не только потому, что они солидарны по направленію съ г. Кривенко, но и въ томъ разсчетѣ, что современемъ, когда журналъ будетъ окупаться или приносить барыши, на ихъ долю выпадетъ *пай* въ этомъ выгодномъ предпріятіи. Они считали, что часть заработка, ими не дополученная за первые годы изданія, составитъ капиталъ, сбереженіе, которое современемъ начнетъ приносить проценты. Этимъ практическимъ соображеніемъ весьма просто объясняется и самое негодованіе ихъ противъ г-жи Поповой, когда она, не дождавшись *учтеннаго ими заранѣе* процвѣтанія дѣла, продала журналъ г. Семенову. Они *не дополучили часть своего гонорара*,— отсюда, по ихъ мнѣнію вытекаютъ неотъемлемыя ихъ права на журналъ, подъ залогъ будущаго успѣха котораго ими былъ оказанъ нѣкоторый кредитъ редакціи и издательницѣ. Въ такой аргументаціи нѣтъ ничего возвышеннаго, она не такъ красива, какъ риторика на тему объ «измѣнѣ знамени», но зато она несравненно понятнѣе—и правдивѣе.

Разсмотримъ же, какъ обстояло дѣло съ денежными разсчетами въ журналѣ «Новое Слово». Г. Поповъ, состоявшій съ ноября 1895 г. оффиціальнымъ редакторомъ,—какъ говоритъ онъ на стр. 14-ой брошюры,—«преимущественно обращалъ свой трудъ на *регистрированіе* хозяйственной стороны дѣла». Не только литературная часть, но и часть финансовая (преимущественно расходы), находились въ главномъ завѣдываніи С. Н. Кривенко. Имъ опредѣлялись размѣры гонораровъ, смѣты по типографскимъ работамъ и пр. «Такъ установилось дѣло,—говоритъ далѣе г. Поповъ,—но документальныхъ слѣдовъ желающіе удостовѣриться не пріобрѣтутъ уже потому, что особенность распорядковъ была такова, что, напримѣръ: *на выдачи денегъ никакихъ письменныхъ ордеровъ не давалось*, разсчетные листы по удовлетворенію сотрудниковъ за статьи, напечатанныя въ книжкахъ, никогда не удостовѣрялись С. Н. Кривенко и, по необходимости, контора почти исключительно должна была довольствоваться словесными распоряженіями и считать дѣйствіе правильно завершеннымъ, если со стороны кредитора не было возраженія. При возраженіи приходилось слѣдовать требованіямъ кредитора». При такой организаціи дѣла, несмотря на приростъ подписчиковъ до 3-хъ тысячъ, г-жа Попова въ полтора года затратила около 50,000 рублей. Въ декабрѣ 1896 г. повѣренный ея писалъ г. Кривенко: «все производится съ весьма почтенными и благими намѣреніями, но какъ бы на счетъ государственнаго казначейства... Результатъ такой постановки дѣла предусмотрѣть легко—кто-либо кого-либо да потопитъ, а, быть можетъ, безъ всякой череды обѣ стороны пойдутъ ко дну одновременно». Въ ожиданіи подобнаго финала, издательница, какъ свидѣтельствуетъ г. Поповъ (стр. 15),

выплачивала помѣсячно за редактированіе журнала 150 р. г. Кривенко, 100 р. г. Скабичевскому и г. Поссе сначала по 50 р., а затѣмъ по 100 р. Сверхъ этого, гонораръ разсчитывался полистно: за оригинальныя беллетристическія произведенія 60—150 р., переводы—20—25 р., статьи по библіографіи—80 р., за прочія статьи 60—75 р. Безплатныхъ работъ было доставлено всего 30 листовъ, изъ которыхъ 24 листа пришлось на долю самой г-жи Поповой. Въ то же время г. Поповъ безвозмездно работалъ въ конторѣ журнала въ послѣднее время болѣе пяти часовъ ежедневно.

Врядъ ли требуется какая-либо особая экспертиза, чтобы признать, что гонораръ, какъ за редакціонныя занятія, такъ и за литературныя работы взимался обвинителями съ г-жи Поповой въ размѣрѣ не ниже, а скорѣе *выше* средняго уровня, установившагося на литературномъ рынкѣ. Если принять при этомъ во вниманіе, что участіе г-жи Поповой въ изданіи предполагалось лишь до того момента, когда журналъ начнетъ окупать себя, станетъ очевиднымъ, которая изъ сторонъ *приносила жертвы* на будто бы общее дѣло. Г. Кривенко и его сотоварищи ничѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не рисковали. Благодаря затратамъ г-жи Поповой, они пріобрѣли журналъ, въ которомъ могли высказываться съ полною свободой, будучи совершенно обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи: девяносто сотыхъ писателей на Руси не располагаютъ такимъ заработкомъ, какой давала имъ г-жа Попова. Помимо этого имъ улыбалась радужная будущность, когда они станутъ собственниками предпріятія, отъ котораго имъ легко было отстранить въ любой моментъ г-жу Попову. Что же выпало бы въ самомъ лучшемъ случаѣ на долю этой послѣдней? Нравственное удовлетвореніе, что ей удалось, рискнувъ своимъ капиталомъ, личнымъ трудомъ и здоровьемъ, доставить г. Кривенко и «группѣ писателей» органъ для самостоятельной литературной дѣятельности и безбѣднаго существованія. Журналъ въ скоромъ времени пріобрѣлъ довольно широкій кругъ читателей, всѣ данныя сложились, повидимому, въ пользу наилучшей развязки. Еще годъ или два,—и г. Кривенко съ сотоварищами могли бы обойтись безъ г-жи Поповой. Она и сама не могла не понимать, что только въ этомъ случаѣ выйдетъ изъ дѣла безъ особенно чувствительнаго нравственнаго и матеріальнаго урона. Однако, положеніе, въ которое она была поставлена группою своихъ будущихъ обвинителей, оказалось для нея настолько мучительнымъ, что она, махнувъ рукой на всѣ свои затраты, стала добиваться лишь одного: чтобы г. Кривенко снялъ съ нея дальнѣйшія обязательства передъ подписчиками, принялъ журналъ и поступилъ съ нимъ по своему усмотрѣнію: «берите журналъ,—писала она,—а тамъ заплатите мнѣ, что и когда можно будетъ». Незадолго до продажи журнала, г-жа Попова написала г. Кривенко еще отчетливѣе: «вы знаете мое желаніе передать журналъ въ Ваши руки, отказавшись отъ всѣхъ затраченныхъ на него денегъ. Я бы желала, чтобы это было извѣстно и другимъ Ва-

шимъ товарищамъ, дабы не было ложнаго толкованія относительно моихъ пожеланій,—воспользоваться чужими руками». Но для г. Кривенко и его сотоварищей не представлялось заманчивымъ принять журналъ отъ г-жи Поповой ранѣе, чѣмъ онъ начнетъ окупать себя или приносить барыши; при томъ же у нихъ не было средствъ для этого, а рискнуть на подписаніе долговыхъ обязательствъ г. Кривенко не рѣшился: «имѣйте въ виду,—писалъ онъ повѣренному г-жи Поповой,—что имущества у меня нѣтъ никакого, а остаться передъ кѣмъ-нибудь неоплатнымъ должникомъ и не оправдать довѣрія я не хочу». Г. Кривенко, который безконтрольно велъ все предпріятіе, не считалъ возможнымъ поручиться, что оно возмѣститъ сдѣланныя затраты; зато онъ требовалъ такой увѣренности отъ г-жи Поповой, которая не должна была вмѣшиваться въ веденіе журнала и о содержаніи текущихъ отдѣловъ не знала ничего до самаго выхода книгъ изъ печати. Видя, что г. Кривенко уклоняется отъ безвозмезднаго принятія журнала, и затягиваетъ переговоры, вводя ее въ новыя, нежелательныя или непосильныя для нея затраты, г-жа Попова письменно поставила окончательный срокъ для переговоровъ: если вы желаете получить журналъ, то сговоритесь съ г. Волькенштейномъ, написала она,—и срокъ можно поставить первое февраля... Если же это не состоится, то *я буду считать себя свободной отъ всѣхъ обязательствъ и продамъ журналъ въ другіе руки*». Въ дальнѣйшей перепискѣ г-жа Попова еще отчетливѣе установила предѣльный срокъ—1-ое февраля. Не получивъ согласія отъ г. Кривенко принять безвозмездно уступаемый журналъ, г-жа Попова, какъ мы знаемъ, 4-го февраля продала «Новое Слово» г. Семенову, сотрудничавшему и ранѣе въ этомъ изданіи.

Для всякаго, не заинтересованнаго лично въ этомъ дѣлѣ, очевидно, что г-жа Попова вела переговоры не только съ полнымъ, но даже съ *преувеличеннымъ* сознаніемъ лежащихъ на ней обязательствъ. Права какимъ-то образомъ оказались цѣликомъ на сторонѣ г. Кривенко, а обязанности въ такой-же мѣрѣ на сторонѣ г-жи Поповой. Когда-же уклончивый, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительно самоувѣренный образъ дѣйствій г. Кривенко и его сотоварищей принудилъ г-жу Попову прибѣгнуть къ примѣненію неотъемлемаго ея права продать журналъ *кому-угодно*, чтобы положить конецъ непосильнымъ и нежелательнымъ для нея дальнѣйшимъ тратамъ, «группа писателей» предприняла шумный походъ противъ своего недавняго союзника, противъ безупречно-безкорыстной издательницы, истощившей всѣ усилія, чтобы осуществить на пользу имъ свои чистыя и благородныя намѣренія. Зная, что г-жа Попова весьма чувствительна къ нападкамъ въ печати, гг. писатели принялись «продергивать» ее въ газетахъ. Г-жа Попова отвѣтила на это предложеніемъ возвратить деньги подписчикамъ, которыя не желаютъ получать журналъ, выходящій съ новымъ составомъ сотрудниковъ. Тогда, воспользовавшись судомъ чести въ союзѣ русскихъ писателей, въ которомъ «группа» заняла съ самаго

основанія вліятельную позицію, г. Кривенко и его сотоварищи вознамѣрились выместить фіаско своихъ радужныхъ разсчетовъ на добромъ имени г-жи Поповой. Денежная подкладка дѣла была ловко убрана на второй планъ. Возникъ чудовищно-нелѣпый, яко-бы *принципіальный* вопросъ: обязана-ли была разоряться издательница на веденіе журнала или имѣла право продать его своему-же сотруднику, хотя оказалось, что тотъ принадлежитъ къ другому литературному кружку? Гг. литераторы, участвовавшіе въ разбирательствѣ дѣла, предусмотрительно закрывъ двери, нашли возможнымъ большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного «принципіально» распорядиться чужими средствами: по ихъ мнѣнію, издатель, не желающій подвергнуться осужденію въ трибуналѣ чести, не имѣетъ права отказаться отъ дальнѣйшаго веденія убыточнаго дѣла. Продать журналъ онъ можетъ только правовѣрному члену своего прихода, да и то собравъ тщательныя справки, нѣтъ-ли какого-либо изъяна въ его profession de foi. Не мѣшаетъ прибѣгнуть въ такомъ случаѣ и къ авторитетной экспертизѣ. Союзъ, конечно, учредилъ-бы и бюро для подобной экспертизы,—если-бы имѣлась какая-нибудь возможность найти хотя двухъ единомысленныхъ «высоко-даровитыхъ» и «глубоко-чтимыхъ» публицистовъ... Къ сожалѣнію, какъ разъ самые «именитые» изъ нихъ ни въ чемъ не сходятся другъ съ другомъ,—гдѣ одинъ говоритъ «да», другой говоритъ «нѣтъ». Въ результатѣ получилось—осужденіе безусловно правой г-жи Поповой, да еще съ оскорбительнымъ признаніемъ «извиняющихъ» ея мнимую вину обстоятельствъ.

Обвинительный приговоръ суда чести при союзѣ русскихъ писателей получилъ всероссійскую огласку. Вотъ одна изъ замѣтокъ по этому поводу: «судъ чести при союзѣ писателей, подъ предсѣдательствомъ Спасовича, въ составѣ двухъ судей, разсматривалъ жалобу Скабичевскаго и Абрамова на бывшую издательницу «Новаго Слова» Попову, обвинявшуюся въ продажѣ ею изданія безъ окончательныхъ переговоровъ съ главными сотрудниками и безъ ихъ согласія. Двое судей признали Попову виновной, но заслуживающей снисхожденія. Предсѣдатель остался при особомъ мнѣніи» («Казанскій Телеграфъ», № 1328). Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ замѣтка была помѣщена безъ упоминанія объ «особомъ мнѣніи». При такихъ условіяхъ, г-жа Попова, слишкомъ поздно догадавшаяся, что «члены союза не допускаютъ предвзято никакихъ соглашеній между интересами издателя и писателя» (брошюра, стр. 27) и что ей «слѣдовало-бы остерегаться вступать въ союзъ русскихъ писателей» (стр. 18), вправѣ была-бы предъявить къ суду чести союза обвиненіе въ оклеветаніи ея передъ общественнымъ мнѣніемъ. Что-же касается травли, учиненной противъ нея пресловутой «группой», то она можетъ возбуждать лишь глубочайшее негодованіе, какъ проявленіе грубой неблагодарности и мстительности, прикрывающейся лицемѣрною заботливостью объ охранѣ «чистоты убѣжденій».

Одинъ изъ обвинителей г-жи Поповой, г. Оболенскій, обратился къ

ней, по поводу ея требованія, чтобы онъ пересталъ сотрудничать въ «Недѣлѣ», нападавшей тогда на «Новое Слово»,—съ весьма характернымъ письмомъ, выдержкой изъ котораго мы закончимъ наши ссылки на брошюру г. Попова: «... Ваше положеніе въ журналѣ двойное: Вы въ немъ не только сотрудница и товарищъ, но и (волею судебъ) капиталистка... Но, ради Бога, не подумайте, что я Васъ обвиняю; нѣтъ, я глубоко вѣрю, что Вы видѣли только одну сторону дѣла—Ваше моральное отношеніе къ нему, Ваше просто человѣческое негодованіе, а упускали изъ виду экономическое положеніе Ваше въ дѣлѣ. И я не виню Васъ; я Васъ вполнѣ понимаю; вѣдь Вы сами страстно горячо любите это дѣло. Кто-же не преклонится передъ этимъ? Но судьба сдѣлала Васъ и богатой, *и вотъ деньги, проклятыя деньги, безъ которыхъ одного шага нельзя ступить—вотъ гдѣ корень всей этой психологической путаницы*, общаго разлада и общихъ страданій, въ которыхъ Вамъ досталась, конечно, самая крупная доля».

Эти правдивыя, дышащія искренностью строки, вырвавшіяся въ минуту откровенности у одного изъ участниковъ посильно разсмотрѣннаго нами глубоко прискорбнаго дѣла, даютъ ключъ къ правильному его разрѣшенію. Съ внѣшней стороны—благовидныя препирательства о самыхъ утонченныхъ вопросахъ писательской нравственности, о непримиримости и нетерпимости убѣжденій,—а на заднемъ планѣ, для огражденія котораго въ «судѣ чести» передъ непосвященными запираются завѣтныя двери,—позорная картина гнилостнаго разложенія той самой среды, которая считаетъ себя спеціально призванной «давать намъ смѣлые уроки». Дѣятель съ яснымъ и проникновеннымъ умомъ, попавшій въ эту среду въ качествѣ судьи, былъ неизбѣжно обреченъ остаться при «особомъ мнѣніи». Еще болѣе рѣзкое «особое мнѣніе» вынесли изъ сношеній съ этою средой на свое горе спознавшіеся съ ней гг. Поповы. Не присоединится къ группѣ обвинителей, отплатившихъ неправымъ приговоромъ безкорыстной издательницѣ, и безпристрастное общественное мнѣніе, ознакомить которое съ обстоятельствами этого вопіющаго дѣла мы считали своимъ нравственнымъ и безусловнымъ долгомъ.

К. Льдовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

Народные университеты въ Германіи.

Большинствомъ цивилизованныхъ странъ, какъ извѣстно, было пережито такое время, когда высшее образованіе являлось исключительной привилегіей господствующихъ классовъ. Германія въ этомъ отношеніи не только не составила исключенія, но даже явилась наиболѣе характерной страной. Въ этой странѣ философовъ и мыслителей, въ сравнительно еще недавнее время, въ отношеніи распредѣленія умственныхъ благъ наблюдалось крайнее неравенство: въ полное и свободное распоряженіе господствующихъ, состоятельныхъ классовъ было предоставлено много университетовъ и другихъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно обставленныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, широко и радушно раскрывающихъ передъ ними свои тяжелыя двери; тогда какъ среднимъ и низшимъ классамъ было болѣе или менѣе доступно только среднее и низшее элементарное образованіе. Такое печальное положеніе вещей со стороны высшихъ классовъ признавалось тогда вполнѣ нормальнымъ. Они не только не хотѣли выйти изъ него и по своей частной инпціативѣ начать насаждать высшее образованіе въ среднихъ и низшихъ классахъ, но даже сами сознательно избѣгали этого. Мало того, считая высшее образованіе для среднихъ и низшихъ класовъ губительнымъ ядомъ, способнымъ оказать умственно-нравственному и экономическому прогрессу и культурѣ Германіи только одинъ вредъ, господствующіе состоятельные классы и—увы!—вмѣстѣ съ ними большинство изъ жрецовъ академической науки—старательно подавляли народное стремленіе къ образованію. Въ результатѣ такого неравенства въ отношеніи образованія между классами, а также явной несправедливости богатаго и господствующаго класса къ среднему и низшему, образовалась громадная пропасть, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжная классовая обособленность и взаимное непониманіе, граничащее нерѣдко съ обоюднымъ презрѣніемъ и ненавистью. Дѣйствительно, въ Германіи классовая обособленность

доходила до того, что господствующій классъ стыдился народнаго языка и всячески избѣгалъ употребленія его, вслѣдствіе чего современемъ уже почти совсѣмъ позабылъ и не понималъ его. Средній-же и въ особенности низшій классъ, говоря на своемъ языкѣ, въ свою очередь, также не понимали языка высшаго класса и не употребляли его въ своихъ разговорахъ. Говорятъ, что нерѣдко случалось и даже теперь случается, что представители двухъ противоположныхъ классовъ—высшаго и низшаго—при ихъ какомъ-либо обоюдномъ общеніи не понимали другъ друга и бывали вынуждаемы прибѣгать къ знающимъ оба произношенія посредникамъ.

Таково было тогда положеніе дѣлъ. Наблюдая его, извѣстный англійскій историкъ Бокль сдѣлалъ относительно дальнѣйшаго прогресса Германіи слѣдующій безотрадно-пессимистическій выводъ: «для Германіи,—писалъ онъ во введеніи къ своей «Исторіи цивилизаціи Англіи»,—очень трудно прогрессировать, такъ какъ тамъ пропасть между образованными и необразованными классами лежитъ глубже, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ». Но этотъ приговоръ извѣстнаго историка, къ удовольствію нѣмецкаго народа, не оказался пророческимъ. Въ настоящее время Германія, какъ это извѣстно всякому, стоитъ очень высоко въ культурномъ отношеніи. Такимъ образомъ, въ данномъ отношеніи Бокль глубоко ошибся. Это произошло, какъ намъ кажется, потому, что, вѣрно подмѣтивъ образовавшуюся между классами умственную пропасть, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во-первыхъ, не замѣтилъ наблюдавшихся прежде и въ его время нѣкоторыхъ систематическихъ, правда слабыхъ, попытокъ, направленныхъ къ уничтоженію этой пропасти; во-вторыхъ, не предусмотрѣлъ наступившей въ Германіи вскорѣ послѣ его неоправдавшагося приговора почти всеобщей демократизаціи, вслѣдствіе введенія тамъ всеобщаго обязательнаго начальнаго образованія, воинской повинности и голосованія. Между тѣмъ, эти два вышеуказанные фактора играли и съиграли серьезнѣйшую роль въ духовной жизни нѣмецкаго народа: подъ ихъ болѣе или менѣе продолжительнымъ и систематическимъ воздѣйствіемъ образовавшаяся между классами умственно-нравственная пропасть постепенно сглаживалась и въ настоящее время уже не является столь глубокой и значительной, какъ въ прежнее, сравнительно еще недавнее время.

Попытки уничтожить образовавшуюся между классами нѣмецкаго народа пропасть въ умственно-нравственномъ отношеніи исходили, главнымъ образомъ, изъ среды ученыхъ профессоровъ и свободныхъ мыслителей и наблюдались въ раннее, сравнительно, время. Такъ, напримѣръ, еще въ прошломъ столѣтіи знаменитый философъ Вольфъ въ своихъ повременныхъ изданіяхъ уже объяснялъ народу происходившія тогда тѣ или другія временныя явленія природы. Кантъ, хваля англійскую интеллигенцію за ея обычай объяснять народу явленія природы, также самъ при всякомъ удобномъ случаѣ слѣдовалъ ей. Геттингенскій-же ма-

тематикъ Кестнеръ, ради большей популярности и доступности для народа, облекалъ свои объясненія различныхъ явленій съ кометами въ стихотворную форму. Въ началѣ и срединѣ текущаго столѣтія также наблюдался цѣлый рядъ попытокъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ и мыслителей пріобщить средніе и низшіе классы къ высшему образованію. То тамъ, то здѣсь, время отъ времени, низшимъ и среднимъ классамъ читались частные университетскіе курсы, по тѣмъ или другимъ предметамъ. Такъ, напримѣръ, зимой 1827—28 гг. Алек. Гумбольдъ читалъ лекціи «О строеніи міровой системы», а Іоганъ Готлибъ Фихте—«Рѣчи къ нѣмецкой націи» [1]). Въ Кенигсбергѣ въ 30-хъ годахъ однимъ физико-экономическимъ обществомъ также читались лекціи, въ организаціи которыхъ принимали участіе Гельмгольцъ, Бессель, Нейманъ и мн. др. Въ Гессенѣ въ 40-хъ годахъ читались такія-же лекціи, организованныя однимъ обществомъ—«Наука и Искусство» [2]). Въ Мюнхенѣ съ 1854 года нѣкоторыми профессорами, доцентами и писателями также читались частные университетскіе курсы по различнымъ наукамъ [3]). Въ 70-хъ годахъ г. Генле читалъ передъ большой аудиторіей, состоявшей изъ слушателей среднихъ и низшихъ классовъ, рядъ лекцій по антропологіи [4]). Наконецъ, въ Берлинѣ, въ 1878 году, по инипіативѣ научнаго центральнаго ферейна, была основана спеціальная народная, такъ называемая, «Гумбольдтовская академія» [5]), въ которой профессорами, доцентами, писателями и вообще образованными людьми читались систематическіе университетскіе курсы по самымъ различнымъ наукамъ. Вообще, движеніе въ пользу распространенія университетскаго образованія въ средѣ среднихъ и низшихъ классовъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разросталось и пріобрѣтало себѣ горячихъ и могучихъ сторонниковъ. Послѣдніе, энергично пропагандируя словомъ и дѣломъ идею распространенія высшаго образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ нѣмецкаго народа, вмѣстѣ съ тѣмъ старались разбить доводы противниковъ ея и разсѣять въ высшихъ классахъ установившееся противъ нея неосновательное предубѣжденіе. Вотъ что, напримѣръ, отвѣтилъ профессоръ Наторпъ изъ Марбурга противникамъ высшаго народнаго образованія на одно изъ ихъ распространеннѣйшихъ и главнѣйшихъ возраженій, а именно, что высшіе университетскіе курсы не даютъ народу истиннаго высшаго образованія, а только одно поверхностное полуобразованіе, вслѣдствіе чего и для народа и для науки и университетовъ получается только одинъ явный вредъ. Расширеніе университетскаго образованія въ средѣ среднихъ и низшихъ классовъ, не-

---

[1]) «Kosmos» 1845. Bd. VI. S. IV.

[2]) Denkschriften der Gesellschaft für Wissenschaft und Kunst in Giessen 1847.

[3]) Wissenschaftliche Vorträge, gehalten zu München im Winter 1858. S. 7.

[4]) J Henle. «Antropologische Vorträge» 1871.

[5]) Humboldt. Akademie. Skizze ihrer Thätigkeit und Entwicklung 1878—1896. Von Dr Max. Hirch.

смотря на недавнее существованіе послѣдняго, и цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій,—такъ начинаетъ свое возраженіе противникамъ профессоръ Наторпъ,—идетъ удивительно хорошо и прямо навстрѣчу потребности въ немъ народныхъ массъ. Уже доказано, что подобный путь распространенія высшаго образованія въ странѣ — одинъ изъ наилучшихъ. Опасеніе того, что черезъ это пострадаютъ университеты, оказалось неосновательнымъ. Наоборотъ, университеты черезъ живое соприкосновеніе съ націей только могутъ выиграть. Если будетъ достигнуто, что общій уровень образованія въ странѣ поднимется—поднимется и уровень университетовъ, такъ какъ тогда къ нимъ будутъ предъявляться болѣе высокія требованія и состязаніе классовъ, получившихъ болѣе высокое среднее образованіе, будетъ служить для носителей науки нѣкоторой опорой. Что-же касается мнѣнія, что расширеніе университетскаго образованія повлечетъ за собою полуобразованіе,—продолжаетъ далѣе почтенный профессоръ,—то оно также ошибочно. Правда, — замѣчаетъ профессоръ,—можно впасть въ такія ошибки и онѣ уже есть тамъ, гдѣ въ нихъ впали, но ихъ всегда можно избѣжать, если народные университетскіе курсы будутъ такими, каковыми они должны быть. При послѣднемъ условіи вліяніе университетовъ на народъ окажется совершенно инымъ—благотворнымъ. Ничто такъ не противостоитъ вреду диллетантизма,—заключаетъ профессоръ,—какъ принужденіе къ самостоятельной работѣ въ одной, хотя и ограниченной, области знанія. Это—задача расширенія университета. Она успѣшна будетъ достигаться и уже достигнута. [1]) Должно отрѣшиться отъ основного положенія большинства,—говоритъ другой профессоръ, Рейнъ изъ Іены,—думающаго, что образованіе не должно переходить извѣстной границы, за которой оно только будетъ вредить хозяйственному положенію, прогрессу и культурѣ общества. Это положеніе—ошибочное предубѣжденіе. Оно должно быть замѣнено другой мыслью, что истинное и хорошее образованіе не вредитъ, а только способствуетъ исполненію обязанностей. Въ распространеніи высшаго образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ профессоръ Рейнъ, кромѣ того, еще полагаетъ нѣкоторую политическую цѣль, а именно: если допускать мысль, что когда-нибудь демократія займетъ господствующее положеніе въ странѣ, то ее необходимо подготовить къ этому, ради избѣжанія варварскимъ злоупотребленіемъ съ ея стороны своими правами. [2])

Неопровержимые доводы въ пользу распространенія въ низшихъ и среднихъ классахъ университетскаго образованія его сторонниковъ, энергичная и систематическая пропаганда и дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи, болѣе или менѣе удовлетворительные результаты сдѣланныхъ опытовъ, наглядный и заразительный примѣръ Англіи, Америки и другихъ странъ и увлеченіе имъ, наконецъ, все болѣе и болѣе усиливаю-

[1]) Akademische Revue 1886. Heft 11—12. S. 643.

[2]) Blätter für Sociall Praxis 3 Jahrg. № 67 S. 127-ая.

щаяся демократизація нѣмецкаго учено-литературнаго и вообще образованнаго міра—разсѣяли, наконецъ, существовавшія въ послѣднемъ предубѣжденія и опасенія относительно распространенія высшаго образованія въ среднихъ и нисшихъ классахъ. Въ результатѣ этого, въ Германіи за послѣднее время пропагандой и насажденіемъ высшаго народнаго образованія уже занимаются не одиночки, какъ это наблюдалось еще не такъ давно, а цѣлые ферейны, корпораціи профессоровъ, ученыхъ, литераторовъ, вообще образованныхъ людей, наконецъ, журналы и газеты. Въ рядахъ горячихъ сторонниковъ, притомъ не только теоретическихъ, но и практическихъ, мы видимъ такихъ знаменитыхъ на весь цивилизованный міръ лицъ, какъ профессора: А. Вагнеръ, Шмоллеръ, Л. Брентано, Паульсенъ, Лампрехтъ, Дамесъ, Рихардъ, Конъ, Ф. Данъ, Гетнеръ, Деметръ и мн. другіе. Изъ газетъ и журналовъ за высшее образованіе агитируютъ очень многіе, какъ напримѣръ, «Die Zukunft», «Vorwerts», «Die Zeit», «Die Hilfe», «Volkszeitung», «Frankfurter Zeitung», «Wossische Zeitung» и еще многіе другіе.

Пропагандируя и отстаивая идею широкаго высшаго образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ, сторонники ея, по мѣрѣ силъ и возможности, стремятся осуществлять ее и практически. Съ этой цѣлью они организуются во всевозможные ферейны, приглашаютъ въ нихъ профессоровъ, доцентовъ или вообще образованныхъ людей и при ихъ помощи устраиваютъ чтеніе университетскихъ болѣе или менѣе систематическихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ знанія. За послѣднее время такихъ ферейновъ возникло въ Германіи очень много. Они существуютъ въ цѣломъ рядѣ университетскихъ и обыкновенныхъ городовъ Германіи. Берлинъ, какъ научно-литературный центръ въ отношеніи организаціи для среднихъ и нисшихъ классовъ высшаго образованія, занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Въ немъ, въ настоящее время, имѣется нѣсколько ферейновъ и учрежденій преслѣдующихъ вышеуказанную цѣль. Изъ нихъ «Гумбольдтовская академія», какъ по времени своего славнаго существованія и дѣятельности, а также и по своему значенію и роли въ дѣлѣ распространенія высшаго образованія, въ нашемъ предстоящемъ здѣсь обзорѣ берлинскихъ народно-общественныхъ образовательныхъ учрежденій должна занять первое мѣсто.

«Гумбольдтовская академія» въ Берлинѣ была основана, какъ мы уже выше замѣтили, въ 1878 году, по инціативѣ научнаго центральнаго ферейна. Главной основой плана занятій въ ней послужили «незабвенные курсы, читанные Готлибомъ Фихте и Алекс. Гумбольдтомъ о высшихъ проблемахъ природы и культуры». Задача Гумбольдтовской академіи—прійти на помощь многочисленному среднему классу, имѣющему въ своемъ распоряженіи прекрасныя среднія школы, печать, газеты, журналы и книги, въ его стремленіяхъ разрѣшить тѣ или другія научныя и жизненныя проблемы. «Гумбольдтовская академія», не выпуская изъ стѣнъ своихъ ученыхъ или государственныхъ слугъ,

чѣмъ занимаются университеты, устно разрѣшаетъ своимъ слушателямъ всевозможныя научныя проблемы и этимъ приготовляетъ изъ нихъ, подобное старой аѳинской академіи, хорошо мыслящихъ и заботящихся объ общественномъ благѣ гражданъ. Названная академія, по словамъ генеральнаго секретаря ея, D-г'а Max Hirsch,—это высшая школа, «академія профановъ», куда, однако, можетъ поступить слушателемъ только болѣе или менѣе уже подготовленный человѣкъ, хотя принципіально доступъ туда разрѣшается всѣмъ и каждому. Курсы въ Гумбольдтовской академіи платные. Курсъ, состоящій приблизительно изъ 10 лекцій, стоитъ 5 марокъ, но для учителей, студентовъ, школьниковъ,—3 марки. Для бѣдныхъ-же слушателей гонораръ понижается еще ниже или даже совершенно не взимается.

Необходимо замѣтить, что въ Гумбольдтовской академіи ежегодно наблюдался приростъ слушателей (съ 1882—1883 г. по 1895—1896 гг. число ихъ увеличилось въ 6,5 разъ, а именно съ 536 поднялось до 3,477 слушателей); число-же курсовъ съ 1882—1883 гг. по 1895—1896 г. увеличилось съ 25 курсовъ до 121 курса, т.-е. въ 5 разъ. Число слушателей на каждый отдѣльный курсъ также увеличивалось. Столь постоянный и значительный приростъ слушателей въ Гумбольдтовской академіи и читаемыхъ въ ней курсовъ вызвалъ необходимость открыть въ разныхъ частяхъ Берлина ея филіальныя отдѣленія, которыя, дѣйствительно, были открыты, и теперь лекціи Гумбольдтовской академіи читаются въ трехъ мѣстахъ. Относительно читанныхъ въ академіи курсовъ еще отмѣтимъ то, что они ежегодно все болѣе и болѣе специализируются и вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе приближаются по своему характеру къ университетскимъ. Такъ, напримѣръ, въ первую, по основаніи академіи, учебную четверть года въ ней читался только одинъ курсъ по астрономіи, въ 1896 году по астрономіи читались уже шесть курсовъ, притомъ, тремя доцентами. Также и по литературѣ: въ первыя двѣ четверти, по основаніи академіи, 5-ю доцентами читалось 6 курсовъ; въ 1896 году, въ двѣ послѣднія четверти, было прочитано 17 курсовъ 8-ю доцентами. Въ Гумбольдтовской академіи, кромѣ общихъ теоретическихъ курсовъ, еще читаются курсы по вопросамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, тамъ читались лекціи о «передвиженіи на желѣзныхъ дорогахъ»; о «значеніи страхованія отъ огня, страхованія жизни» и т. д. Послѣднія лекціи посѣщались особенно охотно, такъ, напримѣръ, въ 1880 году ихъ посѣщало до 300 слушателей. Тамъ-же также читались и читаются курсы о новыхъ нѣмецкихъ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ. Кромѣ курсовъ, въ Гумбольдтовской академіи за послѣднее время, подъ давленіемъ практики жизни, еще были введены особые уроки (отъ 1½ до 2-хъ часовъ въ недѣлю), каковыхъ въ послѣднія двѣ четверти было 13: по математикѣ, новымъ языкамъ, статистикѣ, риторикѣ и т. п. Составъ профессоровъ Гумбольдтовской академіи самый разнообразный: профессора университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Бер-

лина (замѣтимъ кстати, что большинство профессоровъ относятся къ академiи почему-то холодно и даже враждебно), свободные ученые и лица съ высшимъ образованiемъ, литераторы и т. п. Въ январѣ 1879 года въ наличный составъ лекторовъ Гумбольдтовской академiи входило 19 человѣкъ, изъ которыхъ было: 3 профессора, 2 приватъ-доцента, 1 ассистентъ, 2 директора, 2 главныхъ учителя, 2 учителя, 1 врачъ, 2 судебныхъ совѣтника, 1 директоръ банка, 4 частныхъ ученыхъ и писателей. Въ общемъ, въ академiи, съ года ея основанiя и до послѣдняго времени, было 150 доцентовъ [1]).

Трудъ доцентовъ Гумбольдтовской академiи платный. Доцентъ получаетъ съ каждаго слушателя за читанный курсъ minimum 3 марки.

Составъ слушателей Гумбольдтовской академiи разнообразнѣйшiй. Въ аудиторiяхъ ея встрѣчаются представители всѣхъ классовъ [2]).

---

[1]) По своему общественному положенiю они раздѣлялись на слѣдующiя группы:

1) Профессора и городскiе главные учителя	15
2) Приватъ-доценты и ассистенты.	22
3) Ассистенты при городскихъ научныхъ инст. . . .	11
4) Директора, профессора, оберъ-учителя гимназiй .	27
5) Государственные и городскiе чиновники, судьи и адвокаты	12
6) Коммунальные чиновники	3
7) Врачи	9
8) Желѣзно-дорожные и страховые директора и чиновники, архитектора etc.	9
9) Частные учителя и писатели.	48

По группамъ предметовъ читанныхъ въ Гумбольдтовской академiи въ теченiе 18 лѣтъ доценты подраздѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) Математика, естественныя науки и медицина . . .	43
2) Философiя, педагогика etc.	18
3) Исторiя искусствъ (живопись, музыка etc.)	21
4) Исторiя литературы и языкознанiе	31
5) Политическая и культурная исторiя.	25
6) Народное и государственное право	25
7) Стенографiя	3

	IV четв. 1895 г.		I четв. 1896 г.	
Статистика слушателей по общественному положенiю.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
1) Купцы и живущiе рентой etc. . . .	80	26	62	20
2) Банковскiе чиновники	88	—	72	—
3) Фабриканты, инженеры, техники, архитекторы	85	1	23	—
4) Продавцы, садовники, рабочiе etc. . .	10	—	51	—
	213	27	208	20
5) Государст., городск. etc. чиновники . .	111	17	71	11
6) Офицеры	12	—	9	—
7) Врачи, дантисты	10	2	2	2
8) Судьи и адвокаты	7	—	7	—

По своему возрасту слушатели академіи также представляютъ крайнее разнообразіе, начиная отъ 16-ти лѣтнихъ цвѣтущихъ юношей и дѣвушекъ и кончая 60-ти лѣтними сѣдовласыми старцами. По своему мѣсту жительства слушатели, главнымъ образомъ—берлинцы, но есть и иногородніе, а именно: было 190 слушателей, жившихъ въ 6 городахъ и 15 мѣстечкахъ, прилегающихъ къ Берлину. Среди иногородныхъ слушателей были и такіе, которые жили отъ Берлина на разстояніи одного часа ѣзды, какъ напр., въ Потсдамѣ, Шпандау и Штеглицѣ. Слушатели академіи обыкновенно брали по нѣсколько курсовъ.

Курсы слушаются посѣтителями академіи болѣе или менѣе систематически и продолжительное время. Среди слушателей академіи есть такіе, которые посѣщаютъ ее непрерывно впродолженіи цѣлыхъ 10—15 лѣтъ, чѣмъ достигается идеальная цѣль академіи—всестороннее гармоническое образованіе. Собираемый со слушателей за лекціи гонораръ бываетъ болѣе или менѣе значительный (въ 1881—82 гг. 3,570 марокъ) и на него ведется все дѣло,—кромѣ того, на нѣкоторыя небольшія средства, получаемыя академіей отъ научнаго центральнаго ферейна, и на пожертвованія. Расходы Гумбольдтовской академіи, несмотря на предоставленныя ей даровыя помѣщенія, значительны: въ 1881—82 г. было израсходовано 5,000 марокъ, въ 1895—96 гг.—14,800 марокъ [1]. Такова въ общемъ картина организаціи и дѣятельности Гумбольдтовской академіи, этой знаменитой и полезной «академіи профановъ».

Спустя десять лѣтъ, послѣ основанія «Гумбольдтовской академіи», въ Берлинѣ возникла «Urania». Это—также народно-общественное образовательное учрежденіе. Задачи его, сравнительно съ «Гумбольдтовской академіей», болѣе спеціальныя—популяризація естественныхъ наукъ: физики, химіи, біологіи, геологіи, географіи, астрономіи, etc. По всѣмъ этимъ предметамъ въ институтѣ «Уранія», открытомъ 2-го іюля 1889 года, читаются лекціи. Слушать послѣднія разрѣшается всѣмъ и каждому. Входъ какъ для осмотра «Ураніи», такъ и для слушанія въ институтѣ ея лекцій платный—за осмотръ 50 пф., за мѣста на лекціи отъ 1 до 2 марокъ.

9) Писатели, стенографисты, etc	7	2	6	—
10) Учители, музыканты	79	250	47	192
11) Студенты универс., техн. высш. школы etc	27	—	17	—
12) Ученики.	46	40	20	42
	299	311	179	252
13) Рантье, женщины безъ положенія . .	12	141	10	141
14) Дѣвушки безъ опред. занятія	—	279	—	262
15) Неизвѣстные по полож.	75	—	73	—
Всего. . . .	599	758	470	675
	1.357		1.145	

[1]) Humboldt-Academie. Skizze ihrer Thätigkeit und Entwicklung 1878—1896 ein Beitrag zur Volkschachschul-Frage. Von. Dr. Max Hirch.

«Urania» и ея лекціи посѣщаются очень охотно. Институтъ, гдѣ читаются лекціи, былъ всегда полонъ. Мало того, очень часто приходилось многимъ желающимъ отказывать за недостаткомъ мѣста, такъ какъ зало института могло вмѣщать въ себѣ только 400 человѣкъ. Для устраненія этого неудобства рѣшено было выстроить еще второй институтъ, съ болѣе обширнымъ заломъ. Въ обоихъ институтахъ «Ураніи», со дня открытія ея и до 31 марта 1896 года было прочитано 2,795 малыхъ и 2,627 большихъ лекцій, на которыхъ присутствовало вмѣстѣ съ посѣщавшими институты съ цѣлью осмотра, 850,000 человѣкъ. Въ настоящее время общество «Urania» располагаетъ капиталомъ въ 660,000 марокъ и 550 акціонерами. Кромѣ двухъ прекрасно обставленныхъ во всѣхъ отношеніяхъ институтовъ, оно имѣетъ обсерваторію и издаетъ журналъ «Земля и Небо», въ которомъ сообщаются всѣ новинки по вышеназваннымъ наукамъ [1]).

Затѣмъ, въ Берлинѣ существуетъ еще, такъ-называемый «Wiktoria-Lyceum». Это, — частное высшее учебное заведеніе для женщинъ. Оно основано въ 1868 году по инициативѣ одной учительницы англійскаго языка, шотландки миссъ Георгины Арчеръ, и на ея собственныя средства. Въ «Wiktoria-Lyceum» на первыхъ порахъ читалось только 4 курса и было 200 входныхъ билетовъ и 70 слушательницъ. Но современемъ дѣятельность лицея расширилась. За послѣднее время ежегодно выдается имъ уже до 1,400 входныхъ картъ. Курсы подраздѣляются на двѣ группы: до-обѣденные и послѣобѣденные. Первые посѣщаются дѣвушками, кончившими гимназіи и вообще средне-учебныя заведенія; вторые—учительницами и вообще женщинами всѣхъ классовъ. Плата за лекціи, сравнительно, высока: 1 марка за часъ послѣ обѣда и нѣсколько меньше до обѣда. Лекціи читаются добросовѣстно, прекрасными профессорами.

При нѣкоторыхъ музеяхъ Берлина, обыкновенно, также читаются публичные курсы по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія. Такъ, напримѣръ, въ Kunstgewerbe-Museum уже съ 1883 года читаются публичныя лекціи по исторіи искусства. Въ 1883 году такихъ лекцій было 4, а съ 1888 года—ежегодно по 6 лекцій. Входъ на нихъ бываетъ свободный и безплатный. Эти лекціи посѣщаютъ около 250 человѣкъ.

Далѣе, въ Берлинѣ, время отъ времени устраиваются публичные курсы тѣми или другими ферейнами, корпораціями, конгрессами etc. Такъ, напримѣръ, съ 30-го сентября по 12-ое октября 1895 года профессорами изъ ферейна «соціальной политики» были устроены публичные, такъ называемые, «національно-экономическіе и соціально-политическіе каникулярные курсы». Было прочитано 12 курсовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 6-ти лекцій. Эти курсы читались въ большой аудиторіи, заключающей въ себѣ 600 мѣстъ. Послѣднія почти всѣ были заняты публикой.

---

[1]) Führer durch die Urania. Anstalt für populäre Naturkunde.

Изъ бывшихъ въ Берлинѣ конгрессовъ публичныя лекціи устраивались только евангелическо-соціальнымъ конгрессомъ, притомъ, дважды: съ 10-го по 20-ое октября 1893 года и съ 24-го сент. по 20-ое окт. 1896 года. Эти лекціи читались въ большой аудиторіи; предметъ ихъ—національная экономія. Вотъ, напр., какія лекціи читались въ 1896-омъ году: Ольденбергъ (Berlin)—«Фабричные ферейны рабочихъ», Weber (Freiburg)—«Вопросы биржи», фабрикантъ Freese (Berlin)—«Рабочіе на большихъ фабрикахъ», A. Wagner (Berlin)—«Финансовая и налоговая политика», Wenckstern (Berlin)—«Соціалистическіе теоретики». Съ 1896 года входъ на эти лекціи стоитъ 12 марокъ за всѣ курсы и 3 марки за отдѣльный. Лекціи слушало 110 человѣкъ. Столь, сравнительно, незначительное число слушателей обусловливалось высокой входной платой, о чемъ можно заключить по опыту 1893 года, когда плата за входъ была ниже—2 марки, почему и слушателей тогда было больше—506 человѣкъ. Слушателями курсовъ являлись, главнымъ образомъ, теологи, юристы, врачи etc. Рабочихъ почти не было.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ ферейновъ, въ Берлинѣ, въ самое позднѣйшее время, возникъ еще новый, такъ называемый «нѣмецкій ферейнъ высшаго народнаго образованія въ Берлинѣ». Въ настоящее время существуетъ только временный комитетъ этого ферейна. Просвѣтительная дѣятельность «нѣмецкаго ферейна» начинается съ сентября мѣсяца текущаго года. Для начала предполагается прочитать курсы по исторіи (Исторія французской революціи) и физикѣ. По окончаніи курсовъ, желающіе могутъ держать экзаменъ, который сначала будетъ производиться письменно—слушатели должны написать впродолженіи пяти часовъ сочиненія на опредѣленную тему. Хорошо выдержавшіе этотъ экзаменъ будутъ допускаться къ слѣдующему — устному. Отличившіеся на послѣднемъ экзаменѣ по исторіи получаютъ право дать пробную лекцію въ теченіи 10 минутъ и воспользоваться преміей, состоящей изъ трехъ сочиненій по исторіи французской революціи. Изъ выдержавшихъ экзаменъ по физикѣ будутъ премироваться тремя сочиненіями по данному предмету только пять лучшихъ слушателей. Кромѣ этихъ двухъ курсовъ, въ текущемъ году будутъ читаться еще курсы по медицинѣ («Заботы о ребенкѣ въ первый годъ его жизни» и «О школьной гигіенѣ»), женскому движенію (Мина Кауэръ), а, можетъ быть, по философіи и нѣкоторымъ другимъ наукамъ. На будущій 1898 годъ предполагаются курсы по механикѣ, акустикѣ, оптикѣ, электричеству, вмѣстѣ съ опытами, по политической экономіи, праву и риторикѣ съ практикой. Во избѣжаніе тенденціозности и узкой политической партійности, курсы по такимъ наукамъ, какъ исторія, политическая экономія и т. п., будутъ читаться представителями всѣхъ наличныхъ политическихъ партій въ Германіи, каковыя и имѣются въ ферейнѣ, заключающемъ въ себѣ и консерваторовъ и свободомыслящихъ, католиковъ и соціалъ-домократовъ etc. etc. Городъ въ распоряженіе ферейна предоставилъ нѣсколько по-

мѣщеній для чтенія курсовъ, а сочувствующее его цѣли общество—значительныя денежныя средства. Предполагаемые курсы не будутъ никѣм ензуроваться, входъ на нихъ будетъ свободный и безплатный для всѣхъ желающихъ. Къ экзаменамъ также будутъ допускаться всѣ, исключая людей съ высшимъ образованіемъ и студентовъ. Общественное мнѣніе очень сочувствуетъ задачамъ ферейна. Въ настоящее время уже болѣе сотни лицъ выразили желаніе читать курсы по тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ. Въ сентябрѣ или октябрѣ будутъ избраны постоянный комитетъ и правленіе ферейна и состоится генеральное собраніе его.

Далѣе, въ Берлинѣ еще существуютъ двѣ общеобразовательныя школы, основанныя въ январѣ 1891-го года соціалъ-демократической партіей. Въ этихъ школахъ, ежедневно, по вечерамъ, читаютъ курсы по исторіи, нѣмецкому языку, политической экономіи, праву, медицинѣ etc Посѣщеніе этихъ школъ платное—50 кр. ежемѣсячно. Слушатели—рабочіе, принадлежащіе къ соціалъ-демократической партіи.

Намъ кажется, что наши читатели, познакомившись со всѣмъ вышеизложеннымъ относительно Берлина, должны сильно удивиться отсутствію мѣстнаго университета среди инціаторовъ и учредителей высшихъ народно-общественныхъ курсовъ въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, берлинскій университетъ, какъ цѣлое учрежденіе, оказался въ сторонѣ отъ этого прогрессивнаго и симпатичнаго теченія. Если онъ и проявилъ себя чѣмъ-либо въ этомъ отношеніи, то только устройствомъ каникулярныхъ курсовъ по естественнымъ и другимъ наукамъ для учителей и учительницъ восточныхъ провинцій, которые устраиваются имъ съ 1891-го года. Правда, многіе изъ профессоровъ берлинскаго университета, какъ наши читатели видѣли выше, являются сторонниками распространенія въ среднихъ и низшихъ классахъ высшаго образованія и каждый въ отдѣльности или небольшими группами посильно работаютъ въ этомъ направленіи. За послѣднее-же время они, объединившись между собою, сдѣлали попытку вызвать берлинскій университетъ, какъ цѣлоучрежденіе, къ дѣятельности, направленной въ пользу распространенія въ среднихъ и низшихъ классахъ высшаго образованія. Эта прогрессивная группа берлинскихъ профессоровъ, въ составъ которой входитъ проф. А. Вагнеръ, Шмоллеръ, Паульсенъ, Дамесъ и еще нѣкоторые другіе, недавно обратилась къ академическому совѣту берлинскаго университета со спеціальнымъ предложеніемъ по данному поводу. Въ своемъ предложеніи почтенные профессора изложили, приблизительно, слѣдующее. Во-первыхъ, для образованія и веденія народныхъ университетскихъ курсовъ, которые должны систематически читаться во всѣхъ частяхъ Берлина, въ удобныхъ для этого помѣщеніяхъ, при берлинскомъ университетѣ долженъ быть основанъ постоянный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора университета. Въ составъ проектируемаго комитета должны входить, срокомъ на три года, нѣкоторые изъ членовъ «высшаго академическаго совѣта», и одинъ членъ отъ каждаго факуль-

тета. Кромѣ того, въ комитетѣ должны быть предоставлены мѣста для экстраординарныхъ профессоровъ, приватъ-доцентовъ и учителей другихъ высшихъ берлинскихъ учебныхъ заведеній. Во-вторыхъ, для духовныхъ, образовательныхъ и медицинскихъ нуждъ необходимо ходатайствовать предъ министромъ просвѣщенія о ежегодной въ 15,000 марокъ субсидіи. Согласно разработанному названными профессорами проекта, высшіе народные курсы должны охватывать собою всѣ области человѣческаго знанія, за исключеніемъ, впрочемъ, лекцій, касающихся современной политической, соціальной и религіозной борьбы или могущихъ послужить такъ или иначе къ какой-либо политической и партійной агитаціи. Изъ многочисленныхъ и вполнѣ основательныхъ доводовъ въ пользу необходимости для берлинскаго университета энергично взяться за распространеніе въ среднихъ и низшихъ классахъ высшаго образованія,—почтенные петиціонеры между прочимъ приводятъ и такой, что народные университеты послужатъ живой связью между людьми науки. Предложеніе профессоровъ было принято, но дальнѣйшая судьба его еще неизвѣстна.

Вотъ все, что въ Берлинѣ до сихъ поръ дѣлалось и дѣлается въ пользу распространенія въ среднихъ и низшихъ классахъ нѣмецкаго народа высшаго образованія. Сравнительно съ Лондономъ, Парижемъ, Брюсселемъ это—немного. Но, если мы примемъ при этомъ во вниманіе обособленность классовъ въ Германіи, на которую было указано нами въ началѣ настоящаго письма, то и это—еще хорошо, тѣмъ болѣе, что берлинскій университетъ только что началъ свою агитацію и дѣятельность въ пользу народнаго университетскаго образованія, которая, безъ сомнѣнія, современемъ могуче и широко развернется.

Доброму примѣру Берлина въ указанномъ отношеніи слѣдуютъ университетскіе и другіе города Германіи,—они посильно агитируютъ въ пользу распространенія народнаго университетскаго образованія, организуютъ университетскіе курсы etc., но объ этомъ, за недостаткомъ мѣста и времени, мы вынуждены, къ сожалѣнію, отложить нашу бесѣду до слѣдующаго письма.

Н. Вишневскій.

Письма о современной Англіи.

Итоги политической и общественной жизни Англіи за время царствованія королевы Викторіи.

I.

Англія недавно отпраздновала 60-лѣтній, такъ-называемый брилліантовый, юбилей своей престарѣлой королевы,—общей бабушки императоровъ, королей, великихъ герцоговъ, князей и множества всякихъ принцевъ и принцессъ изъ среды царствующихъ домовъ современной Европы. Еще задолго до самаго торжества, англійскія газеты и журналы всѣхъ оттѣнковъ и направленій были наполнены разными статьями по поводу этого событія и обозрѣніями, подводившими итоги «вѣка Викторіи». Нѣкоторыя большія газеты отвели ему даже особый отдѣлъ. Разныя біографіи королевы, появившіяся за послѣднее время, могутъ составить цѣлую библіотеку. Слово *юбилей* сдѣлалось господствующимъ нетолько въ разговорномъ языкѣ, но и въ рекламахъ. Начиная съ юбилейныхъ пилюль и кончая роскошнымъ юбилейнымъ изданіемъ библіи оксфордской печатни (Oksford University press), оно приклеивалось здѣсь, за послѣднее время, чуть ни ко всякому проявленію человѣческой дѣятельности. Однимъ словомъ, Англія переживала за это время тотъ припадокъ временнаго сумасшествія (craze), которому иногда подпадаютъ самыя образованныя націи. Впрочемъ, незадолго до начала самыхъ торжествъ, какъ въ англійскомъ обществѣ, такъ и въ печати, раздавалось много протестующихъ голосовъ, выражавшихъ удивленіе, что оффиціальные устроители гигантской процессіи 22—10 іюня, судя по опубликованнымъ ея программамъ, задались, повидимому, мыслью исключительнаго возвеличенія царствующей династіи и войска. Отдавая полную справедливость личнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ королевы, какъ образцовой конституціонной государыни, они заявляли, что въ Англіи, въ отличіе отъ континентальныхъ имперій, монархія, чиновничество и солдатчина вовсе не занимали выдающейся роли за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ и что своимъ громаднымъ соціальнымъ и экономическимъ прогрессомъ она вовсе не обязана солдатамъ, какъ могъ-бы заключить иностранецъ, созерцающій весь этотъ блестящій королевскій кортежъ,

со всевозможными придворными чинами, конногвардейцами, принцами и войскомъ всякихъ странъ, при полномъ отсутствіи представителей парламента, городскихъ корпорацій, торговли, труда, науки и искусства,— словомъ, при отсутствіи всѣхъ тѣхъ элементовъ народной жизни, безъ которыхъ Англіи пришлось-бы дать міру весьма печальный отчетъ о своемъ прогрессѣ за этотъ шестидесятилѣтній періодъ. Выдающаяся роль была отведена въ процессіи приглашеннымъ на торжество, по мысли Чемберлена (министра колоній), *колоніальнымъ премьерамъ*, или первымъ министрамъ, вмѣстѣ съ представителями колоніальныхъ войскъ, которые должны были свидѣтельствовать о могуществѣ Великобританской имперіи.

Но какъ-бы то ни было, теперь можно вздохнуть свободно и порадоваться одному, что все. это торжество, вызвавшее скопленіе милліонной массы на узкихъ улицахъ Лондона, не сопровождалось человѣческими жертвами и не вызвало многотысячнаго избіенія невинныхъ, какъ это предсказывали нѣкоторые пессимисты, напуганные недавними при мѣрами.

Лондонское юбилейное торжество, съ котораго намъ пришлось начать эту замѣтку, хотя и не входитъ въ нашу программу, но во всякомъ случаѣ является знаменательнымъ внѣшнимъ символомъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ періодовъ, только что пережитаго Англіей, а съ нею вмѣстѣ и всѣмъ образованнымъ міромъ. Когда подводятся итоги всего, сдѣланнаго за этотъ шестидесятилѣтній періодъ, охватывающій два поколѣнія, то на первый планъ выступаютъ два громадныхъ, характеризующихъ его движанія, а именно—послѣдовательное развитіе рабочаго вопроса, здѣсь-же получившаго свое начало, и столь-же послѣдовательный и неудержимый ростъ самоуправленія, вмѣстѣ съ постепенной демократизаціей всего общественнаго строя Англіи. Врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что эти два, неразрывно связанныхъ между собою движенія составляютъ основную подкладку всей современной жизни образованныхъ странъ. Каждому, даже поверхностному наблюдателю событій не можетъ не броситься въ глаза, что за послѣднія тридцать лѣтъ, когда успѣло вступить въ жизнь новое поколѣніе, міровая драма разыгрывается у насъ почти на глазахъ и исторія нашего времени подвигается какими-то скачками. Сцена, дѣйствующія лица, обстановка мѣняются теперь съ поразительною быстротою театральной феерія. Экономическій вихрь вертитъ и крутитъ старую Европу, расшатывая обветшалыя постройки и захватывая въ своемъ неудержимомъ порывѣ даже полудикія націи, живущія внѣ всякаго закона. Въ то-же время, жизнь такъ усложнилась, и всевозможные человѣческіе интересы такъ переплелись между собою, что, сплошь и рядомъ, какое-нибудь, повидимому, незначительное событіе въ отдаленной части свѣта отзывается въ центрахъ цивилизаціи и потрясаетъ цѣлыя государства.

Трудно разобраться среди этой напряженно-судорожной борьбы ста-

раго строя съ новымъ, которую теперь опять переживаетъ Европа. Трудность эта увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при всемъ *внѣшнемъ* прогрессѣ, главнымъ образомъ, впрочемъ, въ области техники и точныхъ наукъ,—отличающемъ послѣднюю половину настоящаго столѣтія, передъ нашими глазами зачастую происходятъ вещи, напоминающія собою такъ-называемые темные вѣка, и на поверхность жизни часто всплываютъ изъ глубины ея такія явленія, съ которыми уже ни коимъ образомъ нельзя соединить понятія о прогрессѣ.

Нигдѣ эта борьба не происходитъ съ такою сосредоточенною интенсивностью и съ такою неумолимою логикою въ своихъ основаніяхъ, какъ въ Англіи, хотя это, можетъ быть, и незамѣтно для поверхностнаго наблюдателя. Эта старая страна, надѣлившая своими политическими учрежденіями всѣ образованныя государства и, въ то-же время, положившая начало современному экономическому строю, до сихъ поръ представляетъ тотъ центръ, гдѣ сильнѣе всего бьется пульсъ европейской жизни.—Франція, еще недавно представлявшая собою родъ соціальной лабораторіи, въ которой производились весьма дорого стоившіе, часто кровавые опыты на всеобщую пользу, и чутко отзывавшаяся на все, чѣмъ болѣлъ и страдалъ современный человѣкъ,—видимо *исчерпала* себя и за послѣднее время являетъ собою только поучительный примѣръ особаго сорта патріотизма, заслонившаго собою всѣ ея лучшія преданія.

Въ политической и соціальной жизни современной Англіи мы видимъ мало эффектныхъ картинъ; громаднаго значенія движенія здѣсь часто скрываются подъ непригдядной внѣшностью устарѣлыхъ формъ; всѣ отрицательныя стороны современнаго строя, здѣсь-же впервые зародившагося, представляются во всей ихъ неподкрашеной наготѣ, и прогрессъ идетъ, повидимому, медленными шагами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта жизнь, несмотря на всѣ ея наружныя противорѣчія, проникнута тою *серьезною* и несокрушимою логикою «силы вещей», при которой каждый сдѣланный впередъ шагъ, представляя одно изъ послѣдовательныхъ звеньевъ неразрывной цѣпи, уже является безповоротнымъ и составляетъ неотъемлемое пріобрѣтеніе для всѣхъ.

За послѣднюю четверть столѣтія, когда на сцену общественной и политической жизни Англіи выступило новое поколѣніе, въ ней произошла громадная перемѣна, уже подготовленная впрочемъ критикою ея полуфеодальнаго, классоваго общественнаго строя въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Надѣливъ своею конституціею всѣ образованныя государства, и даже Японію, она встала теперь лицомъ къ лицу съ такимъ вопросомъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все ея дальнѣйшее развитіе, какъ государства и націи. Для всѣхъ, сколько нибудь слѣдившихъ въ послѣднее время за ея исторіей и ея общественною жизнью, должно быть совершенно ясно, что политическій строй Англіи, въ его настоящемъ видѣ, уже несоотвѣтствуетъ новымъ требованіямъ жизни и что

ея настоящій парламентъ (не говоря уже о палатѣ Лордовъ), въ которомъ отсутствуетъ-элементъ, выступающій теперь на первый планъ, во многомъ является анахронизмомъ. Съ шестидесятыхъ годовъ въ Англіи идетъ усиленный процессъ демократизаціи, между тѣмъ какъ ея представительное собраніе, въ сущности управляющее страною до сихъ поръ, главнымъ образомъ состоитъ изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, директоровъ разныхъ акціонерныхъ обществъ, биржевыхъ магнатовъ и т. д. Либеральная партія, потерпѣвшая такое пораженіе на послѣднихъ выборахъ, видимо исчерпала свою программу, неудовлетворявшую требованіямъ рабочаго большинства, и находится теперь въ переходномъ положеніи. Выдающіеся ея представители прямо заявляютъ, что будущее ихъ партіи находится въ прямой зависимости отъ того, насколько она будетъ представлять интересы рабочаго. И по всѣмъ признакамъ можно ожидать, что будущій парламентъ не только измѣнится въ группировкѣ партій, но и въ своемъ составѣ.

Англія считается классическою страною капитализма и ее также называютъ всемірною банкирскою конторой. Цифры, пожалуй, оправдываютъ это названіе. Въ 1867 г. на ея биржахъ обращалось разныхъ бумажныхъ цѣнностей, представлявшихъ собою всевозможныя финансовыя и промышленныя предпріятія, на сумму (въ круглой цифрѣ) около *22,675 милліоновъ рублей* [1]); ровно черезъ тридцать лѣтъ, къ настоящему 1897-му году, цифра эта возросла до *58,226* милліоновъ рублей (6,065 мил. ф. ст.). Эти цифры, отчасти напоминающія астрономическія числа, почти уже переходятъ за предѣлы возможнаго прадставленія. Но всего поразительнѣе то, что—за сравнительно краткій тридцатилѣтній промежутокъ—Англія создала и поглотила почти на *35,551 милліонъ рублей* (3,703 мил. ф. ст.) этихъ цѣнностей, представляющихъ собою всевозможныя видоизмѣненія человѣческаго труда. При этомъ 1896-й годъ оставляетъ за собою всѣ предшествующіе: въ этомъ году образовалось болѣе 4200 разныхъ компаній, акціонерныхъ предпріятій и т. д., номинальный капиталъ которыхъ составляетъ около *2,428 милліоновъ рублей* (около 263,423,000 ф. ст.). Рядомъ съ этимъ безпримѣрнымъ ростомъ капитала, въ Англіи шло другое движеніе, хотя и невыражавшееся такими чудовищными цифрами, но, тѣмъ не менѣе, имѣющее громадное значеніе. До 1867, рабочіе союзы не признавались закономъ, и парламентъ утвердилъ ихъ права только въ 1871 г. Между тѣмъ, къ 1897 году въ Англіи существовало 1250 разныхъ рабочихъ союзовъ,—съ 1,500,000 членовъ [2]) и ежегоднымъ доходомъ около *20,000,000 рублей*,—которые, вмѣстѣ съ множествомъ разныхъ т. н. «дружественныхъ обществъ» (friendly societies) [3]),

---

[1]) 2.362.000,000 ф. ст., при переводѣ на русскія деньги 1 ф. ст. принятъ въ 9 р. 60 к.

[2]) Число членовъ за одинъ 1896 г.. увеличилось на 170,000 человѣкъ.

[3]) Число «дружественныхъ обществъ» къ 1897 г. простиралось до 24,000, съ 8.500.000 членовъ, при ежегодномъ доходѣ въ 7,000,000 ф. ст. (67,200,000 р.).

кооперативныхъ товариществъ, рабочихъ клубовъ и т. д. представляютъ ту прочно организованную армію, которая теперь ведетъ непрерывную, упорную, хотя и безшумную борьбу съ хозяиномъ, отстаивая свои интересы до послѣднихъ мелочей и ни на одинъ шагъ не отступая передъ подавляющими силами грознаго противника, отчасти олицетворяемаго всѣми биржевыми цѣнностями. Эта тихая, сосредоточенная борьба составляетъ теперь скрытую подкладку всей Англійской жизни и все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ.

Многіе изъ выдающихся англійскихъ общественныхъ дѣятелей и писателей полагаютъ, что настоящее демократическое движеніе въ Англіи въ концѣ концовъ должно вылиться въ соціалистическую форму. Но по мнѣнію многихъ, это не будетъ соціализмъ «германскаго» типа,—согласно ученіямъ его главныхъ пророковъ—Маркса, Лассаля и др.,—узкій, матеріалистическій, неспособный къ ассимиляціи и, въ концѣ концовъ, угрожающій свободѣ человѣческой личности, а его болѣе широкая форма, приспособленная къ духу народа, къ болѣе высокому уровню его политическаго развитія и историческимъ преданіямъ страны.

Въ то-же время, мы видимъ, что соплеменная Англіи Американская Республика, наслѣдовавшая отъ нея свой общественный и политическій строй, также стоитъ наканунѣ большого переворота. Мы видимъ, что, въ этой родинѣ современной демократіи царство *плутократовъ* достигло, повидимому, своего высшаго предѣла и что тяжкое положеніе ея рабочихъ классовъ почти превосходитъ все то, что многіе привыкли соединять въ своемъ понятіи объ Англіи. Не мало бы удивились «отцы Американской Республики»,—Вашингтонъ, Адамсъ, Джефферсонъ и др., еслибъ они могли увидѣть нѣкоторыя изъ явленій современной Американской жизни:—господство вездѣсущаго и всемогущаго хозяина—т. н. boss'а, чудовищное скопленіе капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, массы бѣдняковъ, едва перебивающихся жалкимъ заработкомъ, жадныя толпы искателей административныхъ мѣстъ, сдѣлавшихъ изъ политики ремесло, и вообще тотъ контрастъ, который представляетъ современная дѣйствительность ихъ демократическимъ идеаламъ. Представительство въ народномъ собраніи здѣсь также перешло въ руки коммерческихъ магнатовъ или политиковъ-ремесленниковъ. Словомъ, здѣсь всталъ тотъ-же громадный вопросъ—несоотвѣтствія настоящей политической формы съ требованіями жизни, и предстоитъ тотъ-же расколъ политическихъ партій и ихъ новая группировка. Среди торжествующей теперь республиканской партіи, поставившей президентомъ, благодаря поддержкѣ капиталистовъ и синдикатовъ, извѣстнаго протекціониста Маккинли, уже слышатся предостерегающіе побѣдителей голоса,—что такъ далѣе продолжаться не можетъ. Вскорѣ послѣ выборовъ новаго президента въ прошломъ году, на громадномъ республиканскомъ митингѣ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ партіи, сенаторъ Горъ (Hoare), произнесъ, между прочимъ, слѣдующія

слова:—Народъ возмущенъ тѣми колоссальными богатствами, которыя наживаются неправыми путями, мошенничествами громадныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, злоупотребленіями городскихъ корпорацій, облеченныхъ своими правами ради общественнаго блага, разнузданною биржевою игрой и спекуляціями въ торговлѣ первыми необходимостями жизни».

Мы уже сказали въ началѣ этой замѣтки, что въ юбилейныхъ торжествахъ было отведено выдающееся мѣсто представителямъ колоній, которыхъ, кромѣ того, чествовали и за которыми всячески ухаживали не только оффиціальныя лица и учрежденія, но и представители городовъ, вліятельныхъ ассоціацій и проч. Публичное появленіе колоніальныхъ представителей повсюду вызывало общественныя оваціи и выраженія неподдѣльнаго энтузіазма. Въ основаніи всѣхъ этихъ манифестацій лежитъ весьма важный и назрѣвшій теперь вопросъ,—объ *имперской федераціи*, т. е. о федеративномъ союзѣ, съ Англіею во главѣ, всѣхъ самоуправляющихся республиканскаго типа колоній, подобныхъ Австралійскимъ и Канадской Федераціи, въ одну политически сплоченную, федеративную *Британскую Имперію.* Вопросъ этотъ выдвинулся теперь на первый планъ не только въ политическихъ сферахъ, но и въ общественномъ сознаніи, и онъ, дѣйствительно, имѣетъ почти жизненное значеніе для Англіи, если она желаетъ сохранить свой престижъ великой державы среди могущественныхъ военныхъ имперій Европы, съ ихъ милліонными арміями. Изъ числа пріѣхавшихъ на юбилейныя торжества колоніальныхъ представителей, выдвигается крупная фигура Вильфрида Лорье (Laurier), предводителя либеральной партіи и перваго министра Канады (нынѣ сдѣлавшейся фадераціею), въ которомъ видятъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей будущей имперіи. Католикъ и преданный своей національности канадецъ,—французъ по происхожденію, предки котораго съ временъ Бурбоновъ и до царствованія Викторіи боролись противъ англійскаго владычества,—онъ явился теперь представителемъ обѣихъ, ранѣе враждовавшихъ между собою, европейскихъ расъ Канады (французовъ и англичанъ), чтобы засвидѣтельствовать ихъ общую преданность Англійской королевѣ. Вильфридъ Лорье, первымъ изъ представителей колоній, является поборникомъ имперской идеи, столь популярной теперь въ Англіи. Между правительствами семи отдѣльныхъ самоуправляющихся Австралійскихъ колоній уже нѣсколько времени какъ обсуждается вопросъ о федераціи, на подобіе канадской, и онъ близокъ къ своему осуществленію [1]), въ чемъ видятъ уже крупный шагъ къ дальнѣйшему объединенію всѣхъ такихъ колоній Англіи въ одну федеративную имперію, состоящую изъ самостоятельныхъ демократическихъ государствъ.

---

[1]) Билль о федераціи внесенъ $^{12}/_{24}$ іюня въ законодательное собраніе Квинсленда.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ осуществленіи этой идеи,— въ томъ или другомъ видѣ и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ цифрахъ, свидѣтельствующихъ о безпримѣрномъ въ исторіи ростѣ и развитіи колоніальной имперіи Англіи за прошедшее шестидесятилѣтіе, и особенно трехъ изъ ея колоній съ 70-хъ годовъ.

Въ 1837 г., Британская Имперія, со всѣми ея колоніями и подчиненными ей странами и государствами, занимала площадь въ 8,329,000 кв. миль (англ.) а въ 1897 г.—въ 11.250,000 кв. миль.

Населеніе, разсѣянное по всей этой площади, составляло:

въ 1837 г. . . . 188.000,000 чел.
» 1897 » . . до 400.000,000 »

Въ числѣ народонаселенія имперіи, британская раса, включая сюда ирландцевъ, составляла:

въ 1837 г. . . . . 27.250.000 чел.
» 1897 » . . . . 50.000.000 » [1])

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ настоящее время, 50 милліоновъ человѣкъ британской расы, раскиданные по всему свѣту, составляютъ дѣйствующій, контролирующій и правящій элементъ этой гигантской имперіи, включающей представителей почти всѣхъ человѣческихъ племенъ и обнимающей всѣ пояса земнаго шара, съ населеніемъ въ 350.000,000 человѣкъ.

Изъ числа англійскихъ колоній выдаются три, представляющія особый интересъ, какъ будущія великія демократическія государства совершенно новаго типа, это—Австралія, Канада и Южная Африка. [2]) Экономическій ростъ и развитіе этихъ трехъ колоній до того поразительны, что мы

[1]) Это населеніе распредѣлялось въ такомъ отношеніи:

	Въ 1837 г.	Въ 1897 г.	Увеличеніе за 60 лѣтъ.	Въ %.
Соединенное Королевство . . .	25.750,000	39.500,000	13.750,000	53
Въ колоніяхъ и владѣніяхъ. . .	1.500,000	10.500,000	9.000,000	600

Къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ добавить и ростъ населенія столицы этой громадной Имперіи.

Населеніе Лондона въ 1837 г. . . . 1.183,000 чел.
» » 1897 » . . . 4.500,000 »

[2]) Сравнивая между собою цифры, показывающія увеличеніе ихъ народонаселенія и возростаніе доходовъ съ 1873 по 1893 г., мы сразу можемъ судить о ихъ безпримѣрномъ прогрессѣ.

	Народанаселеніе.		Доходъ.	
	1873 г.	1893 г.	1873 г.	1893 г.
Австралія . .	1.925.000 чел.	4.070,000 чел.	12.400,000 ф. ст.	28.200.000 ф. ст.
Канада. . .	3.830,000 »	5.030,000 »	4.300,000 »	7.800,000 »
Юж.-Африка .	870.000 »	2.210,000 »	2.300.000 »	6.100,000 »
	6.625,000 »	11.310,000 »	19.000.000 »	42.100,000 »
			(182.400,000 руб.)	(403.200,000 руб.)

остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе, и особенно на важнѣйшей изъ нихъ, Австраліи.

За двадцать лѣтъ, народонаселеніе этихъ колоній почти удвоилось а ихъ доходы возросли болѣе чѣмъ вдвое. Первое превышаетъ народонаселеніе Великобританіи при началѣ этого столѣтія, а послѣдніе почти равняются доходу Соед. Королевства, при вступленіи на престолъ королевы Викторіи.

Австралія, состоящая изъ семи отдѣльныхъ колоній, включая сюда о-ва Новую Зеландію и Тасманію *), на которой мы остановимся подробнѣе, стоитъ впереди Канады и Южн. Африки, по своему экономическому прогрессу. Главные источники ея богатства составляли шерсть и золото, и общая стоимость ихъ за 20-лѣтній періодъ выражается громадной цифрою въ 500 милліоновъ фунтовъ или около 4,800 милліоновъ рублей. Развитіе овцеводства шло здѣсь такими быстрыми шагами, что въ настоящее время Австралія производитъ 30% всего количества шерсти на міровомъ рынкѣ. Слѣдовавшее за нимъ развитіе скотоводства повело за собою культуру обширныхъ площадей земли, лежавшихъ до того впустѣ и не имѣвшихъ никакой цѣнности. За десятилѣтній промежутокъ съ 1883 г., правительства разныхъ отдѣльныхъ Австралійскихъ колоній продали 53,300.000 акровъ (19,500.000 дес.) изъ общественныхъ земель, слишкомъ на 22 мил. фунтовъ, по средней цѣнѣ 8 шил. за акръ (ок. 9 р. 30 к. за десятину). За послѣднее время, правительство Южн. Австраліи ввело у себя особыя кооперативныя земледѣльческія колоніи, **), причемъ отдѣльныя группы, не менѣе 20 семей, получаютъ даровой земельный надѣлъ, въ избранной ими мѣстности, и пользуются дешевымъ правительственнымъ кредитомъ. По оффиціальнымъ отчетамъ, общая стоимость всѣхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства въ Австраліи опредѣлялись, за 1892 г., въ суммѣ 69,940.000 фунт. (около 671,000.000 р.), что даетъ, въ среднемъ 17,3 фунт. (около 166 р.) на каждаго жителя колоніи,—норма неимѣющая себѣ равной во всемъ свѣтѣ и къ которой приближается только одна Данія; за нею слѣдуютъ Соед. Штаты, гдѣ она составляетъ 13 ф. на человѣка.

Золотые пріиски Австраліи уже повсюду извѣстны. Съ 1891—1893 г. количество добытаго золота составляло четвертую часть всей его міровой добычи; причемъ первое мѣсто занимали Соединенные Штаты, потомъ Австралія, а за нею слѣдовали Южн. Африка, Россія и другія страны. За двадцать лѣтъ въ Австраліи было добыто до 790 тоннъ золота (49.000 пуд.), изъ которыхъ было вывезено около 720 тоннъ, стоимостью

*) Въ составъ Австраліи входятъ слѣдующія отдѣльныя колоніи: Нов. Южный Валисъ, Викторія, Квинслэндъ, Южная Австралія, Западная Австралія, Новая Зеландія и Тасманія.

**) Колоніи эти по своему типу напоминаютъ тѣ кооперативныя земледѣльческія ассосіаціи, которыя проэктировалъ Робертъ Оуэнъ. Опытъ этотъ даетъ пока весьма хорошіе результаты.

приблизительно до 99,100.000 фун. (около 950 мил. рублей). Остальные 70 тоннъ или 4.420 пуд. остались въ странѣ для пополненія золотого запаса, обезпечивающаго денежное обращеніе, и въ этомъ отношеніи Австралія, гдѣ въ среднемъ на каждаго ея жителя приходится 6 фунт. (ок. 57 р. 60 к.) изъ такого запаса, стоитъ впереди всѣхъ другихъ странъ, включая и Францію, гдѣ на каждаго человѣка приходится 5 ф. золота, и далеко оставляя за собою Англію, гдѣ эта цифра составляетъ менѣе 3 фунт. При такомъ богатствѣ золота, сумма бумажныхъ денегъ обращающихся въ странѣ очень не велика.

Чудовищный банковый крахъ, постигшій колонію въ 1843 г., когда двѣнадцать банковъ прекратили платежи своимъ вкладчикамъ и остались имъ должны до 90 милліоновъ фунт. (около 864 млл. рублей), былъ только грознымъ предупрежденіемъ и не повелъ за собою раззоренія колоніи. Встрѣтивъ поддержку правительства и войдя въ соглашеніе съ своими кредиторами о разсроченной уплатѣ, съ проц., шесть изъ этихъ банковъ уже къ 1895 г. погасили болѣе трети своихъ обязательствъ, такъ что уплата ими своего долга, даже ранѣе опредѣленнаго срока, считается обезпеченною. За двадцать лѣтъ, съ 1873 г., правительства Австраліи построили до 17.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Нужныя на постройку ихъ деньги были заняты въ Англіи, изъ $3^1/_2$—$4^0/_0$; но такъ какъ эти дороги приносятъ, въ среднемъ, только 3 проц. дохода, то правительствамъ разныхъ колоній приходится приплачивать ежегодно около 700 000 фунт. (около 6.720.000 руб.). Впрочемъ, принимая въ соображеніе значительное удешевленіе въ перевозкѣ товаровъ, этотъ дефицитъ съ избыткомъ погашается. Австраліи пришлось приплатиться за свой безпримѣрный экономическій прогрессъ, и долгъ ея за двадцатилѣтіе, съ 1873—1893 г., увеличился въ пять разъ, составляя теперь почти 208 милліоновъ фунтовъ (около 1997 мил. рубей). Но если принять въ разсчетъ, что этотъ долгъ только въ пять разъ превышаетъ ежегодный доходъ Австраліи, тогда какъ государственный долгъ Великобританіи превышаетъ ея доходы въ семь разъ, то это бремя оказывается сравнительно легкимъ.

Всѣ эти цифровыя данныя говорятъ сами за себя и указываютъ на то великое будущее, которое предстоитъ Австраліи, если только она съумѣетъ справиться съ тѣми трудностями, которыя сопутствуютъ даже самому блестящему экономическому прогрессу, когда законодательство страны попадаетъ въ руки благоденствующаго меньшинства,—какъ мы видимъ на примѣрѣ старой Англіи и молодой Американской Республики. Впрочемъ, этого врядъ-ли можно ожидать, судя по законодательной дѣятельности Австраліи, въ которой преобладаетъ демократическій элементъ, хотя эта колонія, наравнѣ съ Канадой, и держится принциповъ протекціонизма. Нѣкоторыя изъ проведенныхъ здѣсь широкихъ реформъ, въ связи съ урегулированіемъ труда, общественнымъ образованіемъ, системою постепенно возростающаго налога на недвижимыя имущества (graduate

taxation) и т. д.—послужили даже образцами для законодателей британскаго парламента. Такъ, Форстеръ, въ своемъ извѣстномъ законѣ 1870 г., о народномъ образованіи (Education Act) [1]), руководствовался многими изъ положеній, разсѣянныхъ въ разныхъ «актахъ о школахъ» законодательныхъ собраній Викторіи и др. австралійскихъ колоній; Гладстоновскій законъ о тайной подачѣ голосовъ при выборахъ (Ballot Act), столь расширившій вліяніе рабочихъ классовъ въ парламентскомъ представительствѣ, также много заимствовалъ изъ соотвѣтствующихъ актовъ законодательнаго собранія Южной Австраліи. Но особенно выдаются по ширинѣ и смѣлости своихъ реформъ Новая Зеландія и Южная Австралія. Помимо существующей у нихъ всеобщей подачи голосовъ, онѣ, первыя во всемъ мірѣ, за исключеніемъ одного или двухъ штатовъ сѣв.-американскаго союза, предоставили избирательное право женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами, а Южная Австралія даже открыла имъ доступъ въ законодательное собраніе и предоставило право быть избираемыми въ составъ кабинета. Впрочемъ, австралійскія женщины пока не воспользовались своимъ новымъ правомъ и во время выборовъ, слѣдовавшихъ вскорѣ послѣ введенія новаго закона, ни одна изъ нихъ не выступила въ роли кандидата; онѣ ограничились тѣмъ, что подавали голоса вмѣстѣ съ другими членами своей партіи. Здѣшніе противники предоставленія женщинамъ права подачи голоса, опасавшіеся также ихъ подчиненія клерикальнымъ вліяніямъ, должны были разубѣдиться въ своихъ предположеніяхъ. Въ южной Австраліи существуетъ законъ, по которому, въ случаѣ особенно важныхъ вопросовъ, мѣстное собраніе прибѣгаетъ къ всеобщему народному голосованію, или къ такъ-называемому—*плебисциту*. Въ связи съ нѣкоторыми вопросами по народному образованію, гдѣ сильно высказывалось клерикальное мнѣніе (въ колоніи южной Австраліи клерикальный элементъ довольно силенъ, и представители англійской церкви, католицизма и веслеянства въ этихъ случаяхъ обыкновенно дѣйствуютъ сообща), законодательное собраніе должно было нѣсколько разъ обращаться къ такому *плебисциту*, и во всѣхъ этихъ случаяхъ подавляющее большинство женщинъ подавало свои голоса въ пользу свѣтской системы образованія (secular education), противъ соединеннаго мнѣнія представителей разныхъ церквей, желавшихъ подчинить школу своему вліянію.

Замѣчательное рабочее движеніе въ австралійской политикѣ привело къ образованію въ Австраліи весьма сильной *независимой рабочей партіи* (independend labour party). Въ Новой Зеландіи это движеніе выразилось въ другой формѣ. Либеральная партія здѣсь прониклась взглядами представителей рабочихъ и многіе изъ нихъ вошли въ ея составъ. Въ 1889 г. во главѣ ея всталъ Баллансъ (Ballance), державшійся болѣе ши-

[1]) Законъ этотъ, воспитавшій цѣлое поколѣніе англичанъ, дѣйствовалъ до 1896 г., когда онъ былъ замѣненъ и искаженъ новымъ актомъ Сольсбюри, отличающимся своей клерикальной подкладкой.

рокихъ мнѣній, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Онъ былъ сторонникомъ національзаціи земли, и рабочей партіи не приходилось входить съ нимъ въ компромисы,—такъ что между представителями рабочихъ союзовъ и либералами произошло полное сліяніе, что привело къ торжеству партіи на выборахъ 1890 г. и къ образованію въ 1891 г., кабинета Балланса. Въ числѣ первыхъ мѣръ новаго правительства были прогрессивные поземельный и подоходный налоги, а также налогъ на отсутствующихъ землевладѣльцевъ (такъ-называемая absentees, весьма распространенныхъ въ Ирландіи); хотя каждая изъ этихъ мѣръ, взятая въ отдѣльности, имѣла прецеденты въ нѣкоторыхъ изъ австралійскихъ колоній, но онѣ въ первый разъ появлялись сгруппированными вмѣстѣ. Слѣдовавшія затѣмъ реформы были направлены къ установленію *вѣчной аренды*, въ замѣнъ продажи общественныхъ земель въ частную собственность, за которыми слѣдовалъ законъ, дававшій правительству право обратно скупать земли, проданныя частнымъ лицамъ. Финансовый успѣхъ, сопровождавшій такіе опыты, повелъ за собою дальнѣйшія реформы. Наконецъ, въ послѣднихъ кооперативныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ Новой Зеландіи, гдѣ земля передается въ вѣчную аренду кооперативнымъ товариществамъ, съ выдачею извѣстныхъ ссудъ подъ обезпеченіе сдѣланныхъ усовершенствованій, правительство колоніи является одновременно въ роли землевладѣльца и заимодавца. Осуществленныя въ Новой Зеландіи за послѣдніе годы реформы по урегулированію труда, а также реформы, касающіяся отвѣтственности хозяевъ за увѣчья рабочихъ, государственной страховки, общихъ фабричныхъ законовъ и проч. и особенно законъ 1894 г. о нормальной численности экипажей коммерческихъ судовъ (Shipping Act),—во многомъ оставляютъ за собою послѣдніе законодательные акты англійскаго парламента.

Предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ дальнѣйшія подробности, въ связи съ прогрессивнымъ законодательствомъ Австраліи; но мы полагаемъ, что и приведенныхъ здѣсь краткихъ указаній достаточно, чтобы судить о блестящихъ успѣхахъ этой новой, выросшей почти у насъ на глазахъ, колоніи Англіи, которою, какъ своимъ непосредственнымъ отпрыскомъ, она дѣйствительно можетъ гордиться.

Канада, слѣдующая изъ ближайшихъ колоній Англіи, имѣетъ то преимущество передъ Австраліей, что она уже сдѣлалась федераціей самоуправляющихся отдѣльныхъ штатовъ, усвоивъ въ основныхъ чертахъ американскую конституцію, которая, какъ показываетъ опытъ нашего столѣтія, представляетъ собою, конечно съ измѣненіями, обусловливаемыми мѣстными обстоятельствами,— наиболѣе удобную правительственную форму для государствъ самоуправляющагося типа и, вѣроятно, сдѣлается преобладающею въ будущемъ. По своимъ климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ, Канада не обнаруживаетъ, за послѣднія 20 лѣтъ, такого экономическаго прогресса. При этомъ не мало вліяла и та внутренняя борьба двухъ враждовавшихъ между собою расъ (французовъ

и англичанъ), составляющихъ большую часть ея населенія, которая продолжалась до самаго начала царствованія Викторіи и только усиливалась благодаря одностороннему вмѣшательству представителей короны. Къ счастію Канады, борьба эта теперь кончилась; сліяніе этихъ двухъ расъ, какъ мы уже видѣли, произошло само собою, такъ сказать естественнымъ путемъ, безъ всякаго вмѣшательства и давленія со стороны британской власти; и въ этомъ можно видѣть залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ этой громадной колоніи.

Канада прежде всего страна земледѣльческая; и хотя, за послѣдніе годы, ея вывозъ зерна сильно упалъ противъ прежнихъ лѣтъ, но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что канадцы нашли болѣе выгоднымъ для себя посылать его въ видѣ продуктовъ скотоводства и мызнаго хозяйства, какъ-то: мяса, сыра, масла, яицъ и проч., вывозъ которыхъ почти утроился за двѣнадцать лѣтъ, съ 1873 г. По количеству зерна, производимаго на каждаго жителя страны, Канаду превосходятъ только Соединенные Штаты и Данія. Ея болѣе производительныя, по отношенію къ земледѣлію, части сосредоточиваются пока въ старинныхъ провинціяхъ, какъ Онтаріо; но наибольшій прогрессъ за послѣднее время обнаруживается въ ея сѣверо-западной части (провинція Монитоба и др.), представлявшей собою до 80-хъ годовъ почти terra incognita. Прогрессъ этотъ раскрывается въ слѣдующихъ поразительныхъ цифрахъ:

	1871 г.	1893 г.
Населеніе	40,900 челов.	251,500 челов.
Площадь воздѣлываем. земли.	—	2.150,000 акровъ [1])
Количество скота	6,000 гол.	405,000 гол.

Для полнаго освѣщенія этихъ цифръ, мы должны прибавить, что первыми поселенцами на этой громадной территоріи была, въ 1872 г., небольшая кучка русскихъ *менонитовъ*, за которыми, въ 1874 г., послѣдовали 1,800 чел. исландцевъ. Громадная Тихо-Океанская желѣзная дорога, пересѣкающая теперь поперекъ весь континентъ Канады, главнымъ образомъ, способствовала развитію этой еще малоизвѣстной страны, которая, по разсчетамъ статистиковъ, въ состояніи прокормить до 800.000,000 человѣкъ. т. е. удвоенное народонаселеніе Европы.

Мы хотѣли еще коснуться здѣсь нѣкоторыхъ подробностей въ связи съ экономическимъ развитіемъ Южной Африки,—самой молодой изъ англійскихъ колоній (если не считать входящую въ составъ ея Капскую землю, отнятую въ 1806 г. у голландцевъ) и которая обнаруживала мало прогресса до 1867 г., когда были открыты Кимберлійскіе алмазные пріиски. Но эта замѣчательная колонія, благодаря ея несмѣтнымъ золотымъ богатствамъ (превосходящимъ всѣ другія страны), сдѣлалась за послѣднее время не только центромъ самой отчаянной биржевой спе-

[1]) Около 800 тыс. десятинъ.

спекуляціи, но и сценой, на которой разыгрывается весьма поучительная трагикомедія, чуть не завершившаяся европейской войной, въ которой главными дѣйствующими лицами, рядомъ съ разными биржевыми проходимцами и авантюристами новѣйшаго типа, являются высшіе представители правящихъ классовъ Англіи. Трагикомедія эта еще не кончилась, и потому мы пока не будемъ касаться послужившей ей сценою замѣчательной колоніи, съ судьбою которой связано столько многоразличныхъ, громаднаго значенія интересовъ и которая такъ хорошо иллюстрируетъ нравы господствующей теперь надо всѣмъ биржевой среды.

Передъ самымъ юбилеемъ королевы Викторіи, извѣстный южноафриканскій дѣятель и одинъ изъ самыхъ главныхъ представителей биржевыхъ капиталистовъ, стоявшихъ во главѣ золотой спекуляціи, Барнато, бросился въ море съ борта парохода, на пути изъ Каптоуна въ Англію. Этотъ талантливый биржевой дѣлецъ и сотрудникъ Радса, біографія котораго превосходитъ самые сенсаціонные романы этого рода и котораго еще недавно лондонскій лордъ-мэръ чествовалъ торжественнымъ банкетомъ въ Сити, съумѣлъ выманить изъ кармановъ весьма еще довѣрчивой англійской публики болѣе ста милліонновъ рублей, путемъ подписки на 11 разныхъ золотопромышленныхъ и банковыхъ предпріятій въ Южной Африкѣ, цѣнность акцій которыхъ, съ 1895 года, упала болѣе чѣмъ на 60%. Если-бы блестящая карьера Барнато, еще сравнительно молодого человѣка (ему не было сорока пяти лѣтъ), не завершилась столь трагическимъ образомъ, то ему навѣрное предстояло-бы занять мѣсто въ парламентѣ, а потомъ — и въ палатѣ лордовъ, гостепріимно открывающей свои двери для подобныхъ дѣятелей, и онъ сдѣлался-бы однимъ изъ такъ называемыхъ столповъ консервативной партіи.

Отводя, въ настоящей замѣткѣ значительное мѣсто наиболѣе выдающимся колоніямъ Англіи, мы имѣли въ виду ихъ значеніе, какъ будущихъ великихъ государствъ демократическаго типа, которые, вмѣстѣ съ Соединенными Штатами Америки, позаимствовавъ у своей родоначальницы главныя основанія ея государственнаго и общественнаго строя, развиваются совершенно самостоятельно. Въ тѣхъ двухъ громадныхъ движеніяхъ, которыя, какъ уже было замѣчено, составляютъ характеристическую черту жизни Англіи за истекшія шестьдесятъ лѣтъ, общественное развитіе этихъ колоній (особенно за послѣднюю четверть столѣтія) имѣетъ большое значеніе, и онѣ уже теперь во многихъ случаяхъ являются образцами при осуществленіи наиболѣе прогрессивныхъ реформъ. Поэтому, для правильнаго освѣщенія нѣкоторыхъ явленій въ современной англійской жизни, ихъ необходимо разсматривать параллельно съ тѣми фактами, въ которыхъ обнаруживаются однородныя теченія общественной жизни не только въ этихъ колоніяхъ Англіи, но и въ соплеменной ей Американской Республикѣ.

Намъ остается прибавить, что въ упомянутомъ уже демократическомъ движеніи нашего времени, особенно характеризующемъ англо-саксонскія государства, женщина должна играть весьма значительную роль. Такъ называемый *женскій вопросъ* уже, повидимому, превратился, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ, изъ *вопроса* и *моднаго* теченія въ крупное явленіе современной жизни. Всѣ сколько-нибудь знакомые съ англійскою жизнью за послѣднія двадцать пять лѣтъ, должны признать неоспоримымъ фактомъ, что за это время женщина не только отвоевала себѣ въ ней право труда почти во всѣхъ отрасляхъ, бывшихъ до того исключительнымъ достояніемъ мужчины, но что участіе ея уже проникаетъ теперь собою почти всѣ сферы общественной дѣятельности, въ которую она вноситъ гуманитарное начало.

К. Астонъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА. БІОГРАФІИ.

Фаустъ. **Трагедія Гете.** Часть первая. Переводъ *А. П. Мамонтова.* Москва. 1897.

Печальная судьба великихъ произведеній поэзіи заключается, по преимуществу, въ томъ, что они имѣютъ свойство, такъ сказать, магнетически притягивать къ себѣ плохихъ переводчиковъ. Мы бы затруднились, напримѣръ, перечислить всѣ русскіе переводы «Гамлета», а между тѣмъ, среди этого множества Гамлетовъ ни одинъ не можетъ быть названъ вполнѣ удовлетворительнымъ, а большинство такъ прямо никуда не годятся. Почти то-же самое можно сказать о «Фаустѣ» Гете. У насъ есть переводы Вронченка, Губера, гг. Холодковскаго, Голованова и другихъ, но хорошаго перевода мы все-таки не имѣемъ. У Вронченка языкъ совершенно варварскій, и кромѣ того, Вронченко не всегда понималъ то, что переводилъ; у Губера языкъ хорошъ, но его переводъ слишкомъ удаляется отъ подлинника и поэтому лишь въ очень слабой степени передаетъ характеръ и глубину поэмы. Почтенную попытку сдѣлалъ г. Холодковскій: онъ задался цѣлью дать точный и близкій переводъ Фауста, но не жертвуя для этого русской рѣчью; къ сожалѣнію, и его переводъ не всегда удаченъ. Наконецъ, послѣдній переводъ,— г. Мамонтова,—только что вышедшій—представляетъ собой нѣчто весьма слабое. Въ крошечной замѣткѣ, которую г. Мамонтовъ предпослалъ своему переводу, онъ говоритъ: «Переводчикъ задался цѣлью по возможности дословно передать содержаніе подлинника. Не въ силахъ сохранить стихотворную форму его, онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ вольному бѣлому стиху, по возможности придерживаясь однако подлинника въ переходахъ размѣра». Уже изъ этого замѣчанія мы убѣждаемся, что г. Мамонтовъ даетъ намъ не точный снимокъ съ оригинала, а лишь блѣдную копію; но въ дѣйствительности мы находимъ, что эта копія, кромѣ того, и уродлива, покрайней мѣрѣ мѣстами. Беремъ напримѣръ, почти на удачу, слѣдующее мѣсто:

О, счастливъ тотъ, еще надѣяться кто можетъ
Вновь вынырнуть изъ моря заблужденія!
Чего не знаешь ты, то именно и было-бъ нужно,
А знаешь что, не можешь пользоваться тѣмъ.
Къ чему-жъ однако часа этого намъ благодать
Всей прелести лишать раздумьемъ мрачнымъ!

Тутъ очень трудно добраться до смысла, хотя это мѣсто не представляетъ никакой трудности въ смыслѣ перевода: тутъ нѣтъ никакой философской глубины, передача которой могла бы представлять затрудненія, а въ поэтическомъ смыслѣ это не болѣе, какъ обычное общее мѣсто. А между тѣмъ, переводчикъ не съумѣлъ и эти шесть стиховъ передать въ изящной стихотворной формѣ. У него неизвѣстно для чего появилось слово: вынырнуть, которое, повидимому, сочинено здѣсь самимъ переводчикомъ; нѣтъ даже обычной музыкальности, которая такъ легко дается въ русскомъ стихѣ. По этому образчику не трудно судить о томъ, каковъ переводъ другихъ частей, болѣе трудныхъ, въ смыслѣ лирики или философскихъ мыслей. То и дѣло у переводчика появляются вульгарныя выраженія, неясности—или даже прямо нелѣпости; бѣлый стихъ, который въ русскомъ языкѣ такъ красивъ и такъ легко дается, у г. Мамонтова тяжелъ и неуклюжъ. Встрѣчается даже сумбуръ, какъ напримѣръ:

Мой другъ, прошедшаго времёна
Есть книга о семи для насъ печатяхъ:
Что духомъ вы временъ зовете,

Въ основѣ—собственный господь самихъ-то духъ,
Гдѣ отражаются, какъ въ зеркалѣ, времена.

Этихъ образчиковъ, думаемъ, достаточно, чтобы дать понятіе о переводѣ г. Мамонтова. Въ концѣ книги г. Мамонтовъ помѣстилъ большую статью подъ заглавіемъ «Поясненія», которая въ дѣйствительности есть не болѣе, какъ извлеченія изъ Куно-Фишера, Карьера и Дюнцера. Но и здѣсь г. Мамонтовъ оказался не на высотѣ своей задачи: всѣ эти поясненія отрывочны, не составляютъ ничего цѣльнаго и въ сущности ровно ничего не поясняютъ: въ лучшемъ случаѣ, г. Мамонтовъ пересказываетъ своими словами и прозой то, что онъ такъ плохо перевелъ вольнымъ бѣлымъ стихомъ.

Должно быть и въ самомъ дѣлѣ еще не настали «времёна» для хорошаго перевода «Фауста».

А. Ѳ. Кони. **Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ.** 1897.

Императоръ Александръ Первый сказалъ Карамзину: «Русскій народъ достоинъ исторіи», Императоръ Николай Первый прибавилъ: «Исторія Карамзина достойна русскаго народа». Такъ и мы можемъ сказать: докторъ Гаазъ достоинъ самой основательной и глубоко-прочувствованной біографіи; біографическій же очеркъ, написанный г. Кони, достоинъ доктора Гааза. Большинство читателей имѣли уже возможность познакомиться съ этимъ трудомъ г. Кони, такъ какъ онъ былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы», вошелъ въ собраніе сочиненій автора и былъ прочитанъ въ формѣ публичной лекціи нѣсколько разъ съ небывалымъ успѣхомъ.

Докторъ Гаазъ безспорно принадлежалъ къ числу «великихъ человѣколюбцевъ», жизнь которыхъ представляетъ глубокій психологическій интересъ и сверхъ того возбуждаетъ энтузіазмъ и вѣру въ человѣка. Имя доктора Гааза связано съ исторіей тюремъ въ Россіи, которой отведено не мало мѣста въ книгѣ г. Кони. На ряду съ благородной личностью Гааза, мы видимъ въ очеркѣ мастерски обрисованныя авторомъ другія личности, также отличавшіяся возвышенными стремленіями; къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, князь Д. М. Голицынъ. Къ очерку приложенъ хорошій портретъ Гааза. Очеркъ посвященъ профессору харьковскаго университета Гиршману, какъ *чистому образцу слуги и друга страждущихъ*.

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ. Біографическій очеркъ, составленный профессоромъ Московскаго университета *А. П. Соколовымъ.* С.-Петербургъ, 1897 г.

Біографія профессора Столѣтова раскрываетъ передъ нами по истинѣ тернистый путь русскаго ученаго. Столѣтовъ происходилъ изъ небогатой купеческой семьи. Въ дѣтствѣ и въ юности онъ обнаруживалъ наклонности и способности къ музыкѣ и литературѣ, въ университетъ же поступилъ на физикоматематическій факультетъ и посвятилъ себя главнымъ образомъ физикѣ, которой и остался вѣренъ всю жизнь. Изъ біографіи видно, что профессоръ Столѣтовъ не былъ сухимъ, одностороннимъ ученымъ и отличался живымъ отзывчивымъ сердцемъ. Несмотря на плодотворную тридцатилѣтнюю профессорскую дѣятельность и вѣскія научныя заслуги, онъ не дождался надлежащей оцѣнки своихъ трудовъ, но испыталъ тяжелое разочарованіе подъ конецъ своей дѣятельности и находилъ душевное успокоеніе лишь въ чтеніи.

Къ біографіи приложенъ подробный списокъ научныхъ трудовъ Столѣтова, которые главнымъ образомъ относились къ электричеству и магнетизму.

II. ПСИХОЛОГІЯ, ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦИНА.

Рибо. — **Психологія чувствъ.** Кіевъ, 1897 г.

Рибо считается авторитетомъ въ вопросахъ психологіи, поэтому и его книга, посвященная психологіи чувствъ, несмотря на нѣкоторую узкость взглядовъ, заслуживаетъ вниманія, въ особенности если вспомнить, что чувство принадлежитъ къ тѣмъ психологическимъ элементамъ, которые наименѣе разработаны въ наукѣ. И дѣйствительно, психологія чувствованій представляетъ большія научныя трудности. Самонаблюденіе въ этой области, менѣе чѣмъ въ другихъ, внушаетъ довѣрія. Экспериментальный методъ далъ нѣсколько цѣнныхъ результатовъ, но далеко не столь важныхъ и гораздо менѣе многочисленныхъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ психологіи. Кромѣ того, господствующее воззрѣніе, смѣшивающее состоянія афективныя съ интеллектуальными, разсматривающее ихъ при изученіи, какъ нѣчто анологичное, могло приводить только къ заблужденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, при изученіи психологіи чувствъ намъ приходится выбирать между двумя радикально противоположными положеніями, и тотъ, или другой выборъ приводитъ къ различнымъ методамъ. Относительно природы и происхожденія чувствованій существуетъ два различныхъ воззрѣнія. Согласно одному изъ нихъ, чувства— вторичныя, производныя свойства, формы или функціи сознанія; они существуютъ при посредствѣ его и являются какъ бы «неяснымъ сознаніемъ», — таково положеніе интеллектуалистовъ. По другому-же, они — первичны, автономны, независимы отъ сознанія, могутъ существовать внѣ его и безъ него, имѣютъ совершенно иное происхожденіе; это воззрѣніе, въ его ны-

вѣшней формѣ, можно назвать физіологическимъ. Теорія интеллектуалистовъ нашла себѣ полное выраженіе въ Гербартѣ и его школѣ, для которыхъ всякія чувствованія существуетъ только благодаря взаимному соотношенію представленій; всякое чувство является результатомъ существованія въ умѣ идей, сходныхъ или противоположныхъ; оно есть непосредственное сознаніе моментальнаго повышенія или пониженія психической дѣятельности,—состоянія свободного или подавленнаго напряженія; само по себѣ оно не существуетъ. Оно походитъ на музыкальные аккорды и диссонансы, которые розпятся отъ элементарныхъ звуковъ, хотя сами по себѣ не существуютъ. Вліяніе Гербарта еще прочно въ Германіи, гдѣ (въ видѣ нѣсколькихъ исключеній въ лицѣ Горвици, Швейдера и др.) интеллектуализмъ, полный или смягченный, еще господствуетъ. Физіологическая теорія (Бенъ, Спенсеръ, Маудсли, Джемсъ, Ланге и др.), сводитъ всѣ состоянія чувствованій къ біологическимъ условіямъ и разсматриваетъ ихъ, какъ прямое и непосредственное выраженіе растительной жизни. Эта теорія принята и Рибо въ его книгѣ безъ всякихъ ограниченій. Согласно ему, чувства не являются поверхностнымъ проявленіемъ, простой эффлоресценціей; они коренятся глубоко въ индивидуумѣ; ихъ корни имѣютъ начало въ потребностяхъ и инстинктахъ, т. е. въ движеніяхъ. Сознаніе передаетъ намъ только часть ихъ секретовъ, но никогда не можетъ вполнѣ ихъ открыть: нужно спуститься пониже. «Безъ сомнѣнія, непріятно ссылаться на безсознательную дѣятельность, вводить темный, мало опредѣленный факторъ, но свести чувствованія къ яснымъ и точнымъ представленіямъ и воображать, что такимъ пріемомъ ихъ можно укрѣпить, это значило бы вполнѣ пренебрегать природой и заранѣе осудить себя на неудачу».

Въ первой части своего труда Рибо изучаетъ наиболѣе важныя явленія: удовольствіе и страданіе, особые признаки этой формы психической жизни, разсѣянные повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; затѣмъ, природы эмоцій—состояніе сложное, соотвѣтствующее въ сферѣ чувствованій воспріятію въ сферѣ сознанія. Вторая часть исключительно посвящена спеціальнымъ эмоціямъ. «Это детальное изученіе имѣетъ очень важное значеніе для тѣхъ доводовъ, которые будутъ позднѣе приведены для того, чтобы не ограничиваться общими мѣстами; вся эта часть имѣетъ значеніе контроля и провѣрки. Природа чувствованій можетъ быть только тогда понята, когда они будутъ изслѣдованы въ своихъ безпрестанныхъ превращеніяхъ, т. е. въ своей эволюціи. Обособить ихъ отъ воздѣйствія соціальныхъ, моральныхъ и религіозныхъ учрежденій, отъ эстетическихъ и интеллектуальныхъ перемѣнъ, которыя ихъ поясняютъ и воплощаютъ, это—значитъ низводить ихъ къ мертвой и пустой абстракціи».

Несмотря на то, что трудъ Рибо представляетъ очень сжатое изложеніе и въ немъ отсутствуетъ историческій обзоръ психологіи чувствованій, онъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ полное и систематическое изложеніе предмета, — изложеніе талантливое и мѣстами даже изящное.

Рибо.—**Психологія вниманія.** Кіевъ. 1897 г.

Предполагая, что значеніе слова «вниманіе» понимается каждымъ съ достаточной ясностью, Рибо прямо приступаетъ къ психологіи этой явленія, предупреждая, что въ своемъ трудѣ онъ касается лишь вопроса о механизмѣ вниманія. Цѣль его труда—установить и доказать слѣдующія положенія: существуютъ двѣ различныя формы вниманія — вниманіе естественное, непроизвольное, и вниманіе искусственное, произвольное. Первая форма, оставленная въ пренебреженіи большинствомъ психологовъ, представляетъ собою форму дѣйствительную, примитивную и основную,—вторая, составляющая до сихъ поръ предметъ изслѣдованій, представляетъ собою подражаніе, результатъ воспитанія и дрессировки. Непрочное и шаткое, произвольное вниманіе опирается всецѣло на вниманіе непроизвольное, въ которомъ оно находитъ свое основаніе. Оно есть только усовершенствованный снарядъ, продуктъ цивилизаціи. Вниманіе въ этихъ двухъ формахъ не есть что-либо неопредѣленное, актъ чисто духовный, дѣйствующій таинственнымъ и неуловимымъ образомъ. Механизмъ его, по существу, двигательный, т. е. дѣйствующій на мускулы и посредствомъ мускуловъ, главнымъ образомъ въ формѣ задержки. Такова основная мысль книги Рибо, поэтому эпиграфомъ къ ней могли-бы послужить слова Маудсли: «Человѣкъ, неспособный управлять своими мускулами, неспособенъ и ко вниманію». Вниманіе, въ обѣихъ его формахъ, представляетъ собою состояніе исключительное, анормальное, не могущее долго продолжаться, потому что оно противорѣчитъ основному положенію психической жизни—измѣняемости. Вниманіе есть состояніе неподвижное. Если оно длится через-чуръ долго, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ, каждый знаетъ по опыту, что имъ вызывается постоянно-возростающая неясность мысли, полное умственное изнеможеніе, часто сопровождающееся головокруженіемъ. Эти легкія временныя помраченія указываютъ на природный антагонизмъ между вниманіемъ и нормальной психической жизнію. Единство сознанія, составляющее основу вниманія, яснѣе выражается въ болѣзненныхъ проявленіяхъ его,—въ idées fixes, и въ остромъ состояніи—въ экстазѣ. Такимъ образомъ, слѣдуя воз-

рѣнію Рибо—единство сознанія есть существенный признакъ вниманія. Нормальное состояніе есть множественность состояній сознанія или, слѣдуя выраженію, употребляемому нѣкоторыми писателями, полиидеизмъ. Вниманіе-же есть кратковременная задержка этого безпрерывнаго ряда, ради одного какого-либо состоянія. Это уже—моноидеизмъ. Самонаблюденіе показываетъ намъ, что вниманіе представляетъ только относительной моноидеизмъ, т. е. оно предполагаетъ существованіе руководящей мысли, притягивающей лишь все къ ней относящееся и ничего болѣе, и ограничивающей образованіе ассоціацій очень узкими рамками, подъ условіемъ, что онѣ сосредоточиваются, подобно ей, на одномъ и томъ-же пунктѣ. Эта руководящая мысль направляетъ въ свою пользу всю имѣющуюся налицо мозговую дѣятельность. Существованіе абсолютнаго моноидеизма менѣе достовѣрно, но Рибо продерживается мнѣнія, что оно бываетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ экстаза; это явленіе бываетъ только мимолетнымъ, потому что сознаніе исчезаетъ, какъ только мы поставимъ его внѣ условій, необходимыхъ для его существованія. Такимъ образомъ, вниманіе заключается въ замѣнѣ частнымъ случаемъ, относительнымъ единствомъ сознанія, общаго правила—множественностей состоянія сознанія и измѣняемости. Одного этого объясненія недостаточно для опредѣленія вниманія. Жестокая зубная боль, колики въ почкахъ, сильная робость даютъ временное единство сознанія, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ вниманіемъ. Вниманіе должно имѣть объектъ; оно не представляетъ собою чисто субъективнаго измѣненія, а есть познаваніе, опредѣленное состояніе ума. Но это еще не все. Чтобы отличить вниманіе отъ нѣкоторыхъ приближающихся къ нему состояній, напр., idées fixes, мы должны помнить о способности организма приспособляться, — способности постоянно сопровождающей вниманіе и имѣющей большое вліяніе на его образованіе. Такъ въ случаяхъ непроизвольнаго вниманія все тѣло сосредоточивается на объектѣ вниманія; уши, иногда и руки направляются къ нему. Всѣ движенія на время прекращаются. Личность поглощена даннымъ объектомъ вниманія, т. е. внѣ ея стремленія, весь имѣющійся на лицо запасъ энергіи направленъ на одинъ и тотъ же пунктъ. Приспособленность внѣшняя, физическая является признакомъ приспособленности внутренней, психической. Сосредоточеніе ведетъ къ единству, замѣняющему разсѣянность движеній и положеній тѣла, характеризующую нормальное состояніе. Въ случаяхъ произвольнаго вниманія приспособленность зачастую бываетъ неполная, перемежающаяся, непрочная. Хотя движенія и останавливаются, но возобновляются время отъ времени. Сосредоточеніе происходитъ, но вяло и въ слабой степени. Личность поглощена только отчасти и временно.

Нельзя сказать, чтобы трудъ Рибо исчерпывалъ вопросъ во всей его полнотѣ, но если мы вспомнимъ, что психологія вниманія до сихъ поръ не была предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій и литература ея очень ограничена, то за Рибо нужно будетъ признать заслугу въ томъ, что онъ свелъ въ одно систематическое цѣлое всѣ частичныя и разрозненныя изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ книга Рибо, несомнѣнно, окажетъ пользу, несмотря на нѣкоторые теоріи —или рискованныя, или недостаточно обоснованныя.

Э. Реклю. **Земля и люди. Швеція и Норвегія.** Пер. *Пл. Краснова.* Спб. 1897. 252 стр. Ц. 1 р., вып. II. **Бельгія и Голландія.** 325 стр. Ц. 1 р.

Едва ли не самой характерной чертой таланта знаменитаго французскаго географа является умѣнье всесторонне освѣтить предметъ изслѣдованія, одухотворивъ безжизненный матеріалъ широкой обобщающей мыслью. Въ этомъ отношеніи онъ очень напоминаетъ Александра Гумбольдта, къ которому Реклю приближается также универсальностью знанія. Конечно, было бы рискованно утверждать, что обширный трудъ Реклю займетъ въ исторіи науки такое же мѣсто, какъ «Космосъ». Его задачи уже, въ немъ нѣтъ того единства основной мысли, которое составляетъ отличительный признакъ «Космоса». Тѣмъ не менѣе для нашего времени «Земля и люди» представляютъ самую полную и самую общедоступную энциклопедію географическихъ знаній, незамѣнимое пособіе при изученіи народовъ и странъ.

Что касается перевода, то онъ въ общемъ вполнѣ удовлетворителенъ, хотя тамъ и сямъ проскальзываютъ недосмотры и шероховатости. Оба выпуска снабжены приложеніями, рисующими государственное устройство и экономическій бытъ описываемыхъ государствъ, и библіографическими указателями. Послѣдніе не свободны отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, въ особенности—указатель вышедшихъ на русскомъ языкѣ книгъ и статей о Швеціи и Норвегіи. Съ какой стати попала сюда, напр., драма Софьи Ковалевской «Борьба за счастье» или сочиненіе Норденшильда «Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи», или, наконецъ, сказка извѣстнаго *финскаго* писателя Топеліуса. Гораздо удачнѣе указатель, относящійся къ Бельгіи и Голландіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ пожелать, чтобы весь трудъ Реклю сдѣлался столь же доступнымъ для русской публики, какъ только что выпущенныя части его.

Живописная астрономія Фламмаріона. Общее описаніе вселенной, увѣнчанное монтіоновскою преміей и одобренное франц. мин. просв. для народныхъ

библіотекъ. Переводъ *Е. Предтеченскаго*, съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. С.-Петербургъ, 1897. Изданіе *Ф. Павленкова.*

Живописная астрономія — популярная книга въ полномъ смыслѣ этого слова. Назначеніе ея служить подаркомъ для юношей. Доставляя извѣстную сумму положительныхъ знаній, авторъ даетъ и много той пищи воображенію, которой всегда жаждетъ неопытный умъ. На одномъ изъ многочисленныхъ рисунковъ мы находимъ слѣдующую надпись: «Странникъ, блуждая по берегамъ Сены, присядетъ на грудѣ развалинъ, отыскивая мѣсто древняго Парижа, свѣтившаго міру столько вѣковъ»... И на ряду съ этимъ забѣганьемъ впередъ очень толковое объясненіе перемѣщенія земной оси, вслѣдствіе предваренія равноденствій. Таково свойство всѣхъ хорошо извѣстныхъ читателю сочиненій Фламмаріона. Главное достоинство «живописной астрономіи» — ея доступность; въ ней почти не встрѣчается математическихъ формулъ, хотя, разумѣется, авторъ, пользуется математическими понятіями. Самъ Фламмаріонъ говоритъ: «Книга эта написана для тѣхъ, кто привыкъ сознательно относиться ко всему окружающему и радъ бы былъ безъ особенныхъ усилій получить первоначальныя, но основательныя свѣдѣнія обо всемъ, что происходитъ въ мірѣ». Въ концѣ книги находимъ прибавленіе г. переводчика: «Лунный календарь и его примѣненія».

М. В. Беренъ. **Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой.** Редакція *Н. А. Рубакина.* 1897, 115 стр. Ц. 30 коп.

Удачно выбранная тема и чрезвычайно общедоступное изложеніе дѣлаютъ «Разсказы» М. Беренъ весьма цѣннымъ и желательнымъ вкладомъ въ нашу народную литературу. Авторъ разсказываетъ о многосторонней культурной дѣятельности человѣчества, объ его техническихъ и экономическихъ завоеваніяхъ. Не ограничиваясь изложеніемъ фактовъ, онъ старается точно также дать своему читателю представленія о томъ, какими силами пользуется человѣкъ въ своей борьбѣ съ природой и на чемъ основаны его успѣхи, указывая постоянно на значеніе *знанія* и *труда.* Многочисленныя иллюстраціи дѣлаютъ весьма богатую данными фактическую часть книги еще нагляднѣе. Написана книга съ безусловнымъ знаніемъ дѣла и подкупаетъ своей простотой.

Н. Я. Горовая. **Гигіеническіе очерки. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній.** Спб. 1897. 164 стр. Ц. 80 к.

Очеркъ г-жи Горовая составленъ толково и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступно и читается съ интересомъ. Содержаніе его нѣсколько шире, чѣмъ заглавіе, такъ какъ авторъ касается не только гигіены жилыхъ помѣщеній, но и другихъ вопросовъ, напр., о почвѣ, о чистотѣ улицъ городовъ, объ угарѣ, баняхъ и т. п. Впрочемъ эти отступленія не помѣшали автору основательно разработать главный предметъ. Конечно, есть въ книжкѣ ошибки и недосмотры, но ихъ, сравнительно съ другими популярными брошюрами, немного. Такъ «топка печей» включена въ число условій «увеличивающихъ количество пыли» въ комнатахъ; между тѣмъ, топка печей, способствуя вентиляціи, скорѣе уменьшаетъ количество пыли, хотя мы не будемъ спорить съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что камины въ этомъ отношенія болѣе полезны, чѣмъ обыкновенныя печи. Далѣе авторъ дѣлаетъ такое опредѣленіе мышцы: «Мышцей называется отдѣльная часть мяса, заканчивающаяся сухой жилой, которая прикрѣпляетъ эту мышцу къ кости». Это опредѣленіе вдвойнѣ неправильно: и съ анатомической, и съ логической точки зрѣнія. Нѣкоторыя мышцы не прикрѣпляются къ костямъ, а кончаются въ кожѣ. Съ другой стороны въ наукѣ нѣтъ и не можетъ быть термина: *мясо,* и потому исходя изъ него, нельзя построить научнаго опредѣленія.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Эмиль Лоранъ.—**Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности.** Переводъ *В. В. Баршевскаго,* подъ редакціей проф. университета св. Владиміра *И. А. Сикорскаго.* Кіевъ, 1897.

Вопросъ о преступномъ человѣкѣ давнымъ давно занимаетъ человѣчество, но до послѣдняго времени вопросъ этотъ былъ изслѣдуемъ почти исключительно со стороны соціологической. Преступникъ самъ по себѣ, какъ индивидъ, мало былъ изучаемъ. Въ обществѣ господствовало стремленіе лишь защититься отъ наносимаго имъ вреда, удалить его изъ своей среды, и на него смотрѣли, поэтому, съ точки зрѣнія отношенія его къ другимъ, а не къ самому себѣ; при такомъ взглядѣ о какомълибо исправленіи преступника или о его духовномъ просвѣтленіи не могло быть, разумѣется, и рѣчи. Только въ самое недавнее время небольшой кружокъ ученыхъ изслѣдователей пошелъ въ разрѣшеніи вопроса по совершенно новому пути; воздавая должное уголовной соціологіи, они признали, однако, болѣе человѣчнымъ и болѣе естественнымъ удѣлить свое научное вниманіе самимъ преступникамъ; но именно благодаря такому воззрѣнію, ихъ изслѣдованія въ этомъ направленіи имѣютъ большое значеніе для общества. Новая антропологія возникла съ появленія книги Ломброзо: «Преступный человѣкъ». Этотъ пытливый энтузіастъ (такъ называетъ его Лоранъ) первый пошелъ по новой дорогѣ, и въ этомъ его дѣйствительная заслуга. Тѣмъ не менѣе, заслуга эта не искупаетъ, какъ говоритъ Тардъ, ни

отсутствія метода, ни недостатка критическаго отношенія къ фактамъ, ни путаницы въ группировкѣ самыхъ разнородныхъ явленій, ни склонности принимать за подтвержденіе правила случайно подобранный рядъ исключеній, ни, наконецъ, нервную торопливость сужденій и навязчивость главныхъ положеній, красной нитью проходящихъ по всѣмъ его работамъ. Тѣмъ не менѣе, Ломброзо все-таки успѣлъ основать цѣлую школу. Вслѣдъ за тѣмъ, уголовная антропологія обогатилась сочиненіемъ Энрико Ферри «Nuovi orizonti del diritto penale», въ которомъ преобладаетъ соціологическая точка зрѣнія, и наконецъ, лучшимъ произведеніемъ итальянской школы,—«Криминалогіей» Гарофоло, въ которой молодой представитель магистратуры и тонкій аналитикъ пытается уже признать нѣкоторую юридическую зрѣлость за положеніями новой школы, хотя эта зрѣлость, по замѣчанію Тарда—только кажущаяся, и предлагаемыя новой доктриной реформы представляются еще не достаточно обоснованными. Около этихъ трехъ представителей новой школы, сгруппировалась цѣлая плеяда молодыхъ итальянскихъ ученыхъ, труды которыхъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательны. То же самое движеніе мы замѣчаемъ во Франціи, Англіи и Германіи. Въ Россіи заслуживаютъ вниманія прекрасныя монографіи женщины-врача П. Н. Тарновской о преступникахъ и женщинахъ, промышляющихъ кражей. Этимъ изслѣдованіямъ г-жи Тарновской, Лоранъ посвятилъ небольшую главу, которая прочтется, конечно, съ большимъ интересомъ. Кромѣ того, въ прибавленіи изложены мнѣнія другихъ русскихъ ученыхъ (Чижа, Сикорскаго, Бехтерева, Корсакова), какъ они были высказаны на съѣздѣ русскихъ врачей въ память Пирогова.

Книга Лорана, въ которой очень обстоятельно изложены главнѣйшія теоріи и взгляды уголовной антропологіи, несомнѣнно имѣетъ свои достоинства; Лоранъ съ одинаковымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ относится не только къ выводамъ и воззрѣніямъ антропологическимъ, но и къ точкѣ зрѣнія юристовъ; кромѣ того, въ книгѣ Лорана ясными и живыми чертами охарактеризованы типы преступниковъ и начертана психологія преступнаго человѣка. Но книга Лорана—не болѣе, какъ популяризація новой, зарождающейся науки и кромѣ того, популяризація довольно поверхностная, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить болѣе основательной и ученой монографіи. Она, можетъ быть, удовлетворитъ образованнаго человѣка, который пожелаетъ познакомиться съ новой наукой, но ни въ какомъ случаѣ недостаточна (какъ полагаетъ русскій переводчикъ) для судебнаго врача, юриста и педагога.

Переводъ сдѣланъ не вполнѣ удовлетворительно.

Жанъ Лурбэ.—**Женщина передъ судомъ современной науки.** Кіевъ, 1897

Г. Лурбэ, авторъ названнаго сочиненія, предполагаетъ, что человѣкъ уже достигъ такой степени «разумной честности» и свободы, что можетъ искать рѣшенія всякаго вопроса, исключая изъ своихъ мыслей все то, что, вытекая изъ инстинктовъ, страстей, удовольствій, болѣе или менѣе непосредственныхъ и временныхъ, но всегда эгоистичныхъ, могло бы смутить его разумъ, сдѣлать ошибочной его логику. Онъ предполагаетъ, что мужчина можетъ уже рѣшить женскій вопросъ, отрѣшившись отъ всякихъ воображаемыхъ и личныхъ предубѣжденій, отъ всякой оффиціальной морали, отъ всякихъ произвольныхъ догматовъ, отъ всѣхъ общественныхъ условій, отъ всякаго законодательства,—однимъ словомъ, отъ всей совокупности учрежденій, возникшихъ благодаря различнымъ опытамъ слѣпой человѣческой дѣятельности, и которыхъ могущественное вліяніе стремится испортить всякое сужденіе, испортить его со всей силой накопленныхъ вѣками предразсудковъ. Г. Лурбэ вполнѣ увѣренъ, что всего этого человѣчество уже достигло, благодаря наукѣ, и поэтому, вооружившись наукой, онъ приступаетъ къ рѣшенію женскаго вопроса. Соотвѣтственно такому рѣшенію и его книга раздѣляется на семь главъ, въ которыхъ онъ послѣдовательно разрѣшаетъ слѣдующіе вопросы: 1) Физическая сила и соціальное значеніе человѣческой личности; 2) Вызываетъ-ли низшая степень физическаго развитія также и низшую степень умственнаго развитія? 3) Чувствительность и умственное развитіе; 4) Мозгъ и разумъ; 5) Дѣйствіе и разумъ; 6) Сила умственная и сила половая, 7) Одинаковы-ли соотвѣтственные успѣхи обоихъ половъ? Достигла-ли наша цивилизація неизлечимой старости?

На повѣрку, однако оказывается, что не смотря всѣ добрыя намѣренія, которыми преисполненъ авторъ, его «наука» дальше элементарныхъ свѣдѣній изъ физіологіи не пошла, а съ такими знаніями не только женскаго вопроса, но и вопросовъ гораздо менѣе запутанныхъ и сложныхъ разрѣшать невозможно. Поэтому, и всѣ соображенія автора, основанныя на такой «наукѣ», не представляются особенно убѣдительными, доказывая только одно, что «человѣчество не достигло еще такой разумной честности, благодаря которой было-бы возможно рѣшеніе всякаго вопроса». Единственное соображеніе автора, которое кажется намъ несомнѣннымъ, заключается въ слѣдующемъ: мужчина и женщина существенно солидарны между собою во взглядахъ на удовольствія всякаго рода; отсюда ясно слѣдуетъ, что разумъ какъ

мужчины, такъ и женщины въ понятіи о жизни болѣе высокой и разнообразной не можетъ желать того, что было-бы взаимно вредно одному или другому. Поэтому, если женщина не способна отъ природы самостоятельно участвовать въ «человѣческомъ концертѣ», то не опасно дать ей свободу; она роковымъ образомъ подчинится вліянію могучей оригинальности мужчины; она не выступитъ изъ рядовъ. Если-же напротивъ, она способна возвыситься до умственной самостоятельности, то она можетъ только способствовать увеличенію и облагороженію всѣхъ наслажденій. «Вообще, женщина, не болѣе мужчины, можетъ погрязнуть въ собственномъ эгоизмѣ; человѣческая жизнь можетъ принять наиболѣе сложный характеръ, самую блестящую форму, широко распространиться, дать каждому индивидууму максимальное счастіе, однимъ словомъ, осуществиться въ полной своей красѣ, только лишь съ помощью свободнаго соглашенія половъ, ихъ разумной связи въ борьбѣ съ слѣпо-враждебной имъ природой. А потому, наше послѣднее слово: «полная свобода для женщинъ».

Съ грустію слѣдуетъ сознаться, что большинство книгъ по вопросу о феминизмѣ дальше этихъ азбучныхъ истинъ не идетъ; это—своего рода спекуляція дешевой и низменной литературы, разсчитанная на вѣрный сбытъ, въ соображеніи, что вопросъ о феминизмѣ есть вопросъ, которымъ современное общество очень живо интересуется. Во всякомъ случаѣ, едва-ли представляется необходимость давать русской публикѣ, въ плохомъ переводѣ, плохія книжки по женскому вопросу, въ то время, какъ у насъ есть публичныя лекціи г. Каптерева по тому-же вопросу, дѣйствительно стоющія того, чтобы ихъ прочитать.

Современные нѣмецкіе университеты *В. А. Чумикова.* С.-Петербургъ 1897 г. 35 стр.

Эта брошюра представляетъ извлеченіе изъ Сборника, изданнаго въ Берлинѣ въ 1893 г. подъ названіемъ Die deutsche Universitäten. Für die Universitätsausstellung in Chikago 1893. Въ *Сборникѣ* принимали участіе многіе нѣмецкіе профессора. Онъ состоитъ изъ двухъ частей; первая содержитъ общій обзоръ и историческое развитіе нѣмецкихъ университетовъ, вторая разсматриваетъ факультеты въ отдѣльности. Книга г. Чумикова представляетъ несомнѣнный интересъ и для русскихъ читателей, потому что университетскій вопросъ стоитъ и у насъ, какъ говорятъ, на очереди. Что касается университетовъ Германіи, то они, какъ видно, пользуются симпатіей г-на Чумикова. Онъ говоритъ: «Эти университеты въ своихъ стѣнахъ культивируютъ *свободную* науку и соединяютъ учениковъ и учителей для свободнаго служенія ей. Но при всей привилегированности своего положенія и корпоративности своего строя, они не обособляются отъ общества, не порываютъ съ нимъ связи. Они не являются, какъ, напримѣръ, университеты нашей родины, одинокими оазисами, живительная влага которыхъ изсякаетъ на мѣстѣ рожденія и оставляютъ сухою и безплодною вкругъ лежащую пустыню. Нѣтъ, они какъ высокіе свѣточи, какъ маяки науки и истины, разливаютъ яркій свѣтъ свой равномѣрно по всему пространству своего отечества, и лучи этого свѣта переходятъ за рубежъ родной земли и озаряютъ всѣ страны міра». Приводимъ эти слова для характеристики взглядовъ г-на Чумикова.

Прошлое и настоящее положеніе фабричной медицины въ московской губерніи. Земскаго санитарнаго врача *А. И. Скибневскаго.* Москва. 1896.

Авторъ указываетъ, что за послѣднія 10 лѣтъ фабричная медицина сдѣлала въ московской губерніи крупные успѣхи и объясняетъ это вліяніемъ, которымъ начинаетъ пользоваться земство. «Безъ взаимодѣйствія и руководительства своей, постоянно идущей впередъ старшей идейной сестры—земской медицины, фабричная медицина будетъ прозябать, но не жить, что и было до недавняго времени по губерніи, и что мы видимъ до настоящаго времени во всей Россіи, на обширномъ пространствѣ которой фабричная медицина, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ единицъ, находится въ полномъ пренебреженіи, полномъ застоѣ и внѣ всякой стройной организаціи» (стр. 23). Эти слова дѣйствительно довольно вѣрно характеризуютъ современное положеніе фабричной медицины. Не говоря уже о провинціи, даже въ столицахъ врачебная помощь является на многихъ фабрикахъ чисто фиктивною. Владѣльцы фабрикъ дотого привыкли смотрѣть на благосостояніе рабочихъ, какъ на явленіе, подрывающее ихъ собственное благосостояніе, что даже не считаютъ нужнымъ думать о здоровьѣ той массы, посредствомъ которой въ короткое время удваиваютъ свои капиталы. Несомнѣнно, что извѣстныя требованія со стороны правительства нѣсколько облегчаютъ безпомощность рабочихъ въ медицинскомъ отношеніи, но такъ какъ правительство не можетъ все время провѣрять фабрикантовъ, то и оказывается нерѣдко, что на бумагѣ помощь очень хороша, на дѣлѣ же ея вовсе нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, она недостаточна.

Въ виду этого, нельзя не согласиться съ д-ромъ Скибневскимъ, что «сліяніе фабричной медицины съ земской, при дѣятельномъ руководительствѣ земства», могло бы превратить «фабричную медицину изъ узкаго личнаго дѣла фабрикантовъ въ широкую общественную организацію, такъ какъ на сторонѣ земства имѣется вполнѣ безпристрастное отношеніе къ рабочему населенію, широкій общественный взглядъ,

организаторская способность, доказанная 30-лѣтнею его дѣятельностью, знаніе, умѣніе и обширная, тѣсно сплоченная, хорошо организованная врачебная коллегія».

1) *Пихно Д. И.* **Значеніе для Россіи хлѣбныхъ цѣнъ.** Кіевъ, 1897 г. стр. 144. 2) *Костюринъ Викторъ.* **Морской путь и дешевый хлѣбъ.** Тобольскъ, 1897 г., стр. 141.

Давая отчетъ объ извѣстной книгѣ Посникова и Чупрова, мы упомянули о массѣ статей, пытавшихся сломить *установившееся воззрѣніе*, съ которымъ авторы приступили къ изслѣдованію вопроса о дешевомъ хлѣбѣ и его значеніи въ экономической жизни страны. Предлагаемыя вниманію читателя брошюры также пытаются до нѣкоторой степени разрушить иллюзіи гг. московскихъ профессоровъ и ихъ сподвижниковъ. Мы не знаемъ, обратили-ли они вниманіе на брошюру пр. Пихно, но думаемъ, что познакомиться съ этою работою имъ не мѣшало, такъ какъ гг. профессора найдутъ въ ней по своему адресу довольно любопытные комплименты. Напр., характеризуя научные пріемы редакторовъ, пр. Пихно говоритъ, что «они суммируютъ выводы своихъ сотрудниковъ, какъ нѣчто совершенно безспорное, берутъ изъ нихъ наиболѣе рѣзкія заключенія, иногда съ существенными умолчаніями, и все это подгоняютъ *подъ нелѣпую предвзятую идею*, что дешевый хлѣбъ есть благо для русскаго народнаго хозяйства» (стр. 12). Далѣе онъ говоритъ, что «они усердно манипулируютъ цифровыми подсчетами, между тѣмъ какъ самая основа этихъ подсчетовъ противорѣчитъ элементарнымъ экономическимъ законамъ» (стр. 33). Какъ и слѣдуетъ ожидать, проф. Пихно болѣе всего останавливается на оцѣнкѣ введенія, гдѣ собраны всѣ самые яркіе и самые смѣлые выводы, на знаменитой статьѣ Щербины о крестьянскихъ бюджетахъ и статьѣ Маресса. Тщательно изучивъ весь этотъ матеріалъ, онъ знакомитъ читателя самымъ добросовѣстнымъ образомъ съ массой противорѣчій, шаткостью и неустойчивостью большинства положеній, правда картинно обставленныхъ картограммами, діаграммами, кучей таблицъ, пытается опровергнуть его на основаніи матеріала, заключающагося въ самой разбираемой работѣ, что ему и удается.

Что касается второй брошюры, г. Костюрина, то въ ней доктрина дешеваго хлѣба встрѣчаетъ чисто мѣстную, областную оцѣнку, иными словами вопросъ о дешевомъ хлѣбѣ разбирается исключительно съ точки зрѣнія жителя Сибири, которую московскіе профессора почему-то игнорировали въ своемъ трудѣ. Авторъ брошюры нисколько не претендуетъ на роль патентованнаго экономиста, называетъ себя «профаномъ въ политической экономіи», знаменитой книги не видѣлъ и въ глаза, но съ предвзятой идеей ея познакомился путемъ газетныхъ отзывовъ, духъ ея уловилъ вполнѣ правильно. Авторъ видитъ въ дешевомъ хлѣбѣ причину безденежья сибирскаго крестьянина. Можетъ ли быть иначе, заключаетъ онъ свою брошюру, когда другъ противъ друга стоятъ дешевый хлѣбъ и непомѣрно дорогіе товары. И онъ совершенно правъ въ этомъ. Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ труда г. Костюрина это полное неумѣнье обращаться съ печатнымъ матеріаломъ, по которому автору пришлось знакомиться съ интересующимъ его вопросомъ. Онъ старается привести его по возможности цѣликомъ и этимъ лишь заслоняетъ для читателя самый вопросъ, а также и точку зрѣнія, съ которой онъ разбирается.

Г. Ф. Кнаппъ. **Виды организаціи труда въ сельской промышленности.** Москва. 1897. 67 стр. Ц. 50 коп.

Настоящая книжка составилась изъ четырехъ лекцій, посвященныхъ характеристикѣ различныхъ формъ организаціи земледѣльческаго труда. Первая лекція трактуетъ о происхожденіи рабства въ испанской Америкѣ, вторая и третья — о крестьянской зависимости въ восточныхъ провинціяхъ Германіи, а четвертая посвящена характеристикѣ экономическо-юридическаго быта сельскихъ рабочихъ, созданныхъ и выдѣленныхъ въ особый соціальный классъ освободительнымъ законодательствомъ Штейна и Гарденберга. Въ послѣднихъ трехъ лекціяхъ Кнаппъ постарался изложить въ пластичной и популярной формѣ главнѣйшіе выводы своего большого труда о крестьянской реформѣ въ Пруссіи. Передъ читателемъ проходятъ послѣдовательно всѣ фазы новѣйшей исторіи нѣмецкаго крестьянства, при чемъ авторъ особенно заботится о томъ, чтобы посвятить свою аудиторію въ метаморфозы соціальнаго строя Германіи и его историческое развитіе. Въ этомъ отношеніи особенно интересна послѣдняя лекція, гдѣ Кнаппъ даетъ весьма любопытное историческое освѣщеніе вопроса о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Къ сожалѣнію, переводчику не удалось справиться съ трудностями нѣмецкой терминологіи. Allgemeines Landrecht—т. е. всеобщее уложеніе Пруссіи превращается у него во всеобщее поземельное законодательство (стр. 25); unerblicher Lassbesits вовсе не есть «состоящее на оброкѣ владѣнія» (стр. 28), какъ думаетъ переводчикъ, а ненаслѣдственное ласситское право владѣнія и т. д. Подобные недочеты, разумѣется, сильно отражаются на удобопонятности книги.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подвиги нашихъ рецензентовъ: Генрикъ Сенкевичъ. Тургеневъ и г. Амфитеатровъ.— «Вешнія воды» Тургенева и «На свѣтломъ берегу» Сенкевича («Русское Богатство»).—Письма Тургенева къ С. К. Брюлловой («Русская Мысль»).—«Русская Мысль» о народномъ образованіи, по поводу статьи г. Геренштейна.—«Вѣстникъ Европы»: Жизнь и поэзія Полежаева.

Нельзя сказать, чтобы Генрику Сенкевичу посчастливилось у насъ на Руси. Правда, наша академія наукъ избрала его въ нынѣшнемъ году своимъ членомъ-корреспондентомъ, но этотъ почетъ (такъ сказать, не въ примѣръ другимъ), оказанный польскому беллетристу, повидимому, весьма мало оказалъ вліянія на нашу журналистику и, вообще, на нашъ литературный людъ. Только «избранные» (которыхъ и вездѣ не ахти какъ много), обладающіе въ достаточной мѣрѣ развитымъ художественнымъ вкусомъ, цѣнятъ въ Генрикѣ Сенкевичѣ первокласснаго беллетриста, какихъ и въ Западной Европѣ найдется немного, а въ нашей современной беллетристикѣ, пожалуй, и совсѣмъ не найдется. Зато вся остальная литературная братія (мы говоримъ здѣсь исключительно о господахъ переводчикахъ и рецензентахъ), повидимому, и въ грошъ его не ставитъ и обращается съ нимъ съ безцеремонностью, по истинѣ поразительной. Недавно въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» были приведены любопытные образчики того, какъ нѣкоторые переводчики не столько переводятъ, сколько уродуютъ Сенкевича. Съ неменьшей безцеремонностью обращаются съ Сенкевичемъ и наши рецензенты, которые и по самому своему «emploi» должны были-бы быть, какъ кажется, и безпристрастными, и... образованными. Къ сожалѣнію, нѣкоторые рецензенты не вполнѣ, повидимому, отвѣчаютъ этимъ элементарнымъ требованіямъ. Вотъ хотя-бы, напримѣръ, г. Амфитеатровъ: онъ—и фельетонистъ, и беллетристъ, и корреспондентъ, и рецензентъ, а между тѣмъ совершаетъ болѣе чѣмъ наивныя странности. Въ своей рецензіи, по поводу повѣсти Сенкевича «На свѣтломъ берегу» (съ которой наши читатели, по отзыву, знакомы), появившейся въ русскомъ переводѣ въ отдѣльномъ изданіи, г. Амфитеатровъ удивляется, что эта повѣсть польскаго писателя какъ двѣ капли

воды похожа на его собственную повѣсть, и мѣсто дѣйствія, говоритъ онъ, и герой, и героиня, и отношенія между ними, и характеры,—все, словомъ, до малѣйшихъ подробностей списано съ повѣсти г. Амфитеатрова. Въ своемъ удивленіи, правда, онъ не доходитъ до утвержденія, что Сенкевичъ такъ-таки по просту взялъ и списалъ съ него или заимствовалъ (въ большей мѣрѣ, чѣмъ допускаютъ литературныя приличія) сюжетъ, но эта скрытая мысль, какъ кажется, существуетъ въ рецензіи и даже сквозитъ между строкъ. Фактъ, несомнѣнно, интересный и любопытный и его, конечно, стоило отмѣтить, если это не... себялюбивая фантазія г. рецензента. По справкамъ, однако, оказывается, что г-нъ Амфитеатровъ, дѣйствительно, наивно сфантазировалъ, придавъ совершенно случайнымъ совпаденіямъ значеніе и смыслъ, которыхъ въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, г. Амфитеатровъ серьезно думать, что Ницца и Монтекарло—его личная литературная собственность, гдѣ могутъ жить и дѣйствовать лишь его, г. Амфитеатрова, герои; не можетъ онъ, съ другой стороны, думать, что герой—художникъ, и героиня—кокетка,—опять-таки его личная литературная собственность, которой не имѣютъ права трогать другіе писатели...

Но у г. Амфитеатрова есть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое оправданіе въ томъ, что онъ, такъ сказать, защищаетъ свое собственное дѣтище, которое могло погибнуть въ лучахъ Сенкевича; онъ, руководимый сознаніемъ своихъ великихъ достоинствъ, невольно, если можно такъ выразиться, хватилъ черезъ край: извѣстно, что многіе, говоря pro domo sua, бываютъ пристрастны къ себѣ. Но что сказать о рецензентѣ, который дѣлаетъ то-же самое, такъ сказать, изъ любви къ искусству? и притомъ дѣлаетъ неуклюже, обнаруживая изумительное невѣжество? Къ сожалѣнію, въ нашей печати встрѣчаются и такіе рецензенты. Чтобы не ходить далеко, укажемъ на рецензента «Русскаго Богатства». Этотъ рецензентъ, разбирая (въ іюньской книжкѣ этого журнала) ту-же самую повѣсть Сенкевича «На свѣтломъ берегу», ухитрился найти въ ней заимствованіе изъ «Вешнихъ водъ» Тургенева. Вотъ ужъ, по истинѣ, чудеса! Сенкевичъ, написавшій «Безъ догмата» и «Quo vadis», не находитъ ничего лучше, какъ подражать, съ одной стороны—Тургеневу, а съ другой—г. Амфитеатрову! Какая существуетъ связь между Тургеневымъ и г. Амфитеатровымъ—трудно догадаться, но Сенкевичъ, повидимому, эту связь отыскалъ и умудрился одновременно, въ одной и той-же повѣсти, подражать и тому, и другому! Приведемъ подлинныя слова рецензента: «Тамъ-же, гдѣ идетъ дѣйствіе «Вешнихъ водъ» Тургенева—подъ яркимъ солнцемъ южной Франціи, около Ниццы и моря, нашло себѣ мѣсто и творчество Сенкевича. Но этимъ сходствомъ внѣшняго положенія (гм! «внѣшнее» положеніе... какъ-будто есть положеніе «внутреннее») обстановки, не ограничивается сходство между упомянутыми произведеніями. Тотъ-же сюжетъ за незначительными уклоненіями, та-же горечь отъ лжи и фальши человѣческихъ отношеній на фонѣ чудесной природы, та-же

трепетная жажда молодой искренней любви и обидное сознаніе мужской слабости передъ обаяніемъ женской красоты и чаръ... читатель безъ труда узнаетъ въ ея дѣйствующихъ лицахъ обычныя у Тургенева фигуры: женщину-хищницу съ холоднымъ сердцемъ, жаждущую сильныхъ впечатлѣній и подчиненія и въ противоложность ей образъ чистой, самоотверженно и искренне любящей дѣвушки, а между ними мужчину колеблющагося, нерѣшительнаго, безсильнаго передъ обаяніемъ красоты и женской настойчивости, несмотря на жажду правдиваго и искренняго чувства». Ахъ, г. рецензентъ! Вы должно-быть очень плохо читали Сенкевича, а Тургенева, можетъ быть, и совсѣмъ не читали. Мѣсто дѣйствія повѣсти Тургенева—не Ницца, а городъ Франкфуртъ на Майнѣ, который, какъ извѣстно, помѣщается не въ южной Франціи и не около моря, а въ Германіи, и даже не южной. Затѣмъ, и въ самомъ содержаніи повѣсти Тургенева нѣтъ сходства съ содержаніемъ повѣсти Сенкевича. У Тургенева, очень молодой человѣкъ, страстно влюбленный въ искренне любящую его дѣвушку, измѣняетъ ей подъ обаяніемъ «чаръ» богатой разнузданной женщины, которая руководствуется въ жизни принципомъ: не препятствуй моему нраву. А у Сенкевича, уже не молодой (ему сорокъ лѣтъ), пожившій человѣкъ, сначала увлекается свѣтской барыней, которая хочетъ его женить на себѣ, но потомъ, замѣтивъ ея бездушіе, влюбляется въ чистую и самоотверженную дѣвушку и женится на ней. Что общаго между этими двумя сюжетами? У Тургенева, дѣйствительно, очень часто попадается мотивъ слабаго, «безвольнаго» мужчины, который пасуетъ передъ энергіей и волей женщины сильной своей красотой. На эту тему (по поводу тургеневской «Аси») Чернышевскій, помнится, написалъ статью подъ заглавіемъ: «Русскій человѣкъ на rendez-vous». Таковъ именно тургеневскій Санинъ въ «Вешнихъ водахъ». Совершенно другой типъ представляетъ герой Сенкевича—Свирскій. Онъ—сильный человѣкъ, дѣйствующій сознательно, съ опредѣленной цѣлью; не его бросаютъ, а онъ бросаетъ пани Эльзенъ, онъ не пасуетъ передъ дѣйствительною любовью, а напротивъ, идетъ ей навстрѣчу и устраиваетъ свою судьбу, какъ велитъ ему его собственное сердце. Изъ этого бѣглаго сопоставленія не трудно замѣтить, что между повѣстью Тургенева и повѣстью Сенкевича нѣтъ почти ничего общаго, ни въ содержаніи, ни въ идеѣ, ни въ отношеніяхъ между дѣйствующими лицами.

Кстати, о «Вешнихъ водахъ» Тургенева. «Русская Мысль» печатаетъ письма Тургенева къ С. К. Брюлловой, урожденной Кавелиной. Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣчается любопытное мѣсто о «Вешнихъ водахъ»: «Я нетолько не сержусь на васъ за то, что вы мнѣ сказали о моей повѣсти («Вешнія воды»), но напротивъ—весьма вамъ благодаренъ за откровенность; впрочемъ, зная васъ, я другого не ожидалъ. Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я совершенно согласенъ съ вами и

чувствую нѣчто въ родѣ отвращенія къ собственному дѣтищу: это отвращеніе во мнѣ накоплялось по маленьку и ваше письмо только довершило начатое. Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ пришлось прочесть кому-нибудь вслухъ эту вещь до печатанія—я во всякомъ случаѣ передѣлалъ-бы конецъ и заставилъ-бы г. Санина бѣжать отъ г-жи Полозовой, еще разъ свидѣться съ Джеммой, которая-бы ему отказала и т. д. Но теперь все это въ воду упало—и я не прикоснусь до моего уродца. Не знаю, буду-ли я еще когда-нибудь что писать, но съ этими лицами, въ которыхъ вы справедливо меня упрекаете, я разстался на-вѣки. Вотъ видите-ли, какой я паинька». Изъ этихъ словъ можно догадаться, что С. К. Брюллова, въ своемъ письмѣ, упрекала Тургенева именно за безволье, за безхарактерность Санина и, можетъ быть, была недовольна тѣмъ, что Тургеневъ, поэтизируя это безволье, какъ-бы возводитъ своего Санина въ санъ героя, который ему рѣшительно не по плечу. Намъ, однако, кажется, что С. К. Брюллова была не права и не правъ былъ также и Тургеневъ, когда соглашался съ ея доводами. Прежде всего, Санинъ—не герой и не героемъ изображаетъ его Тургеневъ, а во-вторыхъ, Тургеневъ писалъ свою повѣсть не съ назидательною цѣлью; типъ безхарактернаго мужчины очень часто попадается въ его творчествѣ, но это потому, что, по его мнѣнію (можетъ быть, и ошибочному), этотъ типъ чаще всего попадается въ Россіи. Тургеневъ и въ самомъ себѣ сознавалъ это безволье и эту безхарактерность, доказательство чего мы находимъ, между прочимъ, и въ письмахъ его къ Брюлловой. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: «Но отчего вы не живете въ Россіи?» спросите вы,—да такъ-таки и спрашиваете въ своемъ письмѣ. На это я вамъ скажу, что это-то именно и есть то фатальное (въ смыслѣ fatum'a, а не фатальности) въ моей жизни, что я также мало въ состояніи измѣнить, какъ передѣлать форму моего носа.—«Вздоръ!» восклицаете вы,—такъ-какъ вы молоды и храбры; но такъ-какъ вы въ то-же время по ремеслу—историкъ, то я и аппелирую къ вамъ, какъ историку (благо вы занимаетесь теперь польской безурядицей), и прошу васъ поразмыслить немного, прежде чѣмъ повторитс это слово «Вздоръ!» Быть можетъ, вы его не повторите».—Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти слова Тургенева имѣютъ автобіографическое значеніе и какъ-бы приподымаютъ передъ нами завѣсу, которая до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ его интимную жизнь. Вѣдь и Тургеневъ былъ своего рода Санинымъ и потому ему, можетъ быть, и недостало храбрости осудить окончательно своего героя.

Одна изъ петербургскихъ газетъ, приводя выдержку изъ этихъ писемъ, замѣтила, что эти письма, какъ и вообще вся переписка Тургенева, не представляютъ никакого интереса. Съ этимъ едва-ли можно согласиться, по крайней мѣрѣ относительно писемъ къ Брюлловой этого ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя; почти всѣ они переполнены тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который былъ такъ свойственъ Тургеневу. Въ нихъ много остро-

умія, много тонкихъ замѣчаній, много «движенія» и откровенности. Повидимому, этотъ непринужденный тонъ дружеской болтовни зависѣлъ отъ самой личности его корреспондентки. которую онъ искренно любилъ и уважалъ. Онъ зналъ, что съ нею онъ можетъ быть откровененъ, и говорилъ то, что чувствовалъ и что лежало у него на душѣ. Въ своихъ письмахъ къ ней онъ рѣшительно откладывалъ въ сторону ту дипломатію, которая была такъ противна его характеру и къ которой онъ тѣмъ не менѣе часто прибѣгалъ, когда писалъ къ другимъ. Вотъ напримѣръ, что онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Брюлловой: «Москва—все таже—и представьте, въ салонахъ люди все тѣ-же—ни одного молоденькаго не прибавилось. Попахиваетъ лампаднымъ масломъ и славянской ворванью—я до этихъ запаховъ не охотникъ и потому чувствую—въ Москвѣ никогда себѣ гнѣздо не совью. Эхъ, кабы Петербургу да ея климатъ!—Упекли меня въ понедѣльникъ читать,—только не для славянъ: на это, я объявилъ,—у меня языкъ не повернется, а съ благотворительно-просвѣтительною цѣлью.—Ну, это можно; читалъ-же я для гарибальдійцевъ! Я всего въ Москвѣ 4 дня; и уже раза два отъ 8 часовъ вечера до 3 утра устраивалъ до пересыханія языка—и будущность Россіи, и славянщину,—т.-е. не я устраивалъ—я только не понималъ, какъ другіе ее устраиваютъ. Болтали, болтали до гудѣнья колокольнаго въ ушахъ и въ мозгу... Стало быть, все въ порядкѣ».—Въ другомъ письмѣ Тургеневъ пишетъ: «Пробылъ въ Москвѣ десять дней. Пріятно, однако не совсѣмъ, ибо пучитъ, будучи частью сдобно, частью прѣсно. Холерный страхъ, миновавъ, оставилъ угрызенія совѣсти; однако, возобновившись, не далъ остановиться въ Петербургѣ, который городъ пролетѣлъ съ одной чугунки на другую, пожалѣлъ, но не поколебался. Ѣдучи въ Берлинъ, размышлялъ о Москвѣ: добродѣтели много,—а женщины—слишкомъ некрасивы;—и къ чему сіи колокола въ Прагу? Представились въ видѣ обширныхъ грушъ и княгиня Черкасская срываетъ ихъ съ Древа Познанія добра и зла. Труда много—благодарности-же ни откуда. Въ Берлинѣ—отдохновеніе. Нѣмцы выросли даже до безобразія: шишаками небо подпираютъ, на землѣ-же желаютъ Богемію—прочихъ одѣляя презрѣніемъ; насъ, по дружбѣ и по родству, больше всѣхъ. Отдохнувъ, продолжалъ путь. Черныхъ крестовъ съ бѣлыми каемками видимо невидимо; ширина щекъ у ландверовъ въ изумленіе повергаетъ; утопленный смѣхъ французскихъ плѣнныхъ—подобный-же смѣхъ битаго лакея напоминаетъ,—ему-же, баринъ, побивъ, улыбнулся: горе и жалость—и грязи на одёжѣ много. Переплывъ морскія бездны, въ Лондонѣ жительство воспріялъ и, къ радости великой, всѣхъ друзей здравыми засталъ; однако, самъ немедленно заболѣлъ и въ постель слегъ, и двѣ ночи не спалъ нисколько,—а больше охалъ, что весьма непріятно.—Сегодня-же отъ одра всталъ и здоровымъ себя почувствовалъ и, взявъ перо въ руки, написалъ настоящее письмо. Больше ничего не совершилъ—и къ совершенію чего-либо надобности не предвидится: таращатся глаза на Францію и на Парижъ—и полно!—О томъ-же, что

будетъ потомъ со мною грѣшнымъ, гдѣ буду жить, какъ, чѣмъ, поколику,—cur quomodo, quanto,—не знаю, да и знать не хочу».

Въ этомъ тонѣ добродушнаго юмора написаны и остальныя письма Тургенева къ Брюлловой. Въ нихъ Тургеневъ не касается никакихъ «матерій важныхъ», но видны отголоски и слѣды серьезнаго обмѣна мыслей, происходившихъ между нимъ и Брюлловой.

«Москва,—говоритъ Тургеневъ,—все таже—и представьте, въ салонахъ люди все тѣже—ни одного молоденькаго не прибавилось».—Намъ вспомнились эти слова, когда мы читали развязную полемическую замѣтку «Русской Мысли» противъ статьи г. Геренштейна «Народное Образованіе», помѣщенной въ майской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Чѣмъ-то затхлымъ, дряблымъ и дряхлымъ вѣетъ отъ этой замѣтки; не интересы общества руководятъ авторомъ, а духъ какого-то старовѣрчества и косности; никакая живая идея недоступна ему и онъ, точно по неволѣ, повторяетъ старыя, заученныя слова, въ которыхъ давно ужъ нѣтъ никакого смысла.

Г. Геренштейнъ, съ документами въ рукахъ, доказывалъ полную неудовлетворительность и несостоятельность народнаго низшаго образованія, какъ оно практикуется въ настоящее время земствомъ. Онъ говорилъ, что одна грамотность, и только грамотность, еще не составляетъ какого-то особеннаго блага для народа, и что она обходится слишкомъ дорого. Основываясь на этомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что необходимо довести до minimum'а расходы на распространеніе простой грамотности съ тѣмъ, чтобы всѣ средства, которыя будутъ такимъ образомъ съэкономизированы, можно было обратить на цѣли высшаго образованія, единственно пригоднаго, какъ для интеллигентнаго общества, такъ и для народа. Затѣмъ онъ «рѣшительно» поставилъ слѣдующій вопросъ: «Если-бы не оказалось никакой возможности чувствительно удешевить теперешнюю систему распространенія грамотности, то, спрашивается, не раціонально-ли было-бы вовсе прекратить безобразныя затраты на этотъ предметъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на устройство высшихъ народныхъ школъ, которыя, положимъ, соотвѣтствовали-бы существующимъ реальнымъ училищамъ?»—Г. Геренштейнъ въ своей статьѣ не предрѣшаетъ этого вопроса, а только предлагаетъ его на обсужденіе. Что этотъ вопросъ стоитъ того, чтобы заняться его обсужденіемъ—едва-ли можно сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ, обходить его молчаніемъ или хихикать надъ нимъ—непозволительно приличной печати. Но это-то и дѣлаетъ «Русская Мысль». Въ ея замѣткѣ объ этомъ вопросѣ не упоминается ни однимъ словомъ, тамъ говорится только: «Г. Геренштейнъ заявляетъ, что онъ ставитъ вопросъ въ рѣшительной формѣ. Это правда, ужъ на что рѣшительнѣе! Но не можемъ не замѣтить, что публицисты Страстного бульвара и ихъ присные умѣютъ ставить вопросъ въ еще болѣе рѣшительной формѣ». При чемъ тутъ Страстной бульваръ и его присные—понять невозможно,

если только не предположить, что публицисты Большой Никитской предпочитают этой выходкой сомнительнаго вкуса замолчать споръ, въ которомъ они не могутъ играть роль либеральныхъ реформаторовъ. И какъ не скучно, въ самомъ дѣлѣ, этимъ господамъ прибѣгать къ такимъ наивнымъ полемическимъ пріемамъ? Неужели-же они не видятъ, что этимъ они обнаруживаютъ свою вѣчную несостоятельность: не объ общественномъ благѣ заботиться, а лишь о томъ, съ кѣмъ имъ слѣдуетъ идти рука объ руку?

И вотъ что любопытно: въ той-же самой книжкѣ «Русской Мысли», въ которой мы встрѣчаемъ эту выходку, напечатано начало статьи г. Хижнякова «Народное образованіе въ Черниговской губерніи». Статья очень слаба въ литературномъ отношеніи: она скорѣе похожа на оффиціальную докладную записку, написанную сухо и неуклюже, чѣмъ на журнальную статью; но она любопытна нѣкоторыми фактическими данными, находящимися въ ней. Такъ, мировой посредникъ Слѣпушкинъ слѣдующимъ образомъ выражается о школахъ своего участка: «Образовательная система сельскаго люда находится въ весьма жалкомъ положеніи. Причинъ тому много: недостатокъ въ средствахъ, которыя отпускались-бы извнѣ, помимо средствъ сельскаго населенія, такъ какъ оно пока неохотно удѣляетъ отъ своихъ достатковъ, какъ по отяготительности лежащихъ на немъ повинностей, такъ и потому, что не видитъ существенной пользы отъ весьма скуднаго и плохо организованнаго образованія дѣтей; крайній недостатокъ въ сельскихъ наставникахъ, которые, помимо мѣстнаго духовенства, могли-бы вести правильно и постоянно образованіе сельскаго населенія; сельское-же духовенство, при постоянныхъ отвлеченіяхъ по исполненію прямыхъ своихъ обязанностей и при необезпеченности настоящихъ его средствъ, не можетъ съ желательнымъ успѣхомъ и рвеніемъ вести обученіе населенія, и если можетъ, то не иначе, какъ урывками». Предсѣдатель уѣздной земской управы Судіенко такъ заключаетъ сообщеніе управы: «Ничтожность прироста грамотности въ уѣздѣ обусловливается какъ немногочисленностью сельскихъ школъ, такъ и неудовлетворительностью метода обученія въ существующихъ». «Ученіе идетъ туго,—сообщено изъ одной волости,—такъ что рѣдкіе изъ воспитанниковъ достигаютъ изученія преподаваемыхъ имъ предметовъ». Изъ одной волости Стародубскаго уѣзда пишутъ: «Курсъ ученія въ школѣ не опредѣленъ; учатся до тѣхъ поръ, пока не выучатся читать». Гласный, собиравшій свѣдѣнія о школахъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Спрашивая дѣтей ходившихъ учиться, я пришелъ къ убѣжденію, что, кромѣ недостатка, средствъ къ ученію (учителей и книгъ), самая система обученія врядъ-ли можетъ быть оправдана, ибо, не уяснивъ ученикамъ значенія буквъ и слоговъ въ печатной рѣчи, заставляютъ ихъ запоминать послѣдовательность словъ изъ букваря. Оттого выходитъ, что мальчикъ, пожалуй, и прочитаетъ изъ пятаго въ десятое первые страницы букваря; а разверните ему тотъ же букварь на нечитанной страницѣ,—и ему грамота пред-

ставляется чѣмъ-то вовсе недосягаемымъ, онъ не узнаетъ уже ни одной буквы». Г. Хижняковъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ приведенныхъ отдѣлахъ выясняется неоднократно выраженіе: учатъ книги. Дѣйствительно, во многихъ школахъ книги заучивали и умѣли бѣгло читать только то, что заучено. Выясняется также выраженіе, что писаніемъ занимались всѣ, кромѣ букварниковъ: при поштучной платѣ за «ученіе» каждой книги, букварникамъ, уплатившимъ только за обученіе букваря, такой роскоши, какъ писаніе, не полагалось». Наконецъ, г. Хижняковъ въ заключеніе своего сообщенія раздѣляетъ грамотныхъ на двѣ категоріи: грамотныхъ, которые могутъ читать и писать подъ диктовку, такъ что прочитанное и написанное можетъ быть понимаемо, и читающихъ по верхамъ и складамъ, но такъ, что прочитанное почти невозможно понять. Изъ сообщенныхъ цифръ можно вывести что отношеніе между обѣими категоріями, какъ 2:15.

Таково состояніе народнаго образованія, какъ его представляетъ «Русская Мысль». При такомъ положеніи вещей, вопросъ, поставленный г. Геренштейномъ, пріобрѣтаетъ особенное значеніе: реформа въ народномъ образованіи необходима и, разумѣется, она должна быть направлена къ тому, чтобы грамотный понималъ, что читаетъ, и чтобы онъ могъ пріобрѣсть въ школѣ какое-нибудь образованіе, а не только заучивалъ-бы механически слова и слоги.

Статья г. Якушкина, «А. И. Полежаевъ; его жизнь и поэзія» («Вѣстникъ Европы», за іюнь) представляетъ довольно интересную попытку дополнить біографическія свѣдѣнія о Полежаевѣ, имѣвшіяся у насъ до сихъ поръ, и освѣтить его поэзію фактами его жизни. Свѣдѣнія о судьбѣ Полежаева, какъ извѣстно, очень ограничены; имѣется нѣсколько документовъ о его многострадальной жизни; до насъ дошли разсказы о немъ лицъ, болѣе или менѣе отрывочные, и далеко не всегда достовѣрные. Изъ всѣхъ имѣющихся біографій Полежаева—лучшая принадлежитъ П. А. Ефремову, но и она далеко не полна. Не много новаго даетъ намъ и г. Якушкинъ, но почтенный авторъ сдѣлалъ, на нашъ взглядъ, далеко не безполезную попытку дополнить эти скудныя матеріалы біографіи Полежаева его стихотвореніями, стоящими въ самой тѣсной связи съ фактами его жизни и съ тѣмъ его настроеніемъ, которое было создано въ немъ условіями его жизни.

Извѣстно, что Полежаевъ нѣкоторое время (въ началѣ двадцатыхъ годовъ) былъ студентомъ московскаго университета. Дошедшіе до насъ отзывы студентовъ того времени рисуютъ въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ педагогическую часть въ московскомъ университетѣ того времени. Если московскій университетъ и меньше другихъ университетовъ пострадалъ отъ реакціи, приведшей при Магницкомъ и Руничѣ къ разгрому казанскаго и петербургскаго университетовъ, то все-же эта общая реакція стѣснила развитіе и московскаго университета; университетская

наука влачила печальное существованіе. Какъ всегда бываетъ, стѣсненія, которыя обрушились тогда на университетское преподаваніе, лишили его силы даже и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе, казалось-бы, не зависѣли отъ господствовавшей реакціи. Несмотря, однако, на неблагопріятныя условія и внѣ, и внутри университета, послѣдній и въ то время все-таки являлся живымъ образовательнымъ центромъ и имѣлъ вліяніе на общество. Въ аудиторіяхъ его, какъ-бы то ни было, говорили о наукѣ и во имя науки, говорили о просвѣщеніи. Слабо было научное значеніе университета, но все-же онъ оставался просвѣтительнымъ центромъ. Въ его стѣнахъ собирались сотни молодыхъ людей, и они, не смотря на то, что преподаваніе въ общемъ было очень неудовлетворительно, все-таки проникались научными интересами; помимо преподаванія, самое общеніе молодежи создавало и поддерживало въ ней отвлеченные запросы, стремленіе къ серьезнымъ задачамъ. Такое значеніе университета хорошо отмѣчено и въ воспоминаніяхъ Герцена, который былъ моложе Полежаева на нѣсколько выпусковъ. Авторъ «Былого и Думъ» спрашиваетъ: учились-ли чему-нибудь студенты его времени и могли-ли научиться?— и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Полагаю, что—да, преподаваніе было скуднѣе, объемъ меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло— поставить человѣка, его дѣло возбудить вопросы, научить спрашивать». Среди профессоровъ того времени были такіе, которые именно это-то и дѣлали. «Но больше лекцій и профессоровъ развивали студентовъ аудиторіи юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеніемъ». Въ другомъ мѣстѣ записокъ говорится: «университетъ росъ вліяніемъ,—въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, братались между собой и снова развѣвались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея... Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія... Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились къ табели о рангахъ... Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентовъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта сторона университетской жизни вліяла и на Полежаева. Его поэтическія произведенія, писанныя еще на студенческой скамьѣ, указываютъ уже на то, что онъ многое читалъ и во многое вдумывался. Вліянію студенческой среды, вѣроятно, Полежаевъ былъ обязанъ и тѣмъ, что общественныя стремленія не остались ему чужды. И то и другое мы видимъ въ произведеніяхъ Полежаева, и съ другой стороны знаемъ, что этихъ интересовъ и стремленій не могли дать ему ни усадьба его отца,

ни французскій пансіонъ, ни общество его дяди, у котораго онъ жилъ одно время въ Петербургѣ.

Къ студенческимъ произведеніямъ Полежаева принадлежитъ, какъ извѣстно, и поэма «Сашка», въ которой онъ изобразилъ студенческія похожденія въ довольно соблазнительныхъ картинахъ и выраженіяхъ. Эта поэма и оказалась причиной всѣхъ несчастій поэта; но главная бѣда заключалась въ неуважительныхъ отзывахъ о вопросахъ религіозныхъ и въ указаніи на неудовлетворительность общественныхъ условій Россіи. Эта поэма ходила по рукамъ и одинъ экземпляръ попался на глаза начальству, которое дало ходъ дѣлу, и шуточная поэма очутилась въ рукахъ самого императора Николая Павловича. Извѣстна любопытная сцена свиданія Полежаева съ Николаемъ Павловичемъ, который приказалъ привести его во дворецъ. Она напечатана цѣликомъ въ статьѣ г. Ефремова. Императоръ приказалъ сдать Полежаева въ военную службу, но не простымъ солдатомъ, а унтеръ-офицеромъ, причемъ за Полежаевымъ были признаны права и по образованію. Но не долго пришлось Полежаеву пользоваться такими льготами. Желая найти исходъ изъ своего ужаснаго положенія, Полежаевъ писалъ нѣсколько просьбъ на имя Государя; не получая на нихъ отвѣта, онъ думалъ, что онѣ не доходятъ по назначенію, и тогда рѣшился отправиться самъ въ Петербургъ безъ всякаго дозволенія. Такая отлучка считалась по военнымъ законамъ бѣгствомъ, и хотя, одумавшись, онъ самъ вернулся въ полкъ, но его судили военнымъ судомъ и приговорили къ прогнанію сквозь строй. Какъ ни былъ твердъ Полежаевъ, готовясь къ «позорной казни», но, истомленный суровымъ заключеніемъ, онъ не могъ всегда спокойно относиться къ предстоящимъ мученіямъ. Къ этому времени относится нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ Полежаевъ изображаетъ свое внутреннее состояніе въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. На человѣка, цѣлые мѣсяцы томившагося въ тюрьмѣ въ нечеловѣческихъ условіяхъ, не могло не находить отчаяніе. Онъ не могъ не думать о томъ, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ готовящейся пытки. Старикъ-солдатъ, изъ числа его сторожей, полюбилъ его; сочувствуя его положенію и желая помочь ему, онъ передалъ ему штыкъ, сказавъ при этомъ сквозь слезы: «я самъ отточилъ его». Полежаевъ рѣшился на самоубійство, какъ только состоится окончательный приговоръ. Но приговоръ былъ снова смягченъ и Полежаеву не пришлось воспользоваться штыкомъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1829 г.) полкъ, въ которомъ служилъ Полежаевъ, былъ отправленъ на Кавказъ, и Полежаевъ сравнительно долгое время принималъ участіе въ борьбѣ съ горцами; онъ вездѣ искалъ случая отличиться и тѣмъ найти выходъ изъ своей тяжелой неволи. Но, несмотря на его храбрость, начальство не пожелало обратить на него вниманіе и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны онъ возвратился съ Кавказа такимъ-же нижнимъ чиномъ «безъ выслуги», какимъ и пошелъ туда. Однако, новыя впечатлѣнія военныхъ походовъ благотворно отразились на творчествѣ

Полежаева. Въ его кавказскихъ стихотвореніяхъ мы находимъ описанія природы, рядъ военныхъ сценъ; въ нихъ, на ряду съ изображеніями войны, звучитъ и раздумье объ ея значеніи, сочувствіе къ страждущимъ, надежда, что не всегда человѣкоубійство будетъ процвѣтать.

Недавно напечатанныя воспоминанія г-жи Бибиковой, воспоминанія, изъ которыхъ г. Якушкинъ приводитъ выписку, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на послѣдніе годы его жизни. Познакомившись случайно съ отцомъ г-жи Бибиковой, Полежаевъ провелъ нѣсколько времени у нихъ въ подмосковной. Авторъ воспоминаній очень живо рисуетъ, какъ еще въ то время, послѣ восьми лѣтъ солдатчины и перенесенныхъ испытаній, личность Полежаева оставалась обаятельной по своей духовной силѣ. Даже маленькій братъ г-жи Бибиковой былъ пораженъ его «орлинымъ взглядомъ». Шестнадцатилѣтняя дѣвушка быстро сдружилась съ поэтомъ и произвела на него сильное впечатлѣніе, которое вылилось въ рядѣ стихотвореній. Но зародившееся чувство должно было прерваться на самомъ началѣ: между Полежаевымъ и молодой дѣвушкой стояло не только его положеніе, но и бурно проведенная жизнь, его пристрастіе къ вину. Родные г-жи Бибиковой испугались возникавшихъ отношеній и быстро разорвали ихъ. Послѣ наставшаго было просвѣтленія, подъ вліяніемъ чувства любви, поэтъ опять ринулся въ бездну, его увлекавшую... «На его закатъ печальный»,—по выраженію Пушкина,—«блеснула любовь улыбкою прощальной», но только блеснула, и Полежаевъ остался въ прежней тьмѣ и въ прежнемъ одиночествѣ.

Къ этому времени относятся нѣкоторыя его литературныя связи. Полежаевъ былъ друженъ съ Лозовскимъ, которому посвятилъ нѣсколько дружескихъ стихотвореній; онъ познакомился также съ Герценомъ, встрѣтился съ Бѣлинскимъ и Галаховымъ. Но подневольная жизнь солдата изъ «политическихъ преступниковъ» мало давала возможности бывать въ знакомыхъ кружкахъ. Потерявъ всякую надежду на измѣненіе своей судьбы, Полежаевъ все болѣе пилъ съ цѣлью забыться. Герценъ упоминаетъ объ этомъ и прибавляетъ: у него «есть жестокое стихотвореніе его «Къ сивухѣ». До насъ это стихотвореніе не дошло. Извѣстенъ только одинъ отрывокъ, который, какъ предполагаютъ, относится къ концу:

Когда ужъ въ вѣчность переселюся,
Иль въ рай, иль въ адъ, мнѣ все равно,
Гдѣ-бъ ни былъ я,—вездѣ напьюся.
Коль въ адѣ-жъ выпито вино,—
Зефиры, вы быстрѣй летите
Къ моей отчизнѣ дорогой
И изъ питейныхъ принесите
Мнѣ штофъ съ сивухою простой!

Организмъ Полежаева былъ окончательно расшатанъ. Онъ впалъ въ чахотку и скончался 16-го января 1838 г. Недѣли за двѣ до его смерти Полежаевъ былъ произведенъ въ прапорщики. Освобожденіе пришло, но

ужъ слишкомъ поздно. Офицерскій мундиръ былъ надѣтъ на него только для похоронъ, а затѣмъ и на его портретѣ, прилагавшемся къ его стихотвореніямъ, велѣно было пририсовать офицерскіе погоны.

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Якушкинъ, что произведенія Полежаева очень неровны по своимъ достоинствамъ, что и не могло быть иначе, когда мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ они писались; но среди слабыхъ и темныхъ по смыслу стиховъ попадаются мѣста и даже цѣлыя стихотворенія, поражающія энергіей выраженія, поэтической красотой и силой. Въ своихъ стихахъ Полежаевъ изливалъ не одну личную тоску,—онъ наблюдалъ общія явленія и въ его произведеніяхъ нерѣдко слышится протестъ. Судьбу Полежаева, конечно, могли улучшить какія-нибудь патріотическія посланія или оды, но онъ не писалъ ихъ. Г-жа Бибикова разсказываетъ, что ея отецъ уговаривалъ поэта къ одному стихотворенію прибавить «что-нибудь въ родѣ просьбы о прощеніи», но Полежаевъ отказался.

Говоря о поэзіи Полежаева, Бѣлинскій, между прочимъ замѣчаетъ «Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели». Г. Якушкинъ находитъ, не безъ нѣкотораго правдоподобія, что этотъ строгій приговоръ объясняется отчасти посторонними соображеніями. Какъ-бы то ни было, но противъ него возсталъ еще Добролюбовъ, при разборѣ его стихотвореній, изданныхъ въ 1837 году. Въ томъ-же, смыслѣ высказался и Котляревскій, по поводу изданія 1859 года.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Общество помощи несчастнымъ и падшимъ женщинамъ въ Казани. Отношеніе къ нему печати.—«Убѣжище для порочныхъ женщинъ и подростковъ» въ Одессѣ.—Дѣтская проституція въ Одессѣ.—«Торговцы живымъ товаромъ въ Казани, Нижнемъ, Варшавѣ.—Распоряженіе Таврическаго губернатора относительно крымскихъ плантаторовъ.—Фабрикація нищихъ-калѣкъ въ Кіевской губерніи.—Канканирующія дѣти въ Курскѣ.—Съѣздъ благочинныхъ въ Твери и возбуждаемые имъ вопросы.

Въ интеллигентныхъ кружкахъ Казани, Орла и Одессы возникли проекты обществъ для помощи несчастнымъ и падшимъ женщинамъ. До сихъ поръ такое общество, подъ названіемъ, «Пріютъ Св. Маріи Магдалины» существовало только въ Москвѣ. Въ отчетахъ объ этомъ пріютѣ, который располагаетъ помѣщеніемъ и средствами только для 30 женщинъ, указывалось на то, что даже не прибѣгая къ гласности, пріютъ былъ постоянно переполненъ, и многимъ, желающимъ поступить въ него, приходилось отказывать. Быть можетъ, этотъ отчетъ, а быть можетъ, и другія жизненныя наведенія дали мысль сотруднику газеты «Камско-Волжскій Край», г. Баранову, возбудить вопросъ объ основаніи соотвѣтствующаго общества въ Казани. Рядъ фельетоновъ и брошюра г. Баранова произвели большое впечатлѣніе на казанское общество Отовсюду послышались живые отклики. «Камско-Волжскій Край» напечаталъ рядъ писемъ изъ публики. Письма эти проникнуты тѣмъ непосредственнымъ, теплымъ и нѣсколько несдержаннымъ чувствомъ, съ какимъ относится къ живому общественному начинанію житель провинціи, томящійся бездѣйствіемъ и безсиліемъ, обыденнаго провинціальнаго существованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ провинціи повсюду назрѣваютъ потребности въ умственной жизни и въ приложеніи дѣятельныхъ силъ. При недостаткѣ источниковъ для серьезной умственной работы. при безчисленныхъ жизненныхъ стѣсненіяхъ, жители провинціи начинаютъ ощущать смутное томленіе духа, которое ищетъ себѣ исхода хотя-бы въ болѣе или менѣе узкихъ благотворительныхъ начинаніяхъ. Всякій, у кого хватитъ иниціативы предложить мѣстному обществу какое-нибудь совмѣстное доброе дѣло, долженъ имѣть большій

или меньшій успѣхъ, въ особенности на первыхъ порахъ, пока не обозначились всѣ практическія трудности дѣла, пока оно является въ видѣ общей, человѣчной мысли. Вопросъ, выдвинутый г. Барановымъ, принадлежитъ къ числу жгучихъ, сложныхъ и болѣзненныхъ. Русская литература пріучила общество относиться къ этому вопросу просто и человѣчно. Лицемѣріе въ чисто моральной области не свойственно русскимъ людямъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно свойственно, напримѣръ, Англіи, гдѣ старая культура и вліянія церкви пріучили общество тщательно скрывать свои пороки подъ маской внѣшняго благообразія. Порядочные русскіе люди относятся къ такъ называемымъ щекотливымъ вопросамъ просто и серьезно, люди, распущенные въ своихъ порокахъ, доходятъ до цинизма въ своей откровенности.

Письма изъ публики, напечатанныя въ «Камско-Волжскомъ Краѣ», проникнуты той сердечностью и пылкостью, которая вполнѣ естественна у людей, ищущихъ живаго дѣла. Въ короткое время вокругъ г. Баранова сплотился кружокъ людей, готовыхъ всячески содѣйствовать осуществленію его мысли. Стали собираться пожертвованія по грошамъ— отъ небогатыхъ людей, отъ студентовъ, отъ молодыхъ дѣвушекъ. Возникли проекты устава Общества — ибо, къ сожалѣнію, никакое дѣятельное общество не можетъ обойтись въ Россіи безъ формальнаго устава. Проекты намѣчались широкіе,—быть можетъ, слишкомъ широкіе въ практическомъ отношеніи, но зато болѣе волнующіе, большее число лицъ привлекающіе. Вопросъ о помощи несчастнымъ женщинамъ, «падшимъ» женщинамъ, самъ по себѣ такъ широкъ, что, въ сущности, его нельзя было бы исчерпать никакими уставами. Въ публикѣ циркулировали два проекта: одинъ говорилъ о помощи «несчастнымъ» женщинамъ, другой— о помощи «нуждающимся» женщинамъ. Въ письмѣ, напечатанномъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» за подписью «Голосъ изъ публики», говорится по этому поводу слѣдующее: «Несомнѣнно оба устава сольются въ одинъ и взаимно дополнятъ другъ друга, проведутъ всесторонне идею иниціатора. Иначе и быть не можетъ: цѣль обоихъ проектовъ настолько днородна, что и рѣчи не можетъ быть о двухъ отдѣльныхъ обществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, защита несчастныхъ женщинъ—главная задача А. Баранова, и оба проекта устава практически сводятся къ борьбѣ съ тѣми условіями, подъ гнетомъ которыхъ живетъ современная женщина и въ борьбѣ съ которыми она часто не выдерживаетъ, падаетъ подъ непосильнымъ бременемъ нужды и лишеній». На общемъ собраніи членовъ возникающаго Общества оба проекта, дѣйствительно, слились, выразившись въ нижеслѣдующей программѣ. Общество должно имѣть нѣсколько общеполезныхъ учрежденій: во 1-хъ, административно-справочное бюро, которое будетъ собирать путемъ публикацій и другими средствами необходимыя свѣдѣнія о женщинахъ, ищущихъ труда, а также о всѣхъ имѣющихся вакантныхъ мѣстахъ или средствахъ заработка для женщинъ. Это бюро принимаетъ также на себя юридическую защиту интересовъ жен-

щинъ, въ особенности, несовершеннолѣтнихъ, по дѣламъ, связаннымъ съ нравственнымъ паденіемъ, и стремится оказывать возможную защиту женщинамъ, терпящимъ отъ своихъ мужей или другихъ лицъ жестокое обращеніе; во 2-хъ,—общежитіе для временнаго пребыванія, гдѣ могутъ находить помѣщеніе женщины, лишившіяся мѣста или вообще заработка, вышедшія изъ больницъ, изъ мѣстъ заключенія и др.; въ 3-хъ,—ночлежный пріютъ Общества; въ 4-хъ,—*пріютъ для падшихъ женщинъ*, куда принимаются тѣ, которыя изъявили на это желаніе. Каждая изъ принятыхъ женщинъ имѣетъ право когда угодно оставить пріютъ, но «паспорты самовольно уходящихъ изъ него, а также исключаемыхъ за упорное нарушеніе его порядковъ, препровождаются обратно во Врачебно-Полицейскій Комитетъ»; въ 5-хъ, ремесленныя мастерскія женскаго труда на артельныхъ началахъ. Программа, какъ видно, широкая, требующая для своего осуществленія большихъ средствъ и множества дѣятельныхъ членовъ. Одинъ пунктъ этой программы, однако смущаетъ насъ: пріютъ для падшихъ женщинъ. Смущаетъ насъ то, что въ этомъ параграфѣ щекотливый, широкій и болѣзненный вопросъ вдвинутъ въ узскія, твердыя и формальныя рамки. Быть можетъ, это—неизбѣжное практическое разрѣшеніе вопроса, быть можетъ, вполнѣ благоразумна эта оговорка относительно паспортовъ, эта предусмотрительность относительно возможности исключеній «за самовольное оставленіе пріюта и упорное нарушеній его порядковъ». Это самая трудная и самая острая сторона вопроса. Но именно потому, что вернуть женщину, ушедшую отъ нормальной жизни, такъ трудно, что всякая профессіональная проститутка, имѣющая дѣло съ врачебно-полицейскимъ комитетомъ, является своего рода *больною*, зараженною ядомъ не только въ организмѣ, но и въ своей душевной жизни —именно потому такъ непріятно звучатъ слова о пріуготовляемыхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ. Въ этомъ параграфѣ чувствуется жизненный пессимизмъ, нѣкоторое недовѣріе къ собственнымъ силамъ. Онъ разрѣшаетъ тяжелый вопросъ просто и грубо: между тѣми, которыхъ будутъ спасать, найдется много—быть можетъ, большинство—неисправимыхъ; однѣ будутъ самовольно оставлять пріютъ, другія будутъ упорно нарушать его порядки. Здѣсь ничего не говорится о томъ, какими средствами члены общества будутъ достигать того, чтобы поступившія въ пріютъ женщины не тяготились своимъ положеніемъ, не боролись съ порядками пріюта, чтобы новая жизнь была для нихъ тепла и отрадна. Исходя изъ того положенія, что проститутка является существомъ не вполнѣ нормальнымъ, физически и нравственно, приходится съ самаго начала задумываться о томъ, какимъ способомъ отъучить ее отъ прежней жизни, отъ потребности и привычки къ постоянному возбужденію. Если-бы Общество не ставило себѣ широкихъ задачъ, если-бъ это было обыкновенное узко-благотворительное предпріятіе высокомѣрно добродѣтельныхъ дамъ, берущихъ подъ свой бла-

годѣтельный покровъ только тѣхъ изъ несчастныхъ женщинъ, которымъ помочь сравнительно легко, которыхъ можно спасти одною только внѣшней обезпеченностью,—все это было-бы въ порядкѣ вещей. Но къ Обществу примкнули, какъ видно, люди живые, молодые, искренніе, и намъ думается, что для нихъ всего естественнѣе расширять и углублять задачу, задаваться прежде всего мыслями не о томъ, что дѣлать съ непокорными и неисправимыми, а о томъ, какъ лѣчить больныхъ и несчастныхъ, съ обезображенной страдающей душой. Всего вѣроятнѣе, что на дѣлѣ этотъ именно вопросъ будетъ постоянно возникать въ умѣ тѣхъ членовъ общества, которые захотятъ отнестись къ своей задачѣ серьезно и сердечно. Имъ придется о многомъ задуматься, передъ многимъ стать втупикъ и почувствовать не разъ недостатокъ своей подготовки. Спасать души человѣческія очень трудное и отвѣтственное дѣло, призывать другихъ къ новой жизни можно только въ томъ случаѣ, если въ собственномъ сознаніи умѣешь находить свѣтъ и радость. Намъ думается поэтому, что люди, берущіеся за трудное и отвѣтственное дѣло, соединившись въ новомъ обществѣ, должны будутъ очень серьезно заняться съ самаго начала своимъ образованіемъ по предметамъ, которые могутъ освѣтить практически-разрабатываемый ими вопросъ. При обществѣ должна быть непремѣнно устроена обширная и богатая библіотека, которая дастъ возможность членамъ заниматься теоретически. Это единственный способъ находить какіе-бы то ни было отвѣты на тѣ вопросы, которые будетъ ставить имъ жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный способъ приходить къ соглашенію между собою, потому что только совмѣстныя научныя занятія, рефераты, пренія—словомъ, обмѣнъ знаній и мыслей смягчаетъ и облагораживаетъ разногласія, постояно возникающія у людей на практической почвѣ. Ни одно общество не обходится безъ игры страстей и самолюбій, безъ мелкой случайной партійности, и множество лучшихъ общественныхъ начинаній было заѣдено этой ржавчиной. Совмѣстныя научныя занятія всегда успокаиваютъ и сближаютъ людей, даже различныхъ по умственному складу и понятіямъ. Хорошая научная и художественная библіотека придастъ обществу серьезность и будетъ постоянно служить источникомъ новыхъ силъ для дѣятельности. Вѣдь, собственно, и теперь большинство изъ нихъ подходитъ къ своей задачѣ, такъ сказать, черезъ литературу. Насъ поразило это обстоятельство при чтеніи писемъ, помѣщенныхъ въ «Камско-Волжскомъ Краѣ». Во всѣхъ нихъ говорится о литературныхъ типахъ падшихъ женщинъ, во всѣхъ упоминается недавно игранная въ Казани драма Фаломѣева «Злая Яма». Это произведеніе, довольно незначительное въ художественномъ отношеніи, какъ видно, все-таки произвело большое впечатлѣніе на мѣстное общество, и есть что-то необыкновенно привлекательное и почти отрадное въ сознаніи, что литература является такою живою силою въ провинціальной жизни. И Соня Мармеладова, это удивительное созданіе Достоевскаго, упоминается почти

во всѣхъ письмахъ, какъ образъ глубоко тронувшій сердца, оставившій въ душахъ неизгладимый слѣдъ.

Обращеніе къ художественнымъ образамъ несчастныхъ и погибшихъ женщинъ (а ихъ безчисленное множество въ русской и особенно иностранной литературѣ), занятія вопросомъ о проституціи на научной почвѣ должны успокоить безплодныя волненія, къ сожалѣнію уже возникшія въ обществѣ и раздѣлившія его на двѣ враждующихъ партіи. Разногласія начались съ того, что часть членовъ указала — и по нашему мнѣнію совершенно справедливо — на то, что оффиціальное названіе общества не должно заключать слова «несчастныхъ» (женщинъ), обиднаго для самолюбія призрѣваемыхъ. Другая часть членовъ съ инипціаторомъ, г. Барановымъ, во главѣ, отстаивала именно это наименованіе. Образовались сразу двѣ партіи, загорѣлась печатная перепалка, съ рѣзкими, непріятными эпитетами по адресу противниковъ. Мы не будемъ входить въ детали этой узко партійной борьбы, затрогивающей и нѣкоторые другіе пункты устава. Скажемъ только, что всѣ эти споры и пререканія — крайне досадное явленіе, несомнѣнно наносящее ущербъ дѣлу. По словамъ «Волжскаго Вѣстника», партійныя разногласія успѣли уже подѣйствовать на мѣстную публику, «которая сначала такъ горячо отозвалось на гуманное дѣло, а теперь, судя по скудно поступающимъ пожертвованіямъ, значительно остыла».

Мы сказали выше, что русскіе люди въ вопросахъ морали бываютъ либо просты и серьезны, либо циничны. Воззваніе г. Баранова и газетные отклики на него мѣстной печати, толки, волновавшіе общество по этому поводу, вызвали и въ этой же мѣстной печати, и за предѣлами ея нѣсколько грубо-циничныхъ замѣтокъ. Фельетонистъ «Новаго Времени», г. Old Gentleman, съ своей обычной склонностью къ грубому и пошлому смѣху, сталъ утверждать, что «какъ одинъ петербургскій теноръ смѣшивалъ сатисфакцію съ дезинфекціей, такъ Казань мало отличаетъ понятіе филантропіи отъ понятія порнографіи и не совсѣмъ твердо увѣрена, чего изъ двухъ ей собственно желательно». «Казанскій Телеграфъ», очевидно находящійся не въ ладахъ съ «Волжско-Камскимъ Краемъ», присоединился къ мнѣнію нововременскаго фельетониста и воспользовался случаемъ намекнуть на дѣльцовъ «Волжско-Камскаго Края», которые очень искусно эксплуатировали искреннія и хорошія начинанія Баранова. «Волжскій Вѣстникъ» тоже помѣстилъ какія-то легкомысленныя и пошловатыя Замѣтки Обывателя, трактующія новое предпріятіе въ смѣшливомъ тонѣ, и вызвалъ даже протестъ одной «Читательницы», написавшей по этому поводу письмо въ тотъ же «Камско-Волжскій Край».

Переходя къ Одесскому Обществу того же типа, замѣтимъ, что оно возникло почти одновременно съ Казанскимъ (11 мая этого года), по инипціативѣ извѣстнаго своей филантропической дѣятельностью М. Б. Шимановскаго. Оно носитъ названіе: «Убѣжище для порочныхъ женщинъ и подростковъ». Г. Шимановскій обратилъ особенное вниманіе на по-

рочныхъ подростковъ. Дѣтскій развратъ и даже организованная торговля подростками представляетъ въ Одессѣ явленіе, значительно развившееся и, быть можетъ, впервые раскрываемое въ печати. Сотрудникъ одной изъ одесскихъ газетъ имѣлъ по этому поводу личную бесѣду съ г. Шимановскимъ, и вотъ что сообщилъ ему инициаторъ новаго общества:

— Мнѣ положительно извѣстно,—сказалъ г. Шимановскій,—что, въ Одессѣ это зло существуетъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Съ одной стороны, это прискорбное явленіе обусловливается тѣмъ, что въ Одессѣ есть масса лицъ, одержимыхъ животными стремленіями къ дѣтямъ. Съ другой стороны, имѣются у насъ субъекты, которые, въ качествѣ сутенеровъ, живутъ исключительно на средства, добываемыя несчастными дѣвочками путемъ разврата. Такіе субъекты, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, получали въ день отъ рубля до 10. Наконецъ, иные невѣжественные родители, находясь въ нуждѣ, промышляютъ своими дѣтьми, толкая ихъ на путь разврата. Зло, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ въ Одессѣ благопріятную почву для своего развитія. Прежде всего, Одесса бойкій торговый пунктъ. Составъ населенія мѣняется быстро. Пароходы и удобства сообщенія по желѣзной дорогѣ—все это привлекаетъ въ Одессу массу такихъ лицъ, которыя спеціально пріѣзжаютъ сюда для удовлетворенія своимъ грубымъ животнымъ потребностямъ, при полной возможности скрыть слѣды своего поведенія. Кромѣ того, Одесса по складу своей жизни—городъ европейскій, а извѣстно, что въ большихъ европейскихъ городахъ развратъ во всѣхъ его формахъ и видахъ свилъ себѣ прочное гнѣздо. Наконецъ, нужно имѣть еще въ виду, что Одесса поддерживаетъ непосредственныя сношенія съ южными народами Балканскаго полуострова, гдѣ развратъ съ дѣтьми—явленіе довольно распространенное.

Авторъ цитируемой замѣтки спросилъ г. Шимановскаго, можетъ-ли устроенный имъ пріютъ съ успѣхомъ вести борьбу съ дѣтскимъ развратомъ.

— Предложенный вами вопросъ весьма сложенъ,—отвѣчалъ Шимановскій. Во-первыхъ, поступленіе въ пріютъ—обставлено извѣстными условіями. Сказать, что та или другая личность—проститутка—значитъ нанести ей оскорбленіе. Чтобы оградить себя отъ послѣдствій такого оскорбленія, нужно ждать, чтобы данная кандидатка для поступленія въ пріютъ сама явилась или была приведена родителями, опекунами или полиціей. Въ настоящее время въ только что открытомъ нами пріютѣ содержится одна дѣвочка, переданная намъ изъ пріюта неимущихъ, куда она была помѣщена полиціей. Я получаю почти ежедневно письма, гдѣ мнѣ указываютъ на дѣвушекъ, находящихся въ домахъ терпимости, куда онѣ отданы матерями,—съ предложеніемъ выкупать ихъ оттуда. Я, разумѣется, не задумался-бы придти на помощь такимъ несчастнымъ дѣвушкамъ, желающимъ исправиться, если-бы наше общество располагало необходимыми для этого средствами, но средства для этого нужны немалыя. Режимъ жизни, установленный въ пріютѣ, таковъ, что по глубокому мо-

ему убѣжденію и опыту могу заявить, что всякая дѣвушка, желающая искренно вступить на путь честной жизни, найдетъ для себя въ пріютѣ нравственную поддержку и благопріятныя условія для своего перевоспитанія». Затѣмъ г. Шимановскій замѣтилъ, что въ настоящее время испытываетъ нѣкоторое разочарованіе въ виду той холодности, съ которой отнеслось къ его дѣлу одесское общество. Только разоблаченіе путемъ печати отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ возмутительнаго торга дѣтьми можетъ заставить одесское общество, по мнѣнію г. Шимановскаго, обратить серьезное вниманіе на страшное зло, развитіе котораго весьма опасно. Любопытно отмѣтить въ данномъ случаѣ различіе въ отношеніи къ одному и тому-же дѣлу со стороны казанскаго и одесскаго мѣстнаго общества. Повидимому, каждый городъ въ Россіи имѣетъ свою особую нравственную физіономію, и то, что живо захватываетъ общество одного города, въ другомъ не вызываетъ никакого дѣятельнаго сочувствія.

Возникновеніе Казанскаго и Одесскаго обществъ, о которыхъ мы только что говорили, является вполнѣ цѣлесообразнымъ въ виду того, что Россія, въ самомъ дѣлѣ, кишитъ самыми безобразными явленіями насилія надъ женщинами и дѣтьми. На столбцахъ множества газетъ сообщаются въ настоящее время возмутительные, кричащіе факты. Такъ называемые «торговцы живымъ товаромъ» — съ одной стороны, фабрикація нищихъ и развращенныхъ дѣтей — съ другой стороны. Вотъ что разсказываетъ «Казанскій Телеграфъ»: Въ настоящемъ году въ Казань наѣхало такое множество торговцевъ живымъ товаромъ, что ихъ можно встрѣтить чуть не на каждомъ перекресткѣ. Они останавливаютъ на улицахъ дѣтей 10—12-лѣтняго возраста, разспрашиваютъ, нѣтъ-ли среди ихъ родныхъ хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ и затѣмъ разсказываютъ въ самыхъ яркихъ и соблазнительныхъ краскахъ о заведеніяхъ, гдѣ можно заработать хорошія деньги, причемъ убѣждаютъ дѣтей передать все это молодымъ дѣвушкамъ, потихоньку отъ старшихъ. Недавно въ одномъ изъ обывательскихъ семействъ Суконной слободы произошла такая сцена. Возвратившаяся домой 12-лѣтняя дѣвочка обратилась къ матери съ вопросомъ: — А гдѣ у насъ Катя? — На вопросъ матери, зачѣмъ ей Катю, дѣвочка разсказала, что ее остановили на улицѣ какія-то женщины и просили прислать къ нимъ дѣвушекъ, говоря, что у нихъ будетъ имъ очень хорошо. — Вотъ-бы намъ Катю послать! — наивно сказала дѣвочка... Такіе факты, замѣчаетъ «Казанскій Телеграфъ», происходятъ чуть-ли ни ежедневно. «Волгарь» сообщаетъ о такомъ-же явленіи въ Васильсурскѣ, Нижегородской губ. Въ одно изъ волостныхъ правленій Васильсурскаго уѣзда явилась молодая черемисская дѣвушка съ просьбой выдать ей паспортъ. На разспросы присутствовавшихъ черемисъ дѣвушка разсказала, что она собирается въ Нижній, куда ее подрядила какая-то встрѣтившаяся ей барыня,—яко-бы въ прачешное заведеніе, на крайне соблазнительныхъ условіяхъ. При этомъ барыня говорила, что ей нужно еще нѣсколько дѣвицъ для заве-

денія, непремѣнно молоденькихъ. Польская газета «Курьеръ Варшавскій» разсказываетъ о пропажѣ изъ Варшавскаго пригорода молодой и красивой крестьянской дѣвушки, Маріанны Свенцицкой, которая оказалась похищенною нѣкіимъ К., занимающимся доставкою факторамъ живого товара. Похищенныхъ дѣвушекъ К. направляетъ въ Лодзь, въ главный складъ, откуда ихъ вывозятъ въ Бразилію. За каждую дѣвушку, приготовленную къ отправкѣ, К. получаетъ отъ владѣльца склада 30 рублей. Можно было бы привести еще много сообщеній о томъ, какъ дѣвушки попадаютъ къ разнымъ «добрымъ господамъ», которые препровождаютъ ихъ въ концѣ концовъ въ дома терпимости. Но эти многочисленныя явленія все-таки блѣднѣютъ передъ профессіональнымъ торгомъ и ловлею «живого товара».

Нѣкоторыя газеты указываютъ на необходимость суровыхъ правительственныхъ мѣропріятій, предупреждающихъ такіе случаи, но какъ мы уже высказывали нѣсколько разъ, законодательныя мѣры проникаютъ въ жизнь и воздѣйствуютъ на нее только при благопріятныхъ условіяхъ. Законъ самъ по себѣ почти безсиленъ въ борьбѣ съ пороками и преступленіями—до тѣхъ поръ, пока нравственныя нормы, которыми онъ руководствуется, не проникли въ сознаніе людей. Гораздо большія надежды можно возлагать на то, что печать мало по малу раскроетъ обществу совершающіяся среди него безобразныя явленія и заставитъ каждаго человѣка въ отдѣльности быть внимательнѣе и активнѣе къ тому, что дѣлается вокругъ. Зная объ опасности, которая имъ угрожаетъ, дѣвушки и женщины не будутъ такъ наивны въ сношеніяхъ съ незнакомыми людьми, а надежда на поддержку представителей мѣстнаго общества дастъ имъ смѣлость громко протестовать противъ насилія. Въ одномъ изъ нашихъ предъидущихъ очерковъ мы разсказывали о томъ, какъ двѣ группы дѣвушекъ работницъ, подряженныхъ крымскими плантаторами, рѣшились бросить своихъ хозяевъ, пренебрегая формальнымъ договоромъ. Благодаря поддержкѣ мѣстнаго адвоката и мироваго судьи, который нашелъ возможнымъ оправдать нарушеніе контракта, дѣвушки были спасены. Мѣстная печать огласила эту исторію во всеобщее свѣдѣніе, и, вѣроятно, благодаря этому, Таврическій губернаторъ сдѣлалъ съ своей стороны попытку предотвратить повтореніе подобныхъ случаевъ. По словамъ газеты «Салгиръ», для табачныхъ плантаторовъ издано теперь слѣдующее обязательное постановленіе: они обязаны содержать работницъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, сухихъ, свѣтлыхъ и теплыхъ, отдѣльныхъ отъ мужскихъ помѣщеній; на каждыхъ пять дѣвушекъ или молодыхъ женщинъ должна приходиться одна болѣе зрѣлаго возраста, не менѣе 35 лѣтъ; въ случаѣ заболѣванія рабочіе должны немедленно препровождаться хозяиномъ въ лѣчебное заведеніе. Несомнѣнно, что узаконенія эти произведутъ сильное впечатлѣніе на плантаторовъ и заставятъ ихъ нѣсколько измѣнить привычный образъ дѣйствій по отношенію къ наемнымъ работницамъ. Еще несо-

мнѣнiе, что работницы, которыя прежде терпѣли всевозможныя преслѣдованія, не рѣшаясь нарушить контракты, теперь будутъ отчетливѣе сознавать свои человѣческія права и протестовать противъ ихъ нарушенія... Крымскія работницы, рѣшившіяся протестовать противъ своихъ преслѣдователей, оказали услугу многимъ другимъ дѣвушкамъ и женщинамъ, находящимся въ ихъ положеніи, и въ этомъ отношеніи мѣстной печати, огласившей ихъ примѣръ, несомнѣнно принадлежитъ значительная заслуга передъ крымскимъ населеніемъ.

Факты, раскрываемые печатью относительно безобразій, производимыхъ надъ дѣтьми, несомнѣнно также окажутся очень поучительными. Недавно «Недѣля» напечатала корреспонденцію изъ Кіевской губерніи, въ которой подробно разсказывалось о шайкѣ профессіональныхъ нищихъ, которые звѣрски калѣчили маленькихъ дѣтей, чтобы ихъ руками выманивать милостыню у жалостливыхъ прохожихъ. Одна дѣвочка съ вывернутыми членами и выжженными глазами, находясь вмѣстѣ со своими хозяевами, на базарѣ, узнала по голосу свою тетку. Вскрылась поражающая исторія:

Искалѣченная дѣвочка сообщила о себѣ слѣдующее. Шла она изъ гостей, — домой отъ своей тетки съ двоюроднымъ братцемъ, провожавшимъ ее. На дорогѣ ихъ нагнали ѣхавшіе трое нищихъ и стали ихъ ловить. Мальчикъ убѣжалъ въ близь находящійся лѣсъ, а дѣвочку поймали. Связали, завязали глаза и повезли куда-то. Привезли на мѣсто, снесли ее въ погребъ и начали совѣтоваться между собою: отрубить-ли ей руки, или ноги, или-же — лишить глазъ. Рѣшились на послѣднее, «чтобы она своихъ людей не узнавала». Затѣмъ, смазавши ей все лицо и глаза смолою, и положивши еще на глаза ей фитиль соломы, пропитанный смолой, все это подожгли. Затѣмъ — повырѣзали ей на рукахъ и ногахъ икры и повыворачивали на рукахъ пальцы... Когда дѣвочкѣ передъ этой операціей, развязали глаза, то она увидѣла здѣсь-же, въ погребѣ, двухъ мертвыхъ мальчиковъ. Мертвыхъ дѣтей порѣшили нищіе, вслухъ при ней, отдать откармливаемымъ кабанамъ на съѣденіе... Въ погребѣ дѣвочку держали двѣ недѣли, пока не загноились раны.

Разслѣдованія обнаружили, что въ Кіевской губерніи не только существуетъ въ видѣ отдѣльныхъ исключеній, но даже распространена — «фабрикація искалѣченныхъ маленькихъ нищихъ». Такое-же явленіе раскрыто въ настоящее время въ Аккерманѣ. Въ концѣ іюня помощникъ пристава Киперъ задержалъ цѣлую компанію нищихъ изъ 9 человѣкъ, среди которыхъ оказалось трое калѣкъ — одна дѣвочка и три парня съ искривленными ногами и руками.

Въ Курскѣ тоже совершается эксплуатація дѣтей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Два предпріимчивыхъ субъекта, Штанцель и Кафраникъ, содержатъ труппы маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, увеселяющихъ публику игрою на грошовыхъ скрипкахъ и арфахъ. Днемъ эти дѣти ходятъ по дворамъ, вечеромъ ихъ ведутъ въ мѣстный трактиръ «Эрми-

тажъ» и ресторанъ «Континенталь», гдѣ они до поздней ночи играютъ въ общихъ залахъ и отдѣльныхъ кабинетахъ, аккомпанируютъ пьянымъ циничнымъ пѣснямъ, присутствуютъ при самыхъ грязныхъ трактирныхъ сценахъ. Они должны выработать отъ 50—70 коп. въ день, иначе ихъ будутъ морить голодомъ и бить. Штанцель содержитъ 6 такихъ дѣтей, Кафраникъ цѣлыхъ 14. «Эксплуатація дѣтей въ Курскѣ какъ-бы возведена въ систему», говоритъ курскій корреспондентъ «Астраханскаго Листка». На-дняхъ мы имѣли случай видѣть дѣтей 4, 5, 6 лѣтъ, канканирующихъ на подмосткахъ нашего лѣтняго «Континенталя», и публика даже интеллигентная, среди которой были и доктора, пришла положительно въ экстазъ отъ такого зрѣлища». Мы полагаемъ, что, прочитавъ описаніе такого зрѣлища съ надлежащею оцѣнкою въ газетахъ, публика будетъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сдержаннѣе въ проявленіяхъ своего «экстаза», а быть можетъ, найдутся люди, которые не пожелаютъ мириться съ поведеніемъ курскихъ антрепренеровъ и возьмутъ несчастныхъ дѣтей подъ свое покровительство. «Пріазовскій Край» сообщилъ недавно, что въ Ростовѣ-на-Дону организуется общество для защиты несчастныхъ дѣтей. Такія общества были-бы умѣстны во всѣхъ русскихъ городахъ и мѣстечкахъ. **Л. Горевъ.**

P. S. Мы получили изъ провинціи нижеслѣдующую замѣтку, съ предложеніемъ воспользоваться ею для нашихъ провинціальныхъ очерковъ. Полагаемъ, что лучше всего привести ее цѣликомъ, безъ всякихъ передѣлокъ и комертаріевъ.

17-го іюня въ Твери долженъ былъ открыться съѣздъ настоятелей соборовъ и благочинныхъ тверской епархіи. Какъ видно изъ распоряженія мѣстнаго епархіальнаго начальства, опубликованнаго въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», предметами общаго обсужденія представителей духовенства послужили, между прочимъ, слѣдующіе вопросы:

«1) Открытіе общества трезвости, какъ средство уменьшенія въ русскомъ народѣ пьянства; 2) закрытіе базаровъ и ярмарокъ въ праздничные и воскресные дни и перенесеніе оныхъ на будни; 3) организація постоянныхъ народныхъ чтеній и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій; 4) возстановленіе катехизическихъ поученій и проповѣдничества въ уѣздныхъ городахъ; 5) учрежденіе благочиннических библіотекъ (въ каждомъ округѣ); 6) открытіе (по селамъ) такъ называемыхъ подвижныхъ библіотекъ (для народа); 7) заведеніе при всѣхъ церквахъ лѣтописей (и выработка плана веденія церковныхъ лѣтописей); 8) мѣры къ сохраненію памятниковъ старины, по преимуществу, церковной; 9) *охраненіе сельскихъ школъ отъ вторженія въ нихъ въ качествѣ учителей лицъ съ антирелигіознымъ и антиправительтвеннымъ направленіемъ, зазорнаго поведенія* и такихъ, коимъ высшимъ начальствомъ воспрещена была педагогическая дѣятельность; 10) *упорядоченіе взаимныхъ отношеній между членами причта и изысканіе мѣръ къ возможному ослабленію сутяжни-*

чества и ложныхъ доносовъ, 11) представленіе свѣдѣній о сектантахъ, а также о числящихся православными, но не исполняющихъ долга христіанскаго относительно исповѣди, причастія Св. Таинъ и вообще враждебно относящихся къ православной церкви, 12) открытіе по уѣзднымъ городамъ воскресныхъ школъ для взрослыхъ, а въ сельскихъ приходахъ вечернихъ занятій (по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ) со взрослыми (для обученія ихъ грамотѣ и закону Божію); 13) улучшеніе санитарнаго положенія крестьянскаго населенія (особенно во время эпидемическихъ болѣзней) и изысканіе мѣръ къ охраненію народнаго здравія.

Изъ этой программы обращаетъ на себя наибольшее вниманіе п. 10. Въ нашей литературѣ накопился уже не малый запасъ очерковъ изъ жизни духовенства, въ которыхъ подчеркнуто то самое явленіе, которое явилось предметомъ обсужденія Тверского съѣзда, и нельзя не привѣтствовать желаніе иниціаторовъ его обсудить мѣры къ искорененію этого недуга нашего духовенства. Оно должно быть проповѣдникомъ взаимной любви и собственнымъ примѣромъ давать образцы этой любви; но какъ могутъ сдѣлать это люди, вѣчно живущіе въ сферѣ взаимнаго ненавистничества; какое вліяніе ихъ проповѣдь можетъ имѣть на паству, ежедневно видящую въ ихъ средѣ только вражду между собою?

Повторяемъ, нельзя не привѣтствовать иниціативы къ искорененію этого порока. Но для достиженія этой цѣли надо не только обсуждать этотъ вопросъ, но и дѣйствительно принимать мѣры, устранять все, что можетъ культивировать указанную наклонность. Достиженію этой цѣли препятствуетъ, между тѣмъ, пунктъ 9 той-же программы. Какъ можетъ сословіе, сами представители котораго признаютъ за нимъ склонность къ ложнымъ доносамъ и сутяжничеству охранять что-либо отъ злонамѣренныхъ лицъ? Не будутъ-ли они видѣть злонамѣренность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, не будутъ-ли пользоваться доносами, чтобы допечь неугодившаго имъ, а не дѣлу, человѣка, и не будутъ-ли такимъ образомъ развивать еще болѣе свою основную порочную склонность? Всякій, кто жилъ въ провинціи, особенно въ деревнѣ, знаетъ, что доносъ, дѣйствительно, есть преимущественное оружіе мѣстной борьбы. Не могутъ-же иниціаторы съѣзда думать: «на другихъ-то вы доносите, только своихъ не трогайте», ибо для доносчика нѣтъ своихъ и чужихъ, а есть угодные и неугодные ему люди.

Такое сопоставленіе рядомъ другъ друга уничтожающихъ пунктовъ даетъ право думать, что и сами иниціаторы съѣзда не вполнѣ освободились отъ того порока, съ которымъ они собираются бороться. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь здѣсь не можетъ идти о церковно-приходскихъ школахъ, потому что преподавателями въ нихъ состоятъ или тѣ-же духовныя лица, или ихъ ближайшіе родственники, или же лица, назначаемыя на должность духовенствомъ, которое всегда можетъ и устранить неподходящихъ лицъ; рѣчь можетъ идти только о школахъ другихъ, т. е. земскихъ, правительственныхъ, городскихъ и пр. Для этихъ школъ есть

правительственная инспекція, на обязанности которой, между прочимъ, лежитъ наблюденіе за нравственною и политическою благонадежностью преподавателей; вмѣшательство же духовенства въ область, законамъ отмежеванную другимъ, можетъ быть объяснено лишь склонностью къ тому, противъ чего боролся пунктъ 10.

Пунктъ второй программы, очевидно, имѣетъ въ виду доставленіе населенію большей возможности посѣщенія въ воскресные дни храма Божьяго и отвлеченіе его отъ кабака и трактира. Но едва ли эта цѣль можетъ быть достигнута предлагаемою мѣрою. Базаръ и ярмарка не суть только установившіеся обычаи, но весьма важное явленіе въ области экономической жизни; при посредствѣ базара народъ реализуетъ свой урожай и занимается всѣмъ необходимымъ для своего домашняго и хозяйственнаго обихода. Крестьянинъ нашъ не носитъ уже одежды своего приготовленія, не дѣлаетъ самъ принадлежностей своего хозяйственнаго инвентаря, онъ не можетъ достать въ своей деревнѣ нужной ему скотины и многихъ вещей, нужныхъ для его пропитанія и жизни; деревни въ центральной напр. Россіи очень малы и разбросаны. При этихъ условіяхъ центры тяготѣнія для него очень важны—за 10—15 верстъ отъ деревни онъ и въ храмъ Божій сходитъ, и пріобрѣтетъ все нужное, и продастъ, и врачу снесетъ свой недугъ, а при случаѣ и съ пріятелемъ въ трактирѣ посидитъ. Соединеніе въ одномъ мѣстѣ возможностей удовлетворенія различныхъ потребностей весьма важно и расчлененіе ихъ крайне неудобно. Если бы духовенство достигло своей цѣли, то оно установило бы на недѣлѣ два праздника,—а ужъ, кажется, на обиліе праздниковъ, мѣшающихъ работать, не мѣшало бы и безъ того обратить вниманіе,—но, вѣрнѣе, что цѣль будетъ недостигнута и для крестьянъ возможность посѣщенія храма скорѣе уменьшится. Вѣрнѣе было бы позаботиться о доставленіи народу на томъ же базарѣ и послѣ обѣдни, конечно, разумнаго развлеченія—народнаго театра, чтеній съ туманными картинами литературнаго и общеобразовательнаго характера.

Обращаетъ на себя вниманіе рѣшительность тона пункта 13-го. По существу мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ свободы сужденій, хотя бы духовные нашли нужнымъ толковать о предѣлахъ автономіи Крита, или условіяхъ греко-турецкаго мира, при условіи, конечно, что эта свобода сужденія будетъ признаваться не только за духовенствомъ, но и за съѣздами учителей или врачей. Мы обращаемъ вниманіе только на рѣшительность выраженій и не думаемъ, чтобы сужденія духовенства о такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ условія санитарнаго положенія, и изысканіе духовенствомъ мѣръ къ охраненію народнаго здравія были особенно удачны.

М. У.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ іюнѣ н. г. русскій поэтъ К. Д. Бальмонтъ прочелъ въ Taulor Institution, въ Оксфордѣ, четыре лекціи на французскомъ языкѣ «О современной русской поэзіи». Лекціи эти, какъ сообщаетъ мѣстная пресса, привлекли многочисленную аудиторію, весьма сочувственно отнесшуюся къ молодому русскому писателю и къ предмету его лекцій. Г. Бальмонтъ сопоставляетъ въ нихъ поэтическій строй Пушкина и Лермонтова съ поэзіей Тютчева и Фета, вліяніе которыхъ, по его мнѣнію, съ особенною силой отразилось на русскихъ поэтахъ позднѣйшаго времени. Сопоставленію этому г. Бальмонтъ предпослалъ слѣдующія общія характеристики Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова:

«Чистый романтикъ, Жуковскій представляетъ изъ себя типъ мягкой пассивной натуры, воспринимающей съ необыкновенной легкостью всѣ вліянія, родственныя съ его душой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и артистически возсоздающей все воспринимаемое. Переводчикъ нѣмецкихъ романтиковъ, Бюргера, Уланда и Шиллера, онъ въ то-же время тѣсно соприкоснулся съ романтизмомъ англійскимъ и впервые познакомилъ Россію съ произведеніями Саути, Вальтеръ-Скотта, Томаса Мура и Байрона. Но это не просто переводчикъ,—онъ не имѣлъ-бы тогда права на названіе великаго поэта,—это воспроизводитель, онъ возсоздаетъ творчески то, что переводитъ, онъ дѣлаетъ свою работу такъ искусно, что она пріобрѣтаетъ собственную печать. Его поэзія напоминаетъ лунный свѣтъ, заемный, но своеобразный, мертвый, но красивый,—лунную атмосферу, исполненную привидѣній, блѣдности и неясныхъ умирающихъ звуковъ. Главное содержаніе этой поэзіи—невозможность любви, порванной враждебными вліяніями, резигнація, стремленіе отъ земли къ небу,—темы, которымъ суждено было повториться въ наши дни въ совершенно иной разработкѣ.

«Если Жуковскаго можно сравнить съ мертвымъ, хотя и неумирающимъ, свѣтиломъ ночи и эфирной неосуществленной любви, поэзія Пушкина, болѣе, чѣмъ кого-либо другого, исполнена жизни и смѣлости, блеска

яркаго дня и творческой весны. Пушкинъ былъ по-истинѣ солнцемъ русской поэзіи, распространившимъ свои лучи на громадное разстояніе и вызвавшимъ къ жизни безконечное количество большихъ и малыхъ спутниковъ. Онъ сосредоточилъ въ себѣ свѣжесть молодой расы, наивную непосредственность и словоохотливость геніальнаго здороваго ребенка, для котораго все ново, который на все отзывается, въ которомъ каждое соприкосновеніе съ видимымъ міромъ будитъ цѣлый строй мыслей, чувствъ и звуковъ. Инструментъ, на которомъ онъ играетъ, многострунный, и каждая струна отличается одинаковой звонкостью. Подобно тому, какъ его излюбленный герой, Петръ Великій, создалъ Россію, самъ онъ создаетъ русскую литературу, впервые создаетъ самобытную лирику, эпосъ, эпиграмму, драму, сатиру, романтическое повѣствованіе, натуралистическій романъ, пишетъ превосходныя страницы художественной критики, возсоздаетъ въ неподражаемыхъ стихахъ русскія народныя пѣсни и народныя сказки. Это гетевская натура, прошедшая сквозь горнило байроновскаго буйства страстей, натура уравновѣшенная, цѣльная, напоминающая героя «Бури», властителя духовъ, Просперо. Также какъ Жуковскій, Пушкинъ тѣсно соприкасается съ англійской поэзіей. Поэмы «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Евгеній Онѣгинъ», несмотря на ихъ глубоко-самобытный, чисто-русскій характеръ, говорятъ объ увлеченіи Пушкина авторомъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана», также какъ драмы «Борисъ Годуновъ» и «Скупой рыцарь» свидѣтельствуютъ о томъ, что ихъ создатель небезрезультатно изучалъ произведенія Шекспира, передъ которымъ онъ такъ преклонялся въ зрѣлые годы своей жизни.

«Лермонтовъ, бывшій по происхожденію шотландцемъ, еще болѣе близокъ къ англійскимъ поэтическимъ геніямъ. Все его творчество носитъ колоритъ байронизма, и не столько потому, что онъ подчинялся вліянію пѣвца «Каина» и «Манфреда»,—хотя вліяніе было очень велико,—сколько потому, что самъ онъ, гордый, угрюмый и навсегда-оскорбленный, былъ созданъ изъ такого-же матеріала, какъ Байронъ; онъ былъ не столько его ученикъ, сколько его младшій братъ, получившій отъ природы такіе-же дары и пытки, такую-же душу, полную рѣзкой дисгармоніи. Въ его поэзіи мы видимъ пламя ночного пожара, не долгое, неровное, но исключительно-яркое, мы видимъ болѣзненное умираніе погребальнаго факела, подавленный трепетъ могучей личности, не нашедшей себѣ мѣста въ окружающей обстановкѣ».

Проводя далѣе параллель между основателями русскаго поэтическаго творчества, Пушкинымъ и Лермонтовымъ, и новѣйшими излюбленными поэтами, Тютчевымъ и Фетомъ, г. Бальмонтъ говоритъ:

«Фантастическіе герои русскаго Пантеона, Пушкинъ и Лермонтовъ, оба претерпѣли гоненія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества, были въ ссылкѣ, жили среди кавказскихъ горцевъ, среди грандіозныхъ картинъ природы, провели бурную жизнь, испол-

венную страстей и борьбы, и, наконецъ, не доверешивъ своей жизненной задачи, были оба убиты на дуэли—Пушкинъ, не доживъ до сорока лѣтъ, Лермонтовъ, не доживъ до тридцати. Въ художественныхъ темахъ, которыми они задавались, мы видимъ ту-же печать исключительности и трагизма. Что воспѣваетъ Пушкинъ? Грандіозныя явленія природы, море, горы и степи,—цыганъ, блуждающихъ по землѣ изъ конца въ конецъ, братьевъ-разбойниковъ, озаренныхъ пламенемъ костровъ, витязя Руслана, сражающагося съ гигантскимъ чудовищемъ, существующимъ въ видѣ огромной головы (образъ, заставляющій вспомнить о скандинавской миѳологіи), Петра Великаго, царственнаго революціонера, «вздернувшаго Россію на дыбы», какъ артачливую лошадь, Бориса Годунова, коронованнаго убійцу; мстительнаго Каменнаго Гостя, увлекающаго Донъ-Жуана въ адъ,—пиръ во время чумы,—Сальери, который изъ зависти отравляетъ Моцарта,—обманутую дѣвушку-утопленницу, превратившуюся въ царицу русалокъ,—цѣлый міръ героизма, фантазіи, исключительныхъ ситуацій, кипучихъ страстей. У Лермонтова, описывающаго, какъ демонъ соблазняетъ монахиню, и создавшаго въ удивительномъ романѣ «Герой нашего времени» типъ демоническаго Печорина, губящаго все, къ чему онъ ни прикоснется, повторяется тотъ-же міръ страстей, крови и отчаянія.

«И между тѣмъ ни въ разнообразной поэзіи Пушкина, ни въ монотонной поэзіи Лермонтова нѣтъ таинственности. Здѣсь все просто, ясно и опредѣленно. Они—представители художественнаго натурализма, который ищетъ содержанія внѣ себя и воспроизводитъ природу такъ, какъ ее видитъ,—конкретно, въ разорванномъ частичномъ состояніи, не возсоздавая сложнаго единства ея, не угадывая міроваго характера всѣхъ ея явленій. Какой контрастъ по сравненію съ Тютчевымъ и Фетомъ, царящими надъ современной литературной молодежью и создавшими въ Россіи ту манеру поэтическаго творчества, которую я назову психологической лирикой. Тютчевъ и Фетъ живутъ, какъ самые скромные, тихіе люди, въ ихъ жизни нѣтъ никакого трагизма, они умираютъ, какъ библейскіе патріархи, «насыщенные днями»,—но въ ихъ поэзіи, лишенной героическаго характера и берущей сюжетами попросту разныя состоянія человѣческой души, все таинственно, все исполнено стихійной значительности, окрашено художественнымъ мистицизмомъ. Это поэзія болѣе интимная, находящая свое содержаніе не во внѣшнемъ мірѣ, а въ бездонномъ колодцѣ человѣческаго «я», созерцающаго природу не какъ нѣчто декоративное, а какъ живую цѣльность».

Усматриваемое г. Бальмонтомъ коренное различіе въ поэтической манерѣ этихъ двухъ школъ выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Пушкинъ и пушкиніанцы относятся къ видимому міру просто и непосредственно, болѣе какъ наблюдатели, нежели какъ мыслители, они видятъ части міра, но не его цѣлое, его зримое содержаніе, но не тайное значеніе. Они по самому существу своему истинные представители

художественнаго натурализма. Даже въ наиболѣе романтическія темы они всегда вносятъ непосредственную простоту, разложеніе на части, опредѣленность, рельефъ скульптурности, ограниченную конкретность лѣтописнаго стиля. Они живутъ фактами, не переработанными философскимъ сознаніемъ, они живутъ конечной реальностью, которая ими властвуетъ. Для нихъ закрыта иная область—великая область отвлеченія, область міровой символизаціи всего сущаго. Созерцая природу, проникаясь любовью, переживая тѣ или иныя душевныя состоянія, они *описываютъ*, и описываютъ въ узкой опредѣленной рамкѣ. Земная жизнь заключена для нихъ въ рѣзко-очерченныя границы. Для Тютчева и Фета, для представителей психологической лирики, земная жизнь есть только рядъ звеньевъ гигантской цѣпи, оба края которой, и справа, и слѣва, и съ начала, и съ конца (если есть начало и конецъ), уходятъ вдаль, и, принимая тѣневой характеръ, незамѣтно теряются въ безконечности пространства и времени. Пушкинъ живетъ во временномъ, Фетъ и Тютчевъ—въ вѣчности; романтикъ-натуралистъ живетъ въ государствѣ, въ обществѣ, представитель психологической лирики—въ міровомъ пространствѣ, среди звѣздъ. Потому такъ и выпуклы изображенія пушкинской поэзіи,—она смотритъ на все съ близкой точки зрѣнія; Фетъ и, Тютчевъ смотрятъ на все издали, и потому ихъ изображенія носятъ тѣневой характеръ.»

Майкова, Полонскаго, графа Алексѣя Толстого, Апухтина, и графа Голенищева-Кутузова г. Бальмонтъ очертилъ слѣдующими штрихами:

«Майковъ, въ юности своей готовившійся къ карьерѣ живописца, но потомъ отдавшійся поэзіи, внесъ въ свое творчество спокойную живописность, мирную созерцательность, античную приверженность къ видимымъ формамъ. Его поэзія напоминаетъ невозмутимый пейзажъ, тихое журчаніе лѣсного ручья, надъ которымъ сплелись безсильныя вѣтви ивы, исполненной изнеможенія и бросающей кружевную тѣнь на зеркальную поверхность; въ неглубокихъ водахъ мелькаютъ маленькія рыбки, оживленныя солнечнымъ лучемъ, и прохожій, замѣтивъ этотъ ручей, непремѣнно захочетъ посидѣть на берегу, и скажетъ: «здѣсь хорошо!», но, уйдя, забудетъ о немъ, если только онъ не исключительный любитель природы или не знаетъ этотъ ручей съ дѣтства.

«Полонскій, другъ Майкова, представляетъ изъ себя болѣе оригинальную личность. Не обладая развитымъ вкусомъ Майкова, воспитавшагося на классикахъ, онъ постоянно портитъ свои лучшія стихотворенія какой-нибудь рѣзкой, грубой чертой, онъ ухитрился даже написать нѣсколько томовъ стихотвореній, которыя должны быть трогательны или глубоки, а въ дѣйствительности вызываютъ у образованныхъ читателей смѣхъ, но въ то-же время онъ создалъ нѣсколько произведеній настолько самобытныхъ, что они являются украшеніемъ русской поэзіи. Наиболѣе выдѣляется его поэма «Кузнечикъ-музыкантъ», въ которой онъ сумѣлъ создать типы изъ насѣкомыхъ, но не такъ, какъ это дѣлаютъ басно-

писцы, а такъ, какъ мы это видимъ въ поэмѣ Шелли гдѣ. каждый цвѣтокъ живетъ особой, лишь ему свойственной, жизнью.

«Совменникъ великаго романиста, графъ Алексѣй Толстой, извѣстенъ въ Россіи, какъ авторъ историческаго романа «Князь Серебряный», снискавшаго многочисленныхъ читателей среди народа, и какъ авторъ красивыхъ балладъ, гдѣ воспѣваются герои русской народной фантазіи: Алеша-Поповичъ, соблазняющій женскія сердца магической силой музыки, гусляръ Садко, попавшій во время караблекрушенія къ морскому царю и рвущійся изъ подводнаго царства на землю, любимецъ народныхъ былинъ Илья-Муромецъ, бросающій роскошь придворной жизни, чтобы вновь извѣдать сладость дикой воли и просторъ «государыни-пустыни». Въ другихъ стихотвореніяхъ Толстой безпритязательно изображаетъ природу Малороссіи, съ ея вишневыми садами и хуторами, съ ея свободными степями и свидѣтелями сѣдой старины, молчаливыми курганами.

«Апухтинъ—поэтъ отверженной любви. Какъ герой элегіи Джона Китса, онъ повстрѣчалъ La Belle Dame Sans Merçi, и она положила свой роковой отпечатокъ на его творчество. Мотивъ отвергнутаго чувства проходитъ красной нитью черезъ всю его поэзію. Многія стихотворенія производятъ истинно-художественное впечатлѣніе по силѣ и искренности глубокаго отчаянія.

«Голенищевъ-Кутузовъ—поэтъ смерти, въ которой онъ видитъ не мрачное несчастіе, а единственную гармонію, единственный свѣтлый исходъ для мятущейся человѣческой души. Герой лучшей его поэмы «Разсвѣтъ» увлекаетъ чужую невѣсту почти наканунѣ свадьбы, и женихъ смертельно ранитъ его на дуэли. Когда онъ, умирая къ исходу ночи, лежитъ въ своей комнатѣ, смерть говоритъ съ нимъ такимъ чарующимъ языкомъ, что все дорогое, все обычное безвозвратно отходитъ отъ него; ему кажется, что онъ медленно погружается въ безстрастныя объятія неба, о красотѣ котораго онъ никогда раньше не имѣлъ представленія. И даже въ ту минуту, когда любимая дѣвушка, изъ-за которой онъ погибъ, подходитъ къ его изголовью, онъ читаетъ въ ея глазахъ тревогу жизни до такой степени ему чуждую, что онъ отвертывается, онъ проситъ ее уйти, чтобы въ послѣднія минуты жизни побыть наединѣ со смертью.»

Баратынскій, Полежаевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Мей, Щербина. М. Михайловъ, Павлова, Надсонъ—отмѣчены нѣсколькими словами:

«Баратынскій, поэтъ рефлексіи и сѣверной природы, ближе всѣхъ изъ поэтовъ пушкинской эпохи къ современнымъ нервнымъ и печальнымъ поэтамъ. Полежаевъ, поэтъ тѣхъ временъ, когда въ русской литературѣ было сильно вліяніе Байрона, писалъ въ томъ-же родѣ какъ Лермонтовъ, съ которымъ онъ имѣлъ много общаго. Кольцовъ, русскій Бернсъ, писавшій въ первыхъ десятилѣтіяхъ девятнадцатаго вѣка, вышелъ изъ

среды народа и сумѣлъ создать совершенно оригинальную лирику, въ которой глубоко чувствуется власть земли. Позднѣе, въ серединѣ 19-го вѣка, выступаетъ другой поэтъ изъ народа, Никитинъ, не такой яркій какъ Кольцовъ, но обладающій большей силой нѣжности. Къ шестидесятымъ годамъ, когда все русское общество было взволновано совершавшимися реформами, относится самый кипучій разгаръ въ дѣятельности энергическаго писателя, котораго можно сравнить съ Краббе и съ Лонгфелло; это—Некрасовъ, явившійся пѣвцомъ простого народа, авторъ тенденціозныхъ, но сильныхъ стихотвореній, пользовавшійся втеченіи нѣсколькихъ дѣсятилѣтій шумнымъ успѣхомъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать автора изящныхъ красочныхъ стихотвореній—Мея, прекраснаго переводчика Бернса—Михаила Михайлова, Щербину—поэта съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, Павлову—поэтессу, создавшую нѣсколько стихотвореній, отличающихся неженской силой. Изъ болѣе позднихъ назову Надсона, подражавшаго Лермонтову и Некрасову, и снискавшаго симпатіи въ той значительной части русскаго общества, которая въ поэзіи ищетъ не поэзіи, а тенденціозныхъ мотивовъ».

Почти вся вторая и третья лекціи посвящены г. Бальмонтомъ разбору особенностей творчества Тютчева и Фета; послѣдняя лекція его представляетъ попытку охарактеризовать новѣйшую русскую поэзію въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей,—попытку, страдающую односторонностью и преувеличеніями, но не лишенную своеобразности.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе іюля мѣсяца.

Барановъ А. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Изд. 2-е. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.

Быховской В. В. Обвиненіе и защита. При законѣ 18 марта 1896 г. М. 1897. Ц. 60 к.

Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести союза русскихъ писателей. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Гегаръ А. Половое влеченіе. Перев. съ нѣмецкаго д-ра Лейненберга. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Движеніе на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ поглавнитѣ градовѣ прѣзъ мѣсецъ Мартъ 1897. София. 1897.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ поглавнитѣ градовѣ прѣзъ мѣсецъ Априлий 1897 г. Софія. 1897.

Докладъ московской губернской земской управы губернской оцѣночной коммисіи.

Доклады, отчетъ о дѣятельности земской управы, денежный отчетъ за 1895—1896 г. Смѣта и раскладка на 1897 г. и постановленія земскаго собранія созыва 1896 г.

Дюфренъ Ж. Руководство къ изученію шахматной игры. Пер. М. Чигорина. Вып. IV. Спб. 1897 г.

Жбанковъ Д. Н. Нѣкоторыя данныя о народномъ образованіи и санитарномъ состояніи начальныхъ школъ въ Смоленской губ. въ 1895—96 учебн. году. Смоленскъ. 1897 г.

Журналъ засѣданій аккерманской уѣздной оцѣночной коммисіи 17 и 19 ноября 1896 г.

— **5 февраля** 1897 г.

Замѣтки по техническому образованію въ Россіи (оттискъ изъ № 6 «Техническ. Сборника» за 1897 г.).

Икономовъ В. О. Древній Египетъ. Изд. А. Мурииовой. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Корнаковъ В. Азбука графической грамотности. 410 чертежей. Спб. 1897. Ц. 85 к.

Костюринъ В. Морской путь и дешевый хлѣбъ. Тобольскъ. 1897.

Лампа А. Силы природы и естественные законы. Перев. Э. Лесгафта. Ч. 1-я. Изд. О. Поповой. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Левченко Ю. Велосипедистка. Гигіеническій очеркъ. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Лейкинъ Н. А. Дачные страдальцы. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Летурно Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II. Изд. О. Поповой съ 61 рис. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Le concours de la participation aux bénéfices au musée social prix de 25,000 fr. offert par M. le comte de Chambrun. Paris. 1897 г.

Лоранъ Э. Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности. Пер. В. В. Баршевскаго. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Малькольмъ Макъ-Ролль. Султанъ и державы. Пер. съ англійскаго. Спб. 1897.

Масальскій В., кн. Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. Спб. 1897.

Медицинскій отчетъ по костромскимъ заведеніямъ общественнаго призрѣнія за 1895 г. Кострома. 1896.

Объ ассигнованіи суммы на расходы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ.

Озерковъ Д. Общедоступная пиротехнія. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Отчетъ общества для устройства дешевыхъ народныхъ столовыхъ и чайныхъ въ г. Ригѣ за 1896 г. Рига. 1897.

Отчетъ костромской губернской земской управы за 1895 г. Кострома 1896 г.

Отчетъ по сельскохозяйственной учебной фермѣ костромскаго губернскаго земства за 1896 г. Кострома. 1897.

Отчетъ харьковской общественной библіотеки за десятый годъ ея существованія (съ 1 октября 1895 г. по 1 октября 1896 г.). Харьковъ. 1897.

Pérez В. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. М. 1897. Ц. 60 к. Изд. «Русской Мысли».

Позада А. Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства. Перев. Л. Зака. Одесса. 1897. Ц. 50 к.

Полиновскій М. Б Письма дѣвушекъ. Одесса. 1897. Ц. 30 к.

Постановленія костромскаго очередного губернскаго земскаго собранія. Сессіи 1896 г. Кострома. 1897 г.

— Приложенія къ постановленіямъ губ. земск. собранія сессіи 1896 г. Кострома. 1897 г.

Постановленія XXXII очередного роменскаго уѣзднаго земскаго собранія 1896 г. Ромны 1896.

«Призывъ», литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. М. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Путеводитель по Волгѣ. Изд. И. И. Иванова. Годъ третій. Ц. 60 к.

Рибо Ш. Психологія чувствъ, въ 2-хъ ч.

Ч. вторая. Пер. съ франц. Кіевъ. 1897 г. Изд. Ф. Іогансона.

Ривальеръ Г. Очерки современнаго французскаго общества. Пер. М. А. Б. Одесса. 1897. Ц. 25 к.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изд. 3-е. Харьковъ. 1897. Ц. 25 к.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1896 г. Новгородъ. 1897.

Сборникъ свѣдѣній по сельскому хозяйству на 1897 г. Новгородъ. 1897.

Святловскій В. В. Родные курорты. Одесса. 1897 г. Ц. 1 р.

Смѣтное назначеніе по содержанію заведеній общественнаго призрѣнія на 1897 г. Кострома. 1896.

Справочная книжка и адресъ-календарь Архангельской губ. на 1897 годъ. Архангельскъ. 1896.

Твалчрелидзе А. Ставропольская губернія въ статистическомъ, географичтскомъ, историческомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Ставрополь. 1897. Ц. 2 р 50 к.

Tschechow A. Russische Liebelei. Novellen. Uebersetzt von L. Flachs-Fokschaneanu. München. 1897. Preis 3 m.

Уставъ общества борьбы съ заразными болѣзнями. Спб. 1897. Съ приложеніемъ.

Фадѣевъ А. М. Воспоминанія 1790—1867 гг. Одесса. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Фильрозе Гр. Заиканіе, лепетаніе, шепелявость и ихъ леченіе педагогическо-дидактическими пріемами, а также пользованіе имѣвшихъ операцію нёба. Рига. 1897. Ц. 30 к.

Чикаленко Е. Розмова про сельске хозяйство. Чорный паръ, плодозминъ и сіяна трава. Одесса. 1897. Ц 6 к.

Энгельманъ С. А. Въ штормъ. Одесса. 1897. Ц. 1 р.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Съ приложеніемъ каталога для публичныхъ народныхъ чтеній. Харьковъ. 1897. Ц. 50 к.

Сборникъ Пермскаго земства 1897 г. № 2.

Сборникъ Херсонскаго земства. 1897. № 5. Май.

Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ Смоленской губ. за 1896 г. Январь—декабрь.

— За 1897 г. Январь—апрѣль.

Сеньобосъ, Ш. Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій 1814—1896 г. Ч. I-ая. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Сказки русскихъ писателей. Сборникъ редакціи газеты «Кіевское Слово». 4-е изданіе. Кіевъ. 1897. Ц. 35 к.

Скибинскій, М. А. Новая всеобщая справочная книжка и адресъ календарь 2 тома. Изд. 1 е. М. 1897. Ц. 4 р.

Смирнова, С. И. Повѣсти и разсказы. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Тейлоръ. И. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Изслѣдованіе. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Тенишевъ, В. Математическое образованіе и его значеніе. Общедоступное изложеніе. Спб. 1886. Ц. 1 р.

— Дѣятельность животныхъ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.

Тенишева, В. Дѣятельность человѣка. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Токвиль, А. О демократіи въ Америкѣ. Пер. В. Н. Линдъ. М. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

XXXII очередное нижегородское губернское земское собраніе 5—18 декабря 1896 г. Н.-Новг. 1897.

Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1895—96 г. Спб. 1897 г.

Осиповъ К. О. Пособіе для устройства промышленныхъ артелей съ проектомъ изъ образцоваго устава и съ приложеніемъ утвержденныхъ уставовъ 22 артелей. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Отчетъ нижегородской городской общественной библіотеки за 1896 г. (36-й годъ). Н.-Н. 1897 г.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1896 г. Одесса. 1897.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ за 1896 г. (9-й).

Петровъ И. В. Матеріалы для исторіи харьковской городской думы и городскаго хозяйства. Харьковъ за 25 лѣтъ. Съ 1871 по 1896. Т. I. Харьковъ 1896.

Поповъ И. Естественный нравственный законъ (психологитескія основы нравственности. Сергіевъ Посадъ. Ц. 3 р.

Пружанскій П. Отверженный (изъ записокъ сумасшедшаго). С.-пб 1897. Ц. 1 р.

Труды бывшаго въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. съѣзда представителей обществъ вспоможенія частному служебному труду приказчиковъ и сидѣльцевъ, взаимопомощи и другихъ, однородныхъ по идеѣ и цѣли. Н -Новг. 1897.

Труды XXI съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, бывшаго въ г. Харьковѣ. Ч. I-я. Харьковъ. 1897.

Уордъ. Г. Давидъ Гривъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу въ жизни. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Филипповъ, А. Борьба съ заразными болѣзнями въ школѣ. М. 1897.

Фудель, I. Народное образованіе и школа. М. 1897. Ц. 40 к.

Хэдсонъ. У. Натуралистъ на Ла-Платѣ. 2 ч. Съ 26 рис. Спб. 1897. Изд. Н. П. Сойкина. Ц. 1 р.

Чаннингъ, Э. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1765—1865). Пер. А. Каменскаго. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Чемберсъ, Д. Повѣсть о звѣздахъ. Пер.

А. Николаева (Образовательная библіотека № 3). Спб. 1897. Цѣна серіи 3 рубля безъ пересылки.

Шерръ. І. Всеобщая исторія. Вып. XX и XXI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга.

Энгельгардтъ. П. А. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Свѣчниковъ. Рѣшеніе философскаго вопроса о достовѣрности существованія въ насъ души и тѣла. Самостоятельное философское изслѣдованіе. Сарапулъ. 1897 in 12° 79 стр. 5 р.

Семеновъ С. Т. Дичокъ, разсказъ. Изд. И. Жиркова. М. 1897. Ц. 3 к.

Сенкевичъ Г. На свѣтломъ берегу. Пер. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сибирскій сборникъ. Годъ XII. Вып. I и II-й. Иркутскъ 1897 г. (приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію»).

Сухановъ П. Тобольскій сапожникъ (опытъ частнаго изслѣдованія и положенія сапожниковъ въ Тобольскѣ). Тобольскъ. 1896 г.

Тарабукинъ А. Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Тезяковъ Н И. I—V губернскіе съѣзды земскихъ врачей Воронежской губерніи (сводъ постановленій). Воронежъ 1897.

Тютчевъ Ѳ Ѳ Герои долга. Разсказъ изъ быта на границѣ. Ц. 5 к. М. 1896. Изд. Жиркова.

Фругъ С. Т. Стихотворенія. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Шабанова А. Н. О поданіи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Спб. 1897. Ц. 75 к.

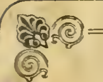
Шершеневичъ Г Ф. Очерки по исторіи кодификаціи права. I. Франція. Казань. 1897.

Шиппель М. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Пер. подъ ред. П. Струве. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Штальбергъ В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Пер. съ нѣм. Леонтьевой. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Эрлицкій А. Ф. Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Этаръ. Новѣйшія химическія теоріи. Перевелъ съ франц. Б. Билитъ. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Продолжается подписка на 1897 годъ на

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ.

Условія подписки:

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ съ перес. .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	1 »
Въ Москвѣ безъ доставки . .	11 » 50 к.	6 »	3 »	1 »
Для заграничныхъ	14 »	7 »	4 »	

Отдѣльныя книжки журнала за текущій годъ въ Спб., въ Главн. Конторѣ—**90 к.** Въ книжн. магаз. Фену и К°, «Новаго Времени», Цинзерлинга, Риккера и др.—по **1 р.**

Разсрочка годовой цѣны и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается въ Гл. Конторѣ **безъ повышенія годовой цѣны на журналъ.**

Для пользованія разсрочкою необходимо сдѣлать объ этомъ заявленіе въ *Гл. Контору* одновременно съ первымъ взносомъ. Подписавшіеся на одну четверть года или одно полугодіе, желая продолжать подписку и получать журналъ безъ перерыва, должны дѣлать послѣдующіе взносы каждый разъ не позже, какъ за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Цѣна годового экземпляра за прошлые годы за 1886, 87, 88, 89 по 10 р.; за 1890, 91, 92, 93 гг. по 7 руб.; за 1894 г. 9 руб. Пересылка по разстоянію. Цѣна отдѣльной книжки за какой-либо изъ прошлыхъ годовъ: 1 р.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; при перемѣнѣ адреса на адресъ той-же категоріи 30 к.; изъ городскихъ или иногороднихъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для заграничныхъ подписчиковъ. О перемѣнѣ адреса просятъ сообщать редакціи своевременно, не позже 15-го числа каждаго мѣсяца, обозначая при этомъ номеръ стараго адреса.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала просятъ присылать немедленно (не позже полученія слѣдующаго № журнала), исключительно въ Гл. Контору, съ обозначеніемъ № адреса и не иначе, какъ съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена той конторой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, **въ Главной Конторѣ журнала,** и въ Москвѣ въ **Московск. Отдѣленіи Конторы:** въ конт. **Н. Печковской,** Петровскія линіи; кромѣ того, въ Спб. въ книжн. магаз. **Фену и К°,** Невскій, 40, а также въ кн. маг. **Карбасникова** въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ. въ кн. маг. **«Новаго Времени»,** въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Сара... **Оглоблина** въ Кіевѣ; **Башмакова** въ Казани. и въ др. кн. магаз.

...ая Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздни... ...я объясненія и всякія денежныя выдачи по субботамъ отъ 1—3 час.

...вная Контора: Спб., Б. Московская, 11.

Москвѣ: Петровскія *лин.*, *конт.* Н. Печковской.

...-ИЗДАТЕЛЬНИЦА **Л. Я. Гуревичъ.**